

ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ: КОЛЛЕКЦИЯ

Эпсилон Эридана

Те, кто старше нас

БАРОН

АЛЕКСЕЙ

АЛЕКСЕЙ БАРОН

Эпсилон Эридана. Те, кто старше нас

ЗВЕЗДНЫЙ
ЛАБИРИНТ
КОЛЛЕКЦИЯ

АЛЕКСЕЙ

БАРОН

Эпсилон Эридана

Те, кто старше нас

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002

УДК 821.161 1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Б 24

Серия основана в 2001 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Подписано в печать 03.04.02. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 35,28. Тираж 9 000 экз. Заказ № 298.

Барон А.В.

Б24 Эпсилон Эридана. Те, кто старше нас: Фантаст. романы / А.В. Барон. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 653, [3] с. — (Звездный лабиринт: коллекция).

ISBN 5-17-014055-X

...Однажды что-то случилось — и земная колония Кампанелла системы Эпсилон Эридана замолчала. Связь оборвалась. Корабли, ушедшие к планете, перестали возвращаться.

Землянам осталось лишь одно — начать операцию спасения...

...Долгие годы, долгие века ждали и искали люди встречи с пришельцами. И наконец на их отчаянный зов пришел ответ. Первый контакт с «братьями по разуму» должен состояться очень скоро. Но — КАКИМ он будет?..

Читайте романы А. Барона — романы, продолжающие лучшие традиции классической отечественной фантастики. Фантастики, на которой выросли МЫ ВСЕ...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© А.В. Барон, 2000, 2001
© ООО «Издательство АСТ», 2002

Эпсилон Эридана

1. ТРАНСПОРТНЫЙ ЗВЕЗДОЛЕТ «АРКАД»

СПРАВОЧНЫЕ ДАННЫЕ:

Построен в 2678 г. на верфях компании МУН ИНЖИНИРИНГ при участии ЮНАЙТЕД РОБОТС. Был первым звездолетом, достигшим системы 70 ЗМЕЕНОСЦА. Затем использовался для пассажирских перевозок к Летящей Звезде БАРНАРДА. После модернизации переведен на линию СОЛНЦЕ — Э. ЭРИДАНА в качестве грузового судна. В настоящее время является прямоточным фотонным звездолетом со стартовой массой 117 803 тонны. Разрешенная скорость 223 000 км/с, ускорение — 6,8 g. Полная автономность — 27 полетных лет при экипаже 8 человек. Малая степень космической защиты (лазеры). Остальное вооружение демонтировано.

Сверху сорвалась капля и звучно шлепнулась на голову. Лоб сначала онемел, потом онемение сменилось ощущением тепла. Расслабленные мышцы повиновались неохотно. Да и двигаться особо не хотелось. Желания вообще отсутствовали. Дышалось и то с неудовольствием.

Вкрадчивая музыка тревожила. Запахи трав навевали смутные воспоминания. Сочащийся сквозь веки свет вызывал раздражение, мешая вновь погрузиться в блаженное небытие. Чтобы узнать, насколько оно притягательно, нужно побывать в анабиозе. Или в состоянии клинической смерти — это запоминается больше. После него требуется заново привыкать к необходимости жить.

Волна сухого воздуха пробежала вдоль лица и тонким слоем облекла тело. Жидкость стекла. На коже приятно подсыхали капли. Слабые электрические разряды возвращали тонус мышечным волокнам. Ветер шевелил волосы. Чья-то воля настойчиво требовала пробуждения. И вот сознание прояснилось. Появились первые случайные мысли. Нарезвившись вволю, они начали выстраиваться, пришли в относительный порядок.

— Хватит, — недовольно проворчал Арамаис.

Пластиковая раковина раскрылась, обнажив подсушенного мужчину среднего роста и малой упитанности. Консервация еще никому не прибавила ни веса, ни прочих статей. Фрагмент искусственной летаргии сродни временной смерти, по выходе из которой человек всегда сомневается в том, тот ли он, кем был раньше. И первое желание, которое он испытывает, — поскорее узнать, сколько жизни пропустил. Есть хочется позже.

Оставляя влажные следы, Арамаис подошел к таймеру. Циферблат-календарь указывал на поздний вечер 3 октября 2767 года. Красная черта планового пробуждения располагалась целыми двумя неделями позднее. Видимо, что-то случилось. Если вас внезапно вытаскивают из анабиоза — жди неприятностей. Для приятностей внезапно не вытаскивают. Особенно если вы — кэптен. За всю историю Космофлота ни одного капитана не будили раньше времени просто для того, чтобы назвать хорошим парнем. Капитан — должность устранителя неприятностей. И с этим ничего не поделаешь, к этому надо быть готовым. Готовым всегда.

Арамаис наспех оделся, глотнул бульона, схватил зубами сандвич и нажал клавишу. Стена ушла в пол. На пороге Арамаис чуть помедлил, сосредоточиваясь. Один шаг означал начало исполнения служебных обязанностей, поскольку на малых звездолетах жилище капитана традиционно располагается рядом с рубкой управления.

Там находились сразу четыре человека — оба дежурных плюс следующая смена, что являлось фактом настораживающим. Все четверо при звуке дверного колокольчика отвлеклись от своих занятий.

— Привет, водяной, — сказал Жень Ши, старший помощник.

Арамаис раскашлялся.

— Как себя чувствуешь?

— Нормально.

Жень оценивающе прищурился.

— Да, диета идет тебе на пользу.

Арамаис сделал нетерпеливый жест.

— Что с кораблем?

— Полный порядок. Даже странно для столь зрелого сооружения.

— Экипаж?

— В норме.

— Груз?

— Да куда он денется.

— Не понимаю. Тогда с чем же беда?

— С планетой.

— С какой планетой?

— С Кампанеллой.

— Опять не понял.

— Система молчит.

— Какая система?

— Та самая. Эпсилон называется.

— Эпсилон Эридана?

— Он самый, Эпсилон.

— По всему диапазону частот?

— Полностью.

Арамаис почувствовал себя так, словно у него по лицу поползли брови, усы, борода и даже нос немножко.

— Что за шутки!

— Такими вещами не шутят, капитан.

— Ну, извини.

Арамаис прошелся по рубке: девять шагов. Ровно столько, сколько и было.

— Так, — сказал он. — Что в последнем сообщении?

— Ничего особенного. Только вот звери из заповедников исчезли.

— Все сразу?

— Да.

— М-гм, звери. Странно, конечно. Но не повод для отказа от связи с Землей.

Старпом флегматично кивнул.

— Вот и мы так подумали.

— Приводные маяки Эпсилона работают?

— Только внешние.

— Авария на станции дальней связи?

— У них есть резервная.

— Верно.

— Это еще не все, Арамаис. Сегодня мы должны были получить сообщение о старте встречного лайнера. По графику «Фламинго» должен возвращаться на Землю...

— Тоже молчит?

Жень кивнул.

— Совсем интересно. Непрохождение волн?

— Сигналы приводных маяков поступают.

— Ах да. Кажется, я еще не совсем проснулся. Еще один глупый вопрос. Наши приемники исправны на всех волнах?

Жень и Арлетт Витберг, второй астронавигатор смены, улыбнулись одновременно.

— За нами идут «Сибелиус», «Альбасете», «Звездный Вихрь», «Гамамелис» и еще полдюжины кораблей. Сообщения с них, так же, как и с Земли, поступают по графику.

— Арамаис, на Кампанелле что-то случилось, — сказала Арлетт. — Надо ускорить полет. Для этого тебя и разбудили.

— Мы и без того идем со скоростью двести двадцать две тысячи, — заметил Жень.

— До технического предела осталась еще одна тысяча, — возразила Арлетт.

— Выиграем двое-трое суток, а сожжем массу горючего.

— Не каждый день прерывается связь с обитаемой планетой. Трое суток для кого-то могут быть критическими.

Арамаис понял, что эта пара спорит уже давно.

— Чтобы выйти на технический предел, требуется согласие всего экипажа, — напомнил Жень.

— За чем же дело? Давай разбудим оставшихся.

— Минутку, — сказал Арамаис. — Если Жень не согласен, других можно не будить. Для такого решения требуется консенсус.

— Это правило не действует, если имеется непосредственная угроза судну, — вдруг вмешался штурман Чан Гван Чхол.

— Ага, еще и угроза, — с удовлетворением сказал Жень.

— Угроза «Аркаду»? Какая такая угроза? — недоверчиво спросила Арлетт.

— А вот, полюбуйтесь.

— Чем?

— Вот этим. Здесь, на экране, я поместил эталонный спектр излучений звезды Эпсилон Эридана. То, что мы должны видеть с расстояния 0,39 светового года. Того самого расстояния, на котором мы сейчас находимся. А здесь, справа, то, что мы видим на самом деле. Видите разницу?

— Ослабление синей части спектра! — воскликнула стажер Майрин Майорин. — Это значит...

Жень присвистнул.

— Да, это значит, что между нами и звездой находится скопление диффузной материи.

— Дрейфующее облако?

— Да. Газовое или, что еще хуже, — газово-пылевое.

В рубке установилась тишина. От многоопытного Арамаиса до юной Майрин все прекрасно понимали, что случится, если на скорости в три четверти световой «Аркад» врежется в облако. Никакие защитные поля не помогут.

— Что ж ты молчал? — укоризненно сказала Арлетт.

Чан развел руки.

— Сам только что обнаружил.

— Но откуда взялось облако? «Фламинго» пролетел свободно!

— Это было почти год назад, — мягко сказал Чан. — Наверное, облако подкралось сбоку.

— Наши локаторы ничего не видят! — не сдавалась Арлетт.

— Зато видят спектрометры. При нынешней скорости мы войдем в плотные слои облака всего через несколько часов после первого сигнала локатора. Радары плохо видят мелкие частицы. Кроме того, отраженный сигнал должен успеть вернуться.

— Да, — с досадой признала Арлетт. — Ускоряться сейчас нельзя.

— Какое там ускорение! Успеть бы затормозиться...

– А ведь верно, — сказал Арамаис. — Дискуссия окончена. Жень, немедленно приступай к торможению полями. Разогревай главный реактор. И вот еще что. Дай реверс вспомогательными моторами. Осторожного метеор не берет.

На лице старшего помощника отразилось сомнение.

— Вспомогательные двигатели сожгут уйму горючего, а замедление дадут мизерное.

— Э! Сейчас не лучший момент для экономии. Это во-первых. Во-вторых, даже мизерное замедление даст выигрыш во времени. А время требуется для того, чтобы пустить в ход термоядерный реактор, без него нам туго придется. В-третьих же, лишняя масса на борту нам сейчас совершенно ни к чему, понимаешь?

— Сдаюсь, — сказал Жень. — Приступаю к исполнению. Всем пристегнуться. Быстро!

Взвыли сирены. Софус трижды объявил внеплановое торможение. «Аркад» перестал вращаться вокруг своей оси. На пару секунд возникла невесомость, которая тут же сменилась ощущением нарастающей тяжести. Поверхность звездолета, обращенная к Эпсилону Эридана, покрылась рдеющими пятнами — дюзы вспомогательных двигателей заработали на погашение скорости. Выждав, пока автоматика выровняет тормозное ускорение, Арамаис поднялся из кресла.

— Пойду приведу себя в порядок. Жень, так и держи пока минус один «же».

— Пока? До каких пор?

— Пока не накопится информация о характеристиках облака. После этого, если я еще не вернусь, действуй по обстоятельствам.

— А борода тебе идет, — рассмеялась Майрин. — Выглядишь взаправдашним капитаном пиратского брига!

Арамаис улыбнулся. Он был первым мужем Майрин Майорин, или Ма-Ма, как все ее звали.

— Ну, — строго сказала Арлетт, когда створки дверей съехались за капитаном «Аркада», — и что ты намерена здесь делать?

— Как — что? — удивилась Ма-Ма. — Я же на дежурстве. Буду системы проверять.

Жень сурово сдвинул брови.

— Малыш, ты не слишком-то доверяешь товарищам! Считаешь, что астронавигатор первого класса Чан Гван Чхол не сможет тебя заменить? Так недолго и обидеть, знаешь ли.

Майрин растерянно оглянулась. Мрачноватый Чан демонстративно погрузился в изучение спектрограмм. Он занялся расчетами возможной плотности облака.

— Я... я скоро вернусь на рабочее место, — пролепетала Ма-Ма.

Но через полчаса, свежая и благоухающая, она ворвалась вовсе не в рубку.

— Ох, Арам, я сейчас такое с тобой сотворю! А где борода?

— Ма-Ма, знаешь, там облако...

— Да-да. Очень опасно, — согласилась Майрин, прижимаясь к нему всем трепещущим телом. — Меня это возбуждает.

— А, — сказал Арамаис, — черт с ним, с облаком. В конце концов Жень уже не маленький.

— Ты — тоже. Ой!

— Что такое?

— Там же колготки...

— Кажется, я дисквалифицировался в ящике.

— Сейчас проверим. Ого! Никакой атрофии, знаешь ли.

Желтая звезда Эпсилон в созвездии Эридана принадлежит к спектральному классу К2. Массой и светимостью она очень похожа на Солнце. Еще в конце двадцатого столетия астрономы высказывали предположения о наличии у нее планетной системы. Позже предположение превратилось в уверенность. Но долгое время расстояние в одиннадцать световых лет не позволяло исследовать эти далекие планеты. Лишь на исходе двадцать третьего века к Эпсилону ушел первый беспилотный зонд. Проведя более сорока одного года в пути, автомат достиг границ системы. Еще одиннадцать лет летели к Земле долгожданные сигналы. Но ожидание было вознаграждено, усилия полностью себя оправдали.

Информация, переданная с борта станции, позволила заключить, что вокруг Эпсилона вращаются два крупных небесных тела, размерами превышающие Юпитер, и около десятка

планет меньшей массы. Периферия системы оказалась заполненной огромным количеством пыли, газа, кометных ядер. В этой зоне разведчик и погиб, не успев выполнить свою задачу до конца.

Несмотря на это, Всемирный Совет решил направить к Эпсилону Эридана пилотируемые корабли. Усовершенствованные фотонные двигатели позволили им достичь цели всего за два десятка лет. Учтя сведения, полученные разведывательной станцией, звездолеты благополучно обогнули опасную область и после несложного маневра вошли в плоскость эклиптики.

Очень скоро бортовые телескопы обнаружили атмосферную планету земного типа, вторую от звезды. С более близкого расстояния стали различаться контуры огромного материка, напоминающего Пангею земного прошлого. Он был окружен океаном самой настоящей, как потом выяснилось, воды.

В честь средневекового мечтателя планету назвали Кампанеллой. Она казалась младшей сестрой Земли, родившейся миллиардом лет позднее. Корабли экспедиции разделились. «Фернандо Магеллан» одну за другой посетил одиннадцать остальных планет системы, а «Санта Эсперанса» целиком сосредоточилась на Кампанелле.

Самые тщательные исследования не помогли выявить следы жизни ни на пустынно-гористой суше, ни в морях. При этом, как ни странно, океан изобиловал органическим веществом — аминокислотами, сахарами, простейшими белками. Не хватило какой-то искры, малозаметного условия, и всевозможные сочетания молекул так и не сложились в первую клетку-прародительницу живой материи. Океан Кампанеллы остался теплым, питательным, но совершенно необитаемым бульоном. Жизнь здесь либо не смогла, либо не успела зародиться.

Планету сотрясала бурная вулканическая деятельность, ее атмосфера была насыщена углекислым газом при практическом отсутствии кислорода. Среднегодовая температура на уровне моря превышала пятьдесят девять градусов по Цельсию в тени, соответствуя самым суровым земным пустыням. Над песчаной и каменистой сушей бушевали смерчи, выпадали горячие дожди, а по морям прокатывались сокрушительные волны. Тем не менее Кампанелла явилась бесценным подар-

ком для человечества, которому границы Солнечной системы давно стали тесными. Климат планеты было возможно улучшить, причем в очень короткие сроки. Подобные работы уже проводились на Венере, причем в гораздо более жестких условиях, и это позволило поселить на Утренней Звезде десятки миллионов человек. Поэтому сразу после возвращения звездолетов первой экспедиции на курс к Эпсилону легли три лучших лайнера Космофлота. На их борту летели тысячи первопоселенцев.

Безжизненный грунт нового мира принял их в середине 2401 года. Но наличие огромных водных масс, занимавших более половины поверхности Кампанеллы, значительно упрощало преобразования. Сразу после развертывания временных поселений в воздух поднялись легкие самолеты, засеявшие мертвый океан мириадами спор древних сине-зеленых водорослей Земли. Быстро размножившись в теплых водах, эти микроскопические организмы принялись жадно поглощать из атмосферы двуокись углерода, выделяя взамен живительный кислород. Толстое углекислотное одеяло, миллиарды лет задерживавшее тепловое излучение планеты, постепенно таяло. Кампанелла начала остывать.

Через треть местного века, то есть через двадцать семь геолет, — срока по космическим меркам поразительно малого — на ее полюсах появились шапки льда. Уровень морей понизился, а в высоких широтах люди получили возможность покидать свои дома без надоевших термокостюмов. К началу следующего столетия отпала необходимость в кислородных масках. Трасса Солнце — Эпсилон Эридана тем временем превратилась в оживленный астробан. Все более совершенные двигатели позволили сократить время полета в конечном счете до двенадцати с половиной земных геолет — срока вполне приемлемого для долгоживущих землян.

Ежегодно звездолеты доставляли на Кампанеллу все новых и новых людей. Строились энергетические станции, рудники, автоматические заводы, десятки тысяч уютных домов. На искусственной почве зазеленели травы, потянулись ввысь первые леса. В середине двадцать восьмого столетия население планеты перевалило за тринадцать миллионов человек, и она стала самым обитаемым миром за пределами Солнечной сис-

темы. Решением Всемирного Совета Кампанелле был присвоен статус самостоятельного государства.

Конечно, такое масштабное дело, как освоение новой планеты, не обходилось без проблем и трудностей. Арамаис, единственный человек из экипажа «Аркада», побывавший на Кампанелле, помнил времена, когда над ней, перерождающейся, прокатывались страшные бури. Тогда за пределами бронированных поселков люди могли передвигаться только в низких и плоских танках, имеющих минимальную парусность, но все же частенько опрокидывающихся. Такой вездеход делался игрушкой урагана, кувыркался много километров, пока не падал в овраг или не натыкался на крутой склон. Лишь после этого спасатели могли извлечь незадачливый экипаж.

Размножение земных микроорганизмов в водах и почве планеты иногда приводило к нежелательным мутациям. Иногда появлялись опасные для человека формы, вызывавшие вспышки заболеваний. По этой причине Кампанелла трижды закрывалась на карантин. За освоение нового мира земляне платили болью, страданиями, жизнями. Но человек удивительно упорен в покорении пространств. Под рев бурь, которыми планета мстила за свое пленение, на свет появлялись молодые поколения кампанеллян, мужественно продолжавших преобразования отцов.

Арамаис вспоминал этих закаленных, стойких, сильных мужчин и женщин, энтузиастов-первопроходцев, для которых, казалось, не существовало невозможного, и даже приблизительно не мог представить себе причины, которая могла помешать им поддерживать связь с материнской Землей. Он просмотрел полугодовую пачку информограмм, но не обнаружил ничего, что могло бы породить хоть тень догадки. Единственной странностью по-прежнему оставалось исчезновение животных из природных заповедников и зоопарков. Но какое отношение это могло иметь к межзвездной связи? Не бросились же тигры, носороги и лошади Пржевальского разрушать станции! Информация, которой располагал экипаж «Аркада», пока не позволяла делать выводы. Оставалось ждать. До Эпсилона всего несколько месяцев пути, тогда все и выяснится.

* * *

«Аркад» трудолюбиво огибал область скопления пыли, газа, глыб льда и углистых хондритов, этого невостребованного материала мироздания. Строительный мусор подобного рода окружает каждую планетную систему. К счастью, законы того же мироздания располагают его по периферии систем, преимущественно в плоскости эклиптики. Избежать опасности довольно просто — необходимо направить корабль под безопасным углом сближения. И в девятистах девяноста девяти случаях из тысячи этого достаточно. Но космос есть космос, случаются и неожиданности. В виде дрейфующих облаков, например.

Одно из них преградило путь «Аркаду». И хотя звездолет все сильнее забирал в сторону, стараясь обойти его край, облако попалось большущее. Жень Ши поднял мощность бортовых эжекторов электронов до максимума. Вылетая из них, ионизирующие лучи тянулись на десятки тысяч километров, разбивая встречные атомы. Образующиеся ионы натыкались на электромагнитное поле корабля. Получалась упругая среда, тормозящая межзвездный грузовик. Уже несколько часов «Аркад» гасил свою скорость таким способом. Но инерция околосветового полета огромна, быстро погасить ее невозможно. Поэтому грозное облако приближалось.

Все больше частиц высокой энергии пробивало и защитное поле, и все слои обшивки. В кабине, отмечая их пролет, щелкал радиометр. За время вахты к его звукам привыкают, перестают замечать. Но только в том случае, если частота щелчков не меняется.

— Напряженность внешнего магнитного поля возросла на полтора процента, — объявил софус.

Жень Ши, чутко дремавший в своем кресле, открыл глаза.

— Что, начинается?

— Не знаю, — сказал Арамаис. — Полтора процента всего. Возможно случайное колебание.

Старпом покачал головой.

— Нет. Мы пересекли магнитную границу облака. Пора тормозиться еще жестче, капитан. Скоро начнется пыль.

Арамаис вздохнул и перевел регулятор на два деления, до максимума. Вся свободная энергия реактора полилась в тормозное поле.

Борясь с возросшей тяжестью, в рубку друг за другом пробрались Чан, Арлетт, Ма-Ма и бортинженер Норрис Грегг. Без лишних вопросов они заняли штатные места.

— Я проанализировал сообщения «Фламинго», — сообщил Чан. — Небольшие изменения магнитного поля отмечались и при его пролете.

— Мне следовало обратить внимание, — удрученно сказал Жень. — Это случилось во время моей вахты.

Арамаис взглянул на диаграмму.

— Ноль и три десятых процента. Ерунда. Вряд ли из-за этого стоило менять курс. Не расстраивайся.

Жень покачал головой:

— Спасибо за поддержку, но...

— Не выслать ли дестроер? — спросил Арамаис, направляя разговор в другое русло.

— Это делается на неизученных трассах, — удивилась Ма-Ма.

Действительно, спутник-уничтожитель, или дестроер, обычно «вел» корабли в случае первого полета к звезде. На борту «Аркада» он вообще оказался случайно, в качестве груза, предназначенного для оснащения «Звездного Вихря», корабля новой исследовательской экспедиции к далекой звезде Ахернар, или Альфе Эридана. Груз был чужой, но Арамаис принял решение его использовать, даже если им придется пожертвовать. Жизни людей дороже любой техники.

— У нас по курсу облако, малыш, — сказал он.

— А если оно не такое уж серьезное? Жалко терять дорогую машину. Затормозиться она не сможет. Больше двухсот тысяч километров в секунду, как-никак.

— Да, если дестроер не погибнет в облаке, его придется взрывать. Мы не имеем права засорять пространство телами, движущимися с субсветовой скоростью.

— По-моему, Майрин права, — сказал Норрис. — Надо убедиться, что облако плотное.

Арамаис не без сомнений согласился. В этот момент стена рубки разъехалась, пропуская двух женщин. Судя по улыбкам, они только что говорили о чем-то озорном.

— Что, сюрпризы начались? — весело поинтересовалась Тамар Миклош.

Прозвенел гонг.

— Плотность пространства возросла на два процента, — объявил софус.

— Должно же случиться нечто, о чем с важностью рассказывают на лекциях, — рассеянно сказал Жень.

— Будто недостаточно того, что нас ждет на Кампанелле, — проворчал Чан. — На целый курс хватит.

Тамар огорчилась.

— А я думала, мы позавтракаем в праздничной обстановке. Линда приготовила замечательный торт. У нее сегодня биологический день рождения.

— Поздравляем, Линдочка, но... сама видишь.

Счетчик радиации смолк, потом вновь защелкал и вдруг разразился трескучей серией.

— Плотность пространства — три атома водорода на кубический сантиметр, — доложил софус.

— Локаторы по-прежнему ничего не видят, — заметил Арамаис. — Значит, центр облака еще далеко. А уже три атома в кубике.

— Да, — сказал Норрис. — Все же придется готовить дестроер. Кто мне поможет?

— Я, — отозвалась Ма-Ма.

Они вышли. Чан напряженно наклонился к пульту.

— Жень, выключи на пару секунд эжекторы.

— Что такое?

— Снимаю спектрограмму, электронные пучки мешают. Вторичное излучение ионизированных атомов.

— Что-нибудь интересное?

— Весьма. Пульсация в узком спектральном диапазоне. Монохроматический луч.

— Вот это да! Лазер?!

— Вне всякого сомнения.

— Три точки, три тире. В дублях.

— Это же...

— Да, мы принимаем старый и недобрый SOS. Из системы Эпсилона.

— С Кампанеллы?

— Определить положение источника в системе пока нельзя. Далековато.

— Что еще?

— Ничего. Передача прервалась. По-видимому, они размахивали лучом. Зацепили нас случайно, после чего лазер отклонился.

— Чан, передавай сообщение: видим, идем на помощь. Наши координаты, скорость... Эх, все еще около двухсот тысяч километров в секунду...

— Целых сто девяносто восемь, — уточнила Арлетт. — Да, капитан. Увы, надо тормозиться еще. Плотность пространства — уже четыре.

— Норрис, как там у вас? — спросил Арамаис.

— Можно запускать. Жень, ты готов?

— Да. Поберегитесь.

Жень переключил экран на внешний обзор днища грузового трюма. Там прорезалось отверстие.

— Есть открытие диафрагмального люка, — доложил софус.

— Выпускай.

В клубах замерзшего воздуха показался дискообразный корпус. По его краю бесшумно раскрылись порты излучателей. Удалившись на несколько километров, дестроер развернулся плашмя, прикрывая звездолет.

«Аркад» облегчился без малого на девятьсот тонн. На его борту заработали насосы перекачки топлива, воды и газов, восстанавливая гравитационную центровку. Арамаис временно выключил авангардное поле, пожертвовал несколькими тоннами горючего для торможения вспомогательными двигателями. В результате «Аркад» отстал от дестроера. Сигналы радиационной опасности в кабине звездолета погасли, щелчки счетчика сделались редкими — спутник прочистил канал.

— Жень, держи его перед собой постоянно, — сказал Арамаис. — Не отпускай далеко.

— Ясно. Как думаешь, долго протянет наш «зонтик»?

— Какой сегодня день?

— Среда.

— Значит, как минимум до завтра.

* * *

Но четверг миновал, а «зонтик» все еще держался. Двое суток продолжалось относительное спокойствие в показаниях приборов, но не в состоянии нервов. Регулярные исследования Чана особых поводов для оптимизма не давали — плотность газов и пыли перед «Аркадом» неуклонно росла. На третий день курсовой экран озарился сильной вспышкой: дестроер взорвал крупное метеорное тело.

— Плотность пространства — шесть с половиной атомов в кубическом сантиметре, — доложил софус.

Тамар и Норрис, дежурившие в рубке, переглянулись. Двойная защита полями спутника и звездолета уже не справлялась с набегавшим потоком. Радиометр вновь ожил.

— Вызвать Арамаиса? — нерешительно спросила Тамар.

— На борту дестроера растет температура, — доложил софус.

— Вызывай, — решил Норрис.

На экране внутренней связи появилось лицо капитана с пробивающейся щетиной. Тамар прыснула.

— Что, Ма-Ма заставила?

Арамаис смущенно потрогал подбородок.

— Разговорчики на посту. Что у вас? Докладывайте.

— Боюсь, что спутник погибнет раньше, чем успеет выработать свой ресурс, — сказал Норрис. — Быть может, лучше заставить его тормозиться энергичнее?

Арамаис секунду подумал.

— Другого выхода не вижу.

Повинуясь радиокоманде, дестроер повысил мощность тормозных двигателей. Установленные на нем объективы передавали изображение рвущегося из сопел пламени. В камеры сгорания «Аркада» тоже потекли тонны горючего.

— Замечательно, — одобрил Арамаис. — Теперь подтяни дестроер ближе, чтобы завихрения пыли не успевали попасть в пробитый канал.

— Он скоро взорвется, — тихо сказал Норрис.

— Конечно. А ты выбери такое расстояние, на котором нас осколками не зацепит. Пусть Дик посчитает. А если что проскочит — стреляйте лазерами.

— Понятно. Надо же, как нас угораздило!

— Ничего, бывает хуже.

— Где это — хуже?

— А на Кампанелле.

— Ты думаешь, там все...

— Надеюсь, нет. Кто-то же передавал SOS. Кстати, новых сигналов не поступало?

— Нет.

— М-да. Ну, держи меня в курсе, если что. Салют!

Арамаис отключился. Норрис привычно считал показания приборов. Тамар что-то сосредоточенно подсчитывала. Инженер разлохматил ее волосы. Женщина недовольно отмахнулась.

— Эй, на вахте я — бесполая.

— Как это удается?

— А ты представь себя мыслящим существом.

— О! Только не это. Проси чего хочешь.

— Прошу посмотреть вот сюда.

Норрис наклонился к ее плечу.

— Сюда?

— Нет, на экран. Норрис, не валяй дурака.

Грегг со вздохом убрал руки.

— Ну и что же эдакого мы видим на экране?

— Объемную карту ближних окрестностей Солнца. Вот здесь находится «черная дыра» по имени Кронос. Здесь — то же самое по имени Геминга. Еще один коллапсар... Видишь, все три, имеющихся в этой области?

— Вижу.

— Замечательно. Проводим между ними спираль, вот так. Через какую звездную систему идет наш пунктир далее?

— Эпсилон Эридана.

— Умница.

— Редкостная. Но что из этого?

— Пока ничего. Смотри дальше.

Тамар увеличила изображение. После этого весь экран заняла схема системы Эпсилона.

— Положение планет приблизительно на момент прекращения связи, — лаконично пояснила она.

Пунктир точно упирался в Кампанеллу.

— Район так называемого Вулканного Кольца в Северном полушарии.

— Любопытно, — пробормотал Норрис. — Дальше.

— А дальше наш пунктир пронзает облако комет, окутывающее звезду. Оно называется облаком Оорта, если помнишь астрономию. Кометный резервуар системы.

— Эге! Пронзает — и выбрасывает по пути «Аркадушки» изрядный ком мусора, так?

— Даже не ком, а ленту. Посмотри, как это по идее должно выглядеть.

Тамар ввела в компьютер необходимые данные.

— Черт побери, — глухо сказал Норрис. — Целый хоровод комет. И если не ошибаюсь, мы врезались в самый хвост...

— Не ошибаешься. У тебя есть сигаретка?

— На вахте нельзя, — механически сказал Норрис.

— А к женщине на вахте приставать можно?

— Послушай, что же это за сила действовала вдоль твоего пунктира?

— Не знаю. У тебя есть сигарета?

— Держи. Заслужила.

Грегг нажал кнопку вызова.

— Чан? Ты где? Иди сюда. Надо проверить кое-какие расчеты.

— Норрис, я сплю.

— Уже не спишь. Давай-давай, старичок.

Через полчаса у пульта Тамар толпился весь экипаж.

— Похоже на правду, — мрачно сказал Чан. — Сейчас проверим.

Гибкие пальцы штурмана пробежали по клавиатуре. На экране высветилась диаграмма плотности и состава частиц на пройденном «Аркадом» отрезке.

— Типично кометное распределение, — ахнула Арлетт. — Арамаис, поздравляю! Мы догоняем вереницу комет.

— Спасибо. Действительно угораздило. А что с нашим дестроером?

— В его отсеках критическая температура, — сказал Норрис. — Защитное поле послабее, да и идет первым... Греется, одним словом.

— Глуши реактор.

— Противометеорные излучатели спутника останутся без энергии!

— Знаю. Но некоторое время он будет защищать нас своим корпусом.

— Понял.

В отсеке управления «Аркадом» нехотя, словно проснувшись, опять защелкал радиометр.

— Что, братцы, позагораем?

— Скоро облезем, — проворчал Чан. — Не пора ли вводить радиозащитные препараты?

— Пора мой друг, пора, — отозвался софус.

— Не смешно.

— Напрасно. Смех защищает от радиации.

Арамаис почувствовал холодную струйку под левой лопаткой.

— Экипажу введена профилактическая доза радиопротекторов, — доложил софус.

— Вот так-то лучше, — сказал Чан. — Надежнее сомнительного юмора.

Арамаис вдруг вспомнил, что, если придется покидать судно, софус, этот добрый дух, погибнет вместе со звездолетом. За долгие часы вахт к нему привыкают, как к живому существу. С ним беседуют, с его помощью сочиняют музыку, стихи, создают видеофильмы, он незаменим в качестве партнера по играм. Основываясь на таблице случайных чисел, софус умеет выдавать отнюдь не тривиальные ответы на самые разные вопросы, начиная с идиотских и кончая философскими. Он неустанно следит за здоровьем каждого члена экипажа, составляет меню, контролирует рост растений в оранжерее, представляет неисчерпаемый источник сведений по всем областям человеческого знания, причем его необъятная память автоматически подпитывается каждым новым сообщением, получаемым любым способом связи. Бортовой софус «Аркада» принадлежал к последнему поколению нейрокомпьютеров, обладающих даже своеобразным и не всегда безобидным чувством юмора. Эти машины уступают человеку только в подвижности образного мышления да в сложности взаимодействия эмоций и инстинк-

тов, что определяет индивидуальность. Это, впрочем, не означает, что софусы лишены несколько затушеванной индивидуальности. Они сами выбирают себе имя, в общение с разными людьми вносят особенности. Например, Дик, софус «Аркада», с Арамаисом держался на равных, был дружелюбен по отношению к Жень Ши, ласков и предупредителен с Ма-Ма, а с Чаном — почему-то насмешлив. Линде он приятным баритоном часто говорил комплименты. Арамаис както спросил, считает ли себя Дик человеком.

— О нет. Я — ваше будущее, — ответила машина.

— Почему ты так думаешь?

— Я создан людьми. А люди способны творить только будущее, поскольку над прошлым не властны.

Призадумался тут царь природы и окрестностей.

— Арамаис, проснись.

— Да, слушаю.

— Посмотри вверх.

Арамаис тревожно поднял голову. Там, на потолочном экране, проецировалось изображение аннигиляционного топлива внешней подвески. Три мерцающих сгустка антиматерии, чуждой окружающему миру. Они по-прежнему удерживались магнитными ловушками, но все больше частиц встречного потока прорывалось сквозь авангардное поле, пронизывало лобовую броню, живые тела людей. Вступая во взаимодействие с антипротонами, они вызывали точечный распад топлива. По выражению астролетчиков, горючее потекло.

— Ну, знаете ли, — сказал Арамаис. — Форменное безобразие.

Софус давно уже изменил конфигурацию магнитных полей таким образом, что сгустки из шарообразных превратились в вытянутые овалоиды. Это уменьшало площадь встречной бомбардировки, но не устраняло ее, опасность лишь отодвигалась. Полностью избежать ее можно было только одним способом — положить звездолет в дрейф. Но на это требовалось время, время и время. Немалое время.

— А где, черт возьми, дестроер?

— Да нету его.

— Как — нету?!

— А взорвался.

— И вспышка была?

— И вспышка была.

— Милое дело.

— Извини, кэп. Суета. То да се... Тебя решили не будить.

— Поберегли, значит.

— Ну...

— Плотность пространства — одиннадцать атомов в кубическом сантиметре.

— Спасибо, Дик, — саркастически сказал Арамаис.

— Что будем делать? — спросил Жень.

— Очень старательно тормозиться. Что еще можно сделать? Да, еще пора расконсервировать спасательные капсулы. Могли бы и сами догадаться, впрочем.

— Толку от капсул при такой скорости, да в такой пыли...

Арамаис неожиданно рассмеялся и наставительно произнес:

— Экипаж должен принимать все меры... для сохранения здоровья. Норрис, иди.

— Иду. Кто мне поможет?

— Я, — сказала любознательная Ма-Ма.

Они вышли.

— Ну-с, экипажу занять места по расписанию форсированного торможения. Реактор разогрет?

— Да.

— Замечательно. Попросите роботов принести завтрак сюда. Неизвестно, когда еще придется поесть по-человечески.

— Правильно, — сказал Чан, извлекая драже с питательным концентратом. Но проглотить не успел. Внезапно зажглись транспаранты включения всех маневренных двигателей, работающих «враздрай». По корпусу звездолета пронеслась судорога вибрации, а тела людей стиснула свирепая сила перегрузки. Пилюля вырвалась из рук Чана. Пролетев через всю рубку, она размазалась по экранной стене.

Так же внезапно, как и начались, перегрузки прекратились. Вой сирены оборвался.

— Что... это было?

— Сейчас посмотрим. Дайте видеозапись.

Вначале на экране красовалась только клякса от Чановой таблетки. Потом что-то мелькнуло. При замедленном просмотре все увидели смазанное чудовищной скоростью изображение пыльной глыбы, к которой тянулись бессильные пунктиры лазерных пушек.

— Ледяной карлик! — с ужасом сказала Арлетт, прочитав показания катарометров.

— Приблизительная масса — четверть триллиона тонн, — добавил Чан. — Такой вот карлик. Тамар полностью права. Это было ядро кометы. Первой.

— Страшно, — сказала Тамар. — Еще секунда — и мы бы превратились в излучение. Даже ничего не почувствовали бы...

— В грузовом трюме сорвался контейнер, — доложил Дик. — Пробоина днища. Плотность пространства... большая.

— Где Норрис и Ма-Ма? — обеспокоенно спросил Арамаис.

— Я — Грегг, — ответил селектор. — Получил небольшой нокдаун.

Майрин молчала. Ее браслетный радиомаячок подавал сигналы откуда-то от входа в третий грузовой трюм. Арамаис поспешно нащупал нужную кнопку. На экране появился коридор, аварийная дверь герметичности. И скорчившаяся фигурка в желтом комбинезоне.

— Алло, Норрис, ты ближе всех.

— Понял. Бегу!

Инженер скатился по трапику из горловины спасательного бота и склонился над Ма-Ма.

— Сотрясение мозга. Губа прокушена. Переломов вроде нет. Ерунда, Ара. Сейчас кое-что впрысну. Отнести в медицинский блок?

— Нет. Неси в ближайшую спасательную капсулу, пусть лежит там. Да скафандр на нее надень. И быстро возвращайся. Пора переходить на экстренное торможение.

— Все будет в порядке, не беспокойся.

Но до порядка было далековато. Вопреки счастливому названию, «Аркаду» не повезло редкостно. Он догонял кометный рой под очень небольшим углом. Могучая инерция околосветового полета не позволяла круто изменить курс, звездо-

лет был вынужден последовательно пересекать кометные хвосты и полосы относительно чистого пространства между ними. Тогда лампы радиационной опасности временно тускнели, чтобы вновь разгореться через час-другой.

Периодически локаторы нащупывали очередную зловещую глыбу. Софус экономно, на считанные секунды, включал двигатели маневра. Тупой нос корабля, увенчанный воронкой массозаборника, медленно катился в сторону, и он расходился с опасностью то левым, то правым бортом, то верхом, то низом.

Почти все энергетические ресурсы корабля использовались для борьбы с его собственной скоростью. Большинство других потребителей Дик отключил. В темных технических помещениях царил арктический холод, на их остывающих переборках конденсировался и тут же начинал замерзать углекислый газ — минус семьдесят по Цельсию. В бытовом отсеке было чуть теплее, но и там плавательный бассейн промерз до дна, а в небольшой оранжерее погибали растения. Воздух сделался несвежим, поскольку софус экономил даже на вентиляции. Жизнь теплилась, в буквальном смысле этого слова, только в каютах экипажа и скупо освещенной рубке.

По кораблю бродили покрытые инеем роботы. Они меняли выходящие из строя схемы, блоки, кристаллы, датчики. Один выбрался наружу для ремонта потускневшей оптики телескопов, но получил повреждение микрометеором, остался на обшивке, да так там и был забыт. Дик несколько раз находил и устранял неисправности в самом себе, после чего включал победный марш из «Аиды».

Придавленные перегрузками люди молчали. Все необходимое для спасения делалось без их участия, альтернативы решениям софуса просто не существовало, как не существовало и повода для вмешательства в его действия. Единственный раз Арамаис произнес короткое «да» на вопрос Дика о том, можно ли сбросить аннигиляционное топливо, находящееся на грани взрыва. После этого звездолет лишился главного источника энергии, но получил изрядную передышку — струи антивещества прожгли и прочистили канал на большую глубину.

Через несколько суток, при скорости сто тринадцать тысяч километров в секунду, Дик доложил о том, что тормозиться

больше нечем. Баки химического горючего и окислителя практически высохли. Запасов трития для реактора еще хватало, но вот разогревать в нем можно было только остатки питьевой воды.

— Действуй, — сказал Арамаис.

— Все, — через несколько минут доложил Дик. — Вся вода использована для образования реактивной струи. Упираемся одними полями. Этого мало, поскольку скорость набегающего потока падает, а вместе с ней — и эффективность торможения.

— Финита ля комедиа, — сказал Чан.

Лампы радиационной опасности давно не мигали, а горели ровным заупокойным светом. Стрекот радиометра так действовал на нервы, что его пришлось отключить.

— Дик, дай нормальную тяжесть, — хрипло сказал Арамаис. — Баки спасательных капсул заправлены?

— Да.

Арамаис вздохнул, помассировал затекшую шею, наконец мрачно скомандовал:

— Экипажу покинуть судно!

С трудом переставляя непослушные ноги, люди потянулись к распахнутым горловинам спасательных шлюпок. Передвигаться им помогали молчаливые роботы.

По старинному праву Арамаис уходил последним.

— Прости нас, Дик.

— Не за что.

— Тебе... не очень страшно?

— Мне не бывает ни страшно, ни весело. Уходи, Арамаис. Скоро «Аркад» рассыплется.

— Прощай.

— Желаю удачи. Передай привет Чану.

Арамаис опустил голову. В руках он держал золотую дощечку с регистрационным номером и названием «Аркада». Считалось, что, если закладная доска уцелела, звездолет продолжает существовать. Ему просто отстраивали новое тело, после чего отправляли в очередное плавание. Но Арамаису это показалось несправедливым по отношению к старине Дику. Он бросил реликвию на пол, ссутулился. Не оглядываясь, побрел к трапу.

Десятью минутами позже шарообразные спасательные капсулы оторвались от гибнущего корабля. Арамаис составил из них трехступенчатую ракету, намереваясь последовательно избавиться от двух

блоков по мере выгорания топлива. В третьей, последней капсуле, экипажу предстояло встретить свою судьбу.

Еще через минуту включились тормозные двигатели первой ступени. «Аркад» начал удаляться. Его силуэт постепенно уменьшался, но навигационные огни были видны долго. Корабль все еще жил и прочищал собой путь для капсул. Отойдя на безопасное расстояние, софус развернул его бортом. Высосав из трубопроводов остатки горючего, Дик дал последний тормозной импульс. Одновременно распахнулись грузовые люки, из которых посыпались контейнеры. Беспорядочной массой они полетели вперед, тараня кометные осколки. Этим была выиграна еще дюжина драгоценных секунд. Эфир гудел от сигналов бедствия радиостанции опустевшего «Аркада». Ма-Ма плакала.

ДАЛЬНЯЯ КОСМИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ.
ТЗ АРКАД — ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ.
БЛИЖНЯЯ КОСМИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ.
ТЗ АРКАД — ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ.

Аннигиляционное топливо катапультировано. Экипаж покинул судно. Лучевая болезнь. Автономность спасательных капсул 18 геомесяцев. SOS, SOS, SOS. БОРТОВОЙ СОФУС.

БЛИЖНЯЯ КОСМИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ.
ЛАЙНЕР СИБЕЛИУС — ТЗ АРКАД.

Единогласным решением пассажиров и экипажа иду на помощь. Форсирую ускорители. Арам, держитесь! Я вас спасу. МЮЛЛЕР.

ДАЛЬНЯЯ КОСМИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ.
ТК ЗВЕЗДНЫЙ ВИХРЬ — ТЗ АРКАД.

Благодарю кометное предупреждение. Семь футов под килем!

САЯН.

2. ТЯЖЕЛЫЙ КРЕЙСЕР «ЗВЕЗДНЫЙ ВИХРЬ»

СПРАВОЧНЫЕ ДАННЫЕ:

Построен на орбите Луны корпорацией БОИНГ & ТИРАТАМ Inc. в 2767 г. Масса покоя — 2 126 450 тонн. Конструктивный материал — металловодород и металлокерамика. Имеет шесть реверс-фотонных ускорителей. Максимальная скорость 227 000 км/с. Допустимое ускорение 18,9 g. Способен принять на борт до 1 690 человек. Автономность с полным экипажем — 123 полетных года. Высшая степень космической защиты. Имеет все виды вооружения, в том числе — ударного типа. Обеспечен полным набором высадочных и аварийных средств. Признан лучшим кораблем Объединенного Космофлота Солнца 2768 года. Предназначен для первого полета к неисследованной звезде с возможностью основания колонии.

Информация с погибшего «Аркада» позволила следовавшему за ним на расстоянии около полутора световых лет «Звездному Вихрю» благополучно обогнуть кометную область. Крейсер не стал задерживаться у внешних приводных маяков системы и погасил свою скорость поблизости от самой Кампанеллы.

— Конец активного полета, — доложил софус. — Дрейф.

Табло ускорений вспыхнуло нулями. Вокруг кресел бесшумно ушли в пол раковины гравистатов. Люди потягивались, зевали, осторожно становились на ноги, перешучивались — вели себя как пассажиры обычного рейса где-нибудь между Северной Каролиной и Южной Африкой, будто и не было позади одиннадцати световых лет. Усиливая сходство, в проходах уже катились тележки с завтраком, дразняще пах кофе, негромко звучала музыка.

Сопровождающие спутники-дестроеры передавали изображение огромной, непривычно темной маршевой дюзы, пара-

болическое зеркало отражательного поля за кормой погасло. В видимом спектре тело крейсера лишь изредка озарялось вспышками двигателей астроориентации. Чуть впереди можно было заметить зеленоватое свечение авангардного поля. Невооруженным глазом сторонний наблюдатель ничего больше не различил бы: «Вихрь» затаился в густой тени Кампанеллы. Не мерцало даже аннигиляционное топливо внешней подвески, надежно укутанное энергетической оболочкой.

Хотя и невозможно полностью скрыть подход к планете столь массивного корабля, как тяжелый крейсер Космофлота, все меры предосторожности были предприняты. Достаточно ли их, имели ли они смысл вообще, могло показать только будущее.

— Служба локации. Неизвестных объектов в наблюдаемом пространстве нет.

— Служба защиты. Имеем поля малой интенсивности.

— Старший помощник. Оружие расконсервировано, шнелльботы готовы, разведывательные спутники высланы. Экипаж — в готовности номер два.

— Главный инженер. Тритиевые реакторы заглушены. Корабль находится в оптимальном техническом состоянии, ремонтные роботы бездельничают.

Все эти доклады были данью инструкции, софус исправно выдавал информацию на каждый индивидуальный пульт, поэтому Маша слушала рассеянно. И смотрела она не на экраны, а в просторный зал под своим командирским балконом.

Внешне он выглядел вполне буднично. Большая часть управленцев прилежно гнула спины, лишь изредка кто-нибудь переходил от пульта к пульту с распечаткой, дабы посоветоваться или что-то обсудить с коллегами. Никто не выказывал признаков тревоги, люди занимались привычным, хорошо освоенным делом. Тем не менее Маша не могла отделаться от детского сомнения в том, хватит ли ума, воли, сил всех этих людей, чтобы справиться с неожиданной задачей, которая выпала на их долю? Задачей, к которой никто не готовился и которая относилась к категории из ряда вон выходящих. Весь экипаж крейсера прошел многоступенчатый отбор, новичков на борту не было. Можно было не сомневаться, что каждый

выложится в полную меру сил. Но хватит ли их, и хватит ли самих технических возможностей даже такого прекрасного корабля, как «Звездный Вихрь»?

— Командир, четырнадцатый зонд выведен на орбиту.

— Спасибо. Изображение — в центр зала. С максимальным увеличением.

Над зеленым полом Центрального поста вспыхнул пятиметровый шар. Там соединились панорамы, передаваемые автоматическими станциями с низких орбит. Сквозь облака угадывались очертания материка Кампанеллы, наполовину погруженного в ночь. Краем глаза Маша заметила, что контуры его освещенной части соответствуют картам. Однако этот материк был совершенно безмолвным. Чуткие приемники крейсера не улавливали ни радиосообщений, ни телепередач. Напрасно спутники километр за километром просматривали ночную часть суши в поисках электрического зарева. Города планеты были погружены во тьму. Светились только лесные пожары, да в паре мест извергались вулканы.

Маша прикоснулась к ларингофону.

— Планетологи, через десять минут прошу предварительную сводку. Пора разгадывать загадки.

— Вас понял, через десять минут, — отозвался Кнорр.

Прозвучал гонг экстренного сообщения. Маша вздрогнула. Как раз от того, что все время этого ждала.

— Электронное облучение зонда номер девять, — доложил софус. — Источник находится на планете. Радар с фазированной решеткой.

Маша выпрямилась. События начинались. Кампанелла оказалась не столь уж и спящей красавицей.

— Координаты?

— Двадцать восемь южной широты, сто тринадцать восточной долготы. Источник смещается к северо-западу, по курсу полета зонда.

— Что находится в этом районе?

— Ничего.

— То есть как это так — ничего?

— Ну... так называемый Зеленый океан. Глубина — до тринадцати тысяч метров.

— Прошу давать более точные ответы.

— Вас понял.

— Подводная лодка?

— Неидентифицированный глубоководный аппарат.

— Отправьте позывные встречи. Открытым текстом.

Старший помощник оторвался от своих приборов.

— Командир, у нас уже были предшественники.

Да, предшественники были. Восемь месяцев назад, безжалостно форсируя фотонный двигатель, к планете примчался транспортный звездолет «Альбасете», близнец погибшего «Аркада». Капитан Джонсон немедленно высадил всю свою команду, спешил на помощь... После этого корабль на связь уже не выходил. Он куда-то сгинул. Во всяком случае, при сближении со звездной системой весь арсенал средств наблюдения «Звездного Вихря» не смог его обнаружить в изрядном объеме обследованного пространства.

— Нас очень давно ждут, Александер. Очень давно, — вздохнула Маша. — Понимаешь?

— Понимаю.

— Конечно, это нарушение инструкции, но люди...

— Да что я, чучело? Ладно, отправляю позывные.

Прошло несколько минут.

— Ответа нет, командир.

— Контакт устойчивый?

— Да.

— Принимай управление девятым спутником. Необходимо выяснить, что там за глубоководный аппарат.

— Понял. Выполняю.

На потолке зала управления зажегся вспомогательный экран. Заполнивший его диск Кампанеллы тотчас дрогнул, сместился к правому обрезу. Управляемый решительной рукой старшего офицера зонд-9 пошел на спуск. Гул голосов в амфитеатре под Машиным балконом стих.

— Высота — двести девятнадцать, скорость — семь с половиной километров в секунду.

Три струи пламени, блеклые в свете Эпсилона, прочертили панораму. Изображение дрожало. В центр экрана вплывали закрученные в противоположные стороны облачные вихри.

— В южной экваториальной зоне сильный шторм, — предупредил софус.

Он педантично накрыл панораму координатной сеткой. Стало видно, что траектория спуска упирается в границу двух циклонов. Ручное управление полетом в таких условиях — штука непростая. Но в способностях Мбойе Маша не сомневалась.

— Высота — сто шестьдесят четыре. Нагрев обшивки.

Катарометры спутника засосали пробы воздуха. Анализ занял секунды.

— Газовый состав верхних слоев атмосферы не изменен, — доложил софус. — Но содержание радиоактивных изотопов существенно превышает норму.

— Каких изотопов?

— Йод, кадмий, стронций, цезий и церий. Остальных — поменьше.

Многие в зале коротко переглянулись. Радиоактивное заражение атмосферы уже что-то значило.

Спуск продолжался. Под телескопами зонда расстилалась пелена туч. На минуту включилось радарное изображение. Электронные лучи отразились от поверхности бушующего моря. Далеко на северо-западе просматривалась группа вулканических островов.

— Высота — девяносто один километр. Начало испарения внешнего слоя обшивки, — сказал Мбойе.

Маша качнула головой.

— Поняла. Спуск продолжать.

Аппарат стремительно проваливался к центру урагана.

— Контакт устойчив?

— Не очень. Мощные грозовые помехи.

— Старший планетолог. Анализ общего состояния Кампанеллы готов.

— Чуть позже, Альфред.

— Но... интересные вещи, командир.

— Не время. Зонд сейчас важнее. По громкой связи передавать только информацию, имеющую отношение к спуску!

Компьютеры крейсера мгновенно обрабатывали информацию со спутника и выдавали ее специалистам в виде десятков графиков и диаграмм.

— Служба локации. Предварительные характеристики источника электронного излучения: полая сигара с параметал-

лической поверхностью. Длина — сто восемьдесят метров, диаметр мидель-шпангоута — двадцать четыре. Скорость тридцать девять узлов. Источник энергии — обогащенный уран.

— Ядерная подлодка?!

— Они имели исследовательскую субмарину. Правда, невооруженную.

— Успели, значит, вооружиться.

— На позывные по-прежнему не отвечают?

— Нет. Маша, что делать?

— Продолжать спуск.

— Температура обшивки три тысячи четыреста градусов. Вольфрамовый пояс частично оплавлен. Оптические объективы вышли из строя.

— Уменьшайте крутизну. Конечная задача — зависнуть над лодкой.

— Понял. Будет пауза в девяносто секунд.

— Альфред, пожалуйста, ваш доклад.

— Контуры материков не изменены, газовый состав атмосферы — в норме, температуры соответствуют среднесезонным. И так далее.

— Но?

— Множественные следы сильных землетрясений. А главное — радиоактивный фон. Он в несколько раз выше того, который должен быть.

— Радиоактивный фон чего?

— Атмосферы. Ну и поверхности тоже.

— Причина?

— Термоядерный взрыв. Или серия взрывов.

— Невероятно! Они что, воевали?

— Угрюмов говорит, что такую радиоактивность могли дать взрывы энергетических станций. Всех. Если они взорвались почти одновременно.

Маша изумленно перегнулась через перила балкона. Генрих Угрюмов на своем месте развел руками.

— Рано строить гипотезы, командор.

— Внимание! Служба локации. Над экваториальной зоной Зеленого океана зонды восемь, десять и одиннадцать зарегистрировали вспышку жесткого излучения. Мощность взрыва — пятнадцать килотонн.

— Маша, я потерял управление, — виновато сказал Мбойе.

— Служба локации. Зонд-9 уничтожен!

Несколько секунд экипаж «Звездного Вихря» приходил в себя. На инфракрасной панораме Кампанеллы тускнела искра — след атомного взрыва в атмосфере.

— Я — Мбойе. Вплоть до последнего момента температура топливных баков спутника была ниже предельной, ручаюсь.

— Понятно, Александер. К тому же на борту зонда не было ядерного топлива.

— По экологическим соображениям мощные тяговые системы на спутниках не применяются.

— Изотопные батареи в счет не идут, не так ли?

— Да ни в коей мере! Пятнадцать килотонн тротилового эквивалента... Зонд сбит ракетой с ядерной боеголовкой, Маша. Другого объяснения нет.

— Они приняли нас за врагов?

— Очевидно.

— Кошмар! Неужели то же самое случилось с «Альбасете»? Он ведь спешил на помощь!

— Очень спешил... Фрэнк Джонсон — потомок ковбоев. Держу пари, он не слишком осторожничал. Но «Альбасете» — межзвездный корабль. На орбите должны были остаться хотя бы обломки.

— Верно.

— Что делать дальше, командор?

— Обезвреживать лодку. Обязательно. Но так, чтобы экипаж не пострадал.

— Для этого нужен дестроер.

— Разрешаю. Берите.

— Кто полетит?

— Я, — сказал Бертран.

— Добро, — кивнула Маша. — Остальных подберешь сам. А мы пока посмотрим, что делается в других местах Кампанеллы. Где флигеры?

— Первый уже на орбите. Но он безоружен.

— Ничего, пусть уворачивается. Кто скажет, насколько мог быть опасен нынешний уровень радиации для населения планеты?

— Если не принимать мер предосторожности, могут быть неприятные последствия для второго-третьего поколения потомков, — ответила Ио Цесселин, биолог экспедиции.

Такео Инти, доктор медицины, согласно кивнул.

— Но на Кампанелле, как видно, бывали и худшие времена, — добавил он. — Пять геолет назад.

— Население могло погибнуть от такой радиации? Тогда, пять геолет назад?

— Все — нет. Исключено.

— Ясно. Значит, было что-то еще, более опасное. Да, нам надо спешить. Опускайте флигер над сушей. Оставим на время Зеленый океан.

— Уно моменто, Мари.

Над ареной видеария вновь засеребрился шар Кампанеллы. Он выглядел ущербным, поскольку вместо части Зеленого океана там зияла изрядная дыра. Свою работу по передаче информации девятый зонд уже не выполнял.

Дыра была не совсем темной. Объем воздуха, окруженный фантомной поверхностью Кампанеллы, зеленовато мерцал, и сквозь него проступала изнанка планеты. Планета стала похожей на елочную игрушку с выбитым боком.

— Флигер вошел в режим аэродинамического спуска, — доложил софус. — Переходит к планирующему полету на стреловидном крыле.

— Хорошо. Давай картинку.

Фрагмент Кампанеллы начал выпячиваться из шара. Через некоторое время в нем начали проявляться гряды барханов, с большой высоты выглядевших морщинками, а также темно-коричневые скалы, неправильные скопления которых напоминали кляксы.

Постепенно снижаясь, флигер миновал пустынную область и достиг границы обжитой кампанеллянами территории. Радуя голодный космический глаз, в зал управления пролился сочный зеленый цвет. Под крылом разведчика плыли крошечные сосенки и ели, вытянутые в однообразные линии. Наверное, при разведении лесов колонисты сначала не слишком заботились о живописности. Но виллы, попадавшиеся в лесах, были построены любовно и с хорошим вкусом. Их окружали сады, парки, лужайки, виднелись правильной фор-

мы болотца, некогда бывшие бассейнами. На плоских крышах кое-где сохранились остовы разнообразных летательных аппаратов.

Просветы аллей, дворы и дороги пестрели брошенными автомобилями. Особенно много их скопилось у надземных построек заводов, региональных энергонакопителей, спортивных и зрелищных сооружений. Все здания в той или иной мере пострадали от землетрясений, на многих имелись следы огня, что при наличии надежных систем автоматического пожаротушения казалось более чем странным.

Встречались и другие странности. В одном месте объективы показали рухнувший на виллу легкий самолет, в другом — огромный зеленый холм с фестончатыми очертаниями, не обозначенный на картах. Он был покрыт необычайно густой растительностью. При большом увеличении удивительно смотрелись деревья типично северных видов, увешанные мощными плетями тропических лиан. Между ними густо пророс бамбук.

— Что это, Альфред?

— Сейчас... Ага, нашел. Здесь находился большой комбинат пищевых белков, — ответил Кнорр. — Видимо, бесконтрольная биомасса послужила питательной средой и ускорила рост деревьев.

— Понятно. Ладно, едем дальше.

Флигер вошел в вираж. Его скорость значительно возросла. Деревья на экране слились в размазанную зеленую полосу.

— Куда это он поворачивает?

— Программой предусмотрен осмотр центральной энергетической станции, — пояснил Мбойе.

— Правильно, — кивнула Маша.

За четверть часа цветовая гамма под флигером постепенно изменилась. Сначала появились серо-зеленые, потом — темно-желтые тона. Разведчик сбросил скорость, нырнул в слой посверкивающих грозовых туч, объективы на некоторое время затемнились. Но потом аппарат выбрался из облаков.

Внизу открылась просторная равнина с выгоревшей травой и пятнами шевелящихся от ветра песков. Сквозь ровный гул воздушных струй стали пробиваться новые звуки — щелчки радиометра. Под косым углом в объективы передних камер

вплывала гигантская, очерченная резкими тенями, воронка. Она и была источником излучений.

Кратер обрамляли многокилометровые языки пород, выброшенных чудовищным взрывом. Самолет направился к эпицентру полыхнувшего здесь некогда пламени. Его тень пересекла барьер вздыбленных, оплавленных базальтов, кое-где уже успевших покрыться лишайниками. Потом скользнула по стеклянно блестевшему дну провала.

Надземные сооружения энергетического сердца Кампанеллы — группа небоскребов, многочисленные ангары, градирни, трансформаторы, линии электропередачи, распределительные подстанции — исчезли без малейшего следа. О том, что они существовали, напоминали только дороги, с пяти сторон сбегающиеся к воронке и оборванные грудами раздробленных скал.

— Спутниковые данные подтверждены, — объявил софус. — Глубина кратера составляет около трех километров.

В зале управления возник шум, люди повскакивали со своих мест, послышались изумленные восклицания.

— Они оставили без управления термоядерные реакции!

— Как могла не сработать автоматика безопасности?

— Да что же это такое?!

— Когда все случилось? — спросила Маша.

— Чуть больше пяти лет назад, — ответил физик Угрюмов. — Совпадает, Мари. Вот она, причина радиоактивности.

— Осталось узнать причину причины. Летим дальше.

Бортовое решающее устройство развернуло флигер. Набрав высоту, он перевалил горный хребет, обошел скопление облаков и вновь снизился над всхолмленной лесостепью.

— Центральный биосферный заповедник Кампанеллы, — объявил софус.

Внизу проплывали рощи сосен, эвкалиптов, агавы, очень причудливых мутантных кактусов с Марса, вязов, берез, ливанских кедров, гинкго — всего разнообразия известной человеку древесной флоры. Но нигде не попадались представители фауны.

— Бактерии-то хоть остались? — спросила Маша.

— Да, — отозвался кто-то из биологов. — В пробах воздуха есть жизнеспособные споры.

Флигер продолжал лететь над плоскогорьем. Вопреки опасности поражения, аппарат снизили до восьмисот метров — приближался космопорт Дедал, который следовало осмотреть подробнее.

Еще минута — и над ареной видеария возникла проекция металлопластовых полей, покосившихся заправочных мачт, открытые и закрытые шахты хранения ракет, ангары, топливные магистрали. Объективы на миг задержались на отслоившейся обшивке старого орбитального челнока типа «Годдард», летавшего еще на химическом горючем. Такие ракетопланы использовались кампанеллянами для подъема грузов на низкие орбиты из-за экологической чистоты кислород-водородных двигателей.

Судя по скопившейся вокруг корабля обслуживающей технике, корабль готовили к старту. Куда? С какой целью? Почему старт не состоялся? Ком безответных вопросов множился. Особое недоумение вызвала цепь из бронированных горных роботов, замерших вокруг стартовой позиции. Зачем они понадобились на космодроме? Пантомима поз свидетельствовала о надвигающейся со всех сторон опасности. Какой? Что могло в единый миг вывести из строя машины, прочность которых достаточна, чтобы выдержать обвал в штольне?

— Смотрите, смотрите!

На месте следующей стартовой позиции находилась яма с водой. Позади скрученных мачт валялись сорокатонные транспортеры, будто игрушки, разбросанные капризным великаном, куски труб, сорванные листы обшивки ракеты.

— Этот «Годдард» пытался взлететь! — воскликнула социолог Джун Кейси. — Его взорвали!

— Нет, — отозвался один из пилотов. — Заправочные магистрали не отведены. Скорее всего взорвалось метастабильное топливо в баках. Уже после катастрофы.

— Если бы в диспетчерской сохранился хотя бы один исправный компьютер, он бы этого не допустил!

— Безусловно. А вот с третьей позиции старт действительно состоялся. Видите следы выхлопа?

— Какой ужас! Там разбросаны детские игрушки!

— Трупов нет, — хладнокровно заметил Мбойе. — Они успели вывезти детей. Человек сто семьдесят, либо немногим меньше.

— Куда?

Вопрос повис в воздухе. Время ответов еще не настало. Их, впрочем, никто и не искал, поскольку невероятная информация поглощала все внимание.

Флигер медленно пролетел над зданием вокзала, окруженном импровизированными баррикадами из перевернутых машин, и направился в сторону побережья. Там находилась Троя — главный город Кампанеллы.

Дорога, ведущая к столице, являла картину по какому-то волшебству остановленного бегства. Панического, безумного. Все подъезды к космопорту заполняло море покинутых машин. Спортивных, семейных, полицейских. Между разноцветными крышами там и сям возвышались громоздкие автобусы, трейлеры, крытые грузовики с прицепами. У пересечения дорог лежал винтолет «скорой помощи», а сам перекресток напоминал настоящее автомобильное кладбище.

В некоторых из машин сильная оптика помогла различить останки людей. Часть из них, по-видимому, погибла сразу, при столкновениях, но некоторые смогли выбраться наружу. Скорчившись, они лежали вдоль обочин. Помощь им оказывать либо не захотели, либо не успели.

Среди этого сплошного слоя транспортных средств чернели многочисленные пожарища. На холме, между радиолокационными антеннами станции наведения космических кораблей, застряла наполовину расплавленная боевая машина.

— Планетный танк типа «Репейник», — определил Рональд Пеккола. — Вернее, то, что от него осталось.

— Откуда он здесь? — спросил Мбойе.

— По-видимому, хранился в каком-то из складов космопорта для дальних экспедиций. На позицию его выводили в спешке.

— Сам взорвался? — спросила Маша.

— Ни в коем случае. Танки сами по себе взрываться перестали очень давно. А этот еще успел дать очередь. Видишь воронки?

— Где?

— В направлении оврага. Странно, что он успел выпустить лишь пять-шесть снарядов. «Репейник» до сих пор считается машиной весьма скорострельной.

— Что это значит?

— Это значит, что расправились с ним практически мгновенно. И с первой попытки.

— Чем он уничтожен?

— Сгустком плазмы. Чем-то вроде шаровой молнии.

— Следовательно, танк представлял некоторую угрозу?

— Видимо, так.

— А раз так, то нападавшие уязвимы?

— Возможно.

— Дальше, пожалуйста, дальше, — попросила Ио.

Флигер взвился вверх, прошел над широкой бухтой и за несколько минут достиг южных окраин Трои.

Столица Кампанеллы располагалась на изрезанных берегах фиорда. Ее улицы широко разбежались по склонам гор. Среди вилл, парков, спортивных площадок и открытых водоемов выделялись окрашенные в мягкие тона башни общественных зданий. Зеленые террасы, прорезанные бульварами, уступами спускались к морю. В их нижней части было много сломанных и вырванных с корнем деревьев. Вся прибрежная часть города вообще сильно пострадала от волн. По всему периметру бухты тянулся заваленный обломками пляж. В песке увязли разбитые корпуса множества яхт, катеров, пассажирских и грузовых судов.

— Следы сильнейших цунами, — прокомментировал океанолог Ван Вервен. — Но где же люди? Ведь кто-то должен был уцелеть! Включите сирену.

— Включаем каждые тридцать секунд, — вздохнул Мбойе.

— Может быть, люди скрываются в подземных убежищах?

— Будем надеяться.

— Пора высаживать робота.

— Давайте, — согласилась Маша.

Повинуясь команде, флигер снизился. В пространство видеария вплыла шеренга кипарисов, длинная аллея, большой пруд с кувшинками. Изучая местность, аппарат повис над заросшим газоном.

— Подходяще, подходяще, — нетерпеливо сказал робототехник Сахнун Шор.

Вновь включили звук. Стал слышен свист двигателя. В него вклинился хлопок.

Из-под киля флигера выпал угловатый предмет. Кувыркаясь, он полетел вниз. Над самой землей из него выросли шесть членистых лап. Сработали посадочные патроны, и газон окутался оранжевой дымкой. На траву приземлился разведывательный робот, похожий на огромного ископаемого скорпиона.

Он неспешно осмотрелся. Затем приподнял грозный хвост и двинулся вверх по склону, огибая площадку с теннисными кортами. Время от времени машина останавливалась, что-то высматривала в кустах, шевелила усиками запахо-уловителей. Успокоившись, шла дальше.

Флигер продолжал висеть в воздухе до тех пор, пока робот не сделал три расширяющихся круга, не обнаружив ничего опасного. Только после этого летательный аппарат опустил нос и мягко сел в верхней части лужайки. Двигатель, впрочем, он не выключал.

— Экие осторожные машины, — проворчал Кнорр.

— Программа рассчитана на неизученные планеты, — извиняющимся тоном сказал Сахнун. — Кто же знал, что их придется применять здесь... Впрочем, Кампанеллу теперь тоже можно считать планетой не слишком изученной.

— Может быть, она такой и была все время... — заметила Джун.

Кипарисы скрывали особняк из двух объемистых башен в романском стиле, соединенных жилым корпусом. Обе башни густо поросли плющом, поднимающимся вплоть до красных черепичных крыш. Вилла хорошо смотрелась в утренних лучах Эпсилона. Только фасад ее портили трещины. В одном из верхних окон ветер хлопал рамой. За ней трепетала занавеска.

Створки ворот, вставленные в прозрачную арку, тоже пострадали от землетрясения, и робот мог бы свободно пройти между ними. Но он не торопился. Остановившись метрах в семидесяти, скорпион осматривал внутренность дома сквозь окна — там, где это позволяли поднятые жалюзи. Его глаза-

ми экипаж «Звездного Вихря» мог видеть пострадавшие от времени, но все еще уютные комнаты первого этажа, холл со старомодной мебелью, неподвижного кухонного робота, почему-то привлекшего особое внимание скорпиона, нижнюю часть люстры, мраморную парадную лестницу.

Разведчик поднял клешню с датчиками излучений. Не почувствовав ничего подозрительного, машина вошла в вестибюль, пересекла его и мимо опрокинутых цветочных ваз направилась к лестнице.

— Жилые комнаты — на третьем этаже, — напомнила Джун.

Сахнун кивнул и внес коррективы в программу. Сигнал настиг робота в гостиной второго этажа. Машина послушно вернулась к лестнице, поднялась этажом выше и остановилась перед лифтом. В нем все еще горел теплый свет оранжевого плафона.

В обе стороны от лестничной площадки отходили коридоры. Робот выбрал правый и приступил к методичному обследованию комнат с открытыми дверями. К запертым он не притрагивался. Вообще не прикасался к чему бы то ни было без прямой необходимости.

— Весьма предусмотрителен, — сказал Мбойе.

— Ему разрешена широкая самостоятельность, — пояснил Шор. Тут же, смутившись, добавил: — Но в рамках максимальной безопасности...

В зале управления прозвучал сдержанный смех. Роботехник пригнул голову к пульту и срочно занялся проверкой технического состояния своего скорпиона. В каждом коллективе отыскивается трогательный человек, становящийся предметом всеобщей любви, добродушной, но снисходительной.

Первой комнатой была спальня. Под окном стояла широченная супружеская кровать с балдахином. Робот уточнил фокусировку, и на постели проступили характерные вдавления, грубо повторяющие очертания человеческого тела. Несколько лет они хранили память о последнем отдыхе кого-то из обитателей виллы. В четверти миллиона километров от этой постели, в центре управления огромным звездолетом, стало тихо.

— Идем дальше? — спросил Сахнун.

— Добро, — сказала Маша.

Последняя комната правого крыла здания оказалась запертой. На ней были характерные пулевые отверстия.

— Проверить?

— Ну еще бы!

Механическая лапа скорпиона растерянно держала оторвавшуюся ручку. Дверь оказалась запертой.

— Стреляли изнутри, — сказал Рональд.

— Почему ты так думаешь? — спросила Маша.

— Сколы пластика направлены наружу.

— Да, в самом деле.

Скорпион постучал.

— Человек, я робот, посланный другими людьми. Ответь мне.

По звуковым каналам стали слышны электронные шумы, обычно не воспринимаемые слухом.

— Человек, ты в безопасности. Я — разведывательный робот «Скаут-47». У планеты находится лучший крейсер Объединенного Космофлота. Мы сильны, мы сможем тебя защитить. Отзовись.

Но за дверью никто не отзывался.

— Сахнун, давай! — сказала Маша.

Роботехник набрал на своем пульте команду. Через секунду она достигла «Скаута-47». Робот поднял клешню. Лазерный луч вычертил математически точный круг. Из двери выпал замок. Она открылась. Машина переступила порог передними лапами.

За дверью находился, очевидно, рабочий кабинет хозяина виллы. Стол с компьютерным терминалом, кресла лаконичного делового дизайна, стеллажи с несколькими старыми книгами и множеством кассет информационных кристаллов. Бутылка из-под коньяка, разбитый бокал, гигантская раковина тридакны на полу. Рядом с ней, под слоем пыли, — офицерский кольт, способный стрелять в вакууме, табельное оружие Космофлота. Гильзы, две кучки одежды — мужская, а за ней — женская.

— Он защищал себя и жену, — сказал старший офицер Мбойе. — От кого — не спрашивайте.

На стене висел семейный портрет — высокий мужчина с бакенбардами, обнимающий хрупкую женщину в вечернем платье. Перед ними стояли две девочки с большими бантами.

Софус «Звездного Вихря» провел идентификацию личностей.

— Ингрид и Диего Гонсалес с дочерьми Таней и Памелой.

У Диего был красивый лоб и твердый подбородок. За безмятежным взглядом его жены угадывалась лукавинка. По-видимому, они представляли прекрасную пару. А вот хмурые девочки выглядели либо поссорившимися, либо им просто не хотелось фотографироваться.

— Дверь запирается изнутри. Куда они могли деться? — спросил Рональд. — Выпрыгнули?

Робот выглянул в окно. Посыпанная галькой площадка перед домом была пустой.

— Покажите еще раз одежду, — попросила Маша. — Такое впечатление, что люди из нее испарились.

— Дверь пробита четырьмя пулями, — заметил Рональд. — А на полу — шесть гильз, полная обойма. Диего дважды в кого-то попал.

— Или во что-то. Только это не помогло. Супруги Гонсалес похищены прямо из одежды.

— Фантастика.

— Еще какая. Исчезло население планеты.

— Быть может, люди где-то прячутся?

— Не исключено. И они должны иметь вескую причину для этого, не так ли?

— Да, — согласилась Маша. — А где Бертран?

— Уже в переходном тамбуре. Он берет первый «Гепард».

— Первый так первый. Остальные пусть обеспечивают внешнюю охрану «Вихря».

— В автоматическом режиме? — спросил Мбойе.

— Да, пока.

За время, в течение которого экипаж крейсера занимался рутинными наблюдениями, проверяя характеристики Кампанеллы от альбедо до гравитационной постоянной, сорок седьмой «Скаут» успел осмотреть оставшиеся комнаты, ничего особенного не нашел, после чего выбрался наружу.

На аллее робот осмотрел элегантную спортивную машину. Электромобиль стоял уткнувшись бампером в ствол кипариса. На его руле висело женское платье, а между педалями застряла пара туфель бежевого цвета.

Подключившись к автопилоту, робот доложил, что в момент исчезновения водителя машина двигалась со скоростью не менее пятидесяти километров в час. Потом сработал автоматический тормоз, она съехала на обочину и остановилась.

— Догнали, значит, — констатировал Мбойе. — То, что машина заперта изнутри, меня уже не удивляет.

Робот проверил наличие остаточной радиации, следов токсических веществ, а также присутствия чужеродных биологических соединений.

— Результаты отрицательны, — доложил софус «Вихря». — Так же, как и на вилле. Никакой почвы для догадок.

Старший инженер «Звездного Вихря» с этим не согласился.

— Почему полностью разряжены аккумуляторы, Гильгамеш? — спросил он. — Там еще должен быть заряд.

— Не знаю, — ответил софус. — А ты знаешь, Джанкарло?

— Куда уж нам, человекам.

— В самом деле, куда нам теперь? — вмешался Сахнун. — Разведку нужно продолжать.

— К центру города.

Разведчик спустился к шоссе. Для сравнения он проверил батареи еще одного электромобиля.

— Тот же результат, — доложил софус.

— Но хоть какой-то остаточный потенциал должен определяться, — недоумевал Джанкарло.

Робот повторил измерения.

— Полный ноль, — повторил Гильгамеш.

— Невероятно, — пробормотал инженер.

Большая часть домов, так же как и в окрестностях, была повреждена землетрясениями и пожарами. С близкого расстояния это особенно бросалось в глаза, хотя ощущения новизны уже не вызывало. Однако попадались еще и участки сплошных опустошений размером с футбольное поле. В центре каждого из них все выгорело дотла.

— Похоже на следы термических бомб или мин, — сказал Рональд.

— В городе?!

— В городе.

— Невероятно.

— А это вероятно? — спросил Мбойе, указывая на экран.

На улицах застыли обшитые броневыми листами грузовики, валялось разнородное ручное оружие, с крыш свешивались клювастые излучатели, из тех, что применяются для проходки шахт. От них протягивались трассы обугленных растений, спекшиеся полосы на мостовых, расплавленные детали уличных металлических конструкций, серии последовательных дыр в машинах и стенах зданий.

На кустах, ветвях деревьев, заборах и фонарях ветер трепал цветные лоскуты — остатки одежд. Особенно много их было на площадях, прилегающих к набережной, — видимо, люди искали последнюю надежду у моря. Искали, но не нашли. Второй раз за человеческую историю город с названием Троя погиб.

— Не нравится мне это, — заявил Кнорр.

— Что?

— Традиция повторно использовать названия мертвых городов.

— В этом есть вызов судьбе, — возразил Мбойе. — Достойно человека.

— Интересно, ради какой Елены все стряслось на этот раз?

Мбойе вздохнул.

— Елена на этот раз — все жители Кампанеллы. Или почти все.

— Надеюсь, что ты не прав.

— Буду рад.

Робот преодолел несколько баррикад из тягачей, бетонных блоков, обрушенных взрывами стен, бесчисленного количества случайных предметов, россыпи которых так характерны для любого бедствия. Только при бедствиях становится понятным, каким количеством вещей окружил себя человек, и насколько бесполезными они могут быть.

Три концентрических кольца баррикад охватывали район ратуши. Ни одно из заграждений, судя по всему, строившихся в лихорадочной спешке, не было завершено. Против

брешей стояли плоские танки времен освоения Кампанеллы. Грубо приваренные направляющие для пуска ракет этих танков были развернуты во все стороны света.

О драматизме событий красноречиво свидетельствовала и шарообразная туша космической спасательной шлюпки, совершившей посадку прямо в городе, на аллею парка, примыкающего к задней стене ратуши. Такой риск пилоты могли допустить только в самом крайнем случае. Это приземление массивного летательного аппарата в центре густонаселенного города наверняка не имело равных за всю историю Космофлота.

— Виртуозное мастерство. Искусство! — восхитился Мбойе. — Наверное, сам Фрэнк Джонсон сажал. Я так не смогу.

— Сможешь, — сказал Рональд. — Если захочешь спасти жену, например. Или детей.

Старший офицер, известный педантизмом в соблюдении правил безопасности, с сомнением покачал головой.

— Несколько опрокинутых скамеек да перепаханная клумба, — сказал он, — и все. А нос находится в двадцати сантиметрах от здания. Нет, не смог бы.

Робот подошел к аварийному трапу, основание которого скрывала беспризорно разросшаяся крапива. Люк оказался приоткрытым. Небрежность, которая могла быть допущена лишь в крайней спешке.

— Пусть входит, — сказала Маша.

«Скаут-47» просунул в щель клешню с выносным объективом. Сначала из-за темноты ничего различить не удалось, потом включилась фара и на экранах проступила внутренность небольшой, на пару человек, шлюзовой камеры. Кроме слоя пыли на полу ничего необычного в ней не было. Нетронутая пыль свидетельствовала о том, что экипаж назад уже не вернулся.

— Ребята с «Альбасете» успели высадиться если и не в разгар событий, то по крайней мере тогда, когда таинственные силы на планете еще действовали, — сказала Маша.

Мбойе кивнул.

— Во всяком случае, исчезнуть экипажу этого корабля явно удалось.

Скаут открыл внутреннюю дверь шлюзовой камеры. Поднявшись по алюминиевой лесенке, он осмотрел единственную каюту шлюпки. Там было все приготовлено к приему эвакуированных — коробки с легкими скафандрами, блоки пищевых тюбиков, реанимационные коконы, развешанные вдоль стен гамаки из эластичных волокон, многозарядные шприцы, гигиенические пакеты, дезинфекционные растворы, носилки. Имелась даже двойная кювеза для преждевременно родившихся младенцев. Видимо, единственную на транспортном звездолете спасательную шлюпку с заботливой тщательностью снарядили еще во время сближения с Кампанеллой.

— Анализ воздуха? — спросила Маша.

— Ничего сверхъестественного.

Робот поднялся в кабину управления. Как и следовало ожидать, она оказалась пустой. Оба штурвала предусмотрительно блокированы, реактор выведен в режим ожидания.

— А с энергией здесь все в порядке — семьдесят процентов нормы, — заметил Джанкарло. — Хоть сейчас взлетай. Сахнун, пусть «Скаут» подключится к бортовому компьютеру.

На экранах крейсера поползли колонки цифр, описывающих последний полет шлюпки.

— Да, крутая посадка... — пробормотал Мбойе.

В репродукторах сквозь гул слышались голоса исчезнувшего экипажа. Люди обсуждали детали поиска, который они намеревались развернуть сразу после приземления. Во всем том, что они говорили, каких-то новых сведений, проливающих свет на тайну планеты, не содержалось. Единственное решение, казавшееся необычным, касалось отправки двух человек на вертолете куда-то в район Вулканного Кольца.

Раздался дребезжащий удар, шум двигателя смолк.

— Пся крев! Ну, Фрэнк, ты даешь, — кашляя, сказал кто-то из астролетчиков. — Я уж думал — каюк.

— Что за чернота?

— Где?

— Там, у ратуши.

— Сейчас узнаем. Реактор — на холостой ход. Приготовить оружие.

— Есть приготовить оружие. Шлюзовая камера открыта.

— Ну, идем что ли?

— Теснотища. Ирочка, убери ноги.

— Чудак. Впервые слышу такое по поводу своих ног.

— Они препятствуют спасательной экспедиции.

— Да, отвлекают. Ноги неплохие, — с большим удовлетворением сказала неизвестная Ирочка.

Тут в разговор вмешался капитан.

— Отставить шутки, — сурово сказал он. — Go, go!

Робот добрался до площади Санта Эсперанса, административного центра города. Ее периметр образовывали четыре монументальных здания — супермаркета, собора Всех Религий, музея Кампанеллы и ратуши. Окна ратуши закрывали мешки с песком, все двери оказались запертыми. Здание окружал глубокий ров, на дне которого еще стояли землеройные машины с блестящими в безмятежном свете Эпсилона ножами. У главного входа сбились в кучу пять танков, а напротив, в фасаде супермаркета, зиял пролом с закопченными краями.

— След ракетного залпа?

— Да.

Скорпион прижал к себе лапы и скатился в ров. Потом, цепляясь за торчащие из земли обрезки труб, выбрался оттуда и подошел к окну здания. Разбросал мешки, подтянулся передними клешнями и проник в цокольный этаж.

На мозаичном полу вестибюля шеренгами лежали комплекты полицейской униформы, оружие, а из-под парадной лестницы выглядывали сложенные в штабели ящики с боеприпасами. Тут ждали штурма, гарнизон явно имел какое-то время для подготовки. Тем не менее нападение и здесь произошло столь стремительно, что большинство своих автоматов и боевых лазеров оборонявшиеся даже не успели снять с предохранителей.

Пятна мундиров указывали направление атаки — вверх по лестнице. Этажом выше уже имелись следы сопротивления — россыпи гильз, опрокинутая мебель, отметины лучевых ударов, пуль, осколков. Пол был вздыблен гранатными взрывами. Но в глаза бросалось полное отсутствие останков погиб-

ших, казалось бы, совершенно неизбежных при пальбе подобной интенсивности. Единственное исключение составлял скелет крупного дога на пороге медицинского кабинета.

— Такое впечатление, что они сражались с призраками, — сказала Джун.

На третьем этаже, перед узлом связи, некогда стоял мощный горный робот. Его останки выглядели впечатляюще: верхняя часть машины стекла на мраморный пол, образовав застывшие лужицы металла.

— Здесь, как и в случае с танком, применен плазменный удар, — вполголоса сказал Сахнун. — Табельное оружие?

— По-видимому, так, — ответил Рональд. — Заметьте, оно применено не против живого существа. С людьми поступали как-то иначе.

Скаут обошел мертвого собрата и поднялся на служебный этаж ратуши. В помещениях для аппаратуры связи внешне сохранялся относительный порядок, но кристаллы запоминающих устройств, включая память главного городского софуса, оказались пустыми до степени стерильности.

В маленькой угловой комнатке, на столе, заваленном деталями, робот обнаружил наспех собранную радиостанцию с простейшей штыревой антенной. В ней еще мигала какая-то лампа.

Разведчик медленно опустил свой телевзгляд. На полу, привалившись к панели с цветочным орнаментом, сидела мумия в легком скафандре, но без шлема. Кости ее пальцев сжимали револьвер. Над пробитым черепом белел лист бумаги.

ЭТИ ТВАРИ НЕУЯЗВИМЫ!
«ВИХРЬ», СТАРТУЙТЕ НЕМЕДЛЕННО.
ПАРНИ, ПОМОГАТЬ ЗДЕСЬ НЕКОМУ.

Первым молчание нарушил Сахнун Шор.

— Думаю, дело не так уж безнадежно, — сказал он. — Горный робот явно представлял угрозу для этих тварей. Иначе не было смысла его уничтожать. А горные роботы оснащены весьма мощными излучателями. Так что, дело в силе оружия. И этот планетный танк...

Рональд согласно кивнул.

— В любом случае мы обязаны сделать все возможное, — сказала Маша.

Скорпион взял образцы тканей для биологического опознания погибшего.

— Кто это, Гильгамеш? — спросила Маша.

— Френсис Эй. Джонсон-младший, командир транспортного звездолета «Альбасете», — после секундной паузы ответил софус.

Маша заметила, что в зале под ее балконом люди молча встают. По традиции Космофлота минута молчания сокращена вдвое. Выждав положенные тридцать секунд, Маша сухим голосом приказала продолжать работу. Люди все еще молча расселись, и скорпион двинулся дальше.

Перед лестницей, ведущей на четвертый этаж, замерли две фигуры в скафандрах высшей защиты. Робот скользнул лапой по кодовым замкам. Панцири раскрылись, но оба были пусты.

— Вот как, — пробормотал Мбойе. — Ну-ну.

Еще одна металлическая скорлупа лежала поперек лестничного марша так, словно находившийся в ней человек последним усилием пытался перегородить кому-то — или чему-то — дорогу своим телом. Белье в скафандре оказалось женским.

— Я знаю, кто находился выше, — мрачно сообщил Мбойе. — Маша, не надо туда ходить.

После пяти часов работы Маша объявила перерыв для обеда и совещания.

— Подведем предварительные итоги, — сказала она. — Под влиянием некоей силы с Кампанеллы исчезли люди. Все, либо большая часть. Разумеется, надо выяснить, что это была за сила. Кое-что мы уже можем сказать. Эффект был стремительным, но не мгновенным, с момента осознания опасности население Трои располагало как минимум несколькими часами. То оружие, какое имели кампанелляне, оказалось неэффективным. Это, а также глобальный размах явления, на первый взгляд свидетельствует о его стихийном происхождении. Но то, что объектом целенаправленной охоты стали люди...

— И животные, — вставила Ио.

Маша кивнула:

— Да, и животные. Добавим сюда уничтоженный танк, расплавленного робота... Похоже на вмешательство разума. Да и сам факт того, что кампанелляне вооружались, весьма красноречив. Не против же землетрясений. Мы видим последствия осмысленного вмешательства извне.

— Мы вторглись в запретную зону? — спросил Александер.

— Добро, если так. Но людей слишком долго терпели в системе Эпсилона, для того чтобы считать ее запретной зоной.

— Тогда что же? На нас началось наступление?

— Слишком мало данных для столь мрачного вывода.

— А какой менее мрачный вывод можно сделать?

— Определенно можно сказать, что Кампанелла стала объектом направленного воздействия с неясной пока целью.

— И все?

— Не так уж и мало, дорогой Александер. У нас появились вполне ясные задачи. Во-первых, мы должны установить, кто или что похитило людей. Во-вторых, с какой целью это сделано, и в-третьих, каким способом.

— Не так уж и мало, — согласился старший офицер. — Отправить радиограмму на Землю?

— Да. И делать это ежедневно.

ДАЛЬНЯЯ КОСМИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ.
ЛАЙНЕР СИБЕЛИУС — ЗЕМЛЕ.

Принял на борт экипаж ТЗ АРКАД. Все живы. Лучевая болезнь поддается терапии. Аннигиляционное топливо сбросил в облаке. Имею повреждения. Возвращаюсь Земле, скорость — 1/100 световой. Вышлите встречный танкер.

МЮЛЛЕР.

3. ДЕСАНТНЫЙ ШНЕЛЛЬБОТ «ГЕПАРД»

СПРАВОЧНЫЕ ДАННЫЕ:

Серийный дестроер Объединенного Космофлота.

Штатное высадочное, охранное и патрульное средство тяжелых кораблей ОКС. Предназначен для полетов в пределах звездных систем. Адаптирован к посадкам на атмосферные планеты с мощностью гравитационных полей до 8 земных. Главная энергетическая установка — термоядерный реактор. Масса покоя — 898 тонн. Допустимое ускорение — 19,9 g.

Способен принять на борт до 80 человек (в спасательном варианте — 160). Автономность с полным экипажем 19 геомесяцев. Вторая степень космической защиты.

Вооружен самонаводящимися ракетами, излучателями, скорострельной артиллерией. Может эксплуатироваться в автоматическом режиме.

Ни у кого не возникало сомнений в том, что шнелльбот с подводной лодкой справится, хотя ее требовалось не просто победить, но победить бескровно, так, чтобы люди в ней, если таковые еще имелись, не пострадали. Разумеется, предпринимались дополнительные меры предосторожности. Для верности «Вихрь» подтянулся к планете на двести тысяч километров. Он повис на стационарной орбите прямо над Зеленым океаном, его оружие привели в боевую готовность. Кроме того, непосредственную страховку осуществлял еще один шнелльбот.

И все же группа захвата отправлялась в неизвестность, скрывающую судьбу двух звездных кораблей и тринадцати миллионов человек. Поэтому лейтенант Бертран Ли, командир «Гепарда-1», имел разрешение применять оружие на поражение.

— Надеюсь, до этого не дойдет, — сказал Мбойе.

Бертран молча опустил веки.

— Ну, иди, — сказал старпом. — Народ ждет героев.

Народ ждал в одной из осевых шахт цилиндрического корпуса. Проводы получились почти торжественными. По пути в ангар все свободные от вахты члены команды образовали живой коридор. Откинув колпаки скафандров, по нему прошествовал экипаж первого шнелльбота, принимая по пути добрые пожелания и дружеские похлопывания. Луизе даже подарили букет астр, традиционных цветов-символов Космофлота.

Но старт «Гепарда» пришлось задержать. Океанолог Ван Вервен настаивал на своем предложении — захватить батискаф, намереваясь не откладывать обследование субмарины в «канатный ящик». Для размещения подводного аппарата в трюме дестроера убрали пару переборок, а часть ракетного топлива откачали, иначе корабль получался чересчур тяжелым.

Бертран согласился на это без особого восторга. После одной истории в окрестностях Проксимы Центавра, когда своим ходом пришлось добираться почти до соседней звезды, он весьма недолюбливал дефицит горючего. Но дело предстояло морское.

— Что ж, Голландцу виднее, — вздохнул он.

— Нам же не к другой звезде лететь, как в тот раз, — утешил второй пилот.

— Мало ли что, — проворчал Бертран.

Но возражать не стал. Прошел вместо этого на камбуз, интересуясь, чем там занята Луиза, хотя это можно было предсказать заранее.

Через двадцать минут работы были завершены. Проворные арбайтеры покинули шнелльбот.

— Все на борту? — спросил Бертран.

— Луиза на месте, — ответил второй пилот.

— Это я и сам знаю.

— А кто еще должен быть?

— Летучий Голландец, кто же еще.

— Тогда — комплект.

— Хорошо. Пристегивайся.

Второй пилот сделал скучное лицо.

— Реджинальд, — сухо произнес Бертран.

— Сэр?

— Пожалуйста, без чудачеств.

— А порулить дашь?

— Посмотрим на твое поведение.

— Я послушный мальчик.

Бертран молча раскрыл панель пульта, проигнорировав утверждение. Знал он этого пай-мальчика, который не выносил и минуты без проказ. Реджинальд со вздохом потянулся, зевнул и демонстративно уставился в потолочный экран на красивую планету по имени Кампанелла.

— Перестань вздыхать.

— Это у меня скафандр шуршит.

— Значит, перестань шуршать. Бр-р! Ну и скрип. На нервы же действует! Что ты все складки на коленях разглаживаешь как курсистка перед профессором?

— О! Так ты и экзамены принимал? Расскажешь о своих похож...

Бертран был вынужден шлепнуть его по затылку. Только тогда Реджинальд выключился. Вместо него включилось переговорное устройство.

— Чего копаетесь? — любезно осведомился Мбойе.

— Тс-с! — прошипел Реджинальд. — Командир не в духе.

— Не — в чем? — удивился Мбойе.

— Слушай ты его, — сказал Бертран с мукой в голосе.

— Только его одного и слышно. Так вы готовы?

— Мы всегда готовы.

— Да, — подтвердил Реджинальд. — Они завсегда к чему-нибудь, да готовы. За исключением неожиданностей, конечно.

— Второй пилот! — рявкнул Мбойе.

— Я!

— Не засоряйте эфир. Я тоже не в настроении.

Реджинальд отдал честь.

— Вас понял, сэр. Съеживаюсь.

— Уже лучше. Бертран, тамбур я съежи... тьфу, пропасть! Короче, переходный тамбур убираю.

— Убирай. Прошу разрешения на старт.

— Старт разрешаю.

В двигательном отсеке «Гепарда» заработали турбонасосы, включились контрольные видеокамеры реактора. Черные стержни графита медленно поползли из пазов.

— Есть разогрев, — с неожиданной серьезностью доложил Реджинальд.

— Хорошо, — сказал Бертран.

— Что хорошо?

— Хорошо, что хоть реакции деления ядер ты уважаешь.

— О! Реакции ядерного синтеза я уважаю не в пример больше. Хочешь, поклянусь?

— Лучше перестань шуршать. Если не очень трудно.

Когда «Гепард» включил навигационные огни и начал набирать ход, через люк, расположенный прямо в потолочном экране, сошла Луиза. Будто из Зеленого океана Кампанеллы родилась.

— Прелесть, — сказал Бертран.

— Богиня, — кивнул Реджинальд.

— Обед — через два часа, — сообщила богиня.

— Если аппетит будет, — усмехнулся Бертран.

— У меня — будет, — твердо заявила Луиза, усаживаясь на свое место. — Можно, я подремлю?

— Подремли.

Дестроер малым ходом обогнул авангардное поле «Вихря». Из трюма поднялся Ван Вервен.

— Груз в порядке, — сказал он.

Бертран кивнул:

— Пристегивайтесь все. Начинаю ускорение.

Заработал маршевый двигатель, но через полторы минуты отключился — шнелльбот сошел с орбиты. Бертран просмотрел расчеты траектории, удовлетворенно хмыкнул и убрал обе руки с пульта. Вмешательство человека уже не требовалось.

Диск Кампанеллы на потолке дрогнул, начал расти. На короткое время появилась невесомость. Не открывая глаз, Луиза что-то недовольно пробормотала. Она обладала уникальной способностью спать в самой неподходящей обстановке, но нет такого астролетчика, у которого исчезновение тяжести не вызывает тревожного рефлекса.

— Как будем брать субмарину? — поинтересовался Реджинальд.

— Как-нибудь.

Реджинальд покрутил головой и наморщил нос.

— Это и есть план?

— Отсутствие плана есть лучший план. Всегда соответствует любой реальности.

— Ах вот чему, оказывается, учат в Академии!

Бертран не ответил. Дестроер пересек границу ионосферы. За иллюминаторами возникло голубое свечение. Лейтенант покосился на своего дублера. Тот всем своим видом показывал, что изнывает от скуки. Получалось так убедительно, что даже Бертран не выдержал.

— Закрой окна, Реджи.

Помощник лениво щелкнул пальцами. Броневые листы внешней обшивки сдвинулись, в кабине потемнело.

— Ой, — обрадовался Реджинальд. — Получилось...

Через систему внешней детекции звуков послышался нарастающий свист. «Гепард» затрясло. Навалилась тяжесть.

— ...и, главное, как вовремя...

Бертран сердито махнул рукой.

— Алло, Александер, вошли в плотные слои атмосферы, — доложил он. — Полет штатный.

— Вас понял. Высылаю «Гепард-2» для прикрытия. Цель видишь?

— Да, держу радаром.

— Не забудь, она кусается.

— Это правда, что ли, сэр? — встрял Реджинальд.

Молчаливый Ван Вервен недовольно сморщился. Балагур это заметил, тут же состроил невинное лицо и вновь принялся рассматривать потолок. Поскольку дестроер развернулся, вместо Кампанеллы на экране телескопа плавал очень вооруженный крейсер с угрюмыми тарелками сторожевиков по бокам. Вот эту-то угрюмость Реджинальд и не любил, не переваривал с детского возраста. Что бы ни случилось, человек имеет право радоваться жизни, если есть такое желание.

Радоваться, впрочем, становилось сложнее. «Гепард» уже не трясло, а швыряло, перегрузки усиливались. Позади шнел-

льбота перекручивающиеся струи раскаленного воздуха искажали вид Вселенной.

Чтобы обшивка не слишком грелась, Бертран начал уменьшать крутизну спуска работой тормозных дюз. Ван Вервен проглотил какую-то таблетку и сморщился. Реджинальд тяжело ворочал головой. Луиза продолжала спать.

Включилась связь.

— Бертран, я — «Гепард-2», иду за вами низкой орбитой. Неидентифицированных объектов не наблюдаю.

— Понял тебя, Абрахам. У нас тоже чисто.

— Если не считать лодки, — усмехнулся командир второго шнелльбота.

— Можешь не считать, — отозвался командир первого, глядя на экран навигации.

Там двигались две точки. Оба десантных корабля пересекали пространство над Зеленым океаном с северо-востока на юго-запад, но дестроер Бертрана летел все ниже, в то время как второй «Гепард» оставался за пределами атмосферы, поэтому догонял.

— До цели — семьсот миль, — сообщил Бертран. — Луиза, снимай предохранители.

Луиза открыла глаза. Она обладала завидной способностью просыпаться так же мгновенно, как и засыпать, за что Реджинальд именовал ее незамутненным ребенком.

— Уже пора? Сейчас.

Воительница надела сенсорный шлем, еще раз зажмурилась и кивнула.

— Оружие на боевом взводе. Чувствую радарный луч, они нас засекли. Что скажешь?

— Что тут скажешь? Неплохой локатор. Но мы спрячемся. Приготовиться к противозенитному маневру!

Руки Бертрана спокойно лежали на опорной доске пульта. Выждав секунду, он пошевелил пальцами. Датчики перчаток мгновенно донесли импульс софусу, и тот изменил положение рулевых дюз. Почти девятисоттонная машина послушно нырнула.

На людей ринулась поверхность Зеленого океана, заставив непроизвольно прикрыть глаза. Снаружи слышался мощный рев вспарываемого воздуха.

Километр за километром «Гепард» проваливался к волнующемуся морю. Лишь над самой водой софус выровнял шнелльбот, после чего зигзагами ушел в сторону, укрывшись за гористым островом.

— Радарный луч исчез, — доложила Луиза. — Они нас потеряли.

— Резвая у вас лошадка, — отдуваясь, признал Ван Вервен.

— Так других не держим, — небрежно заметил Реджинальд. — Космофлот, сударь.

Бертран приближался очень осторожно и догнал субмарину лишь в одиннадцать вечера по местному времени, когда совсем стемнело, но и после этого спешить не стал. Всю ночь дестроер следовал за ней на безопасной дистанции, позволяющей парировать возможные удары. Второй «Гепард» в это время настойчиво, но безуспешно пытался вызвать лодку на связь.

С рассветом пришло время активных действий. Получив разрешение «Вихря», шнелльбот снизился, подтянулся к лодке на расстояние около сорока миль. Как и рассчитывал Бертран, это спровоцировало атаку. В половине седьмого утра приборы зафиксировали пробившееся из-под воды характерное инфракрасное излучение. Такие лучи испускают работающие дюзы реактивных двигателей.

— Подводные пуски, — подтвердил софус.

Через пару секунд поверхность океана вспучилась. Из кипящей воды взмыли хищные силуэты. Ракеты шли веером — прием гарантированного поражения цели. Если, конечно, цель это позволяет.

— Одна, две, три, четыре, пять, — считала Луиза. — Солидно. Не поскупились. Сбивать?

Бертран опустил веки.

— Нижние излучатели — товсь! Можно вручную? Люблю пострелять, ты же знаешь.

Бертран усмехнулся.

— Как не знать.

— Так я сбиваю?

— Только не все сразу. Детонация у них сильная.

— И за кого ты меня принимаешь?

Луиза била, как в тире, навскидку.

— Никогда на тебе не женюсь, — сказал Бертран. — Лодку-то не зацепила?

— Зачем же? — хозяйственно удивилась Луиза. — Пригодится еще. А жениться — женишься.

Включилось радио.

— Без фейерверка обойтись не могли? — недовольно спросил Мбойе.

Настроение у него все еще было плохое.

— Да так оно вернее, — пробовал слукавить Бертран.

Но старший офицер назвал его подкаблучником и отключился.

Он крайне отрицательно относился к наличию семейных пар в экипажах. Но Бертран и Луиза официально женатыми не были, и у Мбойе отсутствовал формальный повод к их разлучению. В профессиональном же отношении эта пара действовала выше всяких похвал, понимая друг друга не то чтобы с полуслова, а вообще без слов. Дестроер в их руках выглядел всемогущим. Они свободно могли бы обходиться без второго пилота, что весьма задевало Реджинальда. Чаще всего бедняге доставалась роль наблюдателя. И в этот раз без всякого участия с его стороны «Гепард» играючи обогнул пять опадающих султанов, добавил хода, настиг лодку.

— Думаешь, там еще остались ракеты? — спросила Луиза.

— Сейчас узнаем, — сказал Бертран. — Держись.

Дестроер сорвался в крутое пике.

— Есть пуски, — доложил софус.

— Блокировать цепные реакции!

— Понял. Блокировать цепные реакции.

На этот раз пара ракет пронеслась довольно близко. Развернувшись, они легли на курс преследования. Но они уже лишились своих ядерных клыков, их детонаторы были повреждены бесшумным залпом. Оставалось немного подождать, чтобы двигатели ракет выработали горючее, тягаться в скорости со шнелльботом они не могли.

Снаружи опять ревел раздираемый воздух, появились порядочные перегрузки. Корабль оставлял за собой хвост превращенного в пар дождя. Бертран кружным путем уводил ракеты от группы островов, где теоретически еще могли оста-

ваться люди. Попутно он прощупывал толщу воды электронными лучами. Но кроме подводной лодки никаких целей приборы не засекали. Внизу все так же перекатывались штормовые волны, а ураганный ветер раскачивал чечевицеобразное тело «Гепарда».

Радио замершей планеты по-прежнему молчало. Бертрану уже не очень верилось, что когда-то здесь люди слушали новости и метеорологические прогнозы. Он вспомнил картинки, отснятые накануне разведывательным «Скаутом» в Трое. Очень похоже было на декорации к давно вышедшим из моды фильмам ужасов.

— Готово. Обе шлепнулись, — сказала Луиза.

— Хорошо. Возвращаемся.

В нескольких милях от субмарины Бертран завис над морем и сбросил автоматический глубоководный аппарат. Разведчик быстро погрузился на заданную глубину, включил гидролокатор.

— Биологические шумы на борту лодки не прослушиваются, — доложил софус. — Лодка маневрирует курсом, скоростью, глубиной.

— Заметалась, — сказала Луиза. — Бьюсь об заклад, больше ракет на ней нет.

— Якоб, бери управление скафом. Постарайся перехватить субмарину. Возможно, придется повредить ей винты.

Ван Вервен молча кивнул. На его пульте уже сформировались органы управления подводным аппаратом, и он уверенно принялся за дело.

В миле под ними, повинуясь командным импульсам, маленький батискаф сложил антенны и бросился наперерез субмарине. Лодка его засекла, но почему-то не уклонялась, хотя все еще имела преимущество в скорости хода.

— У нас есть полчаса, — сказала Луиза. — Перекусим?

— Хорошо, что хоть в пище не отказывают, — проворчал Реджинальд. — Давайте есть по-человечески.

— Попробуем.

В задней части кабины управления имелся кофейный столик, вокруг которого и расположился экипаж дестроера, поручив управление «Гепардом» софусу.

— Люблю комфорт, — промурлыкал Реджинальд.

Но спокойной трапезы не получилось. Связь с батискафом прервалась. Океан вспучился еще — на этот раз от взрыва. Дестроер ощутимо тряхнуло ударной волной. Магнитные чашки со столика не посыпались, но вот их содержимое расплескалось. Бертран на секунду впал в смешную для своей должности растерянность, не сразу сообразив, что разлитый кофе не так важен по сравнению с тем, что творилось внизу.

Внизу, над поверхностью океана, быстро вырастало грибообразное облако.

— Так, — констатировала Луиза. — На лодке имелись еще и торпеды.

— Да, похоже на то.

— Вот черт, — возмутился Реджинальд, — и все-то у них с ядерной начинкой!

— Стреляют точно.

— Берт, пора кончать эти кошки-мышки. Сколько можно возиться?

— Микроволновый удар?

— Да.

— Реактор лодки может выйти из-под контроля.

— Блокируем цепные реакции.

— На большой глубине можем не достать.

— Попробуй сначала блокировать. Чему улыбаемся?

— Рад, что голова у тебя заработала.

— Чисто случайно, сэр.

— Твоя скромность пугает, — сказала Луиза.

— Давайте я порулю, — тут же предложил Реджинальд.

— Вот этого не надо.

Дестроер завис над тем местом, где шла лодка, и дважды разрядил энергонакопители. Внизу, на застывших волнах, мгновенно образовалась характерная мелкая рябь, словно море покрылось гусиной кожей. Секунду все молча всматривались в экраны.

Луиза вновь натянула сенсорный шлем.

— Как там, Лу?

— Момент. Лодка теряет ход. Да, точно, температура реактора упала на полтора градуса. Получилось, Берт. Цепные реакции блокированы. Давай микроволны.

В разговор вступил Ван Вервен.

— Погодите. Горизонтальные рули может заклинить в положении «погружение». Лодка тогда пойдет вниз и ударится о дно. Так мы ее утопим.

— Как же быть?

— Подстерегите момент, когда начнется какое-нибудь минимальное всплытие. Кажется, дно под ней повышается?

— Да.

— Тогда ждем.

Энергии лодке все еще хватало. Используя аккумуляторы, она плыла со скоростью более двадцати шести узлов, как и прежде не реагируя на радиоуговоры. Курс ее сначала зигзагообразно менялся, но потом выровнялся.

— В сорока милях к северо-западу начинается район подводных пещер, — предупредил софус. — Возможно, лодка попытается скрыться в одной из них.

— Было бы разумно, — кивнул Бертран.

— Во всяком случае — логично, — сказал Реджинальд.

— Не успеет, — заявила Луиза. — Рельеф дна повышается.

— Реджи, слышишь?

— Не только слышу, но и вижу. Лодка должна пройти над подводным хребтом через пять-шесть минут.

— Стреляй примерно в километре до гребня.

— Понял.

— Скорость — двадцать пять узлов, — доложил софус.

Бертран потер руки:

— Ага, падает.

Реджинальд усмехнулся.

— А ты сомневался?

— Сомневаться полезно, Реджи.

— Не сомневаюсь, кэп.

— Этого-то я и побаиваюсь в тебе, парень.

Микроволновый удар настиг беглянку там, где и планировалось, — в полумиле от вершины хребта Биба, на глубине шестьсот с небольшим метров. Приборы сообщали, что удар достиг цели, система управления либо повреждена, либо дезорганизована. Но по этой же причине автоматика аварийного всплытия не сработала, лодка на поверхность не вышла.

Напротив, потеряв контроль за своим движением, подводный корабль сел на скалистый грунт. Через сброшенные гидрофоны был слышен скрежет металла.

— Сработано не слишком чисто, — отметил Бертран. — Воздух не шипит?

— Нет, — сказал Реджинальд. — Обошлось без пробоин.

Поколебавшись, добавил:

— Вроде бы.

— А ты усваиваешь уроки.

— А вы, конечно, сомневались, сэр.

— Нет. На этот раз — нет. Я же знаю, что ты трусоват. И чем тебе страшнее, тем больше болтаешь. Пожалуйста, перестань гладить свои коленки!

— Свои колени-то. Хочу — глажу.

— Ткань скрипит невыносимо.

— Хорошо, — сказал Реджи.

И начал вздыхать. Делал он это, как и все, что делал, весьма артистично.

Усилием воли Бертран заставил себя отвлечься от шумопроизводителя и сосредоточился на управлении. Приводнившись несколько в стороне, он выждал еще полчаса. За это время морская вода охладила раскаленную обшивку «Гепарда». Шипение, свист, бульканье за бортом утихли. Стал слышен ветер. Рассерженные волны так шлепали по броне, что брызги взлетали выше надводной части шнелльбота, раз за разом окатывая иллюминаторы.

— Так можно и морскую болезнь заполучить, — озабоченно сказал Реджинальд.

— Штормит, — меланхолично согласился Бертран. — Сам будешь спускаться в батискафе, Якоб?

Некоторые люди способны внушать уважение ничего для этого не делая, просто не суетятся. Обратиться к ним с прямым приказом практически невозможно.

Ван Вервен ответил не сразу. Подумал, потом спокойно кивнул.

— Робот слишком громоздок для осмотра отсеков.

Бертран заколебался.

— Знаешь, лучше повременить.

— Почему?

— Существует еще и ручное управление пуском торпед.

— Ты думаешь, там есть кому их пускать?

— Кто знает. Похоже, что на этой планете ни в чем нельзя быть уверенным. Не так ли, Реджи?

— Возможно, — допустил второй пилот.

— Так что же делать? — спросил Ван Вервен.

— Скоро к лодке подойдет вторая гидрофонная станция. Если с ней ничего не случится, тогда и начнем.

— Что ж, разумно.

— Якоб, поешь что-нибудь, — сказала Луиза.

— Спасибо, пока не хочу.

— Правильно, — одобрил Реджинальд. — При ранениях в живот... Ой, что-то не то болтаю.

Ван Вервен усмехнулся.

— При ранениях в живот? Ядерной торпедой?

— Да, да, молод и глуп, — согласился Реджинальд. — Обижаться на меня нельзя. Включить наружную вентиляцию? Обожаю морской воздух. Навевает, знаете ли. Паруса и все такое. Вдохнешь, бывало, полной грудью...

— Пожалуй, у тебя есть одно достоинство, — утомленно сказал Бертран.

— Ух ты! Какое?

— Инициативность.

— Может, оно и одно, — задумчиво ответил Реджинальд, — но его много.

— Даже очень.

— Верно. Так, где эта кнопочка, сэр?

— Знаешь, чем отличается мопс от глупса?

— Чем?

— Мопсов у нас нет.

— Да-а? — Реджинальд с сомнением покосился на Луизу. — Так где кнопочка, сэр?

— А вон там, рядом со счетчиками радиации. Видишь, огоньки мигают? Красные такие? Вдохнешь, бывало, полной грудью...

— Надо же! А я и не заметил. Луизка потрудилась на славу. Набабахала.

— Реджи, перестань меня цеплять, — начала сердиться Луиза. — А то знаешь.

— Эге! Сквозь косметику проступило лицо. Берт, ты не мазохист?

Тут Луиза не выдержала, слегка пнула его в ногу.

— Папе пожалуюсь, — пригрозил Реджинальд.

— Тихо, — сказал Бертран.

Оба примолкли.

— Нет, показалось. Лу, продолжай воспитание.

— Что показалось? — заинтересовался Ван Вервен.

— Да вроде пятно какое-то.

— Где?

— На дне.

Ван Вервен наклонился к его экрану.

— Не вижу.

— Показалось, значит.

— Вторая акустическая станция подошла к лодке, — доложил софус.

— Расстояние?

— Тридцать четыре метра от правого борта.

— Давай-давай, показывай.

Софус дал изображение со дна. Темный борт субмарины занял почти весь экран. Лодка лежала с заметным креном, так что в луче прожектора различалась поверхность палубы с кольцами люков над ракетными шахтами. Дальше к носу располагался обтекаемый нарост рубки. На ней светилась люминесцентная надпись.

— «Си Гвард», — прочел Реджинальд. — Морской страж, значит. Ну и кого подстерегал сей страж?

— Пора узнать, пожалуй, — сказал Ван Вервен.

— На всякий случай тоже подходи сбоку, — посоветовал Бертран.

— Хорошо.

— Берт, а можно мне с ним? — спросил Реджинальд.

— Нет.

— А ты вообще умеешь говорить «да»?

— Умеет, — сообщила Луиза. — Хватит намеков, не то...

— Эх, нет в тебе утонченности, Луизка. Одни утолщенности.

* * *

Ван Вервен спустился в батискаф и задраил люки.

— Готов.

Дно «Гепарда» раскрылось, в его трюм хлынуло море.

— Отсоединяю кабели, — сообщил Бертран.

— Понял.

Батискаф с почтенным именем «Нерей» скользнул вниз. Ван Вервен тут же включил электромоторы на погружение, чтобы не стукнуться о дестроер. Под плоским брюхом шнельбота сияло электрическое зарево. Благодаря сильным лампам вода некоторое время была совершенно прозрачной, едва заметной. Затем ожерелье прожекторов отдалилось, уменьшилось, слилось в смутное пятно, которое к тому же начало смещаться в сторону.

Внешний слой обшивки «Нерея», выполненный из сверхупругих композитов, начал сплющиваться под растущим давлением забортной воды. Объем судна при этом уменьшался, облегчая погружение.

— Быстро опускаешься, — проворчал Бертран.

— Нормально.

— Ладно, мудрыми советами мешать не буду. Но на связи остаюсь постоянно. Сообщай, если что.

— Добро.

Менее чем за четверть часа батискаф достиг дна и застопорил винты вертикальной тяги. Воцарилась тишина. Слышно было только потрескивание прочного корпуса от давления водной толщи. Никаких других звуков снаружи не доносилось. За пределами зоны освещения нависла плотная тьма.

Сориентировавшись по карте и сигналам «Гепарда», Якоб включил двигатели горизонтальной тяги, продвинув суденышко на сотню метров вперед. Туда, где приборы обнаружили отлогий подъем дна.

Свет носовых фар лег на илистую поверхность с обрывками белых, похожих на проволочные, спиралей. Так выглядят виргуллярии — особая форма глубоководных животных. Их вытянутые тела шевелились, колеблемые током воды. По этим движениям легко угадывалось направление придонного течения.

Оно оказалось попутным. С его помощью до цели можно было добраться минут за пятнадцать ускоренного хода. Вот только существовали сомнения в том, стоит ли применять ускоренный ход. До сих пор «Си Гвард» характер проявляла малодружелюбный. Но все складывалось вроде благополучно, а полной безопасности на свете не бывает... Ван Вервен дал полную мощность электромоторам.

— А профессор-то — ничего, — прокомментировал Реджинальд. — Может.

Бертран и Луиза промолчали, вглядываясь в экраны. Потом командир незаметно постучал по подлокотнику кресла, а Луиза перекрестилась.

Субмарина лежала на глубине, недоступной свету поверхности. Маленький автоматический скаф-разведчик освещал сверху ее среднюю часть. Тишину нарушал писк гидролокатора, да где-то в недрах «Си Гварда» шипел воздух. Якоб прислушался. На течь это было не похоже, поскольку не улавливались характерные звуки бьющей под давлением в сотни атмосфер струи. Струи, запросто ломающей человеческие кости. Пробоина на глубоководном судне такая вещь, что, раз увидев, не забудешь...

Прячась за грядой скал, Ван Вервен вел батискаф над самым дном. Крутой бок подводной лодки уже просматривался в передний иллюминатор. С него свешивались обрывки лееров. Придонное течение их пошевеливало, отчего казалось, что корабль обзавелся щупальцами. Это усиливало ощущение исходившей от него угрозы.

Конечно, торпеды, если таковые на лодке еще оставались, не должны взрываться поблизости от нее. К тому же перед батискафом по донному илу ковылял шестиногий робот. Прочный корпус позволял использовать «скорпиона» для подводных работ, причем часть его вооружения сохраняла действенность.

Но больше успокаивало то, что чувствительные детекторы разведчика не обнаруживали признаков активации боеголовок. Очень могло быть, что лодка исчерпала наконец свой арсенал.

Робот вскарабкался на подводную скалу, несколько возвышающуюся над корпусом «Си Гвард». С ее вершины он

спрыгнул на ее палубу. Через гидрофоны послышался скрежет когтей. Спустя пару минут робот доложил:

— Я — «Скаут-46», ракетные шахты пусты.

Якоб удовлетворенно кивнул и приказал ему заварить крышки всех торпедных аппаратов.

— Приступаю, — коротко ответил «скорпион».

Цепляясь за перо руля, он спустился с палубы. Под кормовым свесом лодки возникло дрожащее зарево. Сначала с одного борта, потом — с другого. Через четверть часа робот заварил и носовые торпедные аппараты. «Си Гвард» перестала представлять угрозу для внешних объектов. Но что таилось у нее внутри? Не найдется ли там безумец, способный взорвать лодку вместе с собой?

Дождавшись исполнения своей команды, Ван Вервен повел батискаф вперед. Медленно вращая винтами, «Нерей» пересек щель между скалой и бортом лодки, завис над блестящей в лучах фар палубой. Через нижние объективы Ван Вервен видел окалину на кромках ракетных жерл, рубчатую поверхность противоскользящего настила, швартовые кнехты, воинственно задранный ствол скорострельной пушки. За рубкой, под колпаком стеклотитана, к палубе был принайтован разведывательный вертолет. Из сот внешней подвески машины выглядывали наконечники ракет. «Си Гвард» была оснащена со скрупулезным соблюдением всех правил и требований, предъявляемых к боевому кораблю эпохи Войн.

— Берт, видишь?

— Да.

— Что скажешь?

— Рассчитано на серьезного противника.

— Но противник оказался еще серьезнее?

— Увы. Удивлюсь, если внутри хоть кто-то уцелел.

— Я тоже. Ну ладно, начинаю.

Ван Вервен опустил батискаф над затопленной шахтой. Слабоватый насос «Нерея» долго откачивал из нее воду, но с задачей справился. Возникшее отрицательное давление плотно присосало днище батискафа к люку.

— Наверху все спокойно, — сообщил Бертран. — «Гепард-2» тоже ничего подозрительного не видит. В общем, мы последим, Якоб.

— Да, было бы неплохо.

— Профессор, мы будем на высоте, — пообещал Реджинальд. — Намного выше вас, уж извините.

— За что? — не понял Якоб.

— За невольное высокомерие.

— Любите играть словами?

— Все чем-нибудь играют.

— Даже я?

— Даже вы.

— Чем?

— В данный момент — тайной. До этого немного играли жизнью.

— Изящно сказано, Реджинальд. Мне нечего возразить.

— Космофлот, сударь.

По канатной лесенке Ван Вервен спустился в шахту. Там все еще чувствовался угарный запах ракетного топлива. Свет «Нерея» проникал до дна огромного стакана и там, у дна, делал видимой вогнутую поверхность двери. Было холодно. Сырость ощущалась даже внутри плотного гидрокостюма.

Якоб стукнул по металлу рукояткой фонаря. Резать стену не хотелось, поскольку потом, когда батискаф всплывет, в шахту вновь хлынет море, и через дыру вода попадет в один из отсеков лодки. Не по-хозяйски.

Ван Вервен спустился в лужу на дне шахты, отвел в сторону гибкую трубу, через которую «Нерей» откачивал воду, включил фонарь и осмотрел дверь. Разумеется, она была заперта, к тому же — частично оплавлена. Стенки шахты делали из не очень жаропрочного сплава. Рассчитывали на однократное использование... Замок не открывался.

Выхода не было. Пришлось пустить в ход резак. Но и в этой ситуации Якоб постарался принести минимальный вред — он поднялся почти к самому днищу батискафа и вскрыл шахту в самой верхней части, у «горлышка», в расчете на затопление только ограниченного подпалубного пространства.

— Приготовь оружие, — тихо посоветовал Бертран.

Ван Вервен молча пожал плечами. Он весьма сомневался в том, что найдет на борту хотя бы одну живую душу. А если и найдет, то не для того, чтобы стрелять.

Перед тем как попасть в экипаж «Вихря», Якоб Ван Вервен, профессор океанологии Принстонского университета,

прошел многоступенчатый отбор, а потом его учили многому, не только вождению батискафа. Он был уверен, что сумеет обезоружить любого человека из экипажа лодки, поскольку тот неизбежно будет далеко не в лучшей форме после нескольких лет заточения в этих отсеках. Во всяком случае, среди членов экипажа «Вихря» Ван Вервену могли противостоять только старший офицер да Рональд Пеккола, полковник корпуса космической пехоты ОКС, которому, как говорится, сам Устав велел. Было даже хорошо, что Реджинальда не отпустили, иначе за парнем пришлось бы присматривать, а это рассеивает внимание.

Внутри лодки все еще работало аварийное освещение, оставляющее неприятный сумрак по углам. Пахло тоже неприятно, но чем-то техническим, запаха тлена и разложения не ощущалось.

Конструкцию боевых подлодок старины Якоб специально не изучал, но все подводные суда имеют много общего. В принципе «Си Гвард» представляла всего лишь усложненный вариант «Нерея», и это помогало ориентироваться.

Первой заботой, конечно, являлось состояние реактора — энергетического сердца корабля. Несколько поплутав, наткнувшись на пару глухо задраенных люков, Ван Вервен все же достиг реакторного отсека. Там все оказалось в порядке. Аварийная автоматика сработала надежно, графитовые стержни по самые головки ушли в свои каналы, да и излучения «Гепарда» свое дело сделали. Так что взрыв не угрожал, можно было приниматься за выполнение главной задачи — выяснению того, что случилось с лодкой, и почему она так агрессивно встретила людей.

Еще по пути в реакторный отсек Якоб кое-что обнаружил. Да, на этом подводном корабле, несомненно, когда-то был экипаж. Об этом свидетельствовала разбросанная по пайолам, повисшая на приборах, пультах и спинках операторских кресел морская униформа. Складывалось впечатление, что команда внезапно покинула «Си Гвард», предварительно раздевшись донага, аккуратно вложив при этом в мундиры нижнее белье и оставив рядом обувь. Что все это могло значить?

Якоб пробрался в центральный пост и через аппаратуру «Нерея» рассказал о своих находках наверх.

— Опять чертовщина какая-то, — вздохнул Бертран. — Попробуй войти в компьютер.

— Уже пробовал. Вряд ли из него можно что-либо извлечь. Вы здорово постарались с волновым ударом. А может, кто-то еще до вас постарался.

— Ну... Не знаю, что и посоветовать. Ищи дневники какие-нибудь. Быть может, они вели рукописный журнал.

— Хорошо.

Якоб проверил места, где в принципе мог храниться судовой журнал. Но все сведения, по-видимому, записывались в память компьютера, которая, если и сохранилась, пока оставалась недоступной.

Якоб еще раз внимательно осмотрел все тесноватое помещение центрального поста. В нем находилось несколько офицерских мундиров. Струи воздуха от вентилятора, больше пяти лет неутомимо перегонявшего никому не нужный воздух, пошевеливали свешивающиеся с кресел рукава. Большинство мундиров лежали в похожих положениях, как бы имитируя живых людей, — куртки на спинках, брюки — на сиденьях кресел. Очевидно, здесь произошло нечто очень похожее на то, что случилось во многих домах Трои. Только одна куртка сползла вниз и лежала поверх брюк. Куртка капитана, как оказалось.

Якоб поднял ее. Во внутреннем кармане прощупывался какой-то плоский предмет, небольшая коробочка. Видимо, его тяжесть и стянула куртку на пол. Больно ударившись о тумбу перескопа, Ван Вервен перенес коробочку под аварийный светильник. Вещь оказалась карманным диктофоном. Он тут же нажал кнопку воспроизведения, почти не надеясь на удачу.

Но мигнул зеленый огонек, послышались шорохи, звуки дыхания, отдаленные голоса, лязг металла, шипение сжатого воздуха, вырывающегося на свободу. Прибор работал.

Якоб понял, что не зря потратил столько энергии, пробираясь на «Си Гвард». Он положил коробочку на штурманский столик и присел на какой-то ящик.

Качество записи было весьма неважным, большая ее часть требовала добротной компьютерной реставрации, но многое

слышалось достаточно отчетливо, особенно громыхающий бас, принадлежавший, по всей видимости, хозяину диктофона. Лучше всего сохранилась последняя часть записи, как раз и представляющая наибольший интерес.

— «...ничего не видно... Нет, нет держитесь прежнего курса. Сорок узлов, и ни футом меньше. Так, хорошо. Девиация? Ерунда! Нашел, о чем сейчас плакать. Потап, не сопи в ухо. Что за привычка! В самый напряженный момент. Да понял, понял. Прицел действует? Вот и стреляй. Конечно, прямо сейчас, когда же еще? Забудь ты про экологию, малохольный! Черт, какой же это флигер, вислоухие?! Сбивать, сбивать и сбивать!»

В фонограмму ворвался рокочущий грохот.

— «...давно бы так... видишь, совсем не больно. Отсчет! Нет, одной хватит. Запрос Трои? Ответь, что ведем бой, подробности — письмом. Впрочем, не отвечай ничего. Сначала надо объясниться с этими тварями, потом уж с президентом. Какие огурцы? Это код такой? Нет? Маринованные? Рассыпали? Дурдом! Живы будем, я те устрою, гурман! Я те покажу закуску в Центральном посту! Кто подбирается, что подбирается? Э, это надо пресечь. Гидролокатор их не цепляет? А резервный? Ладно, потом разберешься, наводи по радару. Кормовые торпедные аппараты — товсь! Залп без дополнительной команды, сразу, как только... Право — сорок градусов, пузырь в носовые цистерны, полный ход! Ну, держитесь, волчары. Сейчас будет гидродинамический блям-блям. Да всплываем. Как ты догадался? Знаю, что не манна небесная, а что делать прикажешь? ...торпеды вышли... как нет детонации? Уже на борту? Ну вот. Дождались, экологи. А у нас огурцы рассыпаны... Черт возьми, Ёсинака, чего ждем? Устав забыл? Задраить отсеки! Приготовить личное оружие! Гордитесь, первый случай абордажа в подводном положении. Да, представь себе, покорно пожираться не намерен. Потап, опять в ухо? И это — перед смертью?! Весь пафос... О! Так вот они есть какие... Ур-роды! Получайте...»

Из коробочки раздался щелчок выстрела, а потом послышалось что-то вроде звука откупориваемой бутылки, голоса

смолкли. Якоб продолжал сидеть на ящике, все еще сжимая диктофон. Из задумчивости его вывел Бертран.

— Нашел что-нибудь?

— Ты же слышал.

— Да. Хотел бы я тоже видеть этих уродов.

— Погоди, увидишь еще.

— Больше ничего не нашел?

— Ничего существенного. Обстановку заснял.

— Хорошо. Бери диктофон и быстро возвращайся. Очень быстро.

— Что так?

— Приказ «Вихря». Там зреют решительные действия.

— Уже?

— А сколько еще ждать? Будь что будет, не так ли Реджи?

— Якоб, возвращайтесь, — сказал Реджинальд. — Луиза обед приготовила. Может съесть.

На этот раз его юмор показался особенно неуместным. Слушать про какой-то обед на борту корабля, экипаж которого не дрогнул в бою с загадочным и, видимо, страшным противником...

Ван Вервен поднялся с ящика и неловко поклонился креслу капитана. Что еще полагается делать в подобных ситуациях, он не знал.

Где-то капала вода, словно подводная лодка «Си Гвард» роняла слезы. Тумба перископа, плафоны аварийного освещения, стереофотография обнаженной женщины, кресла, экраны, пайолы — все было покрыто сконденсировавшейся влагой. В последнем пристанище подводников становилось зябко. Неживая тишина угнетала.

— Якоб, пора, — поторопил Бертран. — Лодка протекает.

— Иду.

Захватив диктофон, по винтовой лесенке он спустился в коридор верхней палубы. Вдоль накренившейся стены тек ручей. У отсечной переборки скопилась глубокая лужа, и вода уже переливалась через комингс. Над приоткрытой дверью както нехотя мигала аварийная лампа. Снизу, из шахты лифта, поднимался едкий туман от поврежденных аккумуляторов.

Оттуда же доносился характерный вибрирующий гул, с которым струя большого давления хлещет в пустую емкость. Тот, кто хоть раз слышал, такое не забывает.

— Якоб, ты идешь? У нас тут веселее, хотя и качает.

Приняв на борт батискаф, Бертран не стал терять времени. «Гепард» стартовал прямо по вертикали. Бушующие волны остались внизу. Впереди заметались тучи, словно пытавшиеся прилипнуть к обшивке и удержать шнелльбот. Слой облаков был толстым, но с четкой верхней границей, закончился без перехода. Распахнулась чистая голубизна неба, сгущающаяся в зените.

Бертран не сбрасывал ускорения. Басовито ревели двигатели, вибрировал корпус, навалились перегрузки. Но на высоте в тридцать километров траектория полета начала искривляться, тяжесть спала. Спинки кресел постепенно приобрели привычный наклон. В правом окне показалось оставшееся внизу облачное покрывало. Его поверхность ослепительно блестела. Воздух над облаками был кристально прозрачен. Вдали раскинулась огромная радуга.

А через левое окно, все больше становящееся верхним, заглядывала густая синева с крапинками звезд.

— Какая красивая планета, — сказала Луиза. — Настоящий цветок космоса. Жаль...

— Приманка и должна быть красивой, — отозвался Реджинальд.

Бертран прокашлялся.

— Реджи, ты почему раскрыл жалюзи без команды?

— Что, и поговорить нельзя?

— При чем тут — поговорить? Я спрашиваю о броневой защите окон.

— Ах это. А я-то подумал...

— Послушай, чтобы больше такого не было. Мы не в учебном центре, кадет.

— Да ладно, — сказала Луиза. — Надо же полюбоваться. Якоб, неужели под водой вам нравится больше?

Ван Вервен отрицательно покачал рукой.

— Не такой уж я фанатик профессии. Подводная красота сумрачна. Пройденный нашими далекими предками этап эволюции. А здесь дышится как-то...

— Как?

— Радостнее.

— Это точно. Человек создан для воспарений, а не утоплений, — изрек Реджинальд. — Истинно говорю я вам.

— Дело не только в этом, — признался Ван Вервен. — Можете считать меня мнительным, но чем ближе к центру Кампанеллы, тем тревожнее.

— Еще бы, — кивнул Реджинальд. — В планетном ядре условия для человека очень тревожные. Некомфортные.

Вскоре они вышли на орбиту. Дружески помигав огнями, сбоку пристроился шнелльбот-страховщик. Он подошел так близко, что в окне приплюснутой башенки управления различалась физиономия что-то жующего командира. Реджинальд показал ему язык. Баллард поперхнулся и погрозил кулаком. Потом листы обшивки раздвинулись, башенка целиком погрузилась в корпус дестроера.

— Вот чудак! Обиделся, — сказал Реджинальд.

Бертран вызвал на связь соседа:

— Абрахам, ты же знаешь, кто это был.

— Понятно, — сказал Баллард. — Извинения приняты. В остальном, надеюсь, у вас порядок?

— Да, спасибо. Ты летишь с нами?

— Нет, останусь на орбите.

— Спокойного дежурства! Конец связи.

— Реджи, тебя хоть кто-нибудь любит? — спросила Луиза.

— Да все любят. Только еще не поняли, поэтому пока терпят.

Дневник командира звездолета

18 августа

Эта маленькая коробочка с подводной лодки привела к простой мысли: а что, если и «Звездный Вихрь» постигнет такая же судьба? И если запись в этом диктофоне уцелела в прошлый раз, кто знает, не уцелеет ли повторно? Поэтому приборчик отныне будет при мне.

Рональд успел его окрестить амулетом суеверия. Амулет так амулет. Для меня он прежде всего знак обязательства перед грубым, но отважным мужчиной, командовавшим «Си Гвардом». Так же, как и перед остальными жителями планеты. Все же надеюсь, это — не единственное, что после нас останется. Обязана надеяться. О каком-то ином исходе думать не хочется. Иной исход будет означать, что земляне, очень может быть, вообще не в состоянии совладать с силой, которая здесь проявилась. И что тогда?

19 августа

Итак, накануне обезврежена вооруженная подводная лодка, которой кампанелляне пытались прикрыться от неведомой опасности с моря. То, что они собирались обороняться не только на суше, но и на море, отражает глобальный характер интервенции. После споров, прений и обсуждений мы пришли к выводу, что средства нападения представляли собой множественные обособленные объекты, запрограммированные на поиск и захват (истребление?) высокоорганизованных форм жизни. Нападение произошло внезапно, развивалось стремительно, отличалось огромной, если не абсолютной, эффективностью. Так может протекать только тщательно спланированная акция с четко поставленной задачей. Все офицеры в этом убеждены. Я тоже согласна. Более того, считаю, что это было проявлением мощного интеллекта, стоящего на высшей по сравнению с нами ступени развития. Не все с этим согласны. Рональд не исключает вмешательства автоматической системы, творцов которой уже не существует. Но в любом случае на Кампанелле мы нашли следы действия еще неведомой землянам силы, смысл этого действия пока загадочен. Будем вести поиск. Завтра предложу десантирование, время для него пришло. Думаю, большинство высадку одобрит. Риск, конечно, есть. Случайно или нет, первый рейд «Гепарда» оказался успешным. Но кто зна-

ет, может, призраки и не исчезли? Затаились, подстерегают, шевелят усами. Ждут, когда мы потеряем бдительность, приоткроемся. А чтобы их обнаружить, придется рисковать.

Трудно сказать, какое время нам отпущено. Счастье, что мы располагаем «Вихрем» со всеми его возможностями. Возможностей транспортного звездолета «Альбасете» явно не хватило.

4. ДЕСАНТ

КРЕЙСЕР «ЗВЕЗДНЫЙ ВИХРЬ». КАЮТА КАПИТАНА

КОСМИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ ОТКЛЮЧЕНА.
ВООБЩЕ ВСЯКАЯ СВЯЗЬ ОТКЛЮЧЕНА.
— Ронни, Ронни.
— А? Что?
— Ничего. Просто люблю тебя.
— Это ты... правильно, командор.

По прозрачной крыше конференц-зала бродили охранные роботы. Казалось, они подсматривают за тем, что творилось внизу, где собрались люди. Они собрались в необычно большом количестве и продолжали подходить.

Рональд и Маша пришли в числе последних. Рональд поспешил затеряться. Из-за их романа он чувствовал себя нарушителем субординации. Ничего не мог поделать со своим предрассудком, корни которого тянулись еще к академии в Вест-Пойнте.

Маше же затериваться не позволяла должность. С официальным видом она начала спускаться между креслами амфитеатра. В глубине души она тоже хотела как можно меньше привлекать внимания, но из этого ничего не получилось.

— Славно выглядишь, командор!

— Мари, нужно принимать решение наконец. Ты понимаешь, о чем речь?

Маша кивнула.

— Один взгляд, повелительница!

В проходе почтительнейше раскланивался Хосе. Маша помахала платочком и прошла к председательскому месту. На правах старейшины там сидел худой и высоченный Ван Вервен. При ее приближении океанолог встал. Первая леди стала напоминать студентку перед грозным профессором.

— Предисловия нужны? — спросил Ван Вервен.

Маша взглянула на него снизу вверх, вздохнула и покачала головой. Ван Вервен кивнул и повернулся к аудитории.

— Большой совет объявляю открытым, — хорошо поставленным голосом объявил он.

Все собравшиеся когда-то были студентами. Разговоры в зале стихли. Кто-то в задних рядах традиционно закашлялся.

Маша поправила платье. Изящное, но очень строгое. Она тоже волновалась. Впервые за многолетнюю карьеру ей предстояло принять решение, ставящее под совершенно реальную угрозу человеческие жизни.

— Коллеги! Почти все, что можно узнать с орбиты, мы узнали. Результаты всем известны. К сожалению, ответа на главный вопрос: что случилось на Кампанелле? — нет, как ни важно нам знать, возникло ли новое страшное заболевание, проявилось ли действие неизвестных сил космоса, либо перед нами — результаты осмысленного вмешательства. Между тем наш долг — найти людей. Помощь все еще могут ждать. Там, внизу. Считаю, что поиски объяснений пора совместить с поиском уцелевших. Уверена, одно другому не только не помешает, но и поможет. Поэтому предлагаю начать полномасштабное обследование планеты — суши, воды, полостей коры. Словом, пора высаживаться. Разумеется, соблюдая все возможные меры предосторожности. У меня — все.

Зал молчал.

— Кто хочет высказаться? — был вынужден вмешаться Ван Вервен.

— Милдред Мишо.

— Прошу.

Поднялась энергичная чернокожая женщина, начальник аналитического центра экспедиции. Тряхнув многочисленными косичками, она сказала:

— Должна уточнить, что с орбиты можно собрать еще много информации, хотя и не это главное. Я не могу представить заболевания, уничтожающего даже скелеты, тут что-то другое. Маша, трудно не понять твоего порыва. Все хотят поскорее найти кампанеллян. Но хочу обратить внимание на одно обстоятельство. Мы слишком быстро попривыкли к тому, что исчезло население целой планеты, а зря. Происшествие как

было, так и остается невообразимым. И раз оно случилось на Кампанелле, может случиться еще где-то. Не хочу пугать, но получается, что на нас лежит ответственность за все обитаемые планеты, понимаете? Пока есть возможность не рисковать, мы не имеем права рисковать. Следующий хорошо оснащенный звездолет здесь долго не появится, Земля еще ничего не знает. Если же большую часть экипажа бросим на поиски, мы распылимся по площади в сотни миллионов квадратных километров. Люди окажутся без надежного прикрытия, станут беззащитными. Не зная даже перед чем. У меня все.

— Спасибо, — сказал Ван Вервен. — Кто еще против высадки?

— Да я не против высадки, — пожала плечами Милдред. — Рано или поздно, сделать это придется. Вопрос лишь в том, когда, где и какими силами.

— Тогда уточните свое предложение.

— Предлагаю сначала послать небольшую группу, сосредоточив на ее охране максимальные силы. Осмотреться, узнать, к чему это приведет. А потом, исходя из обстоятельств, либо ее вернуть на борт, либо постепенно расширить поисковую партию.

— Что ж, резонно. Хотя сроки поисков при этом неизбежно растянутся. Кто еще хочет взять слово?

Поднялся Александер Мбойе.

— Напоминаю, что каждый имеет право рисковать собой. Пусть отправляются добровольцы. Столько, сколько наберется. Лично я высаживаюсь. Кто еще?

В зале поднялись руки.

— О, — сказала Маша. — Не так много. Учтите, что вернуться можно будет только после тщательного медицинского обследования. Доктор Инти, какой срок карантина установим?

— Не меньше двадцати одного дня.

Маша секунду подумала.

— Принято. Но тогда все главные специалисты должны оставаться на «Вихре». Александер, не надо протестовать. Займись лучше планом операции. В первой партии пойдут шесть человек. Старший — полковник Пеккола. Предосторожности — максимальные. В частности — патрулирование района высадки дестроерами. Ска-

фандры высшей защиты. Крейсер подтянуть к планете еще ближе, на расстояние действенного огня. Задача — прикрывать дестроеры. Ну и тому подобное.

— Вариант «большого зонтика»? — спросил Мбойе.

— С элементами «слоеного пирога».

— Прошу разрешить командование шнелльботом.

— Нет.

— Я хороший пилот.

— Все равно — нет.

— Почему?

— Потому что Милдред сказала разумную вещь. Александер, твой опыт сейчас важнее твоей смелости.

Под погонами старшего офицера набухли мышцы. Он поднял кулаки к прозрачному потолку, то ли протестуя, то ли взывая о справедливости:

— Матриархат!

— Какой актер пропадает, — с сожалением заметила Милдред.

Мбойе побагровел.

Ночь заканчивалась. В предрассветном сумраке уже сияли вершины гор, хотя их подножия утопали в глубокой тьме. Из этого мрака проступали размытые, чуть более светлые пятна облаков. Обширная горная страна, плывущая под днищем десантного корабля, одним краем просматривалась в дымке восхода, а вот противоположный различался только на экранах радиолокатора.

Внизу же располагалось знаменитое Вулканное Кольцо, одна из достопримечательностей Кампанеллы. Телескопы позволяли различать черные провалы ущелий, полосы ледников, извилистые нити рек, озера, пламенеющие кратеры, окруженные сетками светящихся лавовых трещин. Но во всем впечатляющем царстве скал, снега, огня и воды что-либо доселе неизвестное человеку отсутствовало.

Абрахам Баллард, пилот «Гепарда-2», еще раз сверился с полетной картой и нажал кнопку вызова. Ожил экран связи с «Вихрем».

— Слушаю, — отозвался Мбойе.

— Мы готовы.

— Разрешаю.

Баллард помахал ему перчаткой и включил программу спуска. Софус немедленно выстрелил за борт сверток металлизированной пленки. В разреженной тропосфере она быстро наполнилась газом, превратившись в копию шнелльбота, внешне неотличимую от оригинала. Поблескивая в первых лучах Эпсилона, фантом начал отставать.

— Есть обманка, — доложил софус.

— Программу продолжать, — отозвался Баллард.

Вспыхнули огни предупреждения. Корабль включил тормозные дюзы и начал проваливаться. Только что взошедшее оранжевое светило поспешно упало за горизонт — видимо, за компанию. В пилотскую кабину проник гул двигателей, свистящие атмосферики на время прервали радиосвязь. Перегрузки развернули кресла экипажа спинками вперед. Изображения на кормовых и носовых экранах при этом автоматически поменялись местами.

— Пора закрыть окна, — сообщил второй пилот.

Баллард кивнул.

— Эй, десант, как вы там?

— Порядок, Абрахам. Очень красиво. Пронзительная красота.

— Да, да, — пробормотал Баллард, окидывая взглядом приборы. — Пронзительно красиво бывает тогда, когда любоваться некогда.

Но проблем вроде не предвиделось. Следуя программе, корабль летел на восток, и вскоре Эпсилон взошел повторно. Озаренная его светом, внизу проплыла величественная розово-голубая вершина. Пропустив ее под брюхом, «Гепард» продолжил спуск.

Каменистая поверхность планеты приближалась. Уже проступало дно ледниковой долины. Под объективами замелькали трещины, торчащие из снега утесы. Обгоняя собственный рев, оставляя километровый шлейф выхлопных газов, сдувая шапки сугробов, дискоид ворвался в ущелье и понесся вдоль границы света и тьмы, постепенно забирая к северу. Баллард был вынужден накрыть объективы левого борта плотными светофильтрами, иначе не выдерживали глаза.

Скрыть высадку со шнелльбота от современных средств наблюдения невозможно, реально лишь получить выигрыш по времени, поэтому главная ставка делалась на стремительность.

— Хелло, «Гепард», я — «Вихрь», вижу вас отчетливо. Пространство спокойное, отвечать не надо. Конец связи.

Корабль опустился ниже гребня хребта, в феерию льда, снега, базальтовых и сиенитовых скал, рассмотреть которые из-за скорости уже было невозможно. На нижних экранах разматывались диссонирующие ленты резких пурпурного и фиолетового цветов — снег на свету и снег в тени. Какие-то детали на нем не различались, смазывались из-за скорости.

Выше панорама оставалась доступной человеческому зрению. С одного борта разгорался восход — оттуда лились потоки света, а с противоположной стороны холодно блестели звезды. Но там уже хорошо различался переход от черноты в насыщенную синеву.

— Да, впечатляет, — пробормотал второй пилот. Он был художником, поэтому Баллард покосился на него с настороженностью, поскольку знал, что этот романтик может предаться грезам.

— Не беспокойся, бдю, — усмехнулся напарник. — Но пришельцев пока нет. Очень скоро все наши предосторожности могут показаться нелепыми.

— Твоими устами, Матти...

Следуя изгибам ущелья, софус короткими включениями дюз бросал шнелльбот из стороны в сторону, через каждую пару секунд вдавливая людей в кресла.

— Абрахам, я «Гепард-1». Подходите к развилке. Отвечать не надо.

Никакого желания отвечать у Абрахама не было сразу по нескольким причинам. Главная из них заключалась в том, что по курсу неотвратимо вырастала седая громадина. В морозном тумане проступали контуры скал. С далекого еще склона сорвалась лавина, за ней — вторая.

Не сбавляя скорости, шнелльбот мчался к подножию пика. Абрахам не удержался и поднял руки к пульту. Но страховка не потребовалась. Софус в последний момент переложил рули, дискоид ушел влево, прижавшись к скалам восточной гряды.

По интеркому было слышно, как в десантном отсеке кто-то шумно выдохнул.

Дух переводить оказалось рановато. Сразу за пиком долина раздваивалась. «Гепард-2» проскользнул в полукилометре от склона, обрушил серию лавин, перелетел хребет, миновал скальные ворота, после чего проник в очередную долину. Гася скорость, включились передние дюзы. Дальше полет продолжился в режиме слалома между отдельно стоящими утесами, сопровождаясь отчаянной болтанкой. В кабине стало почти тихо, поскольку двигатели перешли на малую тягу. Но в этой относительной тишине стал различимым скрип.

Баллард приподнял веки и обеспокоенно взглянул на приборы. По всему пульту устойчиво горели зеленые огни. Курсограф чертил замысловатые каракули, трехмерные голограммы свидетельствовали о штатной работе систем. Температура и давление в камерах сгорания поддерживались с точностью до долей процента. Разогрев обшивки не выходил за пределы допустимого, реактор исправно выдавал энергию. А скрип продолжался.

Борясь с тошнотой, Абрахам затребовал цифровую сводку, но и она ничего не прояснила в причине постороннего звука.

— Ты только не катапультируйся, — прохрипел второй пилот. — Это мое кресло скрипит. Надо садиться на диету...

— Ашшурбанапал! Зачем так долго веселился один?

— Это трудно... назвать весельем, — отозвался Матти. — Уф! Кажется, подходим?

— Верно.

— «Гепард-2», я — Мбойе. Осталось пятьдесят секунд.

— Понял. Включаю отсчет.

Ущелье расширялось. На его дне все чаще попадались открытые участки грунта. Снег сохранялся по большей части у северо-восточной стены, все еще скрытой тенью.

— Ронни, будьте готовы.

— Понял, готовы.

Сбросив скорость, шнелльбот миновал последние повороты. Каньон словно распахнулся. Впереди, меж двух нависающих ледников, открылась спокойная гладь озера Горных Ду-

хов. Снизившись до воды, дискоид направился к противоположному берегу.

— Ронни, пошел!

Днище «Гепарда» распахнулось. Из него вывалился первый флигер. Подняв фонтаны брызг, машина скрылась под водой, потом вынырнула, включила тягу, отползла в сторону.

— Дай малый ход, — посоветовал из озера Рональд. — Выбрасывай через две секунды.

— Понял, понял. Удачи вам!

— Не возражаю.

В озеро упал флигер Игнаца. Рональд тем временем завис над галечным пляжем и развернулся. Похожий на некое яйцекладущее чудовище, шнелльбот шлепал флигеры один за другим. Наконец выпала шестерка, машина Хосе.

— Абрахам, все в порядке. Двигай дальше.

— Удачи вам, Ронни!

— Да спасибо, спасибо. Начинай петлять.

Грохочущий столб воды и пара взметнулся над озером. Когда он опал, дестроера на месте уже не оказалось. С ревом набирая высоту, корабль устремился на северо-запад. Теперь ему предстояло сыграть роль куропатки, уводящей хищника от выводка.

Рональд посмотрел вверх. В утреннем небе спокойно проплывал «Гепард» Бертрана, прикрывавший место высадки. Его, в свою очередь, страховал Барановский, а Нолан находился в резерве. «Большой зонт» раскрывался и пока ни за что не зацепился. Дальше все зависело от самого десанта. И от того, что ему будет дозволено.

Один за другим флигеры подтянулись к тому месту, где из озера вытекала прозрачная речка. Их нагоняла поднятая дюзами шнелльбота крутая волна. Водяной вал захлестнул последнюю машину, покрутил ее, потом играючи швырнул через осыпь. Пилот совладал с управлением уже после того, как дважды перевернулся. Произошел первый сбой в ходе операции.

— Хосе, как ты там? — на всякий случай спросил Рональд.

— Да вот, решил принять душ.

— Пойдешь замыкающим.

— Суров, батюшка.

— А мы не на прогулке. Внимание всем! Напоминаю, дистанция — сто пятьдесят метров, строй кильватера, повороты совершать способом «все вдруг». Поехали!

Рональд прошел над незадачливым флигером, через кабину которого тек ручей. С импульсивным Хосе, любителем бравад и эскапад, всегда что-нибудь приключалось. Знай Рональд этого героя салонов чуть меньше, на первую вылазку ни за что бы не взял. Но Рональд знал его очень давно и с разных сторон. Поэтому спокойно скользнул мимо.

Выдвигая крылья и воздушные рули, за ним двинулись остальные.

— Напоминаю порядок. Четные номера наблюдают с правого борта, нечетные — с левого. Хосе, отвечаешь за то, чтобы нас не клюнули сзади. Вверх поглядываем все.

— Чего же мы все-таки боимся?

Рональд не любил риторических вопросов, поэтому промолчал. Он вел строй «змейкой». Флигеры одновременно бросались то влево, то вправо от генерального курса, затрудняя прицельный огонь и действуя по всем правилам высадки на враждебную планету Предела Освоения.

В голове привычно укладывались, ничуть не мешая друг другу, показания приборов и детали ландшафта. Вот что в голову не укладывалось, так это то, что на сей раз Предел располагался всего в одиннадцати световых годах от Солнца. Но Рональд привык не тратить энергии как на ненужные вопросы, так и на бесполезные переживания. Предел есть Предел, где бы он ни находился. И если уж выбрался на тропу, будь добр, не размышляй тогда, когда от тебя требуется наблюдение. Почаще верти головой. Глядишь, оная и уцелеет.

Флигеры тенями скользили вдоль русла. Минут через двадцать ускоренного хода горы расступились, поток разлился в степенную и глубокую реку, извивающуюся по зеленой долине. Все чаще попадались деревья, сначала одиночные, потом более многочисленные, сливающиеся в рощи. Никаких тревожных сообщений сверху не поступало. Воспользовавшись этим, Хосе решился нарушить молчание.

— Здесь хорошо смотрелся бы замок какого-нибудь владетельного феодала, — заявил он. — Игнац, ты хотел бы стать герцогом?

— Узаконенным эгоистом? Нет, — отозвался Игнац.

Поскольку разговор шел по лазерному лучу и подслушан быть не мог, Рональд не стал его прерывать. Легкая болтовня поддерживает работоспособность мозга.

— Ты соблазны-то представляешь? — удивился Хосе.

— Ну, в общих чертях. Рональд, что это по курсу справа?

— Камень. Обычный ледниковый валун.

— На карте его нет.

— У нас карты одиннадцатилетней давности.

— Думаешь, за одиннадцать лет здесь мог пробежать ледник? — насмешливо спросил Хосе.

— Не думаю. Но камень могли перенести люди.

— Для украшения пейзажа?

Рональд не ответил.

— Слетать? — предложил Игнац.

— Программой не предусмотрено.

— ...«не держись уставу, яко слепой — стены...» — пропел Хосе.

Рональд взглянул вверх. «Гепард-1» исправно плыл там, где ему и полагалось, — чуть в стороне и чуть впереди.

— Только быстро.

— А я медленно не умею, — рассмеялся Игнац.

Он ушел в сторону и отстал.

— Маневр вижу, — сообщил Бертран со своих высот. — Подстрахую.

Рональд отвечать не стал. Достаточно было и одной вольности.

Флигеры тем временем бреющим полетом пересекли реку, поднялись над плоскогорьем и, как предусматривал план, вытянулись в цепь. Место назначения приближалось. В наушниках прозвучал голос Мбойе:

— Рональд, поберегитесь. Шарик падает.

Снаружи уже слышался гул. Просигналив фонарями, Рональд мягко убавил ход своей машины. Другие флигеры послушно повторили маневр.

Гул быстро усиливался, превращаясь в тяжелый грохот с трескучими раскатами. Над горами появился раскаленный болид. Вытянув огненный хвост, он быстро приблизился, и над плоскогорьем заплясали шквальные смерчи. Флигеры тряхнуло с такой силой, что Ио с Хосе даже столкнулись. С Хосе вечно что-нибудь случалось.

Промчавшись дальше, огненный шар неожиданно погас. В нескольких километрах по курсу он грохнул, развалился на половинки, которые скрылись в клубах песка и пыли.

— Все в порядке, — сообщил Мбойе. — Можете заселяться.

Но сразу заселиться не получилось. Когда десантники достигли места падения, оба полушария аккуратно лежали на обдутом скальном грунте. Но над ними струился раскаленный воздух, потрескивала закопченная обшивка, а в радиусе полукилометра тлел кустарник. Ио, Хосе и Турумалай на всякий случай принялись гасить его выхлопом двигателей.

— Вы несколько опередили график, — извиняющимся тоном сказал Мбойе. — Придется подождать.

Рональд впервые включил радиостанцию.

— Игнац, ты в порядке?

— Да. Скоро догоню.

Он ответил с некоторой задержкой, как будто вернувшись из мира грез. Такое состояние для десантника не очень приветствуется. Рональд вновь промолчал, но запомнил.

Ждать пришлось не очень долго. Со стенки одной из полусфер посыпались куски черного металла. В ней возникла трещина, превратившаяся в треугольную щель.

— Есть открытие технического модуля, — доложил Рональд.

Два арбайтера протиснулись между раздвинувшимися листами обшивки. Они тащили гантелеобразный концентратор поля. Миновав стайку флигеров, роботы установили его в южной части выгоревшей зоны. Такие же гантели появились на севере, западе и востоке.

— Внимание! Говорит софус базы «Орешец». Просьба заякорить машины. Провожу пробное включение поля.

Ближайший концентратор приподнялся. Вокруг него образовалось дрожащее марево, опираясь на которое полутонное устройство всплыло и зависло над землей. Взметнувшаяся воздушная волна тряхнула флигеры.

— Поле действует, — удовлетворенно констатировал софус. — Можно покидать машины.

Кабины раскрылись, из них одна за другой выбрались закованные в броню фигуры.

Снаружи скафандр высшей защиты выглядит на редкость нелепо — удлиненное безголовое яйцо, из которого торчат металлические ручки и ножки с утолщениями на суставах. Но такая голенастая конечность способна развивать усилие в несколько тонн. Поэтому когда одно яйцо шутя толкнуло другое, последнее немедленно грянулось оземь.

— Хосе, не балуй, — недовольно сказала Ио.

Когда прилетел флигер Игнаца, из основания второй полусферы выдвинулся тубус с овальной дверью на торце.

— Температура нормализована, — доложил софус. — Можно входить.

— Наконец-то!

Фигуры заковыляли ко входу.

— Шлюзоваться — по одному, — напомнил Рональд. — «Вихрь», высадка произведена. Все благополучно.

— Наши поздравления, — отозвался Мбойе.

Базовый лагерь разведывательной партии расположился в сорока километрах южнее Трои. Софус немедленно принял руководство над роботами, ведущими поиск в городе. А люди получили два часа на отдых. Но уже через час пришло экстренное сообщение, и Рональда разбудили.

— Спутники обнаружили шлюпку с «Фламинго», — сказал Мбойе. — Вставь себе в план. Осмотрите. Когда будет свободное время.

Спросонок Рональд не сразу понял, о чем речь.

— Какой «Фламинго»?

— Ну, тот самый лайнер, который должен был стартовать к Земле, но пропал вместе с населением планеты.

— Не вместе, а в то же время, — поправил Рональд.

— Какая разница?

— Причинно-следственная.

* * *

Разобраться в ощущениях — первая задача интравизора, приступающего к работе. Рональд стоял на площади перед ратушей и озирал окрестности. День выдался очень светлым. Подмывало назвать его солнечным, но не получалось, поскольку над головой сияло вовсе не Солнце. Приходилось считать, что погода выдалась эпсилонной.

Небо над безлюдной столицей Кампанеллы голубело точно так же, как и земное небо начала апреля где-нибудь в средней полосе Северного полушария. И в то же время отличалось. Странное небо, небо без птиц, небо без летательных аппаратов, если не считать высоко плывущей одинокой блестки дестроера. Странное небо, странное даже для того, кто повидал небеса десятков планет. И вроде бы все объяснимо — исчезли люди, а вместе с ними и птицы, поэтому летать больше некому. Тем более что и те, и другие летали здесь далеко не всегда.

С площади перед ратушей Рональд долго разглядывал это пустое небо. Чем-то оно завораживало. И чем-то настораживало. Ему казалось, что оно засасывает. После трех суток бесплодных поисков это вполне объяснялось. Но дело было не только в накопившейся усталости, он был уверен. Небо Кампанеллы навевало. Рональд почуял приближение смутной догадки. К сожалению, его отвлекли. Подошло яйцо с надписью «Ио», и настроение мгновенно улетучилось. Ничего не поделаешь. В жизни интравизора такое случается сплошь и рядом. Если бы заранее знать, когда начнется очередной наплыв, можно было бы изолироваться. Но заранее известно это бывает редко. Рональд подавил невольное раздражение ничем не виноватой Ио. Теперь требовалось сменить обстановку, дать новую пищу подсознанию.

— Новости есть? — спросил он.

Яйцо покаянно развело манипуляторы.

— Ладно. Залезай во флигер.

— Куда летим?

— Посмотрим шлюпку с «Фламинго».

Яйцо подняло манипулятор так, словно собиралось почесать затылок.

— Надо же разнообразить меню, — сказал Рональд.

— Хвала мудрости твоей, о вождь, — сказала Ио. Потом жалобно добавила: — Есть хочется.

— Перекуси из запасов скафандра.

Ио молча переступила железными ногами. Рональд удивился.

— Что, уже ничего не осталось?

— Это преувеличение! — возмутилась Ио.

Рональд фыркнул.

— Вот и съешь свое преувеличение. Ладно, не горюй, долго мы не задержимся.

Они поднялись, пролетели над шпилем ратуши, набрали высоту и скорость.

Шлюпка была обнаружена среди бесплодной пустыни в семистах шестидесяти километрах от города, внутри Вулканного Кольца. Это расстояние флигеры преодолели меньше чем за полчаса. Проявив гуманность, Рональд шел на форсаже.

За пять лет, прошедших после посадки, шлюпку полностью занесло песком. Из склона бархана выступала лишь одна из опор да часть стабилизатора. Они обнажились совсем недавно, во время песчаной бури, которые все еще были не редкостью на Кампанелле.

— Интересно, — сказала Ио, — почему они высадились именно здесь, так далеко от Трои? Думали, что так безопаснее?

— Возможно. Хотя, быть может, их привлекли вулканы.

— При чем здесь вулканы?

— Планетологи полагают, что Вулканное Кольцо образовалось после столкновения Кампанеллы с крупным астероидом.

— И что из того?

— Пока не знаю. Но здесь отмечены различные гравитационные аномалии.

— Они бросились изучать аномалии, когда люди взывали о помощи?

— Да, странно. Но ведь была же причина, не так ли?

— Наверняка, — согласилась Ио.

Два шестиногих робота быстро разгребли песок и обнажили борт.

— Эге, — сказала Ио. — Да тут уже побывали!

Действительно, в многослойной обшивке зияло отверстие с оплавленными краями. Из него, как из древних часов, сыпались струйки песка.

— «Гепард-3», картинку видите? — спросил Рональд.

— Вижу хорошо, — отозвался Барановский. — Надеюсь, сами не полезете?

— Нет, — сказал Рональд. — В Вест-Пойнте отучили.

Один из роботов включил фару и осторожно прополз в дыру. На внутреннем экране скафандра Рональд увидел изображение короткого коридора перед отсеком главных двигателей. Его пол был покрыт слоем песка.

— «Скаут-22», следы есть?

— Следы отсутствуют.

— Продолжай.

Без особых затруднений робот открыл переходной люк и через щитовую проник в кабину экипажа. Все кресла, включая оба пилотских, оказались пустыми.

В заоблачных высях прокашлялся Барановский.

— Это любопытно, — сказал он. — Не оставили даже одного дежурного? Поищите в отсеках.

Поиски ни к чему не привели.

— «Скаут-22», подключиться к системам.

Робот вернулся в кабину и склонился над пультом.

— Софус мертв, — доложил он. — Кристаллы памяти чисты.

— Нет, — сказал Рональд. — На Кампанелле побывали и поработали. Поработали сознательно.

— Ты это уже говорил, — заметила Ио.

— Да, но не с такой озлобленностью.

— А-а.

— Но как экипаж покинул шлюпку? — недоумевал Барановский. — Она же заперта изнутри.

— А как экипаж покинул «Си Гвард»?

— Не знаю.

— И я не знаю.

— А кто прорезал дыру? — спросила Ио.

— Вопрос хороший, — признал Рональд. — Лучше предыдущего. Сейчас попробуем узнать.

Он приказал второму роботу включить металлоискатель и обследовать окрестности бархана.

— На что ты рассчитываешь? На интуицию?

— Нет, на логику. Тот, кто обследовал шлюпку до нас, либо благополучно ушел, либо неблагополучно находится поблизости.

— Ты считаешь, что...

— Да, здесь очень подходящее место для ловушки.

— Я — «Скаут-22». Есть контакт.

— Браво, полковник, — сказала Ио.

— Рассредоточьтесь, — посоветовал Барановский. — Приготовьте оружие.

— А что, собственно, может произойти? — спросила Ио.

— Да место, говорю, для ловушки подходящее, — ответил Рональд.

— Но кто станет нас дожидаться пять лет?

— Мина, например.

— Ты считаешь...

— Дочь Евы! Меньше вопросов.

— Бирюк ты, полковник.

— Да. С правом решающего голоса.

— Ладно, молчу. И как тебя Маша терпит... Есть хочу.

Рональд попытался припомнить, с какого века женщин стали брать в межзвездные экспедиции, но у него не получилось.

Работая четырьмя лапами из шести, двадцать третий «Скаут» разгреб песок неподалеку от посадочной опоры и начал осторожно тянуть что-то из ямы. Это была не мина. Обыкновенный полужесткий скафандр Космофлота.

— Биологическое содержимое отсутствует, — доложил «скорпион».

— Ты хочешь сказать, человек мертв? — поправила Ио.

— Я хочу сказать, что внутри никого нет, — бесстрастно пояснила машина.

— Вот как? Покажи.

Робот поднял скафандр за плечи. Болтая конечностями, он повис в манипуляторах, уронив голову-шлемофон на грудь.

— Застегнут на все замки, — с удивлением заметила Ио. — Каков запас кислорода?

— Шестьдесят три процента, — ответил «скорпион». — На спине имеется надпись «Шеген Джумагулов».

— Яцек, — попросил Рональд, — проверь, пожалуйста, числится такой в экипаже «Фламинго»?

— Нет, — после небольшой паузы отозвался Барановский. — Шеген Джумагулов исполнял обязанности штурмана транспортного звездолета «Альбасете».

— Ага, теперь хоть что-то понятно.

— Знаете что? Поищите еще. Обычно на задания ходят вдвоем.

Второй скафандр отыскался тоже довольно скоро. Он находился у обломков легкого вертолета и когда-то принадлежал Эварту Виттону, еще одному члену экипажа «Альбасете». Скафандр также был застегнут на все замки и также оказался пустым. Рядом с ним робот нашел табельный кольт, в обойме которого не хватало двух патронов.

— Что скажешь, полковник? — спросила Ио.

— Ручное оружие не спасает.

Вернувшись, он сразу принял душ. Не столько из гигиенической необходимости, сколько из-за надежды поймать нужный образ. В голове каждого человека всегда находится более одной мысли, но какая-нибудь доминирует, заглушает остальные. Их, то есть мысли, можно заставить роиться, сделать равноправными. Тогда из бурлящего подсознания они начинают вплывать в узкую щель понимания, вспыхивают на мгновение, достаточное для их опознания. Добиться такого состояния можно разными способами, как общими для всех, так и строго индивидуальными, действующими только на конкретную личность в специфической обстановке или состоянии. Для Рональда таким средством были капли воды, барабанящие по макушке.

Отрегулировав поток до нужной силы, он выждал, пока мысли засуетились как следует, и принялся их рассматривать. Сначала попалась группа оборванных, чисто ассоциативных образов, объединенных общей темой сырости: зеленые мхи, древняя резиновая обувь со смешным названием галоши, лягушка с удивленным взглядом, лужи на плацу

академии Вест-Пойнт, мокрые от виски усы сержанта Ивана Грозни по прозвищу Айвен Террибл, и тому подобное. Потом мелькнула Маша, причесывающаяся у зеркала. Ее сменила картина учебных стрельб планетного танка «Репейник-S8», снятого с вооружения в XXVII столетии, после чего зрительные инпринты прекратились, уступив место понятиям определенного смысла.

Вспомнились классификация кишечных нематод, закон Авогадро и тот факт, что барбитуровая кислота названа в честь любимой женщины некоего химика. Великая сила любви, так сказать. Сразу после снотворного наступила очередь особенностей гравитационного поля планеты Феликситур в системе Кронос. И вот здесь Рональд уловил слабое потепление, стоящее того, чтобы его запомнили.

Дальше проступили тени логических заключений, в разное время навещавших голову. О том, что вживание в роль по системе Станиславского чревато инкапсулированием мышления, хотя и не полным, в отличие от забытой болезни шизофрении; о том, что истина немножко постигаема благодаря человеческой способности ошибаться; о том, что жить приходится для того, чтобы ненароком не умереть; о том, что как джинна ни выпускай, он все равно смотрит в бутылку.

Ну и прочее в том же духе. Среди этой шелухи попадались забавности, грустинки, изящности, а также плоды чистого брюзжания великих умов, достойные внимания лишь отточенностью форм, но ничего подходящего к случаю не всплывало. Требовались иные горизонты. Рональд сделал воду погорячее, чтобы избавиться от упрямых софизмов, которые мешают человеку жить в свое удовольствие.

Когда это получилось, вновь пошли видения. И они в конце концов дали результат, но уже только на третьем круге. Результат воплотился в образ садовника. Эдакого ворчливого старого робота, пересаживающего цветы с клумбы на клумбу. После этого Рональд понял, что большего не добьется. Он выключил воду, тщательно высушился, унял неизбежную после сеанса дрожь в коленках, надел шорты и вышел в кают-компанию. Там его ждали Игнац с Ио и кофе с коньяком.

— Нащупал что-нибудь? — спросила Ио.

— Садовник и гравитация.

— М-гм, — сказал Игнац. — Хорошее название для сюрреалистического романа. Чем ты занимался в душе?

Рональд ответил вопросом:

— А у вас что?

— Биологическая идентификация подтвердила, что в скафандрах действительно находились Виттон и Джумагулов.

— Это все?

— Нет. Похоже, нам впервые повезло, Ронни.

— Электронные запоминающие устройства скафандров?

— Нет. «Черные коробочки» оказались пустыми. Но у Виттона был скафандр устаревшего образца с камерой, снимавшей на микропленку. Такие камеры демонтировали, кажется, лет сто назад. Помнишь?

— Помню, помню.

— Так вот. «Альбасете», как известно, являлся коммерческим судном. Хозяева поскупились, а может, просто поленились убрать камеру. В результате мы имеем несколько уцелевших фрагментов видеозаписи. И какие!

Рональд пошарил рукой в поисках ближайшего кресла. Слабость, неизбежное следствие интравизии, все еще давала себя знать.

— Давайте, — сказал он.

Камера, по-видимому, включалась автоматически, как только скафандр надевали. Но качество записи оставляло желать много лучшего. Звук и изображение временами исчезали, иногда на экране шевелились неясные тени, либо все тонуло в лучах Эпсилона. И все же канва событий прослеживалась. Прежде всего стало ясно, что Фрэнк Джонсон высаживал своих людей вовсе не очертя голову. Тот вертолет, обломки которого ныне покоились в песке рядом со шлюпкой «Фламинго», входил в состав грузов «Альбасете». Аппарат поместили на платформу ракетного парома и доставили в атмосферу Кампанеллы до того, как остальные члены команды Джонсона совершили отчаянную посадку в парке Трои. Следовательно, предварительная разведка производилась с помощью вертолета. Совершал ли посадку еще и

паром — осталось неизвестным, поскольку соответствующая часть записи отсутствовала.

Фильм возобновился с панорамы местности вокруг шлюпки «Фламинго». Съемка велась из кабины вертолета, поэтому в объектив периодически попадали то приборная доска, то перчатка Виттона на ручке управления.

Виттон: Молчат?

Джумагулов: Глухо.

Виттон: Сажусь.

Джумагулов: Не так близко.

Вертолет опустился примерно в том месте, где потом нашли его обломки. Некоторое время оба астронавта оставались в кабине, выжидая, когда осядет поднятая винтом вертолета пыль. Двигатель они выключили.

Виттон: Наверное, они тоже пришли к сейсмической гипотезе.

Джумагулов: Ну да. Вулканное Кольцо, Зеленый... на радаре?

Виттон: Пусто.

Джумагулов: Мне пора.

Штурман выпрыгнул из кабины и не спеша направился к шлюпке. В то время она еще не была занесена песком, хотя вокруг решетчатых опор уже собрались холмики.

— У них были основания опасаться, — вдруг сказала Ио.

Игнац рассмеялся.

— Еще бы! Исчезло тринадцать миллионов человек.

— Нет, я говорю об опасениях, связанных именно с этой шлюпкой. Рональд, тебе не кажется?

— Возможно.

Фигурка на экране растерянно трогала одну из опор.

Виттон: Что там, Шеги?

Джумагулов: Не срабатывает кодовая команда опускания трапа.

Виттон: Дерни аварийную чеку.

Джумагулов: Где она?

Виттон: На внутренней стороне опоры. Рычаг красного цвета.

Джумагулов: Понял. Сейчас посмотрю.

Штурман прошел под днище шлюпки и почти скрылся за свисающим раструбом ракетного сопла. Какое-то время были видны только его ноги, которые пару раз подпрыгнули. Наконец из борта вывалился трап.

Виттон: Есть. Вход открыт.

Шеген вылез из-под сопла, взбежал по ступенькам.

Джумагулов: ...замок не открывается.

Виттон: Ты правильно набирал код?

Джумагулов: Тысяча девятьсот шестьдесят один. Год первого полета в космос. Пробую еще раз. Нет, не получается.

Виттон: Вот черт! Они перекодировали замки. Сейчас принесу резак.

Джумагулов: Нет, оставайся на месте, я сам возьму. Поостережемся.

Инструк...

На этом месте видеозапись обрывалась.

— Это все? — спросил Рональд.

— Нет. Подожди.

Игнац промотал пленку дальше. Белый экран вновь начал наполняться красками. Шеген Джумагулов только что вырезал отверстие рядом с входным люком.

— У них что, не было роботов? — спросил Рональд.

— Видимо. Коммерческий рейс. Будь внимательнее, сейчас начнется.

Виттон: Шеген, стой.

Джумагулов: Не понял.

Виттон (*Очень спокойно*): Брось резак и беги к вертолету.

Джумагулов: В чем дело?

Виттон: Оглянись.

Джумагулов: О! Эт-то еще что?!

Рядом с посадочной опорой шлюпки песок странно вспучился. Из него поднялась округлая черная масса, нечто вроде гигантской амебы. Выбравшись на поверхность, она растеклась по штангам посадочной опоры и заструилась вверх. Опомнившийся Джумагулов бросил свой инструмент и сбежал по трапу. Но после этого его движения почему-то замедлились. Сделав пару шагов, он остановился вовсе.

Виттон: Бегом! Немедленно! Что с тобой?

Штурман неуверенно повернулся и поднял голову к черной массе, скапливающейся на консоли прямо над ним. Отвратительная амеба непрерывно переливалась, меняя очертания. В ней появились отростки, вроде коротких щупалец, направленных вниз. Сначала они хаотически дергались, на мгновение замерли, затем вновь пришли в подвижность, совершив согласованный жест, словно множество пальцев большой черной руки. Джумагулов начал молча оседать. Его тело под тканью скафандра неестественно складывалось в местах, где у человека не бывает суставов.

Виттон: Вот оно что... Ах, каналья!

Изображение дернулось, мелькнули приборная доска, раскрытая дверь вертолета. На секунду объектив уперся в песок. Вероятно, Виттон упал, поспешно выпрыгнув из кабины, но быстро поднялся. Вновь возникло изображение борта шлюпки, далекого горного хребта с дымящимся вулканом, цепочки человеческих следов. И черной твари, падающей со стабилизатора.

— Это ошибка, — не выдержал Игнац. — Виттону нужно было взлетать!

Рональд кивнул.

— Все случилось так неожиданно, — заметила Ио. — И потом, не мог же он бросить товарища!

— Товарища уже не было, — холодно возразил Рональд. — Нука, прокрутите концовку еще раз.

На экране возник клубок, скрывший Джумагулова. Две трассирующие пули канули в черную массу. Она конвульсивно дернулась.

— Все же какое-то действие оружие произвело, — сказал Игнац.

— Ерунда, — процедил Рональд. — Пули только раззадорили тварь.

Стремительно разрастаясь, черная масса летела прямо в объектив. Почти сразу экран погрузился во тьму, но на очень короткое время. Чернота схлынула, оставив после себя картину обманчиво безмятежного неба Кампанеллы, в котором висели редкие перистые облака.

— Он упал на спину, — охрипшим голосом сказала Ио. — Заметил?

— Да, на спину, — согласился Рональд. — Кислородные баллоны тяжелые. Дайте мне его скафандр.

— Виттона?

— Да.

Игнац удивленно поднял брови.

— Давай, давай, — сказала Ио.

— Рональд, так ты...

— Вот именно.

— А я и не знал!

— Теперь знаешь.

— Нет, это правда? — все еще не верил Игнац.

— Угу, — скучно признал Рональд. — Слушай, пока я буду медитировать, свяжись с Хосе. Скажи, чтобы при возвращении взглянул на твой камень.

— Какой камень?

— Тот самый, не обозначенный на карте. Вспомнил?

— А, ну конечно.

— Только покажи ему все то, что вы мне показали, транслируй на борт. Передай, чтобы близко не подлетал. И пусть его подстрахуют. Пара ребят с охранными роботами, не меньше. Предупреди Барановского.

— Ты думаешь, это то самое? — с волнением спросила Ио.

— Мы теперь в чем угодно должны видеть то самое. Игнац, запроси с «Вихря» подробную информацию о Виттоне и Джумагулове.

— Хорошо. Чем тебе-то помочь?

— Когда влезу в скафандр, погаси свет.

— И все?

— Все.

Игнац хмыкнул. Рональд невозмутимо принялся натягивать скафандр. Под мышками и в паху жало, а в остальном — ничего. Виттон был крупным мужчиной.

— Ну что, что? — нетерпеливо спрашивала Ио. Спрашивала не в первый раз, как понял Рональд. Он вспомнил боль и яркую вспышку. Боль в затылке и характерную вспышку.

Вспышку, которая сопровождает проникающее ранение черепа.

— Его нет в живых, девочка.

— Ты уверен?

— Да. Не грусти.

— Ничего. Этого можно было ожидать, правда?

— Где второй скафандр?

— Ронни, второй скафандр — это третий сеанс подряд. Может, передохнешь? Маша просила...

— Присмотреть за полковником? — усмехнулся Рональд.

Он открыл бар и залпом выпил полстакана неразбавленного виски.

— Боюсь, у нас мало времени.

Ио понимающе опустила глаза.

— Приготовлю что-нибудь вкусненькое.

— Замечательно. Послушай. Перчатки я надевать не буду. Если температура кисти упадет градусов до двадцати двух, введешь мне ободряющее. Договорились?

— Договорились.

— А куда делся Игнац?

— Прогнала. Глупый он еще.

— А ты?

— Поумнее.

— Как удалось?

— Попробовала. Понравилось.

Рональд выпил еще четверть стакана.

— Ты похожа на мою пятую дочь. Это похвала.

— Я поняла, — улыбнулась Ио. — Спасибо.

— Видеоматериалы о Джумагулове есть?

— Да, Джетти подобрала в архивах. Сейчас будешь смотреть?

— Конечно. Времени мало.

Рональд закрыл глаза и сосредоточился. Получалось плохо. Опять возникла Маша, причесывающаяся у зеркала. Необходимо было ее прогонять, а это сложно. Рональд несколько раз открывал глаза, разглядывал тени на потолке, вновь их закрывал. Лежать на спине, к которой приделаны кислородные баллоны устаревшего образца, очень неудобно, но в свои

последние секунды Шеген лежал именно так, приходилось терпеть. Заранее никогда не знаешь, что послужит зацепкой — обрывок фразы, интерьер какой-нибудь гостиной или зрительная ассоциация, связанная с объектом психоскопии. А иногда ощущение позы, в которой объект находился при пиковых обстоятельствах. Впрочем, если уж быть точным, размышлял Рональд, в момент пика Шеген стоял, подняв лицо к нависшей массе. Но он должен был подсознательно разгадать положение своего тела в следующий миг. То положение, которое заняло бы его тело, если б сохранилось. В таких случаях срабатывает не медленный разум, а быстрые инстинкты, наследие череды животных предков человека. Это азы, Рональд хорошо их знал. Тем не менее провел проверку — встал, запрокинул голову, попробовал представить висящую черноту. Это было противно, липко, но не страшно. Червяк, слизняк и пиявка.

Нет, не получалось. Не связывалось. Маша продолжала причесываться. Что ни говори о стабилизирующей роли любви, Рональдовой профессии она не столько помогает, сколько мешает. Но Рональдова профессия настолько оттачивает восприятие, так заостряет чувства, что любовь абсолютно неизбежна. Остается с ней только мириться и быть ненормально выносливым, чтобы выдерживать всю полноту эмоций.

Рональд вернулся в исходную позицию, то есть на пол. Он находился внутри принадлежавшего другому человеку скафандра, где еще сохранились слабые запахи, и пытался проникнуть глубже, под кожу этого человека, быть может, уже не существующего. Им овладела естественная брезгливость. На короткое время, но с большой силой. Таким же коротким, но еще более мощным усилием тренированной воли он подавил ненужное чувство. И как раз это усилие дало всегда неожиданный эффект вплывания. Возник контакт. Невероятно, но Шеген Джумагулов был жив.

Вернее, его психоэмоциональная матрица где-то продолжала существовать, иначе контакт попросту невозможен.

Как только Рональд это осознал, он приступил к восприятию характеристик связи. Контакт оказался страшно слабым, самым слабым из всех контактов, в которых ему доводилось

участвовать. Расстояние не определялось даже приблизительно. Единственным результатом попыток его оценить стало сильное головокружение.

Еще более удивляло то, что вектор связи отсутствовал, то есть нельзя было сказать не только, где находится штурман «Альбасете», но и в каком направлении. Объект одновременно находился везде.

Это могло означать лишь одно: четырехмерная система координат недостаточна для описания случая. Иными словами, Шеген Джумагулов покинул мир, доступный для наблюдения землян.

В том, что его собственных способностей для подобного перемещения маловато, сомневаться мог только младенец. Рональд к таковым не относился.

Он решил больше не задерживаться на технических деталях, сил оставалось мало. Он решительно скомкал программу и попробовал поймать мнему. Сложность заключалась в том, что он совершенно не представлял, какого рода вещи и явления наблюдал Джумагулов в своем невообразимом нигде.

Рональд выстроил логическую цепь: раз штурман в некотором роде жив, есть вероятность того, что мир, в котором он находится, позволяет жить. Следовательно, имеется подходящее сочетание кислорода, температуры, воды, уровня излучений. От этого следовало отталкиваться, и он оттолкнулся изо всех оставшихся сил.

Возникло видение огненного канала, заполненного пылающей же тьмой. Оно быстро сменилось расходящимися концентрическими кругами неизвестно чего. Затем все погасло. Рональд успел испугаться. К счастью, контакт не исчез. Через короткий и звенящий миг он увидел мокрые кусты, чье-то склоненное лицо, тени крупных животных. Здесь — почему-то с запозданием — хлынула смесь прочих ощущений. Мычание, шум дождя, запах молодой травы. Одышка, боль в груди и отчаянная озябшость.

Рональд надсадно закашлялся. Его так заколотило, что Ио была вынуждена впрыснуть стимулятор.

— Что, сильно охладился? — спросил Рональд.

Ио испуганно кивнула.

— Жаль. Неизвестно, когда еще получится.
— А получилось?
— Весьма прилично.
— Где он?
— Там, где бывает дождь и бродят коровы.
— Коровы?
— Да, с рогами.

Рональд снял шлем и увидел Хосе с Игнацем, стоящих на пороге с самым невозмутимым видом.

— Выкладывайте, — хрипло сказал он.
— Камешек-то исчез, — гордо сообщил Игнац.
— На земле даже вмятин не осталось, — добавил Хосе.
— Образцы грунта?
— Взял, взял. Ничего особенного, Ронни.
— Это было оно, — возбужденно заявил Игнац. — То самое. Что делать?

Рональд взглянул на экран внешнего обзора.

— Темнеет, — сказал он. — Пора ужинать.
— Больше тебе нечего предложить? — удивился Игнац.
— А тебе?
— Нужно всех созвать на базу!
— Я и говорю: всем пора ужинать. Алло, «Вихрь», вы нас слышите?
— Да, Ронни, — отозвался Мбойе. — Будем думать. У нас тоже есть новость.
— Какая?
— Получен SOS с Эстабриона.

Дневник командира звездолета

23 августа

Только начала прощупываться ниточка на Кампанелле, как нас позвал Эстабрион. Что это, отвлекающий маневр? Я уже готова ожидать чего угодно. Хотя Эстабрион — самая дальняя планета системы Эпсилона, скорость «Вихря» позволяет обернуться за несколько суток. Но эти несколько суток «Орешец» останется без прикрытия. Эвакуировать десантников можно только после длительного ка-

рантина, а сигнал бедствия есть сигнал бедствия. Сложная ситуация. Если она подстроена, то очень умело, со знанием человеческой психологии.

После жарких дебатов решили рискнуть, Рональд настоял на том, чтобы его команда оставалась на месте. В качестве компромисса согласился до нашего возвращения из базы никого не выпускать. Бертран и Абрахам со своими «Гепардами» останутся тоже, будут ходить дозором. Достаточно ли этого? Что-то мне подсказывает, что двух шнелльботов для данной задачи мало, но ничего лучшего придумать не смогли. Производит впечатление несокрушимая уверенность Ронни в том, что на этот раз ничего плохого не случится. Интравизор все-таки. Прислушались.

ДАЛЬНЯЯ КОСМИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ.
ЛАЙНЕР ПРАКСИТЕЛЬ — ТЗ АРКАД.

Благодарю за предупреждение. Прошу уточнить размеры кометного облака.

Удачи вам!

КОМУЛАЙНЕН.

5. ЭСТАБРИОН

Летом наружная температура не превышает минус ста восьмидесяти градусов по Цельсию. Это в полдень, когда далекий Эпсилон находится в зените и хоть как-то греет через миллиарды километров. А по ночам лютый холод просачивается сквозь многослойную изоляцию, выстуживая наружные помещения. Стены обледеневают ничуть не меньше, чем зимой.

Этот лед обязательно нужно скалывать, отвозить на тележке в водохранилище. Из него получается питьевая вода, которая не требует сложной очистки. На этом можно экономить энергию. А энергию приходится экономить на всем, начиная с отопления и кончая приготовлением пищи. Страшное преступление — забыть выключить плафон мощностью в пятнадцать ватт.

По ночам все обязаны спать, освещение выключается. Только в коридорах люминесцируют маршрутные полосы, чтобы до туалетов можно было добраться. А по утрам каждый должен откручивать суточную норму на велосипеде, соединенном с маленькой динамо-машиной. Единственный прибор станции, работающий круглосуточно, — радиоприемник. Иногда он ловит далекие переговоры звездолетов. Но сообщения с Эстабриона остаются без ответа — никто на станции не знает, как управлять антенной. При малой мощности сигнала она должна быть направлена очень точно. Да и далеко очень до звездолетов, радиообмен занимает годы. Чтобы хоть как-то дать знать о себе, сообщения разбрасывали веером, по всему горизонту. Радиопередатчиком и лазером, который иногда включается, а иногда — нет.

Скалывание льда входит в обязанности дежурного. Работа нудная, однообразная, требующая навыка, точности, чтобы не повредить тонкой внутренней обивки стен. Но скалывание льда — не самая плохая работа. Карло выполнял ее механически, сказывался большой опыт. При этом он мог спокойно

предаваться размышлениям, либо вспоминать Ольгу. Нет, скалывание льда — не самая плохая работа. Самая плохая ждала впереди.

Заступая на дежурство, Карло каждый раз молил неведомого бога о том, чтобы эта самая скверная работа на этот раз досталась не ему. Конечно, не совсем честно желать, чтобы тяжелые обязанности выполняли другие. Наверное, поэтому бог и не слышал Карло. Другие-то были помоложе.

Карло погрузил куски льда на тележку и двинулся по коридору. Здесь он встретил двух девочек с ведрами и тряпками. Обе выглядели понуро, даже хохотушка Нинель. Карло остановился.

— Что, плохо дело?

— Сам не знаешь? — буркнула Нинель. — Он даже бредить перестал.

Речь шла о больном Артуре. Больном и обреченном. Карло решил переменить тему.

— А как уборка?

— Тоже плохо. Шерсть на полу откуда-то появляется.

— Это не от меня, — заверил Карло.

Девочки придирчиво его осмотрели.

— Не видно, — с некоторым сожалением согласилась Ева.

— Значит, вахухлик приходил, — заявила Нинель.

— Какой вахухлик?

— Шерстистый, разумеется.

— Ну и ну! Дожили. Вы его видели, вахухлика?

— Нет. Но Павлик видел.

— А, Павлик.

— Думаешь, насочинял?

— Конечно.

— А шерсть откуда?

Нинель опять смерила его подозрительным взглядом.

— А шерсть — от глупости, — разозлился Карло.

Нинель посмотрела на него в упор. В ее глазах наконец появились огонечки.

— Похоже на правду.

Ева прыснула.

— Работайте, работайте, — строго сказал Карло. И скорчил страшную рожу. — Не то вахухлик вам задаст!

— Пусть по... по-пробует.

— И что тогда по-получится?

— А по-получит по-по этому самому по месту. Нас уже не очень-то попо-пугаешь, па-папаша Карло. Навидались.

— Тогда ладно. Тогда я пойду по-погуляю.

Маленький Павлик крутил педали в тренажерном зале. Стрелка амперметра едва-едва отклонялась от нуля.

— Ладно, отдохни, — сказал Карло, кладя руку на худенькое плечико.

— А как же дневная норма?

— Если б ты ел как следует, может, и выполнил бы. Иди, вечером я за тебя покручу.

— Спасибо, — тихо сказал Павлик. — Я буду есть. А что на завтрак?

— Концентраты.

— Опять...

— Вечером будет жареная картошка. И бобы.

— Скорей бы вечер. Как Артур?

— Пока ничего.

— Ничего нового?

— Это уже хорошо.

— Что же хорошего?

— Не вешай носа, парень.

Павлик тут же опустил голову. Карло взял его за подбородок и заглянул в глаза.

— Ну, что тебе померещилось? Рассказывай.

— Вахухлика я видел. Это правда.

— А меня почему не позвал?

— Он запрещает.

— Вот еще новости! Какой-то вахухлик раскомандовался! Тебе кто друг — он или я?

Павлик еще ниже нагнул голову и засопел.

— Тебе бы такого друга! Он... он знаешь, какой? Лохматый. Я не виноват, что вахухлик ко мне цепляется...

— Ну-ну, — сказал Карло. — Сегодня будешь спать в моей комнате, хорошо?

Павлик обрадованно кивнул.

— Посмотрим на твоего вахухлика, — сказал Карло. — Не грусти, Паоло! Будь мужчиной.

— Мне еще рано, — серьезно сказал Павлик. — Да и не получится.

— Почему? Знаешь, что главное в мужчине?

— Нет. А что?

— Уметь посмеяться над своим вахухликом. У каждого есть свой вахухлик.

— И у тебя?

— Конечно. Только редко появляется, засмеял я его. Знаешь, он теперь чистит зубы.

— Кто, вахухлик?

— Ага. Приходи, покажу его зубную щетку.

— Ну ты даешь!

Установки искусственной тяжести на планетах применять нельзя, потому что окружающие породы стягиваются к центру гравитационного поля, образуя компактную массу. Все это начинает медленно погружаться в поверхностный слой вместе с постройками и скалой, на которой должны располагаться гравитроны. Да и энергии требуется огромное количество. По этим причинам на базе действовало только естественное притяжение Эстабриона, который к планетным гигантам отнюдь не принадлежал.

Точно рассчитанным движением Карло оттолкнулся от пола, взлетел до потолка, оттолкнулся от него, опустился на пол, вновь взлетел. И так — четыре раза. Ровно столько требовалось, чтобы пройти «кузнечиком» коридор перед госпиталем. Усилием воли он заставил себя открыть дверь с надписью «Посторонним в...». Надпись эта давно стала лишней, в госпиталь никто по доброй воле не заходил. Потому что редко кто выходил в добром здравии.

Перед стеклянной перегородкой сидела Дженни и заплетала косу. Глаза у нее были заплаканные.

— Перестань, — сказал Карло. — Первый раз, что ли?

— А если он все время маму зовет, — всхлипнула Дженни, — тогда что?

— Ничего. На вот, выпей.

— Порошковое?

— Какое еще? Коров у нас нет.

— А что у нас есть?

— Надежда.

— Ее нельзя есть.

Карло не ответил. Он подошел к прозрачной перегородке. За ней поместили Артура. Артур лежал с открытыми глазами, но эти глаза уже два дня ничего не видели. Вторые сутки без сознания. Перитонитом это называлось. И ни одного врача на всем Эстабрионе. И никакой связи с Кампанеллой.

Сквозь открытую дверь из коридора послышался скребущий звук. Дженни взорвалась.

— Да скажи ты ему! Второй раз приходит. Ангел ночи!

Карло выглянул. Так и есть. В коридоре стоял Абдулла с ящиками из-под галет. Глядя в потолок, он молчал. Своими запавшими глазницами, бледным лицом и пробивающейся черной бородкой он действительно напоминал ангела ночи.

— Рано еще, Абдулла, — мягко сказал Карло. — Иди к себе.

— Ящики здесь оставить? — спросил Абдулла.

— Нет. Неси в мастерскую.

Два ящика Абдулла взял в руки, третий подцепил головой.

— Я посплю, пожалуй.

— Поспи, поспи.

— Ты в обсерваторию пойдешь? — спросила Дженни.

— Зачем?

— Говорят, вчера видели движущуюся точку.

— Не подтвердилось.

— А может, плохо определили координаты?

— Может быть. Но не слишком надейся.

Дженни опять взорвалась:

— Да я ни на что и не надеюсь, утешитель! Что ты, что Абдулла... Два сапога — пара! Один с ящиками прется, второй утешает: не первый, мол. Значит, и не последний, отец ты мой! А мне уже во как хватает тех, кто до этого...

Карло тихонько закрыл за собой дверь. Здесь утешать было действительно бесполезно. Дженни ждала ребенка, и теперь Карло понял от кого.

Что ж, пусть проплачется как следует. А вечером к ней зайдет Ольга с морковкой. Когда грызешь морковку, умирать не хочется.

В оранжерее было тепло, больше двадцати градусов. При меньшей температуре зелень плохо росла, поэтому энергию не жалели, под потолком сияли устаревшие аргоновые лампы, для охлаждения которых требовались водяные рубашки.

Карло обошел фитотроны со всходами соевых бобов, бегло осмотрел корни, погруженные в питательный раствор. Плесени вроде не было, но листья кое-где пожелтели.

— Ольга, ты здесь?

— Здесь, — сказала Ольга.

В своем зеленом комбинезончике она находилась почти рядом, но поди заметь.

— Калия, что ли, не хватает?

— Где?

— Здесь, в соевых боксах.

— Нет, с аммиаком перестарались. Уже отрегулировала. Ты чего такой скучный?

— Артур.

— А-а. Брось, не думай.

— Да я и не думаю. Думать вредно. Я чувствую.

— Хочешь морковку?

— Дьявол! Какая сейчас морковка?

— Жить все равно надо.

— Для чего?

В ее зеленых глазах мелькнула боль.

— Послушай, если мы пораскисаем, что будет с маленькими?

Карло вздохнул.

— Овощ отдай Павлику.

Ольга рассмеялась.

— Думаешь, я ему не припасла? Грызи без угрызений.

Морковка была большой, желтой, с белесыми волосками и просвечивающим кончиком. Карло съел ее всю, включая обломыши ботвы. Нет ничего приятнее сочного морковного хруста, когда за стенами — минус сто семьдесят семь.

— Спасибо. Веришь, что все же прилетят?

— Зачем обязательно во что-то верить? Верить тоже вредно. Живу себе, вот и все. И тебе советую.

— Устал я, Оля. Каждое утро думаю, как бы не сломаться.

— Приходи ко мне ночью. Чтобы утром не думать.

Карло вспомнил ее жаркие губы.

— Ох, чтоб я без тебя делал...

— Наверное, что-нибудь глупое.

Карло смутился. Ольга была не самой старшей, но почему-то всех понимала. Как взрослая. Вот и сейчас глянула мельком, искоса, но так, что все стало понятным. Поцеловать ее он не решился. Боялся не остановиться.

Когда он ушел, Ольга вынула припрятанную в листве куклу. Журчала вода. Свежо пахло созревающими огурцами. Жужжали пчелы и цветочные мухи. В оранжерее было не очень тоскливо, здесь все хотели поработать, и Ольга всем разрешала. А потом исправляла промахи, вроде передозировки аммиака. Она понимала не только людей, но и растения. Причем растения — даже лучше.

Гроб поставили в гимнастическом зале. Ольга положила на Артура цветы фасоли, заглянула ему в лицо и отошла. Все молчали, даже исплакавшаяся Дженни. Тихо играла музыка. Маленькие стояли отдельной группкой, посматривали тускло, равнодушно.

— А когда я умру, анемоны уже вырастут? — спросил Павлик. — Сестра говорила, что мама очень любит анемоны. Любила...

Сестра Павлика умерла в прошлом году. Работала в оранжерее, поранила палец. Через несколько дней начались судороги. Никто не знал, как ей помочь. Кричать она уже не могла, только страшно выгибалась. Язык откусила...

Карло молча прижал Павлика к своему скафандру.

— Ты чего? — удивился Павлик.

— Ничего. Больше никто не умрет.

— Почему?

— Они уже летят.

— Артур тоже так говорил.

— Сейчас они гораздо ближе.

Павлик затих, выбирая между прекрасной мечтой и мрачной действительностью. Устоять не смог.

— У них большой звездолет?

— Очень.

— Нас заберут на Кампанеллу?

— Нет, на Землю.

— А там холодно?

— Нет. Очень тепло, много анемон, и можно ходить без скафандров.

— Даже ночью?

— И ночью.

— Вот это ты уже сочиняешь.

— Нет, там везде есть воздух.

— Снаружи базы?

— Там живут не в базах, а в домах. Хочешь — открываешь окно и впускаешь ветер.

— Ветер?

— Ну, это когда воздух движется сам собой, без вентилятора. Еще там бывают дожди. Вода конденсируется не на стенах, а прямо в небе. Потом падает на землю.

— Чудеса.

— Пора, — сказал Абдулла.

Карло кивнул. Вдвоем они без труда подняли гроб.

— Шлемы закройте! — крикнула Дженни. — Знаю я вас.

Но забрала они опустили только в шлюзовой камере — привычка экономить автономный запас кислорода.

— Алло, обсерватория. Что-нибудь появилось? — спросил Карло.

— Нет.

Абдулла хмыкнул. Он презирал тех, кто бегает в обсерваторию либо забрасывает ее вопросами по радио.

— Начинаю, — коротко предупредил он.

Внешний люк ушел вверх. Его специально так переделали, чтобы можно было легко закрыть руками, потянув вниз. Как и все двери на базе. Мера весьма нужная, поскольку батарея лазерной защиты стояла без энергии. По этой причине метеориты, случалось, падали весьма близко от купола, и опасность разгерметизации являлась постоянной. Учебную тревогу объявляли ежемесячно. Пока не надоело.

* * *

Карло и Абдулла вынесли гроб из шлюза. За пределами светового пятна, отбрасываемого прожектором, было очень темно. Карло ощупью нашел тележку. Глаза понемногу что-то стали различать в свете звезд, только когда они отошли от базы на сотню метров.

По наезженной колее, оставшейся с тех пор, когда еще пользовались вездеходом, они обогнули склон Энергетического кратера. В недрах этой горы дремал мощный термоядерный реактор. Расконсервировать его так и не решились — ошибка могла дорого стоить.

— А ведь придется, — сказал Карло. — Больше трех месяцев без него не продержимся.

Абдулла угрюмо молчал. Утоптанная тропа, даже и не тропа, а настоящая дорога, вела к кладбищу. Умерших поначалу возили на вездеходе, потом — на электрокаре, провожали всем составом колонии. Затем смерть стала обыденной, так же, как и нехватка кислорода, и процессии уменьшились до нескольких человек. Сейчас их ждали только трое мальчишек, копавших могилу. Они еще не закончили работу — из ямы вылетали порции рыхлого реголита. Рассеиваясь, он медленно оседал крупными наэлектризованными комочками. Лопата взблескивала в свете фонаря, стоящего на холмике. Работал один Борис, старший из мальчиков. Руперт и Мик сидели в пыли и безмолвно следили за приближавшейся тележкой.

— Так мы невесть сколько возиться будем, — сказал Абдулла.

Борис прекратил работу, оперся о черенок.

— Что ты ворчишь? Яма маленькая, вдвоем не развернуться. Пусть отдохнут. Спешить некуда. Хочешь — сам покопай.

— Это уж обязательно. Как без ангела ночи? — горько сказал Абдулла.

Борис укоризненно покачал шлемом. Ничего не говоря, он опять скрылся в яме, и оттуда полетели пылевые сгустки.

Через полчаса, зарыв Артура, они погрузили лопаты на тележку.

— Может, оставить их здесь? — спросил Мик. — Все равно скоро потребуются.

Карло схватил его за плечи и сильно встряхнул.

— Не говори так, слышишь? Никто больше не умрет. Понял?

— Понял, — слабо сказал Мик.

— Чего трясешь? — спросил Абдулла. — Он еще маленький.

Карло устыдился.

— Ладно, Мик. Извини, Мик.

— Всем плохо, — сказал Мик. — Да я и не маленький. Маленьких у нас уже не осталось.

Карло оглядел кладбище. Десятки холмиков с крестами, полумесяцами и звездами Давида усеяли склон кратера. Склон, в недрах которого дремал термоядерный реактор... Да, маленьких не осталось. Те из них, кто не умер, давно повзрослели. Некоторые не помнят, как выглядит настоящее голубое небо, поскольку осмысленно воспринимать мир научились уже здесь, под черным небом Эстабриона, самой внешней из планет системы, самой удаленной от Эпсилона.

Внизу, в двух километрах от кладбища, горели редкие огни базы. Дальше, на пустом поле космодрома, возвышался скелет планетолета, доставившего их всех сюда пять земных лет назад. Обшивку с него давно сняли для хозяйственных нужд. Теперь он напоминал экспонат Музея Космоплавания на Луне: меж голых шпангоутных ребер просматривалась вся внутренность корабля, от двигательного отсека до пилотской кабины. Той самой, в которой так много пришлось пережить...

Еще при взлете с Кампанеллы софус и главные навигационные приборы вышли из строя. На борту не было ни одного взрослого, взрослые старались спасти как можно больше детей, поэтому сами не полетели. Думали, что все это ненадолго, рассчитывали справиться с проблемами и быстро вернуть детей. Так не получилось. На орбите была получена радиограмма с приказом следовать на Эстабрион. Причина изменения плана осталась неизвестной, поскольку связь с космопортом прервалась. Но это решение безусловно диктовалось драматизмом событий на планете. И дети послушались взрослых.

Ракету на Эстабрион привели Карло и Абдулла, четырнадцатилетние тогда мальчишки. Привели правильно, но не смогли в нужное время затормозиться. Планета осталась в нескольких миллионах километров за кормой. Пришлось возвращаться: дальше лететь было некуда. Система Эпсилона ограничивалась орбитой Эстабриона. За ней располагалось кометное облако и межзвездное пространство. Для тихоходного «Годдарда» это значило тысячелетия пути.

После четырех заходов, истратив все горючее, Абдулла был вынужден решиться на посадку. Без приборов, не имея элементарных навыков пилотирования... Скорость оказалась слишком большой, амортизаторы рассыпались. От удара «Годдард» завалился набок. Погибли трое маленьких, еще двое умерли позже. Почти все остальные получили травмы. В находящуюся на расстоянии восьмисот метров от места посадки базу перебрались лишь на третьи сутки, когда унесли всех раненых и сумели частично расконсервировать системы жизнеобеспечения.

— Хватит размышлять, — сказал Абдулла.

Пора было возвращаться, но никто не решался сделать первый шаг. Всем казалось, что только после этого Артур будет по-настоящему мертв.

Крупные немигающие звезды висели над Эстабрионом. Карло поднял голову, отыскивая среди них далекое Солнце, — скромное желтое пятнышко в созвездии Змеи.

— Мама миа!

— Ты чего? — спросил Абдулла.

— Не может быть, не может быть, не может быть!

— Свихнулся. Чего не может быть?

Карло показал рукой. Невысоко над горизонтом двигалась светящаяся точка. Она разбрызгивала мелкие, едва заметные искры.

Абдулла машинально поднес к шлему перчатки, словно собираясь протереть оптику, но так и не сделал этого, не успел. В наушниках ясно, уверенно, четко, заставив вздрогнуть, прозвучал взрослый мужской голос.

— Эстабрион, Эстабрион! Говорит тяжелый крейсер «Звездный Вихрь». Как слышите?

Через полминуты — еще:

— Эстабрион, Эстабрион! Вызывает тяжелый крейсер «Звездный Вихрь». Отвечайте на любой волне. Прием.

Непослушными пальцами Карло все никак не мог отыскать кнопку включения длинноволновой станции. Забыл, где находится. Мальчики недоуменно переглядывались.

— Это кто, Карло? — спросил Мик.

— Эстабрион, Эстабрион! Я — «Звездный Вихрь». Прошу всех покинуть зону космодрома! Высылаю посадочные боты. Мы пришли, ребята...

Мальчики стояли молча и неподвижно, не в силах поверить тому, что слышали. Но все происходило наяву. Подтверждая такие долгожданные и такие неожиданные слова, во всполохах огней предупреждения стремительно и так низко, что оставлял за собой пыльные вихри, промчался самый настоящий десантный шнелльбот Космофлота Солнца. Не было такого мальчишки, который не опознал бы с первого взгляда приплюснутый силуэт самого популярного символа компьютерных игр.

— «Гепард», настоящий «Гепард»... — ошеломленно пробормотал Борис.

«Гепард» промчался, нырнул за горный хребет. Потом, выпустив гроздь сигнальных ракет, появился с другой стороны. А с неба падала крупная звезда. За ней — еще одна.

— Что, что это? — спросил Мик. — Они прилетели, Карло?

Карло закашлялся. Потом махнул рукой вперед. Бросив тележку, они побежали к базе. На поле космодрома в клубах пыли уже опускался шарообразный бот с огромным красным крестом. Эфир словно прорвало.

— Джойс, торопыга! Какого черта?! А мне где садиться?

— Эстабрион, Эстабрион! Я — борт-семь. Сажусь впритирку, берегитесь выхлопа. Всем оставаться внутри базы!

— Нолан, учти, сейчас мы поднимем уйму пыли. Но это еще не значит, что нас обстреливают.

— Вы уже подняли все, что можно. План высадки — коту в дюзы...

С щелчком включился передатчик базы.

— Я — Эстабрион. Меня зовут Ольга. Это все правда, что ли?

— Я — «Звездный Вихрь». Капитан-лейтенант Мбойе. Приветствую вас, Эстабрион! Все правда, дочка. Не выходите из базы! Потерпите еще десять минут, только десять минут, мои дорогие! Хорошо?

— Да ладно уж, — сказала Ольга. — Потерпим, папа. Блокирую люки.

— Умница!

— Подарки будут?

— Нет вопросов. Море.

— «Гепард-3» — борту-семь. Посадку отставить! Вижу группу в скафандрах — пять человек. Бегут к базе. Алло, ребята! Вы меня слышите? Стойте на месте!

— Вас понял, — сказал Карло. — Продолжайте посадку. Стоим.

Он поймал Мика. Абдулла вдруг упал, и плечи его затряслись.

— Передатчик выключи, — прошипел Карло. — Выключи, тебе говорят!

Сквозь пылевую завесу он смутно видел, как госпитальный бот выбросил аппарель. По ней одна за другой скатывались быстрые тени. Все происходило в ошеломляющем темпе, как в сказочном сне. Прошли секунды, и первый вездеход резко затормозил у грузовых ворот базы. За ним длинными скачками, отталкиваясь коленчатыми опорами, летел второй. Следом, уже медленнее, катился трейлер с грудой контейнеров. Потом все это скрылось совсем уж в густеющей пыли. Борт-семь сел впритирку, как и обещал.

«Гепард» сбросил скорость, облетел космодром по кругу, тоже приземлился у базы, открыл сразу несколько портов. Из них посыпались роботы.

— Мбойе, я — «Гепард». Есть посадка, есть посадка.

— Понял, Яцек. Сразу доложите, какая еще помощь нужна. Я остаюсь на малой высоте.

— То славно, Александер.

Карло вдруг подумал, что про них забыли, и от острой обиды ему захотелось плакать. Но он ошибался. Из пыли вылетел вездеход, качнулся на подвеске, клюнул носом и стал, будто был здесь всегда. Открылись дверцы. Спрыгнули высокие, по-видимому, совсем взрослые люди. Карло молча бро-

сился в объятия. Его увесисто-добродушно шлепнули по затыльнику шлема.

— Давно закопали? — спросил кто-то с сильнейшим русским акцентом.

Борис ответил.

— Хо! Ерунда на силиконе, — с несокрушимой уверенностью заявил обладатель акцента. — В Сибири я мамонтов оживлял.

Мимо них прошли два арбайтера с роторным инструментом. Потом протопал грузный кибер. Он нес реанимационный кокон.

— Залезайте в машину, братишки. Здесь вам делать больше нечего.

Впопыхах Карло никак не мог попасть ногой на ступеньку. Чья-то мощная рука втащила его за шиворот. Садясь в вездеход, он еще раз поднял голову, за что был вознагражден невиданным зрелищем.

Огромный, сияющий огнями звездолет величественно плыл над куполом базы. Со всеми своими антеннами, кольцами уравнителей гравитации, боевыми башнями, распахнутыми портами ангаров. Вдоль всего длиннейшего корпуса главной тяговой системы светилась надпись «Объединенный Космофлот Солнца. ЗВЕЗДНЫЙ ВИХРЬ. Церера». Рядом с крейсером зелеными искрами мерцали шесть сферических облаков — аннигиляционное топливо внешней подвески.

Еще один «Гепард», летевший сбоку, казался бусинкой с рождественской елки, настолько гигантский корабль превосходил его размерами. И, как в рождественской сказке, сбывалась мечта. Долгая, пятилетняя, бредовая мечта полутора сотен мальчишек и девочек. Карло наконец не выдержал.

— Передатчик выключи, — сказал Абдулла.

Под куполом базы царило что-то невообразимое. Горели все лампы, светильники, люстры, плафоны, бра, щелевые источники света на ступенях лестниц. В полную силу работали вентиляция и отопление, между этажами сновали пропылившиеся лифты. Прямо у входа многорукий робот, очень похожий на скорпиона, открывал батареи регенераторов воздуха. А самое главное, кругом было такое количество улыба-

ющихся, смеющихся и хохочущих лиц, какого Карло не видел за всю жизнь. Он снял шлем. Мальчики растерянно озирались.

Под потолком щелкнуло, раздался голос Ольги.

— Братцы! Все бегите в конференц-зал. Там уже тепло!

Мик запутался в застежках.

— Ладно, шлем брось, да иди себе, — сказал Борис. — Только причешись, не пугай астронавигаторов. Давай наперегонки?

— Хитрюга! Ладно, давай.

И они поскакали. Карло и Абдулла шли более степенно, как и полагалось старшим.

Сияющие глаза Павлика было первое, что увидел Карло. Потом, сквозь предательскую дымку, — подтянутых людей в форменных комбинезонах. Обнимая двух малышей, подошла смеющаяся женщина со знаками различия командора овеянного легендами Объединенного Космофлота Солнца. Карло впервые встречал офицера столь высокого ранга, почти адмирала, поэтому восхищенно замер.

— Вы комендант базы Эстабрион?

— Комендант? — Карло растерялся.

— Он, он! — закричали дети.

Абдулла подтверждающе кивнул.

— Меня зовут Марией Саян, ваше превосходительство, — серьезно сказала женщина. — Я — руководитель экспедиции. Хочу выразить восхищение вашим мужеством. Вы и ваши помощники спасли сто шестнадцать детских жизней. Быть может, и больше, наши реаниматоры уверены в успехе не менее девяти операций. Цены этому нет!

— Да я же не один... — пробормотал Карло. — Вот Абдулла посадил ракету...

— Знаю, — сказала Мария Саян. — Все уже знаю. Поэтому сегодня же, как только закончим праздничный обед, я отправлю на Землю ходатайство о присвоении высоких наград вам, господину Абдулле, госпожам Ольге, Дженни и еще многим. Наград Космофлота, сэр. К сожалению, ответ придет не скоро — одиннадцать световых лет. Но каким он будет, я знаю наперед. Примите поздравления!

И командор Саян четким жестом вскинула руку к виску.

— Спасибо, — пробормотал Карло. — Право же... А что на Кампанелле? Вы там побывали?

По лицу руководителя экспедиции скользнула тень. Вокруг установилась тишина.

— Да, побывали.

— Они погибли... все?

— Нет, не погибли. Исчезли. Ведутся поиски. Мы еще поговорим об этом, время есть. А сейчас — торт.

— Торт, торт! — завопили маленькие. — А он большой? Всем хватит?

Командор Саян дернула головой, будто от удара. Ее глаза повлажнели.

— Дорогие мои! Прошу вас, забудьте о том, что еды может не хватать.

Торт вкатили четверо арбайтеров.

— Проходите, ребята, — сказала Маша.

Выждав, когда все усядутся, она включила экран.

— Это — Зеленый океан, юго-западная часть. Здесь ракетой, выпущенной с подводной лодки, сбит наш спутник. Лодку удалось повредить, она села на мель. Мы не знали, почему она приняла нас за врагов, и, что еще важнее, есть ли на ней люди. Поэтому пришлось действовать очень аккуратно. Смотрите.

Лодка лежала на большой глубине, куда дневной свет не проникал. Было видно, как два подводных аппарата с яркими прожекторами приближаются к ней, — с левого и правого бортов.

— Это — чтобы избежать удара торпедных аппаратов.

— А что, и торпеды на ней были? — спросил Абдулла.

— К сожалению, были. Один из батискафов уничтожен.

— Кто-то погиб?

— По счастью, нет.

Большой батискаф как бы прилип к палубе лодки. После этого на экране поплыли виды внутренних отсеков с разбросанной одеждой. Потом появилось изображение маленького диктофона и послышалась фонограмма первого и последнего боя «Си Гвард».

— Ребята, вам что-нибудь известно о цели создания субмарины? С каким врагом она должна была сражаться? — спросила Маша.

— Нет, — ответил Карло. — Нас посадили в ракету, когда еще ничего толком не знали. Взрослые очень нервничали, говорили, что все началось внезапно и во многих местах сразу. А подводную лодку построили давно. Она предназначалась для исследования Зеленого океана. Но я не знал, что лодка вооружена.

— Видимо, ее вооружили втайне.

— Значит, кто-то догадывался об угрозе?

— Похоже на то.

— Но куда же делись люди? — спросил Абдулла.

— Исчезли. Исчезли из лодки, исчезли с планеты.

— Все?

— Погибших было очень мало. Живых мы пока не нашли. Вот, поглядите.

Маша включила видеозапись, сделанную роботом в Трое. Дети сначала подавленно молчали. Потом начали оживляться.

— А я знал Памелу Иглесиас, — сказал Абдулла при виде семейного портрета в спальне «Белой Розы».

— Боже, — сказала Дженни, — а дом Обюссонов сгорел!

При виде полицейских мундиров в ратуше Ольга неожиданно заплакала.

— Что с тобой, девочка? — взволнованно спросила Маша.

Не ответив, Ольга выбежала.

— Ее отец работал в полиции Трои, — мрачно сказал Карло. — Что вы намерены делать дальше?

— На планету уже высадились спасатели. Будем искать, изучать, думать. Мы не сдадимся.

— А мы? Что будет с нами?

— Скоро к Эстабриону подойдет лайнер «Цинхона». Он заберет вас на Землю. А до тех пор с вами останутся охранные роботы и несколько членов нашего экипажа.

— А «Звездный Вихрь»?

— Крейсер сейчас нужен у Кампанеллы, понимаете?

— Да, конечно.

— Возьмите меня на Кампанеллу, — сказал Карло. — У меня там...

— Я тоже полечу, — сказал Абдулла.

Маша обняла их за плечи.

— Нет, храбрые мои мальчики. Возможно, вы еще вернетесь на родную планету. Но не в этот раз. Пойдемте, надо разыскать Ольгу.

— Она сейчас в оранжерее, — сказал Карло. — Будет лучше, если я пойду один.

— Тогда иди к ней прямо сейчас, сразу, — сказала Маша. — Ей это очень нужно.

Но сразу не получилось. В холле, у стены аквариума, стоял Артур и молча рассматривал подводных жителей. Был он все еще бледен, худ, замедлен в движениях.

— Здравствуй, Артур.

— Здравствуй, Карло. Если хочешь.

— Как ты себя чувствуешь?

— Не знаю. Никак.

— Тебе что-нибудь нужно?

— Абсолютно ничего.

Артур посмотрел на ковылявшего по дну аквариума осьминога.

— Ты знаешь, что они способны к самоубийству?

— Осьминоги?

— Да.

— Нет, не знал. Как они это делают?

— Щупальца себе отъедают.

— Тебе плохо, парень?

— Нет. Мне никак.

— Значит, плохо.

— Нет. Мне не плохо и не хорошо.

— Разве это нормально?

— Нет, наверное.

— Что врачи-то говорят?

— Что скоро пройдет.

— Не веришь?

— Верю.

— Но?

— Мне было очень страшно умирать. Я не хочу еще раз это пережить. Зачем вы меня выкопали?

— Вот тебе раз...

Карло попытался взять его за руку, но Артур отстранился.

— Вы напрасно старались.

— Послушай, — сказал Карло, — впереди сотни лет жизни. Чего горевать?

— А зачем мы живем?

— Ну... интересно же.

— Интересно... Мне тоже было интересно. А сейчас — нет. Сейчас я вовсе не тот, что был раньше. Вы выкопали другого. Я не хочу им быть, я вообще не хочу быть, мне не интересно, понимаешь?

— Нет.

— Правда?

— Честное слово. Объясни.

Секунду Артур смотрел на него блестящими, горячечными глазами.

— Да. Наверное, это трудно понять, не побывав в гробу. Хорошо, я попробую. Вот когда мне было интересно жить, я очень любил яблоки. Сладкие, краснобокие, хрусткие, они так восхитительно пахли, что перед тем как съесть, я нюхал их до тех пор, пока еще различал запах. И ради этого удовольствия был способен делать многие вещи, которые делать не хотелось, понимаешь?

— Не совсем, — осторожно сказал Карло.

— Ну, мы все живем, потому что это приятно. Или, как ты говоришь, интересно. Так?

Карло кивнул.

— Значит, к жизни нас привязывают удовольствия. А еще страх умереть. Нас заставляют жить без спроса нашего мнения.

— Ограничение свободы выбора?

— Да. Вот осьминог тоже вынужден жить ради каких-то своих осьминожьих радостей. А потом должен переживать мучения осьминожьей смерти. Но ему легче, он об этом не думает. Что молчишь?

— Знаешь, я сейчас подумал, что без всех этих осьминожьих радостей разум, наверное, и не захочет жить. Скука.

Артур усмехнулся.

— Так что же, да здравствует обжорство и прочий эгоизм?

В нем проснулся скепсис, что радовало. Это уже не полное безразличие, мертвое безразличие. Одно то, что Артур продолжал разговор, давало надежду на переубеждение. Как бы смерть ни опустошила душу, в пятнадцать лет трудно отвергнуть жизнь. Карло решил подзадорить мальчика.

— Выходит, что так.

— Зачем же тогда нужна мораль? — сейчас же встрепенулся Артур.

— Как ограничитель. Все хорошо в меру.

— Хорошо для кого?

— Для всех в целом и для каждого в частности. Пойми, ты перенес тяжелое потрясение, твоя душа сейчас близка к стерильности. Но дай время, все восстановится. Впусти в себя простые чувства.

— А надо ли?

— Тебе решать. Но это будет важное решение. Нельзя его принимать ненормальной головой. Что ты потеряешь, если немного повременишь?

— А эту самую стерильность, — быстро сказал Артур.

— Фи.

— Что — фи, что — фи?! Расфикался!

— Артур, послушай, помереть всегда успеешь. Зачем — сейчас, когда можно — потом?

— Затем, что сейчас не так страшно.

Карло почувствовал усталость. Обязанности коменданта еще не закончились. Так трудно быть взрослее, чем ты есть.

— Если ты расскажешь врачам, я тебя возненавижу, — сказал Артур.

— А меня ты тоже возненавидишь, да? — крикнула Дженни.

Она сидела на лестнице, прижавшись лбом к декоративной решетке, и, видимо, давно слушала их разговор.

— Ну, говори, ты, чудовище! Скажи мне прямо в лицо, ну!

Артур растерянно молчал.

— Ладно, — сказала Дженни и вытерла слезы. — Будь здоров.

Она прыгнула на второй этаж. Артур побежал за ней. Осьминог сцапал морскую звезду и выпустил темное облако. Уж этот-то поживал вовсю. Карло вдруг вспомнил, что головоногого совсем недавно хотели съесть, а Дженни заступилась.

И еще он подумал, что надо бы принести ей настоящего молока, тот недотепа ни за что не догадается. Хорошего такого молочка, которое теперь имеется в изобилии.

Дневник командира звездолета

27 августа

Сказать, что мы не ожидали найти здесь детей, нельзя. Единственный сбежавший с Кампанеллы «Годдард» рано или поздно должен был обнаружиться, если не исчез так же, как «Фламинго» с «Альбасете». Неожиданно другое — этика тех, кто заварил кашу. Впору усомниться, существует ли у них мораль. Столько страданий перенесли девочки и мальчики! За что? Чем это может быть оправдано? И что выпало на долю детей и взрослых, улететь не успевших? Мы, люди, встретив чужую жизнь, так поступить не можем. Неужели Рональд прав? В том, что система Эпсилона — это забытая, оставленная без присмотра игрушка сверхцивилизации? Но даже в этом случае ее создателям нет оправдания. С точки зрения человеческой морали, конечно. Но мы не можем руководствоваться какой-то другой моралью. Здесь, на Эстабрионе, экипаж «Вихря» созрел для применения оружия. Я — тоже. Стартуем через два часа.

Карло с удовольствием надел новый, легкий, удобный, изящный скафандр. Ткань толщиной в два миллиметра плотно облегала тело, практически не пропускала тепла и почти не стесняла движений. В компактных баллонах из прочного композитного материала содержался пятисуточный запас кислорода, минерализованная вода, питательный бульон. Все это весило в три раза меньше, чем пустые кислородные баллоны старых скафандров.

— Задание — область «Зет», — напомнила Ольга из диспетчерской.

По ее предложению было принято решение в оставшееся до прибытия «Цинхоны» время возобновить исследования Эстабриона. Для этой цели на планете оставили шнелльбот и собрали несколько легких ракетных платформ. Желающих

полетать на них оказалось множество — от Абдуллы до Павлика, не просился один Артур.

Сначала допустили только старших ребят, но маленькие так протестовали, что им разрешили летать тоже, но в качестве дублеров, под присмотром. Сегодня с Карло, например, отправлялась зеленоглазая и очень несерьезная Фанни. Она уже ждала его в кресле на открытой площадке для экипажа, размещенной поверх груды топливных баков, нетерпеливо перебирая пряжки привязных ремней.

Карло приблизился, солидно попинал пневматические колеса, обошел аппарат кругом и лишь потом прыгнул вверх. Но не рассчитал. Привыкнув к большому весу старого скафандра, он вложил в прыжок слишком много сил, поэтому взмыл над площадкой и завис, нелепо болтая ногами. Фанни фыркнула и поймала его за сапог.

— Привет, адмирал!

— Здорово, юнга, — недовольно пробурчал Карло.

С минуту он провозился в своем кресле, устраиваясь поудобнее, пристегиваясь, озираясь. Из пола выпятился грибовидный вырост, преобразившийся в панель управления. Приборы показывали, что можно ехать. Карло потянул рычаг. Платформа тронулась. Переваливаясь на неровностях, машина направилась к космодрому.

— А сразу стартануть слабо? — спросила Фанни.

Она участвовала уже в третьем вылете, посему считала себя заслуженным асом, которого глупые взрослые дискриминировали сразу по возрастному и половому признакам одновременно.

Карло хладнокровно промолчал. Достигнув края летного поля, он остановил машину и запросил разрешения на взлет. В наушниках раздался сочный хруст разгрызаемой морковки.

— Валяйте, — сказала Ольга.

Карло придавил педаль газа. Из-под днища сверкнуло пламя, тут же скрывшееся в клубах пыли. Аппарат задрожал. Потом задумчиво пошел вверх со всеми своими штангами, дюзами, антеннами, приборными контейнерами, резервуарами, навешенными на трубчатый каркас. Платформа выглядела весьма неказисто, угловато, необтекаемо, поскольку предназначалась для полетов на безатмосферных планетах с

пониженной гравитацией, но была очень надежна, экономична и проста в управлении.

Набрав восьмидесятиметровую высоту, Карло двинул рычаг. Аппарат пошел вперед, огибая склон Энергетического кратера, в недрах которого уже работал реактор. Внизу показалось кладбище. Количество могил на нем заметно уменьшилось. Но они были, были...

— Послушай, — сказала Фанни, — ты можешь хотя бы здесь не виснуть?

Карло мягко прибавил газу. Как только они миновали печальное место, Фанни включила прожекторы.

— Зачем? — спросил Карло.

— Где-то здесь в прошлый раз я уронила камеру.

— Уронила?

— Да. А что?

Карло промолчал.

— Помедленнее, пожалуйста.

Карло потянул рычаг. Аппарат сбросил скорость и наклонился носом.

Внизу, в пятнах света, перемещалась истоптанная поверхность, перечеркнутая следами гусениц, колес, отпечатками подошв. По мере удаления от базы этих отметин человеческого пребывания становилось меньше. Следы постепенно разделялись, вытягивались в отдельные парные и одиночные цепочки. Сверху казалось, что поверхность Эстабриона покрыта бессмысленными вензелями.

— А ведь это все, что могло от нас остаться, — вдруг сказала Фанни.

— Забудь.

Фанни качнула шлемом.

— Забыть, не думать... Это не жизнь.

— Тогда умей привыкнуть к боли.

— А ты умеешь?

— Плохо.

— Это хорошо.

Карло постучал по ее колпаку.

— Да ты у нас мудрец.

— Слушай, а без снисходительности можешь? А то я тебе так постучу...

— Только не выронись. Вслед за камерой.

Фанни надулась и замолчала. Карло увеличил скорость. Девочка тут же встрепенулась.

— Эй, а камера?

— Поищешь пешком. Этак мы до области Зет за неделю не доберемся.

Чтобы перевалить кольцевой хребет, окружающий территорию базы, Карло поднял машину до полутора километров. Горизонт сразу отодвинулся.

— Это еще что? — недоуменно воскликнула Фанни.

— Где?

— А вон там. — Она махнула перчаткой.

— Не вон там, а сколько градусов, — проворчал Карло.

— Ну... тридцать. Слева по курсу.

В слабом свете Эпсилона Карло с трудом различил движущееся пятнышко.

— Похоже, еще одна платформа летит. Ну и зрение у тебя, Фанник.

— Да уж, Карлик. Постой, а откуда она взялась? Оля ничего про нее не говорила.

Карло почесал затылочную часть шлема. Потом нажал кнопку вызова.

— Да? — спросила Ольга. Она продолжала что-то жевать.

— Вижу еще одну платформу, — сказал Карло.

— Какую? — удивилась Ольга.

— Вот уж не знаю. Далеко.

— Момент. Сейчас проверю.

После нескольких секунд возни послышался растерянный голос Ольги:

— Тут, понимаешь, я в оранжерею бегала...

— Кто улетел? — спросил Карло.

— Буду выяснять. На радаре эту платформу я не вижу. Она перевалила хребет?

— Да.

— Примерно в каком месте вы ее видели?

— Район кратера Ягер.

— Карло, оба дозорных спутника сейчас за горизонтом. Первый появится минут через десять, тогда мы и засечем бег-

леца. А пока... Быть может, попробуешь догнать? Не нравится мне эта история.

— Хорошо. Но ты разыщи кого-нибудь из взрослых. Пусть готовят «Гепард».

— Да, не помешает. О'кей. Сейчас.

Карло положил платформу на борт и с набором высоты устремился на юго-запад. До кратера Ягер было больше тридцати пяти километров, и только ястребиные глаза Фанни могли углядеть с такого расстояния движущуюся точку. Да и то — на фоне темного склона. Спутники в это время находились за горизонтом, а Ольга отлучилась. Странное совпадение. Карло утопил педаль газа до упора. За кормой выросло рыжее сияние, отражающееся в зеркале заднего вида.

— Как мы его поймаем? — спросила Фанни.

— Кого?

— Не притворяйся. Артура, конечно.

— Не знаю. Попробуем убедить.

— Попробуй сейчас же, по радио.

— Нет. Пусть он пока не знает, что мы за ним гонимся.

Фанни фыркнула.

— Думаешь, он не слышал твоего разговора с Ольгой? Ты же работал на общей волне, умник.

— Да? Сейчас исправим.

Карло переключился на общую волну.

— Оленька, привет. «Гепард» готовят?

— Мистер Нолан уже одевается.

— Что ж, я тогда следую первоначальным курсом.

— Но... Карлик, это Артур сбежал.

Карло хихикнул.

— Вот озорник! Попадет же ему от мистера Нолана. Ну, до связи.

— Чао, — неуверенно сказала Ольга.

Карло показалось, что на радарном экране мелькнул блик. Артур, следовательно, тоже мог их видеть. Карло постучал по шлему Фанни.

— Слушай, у меня там голова, между прочим, а не барабан.

Карло прижал палец к стеклу своего шлема. Потом энергично помахал по направлению старого курса.

— Ох и надоела же мне эта область Зет, — равнодушно сказала Фанни.

Быстро она соображала. Карло поднял большой палец. Их платформа на полной скорости начала входить в отлогое пике. Постепенно, чтобы резкий маневр не насторожил Артура. Метрах на семистах, когда радарный обзор резко ограничился окружающими горами, Карло начал утомительный слалом между кратерами, упорно забирая влево.

— Можно начинать гравиметрическую съемку, — сказала Фанни.

— И что б я без тебя делал...

— Ты всем девочкам говоришь одно и то же.

— Да, но с разным выражением.

Впереди открывались так называемые Скальные Ворота — тектонический разлом в стенке гигантского цирка Вергилий. Эту трехкилометровую щель нужно было проскочить на полном ходу. Карло ввел задание в автопилот и зажмурился.

— Ух, — сказала Фанни, — никогда так не гонялась. Оказывается, ты не такой уж и копуша!

Устыдившись, Карло открыл глаза.

— Ой, — сказала Фанни, — да вот же он.

Створ Скальных Ворот пересекала далекая точка. Дистанция — шестнадцать километров.

Смысла прятаться больше не было. Их платформа неслась над дном провала, вынужденная повторять его изгибы, и на этом теряла скорость. Карло потянул ручку управления. Взмыв над хребтом, он вновь увидел аппарат Артура, который шел по строгой прямой на юго-запад. Взглянув на карту, Карло убедился, что этот курс неизбежно упирается в массив центрального пика Вергилия. Артур будет вынужден либо его огибать, либо набирать высоту не менее тридцати километров. В любом варианте он потеряет скорость. Кроме того, он вылетел позже, значит, на его борту больше горючего, масса которого уменьшает маневренность. Пришло время форсажа.

Включилось радио. Дженни пыталась уговорить беглеца не делать глупостей, но тот не отвечал. Тогда на связь вышел «Гепард».

— Карло, ты его видишь?

Карло передал координаты.

— Понял. Стартую. Минут через пять догоню, — сказал Нолан. — Последи за ним пока, но без лишнего риска, хорошо?

— Хорошо, Виктор, — сказал Карло, срывая пломбу с гашетки форсажа.

— Ну, ты дае... — пискнула Фанни.

Их вдавило в кресла. Карло обогнул пик с юга. Он не ошибся. Перед горой Артур стал забирать вверх. Форсаж он не включал. Скорее всего потому, что не умел. В результате через пару минут платформы почти поравнялись, только машина Артура летела гораздо выше, но Карло догонял. Скоро отчетливо стали видны яркие точки нижних и кормовых дюз, потом — темные очертания топливных баков. А потом они сравнялись и по высоте. Карло слегка шевельнул ручку управления, поднимаясь выше, и Фанни, сидевшая справа, удивленно всплеснула руками. Площадка экипажа, расположенная на спине догоняемой платформы, была пуста. На ней не хватало одного из кресел.

— Вот это да! Катапультировался.

Зрелище безлюдного летательного аппарата обескураживало.

— Черт, — сказал Карло. — Детектив. А был ли мальчик?

— Да поворачивай же!

Карло лег на обратный курс. Покинутая платформа продолжала полным ходом удаляться на юго-запад. Карло сбросил высоту до минимальной и буквально полз над склоном Вергилия. Была включена поисковая аппаратура, весь свет сконцентрирован на проплывающей внизу бугристой поверхности. Фанни сообщила новость Нолану и попросила его проследить путь Артура на встречном курсе.

— Не пойму, что он задумал, — сказала она. — Неужели...

— Надеюсь, что нет, — сказал Карло. — Слишком сложно. Потом, он должен понимать, что оживить его можно еще раз.

Они проследили юго-западный склон до самой раздвоенной вершины. Конечно, в таком большом массиве, как пик Вергилий, чья высота составляет двадцать девять тысяч восемьсот метров, имелось огромное число укромных расселин,

где Артур мог спрятаться, но катапультное кресло радар бы засек, его спрятать трудно. Да и припорошенная пылью поверхность прекрасно сохраняет следы.

Карло завис над седловиной между двумя вершинами Вергилия.

— Ох, что это? — спросила Фанни.

— Где?

— А прямо под нами.

Карло накренил платформу. Внизу, в сотне метров под днищем, что-то чернело. Округлое пятно, возможно — шар. Почти сразу они заметили фигурку в скафандре. Секунду она стояла неподвижно, затем взмахнула руками и упала. Даже не упала, а как-то сломалась. Тотчас же черный шар накрыл Артура.

— Борт-семь, борт-семь, вижу вас, — послышался встревоженный голос Нолана. — Карло, сейчас же уходите на базу!

— Но мы его нашли!

— Уходите немедленно! Форсаж! Я сам разберусь.

Карло тронул ручку, не решаясь дать газ. Тут случилась странная вещь: черная сфера вдруг стала вспухать, увеличиваться в размерах.

— Что происходит? — спросила Фанни.

— Оно поднимается, — сквозь зубы ответил Карло.

— Мне это не нравится.

— Мне тоже.

Платформа сорвалась с места, набирая скорость. Но за сиянием выхлопа маячила тень. Фанни то ли ее плохо видела в свое зеркало, то ли желая удостовериться прямым взглядом, непрерывно вертелась и оглядывалась.

— Пухнет? — спросил Карло.

— Кажется, да.

— Смотри, не вывались.

— Я же пристегнута. Только вот ручную камеру опять могу потерять.

— Камеру? Камера... Дай-ка ее сюда.

Карло привстал, насколько позволяли ремни, и изо всех сил швырнул прибор за спину.

— Помешался, да? — с любопытством спросила Фанни.

Карло напряженно следил за экраном радара. Ничего особого не произошло. Искорка, обозначавшая камеру, исчезла, вот и все.

— Карло, Карло! Я — Нолан. Уходи вверх, уходи, вверх! Как понял?

— Понял, понял. Ухожу.

Он протянул ручку. «Гепард» несся навстречу. Лазерные пушки катера искрились холодными вспышками, из бортов выдвигались красноносые ракеты. Но выстрелить они не успели. «Гепард» прошел под днищем платформы, и через поразительно долгие секунды позади вспыхнул ослепительный свет.

— Что, что это было?! — крикнула Фанни.

Карло навалился грудью на пульт. Под шлемом по его лицу что-то текло. То ли кровь, то ли слезы, сразу и не разберешь.

— Что там позади, Фанни?

— А ничего. Совершенно ничего. Карлик, я боюсь!

БЛИЖНЯЯ КОСМИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ.
ЛАЙНЕР ЦИНХОНА — ТК ЗВЕЗДНЫЙ ВИХРЬ.

Нахожусь низкой орбите Эстабриона.

Дети приняты на борт. Приступаю поискам Виктора Нолана и Артура Ашкенази.

Чем могу быть полезен еще?

Зия АС-САБАХ.

6. МУЖЧИНЫ

На борту «Звездного Вихря» пробило двенадцать по Гринвичу. В каюте Маши началось очередное совещание. Все стояли у большого стола, на котором Милдред разложила карту Кампанеллы с хронологией основных событий, установленных благодаря кропотливому анализу огромного числа мелких фактов. Выяснилось, что еще до исчезновения крупных млекопитающих и рептилий на планете происходили малопонятные вещи. Первая имела место 5 декабря 2766 года. В этот день одно океанографическое судно обнаружило резкое обеднение морской воды водорослями и планктоном. У экипажа сложилось впечатление, что они плыли по следу сказочного кита, процедившего воду на протяжении десятков миль. Все это происходило примерно в том районе, где был сбит спутник «Вихря».

— А что там находится на дне морском? — спросил Мбойе.

— Группа подводных вулканов, — ответил Ван Вервен. — И не просто группа, а вулканическое кольцо. Любопытно, что оно располагается по отношению к Вулканному Ожерелью суши на противоположной стороне планеты.

— Да, почти симметрично, — кивнула Милдред.

— Действительно, любопытное совпадение, — сказала Маша. — Продолжай.

— В начале января 2767 года океанологи вернулись в странное место. Как вы понимаете, они тоже были порядком заинтригованы, и их удивление еще более возросло. Конечно, течения сделали свое дело. За минувший месяц морская вода уже заселилась, но все еще содержала живых существ на тридцать процентов меньше средней нормы. С корабля спустили глубоководный аппарат. Батискаф позволил заметить еще одну странную вещь — почти полное отсутствие донных форм жизни. На склонах подводных гор не удалось отыскать ни морских звезд, ни губок, ни голотурий, ни живых коралловых построек. В образцах грунта, поднятого с разных глубин,

чрезвычайно редко встречались черви и простейшие одноклеточные организмы. Добавим сюда то, что в протоколах пяти погружений батискафа мы нашли упоминания только о двух рыбах и одной медузе, замеченных на протяжении целых двадцати семи часов подводной работы. Невероятно, правда? Словно бы и не заселяли Кампанеллу. Картина почти мертвого моря...

Ван Вервен согласно покивал головой.

— И как же это все объяснили? — спросила Маша.

— В конечном счете — действием токсических соединений, образовавшихся при извержениях вулканов. Вулканы там действительно извергаются.

— Химический анализ воды проводился?

— Да. Ничего особенного не дал.

— И это не насторожило?

— Нет.

— Почему?

— Посчитали, что токсины были нестойкими. Якоб, это возможно?

— В принципе — да. Но в случае массового отравления морской фауны должны быть останки крупных животных на дне. А их не обнаружили. По крайней мере в том рейсе, о котором идет речь.

— А это как расценили? — удивилась Маша.

— Решили, что мало искали, поэтому нужно вернуться в район поисков после пополнения запасов и отдыха в ближайшем порту.

— Вернулись?

— Неизвестно. На сей счет информация отсутствует. Пусть Милдред переходит к следующему эпизоду. Странностей и без того достаточно.

Милдред накрыла ладонью участок карты.

— Вот здесь, в Северном полушарии, в конце февраля каждого года происходил сезонный перелет птиц. В феврале 2767 года было замечено, что несколько крупных стай пролетели над южным склоном Вулканного Ожерелья, а на севере их не видели. Либо птицы вопреки инстинкту остались в пределах внутренней области, где много теплых озер, либо...

— Либо исчезли?

— Да.

— Но куда?

— Не знаю. Сейчас мы только пытаемся нащупать закономерность. К сожалению, в нашем распоряжении находятся только редкие и разрозненные письменные источники, а компьютерная информация уничтожена. Как, зачем и кем — прошу не спрашивать.

— Хорошо, — сказала Маша. — Дальше.

— В доме смотрителя заповедника обнаружена записка. Читаю. «Коллинз! У нас пропали 3 мустанга. Отправляюсь на поиски. Роджер». Химический анализ позволяет датировать документ временем между девятым и четырнадцатым марта 2767 года.

Мбойе скептически хмыкнул:

— И что из этого следует? Ну, пропали три мустанга.

Милдред согласилась.

— Да, сам по себе факт мало о чем говорит. Но вкупе с остальными... Посуди сам: опять Вулканное Кольцо, опять какие-то исчезновения. Но что правда, то правда. Пока шли только цветочки. А вот дальше события начинают уплотняться. 19 марта из района подводных вулканов в Зеленом океане получен сигнал SOS. Терпела бедствие парусная яхта, о чем по старинной традиции в журнале морской спасательной службы сделана соответствующая запись. Из нее мы узнали, что экипаж яхты исчез. Предположительно — смыт волной. Что ж, бывает. Но чтобы сразу три человека... Этот случай поинтереснее трех мустангов, не так ли Александер?

— М-да. Сигнал бедствия явно отправлен до того, как их... смыло. Трупы нашли?

— Поиски продолжались больше четырех недель, но результатов не дали. Вернее, дали, но странные. Все три индивидуальных радиобраслета нашли на глубине пять километров. Но — только браслеты, никакие останки не обнаружены.

— Как объяснили?

— Ну, хищники. Акулы.

— А браслеты хищники-акулы выплюнули?

Милдред пожала плечами.

— Возвращаемся на сушу. В конце марта смотритель Коллинз отправляет официальный рапорт о значительном сокращении поголовья диких животных, прежде всего — хищных. Снежный барс, например, вообще перестал встречаться. Поскольку трупов Коллинз нигде не находит, он объясняет все массовой миграцией на юг и просит выделить дополнительный вертолет для проверки своего предположения. Подтвердилось ли оно — не знаем. Но могу сказать, что подобных исчезновений еще до того, как животные в одночасье исчезли даже из зоопарков, видимо, было много.

— Не могу поверить, чтобы они никого не насторожили всерьез, — сказала Маша.

— Насторожили. Хочу показать любопытное письмо, найденное в канцелярии президента Кампанеллы. Точнее, его уцелевшую часть.

Милдред положила на карту обгоревший лист бумаги. Сверху на нем располагался замысловатый герб с универсальным номером связи, а ниже шел текст:

Его Превосходительству Президенту
Республики Кампанелла
МАЛЬКОЛЬМУС. ШУМАХЕРУ

Уважаемый господин Президент! Ввиду Вашего отказа поддержать мой проект я решила снарядить субмарину за свой счет. Заверяю Вас в том, что она предназначена для охрана области подводных вулканов и ни для чего более. По-прежнему считаю, что оттуда исходит весьма серьезная угроза. В настоящее время «Си Гвард» следует к району патрулирования. Прошу Вас воздержаться от спешных действий. Мне искренне жаль, но я вынуждена пойт

нарушение законов Кампанеллы, но ситуация настолько и что промедление может дорого обойтись. Не хочу скрыа экспертиа не уверена в том, что опасность вообще м отвратить, но несомненно, что быстрая реакция в кому не повредит. Еще раз повторяю свои довод рых Вы знаете, так и те, которые появились за про а. флора и фауна опустошения в акватории не миль.

b. одновременное падение трех опытных яхт
ляется крайне маловероятным.
c. сейсмическое зондирование дна в ра
показало наличие малопонятных ано
d. по роду деятельности моя компан
подводных исследований. Никог
e. по моему заказу произведена
ка юго-западной части Зел
жимо свидетельствуют о
оных феноменов, вызв
f. компьютерное моделиро
гравиметрической съ
g. токсина, если они
не могли убить в
h. при наличии та
С уважени

— Как видите, на Кампанелле нашелся решительный и состоятельный человек, который имел достаточные основания для тревоги, — сказала Милдред. — Это была владелица подводных рудников Зейтуна Орору. Теперь мы знаем, как в Зеленом океане появилась «Си Гвард».

— Вероятно, эта дама хорошо играла в шахматы, — заметил Баллард.

— Когда было составлено письмо? — спросил Мбойе.

— В первой декаде апреля.

— Ясно. Что дальше?

— Темп событий продолжал увеличиваться. 11 апреля в горах Вулканного Кольца исчезает группа альпинистов, девять человек. Трупы не обнаружены, а вот браслеты найдены все до единого. 14 апреля в этом же районе происходит загадочная авиакатастрофа. На борту частного самолета находилось больше двадцати человек, но среди обломков никаких останков, как вы можете догадаться, вновь не найдено. Зато обнаружены «черные ящики». В одном из них уцелела видеозапись пассажирского салона. Фрагмент отчета комиссии по расследованию причин аварии нам посчастливилось найти. В нем говорится следующее, цитирую: «...кабина экипажа и пассажирский салон заполнились плотным дымом либо туманом

черного цвета, после рассеивания которого в креслах остались комплекты одежды, но сами люди исчезли». Вот так, взяли да исчезли. Не правда ли, это нам кое-что напоминает? Странно еще вот что. Самолет после этого еще находился в воздухе, до удара о скалы оставалось сто семнадцать секунд. Но софус не спасает машину. Как так, почему?

— Сама видеозапись найдена? — спросил Джанкарло.

— Пока нет. Только фрагмент письменного заключения комиссии. Я процитировала его полностью.

— Но вот уж об этом-то следовало сообщить на Землю!

— Требовалось хотя бы несколько суток для проверки основных версий. Но этих нескольких дней в распоряжении кампанеллян уже не оказалось. В течение ночи на 17 апреля с планеты исчезают все оставшиеся крупные животные — и сухопутные, и водные. Такое уже не могло вписаться ни в какие рамки, и никакими естественными причинами не объяснялось. Поэтому последнее сообщение, отправленное по дальней космической связи, касалось именно этого эпизода. Правда, в нем упоминаются только зоопарки. Вероятно, масштабы случившегося на момент передачи были известны далеко не в полной мере. Вероятно, космическая связь перестала действовать довольно скоро после этого, то есть после 8.46 утра по времени Трои. Иначе через короткое время должна была последовать гораздо более тревожная депеша.

Милдред перевела дыхание и отпила глоток минеральной воды.

— Удалось установить, что электронные хранилища информации испортились если и не одновременно, то за очень короткое время. Произошло это между 9 часами 11 минутами и 9 часами 26 минутами утра. Генрих, насколько я поняла, ваша группа остановилась на версии волнового удара?

— Да, — ответил Угрюмов. — Только не удара, а ударов. Они были множественными, строго локальными и очень точно направленными снизу вверх.

— Снизу вверх?

— Совершенно верно. Такое впечатление, что угроза исходила от самой планеты.

— Чертовщина какая-то, — сказал Кнорр.

— Просто хорошо спланированная операция, — возразил Мбойе. — С весьма разрушительными последствиями. Семь минут дежурная смена центральной энергетической станции отчаянно боролась с надвигающейся катастрофой. Уверен, они сделали все, что могли. Но человеческих сил оказалось недостаточно. Погибли сорок четыре оператора и еще сколько-то людей, случайно находившихся в окрестностях. В последующие пять минут падают сотни лишившихся автоматического управления летательных аппаратов, переворачиваются и сталкиваются средства наземного транспорта, терпят бедствие находящиеся в сложных навигационных условиях суда. Возникают первые пожары на заводах и шахтах, затапливается часть подводных поселений. Но весь этот Армагеддон сопровождается удивительно малым числом жертв — порядка восьмисот человек. И если бы не паника, погибших было бы еще меньше.

— Каковы причины смерти? — спросила Маша.

— Этим вопросом занимался доктор Инти. Такео, прошу.

— Исследования останков показали, что большая часть людей погибла быстро, на месте происшествия. Основные причины — травматический шок, массивные кровотечения, инфаркт миокарда, кровоизлияние в мозг. Ничего загадочного, типичный спектр медицины катастроф. Но есть и отличие — чрезвычайно мало умерших от ран через некоторое время после травмы. Как правило, такие люди находились в закрытых труднодоступных местах. Совсем странным выглядит тот факт, что практически никто из пострадавших не умер в больнице. Даже пациенты, находившиеся на операционных столах, не умерли, а исчезли. Вообще, основная масса раненых, видимо, исчезла абсолютно так же, как и совсем не пострадавшие люди.

— Если они и в самом деле не пострадали, — недоверчиво сказала Маша. — А когда начались массовые исчезновения?

— На этот вопрос лучше отвечу я, — сказала Милдред. — Первые исчезновения начались где-то в половине десятого, точнее установить мы пока не смогли. Документально зафиксирован случай в поселке, находящемся в тридцати пяти километрах севернее Кольца. Время — 10.58. Из-за нарушения связи правительство узнает об этом вряд ли раньше 13 часов, когда первые

волны беженцев, используя старинный автомобильный транспорт, моторные лодки и даже велосипеды, достигли окраин Трои. Теперь я должна сказать вот что. Можно во многом упрекать президента Шумахера, но только до этого момента. За те несколько часов, которые оставались в его распоряжении, он сделал все возможное для защиты города. Следы этих чрезвычайных усилий мы видели.

— Защиты от чего? — спросила Джетти Лоренс.

— От того, что было заснято камерой Эварта Виттона. Ио Цесселин предлагает именовать подобные объекты макулами. На древней латыни слово macula означало пятно. Понятно, что в смысловом отношении этот термин не отражает всей сложности явления, но для человеческой психики очень важно иметь хотя бы рабочее название непонятного. От этого оно становится чуточку привычнее, облегчая дальнейшее изучение.

— Макулы так макулы, — выразила общее мнение Джетти. — Что дальше?

— В окрестностях Трои они появились никак не позже 18.30. Скорость перемещения макул вдоль поверхности планеты можно оценить более чем в двести километров за час. Во всяком случае, они сумели опередить тысячи автомобилей, которыми забиты дороги в окрестностях Трои, космопорта Дедал, морских портов. Еще на подступах к столице против макул было применено все то разнородное оружие, которое удалось собрать кампанеллянам. По всей видимости, это несколько оттянуло финал. С планеты успел взлететь «Годдард» с детьми. Еще большее число людей погрузилось на всевозможные морские суда, яхты, импровизированные плоты и прочие плавсредства, надеясь найти спасение в открытом море. Увы, единственным результатом этих попыток является бесспорный факт: море не спасает от макул. Об этом же свидетельствует судьба «Си Гвард». Похоже, что от макул может спасти только бегство с планеты. Причем на достаточное расстояние, поскольку «Фламинго», корабль межзвездной силы, находившийся на низкой орбите, тоже исчез. Подобная участь, вне всякого сомнения, постигла и транспортный звездолет «Альбасете».

— Не посоветовать ли Ас-Сабаху держаться подальше от Эстабриона? — спросил Мбойе.

— Да. Отправляйте радиограмму, — сказала Маша. — Милдред, продолжай.

— Продолжать осталось не так уж долго. Около 21 часа наступила кульминация. Макулы прорвали внешний пояс обороны и появились в городе, окружая очаги сопротивления. Последний из них, ратуша, пал около 22 часов этого трагического дня 17 апреля. Вот вкратце и все. Со временем мы, конечно, узнаем больше, но некоторые выводы можно делать и сейчас. Главный из них заключается в том, что население Кампанеллы стало объектом осмысленного воздействия, целью которого не являлось простое уничтожение, иначе планета оказалась бы усеянной останками людей и животных. А раз так, целью являлось похищение. Разумеется, крайне важно теперь выяснить, кому оно понадобилось, каким способом совершено, живы ли похищенные сейчас, где они находятся. Эти вопросы между собой связаны. Ответив на один, мы продвинемся в понимании остального. Ключом, на мой взгляд, нужно считать механизм похищения. Изучив его в достаточной мере, мы сможем получить представление об уровне развития нападавших, степени их могущества и даже этических принципах, которыми они руководствуются. Возможно, удастся приблизительно оценить дальность действия примененных сил, тем самым, с одной стороны, очертить сферу поисков, а с другой — решить, достаточен ли потенциал «Звездного Вихря» для решения такой задачи.

— А также для того, чтобы понять, сможем ли мы противодействовать новым попыткам похищения. Похищения уже нас самих, — добавил Кнорр. — Так что известно на сей счет?

Милдред на секунду задумалась.

— Кое-что известно.

Она кивнул на карту.

— Обратите внимание на то, что волны похищений распространялись от двух районов — вулканических колец на суше и в море. Эти кольца расположены на противоположных сторонах Кампанеллы. Исходя из этого Рональд пришел к достаточно безумной идее. Суть ее в том, что обе вулканические зоны представляют собой окончания транспланетного тонне-

ля. Этот тоннель, по его мнению, является входной частью системы переноса живых существ.

— Невероятно, — высказался Генрих Угрюмов. — Этот тонель, он что, пронизывает расплавленное ядро планеты?

— Рональд полагает, что так.

— Ты представляешь, какое давление должны выдерживать стенки?

— Немного представляю.

— И тем не менее?

— Я бы сказала — тем более. Возможно, что как раз расплавленное ядро и есть начало другого канала, уже трансцендентного.

— Ты веришь, что это возможно?

— Я? — Милдред усмехнулась. — Пока что я верю только в то, что у нас есть рабочая гипотеза. А раз она есть, ее нужно проверять.

Угрюмов развел руки.

— Ну, по части безумности у этой гипотезы все в порядке. Осталось проверить, не переворачивает ли она всю современную физику.

— Займешься?

— Деваться некуда. Только один вопрос. Что такое, потвоему, есть макулы?

— На это ответить не могу.

— А Рональд?

— Рональд тоже. Но кое-что предполагает о предназначении макул. Говорит, что они могут выполнять роль охотничьих собак.

— Собирают добычу в определенное место?

— Да.

— Гипотезу можно как-то проверить? — спросила Маша.

— Нужно провести точные измерения гравитационного поля, — ответил Угрюмов. — Если под вулканами есть полости, оно должно быть ослабленным. Быть может, не случайно в письме госпожи Орору упоминается гравиметрическая съемка.

— Еще там упоминалось сейсмическое зондирование, — вставил Ван Вервен.

— Тоже не помешает. Но главная надежда...

— ...на нейтринное просвечивание планеты.

— Разумеется. Только вот хватит ли чувствительности наших приборов?

Все повернулись к Джанкарло.

— Не знаю, — сказал тот. — Одно ясно: датчики требуется разместить поближе к выходам канала. Где эти районы догадываетесь?

— Догадаться невозможно, — с несчастным видом признал Реджинальд.

— Прекрати, — сказала Луиза.

— Хорошо, мамочка.

— Еще одна вещь, — сказал Такео Инти. — Карантин можно снимать. Никакая это не болезнь.

Тяжелая зыбь качала «Гепард». Из-под остывающего днища со свистом вырывался пар. Над водой с грузовой стрелы свешивался батискаф. Чуть выше за облаками угадывался Эпсилон. Море в его блеклом свете походило на сгустившееся хмурое небо, слегка подсвеченное синим.

Высунувшись по пояс из люка, Рональд «нюхал» погоду. Снизу, из-под его ног, послышался голос Бертрана:

— Послушай, неужели роботы не справятся?

Рональд отрицательно качнул коленом.

— Забрало хоть опусти, — посоветовал Бертран. — Тут радиация.

Рональд совет проигнорировал. Выбравшись на обшивку, он направился к стреле. Перед тем как подняться по скобтрапу, пропустил вперед Ван Вервена и обернулся.

Бертран укоризненно смотрел из люка.

— У роботов нет интуиции, Берт.

— Зато у меня есть, Ронни.

Рональд усмехнулся.

— Прошу не путать с суеверием.

Бертран с досадой махнул рукой и скрылся в чреве шнельбота. Вместо него вынырнул Реджинальд и сделал страшные глаза.

— За мной следят, — сообщил он. — Сбежать не получится. Удачи вам.

— Спасибо, — сказал Рональд. — А следят правильно.

Он влез на стрелу. Держась за леера, прошел до ее окончания и спустился в раскачивающийся батискаф. Там Якоб обстоятельно устраивался в пилотском кресле — вертелся, ерзал, дергал штурвал, кряхтел, покашливал. Возня продолжалась добрых три минуты, но Рональд его не торопил. Всяк по-своему справляется с волнением.

— Готово, — наконец сообщил Ван Вервен.

По короткому колодцу Рональд спустился в кабину и занял свое место. Ван Вервен молча нажал клавишу закрытия внутреннего люка. На панели один за другим зажигались огоньки контроля. Послышалось шипение, ощутимо запахло озоном. Трижды прозвенел гонг.

— Алло, — сказал Ван Вервен. — Я — «Нерей». Опускайте.

Нижние иллюминаторы коснулись воды. В кабине потемнело.

— Внимание, снимаю с подвески, — предупредил Бертран.

Волна захлестнула и верхние иллюминаторы. Рональд невольно втянул голову в плечи, ожидая, что вода хлынет за воротник скафандра. Но вода хлынула не туда, а в шахту над пилотской кабиной. Отяжелевший батискаф с креном зарылся в волну.

— Алло, Берт, спуск начали. Закрываю наружный люк. Время — девять ноль-семь.

— Понял, девять ноль-семь. В авантюры не ввязывайтесь.

— Мы уже ввязались. Ронни, закрой верхний люк.

— А как это делается?

Ван Вервен поднял брови.

— Ты хоть представляешь, что надо искать?

— Нет. Но искать надо.

— Что-нибудь эдакое?

— Да, из ряда вон.

— М-гм. Вот теперь все ясно.

Включились двигатели. За толстенными окнами аппарата начало темнеть. Снизу поднимались гроздья серебряных пузырьков. Они увеличивались в объеме, сплющивались, исчезали вверху. По мере погружения качка стихала. Около иллюминаторов появились почти насквозь просвечивающиеся рыбки.

— Смотри-ка, — удивился Ван Вервен, — есть, оказывается, живность. Выходит, макулы кое-что пропускали?

— Но только не людей.

— Быстро спускаетесь, — проворчал Бертран. — Пятьдесят метров в минуту.

— Ничего, — отозвался Ван Вервен. — Для исследований больше времени останется.

К нему уже полностью вернулась спокойная уверенность профессионала, занятого своим делом. Якоб проверил настройку внешних датчиков и прибавил оборотов винтам, чем еще больше ускорил спуск. За иллюминаторами исчезли последние остатки синевы. Со всех сторон батискаф все плотнее укутывал вечный мрак. Вскоре он сделался абсолютным. Все увеличивающееся давление стискивало бортовые панели, которые, скользя по направляющим, начали сдвигаться к оси судна. Таким образом уменьшался объем «Нерея», и батискаф не стремился выскочить на поверхность.

Ван Вервен опустил нос аппарата и включил передний прожектор.

— Ты хоть намекни, что высматривать, — попросил он.

— Все необычное. Ну, какие-нибудь чересчур молодые горные образования, например.

Надвинув на лоб шерстяную шапочку, Рональд прижался к сырой и холодной поверхности иллюминатора. Но до дна еще было далеко, световой нимб таял в пустоте.

— Включи радар, — посоветовал Якоб.

На зеленоватом экране вырисовались очертания подводного пика.

— Что за гора?

— Вулкан Энджеб. В данное время бездействует.

— Энджеб, Энджеб... Притягивающее название. Давай туда.

Ван Вервен приостановил встречное перемещение бортов, замедляя погружение. Кабина наполнилась тонким воем, напоминающим звуки, издаваемые кухонным миксером, — электромоторы включились на полную мощность. Якоб двинулся крейсерским ходом со скоростью в двенадцать узлов. Этого оказалось достаточно. Склон приближался быстро.

— Что означает название Энджеб? — спросил Рональд.

— Фамилию первооткрывателя. Есть такой вулканолог.

Рональд с интересом взглянул на своего спутника.

— Ты знаешь названия всех вулканов Кампанеллы?

— О нет, не всех. Просто я довольно много занимался вулканными кольцами. Ну и впадиной Дит соответственно. Совпадение.

— Совпадение? Очень похоже на перст судьбы.

— Ну, ну. Не стоит во всем его видеть.

«Нерей» прошел метрах в тридцати над кромкой кратера. Рональд молчал, поэтому Ван Вервен оставил судно на прежнем курсе. Глубина под килем начала увеличиваться.

— Мы — внутри Вулканного Кольца. Опускаться?

— Да.

Миновав километровую отметку, батискаф возобновил погружение. Он плыл вдоль крутого склона, угол наклона которого приближался к пятидесяти градусам.

— Довольно молодой вулкан? — спросил Рональд.

— А они все здесь молодые. В геологическом смысле, конечно.

— Ты здесь уже погружался?

— Да. Лет сорок назад участвовал в экспедиции морских геологов.

— Очень кстати. И какой район обследовали?

— Ну, лично я погружался восточнее, в Срединной долине.

Рональд взглянул на карту.

— Поехали туда. Берт, мы меняем курс. Как понял?

— Да хорошо понял. Следуем за вами. Курс — Срединная долина. Якоб, слушай, ты ничего не видишь?

Ван Вервен взглянул на экраны.

— Ничего особенного. А что?

— Да вроде какое-то пятно на дне мелькнуло.

— Опять пятно? Нет, ничего не вижу.

— Показалось, значит.

— Знаешь, ты осторожнее с этим словечком. Пятна ему все мерещатся.

Постепенно погружаясь, батискаф направился к востоку.

— Быстрее можно? — спросил Рональд.

— Тринадцать узлов. Максимальный ход.

— Не хочешь передать управление софусу?

Ван Вервен повернул голову. На его длинном лице появилась улыбка.

— Я хорошо помню этот район.

Рональд поднял раскрытые ладони:

— Виноват, маэстро. Ладно, рули.

Ван Вервен рулил успешно. Через сорок минут гребень глубоководного каньона просматривался уже без помощи радара.

— Где будем спускаться? — спросил Якоб.

— Дай карту.

Срединная долина, или Срединный разлом океанического дна, пересекал все кольцо подводных вулканов с юго-востока на северо-запад, образуя по пути несколько изгибов и отдавая по сторонам многочисленные трещины. При взгляде на карту создавалось впечатление, что кто-то уронил весь горный венец на твердое основание, от чего колечко раскололось неровными кусками. Ширина центрального каньона менялась, в самом узком месте составляя семьсот метров и разбегаясь к середине до десяти миль. Здесь находилась знаменитая впадина Дит, самое глубокое место Кампанеллы. Дно от поверхности моря там отделяли тринадцать с половиной километров. Рональд постучал пальцем.

— Тут погружался?

— Трижды.

— Хорошо помнишь?

— Местечко такое, что раз увидишь — не забудешь.

— «Нерей» выдержит?

— Конечно. Гондола рассчитана на глубины до пятнадцати километров. Причем в земных условиях, где гравитация чуть посильнее.

— Прекрасно. Идем туда. Вдоль долины, над самым дном.

— Ближе к какому склону?

— К тому, где больше пещер.

— Их с обеих сторон предостаточно.

— Тогда — вдоль того, который ближе к нам сейчас.

— Слушаюсь, сэр. Алло, «Гепард»! Начинаю спуск в разлом. Десять пятьдесят восемь.

— Ох, Ронни, не сомневался, что тебя туда потянет, — отозвался Бертран. — Спасательный батискаф приготовлен.

— Благодарю.

Послышался смешок Реджинальда.

— Полковник, а что у вас было в школе по поведению?

— Тройка. Якоб, трогай.

Достигнув глубины две тысячи шестьсот метров, «Нерей» прошел над группой острых скал и повернул к северу. Под ним находилось плато, которое круто обрывалось в собственно Срединный разлом. Продолжая снижаться, Ван Вервен включил дополнительные фары, и через незначительное время свет начал отражаться от поверхности, покрытой слоем белого вещества.

— Очень напоминает снег, — сказал Рональд. — Что это?

— Снег и есть, только подводный. Он состоит из скелетов погибших морских организмов. Эти известковые отложения накапливаются со скоростью около трех миллиметров за столетие. Здесь, в морях Кампанеллы, слой еще тонок, поскольку планета заселена недавно. Ронни, ты что же, впервые погружаешься?

— Впервые. А что?

В глазах Ван Вервена мелькнула усмешка. Он покрутил головой.

— Тогда тебе будет интересно.

— Думаю, тебе тоже, — ответно усмехнулся Рональд.

На глубине около четырех километров показалось дно разлома. Якоб сбросил порцию светящихся сигнальных шариков. Над местом их падения всплыло облако ила, которое начало смещаться в сторону.

— Жаль, — пробормотал океанолог. — Течение не попутное.

В свете боковой лампы показался крутой склон, заваленный остроугольными обломками скал. Кое-где к ним прикрепились морские губки.

— Что-то их маловато, — продолжал ворчать Ван Вервен.

— Тоже, небось, макулы постарались?

— Не спеши все списывать на макул. Разные бывают причины

Через полмили осыпь закончилась. Обнажились коренные породы. Местами их закрывала окаменевшая лава.

— Каков приблизительный возраст этих потеков? — спросил Рональд.

— О, старые образования. Давно утратили блеск и стекловидную корочку. Видишь черный налет? Это окись марганца, она образуется очень медленно.

— Тогда идем дальше.

— Дальше так дальше. Смотри, слева трещина. Заходить?

— Пропускаем. Добавь ходу.

Обогнув отдельно лежащий камень, «Нерей» поплыл над плоским дном. Жужжание электромоторов усилилось, но потом они вдруг замолкли.

— Эт-то еще что такое?!

— Где?

— Прямо по курсу. Рыба! Видишь?

— Вижу. И что с того?

— Ронни, у нее две пасти.

Рональд отшатнулся от иллюминатора. Перед батискафом, ослепленное прожекторами, висело странное создание. Его вытянутое тело оканчивалось крысиным хвостом, извилистым и подвижным. По бокам от головы колыхались округлые плавники. Сверкали выпученные глаза. А под ними располагались две щели с кривыми желтыми зубами.

— Ничего подобного на Кампанеллу не завозили, — сказал Ван Вервен.

— Откуда такая уверенность?

— С Земли. Ничего подобного в наших океанах нет.

— Надо заснять.

Сверкнула фотовспышка.

— Экий мутант! — удовлетворенно сказал океанолог.

— Или пришелец.

— Пришелец? Откуда?

— Оттуда. Не исключено, что транспортная система действует и в обратном направлении. Нелишне проверить микробный состав воды, а то подцепим какую-нибудь заразу.

— Ты так уверен в существовании трансцендентного канала?

— А рыба тебе ни о чем не говорит?

— Сразу двумя ртами. Такого нет в земной фауне!

— Уверен?

— На сто процентов. Будем ловить?

— Некогда. Двухротовая рыба — частность. Можно рассматривать в качестве сигнала верного пути. Нам нужно успеть добраться до главного. Знаешь, меня преследует ощущение цейтнота.

— Ладно. К твоим ощущениям нужно относиться внимательно.

Якоб включил моторы. Чудище нехотя уступило дорогу и скрылось во тьме. Внимание Рональда уже привлекало другое. «Нерей» плыл над необычной поверхностью. Дно покрывало нечто вроде ноздреватой накипи, расчлененной на пластины с приподнятыми краями. Рональд вопросительно взглянул на своего спутника.

— Ничего сверхъестественного, — охотно объяснил Ван Вервен. — Тонкий слой лавы растрескался от соприкосновения с водой. Такие пластины могут возникать при высыхании грязи на болоте, например.

— Да, много интересного под водой.

— Это еще что! Вот, смотри.

Якоб выключил весь свет. За иллюминаторами встала плотная тьма. В первые мгновения она казалась совершенно непроницаемой, но затем глаза попривыкли и справа стало различаться багровое зарево.

— Действующий вулкан. Есть на что посмотреть.

— Поворачивай.

— Не устоял перед соблазном, а?

— Э! Район поиска точно не определен.

— Верно.

— Интравизор должен обогащаться зрительными впечатлениями.

— Красиво сказано.

— Кроме того, открытие может состояться как раз вблизи кратера.

— Почему бы и нет?

Посмеиваясь, Ван Вервен раздвинул стенки аппарата, заставляя его подвсплыть, а потом переложил руль вправо.

Через четверть часа они сблизились с вулканом, находившимся почти на оси разлома. Внезапно раздался писк гидролокатора. Моторы взвыли, и батискаф метнулся в сторону.

— Что случилось?

— Посмотри в верхний иллюминатор.

Рональд протер стекло и прижался к нему носом. По склону горы, поднимая облака мути, катился камень.

— Обычная история, — сказал Якоб.

— Это опасно?

— Не очень. Наружный слой обшивки эластичен. Кроме того, у Берта есть запасной батискаф.

Удалившись тем не менее от опасной зоны, «Нерей» продолжил подъем. Багровое свечение превратилось в зарево, видимое даже сквозь свет прожектора. Внизу показался огненный ручей, стекающий по склону. Вода над ним кипела. Мириады пузырей рассеивали электрический свет, поэтому прожектор пришлось выключить.

Через гидрофоны слышались шипение, треск, бульканье, раздавались глухие удары. Языки лавы, соприкасаясь с водой, покрывались прозрачной коркой и продолжали течь уже под твердой поверхностью. Но она часто рвалась, магма вновь прорывалась наружу. Место прорыва при этом расширялось, образуя ответвление. Остывая, потоки превращались в темнеющие на глазах трубы, каменные подушки, капли. В батискафе стало жарко, хотя кондиционер работал на полную мощность.

— Ладно, плывем дальше, — крикнул сквозь шум Рональд.

— А к жерлу подниматься не будем?

— Нет. Полюбовались и хватит.

— Жаль, — сказал Якоб. — Зрелище любопытное.

— Жаль, — согласился Рональд.

«Нерей» послушно обогнул огненную гору и вернулся к левому борту разлома. На протяжении следующего получаса он шел вдоль однообразной осыпи, скрывающей склон.

— Хочу тебя спросить, Ронни.

— Да?

— Бывает, что ты в своих видениях ошибаешься?

— В последние годы не бывает. Но точность предсказаний различна. К тому же наитие приходит не сразу и не при вся-

кой необходимости. Иной раз неделями мучишься, а уверенности все нет как нет. Тут главная сложность — разродиться.

— Понимаю. Ну а в отношении канала ты насколько уверен? Штука весьма необычная, прямо скажем.

— Не более необычная, чем исчезновение тринадцати миллионов человек.

— Довод сокрушительный. Но других пока не видно.

— Значит, надо найти.

— И все же, какие доказательства мы ищем?

— Убедительные.

— Ронни, хватит увиливать. Говори прямо.

— Хорошо. Убедительным было бы наше исчезновение.

— Что?

— Исчезновение.

— Никак не привыкну к твоему юмору.

— Я не шучу. Якоб, ты готов исчезнуть?

Ван Вервен сокрушенно вздохнул.

— Ох уж эти мне горячие финские парни! Кажется, у нас не от вулкана так жарко.

— И чем же плохи финские парни?

— Да ничем. Но чем хуже голландцы?

— Понятия не имею, — усмехнулся Рональд.

— Молод ты еще, полковник.

— Так я и не собираюсь помирать.

— Вот как? А мне показалось, что ты предлагаешь отправиться прямиком на тот свет.

— В общем — да. Но исчезать и помирать — не одно и то же.

— Сложное что-то для профессора. Ты хочешь сказать, мы можем остаться в живых?

— Вполне.

— Честно?

— Честновато.

— Уже лучше. Ладно, где риск, там и надежда.

— Амен, брат-северянин.

На борту «Вихря» пробили двадцать четыре склянки. Началось очередное совещание.

— Главный инженер. Состояние систем штатное. Напряженность защитных полей — тридцать процентов. Активирован второй реактор, остальные работают в холостом режиме.

— Старший офицер. Готовность экипажа — номер два.

— Служба локации. Неидентифицированных объектов в пространстве нет.

— Штаб планетных операций. Граница поисков населения Кампанеллы расширена до семидесяти километров от центра Трои. В работах участвуют пять человек и семь роботов. Район прикрывается дежурным шнелльботом. Второй дискоид работает с «Нереем». Возможно, обнаружена рыба неземного происхождения. Началось погружение батискафа во впадину Дит.

— Что на Эстабрионе?

— Поиски Нолана и мальчика пока безрезультатны. «Цинхона» переведена на высокую орбиту.

— Аналитический центр. Исчезновение «Гепарда» на Эстабрионе связано с объектом, который с большой вероятностью можно считать макулой. После вспышки она исчезла вместе с дискоидом. Над горизонтом в это время всходил один из спутников. С помощью его приборов удалось оценить мощность взрыва. Энергии выделилось на несколько порядков меньше, чем должно было выделиться в случае полной аннигиляции материи массой в восемьсот шестьдесят тонн.

— Взрыв бортовых запасов дейтерия?

— Нет. И для этого взрыв был слабым.

— Так что же это было, Милдред?

— Похищение.

— Так далеко от Кампанеллы?

— Боюсь, что так.

— Не мы ли привели макулу на Эстабрион?

— Исключать ничего нельзя. Но не представляю, как это могло произойти.

— Живы ли Виктор и Артур?

— На этот вопрос может ответить только Рональд. У него более сильный дар, чем у меня, командор. Зря его отправили на Кампанеллу и в первый, и во второй раз. А погружение следовало запретить вовсе.

— Он полковник, Милдред.

— А вы — любимая женщина, Маша.

— Вот что, — решительно вмешался Мбойе. — Давайте закроем эту тему. Рональд не мальчишка, имеет право на взрослые решения. А личные отношения оставим в стороне.

Начальница аналитического центра упрямо тряхнула своими косичками.

— Дело не в личных отношениях. Рональд не просто лучший интравизор экипажа. Он один из сильнейших среди людей вообще. Рискуя собой, он рискует всей экспедицией.

— Он не мог поступить иначе, — сказал Мбойе. — Кроме всего прочего, он еще и офицер корпуса космической пехоты.

— Ох уж эта мне мужская гордыня! Вот где сидит. Офицеры мы... Прошу немедленно вызвать батискаф. Маша, я требую, чтобы ты приказала им немедленно всплывать, и всплывать в аварийном режиме. Иначе эта история плохо кончится. Хотя и слабый, но я тоже интравизор, понимаешь?

Маша впервые видела Милдред в таком волнении.

— Давай, Александер, вызывай, — вздохнула она.

— Слушаюсь.

Пальцы старшего офицера шевельнулись. На экране появился Бертран Ли. Выглядел он несчастным.

— Что? — испуганно спросила Маша.

Бертран молчал.

— Все ясно, — жестко сказала Милдред. — Взрослые мальчики доигрались.

Повернувшись носом к склону, «Нерей» продолжал спуск. Перед глазами проплывали каскады остывшей и окаменевшей лавы. Различались отдельные вертикальные трубы, делавшие стену провала похожей на неф исполинского органа. Свет носового прожектора медленно скользил по черной поверхности этих невероятно вытянутых каменных капель. Якоб качал головой, удивляясь скудности проявлений жизни. Лишь изредка попадались губки да пару раз мимо иллюминаторов проплыли коматулы — уникальные иглокожие, способные активно перемещаться в водной среде.

— Да, — сказал Ван Вервен. — Сорок лет назад с живностью здесь было побогаче. И виргулярии попадались, и горгонарии.

— Скучно без виргуляриев да горгонариев?

— Разве это жизнь? — улыбнулся океанолог. — Тебе не понять, пехота.

Еще более безотрадный вид открывался под днищем батискафа. Его там и не было, вида. Яркий свет нижних светильников просто тонул в чернильной мгле, уходящей в глубочайшую пропасть планеты. Склон был настолько крут, что только у верхней границы пояса пещер нашлась небольшая площадка для донной сейсмической станции. За годы освоения планеты подобной аппаратуры во впадину опустили немало, но она не пережила загадочного катаклизма, случившегося на Кампанелле.

Впадина Дит имеет сечение неправильного овала. На батиметрических картах она напоминает срез серии бобов, вставленных друг друга наподобие старорусских матрешек. Желая осмотреть все склоны, Рональд попросил спускаться по спирали, вставляя нос почти в каждую крупную пещеру. Это отнимало массу времени, и через несколько часов начала сказываться усталость. Якоб был вынужден посадить батискаф на пологом откосе, чтобы минут сорок поспать. Заранее предупрежденный об этом «Гепард» не беспокоил.

Рональд решил использовать предоставившееся время для интравизии. Получилось быстро, легко. И отчетливо до неправдоподобия. Так бывает только поблизости от источника очень мощных возмущений.

С высоты птичьего полета он увидел старинный город у слияния двух рек, защищенную стеной дорогу на берегу. Она вела из города к подъемному мосту замка. Замок располагался на речном острове. Под массивными башнями стояло несколько кораблей с высокими мачтами, явно предназначенными для несения парусов. На плоской крыше башни Рональд увидел мужчину, прикованного цепью к металлическому кольцу. Лицо его показалось знакомым. Словно о чем-то догадавшись, пленник поднял голову. Глаза его начали увеличиваться и странно пожелтели. Под подбородком внезапно

открылась пасть с кривыми акульими зубами. Ниже — еще одна, точно такая же.

— Ба! Старый знакомец, — сказал Якоб. — Ронни, мы ему понравились.

Рональд очнулся. В боковой иллюминатор заглядывала давешняя рыба с двумя ротовыми щелями. Из каждой поочередно выскальзывал длинный змеиный язык, ощупывающий поверхность бронестекла.

— Кажется, она нас видит, — сказал океанолог.

— Да. И не прочь попробовать на вкус.

Ван Вервена передернуло.

— Это мы посмотрим, кто кого будет пробовать!

Он протянул руку к пульту.

— Монстр не виноват в том, что проголодался, — миролюбиво сказал Рональд.

— Ладно. Я выспался. Двигаем дальше? До дна еще пять километров. Вторую станцию сбросил?

— Сбросил.

— Тогда вперед. В смысле — вниз.

Уходя в глубину, пропасть сужалась. Витки спирали, по которой шел «Нерей», делались все короче. В половине первого, когда на поверхности моря давно царила ночь, батискаф достиг дна. Аппарат лег на грунт с небольшим креном на левый борт и замер.

— Глубина — тринадцать тысяч пятьсот семьдесят один метр и тридцать шесть сантиметров, — сообщил Ван Вервен. — Мы побили рекорд почти на полтора метра, Ронни.

— Поздравляю.

— Спасибо. Но что делать дальше?

Вокруг «Нерея» оседал взбаламученный винтами ил. От чудовищного забортного давления потрескивала титановая броня. Больше никаких звуков ухо не улавливало. Только через сверхчуткие гидрофоны едва просачивался шорох опускавшихся на дно частиц.

— М-да, — признал Рональд. — Никаких чудес пока не наблюдается. Что ж, оставляем третью станцию и всплываем.

Облегченный «Нерей» рванулся вверх. Через четыреста метров Ван Вервен затормозил всплытие, отошел в сторону.

— Пора бросать бомбу, — сказал он.

— Пора так пора.

Внизу ухнул старый недобрый тринитротолуол. Колебания дна, вызванные взрывом, зафиксировали все три сейсмические станции. Приборы сработали безукоризненно. Информация тут же ушла на качавшийся в волнах «Гепард».

Рональд включил связь.

— Что скажешь, Берт?

Голос Бертрана был озадаченным.

— Взрыв, конечно, слабоват. Да и станций всего три...

— И все же?

— И все же ты провидец, Ронни. Под слоем донных осадков определяется узкая полость, уходящая в глубь планетной коры по крайней мере до границы Мохоровичича. Браво! Со мной сейчас на связи Угрюмов. Он в полном умопомрачении. Того, что вы обнаружили, не может быть.

— Я ожидал большего, — сказал Рональд.

— Ну ты и привереда! Слов нет. Всплывайте, вы уже четырнадцать часов под водой.

— Сейчас... Якоб, что там с твоей стороны?

Ван Вервен повернулся к боковому иллюминатору.

— Тьфу! Опять эта тварь.

— Нет, дальше.

— Дальше? Пещера какая-то. Большая пещера.

— Очень большая, Якоб.

— Прямо огромная. Как же я ее не заметил? О, Посейдон! Да там что-то светится.

— Эй, эй! — встревожился Бертран. — Что вы затеваете?

— Не приставай, — попросил Ван Вервен. — Некоторое время связи не будет. Входим в пещеру.

— Не хватало, чтобы ты там застрял.

— Кто, я?

— Ты, ты, гез морской! Своды хоть осмотри.

— Своды — это разумно.

— А я думал, тебя уговаривать придется, — признал Рональд.

— Почему? — удивился Ван Вервен.

— Ты такой уравновешенный.

— Это правда. Но в твою ненормальную гипотезу поверил. Похоже, кто-то и впрямь трубу воткнул в несчастную планету. Дело хлопотливое, между прочим. Надо выяснить, зачем это затеяли. Как можно пройти мимо такого? Потомки не простят.

Батискаф тем временем приблизился к устью пещеры в верхней ее части. Он подошел к скалам так близко, что заскрежетал о камни.

— Ты промахнулся, — сказал Рональд.

— Еще чего! Прочность сводов проверяю.

Стена пещеры оказалась в двух метрах от иллюминаторов.

— Поразительное дело, — взволнованно сказал Ван Вервен.

— Что?

— Голову даю на отсечение, что сорок два года назад этой пещеры и в помине не было. А если судить по возрасту пород, ей многие миллионы лет. Чудо все же будет, Ронни. Можно сказать, мы у его порога. Даже жутковато.

— Мы еще можем вернуться.

— Сомневаюсь. Знаешь, в старину рыбу иногда ловили на свет. Очень похоже, что сейчас так ловят нас. Ну что ж. Даже если Виттон погиб, Джумагулов-то вроде жив, не так ли?

Рональд вспомнил лицо человека на башне.

— Жив. Я в этом уверен.

— Значит, грубо говоря, шансы фифти-фифти. Вполне прилично, Ронни. Но, может быть, я вернусь сюда один? Ты очень ценный интравизор.

— Как раз поэтому мое место там. — Рональд кивнул в сторону сочившегося из пещеры призрачного света. — Буду переговариваться с Милдред оттуда.

— Тебе виднее. В буквальном и переносном смысле.

Вновь послышался скрежет металла. «Нерей» отлепился от потолка пещеры и малым ходом двинулся вперед.

— Не представляю, как теперь на Машу буду смотреть, — уныло сказал Бертран.

— Да, мне легче, — согласился Рональд.

Дневник командира звездолета

13 сентября

Рональд и Якоб исчезли. Я все время этого боялась. Что сказать еще — не знаю.

ДАЛЬНЯЯ КОСМИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ. ШТАБ КОСМОФЛОТА — ВСЕМ СУДАМ И КОРАБЛЯМ.

ЭКСТРЕННОЕ СООБЩЕНИЕ.
Планета ФЕЛИКСИТУР, система КРОНОС.

Обнаружен локальный концентрат генерального поля. Визуально определяется как овалоид вращения со свойствами абсолютно черного тела. Радарный луч поглощает. Наибольший диаметр около 15,6 м. Поверхность изменчива, границы размыты. Обладает способностью воздействовать на психику человека. Наблюдение единичное, энергетические характеристики не установлены. Объект появился и исчез на протяжении приблизительно 19 геочасов, химических и механических следов на грунте не оставил. Радиоактивный фон места не изменен. При встрече с объектом, подобным описанному,

НЕМЕДЛЕННО ДИСТАНЦИРОВАТЬСЯ, ОПОВЕЩАТЬ ШТАБ
ОКС. СООБЩЕНИЕ ПОДЛЕЖИТ ДВУКРАТНОЙ РЕТРАНСЛЯЦИИ
ВСЕМИ БОРТОВЫМИ РАДИОСТАНЦИЯМИ.

Контр-адмирал Клеона БРУНТЛАНД.

7. КАМПАНЕЛЛА

Ио еще раз перечитала сообщение штаба Космофлота.

— Неужели и там — макулы?! — ужаснулась она.

— Что же еще? — пожал плечами Хосе.

— Видишь ли, о жертвах не сообщается.

— Кому-то здорово повезло.

— Немедленно дистанцироваться... Удирать, значит. Вот и все инструкции?

— Возможно, Земля о макулах знает еще меньше, чем мы.

— Да, первое наше сообщение достигнет Солнечной системы только через десять с половиной геолет, — вздохнула Ио. — Расстояния между звездами такие большие... Как странно, что на Земле еще ничего о Кампанелле не знают. Когда же мы научимся летать быстрее света?

Хосе хмыкнул и открыл банку пива. После исчезновения Рональда он сделался угрюмым и стал много есть. Но пил только пиво.

Снизу по винтовой лестнице поднялась Джун Кейси. Она недавно проснулась и выглядела по-утреннему свежей.

— Привет всем! Ну, запрет на выход из базы еще не отменен? Будем «немедленно дистанцироваться»?

Хосе не понравилась ее оживленность. Он промолчал.

— Подводные вулканы продолжают извергаться, — мрачно ответил Игнац. — Да и наши не отстают.

Джун подошла к окну. На юге степную равнину ограничивали хребты Вулканного Ожерелья. Столбы дыма и пепла продолжали висеть над горизонтом. Верхушка ближайшего из них пряталась в тучах, где посверкивали молнии. Несмотря на расстояние, до базы докатывался грохот.

— Но ведь это может продолжаться неделями, — сказала Джун.

— И даже месяцами.

— Нельзя терять столько времени.

— Скажи это Маше.

— Ох, ее невозможно сейчас трогать. У мужчин все-таки многовато эгоизма.

Хосе с хрустом смял банку.

— Что с тобой? — спросила Ио.

— Ничего.

— Это он за мужчин обиделся, — сказала Джун.

— Я пиво пью, — сообщил Хосе. — Никого не трогаю.

— Извини, извини, — сказала Джун. — Прекрасная половина — не самое лучшее, что есть на свете, правда?

Хосе отвернулся. Джун секунду смотрела на него, потом пожала плечами и спустилась на второй этаж, где располагалось «женское царство» базы. Оставшиеся некоторое время неприятно молчали.

— Идальго, тебя трудно узнать, — мягко сказала Ио.

— Можно и не узнавать, — тусклым голосом ответил Хосе.

Ио вдруг присела перед ним на корточки, так, чтобы очертания бюста наполнились, и стала заглядывать в глаза.

— Ты этого хочешь?

— Э-э, что за приемчики!

— А что такое?

— Не надо играть на инстинктах.

— Это опасно? — наивно спросила Ио.

Хосе так закашлялся, что Игнац был вынужден стукнуть его по спине. После чего посочувствовал:

— Женщина на корабле — всегда к несчастью, старина. Но с ними не скучно. Замечал?

Хосе пробормотал что-то по-испански.

— Ну, тут уж ничего не поделаешь, — рассудительно заметил Игнац. — Мать-природа тоже ихнего рода.

Из кабины связи вышел Турумалай. Почувствовав размолвку, он удивленно взглянул в сторону нахохлившегося Хосе. Кодекс дальних экспедиций не позволял давать волю дурным настроениям. Игнац деликатно кашлянул.

— Чем обрадуешь, Турум?

— Радостей нет, а вот новости появились.

— Новость — уже радость.

— Радость не новость, а потребность.

— В нашем возрасте хорошая потребность — уже радость.

— Новость об этом — совсем не радость.

— А что же?

— Медицинская потребность.

— Хм, ладно. Говори, старичок.

— Во впадине Дит работают четыре батискафа. Обследовано больше двухсот пещер, но той, в которой исчез «Нерей», пока нет.

— В каком смысле — нет?

— В том смысле, что отсутствует.

— А что же присутствует?

— На месте бывшей пещеры имеются базальтовые породы возрастом шесть миллионов лет. По геологическим меркам это, конечно, не очень много...

— От этой планеты с ума можно сойти.

— Запросто.

— Три века простушкой притворялась.

— Да так ловко!

— Турум, а что на «Вихре» происходит? — спросила Ио.

— Хронические совещания. Кнорр требует немедленной эвакуации, Милдред бушует, Маша молчит, Александер рвется. В общем, разброд и шатание в фазе обострения.

Все замолчали. Ио поставила мольберт и уверенными движениями начала набрасывать пейзаж с действующим вулканом.

— Вулкан — пастелью? — удивилась Шанталь.

— Считаешь, не соответствует?

— Дело вкуса. Быть может, здесь больше подходит графика. Резкие линии, контрасты, суровый стиль.

— Не хочется.

— У тебя элегическое настроение, Иочка?

— Да есть причины.

— Есть...

Кто-то включил музыку. Звуки заполнили диспетчерскую, сделали ее меньше, теплее, уютнее.

А снаружи сеялся дождь пополам с вулканическим пеплом. Эта серая смесь обозначила очертания защитного энергетического покрывала базы. Под куполом было чисто и сухо, а за его пределами — уныло и слякотно. Там шевелились испачканные сторожевые роботы. Они казались уставшими и даже недовольными.

— Что заказать на обед? — спросил Хосе.

Никто не ответил.

— Значит, будет картофель фри с колбасками.

— Черт бы побрал колбаски! — вдруг взорвался Игнац. — Ты можешь думать о чем-нибудь кроме еды?

— О чем? О плане исследований планеты Кампанеллы?

— Почему же нет?

— У тебя есть предложение?

— Представь себе, — уже спокойнее сказал Игнац.

— Валяй.

— Хорошо.

Игнац выбрался из кресла и пересел на подоконник. Так, чтобы всех видеть.

— Нужно прекратить поиски людей и начать поиски макул, — сказал он.

— Что-то новенькое. С какой целью?

— Чтобы поймать. Посмотрим, как они себя поведут, когда почувствуют, что из охотниц превратились в дичь.

Турумалай присвистнул. Ио отложила мелки. Шанталь сохраняла невозмутимое выражение лица. Хосе смотрел в пол.

— Мы все почему-то решили, что макулы заведомо сильнее нас, — продолжил Игнац. — И забились под колпак. А я не согласен. Давайте проверим, силенками померимся.

— А если макулы действительно сильнее? — спросил Турумалай.

— Тогда кто-то исчезнет. Но оставшиеся узнают нечто новое.

— Не факт.

— Не факт? Вспомните, исчезли Виттон с Джумагуловым — мы узнали о том, что макулы существуют. Исчез Нолан — мы узнали, что они появляются не только на Кампанелле. Благодаря Якобу с Рональдом мы знаем, что трансцендентный канал реален. В конце концов наша задача как раз и заключается в узнавании нового. И если без жертв не получается, что ж, отправляясь в экспедицию, мы все знали, что риск неизбежен, и с этим согласились. Так давайте же рискнем. Какая разница, где это делать — у Эпсилона или в любой другой звездной системе?

— Пожалуй, зерно в этом есть, — сказал Турумалай.

— Ты примешь участие в охоте?
— А чем ловить?
— Для начала попробуем энергетический ковш.
— Можно попытаться. Ладно, записываюсь.
— Я тоже хочу, — сказала Шанталь. — Ио, а ты?
— Праздность есть смертный грех.
— Хосе?
— Ну, против Библии и св. Игнаца не попрешь. Только колбаски я все же съем. Знаете, баскские такие колбаски.
— И как ты такое выговариваешь? — удивился Турумалай.

Идея Игнаца породила новую волну полемики на борту «Вихря». Осторожное большинство считало ловлю макул авантюрой, и это нашло отражение в официальном решении. Но, с другой стороны, запрет подобной охоты означал бы ущемление прав человека на исследовательскую деятельность, статьи такие-то и такие-то. Поэтому добровольцы могли рисковать собой на вполне законном основании при условии достижения совершеннолетия. С совершеннолетием на борту исследовательского корабля все оказалось в порядке. Добровольцы тоже нашлись, больше двадцати человек. И как только юркие флигеры расползлись во все стороны от базы, руководство экспедиции было вынуждено выделить для их охраны шнелльботы, поскольку по Уставу ОКС крейсер обязан охранять «научную деятельность при угрожающих обстоятельствах». А таковые имелись в наличии.

— Ну вот, оголтелые своего добились, — сказала раздосадованная Милдред. — Вольные охотнички!

— Историческая закономерность, — утешила Джетти Лоренс. — При кризисах всегда так бывает. Верх одерживают не осмотрительные, а убежденные.

— Фанатики, ты хочешь сказать, — в сердцах поправила Милдред.

— Вот-вот, это самое слово.

— Да ничего из их затеи не выйдет, — успокоил Баллард, командир «Гепарда-2». — Где они, страшные макулы? Пять лет прошло. Что Эстабрион? То был Эстабрион.

Но многие думали иначе. По мере расширения поисков на Кампанеллу высадилась еще дюжина человек. С оживлением

людей, получивших конкретные точки приложения сил, они приступили к делу. Научная деятельность «при угрожающих обстоятельствах» возбуждала хорошо. Под их сенью любая рутина из дела превращалась в деяние.

Около недели рыскание многочисленных поисковых групп ни к какому обнаружению макул, тем более — к их пленению, не приводило. В известной мере это всех устраивало. Пессимистический прогноз Балларда вроде бы начал оправдываться. Но, с другой стороны, никто и не исчез, что заставило примолкнуть осторожных. И дало пищу скептикам. А колебавшиеся ободрились, начали примыкать к «вольным охотничкам», как с легкой руки Милдред стали именовать сбежавших с крейсера авантюристов. Неожиданно в их числе оказалась Джетти Лоренс.

— Ты переменила свое мнение? — удивилась Милдред.

— Нет. Мне просто скучно. Никаких профессиональных задач не предвидится.

— Каприз! — с гневом сказала Милдред.

— Каприз, — радостно согласилась Джетти.

Резкое расширение фронта поисковых работ все же не могло оставаться совсем бесплодным. Накапливалась, обогащалась и уточнялась информация об истории исчезновений пятилетней давности. Добывали ее «вольные охотнички», а обрабатывала, по иронии служебного долга, Милдред. Спокойная внешне, но кипящая внутри.

На ее карте все более отчетливо обозначались маршруты распространения макул. В море их проследить не удавалось, а вот на суше — получилось. Одиннадцать лучей веерообразно разбегались от Вулканного Кольца. Все они начинались из глубоких ущелий, потом расширялись, сливались, охватывая территорию планеты.

— А это не повторится? — озабоченно спросил Кнорр.

— Еще как повторится.

— Не поставить ли тогда роботов-наблюдателей?

— Где?

— У истоков лучей распространения. В ущельях то есть.

Поставили. Более того, по предложению Ио роботы караулили также крупные поселения, место посадки шлюпки с

«Фламинго», район странно исчезнувшего валуна, и еще некоторые подозрительные пункты. Это предложение было принято не без споров, поскольку для его выполнения потребовалось привлечь охранных роботов, ослабив тем самым защиту базы. Но именно оно в конечном счете принесло результат.

Случилось это поздней ночью. В диспетчерской базы раздался долгожданный звонок. На карте окрестностей Трои, в районе «мнимой скалы Игнаца», пульсировала точка. Она означала включение бортовой телекамеры разведывательного робота. Передача продолжалась считанные секунды, после чего «Скаут» отключился. Но сделать главное — послать «картинку» он все же успел.

Было видно, что в двадцати метрах от машины вспучился песок. Из него полезла уже знакомая чернота. Тут же экран заполнили пляшущие полосы, потом он погас. Дежуривший в ту ночь Турумалай без колебаний включил сигналы общей тревоги.

При первых звуках над раскладушкой поднялась всклокоченная шевелюра Хосе. Из-за недостатка места на базе он спал прямо в диспетчерской.

— Подъем-подъем! — бодро скомандовал Турумалай. — Дичь показалась.

— Съедобная? — позевывая, осведомился Хосе.

Турумалай вдруг засомневался:

— Если по зубам окажется. Ну, начинаем?

Хосе сделал гримасу — что, мол, спрашивать. Турумалай щелкнул пальцем по микрофону.

— Внимание! Всей резервной группе — на выход!

— База, я — «Гепард-2». Что за переполох?

— Абрахам, срочно прощупай радаром место скалы Игнаца. Кажется, началось.

— Да ну? — удивился Баллард. — Вот не ожидал. Момент. Алло, Турум, ты меня слышишь?

— Слышу.

— В квадрате обнаружен «Скаут-29». Его температура — минус двести шесть градусов по Цельсию. Движется по кругу, очевидно, поврежден. В трех километрах к северо-западу опреде-

ляется пятно радарного поглощения. Температура — абсолютный ноль, хотите — верьте, хотите — нет...

— Да чего ж, верим.

— Братцы, это оно! Точно. Снижаюсь.

Турумалай мгновенно переключился на общую волну.

— Всем поисковым группам! Объект обнаружен. Приказываю стягиваться к границам квадрата двадцать один—тридцать и ждать подхода резерва. Повторяю: ждать подхода резерва. Наваливаться будем все разом, попрошу обойтись без сольных номеров.

Распорядившись, Турумалай подбежал к винтовой лестнице и глянул вниз. Его беспокойство было напрасным. Резерв — двенадцать заспанных мужчин и женщин — направлялся к шлюзовым камерам.

— План хоть не забыли? — беспокойно спросил Турумалай.

— Нет, — ответила Ио. Она уже натягивала сенсорный шлем.

Турумалай вернулся к своим приборам. Поскольку поиски велись круглосуточно, одна из пар оказалась в нужном районе еще до подхода резервных экипажей. Это были Десмонд Ю. и Шанталь Байонн. С расстояния в четыре километра они засекли макулу приборами, но подойти ближе не решались.

— Очень хорошо, — одобрил Турумалай. — Так и держитесь. Поменьше героизма.

— У нас его и не было, — успокоил Десмонд.

«Гепард-2» в это время круто скатился с орбиты, но скорость его была чересчур велика. Дискоид промчался за горизонт, оставив за собой огненный след. К месту действия спешил еще шнелльбот Барановского, но ему требовалось времени и того больше.

Турумалай нервно прошелся вдоль пультов. От него теперь мало что зависело. Все зависело от того, не потеряют ли Шанталь и Десмонд макулу до прибытия основных сил.

— Постарайтесь не упустить, — попросил Турумалай.

— Скорость двести шестнадцать, курс тридцать семь. Контакт устойчивый, — спокойно сообщил Десмонд.

Турумалай глянул в окно. На ярко освещенной площадке между полусферами базы появилась еще одна группа закованных в броню людей. К ним подползали флигеры с откинуты-

ми колпаками. Забрав пилотов, машины исчезали за пределами освещенного пространства. Вслед за резервной группой ушли Игнац, Джун, Хосе и Франческа.

Внутри базы уже никто не спал. Еще шестеро из отдыхавшей смены, на ходу глотая спецкофе и галеты, спускались на первый этаж.

— Скорость объекта увеличивается. Курс прежний, — доложила передовая пара.

— Алло, Десмонд! Я — Зоран. Вижу вас на радаре, через минуту догоню. Захожу справа.

— Хорошо. Только когда догонишь, вперед не вылезай, держись на траверзе, понял? Не беспокой зверушку.

— Думаешь, она нас еще не чует?

— Да кто ее знает.

Через четверть часа макулу уже сопровождали девять машин.

— Пожалуй, пора строить «коробочку», — сказал Десмонд.

— Нет, — откликнулся Турумалай. — Ждите.

Вскоре над горизонтом взошел «Гепард-3» и прочно зафиксировал макулу своими приборами. Подошли все двенадцать флигеров резерва, потом — еще шесть. Игнац принял командование и начал выстраивать ковш захвата. Еще через минуту над черным ночным лесом показались навигационные огни «Гепарда-2». Они были совершенно излишними, поскольку корпус шнелльбота светился от перегрева. Могучий выхлоп его дюз валил деревья. Развернувшись, он лег на параллельный курс.

— Привет всем, — сказал Баллард.

— Со скромным вас прибытием, — отозвалась Джун.

— Становится тесно, — озабоченно сказал Игнац.

— Да, пора начинать, — откликнулся Баллард. — Чего тянете? Не ровен час, упустите. Мало ли что. Я прикрою.

— Приготовились... пошли! — крикнул Игнац.

Было слышно, как он скрипнул зубами.

Вспыхнули десятки фар. В перекрещении лучей появился сгусток глухой, провальной мглы. Вокруг него мгновенно сплелась паутина невидимых силовых линий. Напряженность поля была такова, что остановила бы дрейфующий айсберг.

Но макула продолжала скользить над землей, волоча всю эскадру, словно свору охотничьих псов.

— Всем тормозиться! — крикнул Игнац. — Полная мощность!

Рябь пробежала по черной поверхности амебы. Скорость ее уменьшилась. Секунду она продолжала тащить за собой двадцать семь флигеров. Но потом мертво остановилась.

Это произошло мгновенно, одним рывком, будто у нее не было ни малейшей инерции. Не ожидавшая этого армада преследователей пронеслась мимо.

— Сохраняйте строй, сохраняйте строй! — крикнул Баллард. — Я ее подержу.

Охотники спешно развернулись, но дичь дожидаться не стала. Бесшумно, как огромная черная капля, макула ушла в песок. Бесшумно, но не бесследно. На месте ее исчезновения что-то блестело.

Один из флигеров приблизился.

— Браслеты, — удивленно сказал Хосе. — Радиомаяк, а второй...

— Второй браслет такой же, как у Джун, — определила Ио. — Что же это такое? Джун, ты где?

— Вон, вон где! — крикнули сразу несколько человек.

На небольшой высоте машина Джун удалялась от места происшествия. Она летела прямо, но странно переваливалась с крыла на крыло, словно дурачилась. Ее быстро догнали.

Обшивка флигера серебрилась инеем. Под колпаком кабины мерцали огни пульта, отбрасывающие тяжелую тень скафандра. Молчали и Джун, и ее бортовой софус.

— Сажаем, — решил Игнац. — Вот подходящая поляна.

Четыре флигера нависли над машиной Джун. Она ткнулась в землю, пробороздила заросли лесной малины, ударилась о ствол дерева и перевернулась. Ее маршевый двигатель продолжал работать, обжигая кусты.

Чтобы не дать упрямому аппарату по-рыбьи всплыть кверху брюхом, Шанталь и Десмонд находились над ним. По бокам совершили посадку Хосе и Ио. Используя манипуляторы своих скафандров, они перевернули флигер. Хосе выдернул аварийную чеку. Кабина раскрылась. Ио выволокла тысячеки-

лограммовое яйцо и опустила его на траву. Подошел Хосе. Вокруг один за другим приземлялись флигеры.

— Кто-нибудь остался на страже? — крикнул Игнац.

— Я остался, — ответил Баллард.

Извлекли кокон автоматической реанимации. Двое ребят натянули тент для защиты от дождя. Где-то за облаками неохотно вставал Эпсилон, начинало светать.

— Я боюсь, — сказала Ио.

— Нельзя терять времени.

— Да, верно.

Ио склонилась над лежавшим яйцевидным скафандром и набрала код. Верхняя часть корпуса отпала. Внутри зажегся свет.

— Вот, видите... — растерянно сказала Ио.

Скафандр был пустым.

— Кажется, я ей нравился, — сказал Хосе.

За неожиданностью следует оцепенение. Все молчали. Брошенный без присмотра флигер Джун всплыл и полетел куда-то в сторону недалекого моря. Догонять его не стали. Никто не знал, что же дальше-то делать.

К ночи поднялся ветер. Тучи рассеялись, над потолочным окном базы «Орешец» зажглись звезды. Когда в диспетчерской выключили свет, они стали огромными. Различалось даже Солнце. Такое, каким оно было одиннадцать лет назад. Скромное желтое пятнышко, одно из миллионов ему подобных небольших звезд, медленно кружащихся в вечном танце Галактики. Выделялось оно лишь тем, что его дети научились добираться до соседних светил, открывая и заселяя все новые и новые планеты. Платой же за освоение пространств была человеческая жизнь.

По старой традиции Космофлота прощание с погибшими проходит в тишине, без речей и музыки. Чаще всего оно бывает заочным: поскольку нежная человеческая плоть не переживает взрыва реактора, люди могут бесследно кануть в тысячекилометровых глубинах гигантских газовых планет, затеряться в межзвездных далях, сгореть в раскаленных атмосферах звезд. Ко всем известным опасностям космоса, способным бесслед-

но поглотить человека, на Кампанелле добавились еще и макулы.

Снаружи был слышен ветер, погромыхивали вулканы. А внутри приглушенно стучал метроном. После тридцатого удара вспыхнули лучи видеосинтезатора. Встретившись над центром диспетчерской, они вылепили четыре человеческие фигуры — троих мужчин и женщину. Виктор Нолан задумчиво смотрел вверх, на поблекшие звезды. Ван Вервен обращался к Рональду с какими-то словами, и Рональд, склонив голову, внимательно его слушал. Перед ними, положив ногу на ногу, в легком кресле сидела Джун. На ней было бальное платье, узкая кисть облегала бокал шампанского. Так она выглядела во время своего последнего, встреченного на борту «Звездного Вихря», Кристмаса.

Площадка с видеоскульптурами медленно вращалась, позволяя увидеть их с разных сторон. Легкий ветер шевелил отложной воротник Нолана, играл каштановыми локонами Джун. Казалось, еще миг, и все четверо оживут, зашевелятся, сойдут с подиума, и кто-то, скорее всего Джун, недоуменно спросит, ради чего собралась столь невеселая компания. Но этого не случилось.

Заработал канал связи с крейсером. Экран включился не в специальной кабине, а прямо над пультом управления базой. На нем возникло похудевшее лицо Маши, под глазами залегли тени.

— Друзья мои, — несколько севшим голосом сказала она и на секунду смолкла. — Друзья мои, мы понесли потери. Горькие, странные, непонятные. Может показаться, что мы не готовы противодействовать силам, проявившимся здесь, в системе Эпсилона Эридана. Но хочу напомнить, что в нашем распоряжении находится один из лучших кораблей, когда-либо созданных людьми. Мы не имеем права отступить, пока не исчерпаем все его возможности. Это не в традициях Объединенного Космофлота. Вы знаете, что по Уставу ОКС у меня есть право на чрезвычайные полномочия. Считаю, что время для них настало. Объявляю на тяжелом крейсере «Звездный Вихрь» военное положение. Призываю всех к стойкости. Что бы ни случилось, мы должны исполнить свой долг перед памятью наших товарищей, перед тринадцатью миллионами на-

ших исчезнувших сестер и братьев, перед всем стомиллиардным человечеством, которому брошен нешуточный вызов. Наш час пришел! Я верю в вас, ребята. Пожалуйста, включите свет. Хочу видеть ваши лица.

В диспетчерской секунду стояла тишина. Потом кто-то зажег лампы. Хосе отшвырнул очередную пивную банку и встал. К нему присоединилась обычно очень скептичная и осторожная Джетти Лоренс. Из лестничного проема на свет вышли Шанталь, Турумалай, Франческа. Встали Игнац, Десмонд, Зоран, Ио — встали все. За спиной Маши, по другую сторону лазерного луча, обеспечивающего связь, происходило то же самое: в зале управления вставали люди. Экипаж тяжелого крейсера «Звездный Вихрь» принимал вызов Космоса.

— Спасибо, — дрогнувшим голосом сказала Маша. — Я не сомневалась в вашем мужестве и ясном разуме. План наших ближайших действий будет готов через несколько часов. До его завершения прошу не предпринимать активных действий. Комендантом базы «Орешец» назначаю Ио Цесселин.

— Меня? — удивилась Ио. — Почему?

— Приказы не обсуждаются.

— Хорошо. То есть слушаюсь. А что делать?

— Спать. Выставить охрану и всем спать. Через несколько минут к вам прилетит Яцек Барановский с полным экипажем своего «Гепарда». Теперь он будет стеречь вас постоянно.

Следующее утро выдалось удивительно мирным. Принятое Машей решение словно сняло остроту событий, сделало их ожидаемыми, вещи стали на свои места, и не только в умах. По какому-то совпадению тревожных сообщений не поступало. Шанталь заметила, что такое случается только после решений и правильных, и своевременных. Но тут же, почувствовав некоторую натяжку, призналась:

— Впрочем, к Маше я не могу быть беспристрастной.

— У каждого — свои недостатки, — туманно высказался Турумалай.

Его очень занимала родинка на шее собеседницы. Шанталь делала вид, что не замечает этого. Одиннадцатый год она была замужем, и брак оказался вполне удачным. Настолько

удачным, что оставалось только сожалеть по поводу невозможности завести ребенка.

— Запиши меня в очередь, а?

— Шерше ля фам, Турум.

— Так я уже...

— Э, нет. Другую.

Они прогуливались вокруг сизого от окалины «Гепарда» в одних комбинезонах из легкой ткани. Громоздкие скафандры было разрешено не надевать, поскольку от макул они не спасали, как уже выяснилось со всей очевидностью. А вот гулять в них совершенно немыслимо.

— И все равно я тебе благодарен, — вкрадчиво сказал Турумалай.

Шанталь улыбнулась.

— Не поможет. Прекрасная погода. Мне кажется, ты этого не замечаешь, а зря.

— Сейчас исправлюсь, — сказал Турумалай.

Он остановился и поднял голову.

С голубого, почти безоблачного неба сиял Эпсилон. Было удивительно тепло для сентября. Шапки дыма от вулканов плыли на юг, прочь от базы.

В степи завораживающе шелестел ветер, навевая меланхолические мысли.

Вопреки этому жизнерадостные мужчины, забыв о военном положении, устроили волейбольный матч между «гепардовцами» и «орешевцами». Мяч поочередно шлепался то по броне планетной базы, то по обшивке шнелльбота. В этом случае Яцек Барановский яростно сверкал глазами и топал ногами. В кабине «Гепарда» он являл само хладнокровие, но только не на спортивной площадке. Тут его темперамент прорывался в полной мере. Командир шнелльбота с явным трудом удерживался от ругательств, хотя его команда и вела в счете.

Из окна диспетчерской за игрой наблюдала Ио.

— Ты считаешь это нормальным? — спросил Хосе.

— Что?

— Игрище.

— После вчерашнего?

— Да.

— Нужно уметь расслабляться. Нервы нам еще потребуются.

— Это правильно. Но я вот все ломаю голову над тем, как поступить со следующей макулой. Может, и другим не вредно подумать?

— Следующую ловить не будем. Абрахам настоял на другом.

— На чем именно?

— Следующую мы уничтожим. Если получится.

— Да уж, если получится. А для чего?

— Чтобы узнать, получится ли это.

— Что ж, логика вроде есть. Но можно ли уничтожить призрак?

— Рано или поздно, мы это узнаем.

— Узнаем рано, но будет поздно, — мрачно предрек Хосе. — Мы удивительно беспечны.

Ио внимательно на него посмотрела, о чем-то подумала, но заговорила явно о другом:

— А наши-то проигрывают. Эх, Рональда нет...

А Рональд был, только в волейбол играть не мог. Из каких-то уму не постижимых далей он пробился ко второму интравизору «Звездного Вихря».

Милдред, занимавшаяся анализом результатов схватки с макулой, резко выпрямилась. Прикрыв глаза, она откинулась на спинку кресла и постаралась максимально расслабиться. Многочисленные тренировки сказались, нить внезапного контакта она уловила, но удержала ее просто чудом. Если человеку в руки неожиданно бросают теннисный мяч, он машинально его ловит. Примерно то же самое происходит при внезапных ИВ-контактах у подготовленного интравизора. Сложнее мяч не выронить, но Милдред удалось и это.

Расстояние связи ужасало, вектор не определялся, возникло сильное, до звона в ушах, головокружение. Милдред судорожно вцепилась в подлокотники и окаменела. Находившиеся рядом люди, знавшие о ее способностях, тоже замерли, боясь неосторожным звуком помешать сеансу.

Несмотря на всю свою силу, Рональд сумел передать одну только эмоцию, но эмоцию, которая многого стоила. Это было чувство спокойной уверенности. И все. Никакой циф-

ровой информации, зрительных либо слуховых образов Милдред не уловила. Сеанс продолжался меньше секунды. Чтобы выдержать эти миги, транслирующему визу, очевидно, потребовались предельная концентрация и предельное напряжение. После импульса такой силы немногие могли остаться психически здоровыми. Но Рональд должен был выдержать, он такой.

Милдред открыла глаза. Голова продолжала кружиться, подташнивало. Она провела несколько быстрых дыхательных упражнений и заставила себя встать. Сам факт ИВ-связи, не говоря уж о личностном моменте, имел такое значение, что Милдред срочно передала работу помощнику и выбежала из лаборатории. Новость заслуживала того, чтобы ее сообщили живьем, не с экрана.

Воспользовавшись скоростным лифтом, она поднялась к ярусу жилых помещений и прикоснулась к двери капитанского номера. Створки послушно ушли в стенные пазы.

Из кабинета Маши слышались голоса. Там находились Угрюмов, Мерконци, Кнорр, Мбойе, еще несколько человек. Между ними над полом мерцал шар Кампанеллы. Тонкая нить пронизывала толщу планеты, соединяя оба кольца вулканов. Ее концы из-за многочисленных еще более тонких ответвлений напоминали пушистые кисточки. Сумасшедший факт существования просверленной планеты собравшихся уже не повергал в шок. Шло деловое обсуждение того, что может дать этот факт. Когда Милдред стремительно вошла в комнату, все тревожно обернулись.

— Прошу прощения, — сказала Милдред.

— Что случилось? — спросила Маша. — На тебе лица нет.

— Он жив, жив! Жив и спокоен.

Маша уронила лазерную указку. Лоб и щеки ее побледнели, а глаза сделались огромными. Старший офицер и главный инженер с двух сторон молча подхватили командира.

— Нельзя так врываться... девочка, — сухо обронил Кнорр.

— Нет-нет, все хорошо, — выдохнула Маша. — Лучше быть не может! Милдред, ты и не представляешь, в каком я у тебя долгу.

Но лица присутствующих оставались неподвижными. Милдред почувствовала, что ей остро не хватает Абрахама. Или Джетти.

— Сделаем перерыв? — предложил Джанкарло.

— Да. На несколько минут, — с благодарностью сказала Маша.

Она ушла из гостиной в спальню. Милдред была готова провалиться сквозь пол.

— Ну, каковы успехи аналитического центра? — спросил Джанкарло.

В этот совершенно будничный вопрос инженер сумел вместить интонации сочувствия, теплого человеческого понимания, ободрения. И этот букет прежде всего подействовал на остальных мужчин.

Ястребиный профиль Кнорра неожиданно смягчился, Александер поднял глаза от ковра, а Сахнун даже неуверенно улыбнулся. Один Угрюмов ничего не замечал, вперив пристальный взгляд в изображение планеты. Но не потому, что осуждал, а потому, что по своему обыкновению был погружен в размышления. В такие моменты он слабо разбирался в том, что происходило вокруг.

— Да так себе, — сказала Милдред. — Работаем.

Робот-камердинер вкатил столик с напитками. Это был знак внимания уже со стороны Маши. Милдред вздохнула.

— Да. Мне еще многому предстоит научиться.

— А тебе понравится, — сказал Мбойе.

Джанкарло наполнил бокалы.

— Александер, отдай шпроты. Военное положение не для того вводили, сэр.

Мбойе выронил блюдо. Набирая обороты, на корабле завыла сирена общей тревоги.

— Кажется, начинается.

Из соседней комнаты выбежала Маша.

— Все по местам. Абрахам ведет бой!

«Гепард-2» приближался к воронке на месте бывшей центральной энергетической станции. Он совершал контрольный облет подозрительных мест Кампанеллы. Шнелльбот Барановского в это время охранял «Орешец», а экипаж Бертрана находился в резерве — их «Гепард» был пристыкован к крейсеру.

Абрахам и его дублер выполняли довольно рутинную задачу, часть широкой программы поисков. После введения военного положения колебаниям пришел конец. Десятки флигеров и около сотни роботов методично, шаг за шагом обследовали поверхность планеты, а батискафы — ее воды. По приказу Маши вся высадочная техника «Вихря» включилась в поиски. Кроме этого «Цинхона» продолжала поиски на Эстабрионе. К системе Эпсилона Эридана разворачивался транспортный звездолет «Ботэник Бэй». Меняли курс следующие несколько в стороне от звезды легкий крейсер ОКС «Сибарис» и танкер с аннигиляционным топливом. В трех месяцах пути находился отчаянно спешащий лайнер «Гамамелис», на борту которого летели больше тысячи переселенцев, людей смелых и решительных. Дальше, вплоть до Солнца, растянулась вереница звездолетов — транспортных, пассажирских, исследовательских. Один за другим они будут получать сообщения «Вихря». Абрахам не сомневался, что все примут одно и то же решение — идти на помощь. Еще несколько кораблей, возвращающихся на Землю, затормозятся и по примеру «Ботэник Бэй» повернут к Эпсилону. В итоге через пару лет у Кампанеллы соберется больше десятка звездолетов — серьезная сила. Они могут слить свою энергию воедино. Такой объединенный поток способен испепелить изрядных размеров астероид. Но все это произойдет еще не скоро.

— Эйб, что с тобой? — спросил второй пилот.

— Ничего. А в чем дело?

— Да там вроде макула, а ты не реагируешь, — меланхолически сообщил дублер.

— Вот те раз! Где?

— Внизу справа.

— Не вижу.

— На таком темном фоне и не увидишь. Включаю тепловизор.

В инфракрасном изображении на дне воронки проступило пятно иссиня-черного цвета, соответствующего очень низкой температуре. Оно находилось в юго-восточной, самой глубокой части кратера.

— Да, это она, голубушка, — сказал Баллард. — Я ее теперь где хочешь распознаю. Матти, оповести всех по радио и включи сирену. Беру управление на себя.

Дискоид сбросил скорость и нырнул в воронку. Матти нерешительно кашлянул.

— Что? — не отрываясь от экранов, спросил Баллард.

— Знаешь, не зависай прямо над ней. Мне этого не хочется.

— Ладно, уговорил.

Матти кашлянул.

— Что еще?

— Быть может, лучше подождать Бертрана?

— Эк ты сомлел.

— Нет, в самом деле. Почему его не вызвать?

— Потому что макула может исчезнуть в любой момент, она это умеет... Алло, «Вихрь»! Обнаружил макулу. Ложусь на боевой курс. Матти, пошевеливайся. Предохранители — долой!

— Понял.

На экране возник характерный крест, наложенный на окружность.

— Прицелы активированы. Есть захват цели. Дистанция четырнадцать тысяч восемьсот семьдесят. Промахнуться невозможно.

— Алло, «Вихрь»! Атакую. Матти, сейчас мы с ней рассчитаемся. Лазерный залп!

— Есть залп.

— Точно?

— Абсолютно.

— Не вижу результатов.

— Их нет, Эйб.

— А ты не промазал?

— Обижаешь.

— Ну и ну!

— Что дальше?

— Разворачиваюсь. Иду на второй заход. Готовь комбинированную атаку лазерами и микроволнами. Готов?

— Так точно.

— Сейчас... ложусь на курс. Три, два, один...

— Нет эффекта.

— Пробуй старушку артиллерию.

— Понял.

Все шесть скорострельных систем шнелльбота выдвинулись из люков. За полторы секунды они выплюнули девять тысяч снарядов с боеголовками из дестабилизированного металлического водорода, весь боезапас. Огненные жгуты трасс заполнили носовые экраны. Еще через три секунды экраны ослепли совсем — шквал разрывов накрыл цель.

Избегая случайных осколков, Абрахам отвернул в сторону. Когда попадали тонны камней, на экране, как ни в чем не бывало, красовалась макула, даже несколько увеличившаяся в размерах.

— Перкеле! Она что, питается снарядами?! — не выдержал Матти.

— Сейчас проверим. Готовь десерт.

— Сколько?

— Две.

— Эйб, пять мегатонн тротилового эквивалента! При нынешней дистанции это опасно.

— У нас будет пятнадцать... нет, шестнадцать секунд.

— Понял.

В трюме «Гепарда» открылись сейф-контейнеры. Механические захваты приняли хищно заостренные цилиндры с красными носовыми частями. Обе ракеты покатились на транспортерах к пусковым амбразурам.

— Абрахам, Абрахам! Я — Мбойе. Как слышишь?

— Нормально.

— Термоядерную атаку отставить.

— Не понял.

— Останови ракеты.

— Но... в чем дело?

— Генрих считает, что макула может быть входом в трансцендентный канал. Тогда боеголовки уйдут в другой мир, а это не лучший способ знакомства. Не исключено, что вы сражаетесь с призраком, с дырой. Не надо, чтобы наши подарки туда проваливались, слышишь? Как понял, как понял?

— Нормально понял, атаку отменяю. Непонятно другое.

— Что?

— Да как нам теперь ноги унести. Передаю картинку. Видишь?

Мбойе ошеломленно замолчал. Было похоже, что из макулы выросли три черных смерча. Закручиваясь против часовой стрелки, они тянулись к шнелльботу.

Матти кашлянул.

— Что? Что еще?

— Пахнет горелой изоляцией. Чувствуешь?

Шанталь и Десмонд в это время собирали геологические образцы на внешней стороне воронки, планируя уточнить детали взрыва энергетической станции. Около полудня, в условиях хорошей видимости, несколько в стороне от них пролетел «Гепард». Особого внимания на давно ставший привычным грохот дюз они не обратили.

Следуя на малой высоте, вдоль нижней кромки туч, дискоид скрылся за гребнем кратера. Небесный шум стих, только полоса выхлопных газов еще висела в воздухе. Ее быстро развевал ветер.

Десмонд вдруг забеспокоился.

— Что-то он сегодня... Не знаю, что. Предчувствие.

Предчувствие не обмануло. Из кратера донесся приглушенный расстоянием вой сирены.

— Ого! Давай послушаем радиопереговоры.

— Хорошо.

Шанталь отложила молоток. Подойдя к своему флигеру, а перегнулась через борт открытой кабины, включила радиостанцию. Грянула старинная джазовая композиция в современной обработке, затем послышались трески, шорохи, какие-то завывания.

— Откуда столько помех? — удивилась Шанталь.

Наконец ей попалась нужная волна.

«...да вон, внизу справа...»

— Десмонд! Они что-то нашли.

— Сейчас.

Десмонд отряхнул руки, подошел, склонился над кабиной с противоположного борта.

«...старушку артиллерию. Понял...»

— Что это значит, Дес?
— Дело до стрельбы дошло, вот что это значит.
— Макула?
— Скорее всего.
— Нам лучше отсюда улететь.
— Да, хуже не будет.

Шанталь села в кабину, надела шлем и начала пристегиваться. Десмонд подобрал контейнер с образцами пород и направился к своей машине. Неожиданно грунт под ногами дернулся. Толчок был столь силен, что он едва не упал. Со склона посыпались камни.

— Ого! — крикнула Шанталь. — Восемь баллов. Десми, поторопись.

Десмонд перебросил ногу через борт флигера, да так и остановился, прислушиваясь. Сильный свистящий звук доносился из-за гребня выброшенных взрывом пород. От него по коже разбежались мурашки, а во рту стало сухо.

Через какое-то мгновение свист потонул в форсажном реве двигателей. Над кратером взмыл «Гепард». Его днище нестерпимо сверкало, по блеску превосходя Эпсилон. Шнелльбот буквально ввинтился в небо. А вслед за кораблем снизу росли широкие щупальца тьмы. Двигались они заметно медленнее, и сначала казалось, что догнать шнелльбот не смогут, но «Гепард» понемногу стал терять скорость. Его дюзы сияли с прежней силой, грохот стоял сотрясающий, но он сначала замер, потом подался назад — и вдруг начал падать.

Оглушенный Десмонд рухнул в пилотское кресло и оглянулся. Шанталь что-то кричала, но совершенно беззвучно, ее голос тонул в грохоте. Грохот был такой, что мог разорвать барабанные перепонки. Пришлось закрывать уши ладонями, хотя это не очень помогало.

Грунт еще раз дернулся, оба флигера подпрыгнули. Гребень кратера расколола змеистая трещина, тотчас же скрывшаяся в тучах пыли. Надрывалась рация, но разобрать, кто, кому и что там кричал, было совершенно невозможно.

«Гепард» с двигателями, работающими на полной тяге, оседал все быстрее, и оседал до тех пор, пока тянущаяся снизу тьма его не поглотила.

Грохот дюз сделался глуше, потом почти прекратился. Вновь раздался жуткий свист. Похожий завывающий свист возникает при движении быстрой струи газа мимо тонкостенной емкости с узким горлышком.

Мраморно-бледная Шанталь сидела в открытом флигере. Ее рука свешивалась из кабины. Десмонд подлетел к ней.

— Уходим, слышишь?

Но женщина не реагировала. Остановившимися глазами она смотрела туда, где погибал корабль ее мужа. Подземные толчки между тем продолжались. Более того, усиливались. Десмонд понял, что события еще не закончились. Он выбрался из своей кабины, подбежал к машине Шанталь, убрал ее руку и нажал кнопку включения автопилота. Над кокпитом флигера опустился колпак, заработал мотор. Вздув пыльное облако, машина взлетела. Десмонд огляделся.

Земля тряслась так, будто плененный «Гепард» продолжал биться в ее недрах. Еще одна трещина рассекла склон, сверху уже катилась первая лавина. Дальнейшее промедление грозило уж совсем большими неприятностями, дожидаться которых не стоило.

Сверху стало видно, что в кратере колышутся волны черного дыма, совершенно скрывшего несчастный шнелльбот. Рисунок волн постоянно менялся, но было заметно общее спиралеобразное движение. В некоторых местах чернота начала выливаться из воронки, струями стекая вниз и расползаясь вдоль наружных склонов. На них, как ни странно, белело нечто вроде измороси.

— Алло, «Вихрь», все видите? — крикнул Десмонд.

— Да, — ответил Мбойе. — Больше не виси. Прижмись к земле и уходи. Там водородные боеголовки. Эх, может, и стоило шарахнуть!

Десмонд круто спикировал. Над землей он повернул в сторону базы. Педаль газа ушла в пол, и даже немного дальше, придавив упругую обивку. За кормой выросли клубы пыли, взметенной полным выхлопом. Цифры в индикаторном кристалле слились в полосу. Машина неслась с предельным ускорением, отыгрывая секунду за секундой. Но их осталось слишком мало.

Летевший впереди флигер Шанталь, барханы, далекий горный хребет и даже само небо, — все вдруг утонуло в потоках нестерпимо яркого света, в котором поблек Эпсилон.

Оглядываться в этот момент никак не следовало, но Десмонд все же не удержался. И перед тем как ослепнуть, успел заметить раскаленный до звездной температуры шар, восходящий над кратером. Понизу его окаймляли черные пляшущие смерчи, а верхушка упиралась в облака. Сработали мегатонны «Гепарда»...

— Вот, значит, как они нас... — пробормотал Десмонд. — Вот, значит, как!

Туча дыма, пепла, песка с густыми вкраплениями камней, мелких и крупных обломков скал, закрыла полнеба. Флигер подбросило, завертело со страшной силой, потом плашмя ударило о землю. Каким-то чудом корпус не раскололся. Машина подпрыгнула, несколько раз перевернулась в воздухе. Софус сумел стабилизировать полет на высоте чуть больше трех метров от земли. Искалеченный флигер дотянул до окрестностей «Орешца» и упал неподалеку от автострады Троя — Дедал. Чтобы извлечь Десмонда, кабину пришлось резать.

Дневник командира звездолета

22 сентября

Десмонд восстанавливается, хотя ноги растут медленно. Такео считает это нормальным. Конечно, для той дозы радиации, которая была получена. Генрих, Александер и Джанкарло в один голос утверждают, что на «Гепарде» произошла случайная детонация боеголовок. Вероятно, их не успели снять с боевого взвода. Даже если так... Слабое утешение. После моих пламенных речей Абрахам и Матти могли идти только до конца. А что другое я могла предложить? Отступить невозможно. Никак нельзя. Если дрогнем здесь, будем ловить макул на Земле. Или они нас будут ловить. Так что...

ДАЛЬНЯЯ КОСМИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ. ТК ЗВЕЗДНЫЙ ВИХРЬ — ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ.

Кампанелла, система Э. Эридана. Зарегистрирован третий случай появления локального концентрата генерального поля (макулы). Дважды со стороны макул применялось направленное (гравитационное?) воздействие большой интенсивности, превосходящее энергетические возможности стандартного шнелльбота ОКС типа ГЕПАРД. Высока вероятность прямой связи между активностью макул и исчезновением населения планеты, но психотропного эффекта пока не наблюдали. Потери экипажа 6 человек. Исследования и поиски продолжаю.

САЯН.

БЛИЖНЯЯ КОСМИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ. ТК ЗВЕЗДНЫЙ ВИХРЬ — ЛАЙНЕРУ ЦИНХОНА

Поиски прекратить. Зия, увозите детей на Землю. Это приказ.

Командор САЯН.

БЛИЖНЯЯ КОСМИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ. ЦИНХОНА — ЗВЕЗДНОМУ ВИХРЮ.

Лег курс Солнце. Фотонная тяга инициирована. Ивонна Нолан осталась на Эстабрионе продолжать поиски мужа, отговорить не смогли. Удачи вам!

ЗИЯ.

8. ДВА ПРИШЕЛЬЦА

Очень крупный таракан проголодался. Только это и могло заставить его выйти на свет. Столько света он никогда не видел. Резкие лучи расходились от странных существ. Они производили много шума, от них исходили непривычные запахи, среди которых были и соблазнительные. Панцири у них странно гнулись во многих местах. Значит, можно прокусить. Существа имели мало лап, поэтому ходили только на двух. Они не дрались. Так себя ведут сытые. Или те, у кого лапы откусили недавно. Когда откусывают лапы, драться не хочется, даже когда хочется есть. Если ты — не самка и не вынашиваешь.

Еды стало мало, ее нужно искать везде. Таракан выполз из норы и пошевелил усами. Луч света упал на его голову. Глаза вдруг ослепли. Раздался страшный шум, похожий на трение мокрых панцирей, но гораздо громче. Таракан не испугался. Он был силен и голоден, а добыча могла ускользнуть. Он бросился в ту сторону, откуда шел шум. Бросок получился удачным. В его передних лапах оказалось что-то мягкое, бьющееся, непрерывно визжащее. Он подтянул к себе барахтающееся тело и с удовольствием раскрыл жвалы. Но тут в его спину вонзился острый холод. Большой острый холод. Таких холодных жвал у тараканов не бывает. И таких острых. Могут откусить усы, лапу, иногда даже и голову, но так... прокусить спину... И чтобы помогать другому, на которого напали... так не делают. Это неправильно. Нужно ждать, кто победит. Потом, если повезет, прикончить победителя, пока тот усталый. Даже самку. Самку — обязательно. Самки — самые безжалостные, особенно когда вынашивают. Дерутся до тех пор, пока от них хоть что-то остается. Одна такая недавно...

Пронзительная боль пересилила голод. Крылья раскрылись сами собой. Почему так остро? Ни разу не было. Это опасно. Спина хрустела. Страшный звук. Такой бывает, когда прокусываешь панцирь. Но теперь прокусывал не он, а его. Тут не до еды. Тут надо успеть убежать. Чтобы спрятаться и долго ждать, пока не заживут раны. Хорошо спрятаться. Когда ви-

дят раненого, набрасываются все. Тогда не уцелеешь. А у голодного раны заживают медленно. Плохо.

Таракан выпустил добычу и рванулся в темноту, унося засевшую в спине холодную боль. За ним никто не побежал. Тоже странно. Все странно получилось. Нечестно.

— Что... что это было? — прохрипела Ио, зажмурившись и закрыв лицо ладонями.

— Не знаю, — сказал Хосе. — Похож на таракана. Если бы не размеры. Можешь открыть глаза.

— Кошмар! Вот мерзость! Надо подождать роботов. Из-за этих макул мы совсем позабыли о том, что здесь могут быть и другие опасности.

— Ты не ранена?

— Нет... вроде. Спасибо!

— Давай я тебе сыворотку впрысну, на всякий случай. Вряд ли эта тварь чистит зубы.

— У тараканов нет зубов.

— А что есть?

— Да такие штучки... Кошмар, кошмар! Он же мне теперь приснится. Так и стоит перед глазами!

— Я постараюсь присниться вместо него.

— А ты сумеешь?

Как ни была она испуганна, вопрос прозвучал кокетливо.

— Еще как, — мрачно сказал Хосе.

— Это что, объяснение?

— Разве я хуже таракана?

— Бр-р! Не напоминай.

Хосе расстегнул сумку и достал инъектор.

— Все в порядке, успокойся. Так что скажешь?

Ио обнажила плечо.

— Ну, я должна отблагодарить. Ты спас меня от чудовища. По законам жанра...

Хосе ввел лекарство.

— Только из-за этого?

— Друг мой, ну что за место для признаний? Пыль, грязь, вонь, темнота, мерзкие членистоногие. Ужасно.

— Зато неординарно.

— О да. И все же поговорим позже. Идем, мы задержались.

Хосе вздохнул и спрятал инъектор.

— Идем, идем.

Грязный, захламленный различными предметами бытового назначения коридор вывел их в арочный туннель, по которому пролегали рельсы. На рельсах стояли две пустые вагонетки, застопоренные чугунными башмаками. Пахло давно вышедшей из употребления карболовой кислотой. С сырых бетонных стен кое-где тлели изотопные лампы. В отдалении слышались звуки льющейся воды. Туннель плавно изгибался, и оба его продолжения были не видны, но на панелях сохранились километровые отметки. Ио сверилась с картой.

— Все правильно. Уклон ведет в сторону старого металлургического завода.

Оглянувшись на темное отверстие бокового коридора, она передернула плечами.

— Неприятная насекомая, — усмехнулся Хосе. — Послушай, а ведь это живое существо — первое, которое мы здесь встретили.

— В самом деле. Быть может, даже макулы не любят тараканов?

— А людей любят?

— О да, — сказала Ио. — Безответно.

— Интересно, чем они здесь питаются?

— Кто, макулы?

— Нет, тараканы.

— О боже! Неужели ты думаешь...

— На тебя же он набросился.

— Не может быть.

— Может быть, и не может. Жуют какую-нибудь грибницу. Но дай-ка я пойду первым.

— Не возражаю.

— Оружие приготовь.

— Да оно всегда наготове.

— Тогда в следующий раз не закрывай лицо руками.

— А чем? — очень естественным тоном спросила Ио.

Впервые за долгое время Хосе улыбнулся.

* * *

С километр, или около того, тоннель шел в прямом направлении, потом начал поворачивать влево. По сторонам попадались ответвления, в потолке имелись многочисленные люки. Там же, на потолке, были подвешены трубы, толстые кабели и световоды. Все это покрывала пыль, а под ногами чавкала грязь. Вид здесь был очень неуютный, заброшенный. Не верилось, что подземелье создавалось людьми. Или по замыслу людей. При таких ощущениях трудно чувствовать себя спокойно. Ио часто оглядывалась. А когда в боковой галерее кто-то чихнул, едва не выстрелила.

— Спокойно, спокойно, тараканы не чихают, — сказал Хосе, обняв ее за плечи.

Ио решила отнестись к этому как к жесту товарищеской поддержки и не реагировать.

— На людей они тоже вроде не должны бросаться, — сказала она.

— Бросаться им можно, чихать — нельзя. Генетика.

— Тебе что, совсем не было страшно?

— Нет, завидно.

Хосе, по-видимому, хотелось, чтобы она вспомнила об отношениях полов. Ио усмехнулась:

— Да, генетика.

— А что плохого?

— Ничего. Напротив, я рада, что ты... приободрился.

— Таракан научил.

— Ох, да хватит же про него!

За поворотом раздались шаги, показалось прыгающее пятно света.

— Ну, каковы успехи? — спросил Турумалай, выходя из галереи.

— Как хорошо, что это ты, а не таракан, — сказала Ио.

— Да, — согласился Турумалай. — Я лучше таракана. Плохи твои дела, дружище Хосе.

Ио несколько нервно рассмеялась.

— Нет, его дела не так уж плохи. Дело в другом. Ты не поверишь, но на меня напал таракан ростом с лошадь.

Турумалай чихнул.

— И с во-от такими глазами, да? — Он показал, с какими глазами.

— Это правда, — сказал Хосе. — Большой тараканище.

— Что? Никаких галлюцинаций?

— Какие там галлюцинации! У него в спине мой нож остался. Встретишь — сразу узнаешь.

Турумалай внимательно осмотрел их обоих.

— Ладно, и так верю. Из уважения к вам. Мутанты, значит, появились. Что ж, не так скучно будет. А то все макулы да макулы, никакого тебе разнообразия.

— Турум, давай держаться вместе, а? — попросила Ио.

— Разумно, — сказал Турумалай, чихая.

— Простудился?

— Нет. Аллергия какая-то. Пылища. Хочу есть. Перекусим?

— Честно говоря, аппетит не слишком. Но по времени — пора.

Турумалай кивнул. Деловито осмотревшись, он выбрал кучку камней, обвалившихся с потолка, смахнул с них пыль, еще раз чихнул и принялся раскладывать припасы. Получалось это у него аккуратно и даже красиво. Появились бумажные тарелочки, пластмассовые вилки, ножи, салфетки.

— Прямо ресторанчик «У Аида», — проворчал Хосе.

Вытирая пальцы гигиенической салфеткой, Ио с интересом наблюдала за дразнящими приготовлениями.

— Турум, ты такой...

— Какой?

— Хозяйственный. Кажется, так в старину говорили.

— Просто люблю поесть. Что тебе положить?

— Кусочек ветчины, галету и кофе.

Хосе достал термос, разлил дымящийся кофе по стаканчикам. Все трое расселись, кто где мог, и принялись жевать. Вдалеке, там, где продолжение туннеля терялось в темноте, по-прежнему глухо шумела вода. Больше ничего слышно не было.

— Тихо здесь, — сказала Ио.

— Ага. Как в подземелье. Скоро спать захочется. Я, кстати, и поспать люблю.

— Сущая правда, — кивнул Хосе. — Вот любопытно, за что тебя в экипаж «Вихря» взяли?

— Трудно сказать. Команду, как ты знаешь, подбирает компьютер. Всякая там совместимость. Могу только предполагать.

— И что ты предполагаешь?

— Невозмутимость. Думаю, что за невозмутимость.

— Да?

Турумалай скромно потупился.

— И еще за некоторые достоинства.

— Достоинства... Слушай, они имеют какое-нибудь значение во Вселенной, человеческие достоинства?

Турумалай перестал жевать.

— Во всей Вселенной — не берусь судить. В некоторой ее части — да. В той, где есть люди. Быть может, и вообще там, где есть разум.

— Разум? Разве макуле не все равно, каков характер того, кого она глотает?

— Макуле? Может быть. Нам — нет. — Турумалай назидательно поднял палец. — Именно человеческие достоинства позволяют человечеству выжить. И не просто выжить, а еще и развиваться.

— А нечеловеческие недостатки? Разве страсть заселять все новые миры не есть своеобразная жадность?

— М-гм. Что-то ты сегодня разобиделся на человечество.

— А все-таки, разве я не прав?

— Эта жадность, как ты говоришь, не направлена против людей. Дай термос, пожалуйста, не будь жадиной.

— Пожалуйста. Зато эта жадность направлена против Вселенной.

— А, вот ты о чем. Запретный плод?

— Упрощенно. Что скажешь?

— А вот что: нечего развешивать плоды запретные. Провоцируют, понимаешь. Некрасиво это.

— Можно расценить это не только как провокацию. Это может быть и предостережением, и испытанием. Пробой способностей. Или — приманкой, вроде нектара для насекомцев. Во всяком случае, никто не будет возиться без серьезных оснований, устраивая ловушки.

— Мне нравится тебя слушать. Рональд тоже касался садовой тематики. Но кому или чему может помешать заселение новой планеты?

— Исходя из того, что мы знали до Эпсилона Эридана, — никому.

— А теперь выяснилось, что нас похищают.

— Ага, выяснилось. Невзначай, — усмехнулся Хосе. — А мы не хотим смириться, воевать начали.

— Но почему мы должны смириться?

— Чтобы понять.

— Да кто же против.

— Тогда давай.

— Прямо сейчас?

— Чем раньше — тем лучше.

— Хорошо. Как?

— Давайте подумаем. Попробуем исходить из целесообразности. Если нас похищают, значит, это для чего-то нужно. Так?

— Так.

— Сопротивление пока бесполезно.

— По большому счету — да. Пока.

— Быть может, сопротивляясь, мы так и не поймем, зачем нас похищают. Вот поэтому надо смириться и посмотреть, что из этого выйдет.

— А что значит — смириться?

— Я имею в виду не бегство с Кампанеллы, тем более — из системы Эпсилона, так мы новых знаний не добудем.

— Бесспорно. Что же ты предлагаешь?

— Отправить в макулу весь «Звездный Вихрь».

Турумалай приподнялся со своего камня.

— Ого! Не тривиально. Зачем?

— Понимаешь, макула — всего лишь вход в транспространственный канал. Мы окажемся там, где сейчас находится население Кампанеллы.

— Если оно еще существует. И если мы действительно окажемся там, где они.

— Если живы Рональд и Шеген, почему не быть живым остальным? Либо их части.

— Ох, не слишком я верю интравизиям. Хорошо, допустим, Милдред не ошибается. Но что даст появление «Вихря» на той стороне туннеля? Боюсь, мы не сможем поделиться нашими знаниями с Землей, если не вернемся.

— Даже если это так, наше появление на той стороне означает помощь кампанеллянам. Их вывезли отсюда голыми,

без всякой техники. Трудно представить, чего они натерпелись за эти пять лет.

Турумалай некоторое время молчал. Потом, поразмыслив, сказал:

— Резон есть. Но где гарантия, что крейсер в этом канале не рассыплется, не сгорит, не взорвется?

— У «Вихря» очень мощные поля экранирования. Мы можем ими укутаться, инкапсулироваться. Спасет ли это — не знаю. Но другого шанса прийти на помощь тем, кто в нас нуждается, не вижу.

— Да где гарантия, что мы доберемся к тем, кому хотим помочь? — спросил Турумалай.

— Гарантий пока не вижу. Могу лишь сказать, что не для убийства создавались макулы и сам канал. Убить людей гораздо проще, чем их похищать. А всякая целенаправленная деятельность основана на принципе минимализации средств достижения цели. И поскольку легче переместить такой крепкий орешек, как межзвездный крейсер, чем его раскалывать...

— Все это — только рассуждения, — сказал Турумалай и чихнул. — Кто знает, что легче. Совершенно неизвестно, на какое расстояние нужно перемещать.

Ио, до сих пор не принимавшая участия в разговоре, беспокойно зашевелилась.

— Послушайте, там кто-то есть.

— Где?

— Там. — Ио махнула в направлении, откуда они пришли. — За нами наблюдают.

— Э, — сказал Турумалай. — Если долго смотреть в темноту...

— Но ведь таракан был. А если был один, может быть и второй.

— Сейчас проверим.

Турумалай извлек из своего рюкзака толстый патрон и дернул чеку. Ракета с шипением улетела в туннель. В свете горящего магния метнулись ломаные тени, в количестве не меньше пяти.

— Похоже, ты научилась их чуять, Иочка, — со смешком заметил Хосе.

— Знаешь, ты с нами, пожалуй, не ходи, — сказал Турумалай.

Ио вздрогнула.

— Одной оставаться еще страшнее.

— А, ну смотри.

Таракан лежал метрах в восьмидесяти от того места, где они обедали. Обгрызли его основательно — рядом, но отдельно от туловища, находились крыло, пара ног и голова, уже лишившаяся обоих усов. Под трупом виднелась лужа бесцветной гемолимфы.

— Старый знакомец, — сказал Хосе, указывая на торчащий из спины десантный нож. — Турум, признайся, ты ведь не верил?

— До сих пор не верю, — озираясь, пробормотал Турумалай.

— Представляешь, такая туша возьмет да свалится сверху? В ней килограммов сто двадцать, не меньше.

— Не думаю, что с такой массой они любят падать сверху.

— Надо захватить образцы тканей для изучения ДНК, — сказала Ио, прижимая к носу салфетку.

— Правильно, — сказал Хосе.

— Да, это было бы хорошо, — мудро согласился Турумалай.

— Надень перчатки, — посоветовал Хосе.

— Вы пропускаете даму вперед?

— Ну, если ты настаиваешь... Хосе, не мешай биологу.

«Отдаваться или не отдаваться?» — размышляла Ио, шагая по шпалам вслед за Хосе. Он был ей небезразличен, а польза сексуальной жизни несомненна. Прошло больше восьми недель с того момента, как она проснулась от анабиоза. Ее последняя любовь осталась на Земле, и уже... К небезразличию примешивались еще жалость и сочувствие понимающего человека. Разумеется, все это нельзя назвать любовью в полной мере. Но чувства могут развиваться. Любовь так многолика. Начинается с симпатии, а там — там, глядишь, и вспыхнет, наступит пора роз. Со всеми шипами и лепестками. Заранее не угадаешь, математически не просчитаешь.

Любопытно это ожидание любви. Голова еще не затуманена, убежать вполне можно, хотя уже не хочется. Женская

натура начинает брать свое, тянет покориться, и — будь, что будет...

После ухода Рональда Хосе поблек, сник, потерял тонус. Задиристая Джун наверняка его расшевелила бы, но только вот тоже взяла да пропала. Разумеется, ее исчезновение никому не могло добавить бодрости, особенно Хосе. Он погрузился в совсем уж мрачную флегму, прерываемую вспышками раздражительности. Другие женщины им не интересовались, по крайней мере в определенном смысле. Что при таких обстоятельствах должен предпринять комендант базы «Орешец»? Вступить в благотворительно-оздоровительные отношения? Но когда Хосе немного насытится, он все поймет и может почувствовать себя униженным... А может и нет.

— Смотри-ка, — сказал Турумалай, поднимая фонарь.

В боковой нише поблескивала бронированная дверь овальной формы. Ио извлекла карту и довольно долго ее изучала, отгоняя суетные мысли. Но они отгонялись плохо. Интересно же, каков Хосе в постели, способен ли раздуть тлеющие угли? И когда начнет задавать вопросы? Ио досадливо тряхнула головой. У женщин есть способы не отвечать на вопросы!

— Не обозначено, — наконец сказала она.

Турумалай внимательно осмотрел весь проем.

— В некоторых местах пыль стерта.

Хосе подошел ближе. Он тоже долго сосредотачивался, что для него было необычным. Он всегда имел готовые мнения и ответы. И если вдруг не нашлось, значит, супермен-десантник в тот момент думал о постороннем, такой вывод сделала Ио. И даже догадалась, о чем именно.

— Да, дверью пользовались, — признал Хосе. — И не так давно. Замок кнопочный?

— Он самый.

— Попробуй SOS.

— Кажется, получается. Ну-ка, разойдитесь по сторонам. Кто знает, что там за сюрпризы.

Дверь отворилась с легким скрежетом. Из-за нее ничего не виделось и не слышалось.

— Знаете, в межзвездные экспедиции нужно брать собак-ищеек, — сказал Турумалай. — Желательно — разумированных. Но поскольку их нет, идем, что ли?

За дверью находился короткий тамбур, оканчивающийся второй дверью, уже попроще, из голубоватого пластика. Она была не запертой, экспедицию пропустила беспрепятственно, хотя и со скрипом.

— Петли еще железные, — удивился Турумалай.

Потом он удивился еще больше:

— Эге. Да тут явно кто-то живет!

Перед ними оказалась длинная комната, похожая на отгороженную штольню. Несколько аварийных ламп, питающихся от изотопных батарей, освещали ряды полок, на одной из которых куча тряпья образовывала неряшливое подобие постели. Четыре поставленных друг на друга ящика образовывали стол. На нем находился закопченный котелок, импровизированная кружка, сработанная из консервной банки, и очень старинная и очень потрепанная книга. Ио понюхала воздух.

— Здесь жил мужчина.

Хосе взял книгу.

— «Патофизиология и нейрохимия спонтанной летаргии». Вот бедняга! Неужели ничего больше не нашел?

— Нашел, — сказал Турумалай, поднимая с пола еще одну книгу. — «Современная йога». Гм! Это уже система. Кажется, наш робинзон пытался погрузиться в спячку.

Пол комнаты был завален пустыми консервными банками, пакетами, пластиковыми бутылками. У импровизированного очага возвышалась гора хитиновых останков.

— Силы небесные! Тут ели тараканов, — ошеломленно сказал Турумалай.

Ио повернулась, чтобы выйти, но Хосе ее удержал.

— Опасно, — сказал он. — Сейчас, подожди минуту. Я набросаю записку, тогда все вместе и пойдем.

— Записку? Кому?

— Хозяину убежища. Мы впервые нашли живого человека, понимаешь? По крайней мере еще недавно он был жив.

— Ах, да-да, — кивнула Ио.

Она стояла спиной к очагу и первой заметила, что внутренняя дверь отворяется. Ио хотела закричать, но не смогла. За этот день она так часто пугалась, что вдруг стало стыдно.

Дверь приоткрылась еще, скрипнули железные петли. Хосе на этот скрип обернулся, но предпринять ничего не успел.

Мелькнула тень. Что-то длинное с плотным звуком вонзилось в спину Турумалая. Турум качнулся, оперся обеими руками о стол. Секунду он недоверчиво рассматривал торчащий из его груди сплющенный и заостренный конец железной трубы. Потом застонал, по-усталому закрыл глаза, колени его подломились.

Ио смотрела на его медленное оседание вдоль ящиков и все никак не могла ни что-то предпринять, ни закричать. Но Хосе уже начал действовать. Он сбил ее с ног и навалился сверху.

Еще одна труба ударилась о полку, отскочила и со звоном покатилась по цементному полу. Дверь захлопнулась.

— Оставайся здесь, — приказал Хосе.

Двумя прыжками он достиг двери и распахнул ее. Ио приподняла голову. Она видела, как Хосе сначала замер, рассматривая кого-то в тамбуре, потом бросился вперед и скрылся в темноте. Послышались удаляющийся топот, выстрелы.

Ио села на грязный пол и ошеломленно огляделась. У стола лежал Турумалай. Дышал он с хрипом и свистом. Ио подползла к нему и перевернула тяжелое тело на бок. Турум застонал, на его серых губах появилась пена.

Деревянными руками Ио долго расстегивала висевшую на поясе сумочку. Лекарства вывалились. Ио разгребла мусор, нашла шприц-тюбик, ткнула в плечо Турума. Выдавив всю дозу наркотика, она села на корточки. Требовалось сообразить, что делать с жуткой трубой. В пустую голову совершенно ничего не приходило, но тут подоспел Хосе.

— Пневмоторакс?

— Да. И крови много. Нельзя, чтобы он умер. Кто знает, через какое время мы доставим его в операционную.

Хосе наклонился.

— Ничего. Пробито правое легкое. Сердце, значит, цело. Что ввела?

— Мегаморфин. С антибиотиками.

— Ага, все как надо. Мучас трабахос.

— Что?

— Много работы. Держи трубу со стороны спины.

— Так?

Турумалай застонал громче, несмотря на введенный наркотик. Хосе не обратил на это внимания.

— Так, так, хорошо.

Он извлек лазерный пистолет и повернул рукоятку на полную мощность. Бледный луч упал на железо. Через мгновение конец трубы оказался в руках Ио. Железо даже не успело нагреться.

— Брось, брось, тут — все. Чем бы...

Ио протянула десантный нож. Хосе разрезал куртку Турумалая.

— Давай пластырь. Чудесно, чудесно. Теперь — спереди.

Они повторили операцию.

— Обрезок пусть остается внутри, — сказал Хосе.

— Донесем? — спросила Ио.

Хосе вытер лоб.

— Должны. Побудь здесь, я пойду гляну.

— Послушай, а кто трубы швырял? Неужели таракан?

— Нет. Один наш одичалый соплеменник.

— Человек?!

— Судя по внешним признакам.

— И что же, ты его...

— Ох, как ты могла подумать! Нет, конечно. Просто пугал. Но он успел скрыться. Местность хорошо знает. Лучше меня.

— Поразительно! Он ведь хотел нас убить...

— Думаю, с ним не все в порядке. Ладно, я пошел.

Хосе скрылся за дверью. Ио уложила Турумалая поудобнее и принялась раскаиваться в том, что согласилась на всю эту авантюру. Остановиться следовало еще тогда, когда охранные роботы не смогли протиснуться в узкий ход. Вместо этого они двинулись дальше, прекрасно зная, что радиосвязь между поверхностью и подземельем не действует. Хотя кто предполагал, что встретится гигантский таракан, а Турумалая пронзят ржавой трубой? В голову ведь такое не могло прийти. Макулу — да, макулу ждать было можно и должно. Но от макулы никакие роботы не спасут, как теперь известно. Тут уж как повезет, а поиски продолжать надо.

Выходит, все было правильно? Ио усмехнулась. Как легко находятся оправдания собственным просчетам! Но мы всего

лишь те, кто есть, — человеки. Ни меньше, но и ни больше. Мудрость в том, чтобы знать свои пределы.

В дверь постучали. Ио схватила пистолет.

— Не стреляй, — сказал Хосе. — Еще пригожусь.

И пригодился, в тот же вечер. Правду говорил.

— Я его сам понесу, — сказал Хосе. — А ты охраняй нас.

Ио кивнула. К ней вернулось самообладание. По дороге она застрелила двух тараканов и приняла одно важное решение.

Ио потянулась, с удовольствием ощущая хорошо отмытое тело. Проснулась она поздно, каюта была полна свежего воздуха, тепла и вечерних лучей Эпсилона. В углу на фоне уютной шторы Хосе с кем-то разговаривал по видеофону. На столике перед кроватью дымилась аппетитная чашка.

— Мари, я прекрасно все понимаю, — сказал Хосе. — Это игра ва-банк. Несогласных будет много. И все же не забудь о моем предложении, хорошо? Пока.

Он выключил прибор, с минуту смотрел в окно, за которым в прозрачном небе висели перистые облака. Потом босыми ногами подошел к кровати и сел. Мысли его были далеко.

— А где твои тапочки? — спросила Ио.

Хосе рассеянно оглядел ковер и пожал плечами.

— Не холодно.

Он опять задумался, теребя полу атласного халата. Ио заглянула ему в лицо.

— Отказала?

Хосе кивнул.

— Но этого следовало ожидать, — благодушно утешила Ио.

— Конечно. Доброе утро.

— Добрый вечер!

Хосе недоуменно посмотрел в окно.

— Ах да. Вечер.

— О чем ты думаешь?

— Ни о чем и обо всем сразу. Люблю, когда светит солнце. Или что-нибудь вроде. Жизнь приобретает смысл.

— Очень хорошо, — сказала Ио и еще раз потянулась.

— Что хорошо?

— Да все.

— Ты похожа на кошку.

— Правда?

Ио потянулась к чашке.

— Вкусно. Хочешь глоточек?

— Хочу.

— Сам готовил?

— Для тебя.

Она благодарно потерлась носом о его плечо.

— Великолепный мой!

— Ночью?

— Ночью — тоже.

— Таракан не снился?

Ио рассмеялась.

— Нет. Ему не удалось. У тебя давно не было женщины?

— Давно.

— А мне давно не было так светло. Иди сюда. Закрой собою солнце. Или что-нибудь вроде.

Хосе напрягся.

— Ты это... из жалости?

— Разве можно хотеть из жалости?

— Хотеть — не знаю. Отдаваться — да. Кто вас знает? Но если и так...

Он вдруг встал на колени. Ио потрепала его за волосы. Потом прижала суматошную испанскую голову к своему бедру.

— Дурачок.

Испанская голова упрямо вырвалась.

— Слушай, ты не первая так меня называешь. Почему?

— Потому что это правда.

— Ах вот как! Ну, я тебе покажу. Сейчас случится нечто.

Неизвестно, что он подразумевал, но нечто и вправду произошло. Базу «Орешец» чувствительно тряхнуло.

Базу «Орешец» чувствительно тряхнуло. Землетрясения на Кампанелле — вещь обыкновенная, если не сказать — повседневная. Но люди почему-то встревожились. В холле первого этажа, своеобразной кают-компании, собралось довольно многочисленное общество, в каютах мало кто остался. Пыта-

ясь скрыть смущение, все начали придумывать занятия и оправдания.

— А ведь мы сродни собакам, — усмехаясь, сказал Кнорр.

— Не новое открытие. Что ты хочешь этим сказать?

— У нас явно обострилось предощущение катаклизма. Не считаешь?

Сидевший в соседнем кресле Такео Инти поднял густые брови.

— Сомневаюсь, что оно у нас было, тем более что оно обострилось.

— Держу пари, нас ожидает нечто.

— Когда?

— Да сегодня. Ставлю сотню против одного.

— Какая уверенность! Идет.

Они пожали друг другу руки.

— Ага, приехали, — сказала одна из женщин.

К базе подрулил флигер. Из него выбрались Игнац, Зоран и еще кто-то, очень странный, со связанными руками. Все трое скрылись за углом шлюзового тубуса. Их появление в холле вызвало самый неподдельный интерес, поскольку связанный незнакомец выглядел и в самом деле несколько необычно. На ногах у него были чулки из грубой материи, подвязанные ниже колен. На бедрах висело подобие грязной юбки из того же материала. Этим его гардероб и ограничивался. Был он худ, жилист, торс состоял только из мышц и ребер. Длинные волосы, спутанные с бородой, скрывали шею и падали на лицо. Из зарослей пронзительно голубели глаза.

— Вот, — сказал Игнац. — Кажется, сей джентльмен охотился на Турумалая. Представить не могу, имя его неизвестно, поскольку он не разговаривает. Зато трубами швыряется замечательно. В общем, явный туземец.

Игнац поморщился.

— Едва бронежилет не прошиб. Что делать будем?

— М-да, — выразил общее мнение Такео. — Классический отшельник. Что делать? Начальство надо звать.

— Кхм, — сказал Кнорр. — Комендант занят. Соображать придется самим.

— Давайте его постираем и накормим, — предложили женщины. — Тем временем комендант, кхм, и освободится. Может быть такое.

Игнац и Зоран повели пленника в бассейн. Он не сопротивлялся, но несколько раз обернулся. Возможно, прикидывал, сколько труб понадобится на всех.

— Альфред, если ты это происшествие предсказывал, то я проиграл, — сказал Такео.

Кнорр покачал головой.

— Нет. Будет нечто посущественнее.

— А ты, случаем, не интравизор?

— До сих пор замечен не был.

По лестнице сбежала растрепанная Ио.

— Где, где он?

— Купать повели.

— Купать? Что за благодушие! Быть может, этот человек — единственный, кто выжил на Кампанелле. Каждая секунда... А его — купать. Он же как-то обманул макул, понимаете?

— Понимаем, чего тут не понимать.

Ио чертыхнулась и побежала в бассейн.

Игнац держал пленника, а Зоран намыливал ему голову. Все трое по грудь стояли в воде. Ио села на бортик.

— Смойте пену!

— Сейчас, — сказал Зоран и макнул робинзона.

Тот молча забился.

— Стой, стой, не брыкайся. Не утопим мы тебя, трубовержец.

Два голубых глаза всплыли на поверхность.

— Здравствуйте, — сказала Ио. — Мне передали, что вы не хотите разговаривать. Почему?

Незнакомец выплюнул шампунь и уставился на нее немигающим взором.

— Бесполезно, — сказал Игнац. — Тут требуется лечение. Малый не в себе. Надо ж так одичать за каких-то пять лет... Хрупкая это штука — психика.

— Посмотрим.

Ио прямо в халате спрыгнула в бассейн и положила руки на плечи молчальника. Тот дернулся, попытался отвести взгляд.

— Дорогой мой, — сказала Ио, — вы много пережили, много страдали. Быть может, возненавидели соплеменников, бросивших Кампанеллу на произвол судьбы... Я правильно говорю?

Что-то дрогнуло в диком лице.

Ио погладила грязное плечо, на котором остались следы ее пальцев.

— Мы действительно опоздали, но в этом нет нашей вины. Мы очень спешили и уже потеряли восемь человек. Так же, как вы потеряли своих близких. Но они не погибли, это известно уже почти наверняка. Надо всех найти, попытаться вернуть в нашу жизнь. Вы ведь этого хотите, да? Помогите нам.

Мужчина поднял связанные руки и потрогал ее волосы. Вдохнул ее духи.

— Как вас зовут? — мягко спросила Ио.

— Как вас зовут, — повторил незнакомец, удивленно прислушиваясь к собственному голосу.

— О! Высший пилотаж, — сказал Зоран.

Базу «Орешец» тряхнуло страшновато. Так тряхнуло, что она целиком подпрыгнула. Вода выплеснулась из бассейна, хлынула в коридор, потом — дальше, на камбуз. Там кто-то вскрикнул. Мигнули красные лампы, взвыла сирена.

— Внимание! Тревога. Членам экипажа занять штатные места. Говорит софус базы «Орешец». Всем членам экипажа занять места по аварийному расписанию! Наблюдается неопознанное явление в районе Вулканного Кольца.

Когда мокрая до макушки Ио прибежала в диспетчерскую, ей пришлось проталкиваться. За окнами открывалась картина, достойная внимания, и в зрителях недостатка не было.

Всю последнюю неделю Кольцо густо дымило, но мрачная туча, всплывшая над вулканами после землетрясения, ни в какое сравнение со старыми дымами не шла. Серая по краям, к середине она сгущалась до черноты с багровеющими прожилками столбов извержения. Ее поднявшаяся до девятикилометровой высоты вершина четкой границы не имела и была испещрена точками раскаленных вулканических бомб. Слышались гул, треск, целые серии раскатистых взрывов. До всасывающих вентиляторов базы уже дополз слабый, но на редкость

противный запах сероводорода. Сама база «Орешец» дрожала и подпрыгивала, как испуганное лесное животное, смещаясь то влево, то вправо при каждом скачке. Устоять на ногах при этом мало кому удавалось. Люди цеплялись друг за друга и за мебель, старались держаться ближе к стенам, некоторые находились перед экранами в коленно-локтевых позах, весьма унижающих человеческое достоинство.

— Послушайте, — крикнул Кнорр, — всем, кому не хватило кресел, предлагаю разойтись по каютам и смотреть стихийное буйство по видеофону. Пропустите, наконец, коменданта!

Толпа расступилась, давая коменданту возможность пробраться к своему законному месту.

— Какие будут распоряжения, ваше мокрейшество? — улыбаясь, спросил Кнорр.

— Немедленно выключить приточную вентиляцию, очистить воздух, перейти на автономные запасы кислорода! Фу. Давно все началось?

— Несколько минут назад. Мощный взрыв, затем — фантастический выброс.

— Действительно, большой выброс. Но что в нем необычного кроме размеров? Почему софус назвал это неопознанным явлением? В системе Бета Гидры я и не такое видывала.

— Но не на планете земной группы. А кроме того, взгляни, как этот выброс выглядит сверху. Один из спутников только что передал.

Ио взяла распечатку космического снимка.

Посмотреть было на что. Точнее, не на что. Вся трехсоткилометровая горная чаша заполнилась непроницаемым дымом, размазавшим ее внутренний контур. Кое-где она даже переполнилась. Лишь в середине просматривалось светлое пятно — вроде «ока» смерча. Сходство со смерчем усиливалось расходящимися от центра спиральными рукавами тьмы.

— Полосы движутся?

— Да, против часовой стрелки. Вот это и есть необычность. Очень похожий вид был при гибели «Гепарда»...

Ио взглянула в южное окно. Форма облака быстро менялась. Поднимаясь над хребтом, оно одновременно расползалось вширь, приобретая очертания воронки.

На связь вышла Маша. Встревоженным голосом она потребовала эвакуации.

— Но никакой непосредственной угрозы пока не видно, — возразила Ио.

— Ах угрозы. Угрозы здесь возникают так стремительно, а заканчиваются так одинаково, что лучше их не ждать. Бертран возвращается, он вылетел за вами.

— Давай оставим на базе хотя бы дежурную смену, шесть человек.

Маша заколебалась.

— Только четыре.

— Ну хорошо.

Вскоре прогремел шнелльбот со всеми своими световыми и звуковыми эффектами. Подняв тучи пыли, дискоид уселся на минимальном расстоянии от базы и включил систему охлаждения обшивки.

— Можно выходить, — сообщила Луиза.

Ио вышла проводить улетающих.

Туча закрыла уже треть небосклона. Порывистый ветер приносил вулканические газы, дым горящих горных лесов. Эта смесь раздражала бронхи, слышалось покашливание. На Турумалая, еще не окрепшего после операции, надели кислородную маску. Рядом с его самоходным креслом оказался подземный незнакомец. Оба молчали — один потому, что говорить отвык, другой — оттого, что еще не привык. Между ними, настороженно поглядывая то вправо, то влево, стоял рослый доктор Такео Инти. Ио подошла к ним.

— Странно, — тихо сказал Турум, сняв маску, — что могло так ожесточить этого человека?

Такео покосился на него, взглянул на тучу, но ничего не сказал.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Ио.

— Да вполне сносно. Как ты думаешь, что его так ожесточило? За всю жизнь меня никогда не пытались убить, а тут вдруг... такое потрясение. Это не дает мне покоя, понимаешь?

Ио взглянула на кампанеллянина. Тот стоял отвернувшись, хотя не мог не слышать, что говорят о нем.

— Надеюсь, придет время и он сам расскажет. Да, мы с детства растем в атмосфере благожелательности, дружеского участия. Нам давно не приходится соперничать за пищу и кров, хватает всем. Чтобы напасть на другого человека, нужно быть очень искалеченным. Видимо, на Кампанелле случилось много ужасного. Либо такого, что воспринималось как ужас. Еще ведь не все удалось узнать.

— Да, не все, — вздохнул Турумалай. И чихнул.

— Надень маску, — сказал Такео. И тоже чихнул.

— Будь здоров, — пожелал Турумалай. — Многая лета.

— Ты мне нос не заговаривай, оперированный.

— Ладно, ладно. Надеваю.

Грунт под ногами опять дрогнул. В туче над Вулканным Кольцом появилось нечто новое, видимое невооруженным глазом, — самая ее гуща начала рдеть.

— Я проиграл пари, — усмехнулся Такео.

— Пора начинать посадку, — забеспокоилась Ио.

Она включила мобильное переговорное устройство.

— Хелло, «Гепард», вы еще не остыли?

— Остывание есть процесс вдумчивый, — отозвался Реджинальд. — Но открываемся, так и быть. Просьба не прикасаться к леерам, а то обожжетесь. Добро пожаловать в сковородку!

В нижнебоковом сегменте дискоида раздвинулись жалюзи. Из щели выпятился эскалатор. К нему в колеблющемся мареве разогретого воздуха двинулись улетающие. Шанталь, первая ступившая на полотнище транспортера, затанцевала на одной ноге. Потом ойкнула и вприпрыжку побежала в темный проем. Оттуда показалась фигура в скафандре и окатила эскалатор ведром воды. Затем любезно помахала рукой, сделала реверанс и скрылась.

— Очень смешно, — проворчал Такео. — Надеюсь, вода была чистой.

Он сморщил нос и опять чихнул.

На площадке перед базой зашевелились покинутые людьми флигеры. Одна за другой, складывая крылья, машины потянулись в ворота ангара. На плече Ио ожило переговорное устройство.

— Возвращайся в диспетчерскую, — сказал Хосе. — Спектакль только начинается.

Турумалай снял маску.

— Удачи вам, Иочка! Спасибо тебе.

— За что?

— Да за мегаморфин. Я ведь был в сознании.

Люк закрылся сразу за спиной Ио. По легкому дрожанию пола она догадалась, что весь тубус шлюзовой камеры въезжает в тело станции. Это означало, что база «Орешец» начала бронироваться. Толстые плиты металлокерамики закрыли все окна, и когда она поднялась в диспетчерскую, обзор уже перевели на экраны.

Один из них давал спутниковую картинку с высоты в двести двадцать километров. Вихрь заметно разметал тучу дыма и вулканического пепла, в ее середине образовалось место со сравнительно прозрачной атмосферой. Именно в этом месте радиолокатор спутника нащупал необычный объект.

— Макула? — спросила Ио.

Хосе отрицательно качнул головой.

— Металлическая поверхность. Объект движется с вертикальным ускорением.

— То есть взлетает?

— То есть взлетает.

Ио села в свое кресло и попросила софуса дать изображение на ее пульт. Точка росла. Включилось радио.

— Я — «Вихрь». Сообщаю результаты компьютерного анализа. Объект имеет шарообразную форму диаметром около одиннадцати метров. Материал поверхности — титаново-молибденовый сплав. Двигатели работают на кислород-водородном топливе. Траектория взлета изгибается примерно в вашу сторону. «Орешец», как поняли?

Хосе взял микрофон.

— Александер, послушай, да ведь это же спасательная шлюпка!

— Выводы делать рано. Продолжайте наблюдение. Объект вот-вот вынырнет из-за хребта и станет доступным для ваших радаров. Мы посылаем позывные встречи на аварийной волне.

— Вас понял.

Ио набрала команду. Ворота ангара раскрылись, выпуская дежурный флигер.

Хосе кивнул.

— Правильно. Полечу я.

— Почему не я? — спросил Кнорр.

— Альфред, извини, но дело уж больно десантницкое. А тебе приказано возвращаться на орбиту.

— А не хочу.

— Ну, смотри.

Пискнул сигнал радарной установки.

— Объект обнаружен, — доложил софус.

Хосе скатился по винтовой лестнице на первый этаж.

— Прихвати «скорпиона»! — крикнула Ио.

— Ладно.

Кнорр переключился на аварийную волну.

— ...повторяю: я — крейсер ОКС «Звездный Вихрь». Назовитесь. Кто вы, черт возьми?!

Вдруг ему ответили:

— Сэмюэл Пип, к вашим услугам. Послушайте, не приставайте, пока не приземлюсь. У меня кое-какие проблемы на борту. Несколько занят, знаете ли.

«Вихрь» ошеломленно замолчал. Потом послышались приглушенные голоса, означающие совещание. Шлюпка тем временем перевалила хребет и была уже отчетливо различима на радаре базы.

— А ведь существует, — изрек Игнац.

И был прав. Снижаясь, объект пролетел километрах в двенадцати от «Орешца» и скрылся за горизонтом. Хосе тут же оседлал флигер и ринулся в погоню.

— Еще один робинзон отыскался, — сказал Кнорр. — Как ты думаешь, трубами швыряться будет?

— Ну, этот хоть разговаривает, — с оптимизмом ответила Ио.

Появившись внутри базы, нежданный Сэмюэл Пип прежде всего потребовал пива. Потом еще.

— Знаете, в шлюпке его нет, — доверительно сообщил он. — Не предусмотрено.

И приложился к третьей банке.

— Безобразие, — посочувствовал Хосе.

Свалившийся с неба гость неодобрительно на него посмотрел.

— Шутник. Послушайте, где это мы находимся?

— Кампанелла, система Эпсилон Эридана, — ответил Хосе.

— Эпсилон Эридана? Нет, парень, ты не шутник. Ты большой шутник, я бы сказал. Пиво еще есть?

— Есть. Ну а где же мы находимся, по-твоему?

Сэмюэл обвел взглядом экраны и всех собравшихся.

— Точно не знаю. Но определенно могу сказать, что три часа назад я на своей любезной «Абракадабре», да упокоятся ее реакторы, находился очень рядом с Сириусом. Сириусом «бе», если угодно. Это очень далеко от Эридана «э», молодой человек. Если я что-то смыслю в астрономии.

Его заявление произвело эффект. Команда «Орешца» погрузилась в молчание.

— Вы что, не верите? — возмутился Пип. — Мне?!

— Видите ли сэр, мы по-прежнему считаем, что находимся на Кампанелле, — вежливо сказал Игнац.

— Ну да, тут какая-то планета имеется, — недоуменно сказал Пип. — Приходится признать.

— А что случилось с вашим транспортником?

— Яхтой. «Абракадабра» — это моя яхта. Была. И очень неплохая, смею заметить.

— И что же случилось с яхтой?

— Эх! Рассыпалась. Слушайте, у вас все пиво в такой мелкой таре?

— Как — рассыпалась? Ни с того ни с сего?

— Что значит — ни с того ни с сего? «Абракадабра» была крепкой посудиной. Знаете, есть поверье, что ни с того ни с сего звездолеты не рассыпаются. Посмотрел бы я на ваш крейсер хваленый в том канале!

— Вы попали в какой-то канал?

— Ну да. Как в... Вроде как это... Наткнулся. Такой блинбац вышел! Гляжу, тарелки попадали. Ну, ползком пробираюсь, конечно. Сифон пролетел, пузыри кругом. Дурацкая история! Послушайте, я чуток захмелел, хотя это и не заметно. С утра ни крошки, представляете? Завтрак, он же на камбузе

остался. А камбуз — того. Тоже рассыпался. С завтраком. Явный перебор, конечно. Мешает тебе яхта — о'кей. Ладно, рассыпай. А еду чего портить? Первый раз колбасу в космосе наблюдал. Хрен что поймешь. Икскъюз ми, леди. Так. Чья тут койка? Я, пожалуй, вздремну.

Он улегся на так и не убранную раскладушку Хосе и немедленно воплотил свой замысел в жизнь. Полюбовавшись некоторое время сном небритого мужчины, Ио вызвала «Вихрь».

— И что мне теперь делать с этим бонвиваном? — спросила она.

— А ничего. Пусть отдохнет товарищ. От Сириуса прибежал, устал ведь. Следующим рейсом отправите к нам. В сопровождении офицера Кнорра, который, кажется, несколько забыл о дисциплине.

— По-моему, вся наша история начинает смахивать на анекдот, — сердито заявил Кнорр.

— Не очень, — сказала Маша. — Мы тут просмотрели архив. В Регистре Сириуса действительно числится яхта «Абракадабра». Имя владельца — Сэмюэл Джордж Пип. Ну как, смешно?

— Его нужно лишить лицензии! — свирепо сказал Кнорр.

Сэмюэль Пип на секунду перестал храпеть.

— Еще чего...

Дневник командира звездолета

18 сентября, полдень

Итак, Рональд еще раз оказался прав. Канал может действовать в обратную сторону. Генрих, которого не покидает состояние перманентной ошарашенности, принес расчеты. Получается, что в пространстве труба расположена не линейно. В нашем обыденном пространстве невозможно провести прямую линию, соединяющую Кронос, Гемингу, Сириус и Кампанеллу. А вот спираль — пожалуйста. На всякий случай я спросила, что же это может означать.

— Скрученность нашей Вселенной в пространстве высшего порядка.

Я позволила себе иронию:

— Всего лишь?

— Сначала следует рассматривать самые простые предположения, — простодушно ответил Угрюмик.

— Так что же, кампанеллян надо искать у Сириуса?

— Можно и у Сириуса. Потому что их надо искать везде.

Ему явно не мешает освежить прическу. Юмор у него есть, только изрядно подзабыт.

ДАЛЬНЯЯ КОСМИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ.
ШТАБ ОКС — ВСЕМ СУДАМ И КОРАБЛЯМ.

В серных кавернах планеты ФЕЛИКСИТУР, системы КРОНОС, обнаружена внеземная жизнь на доцивилизованном этапе развития. Запрещается любая высадка на ФЕЛИКСИТУР всем, за исключением специальных экспедиций ОКС. Сообщение подлежит ретрансляции.

Вице-адмирал Энно КАМИМУРА.

9. ЖЕНЩИНЫ

В жизни есть особое удовольствие, о котором в суматохе часто забывают. Это — удовольствие проникшего во все клеточки тепла, наслаждение дышащей кожи, томно расслабленных мышц, умиротворенного состояния духа, прозрачности сознания и медленной ясности ума. Наслаждение вдвойне восхитительное, если есть с кем его разделить.

Милдред и Маша наслаждались в полной мере, завернувшись в махровые простыни. За их спинами остывала сауна. Поскрипывали плетеные шезлонги. Слышались ветер, шелест леса, шум волн, набегающих на берег. Пахло хвоей и озоном, как после грозы. При закрытых глазах вполне могло показаться, что все происходит на Земле, где-нибудь в окрестностях Байкала либо Большого Невольничьего Озера. Но стоило приподнять веки, как взгляд упирался в стены, причем одна из них представляла собой мерцающий черный прямоугольник с голубым диском в верхнем углу.

Мягкий свет Кампанеллы слегка разбавлял темноту комнаты, не позволяя забыть, что в действительности все происходит очень далеко от обоих озер. Даже если «Вихрь» немедленно разбудил бы свои машины, то, с учетом неизбежных потерь времени на разгон и торможение, у Солнца пройдет не менее двенадцати с половиной геолет, прежде чем экипаж крейсера сможет вернуться домой.

Первоначально Эпсилон Эридана рассматривался всего лишь в качестве промежуточного пункта, «оттолкнувшись» от которого корабль должен был отправиться к еще более отдаленной звезде, поэтому все улетавшие на нем готовились к долгой разлуке с Землей. Но никто не был готов встретить тайну так скоро, на Кампанелле, никто не мог предвидеть столь огромной ответственности. Очень значительная ее часть легла на Машу. Между тем ничто так быстро не утомляет, как чувство ответственности. И не просто утомляет, а опустошает, изнашивает организм. Восстановление сил в этих случаях требует большой умелости, даже искусства. Самое слож-

ное — отключить мозг от проблем. Есть средства эффективные, но грубые, вроде алкоголя, удел не слишком развитых личностей. Милдред избрала более благородное.

Что касается тайны, то ее ждали, на нее надеялись, из-за нее, по большому счету, и отправлялся в рейс «Звездный Вихрь», команда которого состояла исключительно из добровольцев, отобранных к тому же из большого числа желающих. Вот только действительность сильно превзошла все ожидания. По сравнению с масштабом случившегося расстояние между Солнцем и одной из ближайших звезд выглядело пренебрежимо малым. Это несоответствие порождало психологическое напряжение, которое усиливалось с каждой новой неудачей.

Как и любой руководитель коллектива, Маша прекрасно знала, что усталость снижает шансы на успех общего дела. Знала это и Милдред. Но она не только знала, но и кое-что предприняла, начав с руководителя экспедиции.

— Включить шум дождя? — спросила Милдред.

— Он навевает меланхолию.

— Меланхолия помогает восстановлению нервной системы.

— Не надо, и без того хорошо. Давно так не отдыхала. Спасибо тебе за заботу.

— Это еще не все.

— Что, продолжение следует?

— Надеюсь, я угадала, — улыбнулась Милдред. — Быть может, и угодила.

Вкатился столик с коктейлями.

— О! И что тут?

— Пробуй.

Маша взяла бокал и потянула через соломинку терпкий напиток.

— М-мм. М-магия.

— Хочешь лимона?

— С удовольствием.

Маша откусила ломтик и закрыла глаза, прислушиваясь к ощущениям. Удовлетворенно кивнула и быстро взглянула на начальницу аналитического центра.

— Милдред, а чего хочешь ты? Ведь чего-то ты хочешь?

— Хочу чтобы ты расслабилась. Боеспособность крейсера от этого только выиграет.

— Уже получилось. Но, возможно, это не все, что ты хочешь.

Милдред рассмеялась.

— Не веришь в бескорыстие? Увы мне!

— Почему же, верю. Тут дело в другом. Просто привыкла, что каждый разговор требует от меня определенного решения. Боюсь, что не скоро избавлюсь от этой привычки. Профессиональная вредность, извини.

— За что? Профессиональная вредность лучше вредности профессионала.

Маша улыбнулась.

— Спасибо. Рада, что ты понимаешь. Каждый день нужно переговорить с таким количеством людей... Постоянно боюсь чего-то не успеть, что-то упустить.

— Да вроде успеваешь.

Маша не согласилась.

— Нет. Я-то вижу. Честное слово, не пойму, почему мне доверили такой пост. По характеру я вовсе не лидер, скорее затворница.

— Возможно, как раз поэтому. Ты не нависаешь.

— То есть?

— Ну, настоящий лидер берет власти столько, сколько может унести. Применение власти доставляет ему удовольствие. Тебе же власть не столько приятна, сколько обременительна, поэтому ты довольствуешься лишь минимумом, без которого невозможно исполнение обязанностей. И даже, по-моему, несколько меньшим.

— Это плохо?

— Я бы не сказала.

— Вот как! Почему?

— Это позволяет раскрыться окружающим. В итоге мы можем использовать способности каждого вопреки недостаткам характера. А их много, способностей каждого, гораздо больше, чем у любого самого гениального вождя. От руководителя требуется прежде всего способность определять, чьи способности в данный момент самые нужные. Разве не так?

— Да, разумеется. Еще раз о преимуществах парламентаризма... Но есть и очень существенный минус — мы теряем в скорости принятия решений. Пока со всеми согласуешь...

— Быстрое решение — не всегда лучшее решение. Чаще даже — наоборот. Знаешь, мне кажется, что времена лидеров вообще канули. И слава Богу! Лидер — он же в значительной степени кумир, если не идол. А кумиры всегда обходились дорого, причем в конечном счете оказываясь ненужными. Вспомни хотя бы остров Пасхи. Система парламентаризма была рискованной в мало просвещенном обществе, когда не знали меры в ущемлении одних социальных групп за счет других. Но не в наше же время!

— Слушай, ты так хорошо все понимаешь. Почему не командуешь «Вихрем»? Нет, серьезно?

Милдред усмехнулась.

— Понимать мало. Я, как говорили староангличане, совсем другой чайник рыбы. Я власть люблю. И испытание славой не выдерживаю.

— Ты? В самом деле?

— Увы. Наверное, дикие африканские гены прорываются. От меня уже четыре мужа сбежало. Это я говорю только об официальных.

Маша оценивающе глянула на Милдред.

— Да, их надо было сильно напугать.

— Ну, пугались они не слишком. Один даже меня поколотил.

— А ты? — с неистребимым женским любопытством спросила командир звездного крейсера.

— Я? Да тоже есть что вспомнить. Чувства увивают разум похлеще, чем плющ беседку, причем комбинации возникают самые замысловатые, заранее не угадаешь.

— Отчего и любовные игры такие занятные.

— О! Конечно. То кругами ходишь, ткешь паутину, мотылька караулишь. А то, глядишь, само как обрушится, как накатит, да как хватанет, — поди разбери, где чьи ноги. Тогда — все, хочется рабства. Чтобы тебя... Бывают моменты, бывают. Но потом понемногу все тает, куда-то просачивается. Начинаешь замечать, что мужчин кругом вообще-то много, хочется пройти все еще разок, добыть нового восторга. Ну, сама знаешь.

— Как не знать. Мне особенно нравится момент, когда мужчина понимает, что замечен. Ах, какие стойки они делают!

Маша поднялась из шезлонга и показала, какие стойки. Милдред едва не захлебнулась коктейлем.

— Предупреждать надо! — кашляя, упрекнула она.

— А еще чего тебе надо? — спросила Маша. — Ну все-таки? Говори, я сейчас добрая.

Милдред осторожно улыбнулась.

— Еще хочу, чтобы ты не отказывалась от вибромассажа.

— Тебя подослали из госпиталя!

— Не без того. Видишь ли, от Гильгамешки информация поступает. Индекс психического здоровья... все такое. Извини, при военном положении наш центр обязан следить и за этим показателем тоже. Особенно — у руководителя экспедиции.

— Хорошо, сдаюсь. Завтра же отправлюсь на процедуры. Но, дорогая моя, не будь я немного циником, не сделали бы меня капитаном. Не верю, что ты затянула меня в баню только с одной целью. Ну? Я права?

Милдред вздохнула.

— Как-то так в жизни устроено, что циники всегда правы. А достается романтикам. Тем не менее плох тот циник, который не мечтает стать романтиком.

— А! Наконец-то. Признание?

— Если угодно. Да, корысть у меня имеется.

— Итак?

— Мне нужно побывать там. — Милдред качнула бокал в сторону Кампанеллы.

— Не понимаю, в чем проблема.

— Побывать одной, без охраны.

— Вот как. И где именно тебе нужно побывать?

— Сейчас покажу.

В Южном полушарии планеты возникло размытое пятно. Выпятившись, оно заполнило всю стену и превратилось в панораму холмистой местности, покрытой еще не старым, лет на двести пятьдесят, но уже вошедшим в силу секвойным лесом. Меньшая, чем на Земле, сила притяжения Кампанеллы позволила деревьям вырасти очень стройными и достичь высоты, удивительной даже для этих великанов растительного царства.

С минуту Маша рассматривала деревья. Лес был красив, очень красив, просто великолепен, но ничего сверхъестественного в нем не замечалось.

Продержавшись некоторое время, изображение померкло. Вместо леса вновь возникло звездное небо с голубым диском, так безумно напоминающим земной. Только рядом с ним не хватало пепельно-серой Луны. Естественным спутником Кампанелла не обладала.

— Каково решение? — спросила Милдред.

Маша долго посасывала соломинку.

— Кроме тебя у нас больше нет интравизоров, — обронила она.

— Понимаю.

— И тем не менее настаиваешь?

— И тем не менее настаиваю.

— Ты так осуждала Рональда.

— Я ошибалась, — с готовностью признала Милдред. — Извини.

— Ладно, все в прошлом. Но я не знаю цели.

— Цель есть.

— Слушаю тебя.

— Каждый раз мы узнаем новое, только проявив активность. Согласна?

— Не совсем. Спокойно наблюдая с орбиты, мы тоже многое узнаем. Но, проявив активность, как ты говоришь, узнаем больше нового, причем принципиально нового. И получается это гораздо быстрее, как-то скачкообразно. Во всяком случае, так получалось уже несколько раз. В этом смысле ты права.

— Да, ты выразилась точнее, — согласилась Милдред. — Но несколько раз — уже система. Маша, за активность нас поощряют. Поощряют информацией. То есть как раз тем, что мы и должны добыть.

Милдред на минуту смолкла, стараясь понять, какое впечатление произвели ее слова. Маша размышляла.

— Хочешь сказать, пришел твой черед?

— Думаю, что так.

— Каждый раз за информацию мы расплачиваемся. И не чем-нибудь, а людьми. Поэтому я все же обязана знать, что ты задумала.

— Да, конечно. Вполне справедливо.

Милдред пошевелила пальцами. В углах стенного экрана заклубился молочный туман. Поглощая звезды, он дополз до Кампанеллы. Планета скрылась. На стене, точка за точкой, формировался портрет длинноволосого мужчины с яркими голубыми глазами.

— А ведь красив, правда? — спросила Милдред.

Маша кивнула. Потом искоса глянула на собеседницу опытным женским оком. Но Милдред и не собиралась утаивать. Тряхнув просохшими волосами, она стянула их в большой узел на затылке и озорными глазами посмотрела на Машу.

— Да, ты поняла правильно. Теперь наш робинзон разговаривает.

— И ты знаешь, почему он уцелел?

— Знаю.

Маша хотела что-то спросить, но передумала. Милдред это заметила и пришла к ней на помощь.

— Мне с ним было хорошо. «Орешевцы» отмыли его на совесть. В общем, насилия над собой я не совершала.

— Ты уверена?

— В том, что было хорошо?

— Нет. В том, что знаешь, почему он уцелел.

— Я — да. А для остальных хочу получить исчерпывающее доказательство. Поэтому и отпрашиваюсь.

— Теперь понятно. Почему в лесу, среди этих секвой?

— Там вероятнее всего следующее появление макулы. Кое-что мы уже способны предсказывать.

— Браво. Молодцы. Первая приятная новость...

Маша поднялась и подошла к Кампанелле, словно надеясь увидеть на ней нечто такое, чего нельзя заметить из кресла.

— Тебя явно беспокоят предчувствия, — сказала Милдред.

— А тебя не беспокоят?

— О! Всегда. Им несть числа.

— Какие сейчас?

— Я могу сыграть роль детонатора.

— Детонатора? Чего именно?

— Конкретно не знаю. Но будет много и всякого.

— Макулы?

— Вот это — непременно. Как же без них?

Маша поставила бокал.

— Хорош коктейль...

— Другие не получаются.

— Как у Рональда.

— Да.

— Просто эпидемия авантюр!

— Маша, предчувствия юридической силы не имеют.

— А последствия?

— Ты же отпустила Рональда.

— Не совсем то. Я не успела его остановить, так точнее.

— На этот раз не соглашусь.

— Почему?

— Улетая для погружения в Зеленый океан, Рональд уже знал, что не вернется. А ты чувствовала, что он знает. Ты же его любишь. Не могла не чувствовать. Я угадала?

— Да.

— Мы понимаем друг друга?

— Да, — неохотно ответила Маша.

Милдред заглянула ей в глаза.

— Устала принимать решения?

— Ох, не спрашивай.

— Относись легче. Все больше вырисовывается один вывод.

— Какой?

— Да похоже, что мы — объект эксперимента, в котором летальный исход нежелателен. Так что, кто куда полетел, в какое время, из каких побуждений, кто его отпустил, ну и так далее, — все это особого значения не имеет.

— Хотелось бы верить.

— Вот и верь. Рональд действительно жив, а это о многом говорит.

— Но что может дать ТВОЙ эксперимент?

— В случае успеха мы получим средство от макул. Не уверена, что их так уж отчаянно следует бояться, но результат встречи должен зависеть не только от них, я полагаю. Исчезать или не исчезать мы имеем право решать по собственному усмотрению. Лично я, кстати, делать этого пока не намерена.

— Это — если у тебя получится.

— Если не получится, передам привет Рональду.

Маша подошла к столику и поставила пустой бокал.

— Знаешь, у человеческой психики есть одно свойство. Когда мы наталкиваемся на преграду, которую не можем преодолеть, тотчас начинаем искать положительные стороны в создавшемся положении. Ну и находим.

— Разве это плохо?

— Как сказать. Даже если плюсов нет, мы их придумываем для успокоения. Вот смерть мы все же не победили, только отодвинули. Поэтому продолжаем верить в то, что, быть может, смерть — еще не конец.

— Почему бы нет?

— Убедительных доказательств не знаю.

— А я не знаю убедительных опровержений.

— Вряд ли мы разрешим этот спор сегодня. Давай вернемся к нашим макулам.

— Давай. Рональд жив. Ты мне веришь?

Маша надела халат.

— Я отвечу тебе утром. Хочу поразмыслить.

Милдред в очередной раз усмехнулась. Когда Маша вышла, она связалась с Мбойе и заказала флигер на восемь ноль-ноль следующего дня.

Милдред не стала отвлекать какой-нибудь из шнелльботов от патрулирования. После гибели кораблей Нолана и Балларда на оставшиеся три «Гепарда» и без того легла большая нагрузка. Да и нет смысла осторожничать, если собираешься играть роль приманки. А еще ей не совсем по-взрослому хотелось получить удовольствие от власти над послушной и чуткой машиной. Кто знает, доведется ли еще...

Милдред усмехнулась и хлопнула перчаткой по подлокотнику. Жизнь... Эх, жизнь хороша, и почти не надоела. Казалось бы, раз так, то и живи себе, вращайся в привычном круге, давай мужчинам повод делать те самые стойки, которые так удачно может показывать Маша. Ан нет, надо было сначала покинуть Землю, а теперь вот еще и отправляться в секвойный лес... Между тем сама она вовсе не уверена в безопасности эксперимента.

Как же мы заражены любопытством! Почему удовлетворение именно этого инстинкта столь важно для человека, особенно для женщины? Почему так тянет переступить черту, заглянуть за угол? Заглянуть и, вполне может быть, — обжечься? Сколько раз уже бывало такое, а угомона все нет и нет. Что за жизнь без любопытства? Так, вода дистиллированная. Мало кого устраивает диета без специй. Вот из этого и вырастает щекочущая неизбежность. Можно пройти мимо одного таинственного хода, миновать другой, третий, но рано или поздно свернешь с колеи. Путь человека действительно предопределен, предопределен соотношением страха и любопытства. Фатум — это скорее не роковое стечение внешних обстоятельств, которые представляют собой лишь условия реализации, а особенности генотипа, который формирует характер. От него, родимого, не убежишь.

Милдред вздохнула и еще раз хлопнула перчаткой — прямо по клавише. Из пола послушно выросли педали, раскрылся пульт, выдвинулась ручка управления.

— Флигер активирован, — доложил софус.

Милдред тут же запустила двигатель и решительно утопила педаль акселератора.

— Лихо стартует, — сказал Мбойе. — Молодец девчонка.

Маша взглянула на него с сожалением.

— Неужели заметил?

— Лучше всего возможность осознается тогда, когда она упущена.

— О нет! — воскликнула Маша. — Надеюсь, что с Милдред это не так.

Старший офицер понял свой промах и обескураженно отвернулся. Широченные плечи Мбойе поникли. Маша знала, что ему сейчас было бы гораздо легче на месте Милдред, чем на своем собственном. Но покидать «Вихрь» Александер не имел права, будучи главным координатором кипучей деятельности, постоянно царившей на борту звездолета.

Флигер тем временем приближался к планете. Разминувшись со встречным грузовым паромом, Милдред прибавила скорости. Тормозиться, по-видимому, она собиралась в самый последний момент, перед входом в атмосферу.

— К чему такая спешка? — не оборачиваясь, спросил Мбойе.

— Чтобы не дать времени сомнениям.

— А у нее бывают сомнения?

— Алекс, ты меня удивляешь.

— Нет, правда? Она всегда такая цельная... как кристалл. С эдакими твердыми гранями. Я и подходить опасался.

— Атомы кристалла тоже колеблются.

— Прямо психология, — проворчал Мбойе. — Химическая.

— Обхожу рефлектор, — доложила Милдред. — После этого ныряю.

Естественной луны у Кампанеллы нет, но существует искусственный тонкий диск из металлизированной пленки, натянутой на легкий каркас. После катастрофы это орбитальное зеркало осталось без присмотра и, предоставленное само себе, начало вращаться. От этого на ночном небе Кампанеллы луна регулярно то вспыхивала, то гасла.

Выбирая наиболее короткий путь, Милдред пролетела мимо диска в тот момент, когда его отражающая поверхность была обращена в сторону «Вихря». На мгновение силуэт флигера обрисовался с болезненной резкостью. Он напоминал летучую мышь фантастических размеров.

— И это называется научным подходом, — желчно сказал Кнорр. — Кладем очередную голову в чью-то пасть, а потом включаем секундомер.

Ему не ответили.

— По жизни за каждый факт! — с болью выкрикнул планетолог. — Не верю, что проглоченные макулой остаются живыми. Где доказательства? Нет материала для статистической обработки простейшим критерием Фишера-Стьюдента. Одни грезы Милдред. Не верю!

Ему опять не ответили. Не потому, что думали иначе. Многие подозревали то же самое, но как раз ничего другого придумать и не могли. Вот только эмоций не демонстрировали.

Это величественное дерево европейцы впервые увидели на берегах Калифорнии в 1769 году. Монументальное растение, достигавшее ста тридцати метров высоты, не могло не поразить воображения жителей Старого Света. Много лет ему не

могли подобрать достойного наименования. Сначала нарекли красным деревом, но это название не отражало величия растения. Староанглича не предложили назвать его веллингтонией, в честь своего герцога, одолевшего Наполеона, а староамериканцы — вашингтонией, в честь своего президента, одолевшего староанглича н. Но исторически закрепилось название, предложенное австрийским ботаником Стефаном Эндлихером в честь еще одного выдающегося, хотя и менее известного человека — великого вождя ирокезов. Быть может, это название закрепилось не потому, что вождь Секвойя тоже умел воевать, в его время это было так же необходимо, как и жить, и если бы вождь индейцев не владел искусством войны, он никак не прожил бы семидесяти трех лет, но потому, что кроме этого, на досуге, вождь Секвойя придумал алфавит племени чироков. Ни герцогу, ни президенту такого сделать не удалось, и в их честь назвали совсем другие растения. Тоже, впрочем, хорошие.

Отец Милдред долго проработал смотрителем заповедника секвой в той самой Калифорнии, на Земле. От него она унаследовала любовь к этим могучим деревьям и обширные знания о них. Трудно было не заинтересоваться растениями, возраст которых на два-три века превосходит возраст египетских пирамид. Наиболее старые из земных секвой имеют собственные имена и стволы в десятки человеческих обхватов.

В том, что главный эксперимент жизни Милдред приходилось проводить между секвойями, легко просматривался перст судьбы, проявление того самого фатума. Покинув флигер, она бездумно брела между высоченными стволами, с удовольствием вдыхая сквозь открытое забрало шлема свежий, вкусный воздух, насыщенный запахами детства. Лес был полон звуков — шорохов, шума крон, стука падающих шишек. Огромных, величиной с голову взрослого мужчины. Из-за них приходилось постоянно посматривать вверх, чтобы эксперимент не закончился раньше времени.

К шуму леса добавлялись звуки шагов одинокого человека. Дождя здесь не случалось давно, и под многослойными подошвами космических сапог, способных защитить и от страшной жары, и от жуткого холода, сухо потрескивали веточки. В шлеме включилось радио.

— Пока ничего не заметно, — сообщила Маша.

Ее голос прозвучал неожиданно. Милдред невольно вздрогнула.

— Ты не передумала? — спросил шлем.

Милдред показалось, что ее скафандр подвержен недостойному страху.

— Нет, не передумала, — ответила она с неприязнью.

Маша замолкла.

— Не переживай, — мягче сказала Милдред. — Все будет нормально.

Она решительно двинулась дальше и вскоре взошла на холм, покрытый цветущей арникой.

Здесь, на Кампанелле, не только деревья, но и травы вырастали очень большими. Стебли арники имели высоту почти полтора метра. Их чашечки были полны пыльцы, но ни одно насекомое не копошилось в лепестках и не гудело в воздухе. Тщательность работы макул вызывала невольное уважение.

В каждом кубическом метре почвы самого обыкновенного леса обитают мириады живых существ — червей, членистоногих, миксомицетов, простейших, не говоря уж о микроскопических грибках и бактериях. Но из почв Кампанеллы они практически исчезли. Такой результат получен везде, где изучали пробы грунта. И это было даже удивительнее, чем исчезновение значительно более крупных и сравнительно малочисленных людей.

Милдред почувствовала запоздалую тревогу. А что, если она ошибается? Вдруг придется оставить этот мир? До сих пор макулы допустили одну-единственную небрежность, позволив уцелеть Саймону. Да и небрежность ли это была, не скрывался ли за ней расчет? Во всех действиях макул, несомненно, просматривалась целенаправленность, одно из кардинальных качеств разума. Значит, могли быть и ловушки.

— Нет, — сказала Милдред.

— Что? — тут же откликнулась Маша.

— Нет, я не передумаю.

Поднимая облачка цветочной пыльцы, она вышла к самой макушке холма и оглянулась. Две могучие секвойи справа и слева обрамляли вид на поляну, где она оставила флигер.

Хвост машины высился над кустарником шагах в четырехстах. Различался он почему-то нечетко, будто смазанный маревом.

— Милдред, внимание, — тихо предупредила Маша. — Начинается.

Первые изменения были малозаметными. Просто промежутки между соседними кустами как бы растаяли. Нижняя часть поляны приобрела вид этюда, наспех набросанного акварельными красками. Отдельные мазки в нем сливались, нерезко переходя друг в друга. Но эти мазки дрожали, колебались, как в полосе разогретого воздуха над старым асфальтовым шоссе в жаркий день.

Макула на этот раз проявляла себя необычно, обходясь безо всякой черноты. Но в том, что появлялась именно макула, Милдред не сомневалась. Больше нечему появляться на больной планете.

Зона размытости начала перемещаться. Ветви кустов, стволы секвой, цветущая арника быстро таяли в направлении холма, на котором стояла Милдред. Вернуться к флигеру было уже невозможно. Оставалось выполнить задуманное до конца. Вспомнилась школьная латынь: alea jacta est. Жребий брошен.

Милдред достала из кобуры миниатюрный инъектор, взглянула вверх, где высоко за синью атмосферы плавал крейсер с таким количеством переживающих за нее людей, еще раз глубоко вдохнула душистый воздух и выстрелила себе в шею. Страх исчез. Уже падая, она успела заметить волну шевеления под ногами. Но это ее уже не волновало. Препарат отключил чувства, а потом — сознание.

Если люди очень сосредоточены на чем-то одном, в остальном они могут поступать довольно нелепо. В сумрачном зале мерцали десятки экранов, но почти все дежурные офицеры сгрудились у одного из них, расположенного на пульте Маши.

Мощная оптика орбитального спутника позволяла видеть в секвойном лесу не только упавшие шишки, имевшие порядочные размеры, но и пересчитывать тычинки цветов. На месте посадки прекрасно различались смятые кусты, сам смявший

их флигер с блеклыми в дневном свете позиционными фонарями, а в противоположном конце поляны, на вершине буйно цветущего холма, — изящная фигурка в легком скафандре. Хрупкая, беззащитная...

— Расчетные аномалии отмечены, — доложил Гильгамеш.

— Милдред, внимание, — сказала Маша. — Начинается.

Макула вспучилась под правым крылом флигера. На этот раз она проявлялась в новой, иллюзорной форме почти прозрачной массы, лишь слегка преломляющей свет. Каким-то образом она определила, что флигер пуст, после чего пришла в движение.

— Меньше секунды, — определил старший инженер. — И как точно она всплыла на месте посадки!

Каким-то образом макула определила, где находится Милдред. Ускоряясь, прозрачная масса потекла к холму. Макула не была совсем уж бестелесной — кусты, которые она обтекала, шевелились, изгибались, а после выпрямлялись. Ее температура вовсе не приближалась к абсолютному нулю, как в прошлый раз, а всего лишь на несколько градусов отличалась от температуры воздуха. На листьях и траве она не оставляла повреждений или каких-то иных следов.

— Мягкая форма макулы? — высказал предположение Такео.

— Чтобы не морозить растительность?

— Вполне возможно.

— Никакое это не явление природы, — с вызовом бросил Кнорр. — Типичное творение разума. Кто-нибудь готов спорить?

Ему не ответили. Все были поглощены тем, как вела себя макула. В отличие от своих предшественниц, «мягкая» форма двигалась заметно медленнее, прошло не меньше пяти секунд, прежде чем она достигла подошвы холма.

Милдред резким жестом прикоснулась к своей шее и упала. Макула вползла на вершину, остановилась. Фигурка в легком скафандре расплылась.

Чуть позже наваждение начало рассеиваться. Вновь четко обозначились стволы двух молодых секвой, орешник, стебли цветущей арники, лежащая в неловкой позе Милдред. Неко-

торая зыбкость все еще сохранялась в низинках, но вершина холма уже очистилась.

Разбросав рукава, на ней лежал оранжевый скафандр. Мгновение, вопреки очевидному, еще казалось, что Милдред находится в нем, но казалось всего мгновение. На крупном плане отчетливо различался шлем с открытым забралом. Технических достижений земной цивилизации вполне хватило, чтобы убедиться в том, что он пуст. На это — хватило.

Милдред смогла определить место и время появления макулы. А вот перехитрить не сумела. И Маша уже догадывалась, в чем произошла ошибка. Обмануло то, что до этого случая макулы имели стандартное обличье черного сгустка неведомо чего, реагирующего только на активно работающий мозг. Так выглядели макулы, поглотившие двух астронавтов «Альбасете», Джун Кейси, шнелльбот Нолана, такой описывало макулу Феликситура сообщение ОКС. К этому привыкли. В подсознании поселилось убеждение, что такими макулы будут и впредь. Одной из жертв этого заблуждения оказалась и Милдред.

При всей своей проницательности она была избыточно эмоциональна. И на эксперимент решилась под влиянием порыва, сразу после ночи любви, без холодного анализа всех возможных вариантов. В результате не учла простой вещи: то, что было эффективно против макул вчера, может оказаться бесполезным сегодня. Со своей стороны, Маша тоже была обязана понять это раньше. Понять и устоять против мощного, хорошо организованного давления Милдред.

Кроме всего прочего, вместе с Милдред «Вихрь» лишился своего второго и последнего интравизора. Случайно ли? Макула наглядно продемонстрировала способность к метаморфозам. Очевидно, она могла меняться как внешне, так и содержательно. Сам факт неудачи Милдред говорил об этом. Он, этот факт, стоил многого, но не стоил Милдред. Можно было считать, что в небывалом поединке с макулами люди не столько потерпели поражение, сколько одержали новую победу, узнав новое о враге. Но радости эта победа дать не могла. Тактика человеческих жертвоприношений никогда не

доставляет радости, каких бы результатов ни приносила. Тут Кнорр прав.

Все молчали. И молчание продолжалось до тех пор, пока в зале управления не появился голубоглазый абориген Кампанеллы.

Сделав несколько шагов от входа, он остановился. Над видеарием все еще висело объемное изображение скафандра Милдред.

— Там была она? — глухо спросил кампанеллянин.

Маша подошла к нему и взяла за руку.

— Как вы себя чувствуете, Саймон?

Абориген недовольно высвободился.

— Не прикасайтесь ко мне.

— Хорошо. Вы в порядке?

— В порядке. Там была она?

Требуя ответа, он яростно вперился в нее своими глазищами. Маша без слов опустила голову.

— Зачем она это сделала?

— Хотела проверить то, что вы ей рассказали.

Саймон растерянно оглянулся. Видимо, только в этот момент он понял, что на него смотрит множество людей. После нескольких лет полного одиночества это должно было быть сильным потрясением.

— Я рассказал все! — крикнул Саймон. — Не смотрите на меня так! Вы, сытые, разве вы знаете...

— Почему же не получилось? — прервала его Маша.

— Почему? Почему, почему... Ей не хватило моего отчаяния, вот почему. У нее не было такой безысходности. Полной, тупиковой, беспроглядной. Она не видела, как макула заглатывает ребенка. А ножки дергаются в воздухе... В красных таких сандаликах... Понятно? У вас лучший крейсер Земли, да? Отвечайте!

— Что отвечать?

— Где вы были со своим крейсером раньше? Видели бы вы, что у нас творилось!

— Мы спешили, — мягко сказала Маша. — Мы здесь. И мы себя не жалеем.

— Не жалеете? Это смотря кто. Почему вы послали ее? У вас что, мужчин не нашлось?!

Истерика бывает заразительной. Особенно для людей легко возбудимых.

— Все вы здесь — фанатики! — вдруг выкрикнул Кнорр.

Покинув свое место, он побежал к выходу. Его срыв подействовал на кампанеллянина неожиданным образом. Саймон вроде бы успокоился, с большим удивлением посмотрел вслед Кнорру, а затем перевел взгляд на Машу. Маша усмехнулась.

— Вы полагаете, мы всегда себя так ведем?

Саймон встрепенулся.

— Что? Нет. Милдред... Но этот... он противнее тараканов. Ни за что не стану его есть!

Прозвучал гонг экстренного сообщения.

— В районе космопорта Дедал обнаружена макула, жесткая форма, — доложил Гильгамеш. — Там сейчас находятся Ио Цесселин и Франческа Гальярди.

Милдред ошибалась не во всем. Ее пророчество о том, что всего будет много, начинало сбываться.

Маша оперлась о ближайшее кресло.

— Тревога, — упавшим голосом, почти шепотом, сказала она. — Объявляю боевую тревогу.

Мбойе резко нагнулся к своему пульту. На тяжелом крейсере «Звездный Вихрь» в очередной раз послышался вой сирен.

Изредка любой человек способен предчувствовать судьбу, даже если он совсем не обладает способностями интравизора. Такое случается при серьезной угрозе. Такое случилось с Ио, как только поступило сообщение с крейсера. Сразу мелькнула пронзительная мысль, что на этот раз не уйти.

Предупреждение о макуле она приняла на втором этаже астровокзала.

Не рассуждая, сразу бросилась к выходу на широкую террасу, опоясывающую здание, рассчитывая спуститься в парк, где остались флигеры. Но, оказавшись на террасе, поняла, что опоздала. И всех дел-то было — сбежать по одной из лестниц,

прыгнуть в кабину да нажать педаль. Увы, под развесистым платаном, как раз между флигерами, уже расположилась самая настоящая макула. И не просто расположилась, а успела поработать над охранным роботом. «Скорпион» бестолково бродил вокруг заросшей сорной травой клумбы.

По галечной дорожке прочь от него во всю прыть бежала Франческа. Прыгая через ступени, она взлетела по лестнице первого этажа и скрылась под козырьком входа.

Макула не торопилась. Она была большущей. Подобравшись к флигерам, вовсе остановилась, словно раздумывая. Потом двинулась дальше, к зданию, но тоже не слишком быстро.

— Мы отрезаны от флигеров, Александер.

— Понял, — дрогнувшим голосом отозвался Мбойе. — Высылаю шнелльбот. Выигрывайте время, удирайте!

— Ох, попытаемся, конечно...

Ио вбежала в астровокзал, по неподвижному эскалатору скатилась на первый этаж. Тяжело дыша, Франческа стояла у стойки администратора и с ужасом наблюдала, как за стеклянной стеной вверх по парадной лестнице текла черная масса.

— Чего ждем? — осведомилась Ио. — Билеты здесь не продают.

— Думаешь, от нее можно убежать?

— Думаю, что стоит попробовать.

— Ах, как это верно!

— Тогда давай пробовать.

Спотыкаясь о чемоданы, разбросанные еще пять лет назад, они бросились в служебные помещения.

Большинство дверей было открыто и даже распахнуто настежь, с этим проблем не возникало. Но вот астровокзал с его квадратными километрами площади быстро пересечь невозможно. В одном из коридоров Франческа обессиленно привалилась к стене.

— Все. Не могу. Спортом надо было заниматься.

— Здравая мысль, — сказала Ио, прислушиваясь.

— Отстала? — с надеждой спросила Франческа.

— Да. Но вряд ли потеряла. Давай двигаться.

— Не могу.

— Попробуем шагом.

— Шагом... еще можно. Ты знаешь, мой робот поврежден.

— Я видела.

— А твой где?

— Сейчас узнаем. «Скаут-18», отзовись.

— Восемнадцатый на связи.

— Где находишься?

— На летном поле. Район компрессорной станции.

— Жди нас у служебного выхода в районе автостоянки.

— Понял, у выхода.

— Ну, это — кое-что! — повеселела Франческа.

Собравшись с силами, они рванули дальше. Бежать оставалось не так уж и много. Через пару минут они были на поле космодрома. Робот уже ждал. Хищно присев на задние лапы, «Скаут-18» держал излучатель в боевом положении.

— Стоп, не стрелять! — крикнула Ио. — Ко мне!

Робот быстро и точно выполнил команду.

— Франческа, залезай ему на спину.

«Скорпион» присел, подставив клешню в качестве ступени.

— Сейчас... секунду, — задыхаясь, пробормотала Франческа.

Несколько окон первого этажа наливались тьмой.

— Нет у нас этой секунды!

— Ой, — сказала Франческа. И мгновенно вскарабкалась на робота. Ио последовала за ней.

— Ну, убегай, старина.

— Куда, какой курс? — спросил робот.

— Курс — на подальше от макулы.

— Восемнадцатый, миленький...

— Понял.

«Скаут» повернулся и зашагал прочь от астровокзала.

— Быстрее!

— А вы не упадете?

— Вот уж нет!

Робот перешел на бег.

— Макула, макула! — завопила Франческа.

Тьма выползала сразу через три отверстия — дверь и выдавленные окна. Все три потока, попав на покрытие поля,

вновь сливались в единое тело. По нему пробегали волнообразные движения, обычно совершаемые собакой, выбравшейся из воды и отряхивающей шерсть. Макула была еще очень близко.

— Ну, сейчас кинется, — с ужасом сказала Франческа.

Ио посмотрела вверх, но «Гепард» пока не появился. К счастью, «скорпион» бежал резво. Впереди показались скрюченные мачты стартовой позиции номер один, силуэты роботов, запомнившиеся еще со времени первого разведывательного полета автоматического флигера.

— Восемнадцатый, быстрее!

Робот прибавил ходу. Обе женщины с трудом удерживались на узкой подпрыгивающей спине «скорпиона». Они миновали развалины первого «Годдарда», выиграли еще сотню метров, и тут «Скаут» вдруг сбился с шага, потерял темп. Потом он захромал и вообще остановился, беспомощно перебирая лапами. Его глаза-фотоэлементы потускнели, панцирь сделался страшно холодным и быстро оделся инеем. В корпусе образовались трещины, из которых посыпались кристаллы льда.

Франческа отдернула побелевшие руки.

— Макула, макула его достала! Прыгаем, Ио!

— Эх, — пожалела Ио. — Мало прокатились.

Они успели отбежать полсотни метров, когда робот зашевелился и неуверенно двинулся по кругу. Хвост поднялся. Из боевого лазера вырвался луч. Чиркнув по фасаду вокзала, он разрезал забор автостоянки, за которым прогремел взрыв, скакнул вверх, вновь опустился, скосил прожекторную мачту. Секунду она еще стояла, затем с грохотом повалилась на крышу ангара.

— Ложись! — крикнула Ио.

Обе упали на бетон, с ужасом глядя на лазер. Луч поворачивался вместе с роботом, оставляя на постройках космопорта полосу огня. Скорпион прихрамывал, поэтому огненная линия то опускалась на поле, разрисовывая покрытие оплавленным следом, то уходила в небо. В отдалении взорвался резервуар с каким-то газом.

— Кошмар, — простонала Франческа, — сейчас он нас прикончит!

— Голову пригни! Чего ты ее выставляешь?!

— Чтобы лучше видеть.

— Нашла время...

— Ой, смотри!

Франческа успела заметить фиолетовую молнию, сверкнувшую со стороны вокзала. Раздался резкий хлопок. Хвост «Скаута-18» рассыпался, с робота потекли струйки расплавленного металла. Безумная машина опустилась на бетон, ноги ее разъехались, и она замерла окончательно.

— Кто это сделал? — поразилась Ио.

— Макула.

— Вот те раз! Она нас спасла. Зачем?

— Не знаю. Может быть, чтобы съесть. Хватит валяться, бежим!

— Куда?

— Вон к тому «Годдарду».

— Неужели он еще может взлететь?

— Если не сможет — нам конец. Яцек явно не успевает.

— Что ж, попробуем ухватиться за эту соломинку.

Стартовый стол находился в нескольких сотнях шагов. Они пробежали это расстояние на едином дыхании, взлетели по решетчатым ступеням, и тут силы иссякли. Обхватив посадочную опору, задыхаясь, обе смотрели в сторону астровокзала, от которого ползла макула. До нее оставалось не более полукилометра, но ни Франческа, ни Ио не были в состоянии что-либо предпринять.

— Играет... как кошка... с мышатами, — пробормотала Франческа. — У-у, ненавижу!

— Плюну в рожу, — решила Ио. — Или что там у нее.

— Лучше ищи чеку.

— Какую чеку?

— Аварийного открытия люка. Должна быть с твоей стороны.

— А... сейчас.

Пошатываясь, Ио обеими руками ощупала опору.

— Есть! — радостно крикнула она.

Разматываясь, сверху свалилась узкая лестница из гибких канатиков.

— Работает, древняя механика...

— А вот не сцапает нас макула! — крикнула Франческа. — Фигушки!

Подпрыгнув, она ухватилась за перекладины и с неожиданной энергией принялась карабкаться вверх, к черневшему проему люка.

— Заканчивай размышления! — крикнула она оттуда.

— У тебя открылось второе дых-дыхание?

Франческа расхохоталась.

— А будет забавно, если мы натянем нос этой кляксе! А мы натянем, вот увидишь. Когда-то у меня была тройка по вождению «Годдардов», но я все помню. Особенно сексуальные вкусы инструктора.

— Это... обнадеживает.

Перебирая вялыми конечностями, Ио поднялась в шлюзовую камеру и нажала кнопку закрытия люка. Когда она добралась в рулевую рубку, Франческа уже одну за другой нажимала кнопки пульта и что-то даже напевала.

— Считай, что ноги мы унесли, подружка! И все, что выше.

Ио не разделяла ее внезапного оптимизма. Она была уверена, что макула имела возможность их догнать, и не одну, но почему-то не догоняла. Время, когда такие вещи можно было списывать на случайность, давно миновало. Тут крылся расчет.

Франческа увлеченно продолжала колдовать над пультом, по которому пробегали огоньки готовности.

— Прелесть, прелесть, — бормотала она. — Горючего мало, но нам хватит. Не в соседнюю же галактику лететь! Так, софус доверия не вызывает. Ничего, обойдемся. После шнелльбота — это велосипед!

Вспыхнули экраны кругового обзора. Макула находилась в трехстах метрах от стартовой позиции.

— Почему она так медлит? — не могла понять Ио.

— Не знаю. Какая разница? Пристегнись, сейчас взлетим.

В тот момент, когда между ними и макулой взметнулись султаны разрывов, подоспевший Барановский открыл заградительный огонь из пушек. Но скорость «Гепарда» была слишком большой, и он промчался дальше.

— Франни, я поняла, — сказала Ио.

— Что?

— Мы с тобой — приманка.

— Приманка? О чем ты? Внимание, запускаю двигатели. Пристегнись же наконец!

— Сейчас.

Ио подключилась к бортовым системам связи.

— Алло, Яцек! Ты меня слышишь?

Сквозь помехи прорвался голос Барановского.

— Слышу, слышу, Иочка. Сейчас развернусь и мы вас прикроем.

— Ни в коем случае! Немедленно уходи к «Орешцу»!

— Не понял. Повтори, я не понял.

— Сейчас же уходи к базе «Орешец»!

Связь прервалась, все потонуло в треске и вое. «Годдард» гудел, трясся, стонал. Из-под него повалил дым, вырвались языки пламени. Прошло не меньше трех секунд, прежде чем ракета оторвалась от стола и лениво начала набирать высоту.

— Уф! — обрадовалась Франческа. — Кажется, мы не взорвались.

— Мы-то — да...

— Ты о чем? Мы спаслись, Иочка!

— Взгляни на правый экран.

Франческа оторвалась от своих приборов.

Они уже успели набрать некоторую высоту, откуда просматривалось поле космодрома. Метрах в восьмистах от них протянулся дымный след шнелльбота. А под ним, вытянутые в нитку, прямо из покрытия вспухали растущие черные шары. Макулы, видимо, находились на разных стадиях развития, поэтому отличались величиной и подвижностью. Самым пугающим было то, что ближайшие отрывались от поверхности. Они всплывали, словно пузыри в аквариуме, одна за другой. Макулы умели летать — вот что было самым пугающим.

Дневник командира звездолета

30 сентября

Это — последняя запись. Дневник и всю информацию, которую удалось добыть, помещаем в спасательную капсулу, которую отправим за пределы системы Эпсилона. Радиомаяк позволит найти ее тем, кто придет после нас, им не придется начинать все с нуля.

Только что исчезли с экранов радара шнелльбот Барановского и планетолет «Годдард», в котором пытались спастись Ио и Франческа. Нависла угроза над базой. Посылать туда Бертрана бесполезно. У нас остается последнее средство: вступить в схватку с самим «Вихрем». Разумеется, никакой уверенности в победе нет, но мы проведем этот завершающий эксперимент, чем бы он ни завершился. Поэтому должны поделиться не только фактами, но и своими предположениями.

Так уж сложилось исторически, что разум мы привыкли отождествлять с жизнью. События на Кампанелле заставляют взглянуть на проблему под иным углом. Все началось с предположения Рональда о том, что мы имеем дело с некоей автоматической системой. Действительно, изучение макул не привело к выявлению свойств, присущих биологическим объектам. Но при всей мимолетности наблюдений явственна как способность макул к целенаправленной деятельности, так и способность приспосабливаться к меняющимся условиям в ходе выполнения задачи, — несомненные признаки разума. Если это автоматическая система, остается поражаться заложенным в нее возможностям. Реджинальд, склонный к аналогиям из мира искусства, вспомнил о мертвой, но функционирующей голове, образе, придуманном одним старорусским поэтом. Что-то в этом есть. Прощайте! Командор САЯН.

ДАЛЬНЯЯ КОСМИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ. ЛАЙНЕР ГАМАМЕЛИС — ТК ЗВЕЗДНЫЙ ВИХРЬ.

Приступил жесткому торможению. Прибуду через 3 геомесяца. Десантные группы сформированы.

КАРАДЖИЧ.

10. ТРАНСЦЕНДЕНТНЫЙ КАНАЛ

Настало время, когда в прежде густонаселенной базе «Орешец» остались только двое ветеранов из прежней Рональдовой команды. Словно почуяв, что при дальнейшем промедлении можно остаться без добычи, появились макулы.

Первая из них материализовалась в тот момент, когда Игнац принимал дежурство у Хосе, минут через пять после отлета шнелльбота. Она ткнулась в силовое поле и остановилась, явно озадаченная.

— Что, силенок не хватает? — сочувственно спросил Игнац.

Но тут приползла вторая, потом еще одна. Вместе они так ткнулись, что от вибрации купола вокруг базы загудел воздух.

— Это уже не шутки, — нахмурился Хосе. — Вызываю Мбойе.

— Вижу, — откликнулся Александер. — Потерпите немного, высылаю Бертрана.

— Барановский ближе.

— Яцек пока занят. За Ио с Франческой гонится еще одна макула.

— Вторая?

— Да. Первая отрезала их от флигеров. А вторая...

— Что — вторая?

— Вторая умеет летать.

Игнац и Хосе переглянулись. Хосе пробарабанил пальцами по окну. Сквозь него было видно, что на границе энергетического барьера разрастается чернота.

— Такого еще не бывало.

— Поэтому быть не может?

— Не утверждаю.

Макулы уплощались, растягиваясь вдоль барьера, часть подлезала снизу, отчего «пол» силового поля деформировался и приподнимался.

— Удивительно, — сказал Хосе, — неужели поле представляет для них серьезное препятствие?

— Не вижу другого объяснения.

— А я вижу, — сказал Игнац. — Что, если они притворяются?

— Зачем?

— Боюсь, что скоро узнаем.

Хосе нажал кнопку вызова. Вместо Мбойе откликнулась Маша.

— Не пора ли нам покинуть базу? — спросил Хосе. — У нас есть спасательная ракета.

Маша отрицательно качнула головой.

— Ио и Франческа успели взлететь на одном из уцелевших «Годдардов». Сейчас они имеют скорость четыре километра в секунду, но макулы не отстают. Это значит, что на ракете вы не убежите, а защита базы пока эффективна.

— Что же делать?

— Ждать.

— Бертрана?

— Нет. При том количестве макул, что вас окружает, возможностей дестроера не хватит. Ждите нас всех.

— Не понял.

— Мы только что сбросили аннигиляционное топливо внешней подвески, — спокойно пояснила Маша. — «Вихрь» снижается.

— Вы войдете в атмосферу?!

— Только в верхние слои. Будем цеплять вас энергетическим ковшом.

— Маша, отмените маневр! — вдруг вмешался Игнац. — Похоже, именно этого макулы и добиваются! Используется принцип наживки. И самая крупная рыба — это «Вихрь»!

Маша еще раз качнула головой.

— Выбора нет. Мы не можем вас бросить. Кроме того, рано или поздно, но решительная схватка неизбежна. А пока... Соберите половинки базы воедино. Это позволит уменьшить поверхность защитного поля. А плотность увеличится.

— Понял, — сказал Хосе. — Выполняю.

Обе полусферы базы пришли в движение. Обратившись срезанными поверхностями друг к другу, они слились в единый

шар. База перекатилась так, что помещения обитаемого модуля заняли вертикальное положение. Все четыре гантелеобразных концентратора поля подтянулись к его бокам. Поле сгустилось до максимума, что вызвало некоторое замешательство среди макул.

— Может, и пронесет, — неуверенно сказал Игнац.

Хосе с сомнением пожал плечами. Из грунта выпячивались все новые макулы.

— Растут как грибы...

Черная пелена над «Орешцем» сомкнулась. Но мощь всех реакторов корабля уже потекла в щупальца силовых полей. Гильгамеш вылепил из них полую трубу, которой упорно продавливал слой макул. Через несколько секунд звенящей тишины, царящей на борту, спасительная рука крейсера соприкоснулась с энергетическим куполом станции. Внизу сверкнули молнии.

— Есть контакт! Единое поле сформировано.

— Приступить к подъему!

— Есть приступить к подъему.

Тело крейсера ощутимо дрогнуло. Изрыгая струи раскаленной плазмы, «Вихрь» медленно пошел вверх, подтягивая за собой силовой канал. Там, где он соединялся с полем базы, разлетались клочья тьмы. Далеко внизу в просвете трубы обозначился черный шарик.

— Перегрузки нормальные, — донесся голос Игнаца. — Но кругом творится что-то несуразное. Видите?

— Видим.

Несуразное заключалось в том, что макулы сдаваться не собирались. Напротив, они плотно облепили контур энергетической капсулы «Орешца», повиснув на ней невесть откуда взявшейся тяжестью.

База поднималась трудно, дергаясь и раскачиваясь. Вскоре обозначилось ее отставание.

— Плотность полей падает, — доложил Гильгамеш. — Канал растягивается! Какие будут указания?

— Можно переложить часть нагрузки на дюзы? — быстро спросил Мбойе. — Если мы снизимся, канал сократится, а плотность стенок возрастет.

— Резервы есть. Но риск кораблю возрастет, — ответил софус.

— Снижайся, — приказала Маша.

— На сколько?

— На столько, на сколько позволяет запас мощности. Ну... и резерв на всякий случай оставь.

— Сколько?

— Десять процентов.

— Принято к исполнению.

Рев дюз приглох. Перегрузки на миг сменились невесомостью, и тела людей всплыли, но тут же были схвачены ремнями безопасности.

— Плотность полей восстановлена. Мы потеряли полтора километра высоты. Подъем возобновляю.

Двигатели взревели на полной тяге. Секунду «Вихрь» завис в неустойчивом равновесии, затем тяжело выкарабкался из мертвой точки. И пошел, пошел, набирая ход. Несмотря на перегрузки, в зале послышались торжествующие крики. Увы, радость оказалась явно преждевременной. На площади вокруг «Орешца», одолевшего только первые сотни метров подъема, вспухли многочисленные черные бугры. Сливаясь, макулы устремились к месту схватки. Через считанные секунды плотность в канале упала сразу на порядок. Маша почувствовала немой вопрос экипажа. Было совершенно ясно, что эту нагрузку «Вихрь», имеющий огромную собственную массу, уже не потянет. Пришло время кардинального решения, и малейшее промедление могло дорого стоить. Решение же могло быть только одним. И Маша его приняла.

— Внимание! Старший офицер, разрешаю применить ударное оружие. Стрелять ювелирно. Помните, кто находится внизу.

В последнем предупреждении надобность отсутствовала, поскольку прицелы контролировал софус. На минимально допустимом расстоянии вокруг базы, точно, будто обведенные гигантским циркулем, взметнулись султаны мощных взрывов. Пространство вокруг канала скрылось в тучах пыли и дыма.

— Здорово бабахнули, — сообщил Игнац. — Голова гудит.

— Как вы там?

— Экскурсия по преисподней.

— Нагрузка на канал уменьшилась в три раза. В четыре. В семь раз, — доложил Гильгамеш. — Но там творится что-то странное.

— Покажи.

— Включаю четвертый вспомогательный. Комбинированная радарно-инфракрасная панорама. Цвета приближены к естественным.

На экране вокруг зоны поражения растекалась черная пленка макул. Они отступили от «Орешца» и покрыли сплошным слоем область примерно в тридцать квадратных километров. По поверхности этого слоя закручивались вихреобразные волны. Добегая до периметра огромного пятна, они тормозились, застывали, потом начинали громоздиться друг на друга. При этом края черного озера быстро поднимались. За его пределами из грунта прорезались все новые и новые черные точки.

— Подкрепления прибывают, — проворчал Мбойе. — Что делать?

— База поднимается?

— Да. Но... медленнее, чем края пятна. Они растут со скоростью восемьсот... нет, уже девятьсот метров в секунду. Такое впечатление, что макулы на время оставили «Орешец», чтобы...

— Чтобы заняться нами?

— Вот именно.

— Что ж, этого следовало ожидать.

Очертания пятна быстро менялись. Кромка черного поля становилась все более размытой. В трех местах из нее росли суживающиеся лепестки тьмы, вершины которых стремительно летели вверх.

— Похоже, что только сейчас началась настоящая охота, — сказал Мбойе.

— Бросайте базу! — крикнул Кнорр. — Мы не в состоянии их спасти!

Маша упрямо качнула головой.

— Прошу соблюдать тишину.

С полным напряжением сил крейсер уползал от Кампанеллы, медленно подтягивая к себе шарик «Орешца». Но даже на глаз, без всякой измерительной техники, было видно, что черные смерчи настигают.

— Гильгамеш, попробуй их сбить.

Полыхнули боевые лазеры «Вихря».

— Эффекта нет, — доложил софус.

Действительно, стремительный рост языков тьмы ничуть не затормозился. Более того, их вершины продолжали набирать ускорение.

— Послушайте, — сказал Генрих. — Не может ли быть так, что макулы поедают энергию, которой мы стремимся уничтожить эту черноту? После каждого удара их становится все больше.

— Да кто же знает, — ответила Маша.

— Стоит ли тогда стрелять?

— А что делать?

— Не знаю.

— Понятно. Гильгамеш, используй весь арсенал.

— Выполняю. Ракеты вышли из хранилищ. Дейтериевые боеголовки активированы.

— Залп!

— Есть залп.

На экранах радиолокаторов слежения шесть блестящих точек веерообразно рассыпались в стороны. Гильгамеш не поскупился, отправив по паре зарядов на каждую цель.

Мбойе срочно связался с «Орешцем»:

— Братцы, мы дали залп.

— Это очень утешает.

— Держитесь зубами за воздух!

Прошли томительные секунды. Если бы ракеты не сработали, наверное, никто бы особо не удивился. Но они сработали.

Ослепительный свет опоясал горизонт.

— Одна, две, три, четыре, пять... — считал Мбойе. — Есть детонация пяти боеголовок!

Сияние становилось невыносимым. Гильгамеш затемнил экраны, но адский пламень пробивался даже через двойные

звездные фильтры. Взрывы всколыхнули огромные воздушные массы. Вскоре ударные волны наткнулись на силовое поле корабля, заставив его упруго вогнуться, а затем распрямиться. Страшный грохот потряс крейсер. Его швырнуло в сторону и вверх.

Некоторое время никто ничего не видел и не слышал. Затем на экранах появились первые смутные пятна. Еще через минуту контуры сделались узнаваемыми.

Термоядерный удар произвел эффект, но эффект своеобразный. Макулы не исчезли, но размазались тонкой пленкой, покрывшей огромную площадь. Все три тянувшихся вверх языка оказались срезанными под корень, на их месте росли и ширились чудовищные грибы дыма, пепла, пыли.

— ...надцать тысяч рентген. Проникшая доза — шестьдесят. Неполадки в сетях устраняются. Конфигурация полей восстановлена. Прогиб демпферов...

— «Орешец», «Орешец», как он, не потерян?

— Кратковременный разрыв канала ликвидирован. База начала было падать, но ее удалось подхватить. Наверстываем высоту.

— Экипаж?

— Контужены. Начинают приходить в себя, — сообщил софус.

И с электронным спокойствием присовокупил:

— Мелочи.

— Не стоит давать оценки тому, что сам не ощущаешь, — проворчал Кнорр.

— Замечание принято.

«Вихрь» поднялся в стратосферу. Оставалось совсем немного времени до выхода на низкую орбиту.

— Экстренное сообщение! Шестая ракета возвращается.

— Не понял, — сказал Мбойе. — Какая еще ракета?

— Та, что не взорвалась. На ней сработали программы отмены удара и отзыва на борт. Причина непонятна. Какие будут распоряжения?

— Расстояние?

— Девяносто восемь километров.

— Только не вздумайте ее принимать! — завопил Кнорр

— Не вздумаем. Гильгамеш, расстрелять лазерами.

— Первое разумное решение за весь полет! Поздравляю.

— Можно мне? — подала голос Луиза.

Мбойе мотнул головой:

— Некогда. Гильгамеш, залп!

Мятежная ракета взорвалась. Еще один термоядерный гриб украсил многострадальную Кампанеллу.

— Да с кем же мы сражаемся, черт возьми?! — воскликнул старший офицер.

— Очень может быть, что со своим страхом, — сказала Маша.

Мбойе попытался осмыслить ее реплику, но обстоятельства не позволили. Внизу происходили новые изменения. Черная пелена там растеклась в пятно радиусом в добрые триста километров. Края его упрямо выгибались вверх, быстро образуя нечто вроде огромной чаши.

И тут наступила кульминация. Внезапно время как бы остановилось, а когда его течение было возобновлено, оказалось, что края чаши достигли орбитальной высоты и уже нависали над «Вихрем». Круг свободного пространства вверху быстро сокращался. Не дожидаясь команды, софус включил полную тягу. Страшные перегрузки припечатали экипаж к креслам. Многие, в том числе и Маша, потеряли сознание. В этой обстановке мало кто успел заметить, что энергетический трос оборвался.

«Орешец» падал. Способа спасти его уже не было, поскольку все ресурсы корабля поглощала борьба за собственное выживание. Только непосредственная угроза давала Гильгамешу право принимать решения без одобрения людей, особенно решения драматические. И только при отсутствии времени на консультации. По-видимому, оба условия имелись, иначе софус не смог бы сделать то, что сделал.

Мбойе попытался сжать кулаки, но не смог. Серая пелена застилала глаза, свинцовая тяжесть заполнила тело. Он понимал, что «Орешец» не разобьется. В нужный момент сработают посадочные патроны. Но после этого Игнац и Хосе окажутся в полной власти макул. Старший офицер никак не мог

примириться с бессилием вверенного ему крейсера. И никак не мог поверить в то, что все они потерпели поражение.

Те, кто создавал и программировал макулы, были уверены, что прилетевшие на помощь Кампанелле люди рано или поздно на планету высадятся, а оставшиеся на корабле ни за что не захотят бросить тех, кто высадился. Те, кто управлял макулами, не ошиблись. Они хорошо поняли объект охоты. Ловушка на гуманизм сработала.

«Вихрь» продолжал борьбу. Но силы его иссякали. Остатки энергии теперь затрачивались только на питание кокона силовых полей. Находившийся в пункте технического управления кораблем инженер Мерконци контролировал этот последний рубеж обороны. Для верности он подключился к сенсорным датчикам.

После провала в зев макулы ощущения появились необычайные. Сначала как будто все тело покрылось то ли медицинскими банками, то ли пиявками. Это означало отток давления вокруг полей, окутавших корабль. Но каков отток! Нормальный забортный вакуум Джанкарло не ощущал, так уж была настроена аппаратура. Нулевая точка. Между тем кожу словно растаскивало по сторонам. Что это могло значить? Техника подвела? Либо там, в том, что окружало «Вихрь», вакуум стал вакуумее вакуума? Если это так, то куда утекло пространство? И ведь можно было предполагать, что они находились внутри немалой планеты!

Джанкарло на миг увидел безумные глаза помощника, усмехнулся, пожал плечами.

— Бред, бред, бред... — бормотал помощник.

— А ты ожидал увидеть земляничную поляну, Сах?

— Может быть, тебе лучше отключиться? — опасливо спросил Сахнун. — Мало ли что! Будем следить по приборам.

— Вот и следи.

— А ты?

Джанкарло нетерпеливо отмахнулся. «Растаскивание» усилилось до уровня боли. Бдительный Джекил умерил силу связи нервов человека с датчиками полей. Полегчало.

— Техника вроде работает, — неуверенно сказал Сахнун. — У тебя физиономия красная.

Джанкарло кивнул.

— А у тебя — баклажановая.

— Связаться с центром?

— Ну свяжись.

— Хелло, центральный пост!

— Да? — отозвался Мбойе.

— Что у вас на экранах?

— Не знаю. Чернота исчезла. Молоко какое-то. А у вас?

— То же самое. Ты знаешь, за пределами полей давление отрицательное. Спроси Угрюмова, это возможно?

— Он головой трясет. Невозможно. Впрочем, существование канала, в который мы провалились, тоже невозможно.

Внезапно экраны заработали. По крайней мере что-то на них проявилось. Что-то вроде багрового пищевода, между стенками которого перемещался «Вихрь».

— Семьсот метров в секунду, — определил Гильгамеш.

Свечение стенок усиливалось.

— Мы приближаемся к центру планеты?

— Точно ответить в столь необычных условиях сложно. Но больше вроде некуда.

Клубок ярких молний оплел корабль, и экраны вновь ослепли. Сколько это продолжалось, определить не удалось, приборы показывали сущую нелепицу. На миг, на час, а может быть, и на год, возникли перегрузки. Они не исчезли и потом, когда пространство распахнулось, словно со всех сторон отдернули сверкающие шторы.

Кампанелла исчезла. Вокруг на фоне черного бархата остро и болезненно светило звездное море. Разговаривать было невозможно, хотя сознания тогда никто не терял. Бессильным что-либо предпринять людям осталась лишь роль наблюдателей. Гораздо более крепко скроенный и сшитый Гильгамеш пробовал как-то повлиять на движение корабля маневровыми дюзами, но либо вскоре, либо через бесконечно долгое время, он оставил эти попытки за их полной неэффективностью. Ко всему прочему, команды на включение и выключение зажигания проходили не каждый раз, с большими задержками и не одновременно. Часть проприоцепторов — стражей состояния корабля указывала на нали-

чие скручивающих деформаций корпуса. Другая часть свидетельствовала о том же самом, но с противоположным знаком. В видимом спектре за бортами ничего особого не происходило, а радары показывали, что вдоль оси полета периодически то возникали, то исчезали очертания канала, причем частота пульсаций возрастала, если было можно доверять атомным часам.

Для инициативного и физически очень сильного Мбойе вынужденная пассивность означала настоящее страдание. Однако все, что ему удавалось, так это слабо шевелиться и малоразборчиво бормотать нечто вроде «во влипли». Впрочем, создавшееся положение принесло не только отрицательные эмоции.

— Проходим систему Сириуса, — вдруг объявил Гильгамеш.

В его обычно суховатом голосе сквозило изумление, и было отчего. «Вихрь» скакнул на десятки световых лет! Возникали естественные сомнения, но они сразу рассеялись, поскольку в нескольких астрономических единицах от линии курса плавала маленькая белая звезда. Даже беглого взгляда на ее характеристики хватало, чтобы ее узнать. Это был Сириус Б, или Щенок. Из-за него выглядывал более объемный, но менее плотный Сириус А. Обе звезды смещались по экранам левого борта в сторону кормы.

— Тринадцать тысяч километров в секунду, — определил Гильгамеш. И когда только успели набрать скорость?

Довольно близко мелькнуло расплывшееся облако газа с вкраплениями металлических обломков. Обонятельные сенсоры внешней среды даже успели уловить запах — запах подгоревшего бекона.

— Останки яхты «Абракадабра», — флегматично сообщил софус.

Сэмюэл Пип прохрипел что-то неразборчивое.

— Скорость — тридцать тысяч километров в секунду, — продолжал изумляться Гильгамеш.

Самостоятельно такой скорости «Вихрь» мог достигнуть только за короткое время.

Сквозь свист и хрипы в динамики внешней связи прорвался недоумевающий женский голос:

— Сириус-диспетчер Повилайтене — неизвестному судну в секторе SBZ-1. Откуда вы взялись? Назовитесь!

Гильгамеш отправил позывные встречи, но ответа диспетчера Повилайтене дождаться было не суждено: минуту шел радиосигнал, несколько секунд Сириус-диспетчер озадаченно молчала, а потом экраны вновь заполнило молоко. А когда оно рассеялось, Гильгамеш определился уже около совсем другой звезды, вращавшейся вокруг «черной дыры».

— Поздравления экипажу. Система Геминга! Скорость — семьдесят семь тысяч километров в секунду.

Придавленный перегрузками экипаж воспринял это сообщение хладнокровно. Геминга так Геминга. Если был Сириус, отчего не быть Геминге? Гильгамеш включил тормозные двигатели, но крейсер как ни в чем не бывало продолжал наращивать скорость.

— Не трать горючее, — приказал Мбойе. — Даже скорости света совершенно недостаточно, чтобы в мгновение ока поменять систему Сириуса на систему Геминги.

Маша поняла, что он хотел сказать. «Вихрь» на какое-то время уже развивал немыслимую скорость, явно перешагнув роковой порог. Сначала — в одну сторону, затем — в противоположную, вынырнув у коллапсара. И все живы. Даже вроде бы здоровы.

После следующего прыжка «Вихрь» миновал систему еще одного коллапсара, на этот раз — Кроноса. На некотором расстоянии от «черной дыры» располагалась небольшая звезда с единственной планетой. Тем самым Феликситуром, где нашли странную серную жизнь и где впервые наблюдали макулу. Над планетой висела покинутая орбитальная станция «Гравитон-4».

Но и у Кроноса «Вихрь» задерживаться не стал. Он разогнался до двухсот пятидесяти пяти тысяч. Так быстро не летал еще ни один пилотируемый корабль Земли. А для неведомой силы, упорно толкавшей звездолет к неведомой цели, это оказалось не пределом. Цифры лага продолжали мелькать. Был побит рекорд скорости автоматических экспериментальных зондов. Давно уже должно было сказаться предсказываемое

теорией относительности и многократно подтвержденное опытами уменьшение массы тел, приближающихся к абсолютной единице, то есть к скорости света. Но этого не происходило. А перегрузки начали спадать.

— Генрих, что происходит? — спросила Маша.

Угрюмов страдальчески морщился. С усилием оторвав голову от мягкого ложа, он поочередно рассматривал свои руки, удивляясь тому, что они все такие же, как и прежде, и их не больше двух.

— Одно могу сказать, капитан: мы вроде живы. Гильгамеш, взвешивание производится пружинными датчиками?

— Пьезоэлементами. Такими же, как и на исследовательских зондах. Кроме того, учитывается весь объем упругих деформаций кресла под тяжестью тела.

— Тогда мне нечего возразить. Если приборы и врут, то делают это на редкость дружно. А на редкость дружно они могут врать только тогда, когда не врут вовсе.

«Вихрь» плавно миновал отметку в двести девяносто восемь тысяч километров за секунду, потом — в двести девяносто девять, после чего лаг отказал, поскольку никому в голову не приходило откалибровать его на значения, превышающие скорость света в вакууме. Но по видимому уменьшению оптической звезды Виктим, входящей в систему Кроноса, можно было без труда догадаться, что скорость по-прежнему растет.

— Вот мы и на том свете, — сказал Реджинальд. — Со всеми своими грехами и пороками.

Вопреки обыкновению, голос его прозвучал едва ли не печально. Спохватившись, острослов добавил:

— Одно радует: Луизке тоже досталось.

Но никто не смеялся. Настал момент, когда движение окрестных звезд уже различалось невооруженным глазом. Тригонометрические вычисления давали результат, выражающийся в миллионах километров за секунду, — скорость света была превышена в десятки раз. Мало того, «Вихрь» совершил еще один прыжок, и когда вынырнул, звезды посыпались, как снежинки, налетая спереди и исчезая позади, одновременно описывая медленные круги по отношению к оси полета. Это

было совершенно не похоже на картину звездного неба при релятивистских скоростях, хорошо известную любому образованному человеку. Это было похоже на кадры безграмотного фантастического фильма. При реальном околосветовом полете такое не наблюдается. В реальности все звезды окружающего мира собираются в слабое светящееся пятнышко прямо по курсу. А за кормой, после зоны густого фиолета, скапливается непроглядная тьма. Таковы уж законы досветового мира.

Законы, которые «Вихрь» явно обогнал и все продолжал ускоряться. Казалось, еще чуть-чуть, и раскаленные частицы космического снега не успеют уступить дорогу. Один раз огромное, косматое от протуберанцев светило, пылающее доброй сотней Солнц, пронеслось так близко, что заставило замереть и без того тяжело бьющиеся сердца. Удивительно, но его успели рассмотреть. Потом выяснилось, что относительно нормальной оставалась только кардиограмма Угрюмова.

Астрофизик успел уверовать в надежность эксперимента, проделываемого над кораблем и экипажем. Перестав волноваться за собственную судьбу, он упивался уникальностью происходящего, с увлечением следил за развитием событий.

Происходил самый очевидный прорыв к столь отдаленным горизонтам, которые из земных лабораторий попросту не различались. Прорыв к настоящей свободе перемещений. Все то, что удалось достигнуть до этого момента, воспринималось как детское, смешное топтание перед световым барьером. Так, и только так, разум достоин скользить во Вселенной — со скоростью своей собственной мысли, не обременяясь заботами о способах достижения какого угодно места. Участие в событии подобного размаха, что и говорить, захватывало. Новизна ощущений потрясала. Генрих чувствовал себя острием раскаленной иглы, легко пронзающей податливую мглу. Ничто не могло встать на его пути. Он потерял представление о бренном теле. Осталось одно сознание, замершее в немом восторге перед мощью пробудившихся сил. Ничего подобного ни ему, ни любому другому члену команды переживать не приходилось. Да и никому из землян вообще.

Обостренное восприятие мгновенно схватывало особенности проносившихся систем: светимость, спектр, плотность, массу центральной звезды, наличие планет, вектор собственного движения по отношению к галактической плоскости. И прочее, прочее, прочее. Сущность легко и послушно укладывалась в память. Укладывалась прямиком, непосредственно, минуя долгий мост вербальных знаков. Вопреки всему сумасшествию происходящего, сохранялось представление о времени. Во всяком случае, впечатления накапливались последовательно, чередуясь слой за слоем, как пронумерованные страницы старых книг. И была незыблемая уверенность в том, что все это не забудется.

Но все это оказалось увертюрой. Прошло сколько-то времени, и звездный остров, именуемый Галактикой, целиком остался позади. «Вихрь» вырвался в темную щель пустого пространства протяженностью в сотни тысяч парсек. Невероятно, но его скорость продолжала расти. На обочине оставались уже не звезды, а их сгустки. Странно покачиваясь, проплыло Большое Магелланово облако, в котором вспыхнула и воссияла Сверхновая. Затем посторонилась более спокойная галактика М-какая-то, древнее шарообразное скопление в созвездии Печи. Потом — еще, еще, еще, все быстрее.

Спиралеобразные, неправильные, сейфертовские, видимые с ребра и распластанные перпендикулярно лучу зрения, они начали сливаться в полосы, делавшиеся все шире. Ленты света закручивались. И вот границы полос перестали различаться, они обратились в мерцающий фон с отдельными уплотнениями яркости. Было похоже, что «Вихрь» врезался в массу плотного, вязкого и упругого тумана. Тут на помощь зрению пришел слух, либо нечто похожее. Как-то в обход ушей в голову проникли вибрирующий гул, треск чего-то раздираемого, а также звуки, возникающие при поглаживании мокрого воздушного шарика.

На мгновение все стихло, затем раздался жуткий рев, вопль раненого чудища. В нем сквозила тоска такой бездонности, что кожа покрывалась пупырышками. Но именно этот вопль удержал Машу, находившуюся в полуобморочном состоянии, от потери сознания. Придя в себя, она со страхом взглянула

на ряды шкал, светящиеся на экране командирского пульта, ничего в них не поняла, посмотрела вниз.

Весь амфитеатр зала погрузился в сумрак, плафоны едва мерцали. Со стенных экранов лился неровный серый свет. Там, за бортом, что-то клубилось и шевелилось. В такт этим движениям пол под ногами то проваливался, то приподнимался. Еще «Вихрь» раскачивался в стороны, словом, вел себя как древний атмосферный самолет, угодивший в болтанку.

Борясь с накатывающейся дурнотой, Маша поклялась, что если уцелеет, то никогда в жизни ни в какой космос больше — ни ногой, ни помыслом. Хватит, навоевалась! Не женское это дело.

— Средний уровень глюкозы в крови членов экипажа меньше трех миллимолей на литр, — доложил Гильгамеш. — Гипогликемия, — добавил он с непонятным удовлетворением. — Прошу разрешения ввести питательные растворы. Если в течение пяти секунд бортового времени ответа не последует, введу без разрешения.

Внизу, в амфитеатре, Мбойе вяло махнул рукой. «Вот кому бы командовать», — еще более вяло подумала Маша.

Из подлокотника выбралась прохладная змейка. Ткнувшись в локтевой сгиб, она прокусила кожу и припала к вене. Кольнуло. По руке поднялось приятное тепло и растеклось в теле. Голова прояснилась, тошнота отступила.

— Уровень глюкозы нормализован, — доложил софус. — Проведено исследование физического состояния всех членов экипажа. Грубых нарушений не отмечено. Подробности — на индивидуальных пультах.

На индивидуальном пульте Маши пульсировала трафаретка. Розовый цвет означал пограничное состояние между нормой и патологией. Маша трижды перечитала сообщение, прежде чем до нее дошел смысл.

— Гильгамеш, ты уверен? — прошептала она в плечевой микрофон.

На экране вспыхнуло категорическое «Да».

— Никому не сообщать, — быстро сказала Маша.

Экран ответил, что и не собирался. В это время из недр корабля донесся взволнованный голос Джанкарло:

— Братцы, переключайтесь на радарный обзор!

— Переключить? — спросил Гильгамеш.

— И побыстрее, — нетерпеливо сказал Мерконци.

Мбойе вопросительно обернулся Маше. С его стороны это было первое проявление слабости за весь рейс.

— Ну конечно, — удивленно сказала она. — Ты вообще... распоряжайся.

— Я плохо переношу неожиданные приключения.

С помощью радаров выяснилось, что неуправляемый крейсер летит в достаточно материальном окружении. Перед ним открылся черный канал с туманными, размытыми очертаниями стенок. В канале определялась меньше, чем пустота, но вот стенки-то вроде были, а если так, то должны были из чего-то состоять.

Диаметр этого сверхпространственного хода казался большим, в некоторых местах достигая миллионов километров, если верить показаниям лазерных дальномеров. Был он изумительно пуст — ни пылинки, ни атома, ни иона. Изгибы стен имели не слишком большие углы, но время от времени летящий с неопределяемой скоростью «Вихрь» обо что-то цеплялся, чиркал защитными полями, как спортивные сани, несущиеся в желобе бобслея. Возникающие колебания вынуждали генераторы полей работать в переменном, «рваном» режиме. При этом помещения корабля наполнялись громоподобной какофонией, а расход энергии скачкообразно увеличивался.

Генрих Угрюмов только прикрывал глаза, в которых застыло болезненное выражение. Все происходящее настолько выходило за рамки самых смелых гипотез земной физики, что он чувствовал себя беспомощным младенцем, самым бесполезным из всех членов экипажа. Плоды многовекового развития точных наук, спрессованные в сухой концентрат формул, для сложившейся ситуации значили не больше, чем каменный скребок эпохи палеолита в технологии производства металло-силиконовых пластмасс.

По всем канонам теории корабль вместе со своим содержимым давным-давно должен был рассыпаться в нечто, значительно более мелкое, чем банальная пыль. Но этого не случилось при переходе квантового барьера, продолжало не случаться в дебрях вывернутого пространства и скорее всего не случится и впредь, покуда небывалое путешествие не подойдет к своему логическому завершению. Если оно их все еще ожидало.

И если хоть какая-то логика все еще была возможна, то она могла привести только к одному выводу: Милдред правильно утверждала, что все они оказались частью эксперимента, в котором летальный исход кому-то не угоден. Звездолет явно оберегали. Кто или что? Как, с помощью каких средств? Больше всего поражало не то, что эти средства позволяли сносно существовать и даже время от времени принимать пищу, а то, что приборы внешнего наблюдения продолжали действовать как внутри небольшого анклава обычного пространства, прихваченного крейсером с собой, но и за его пределами.

Граница при этом не определялась! Между тем Генрих был убежден, что полет происходил в среде свойств более противоположных досветовому веществу, чем минус противоположен плюсу, материя — антиматерии.

— Какие энергетические затраты, Ваша Премудрость, — усмехнулся сидевший по соседству Реджинальд. — Ах, ах, ах...

— А во имя чего?

— Во имя того, чтобы мы украсили некую клумбу.

— Клумбу? При чем тут клумба?

— Ну, Рональд упоминал садовника.

— В таком случае — мы очень дорогие цветы.

Реджинальд гордо надул щеки.

— Так оно и есть.

Генрих с изумлением взглянул на второго пилота «Гепарда».

— Извини.

— За что?

— Кажется, я тебя недооценивал.

Реджинальд кивнул:

— Верно. И очень сильно. Чтобы как следует валять дурака, нужно много иметь в голове, почитай Шекспира. Ладно, прощаю. Ты этого не знал. А вот Луизка... на коленях будет просить — не помилую.

— Перерыв, — вдруг объявила Маша. — Все свободные от вахты могут покинуть рабочие места.

Пошатываясь, она побрела в свою каюту.

Человек не может бесконечно терпеть общество себе подобных. Психологи издревле относят вынужденное общение к стрессовым факторам. Общение нагружает логический аппарат необходимостью непрерывного анализа, поиска подходящего ответа, разрушения одной концепции, сотворения другой, более соответствующей обстоятельствам. А обстоятельства в каждом конкретном случае складываются по-новому, весьма прихотливо. И весьма немногие люди способны к быстрой импровизации по ходу дискуссии. Но и для них существует предел выносливости. Поиск решения — самый тяжелый род деятельности. Рано или поздно возникает потребность в переключении на другой режим активности нейронов. При этом чем больше и дольше мозг выдавал мыслительную продукцию, тем больше он нуждается в потреблении, своего рода заправке как свежей информацией, так и простыми ощущениями.

Такая потребность обостряется в обстановке сложной, непривычной, насыщенной тревогами, волнениями, острыми переживаниями. Всего этого экипажу «Вихря» хватило с избытком. Маша видела, что люди держатся из последних сил, и приняла смелое решение, исходя из собственной слабости. Что бы ни творилось за бортом, творившееся никак не зависело от физического состояния команды. Применять стимуляторы было бессмысленно и вредно для здоровья. Непонятно зачем мучиться было еще более бессмысленно.

Сама она чувствовала себя совершенно измотанной. Осталось одно-единственное желание — добраться до постели и рухнуть. Но как только она это сделала, сон куда-то пропал, глаза

открывались сами собой. Сложный рисунок панелей, загадочные тени драпировок, мягкий, приглушенный свет, привычные безделушки на магнитной доске, — все то, что раньше так хорошо убаюкивало, теперь не оказывало нужного действия. Маша выключила ночник, но зеленоватый сумрак сочился из кабинета. Там все еще светился шар забытой Кампанеллы. На миг ей почудились черты Рональда в контурах хребтов Вулканного Кольца, и она поняла, как ей не хватает ровного сонного дыхания мужа. Отбросив воздушное покрывало, она резко села в постели. И от этого страшно закружилась голова, появилась тошнота.

— Гильгамеш, — жалобно позвала она.

— Да?

— Мне плохо.

— Это естественно, — утешил софус. — Нарушение состава солей. Очень характерно.

— Какое лекарство принять?

— Никаких лекарств. Лучше съесть что-нибудь солененькое.

— Имеется?

— Конечно. Сейчас.

Из стенного шкафа с легким жужжанием выкатился столик. Маша взяла с блюда белый лист какого-то растения.

— Что это?

— Пелюска. Так называется капуста, квашенная по старинному белорусскому рецепту.

Маша понюхала. Пахло привлекательно. Она откусила. Челюсти свело от неуемной потребности.

— Еще!

— Нежелательно. Выпейте лучше крюшона. Там успокаивающие травы.

— И я усну?

— Еще как.

— Не больше, чем на четыре часа. Если время все еще идет.

— Как только оно остановится, пробуждаться будет ни к чему.

— Спасибо, развеселил, — уже сонно сказала Маша.

* * *

Вопреки всему, время шло. Картина за бортом менялась. Канал, по которому летел «Вихрь», перестал быть единственным. В нем появились разветвления, затем — боковые ходы. Постепенно их становилось больше, они переплетались, и эти переплетения были видны сквозь стенки, пропускающие свет, либо что-то его замещающее. Пространство, или, как более точно обозначил Угрюмов, «среда пребывания», все более напоминала внутренность источенного исполинскими червями пня.

Неведомая сила уверенно направляла бег корабля во все новые отверстия, проходы, щели. Начали попадаться большие объемы пустоты, своеобразные пещеры «того света». Из каждой во все стороны разбегалось бессчетное количество каналов.

— Гильгамеш, ты мог бы найти обратную дорогу в этом лабиринте? — спросила Маша.

— Пока — да. Если конфигурация не будет меняться.

— А она будет меняться, — мрачно сообщил Кнорр.

— Поживем — увидим, — заметил софус.

— Оптимист! Чтобы то и другое, да еще сразу.

Очередной ход вывел корабль в воронкообразное расширение, постепенно перешедшее в огромную каверну. Неровные стены, покрытые натеками, нишами, устьями боковых каналов отступили. От этого начало казаться, что скорость полета упала. «Вихрь» вплыл в неописуемых размеров пузырь пустоты. Окружающее его ничто делалось все объемнее, протяженнее, оттесняя облакообразные массы с каналами на задний план. Вскоре их вполне можно было принять за поверхность планеты с мощной атмосферной оболочкой. Правда, планеты уж очень большой.

Кроме размеров существовало и другое различие. Во многих местах «облака» образовывали конусообразные выпячивания, вершины которых терялись далеко впереди. Казалось, корабль поднимается над горной страной. Появилось ощущение «верха» и «низа».

— Ох! — сказала Шанталь. — А теперь-то куда?!

— Потерпи, — отозвался Генрих. — Рано или поздно, но узнаем.

— Ты начал что-нибудь понимать?

— Боюсь назвать это пониманием.

— А долго терпеть?

— Думаю, не очень.

Он был прав. Вершины облачных гор одна за другой оказывались внизу, то есть за кормой. По мере их отдаления все шире распахивалось неведомое. Сходство покидаемой поверхности с обликом некоей сверхпланеты усиливалось тем, что где-то в предельных далях обозначились все более заметные закругления — справа, слева, впереди, позади, — некая аналогия горизонта.

А сверху, то есть прямо по курсу, надвигалось что-то очень похожее на то, что оставалось за кормой: огромный туманный шар с размытыми очертаниями. Края его, постепенно выплывая из дымки, растекались все шире и шире.

— Боюсь назвать это пониманием, — прошептала Шанталь, — но, кажется, я — тоже...

Угрюмов кивнул.

— Пожелаем себе удачной посадки, — сказал Мбойе. — Смотрите, что делается впереди!

Участок надвигающейся поверхности смазался, затуманился, потом начал выпячиваться, вытягиваться, одновременно истончаясь, образуя подобие щупальца. Где-то у основания оно оторвалось. Грандиозная капля встречного мира пересекла разделительную щель и обрушилась на мир, покидаемый «Вихрем». Вокруг места падения взметнулись волны. Кольцами, как на поверхности обыкновенного пруда, они разбежались в стороны. Были отчетливо видны дрожь и колебания ближних пиков, два или три из них обрушились. А один начал расти, быстро сравниваясь по высоте с кораблем.

— Как жаль, что все это мы никогда не сообщим на Землю, — сказал Генрих.

— Почему ты так думаешь?

— Пространственное расположение каналов действительно меняется. Мы не сможем найти обратную дорогу.

— Пф! — усмехнулся Кнорр. — О чем речь? Где мы возьмем чудовищную энергию для возвращения?

Все замолчали, поглощенные наблюдениями. Растущий снизу пик обогнал крейсер. Расстояние до него, по-видимому, было не слишком большим: все экраны правого борта заполнила клубящаяся белая мгла, корабль ощутимо качнуло, сначала в одну сторону, затем — в противоположную. Массы материи, протекая мимо «Вихря», ускорялись, вытягивались в неровную колонну, подпирающую неведомо какое по счету небо.

Колонна была пластичной, она колебалась, пульсировала, ее основание быстро истончалось. Истончение продолжалось до тех пор, пока не обозначилась перетяжка. Углубляясь, она перерезала молочное вещество, лопнула, заставив крейсер еще раз испуганно отшатнуться.

В месте разрыва образовались фонтаны брызг. Нижняя часть пика сначала замерла, затем медленно осела. Несколько крупных капель, повисев в задумчивости, все же последовали дальше, вперед, а значительное число мелких начали падать. Все это, безусловно, свидетельствовало о гравитационном взаимодействии двух миров. Об этом же говорило и собственное движение «Вихря». Достигнув примерно середины междумировой щели, он надолго завис, не решаясь сделать выбор.

Открылась величественная панорама. Родная Вселенная осталась за кормовыми дугами полеобразователей. Не смазанные маршевым полем, их закопченные контуры выглядели непривычно четко, выделяясь на молочно-сером фоне. Такие же отчетливые грани имел массозаборник, венчающий носовую часть корабля.

И впереди и позади просматривались многочисленные пики, черные провалы, гигантские рытвины, изгибы причудливых долин, сложное переплетение хребтов, гребней, рассеченных трещинами. На первый взгляд поверхности соседних миров были сходны, отличаясь лишь деталями, комбинациями стандартных элементов. Оба рельефа не являлись чем-то застывшим. Ландшафты жили, дышали, менялись. Но темп их изменений оказался различным, встречный мир явно превосходил динамичностью, на нем значительно чаще рушились старые и возникали новые горы.

— Так странно, — сказал Такео Инти.

Многие обернулись, желая узнать, что еще могло показаться странным, когда за пределами корабельного мирка вообще ничего обыкновенного уже и не оставалось.

— Эти оба мира... они напоминают две огромные взаимодействующие клетки. Живые клетки.

— А-а, — скептически протянул Кнорр. — Мы лишь путешествуем в теле мифического великана? И все вокруг — суть живое?

Инти пожал плечами:

— Кто может ручаться?

— Не знаю. Зато, кажется, знаю имя этого великана.

— Их много.

— О да.

В разговор вмешался софус.

— Начинаем падать, — скучным голосом сообщил Гильгамеш.

— Куда?

— Туда, вперед.

— Ничего неожиданного.

— Есть кое-что и неожиданное. Прямо по курсу определяется точечный объект. Двигается в попутном направлении, но с большей скоростью.

— «Орешец»?!

— Такая возможность не исключена.

— Связь?

— Связи нет.

— Тоже следовало ожидать, — кивнул Угрюмов.

Встречный мир приближался. Его поверхность была испещрена бесчисленными пиками, темными озерами контрастного наполнения, глубочайшими провалами. На первый взгляд картина по-прежнему весьма напоминала облик покидаемой Вселенной, но появилось еще одно различие. Оно заключалось в трудноуловимом желтоватом оттенке, льющемся с курсовых экранов, тогда как вид на кормовых экранах был выдержан в однообразном пепельном цвете.

Вырастающие в размерах детали не могли помочь в определении скорости сближения: на поверхности мира не имелось эталона сравнения, никто не позаботился оставить там масштабную линейку. Гильгамеш регулярно бросал вперед радарные лучи, но они не возвращались. То ли потому, что тонули в непонятной материи, то ли из-за большого расстояния не успевали обернуться. Такая же судьба постигала импульсы лазерных дальномеров, словно световые пучки падали в бездну.

— Быть может, перед нами ничего и нет? — высказала сомнение Шанталь. — Так, обман зрения.

— Вряд ли, — отозвался Бертран. — Нет смысла отправлять нас в пустоту.

— А смысл должен быть обязательно?

— Конечно, — уверенно кивнул Реджинальд. — Без него никак нельзя. Какой разум без смысла?

— Выживший из ума, — бросил Кнорр.

— И охота вам шутить так мрачно, сэр. Прямо мороз по коже.

— Я вовсе не шучу. Я пророчу.

— А, тогда все не так уж плохо.

— Почему?

— Ваши пророчества закономерно не сбываются.

— Послушайте, юноша...

— Внимание! — объявил Гильгамеш. — Свойства пространства меняются. Кроме того, не исключено, что мы начали тормозиться.

— Разумно, — кивнул Реджинальд.

БЛИЖНЯЯ КОСМИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ.
ЛАЙНЕР ГАМАМЕЛИС — ТК ЗВЕЗДНЫЙ ВИХРЬ.

Нахожусь в одиннадцати миллиардах километров
от Э. ЭРИДАНА. Где вы?

КАРАДЖИЧ.

БЛИЖНЯЯ КОСМИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ.
БАЗА ЭСТАБРИОН — ЛАЙНЕРУ ГАМАМЕЛИС.

Не подходите КАМПАНЕЛЛЕ. Я — это все,
что осталось от ТК ЗВЕЗДНЫЙ ВИХРЬ.

Ивонна НОЛАН.

11. «ФАНТАСК»

Ивонна рано поддалась отчаянию. От ТК «Звездный Вихрь» все же кое-что оставалось. Это кое-что не только уцелело, но и вынырнуло по другую сторону изнаночного пространства.

Люди медленно приходили в себя после пережитых потрясений. Вокруг вновь заблестели звезды, увидеть которые уже мало кто надеялся. Но они появились. Более того, никаких извивающихся труб ни справа, ни слева, ни сверху, ни снизу не наблюдалось. Вместо них за кормой осталась бело-голубая планета, исторгшая корабль. Еще в каких-нибудь ста с небольшим миллионах километров открылась красноватая звезда. Вероятно, сведений о ней не существовало даже в необъятной памяти Гильгамеша, хотя об этом еще следовало осведомиться.

Следовало вообще срочно определяться и в пространстве, и во времени, производить ревизию крейсера, начинать работы по его восстановлению. Для пополнения запасов энергии срочно требовалось снарядить танкер к планете типа Юпитера, если таковая здесь имелась. Следовало и требовалось начинать множество дел, но Маша не находила сил хотя бы для того, чтобы что-то произнести, не говоря уж о действиях. Вымотало ее трансцендентное приключение беспрецедентно. А еще больше — бесполезные попытки ему противодействовать. Давало о себе знать и ее новое, полузабытое состояние.

Как всегда, выручил жилистый Мбойе.

— Старшим специалистам подготовить доклады! Срок — пять минут. Гильгамеш, ты цел?

— Неизвестный объект в пространстве, — лаконично сообщил софус вместо ответа.

— Телескопы!

— А то бы я сам не догадался, — проворчал Гильгамеш.

— Что-то у нас с дисциплиной творится, — озабоченно заметил Кнорр.

— То ли еще будет, — пообещал Реджинальд. — Я Веселого Роджера сшил. Хочешь покажу, профессор?

Кнорр надменно отвернулся. В последнее время, продолжительность которого могла с одинаковым успехом равняться и секундам и векам, он положительно не выносил развязного мальчишку. Стараясь справиться с очередным приступом раздражительности, планетолог сосредоточился на видеарии. Судьба этому способствовала. Над долго бездействовавшей ареной засеребрился пятиметровый шар. Одного взгляда хватало, чтобы убедиться, что перед ними уже не Кампанелла, а иная, неизвестная планета. Из-за ее восточного края, скрытого облаками, выплывала блестящая точка.

Так отражать свет могла только тщательно отполированная поверхность. Через секунду, когда оптика сфокусировалась, точка превратилась в необычное тело, явно искусственного происхождения. Оно состояло из трех сравнительно тонких колец, окружающих массивное центральное тело шарообразной формы. Кольца располагались во взаимно пересекающихся плоскостях и имели диаметры приблизительно по два с четвертью километра. Механических соединений они не имели, висели сами по себе. Очевидно, удерживались полями, поскольку встроенных реактивных систем заметно не было.

— Звездолет? — спросила Маша.

— Очень может быть, — ответил Мбойе. — Или галактолет. Гильгамеш, в твоей памяти есть подобное?

— Нет. Последний регистр Ллойда, который я успел получить с Земли, не содержит даже прототипов.

— Прелестно. Только братьев по разуму нам сейчас и не хватало. Что можешь сказать по внешнему виду?

— Если это звездолет, то работа его маршевого двигателя не основана на реактивном принципе. Нет устройств для забора и выброса материи. Шарообразная форма мало подходит для размещения фотонной тяговой системы. Судя по низкому фону излучений, на борту отсутствуют существенные запасы расщепляющихся материалов.

— Да, странно. Быть может, это орбитальная станция?

— Может быть. Но обращаю внимание на то, что взаимно перпендикулярные в трех плоскостях кольца — одно из перспективных конструкторских решений для установки свертывания пространства.

— Вот как...

Подтверждая вывод Гильгамеша, неизвестный космический объект начал проявлять активность. Его кольца пришли в движение, медленно вращаясь вокруг корпуса.

— Дистанция до объекта сокращается, — доложил софус.

— А кольца-то вращаются с разной частотой, — заметил Угрюмов.

— И что это может означать? — спросила Маша.

— Кольцо, обращенное в нашу сторону, вращается быстрее. Видимо, тянет корабль вперед. Движение второго имеет противоположный вектор... подталкивает сзади. Ну а третье стабилизирует полет. Так мог бы выглядеть гипотетический вакуум-перфоратор, — объявил Генрих. — Правда, вакуум-перфоратор — это не совсем удачное обозначение. Принцип действия...

— Вакуум-перфоратор! — воскликнул Мбойе. — Очень приятно. Трудно вообразить его возможности... Маша, надо бы выставить иголки.

— А у нас еще есть чем обороняться?

— Ну, если поискать...

— Понятно. Что ж, ищи. Осторожность не помешает. Объяви какую-нибудь тревогу.

— Слушаюсь.

Мбойе со вздохом взглянул на показания приборов, отдал ставший привычным приказ о занятии мест по боевому расписанию и лишь после этого сообразил, что поредевший экипаж и без того находится на своих постах. И не просто находится, а действует, такая уж привычка. Рефлекс астролетчиков. Любой из них, чуть попав за рабочий пульт, машинально приступает к анализу своей порции информационного потока, что-то корректирует, настраивает, регулирует. Думать при этом может о совершенно посторонних вещах.

Посыпались неприятные доклады о повреждениях корабля, дефиците энергии, как мягко было обозначено полное отсутствие аннигиляционного топлива, сбоях в управлении и в системах контроля времени. Далее сообщалось о малой мощности полей, измотанности команды, отсутствии данных о координатах в пространстве — и прочее, прочее. В том же

безрадостном духе. Самым серьезным последствием минувших передряг были малозаметные, но многочисленные деформации по ходу всего семикилометрового канала маршевого двигателя. Теперь до их устранения «Вихрь» не мог развивать околосветовую скорость, даже если бы удалось раздобыть какое-то количество антипротонов. В общем, от былой силы крейсера осталось несколько процентов. Уцелели только два дестроера. Оба вылетели из ангара, готовясь занять место в боевом порядке эскадры, но это было так смешно, что Мбойе приказал вернуться. Довершая проблемы, в авангардном поле начало светиться пятно.

— Лазерный луч со стороны неизвестного корабля, — доложил Гильгамеш.

— Залп?

— Нет, информационное сообщение.

— Хотят усыпить бдительность! — крикнул Кнорр.

— Сколько времени займет расшифровка? — спросил Мбойе.

— Нисколько.

— Что ты хочешь сказать?

— Передача ведется на стандартной частоте ОКС. Она не зашифрована.

— Язык?

— Общеземной.

— Не может быть! Какой язык?

— Общеземной.

— Проверь.

— Проверил.

— Какой язык?

— Да общеземной же!

— Ладно, Гильгамеш, не злись. Что в передаче?

— Приветствие и позывные встречи.

— Да? Оперативные ребята. Уже успели нас расшифровать?

— Принимаю видеопередачу, — сообщил софус.

— Давай на четвертый вспомогательный.

— Включаю четвертый вспомогательный.

Все подняли головы, ожидая увидеть что угодно, кроме того, что увидели. На потолочном экране появился человек,

удивительно похожий на землянина. Эдакий розовощекий здоровяк с рекламной улыбкой. Одет он был в очень правдоподобный мундир звездного капитана, на котором имелись даже орденские планки.

— Отложим пальбу, братцы-гуманоиды, — добродушно предложил красавец-капитан. — Тем более что стрелять вам особо нечем.

Говорил он без малейшего акцента, очень уверенно и в то же время лукаво, как Санта Клаус, который просит угадать, что в его мешке. На «Звездном Вихре» никто за это не взялся.

— Так как насчет стрельбы? — повторил свой вопрос капитан.

Раньше всех отреагировал неугомонный Реджинальд.

— Да мы и не собирались, — заверил он. — Разве что немножко. Знаете, чтобы на том свете досада не грызла, — вот, мол, мог же пульнуть напоследок...

Неотличимый от землянина мужчина улыбнулся еще шире. Ситуация его явно забавляла.

— Мы так и думали, — сказал он. — Где Ее Превосходительство Мария Саян? Включите, пожалуйста, ваши видеокамеры.

— Включить? — спросил Мбойе деревянным голосом.

— Давай, — сказала Маша. — Пусть полюбуется женщиной с мятой прической.

Партнер по переговорам оживился.

— Ага, вижу. Коллега, позвольте представиться: Серж Рыкофф, ваш покорный слуга. Приветствую доблестный экипаж тяжелого крейсера «Звездный Вихрь» от имени экипажа вакуум-перфоратора «Фантаск».

— Спасибо, — сказала Маша. — Доблестное.

— Как доехали? Дорога сюда несколько утомительна.

— Что правда, то правда. Если вернемся, подам в отставку.

— Боюсь, что это случится не очень скоро, — заметил капитан Рыкофф.

— Вы землянин? — подозрительно осведомился Кнорр.

— Разумеется. Разве не похож?

— Даже слишком. База приписки вашего э...э корабля?

— Церера, — несколько удивленно ответил капитан Рыкофф.

Кнорр зачем-то погрозил ему пальцем. Остальная часть доблестного экипажа тяжелого крейсера ОКС «Звездный Вихрь» молчала. Молчала обалдело и угрюмо, чем сохранила солидность. Только вот старший офицер повел себя совершенно неприлично. Выбравшись в проход, он начал исполнять некий африканский танец, приговаривая:

— Построили-таки! А вот и построили! Эх, и всыплем теперь этим макаклам иохимбину! Под хвост, под хво-ост! Под хвостишко непосредственно!

Заметив изумленные глаза командора Саян, Мбойе на секунду приостановился.

— Маш, извини.

Капитан Рыкофф повернулся и сказал кому-то из своей команды:

— Отбой боевой тревоги, Суми. Похоже, стрелять не будут. Настроение у них какое-то несерьезное, собираются иохимбин использовать. Представляешь?

Послышался вежливый смешок. Рядом с тем, кто выдавал себя за капитана Рыкоффа, появился азиатского вида человек, который осведомился о том, какие будут распоряжения экипажу вакуум-перфоратора «Фантаск» на ближайший период.

— Вы это... серьезно? — слабым голосом спросила Маша.

— Командор Саян! — торжественно заявил капитан Рыкофф. — Поступаем в ваше полное распоряжение, поскольку вы старше по званию. Вопросы будут?

— Будут. У вас пиво есть? — спросил Сэмюэл Пип.

— Есть.

— Свежее?

— Обижаете, сэр. У нас вообще очень неплохой погребок. Командор, разрешите стыковку? Надо же отметить встречу в столь отдаленном от Ниппон районе.

— Стыко... что? Ах да, разрешаю. Старший офицер, заканчивайте балет и займитесь кораблем.

— Сейчас, — сказал Мбойе.

Пробежав по проходу, он неожиданно чмокнул командора Саян в щечку.

— Сейчас мы эту стыковочку организуем. Предупреждаю: напьюсь! Потом — хоть на гауптвахту, но перед этим — напьюсь.

Маша не знала, чему больше изумляться — появлению «Фантаска», либо реакции обычно столь сдержанного и даже суховатого Александера, образцового службиста и рьяного блюстителя уставов. Растирая кожу на месте мощного поцелуя, она попробовала его урезонить:

— Алекс, послушай...

Но Мбойе не слушал. По-прежнему танцуя, он достиг своего пульта.

— Серж, выходим на круговую орбиточку, так?

— Идет.

— У вас тамбур есть? Оба наших повреждены.

— Что за проблема! Найдем тамбур.

— Оля-ля! И все-то у них есть. Эй, публика! Прекратите толкаться. Как вы себя ведете в официальной обстановке?! Чтоб ни одного в проходах не видел!

Народ продолжал толкаться в проходах, но Мбойе об этом уже забыл.

— Серж! Включаю маневровые дюзы. Суахили буа ба!

— Только одно пожелание, — вмешался капитан «Фантаска».

— У вас скромно с пожеланиями! Какое?

— Пожалуйста, не пользуйтесь радиосвязью.

— Почему?

— Нас могут услышать. Планета обитаема.

— Недружелюбные туземцы о шести головах?

— Нет, земляне, по одной голове на нос, и никаких тебе хвостов. Но и впрямь недружелюбные, поверьте на слово. Туземцы, впрочем, тоже есть, в виде условно разумных рептилий. Ненависти к нам они не испытывают, просто убеждены, что все гуманоиды просто не имеют права на существование. Поступают соответствующим образом.

— За последнее время я столько всего насмотрелся, что готов поверить чему угодно. Сделайте милость, скажите, здесь квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов?

— Да, с квадратами полный порядок. Пифагор актуален и здесь.

— Молодчага эллин! Эвон куда забрался!

Мбойе почесал бритую макушку и глубокомысленно добавил:

— Выходит, правильно они вино водой разбавляли.

— Не понимаю, чем пиво-то хуже? — удивился Сэмюэл Пип.

«Фантаск» осторожно подошел к борту «Вихря», но жестко стыковаться не решился, поскольку вид у крейсера был потрепанный, могли быть сбои и в системах управления. К тому же, как признался капитан Рыкофф, он вообще разлюбил контактные стыковки после «одной темной истории».

— Шлюпка тогда цистерну с водородом пробила. Впрочем, значения это не имеет, — как и прежде улыбаясь, успокоил он.

Мелькание странных колец «Фантаска» замедлилось, по ободам пробежали фиолетовые сполохи, после чего они полностью застопорились. На поверхности суперзвездолета вспыхнули искры тормозных дюз. Плавно гася скорость, он замер в сотне метров от антенн крейсера. Над многокилометровой сигарой «Звездного Вихря» навис один из грандиозных обручей, словно «Фантаск» желал обнять собрата по космическим скитаниям.

Мбойе прищелкнул пальцами:

— Чистая работа!

С его стороны это было неосторожно. Зал управления взорвался ликующими криками, все вскочили, позабыв о служебных обязанностях, субординации, дисциплине и элементарной сдержанности.

— Да тихо вы! Еще не все сделано. Прошу успокоиться! Займитесь чем-нибудь полезным!

Не сразу, но увещевания возымели действие, относительный порядок в Центре управления восстановился. Тем более что заняться действительно было чем. До перехода на «Фантаск» требовалось составить дефектные ведомости по основным повреждениям, хотя бы в набросках, вывести реакторы в холостой режим, задействовать часть резервных систем, перераспределить жидкие грузы для улучшения центровки, и многое другое. Только после этого арбайтеры могли приступить к ремонту, а люди — к радостям жизни.

Стыковка между тем перешла в заключительную фазу, требующую очень точного расчета, поэтому протекающую без участия людей. Массы звездных кораблей столь велики, что между ними возникает ощутимая сила взаимного притяжения. Противодействуя ей, с двух сторон заработали электрореактивные двигатели малой тяги. Для координации их работы софусы сверили бортовые часы, которые показывали весьма различное время.

Через пять минут коротких, но интенсивных проверок, между громадами звездолетов протянулась удивительно тонкая по сравнению с размерами корпусов нить переходного тамбура. Софусы кораблей синхронизировали поля искусственной гравитации. Там, где они встретились, на тамбуре образовалось кольцеобразное уплотнение, препятствующее разрыву трубы.

Еще минута, и с двух сторон открылись люки. По тамбуру пролетел ветер. Давление воздуха внутри «Звездного Вихря» оказалось несколько большим, чем на «Фантаске».

— Непорядок! — проворчал Мбойе.

— Да брось ты! — крикнул Реджинальд. — Бежим!

Сам пребывая в сильном возбуждении, старший офицер оставил без последствий его фамильярность, а вскоре позабыл о ней вовсе.

Прошло уж совсем немного времени, и в шлюзовой отсек вакуум-перфоратора, потрясая бутылками, наконец хлынули «вихревцы». От их былой героической мрачности и следа не осталось. Луиза ехала верхом на Бертране, Машу несли на руках Турумалай и Мбойе, а Реджинальд шел перед ними с тромбоном, дергал кулису и оглашал помещение диким визгом. Все остальные выражали чувства не менее бурно. Нерешительно улыбалась даже Шанталь.

Экипаж принимающего корабля встретил было гостей по протоколу — в парадных мундирах, чинно выстроившись по сторонам пушистой ковровой дорожки традиционного красного цвета. Но строй был мгновенно смят, церемония скомкана до полного безобразия, после чего все потонуло в стихийном братании. В этом водовороте прошло с четверть часа, прежде чем оба капитана сумели найти друг друга.

— У вас хоть какой-нибудь дежурный остался? — спросила Маша. — Мои, кажется, все сбежали.

— Должен быть, — вертя головой, ответил капитан Рыкофф.

Тут их растащили. Софус «Фантаска» с механическим смешком сообщил, что опасностей в окружающем пространстве не наблюдается, чем окончательно уничтожил остатки дисциплины. Мимо Маши пронесло разъяренного Кнорра, машущего пустым бокалом и страстно клеймящего всю эту вакханалию. Такео накладывал повязку на чью-то кисть, не выдержавшую могучего пожатия. Еще она видела Джанкарло, спокойно беседовавшего с мужчиной в большущих красных очках, почему-то покрытых изморосью. Они стояли у стены, к которой был криво прилеплен замысловатый чертеж. Обоих ничуть не смущало то, что их толкали со всех сторон. Маша позавидовала инженерам, которые друг друга найдут где угодно.

После гимна Солнцу в приемном зале зазвучала медленная, изысканная и совсем не официальная мелодия. В центре отсека образовался круг, в нем поплыли смешанные пары из двух экипажей. Мелькнул Мбойе. На могучем плече старшего офицера «Звездного Вихря» нежно лежала, вероятно, самая очаровательная головка «Фантаска». Братание явно перерастало в более волнующие формы общения.

Танцевать здесь умели многие, если не все, и Маша невольно залюбовалась. Но к ней протолкался улыбающийся японец. Тот самый, спрашивавший распоряжений с экрана при первом лазерном контакте, и, кланяясь, развел руки:

— Не можем затащить ваших к столам! Настоящее безумие, извержение эмоций. Я — Сумитомо, старпом. Пойдемте, Серж просил хотя бы вас привести.

Маша беспокойно оглянулась на открытые ворота переходного тамбура, где поблескивали снежинки. Ей стало тревожно за совершенно покинутый «Вихрь».

— О, там все в порядке, — успокоил Сумитомо. — Мы переправили к вам половину своих арбайтеров, ремонт уже начат.

— А у вас разве не было повреждений?

— Практически нет. Экраны у «Фантаска» просто свирепые.

— Мощнее, чем...

— Да нет аналогов! По крайней мере в Космофлоте Солнца. Вслед за нами к Эпсилону направились основные силы ОКС — тридцать восемь вымпелов. Так вот, их суммарная тяга составляет всего ноль целых девять десятых процента мощности «Фантаска», представляете?

— С трудом.

— При входе в канал мы закуклились до такой степени, что потом едва распутались. Плюс к тому, вы так отчаянно боролись, что порядком истощили ресурсы макул. На нашу долю осталась не самая сложная задача.

Маша развела руки:

— Когда же это все успели создать?

— «Фантаск»? Ну, время было. Мы стартовали через двадцать четыре геогода после вас. Двенадцать лет вы летели к Эпсилону, одиннадцать лет шло ваше первое сообщение. «Фантаск» тогда заканчивал ходовые испытания. Еще через год у Кампанеллы были мы.

— А когда в канал вошли?

— Тоже после вас. Но уже через пять месяцев. А сюда прибыли тремя местными сутками раньше.

Маше оставалось только головой покачать.

— Фантастика.

Сумитомо рассмеялся.

— На то и «Фантаск».

— Мы оставляли спутник со всей информацией, которую смогли собрать. Вы его нашли?

— Нашел «Гамамелис». Но и с нами поделился, конечно.

— А где сам «Гамамелис»?

— Когда мы вошли в канал, он оставался на высокой орбите у Кампанеллы. Что решил экипаж дальше, я не знаю. Прошу вот сюда, на эскалатор. Извините, нас уже ждут. Идем?

— Конечно. Но...

— Вас что-то беспокоит?

— Как бы «Гамамелис» не решил последовать за нами.

— Не исключено. И повлиять на это мы никак не можем. Между прочим, более тысячи человек, находящихся на его борту, тут были бы совсем нелишними.

— Почему?

Улыбка Сумитомо ослабла.

— Работы предстоит много. Каждый дополнительный землянин просто бесценен.

Даже после весьма немалого «Звездного Вихря» просторы новейшего звездолета Земли поражали. Если уж коридор, то не коридор, а целая галерея, метрах о десяти высоты. Эти галереи пронизывали объем «Фантаска» во всех направлениях. На них были нанизаны помещения самых разных размеров за исключением малых. Со своим провожатым Маша прошла вереницу светлых залов, наполненных огромным количеством свежего, пахнущего лесом воздуха. Назначение большинства из них она не понимала. Никаких машин, труб, экранов или пультов не было и в помине. Везде изысканные интерьеры в приглушенной цветовой гамме, низкорослые, но самые настоящие деревья с густо переплетающимися ветвями, в которых щебетали птицы. Трижды они проходили мимо водоемов с фонтанами. В самом большом плавали лебеди, недовольно расталкивая толстых рыб.

— Потрясающе, — сказала Маша.

— О, это лишь цветочки. Ягодки находятся в Озерном парке. Вам не доводилось кормить ручных пантер?

— Пантер? Нет еще.

— Будет время — попробуйте, советую. Очень милые киски. Жизнь в концентрированном виде, стрессы снимают превосходно.

— Хорошо, попробую.

Роль пола в большинстве залов играли газоны с цветниками. Между кустами скрывалась малозаметная, но замечательная по удобству мебель. В роскошные диваны и кресла, наверное, можно было погружаться часами. Витражи, стереокартины, ручной работы посуда в стенных шкафах — от всего этого глаза разбегались. Несмотря на усталость, Маша не могла скрыть удивления. Сумитомо понимающе улыбнулся. Оста-

новившись перед голубой тянь-шаньской елью, он протянул ладонь, и на нее тотчас спустилась белочка.

— Да, мы скорее пассажиры, чем экипаж. Люди здесь нужны только для принятия решений.

— Зачем такое огромное количество залов? Круглые, квадратные, овальные...

— А для настроения. Мне вот больше всего нравятся треугольные в плане залы, да еще и с вогнутыми стенами. Именно там меня осеняет покой.

— И такие есть?

— Есть.

Маша качнула головой.

— Воля ваша, но... несколько чрезмерно.

Сумитомо осторожно посадил белочку на хвойную ветку. Маша заметила в его глазах грусть.

— Видите ли, Маша-сан, предназначение «Фантаска» — пересечение бездн. Вполне можно не вернуться... И как ни велики объемы корабля, они лишь в малой степени могут заменить просторы Земли.

— Извините меня.

— О, абсолютно не за что.

— Есть. За невольную интонацию осуждения.

Сумитомо махнул рукой.

— Очень скоро вы убедитесь, что все мы находимся в абсолютно равном положении. Кроме прочего, эти залы — всего лишь пустоты в ячеистой структуре корпуса. Таким образом, параллельно они несут конструктивную нагрузку. Не будете против, если мы ускорим наше перемещение?

— Постараюсь, но, честно говоря, меня все еще покачивает.

— А бежать и не придется. Пожалуйста, станьте вот сюда.

Сумитомо указал на красный круг в центре зала и прикоснулся правой рукой к левому запястью. Участок пола под ними неожиданно пришел в движение, плавно перемещаясь к дальней стене. Панели развернулись, открылся следующий зал. Пол начал приподниматься, менять форму, и вспухал до тех пор, пока не образовался своеобразный пьедестал для двух

фигур. На вершине этого неожиданного возвышения Маша со страху обняла Сумитомо.

— Извините, — сказал старпом, — я не предупредил, но эти штучки безопасны. Мобильная, понимаете, архитектура. Творение пани Станиславы. Сам никак привыкнуть не могу, хотя и удобно.

То, на чем они стояли, отпочковалось от остального пола. Образовался диск, продолживший движение. Потолок над ними расступился, и путешествие завершилось. Они оказались в очередном полукруглом зале, более напоминающем средних размеров пещеру, но пещеру комфортную — мягко освещенную, с упругим покрытием, слегка пружинящим под ногами. Благодаря каким-то ухищрениям оптики казалось, что весь зал пузырем выбухает в забортное пространство. И хотя роль потолка, а заодно и роль изогнутой передней стены здесь играло звездное небо, такое правдоподобное, что возникало ощущение вакуума, Маша все же почувствовала себя более привычно, поскольку увидела долгожданные пульты и панели с дисплеями, опоясывающими стены на уровне глаз. По-видимому, они попали, наконец, в центр управления кораблем.

Но и здесь тоже проявилась тяга к эстетике психологического комфорта. Для этой цели были мастерски подобраны все элементы восприятия. Яркий, но рассеянный свет, ровно сочащийся сразу отовсюду и поэтому не оставляющий теней, сухой прохладный воздух с легкими запахами водорослей и морской соли. Заднюю стену целиком занимала панорама острова Шпицберген под переливающимися красками полярного сияния. Слышались даже характерные шорохи и потрескивания.

В отличие от «Звездного Вихря» Центральный пост «Фантаска», мало уступая размерами, был обставлен очень скупо — всего с десяток белых кресел, напоминающих куски льда. Они, как заметила Маша, могли перемещаться вдоль темно-зеркального пола, похожего на полынью во льдах. Еще в глаза бросалось странное малолюдье. Только два дежурных астронавигатора в белых шортах и рубашках с короткими рукавами неспешно плавали в креслах, непринужденно перемещаясь вдоль панелей с экранами. Изредка они отдавали ла-

коничные приказания софусу. Иногда обменивались парой фраз, улыбались и даже посмеивались. Никакой тесноты, ощущение простора, свободы, спокойствия.

Из кресла у основания ледяного тороса поднялся улыбающийся Серж Рыкофф. Похоже, на «Фантаске» все только и делали, что улыбались, любили это делать. И умели это делать, Маша вынуждена была признать, невольно улыбаясь в ответ.

— Я выхватил вас из праздника, извините, — сказал Серж.

— Ох, да не могу я праздновать, пока не узнаю, где мы находимся.

— К сожалению, сами не знаем. Да вот, смотрите, — Серж беззаботно махнул на потолок, — ни одного знакомого созвездия. Наш софус трое суток непрерывно считает, перебирает комбинации звезд, чтобы найти такую, которая объяснила бы, в какую точку Метагалактики нас забросило. И... пока не получается. Это при всех возможностях Джекила! Ясно лишь, что мы находимся гораздо дальше местной группы галактик.

— Трое суток? Нельзя ли ускорить эту работу?

— Джекил уже почти закончил. Но если вы разрешите подключить вашего софуса, дело пойдет веселее.

— Да, конечно.

Маша включила свой интерком.

— Гильгамеш!

— Слушаю.

— Помоги Джекилу определиться в пространстве. Используй все свободные мощности.

— Слушаю и повинуюсь.

— Спасибо, — очаровательно улыбаясь, сказал капитан «Фантаска». — Теперь, если разрешите, перейдем к более срочным делам.

Внезапно он помрачнел.

— Я позволю себе отбросить официальные любезности, коллега. Думаю, вы простите. Дело вот в чем. Планета, которая тут видна, — он махнул в сторону передней стены, — называется Терранисом. И населена она отдаленными потомками кампанеллян.

— Кампанеллян?

— Да. Тех самых разыскиваемых тринадцати миллионов человек. Увы, все они давно умерли.

Маша непроизвольно опустилась в неслышно подкатившееся кресло.

— Извините, — смутился Рыкофф, — я забыл предложить вам сесть.

— Я правильно поняла? Все тринадцать миллионов?

— Совершенно верно.

— От чего?

— Причины разные. Но большинство — от старости.

— Как это могло случиться?

— Пока мы сюда добирались, на Терранисе прошло почти девять земных веков, — печально сказал Сумитомо. — Парадоксы времени.

— И расстояния, — добавил Серж. — Неудивительно, что Джекил не может определиться.

Некоторое время Маша молча смотрела на красивый серебристый шар Терраниса. Но видела семейный портрет Ингрид и Диего Гонсалесов с дочерьми из виллы «Белая роза». Город Троя, Кампанелла, система Эпсилон Эридана... Что и говорить, информация требовала известного осмысления. Капитан и старпом вакуум-перфоратора, понимая это, тоже молчали.

Наконец Маша покачала головой.

— Со страшной силой мы имеем дело.

— К счастью, у нее нет задачи нас уничтожить, — сказал Сумитомо. Теперь об этом можно говорить вполне определенно.

— А какая задача у нее есть?

Собеседники переглянулись.

— Мы, разумеется, не знаем точно... — медленно начал Сумитомо.

— Но какие-то предположения все же успели появиться?

— О, давно. Еще на Гравитоне-4. Но пусть лучше расскажет Серж. Это его гипотеза.

— Предупреждаю, она смелая, — сказал Рыкофф.

— Ничего, стерплю.

— Хорошо. Тогда сначала две парадигмы. Во-первых, я верую в естественное возникновение жизни на Земле, а во-вторых, считаю, что самопроизвольное возникновение жизни на какой-либо планете — событие крайне редкое. Нет возражений?

— Нет. Я сама так думаю.

— Так вот. Было бы логично, чтобы за столь редким событием присматривали. Сейчас, после событий у Кроноса, а в особенности — у Кампанеллы, трудно оспаривать существование некоего высшего разума. Он не просто существует...

— Либо существовал, — вставил Сумитомо.

— Не имеет принципиального значения. В данном случае не столь важно, сам он непосредственно вмешался либо сработала созданная им умная машина. Важно само стремление вмешиваться. Это значит, что мы, люди, являемся объектом внимания. Следовательно, представляем интерес.

— Ну, с этим не поспоришь, — согласился Сумитомо.

— Далее. Сам факт перемещения миллионов человек весьма красноречив. Могу предложить только одно объяснение — нас размножают во Вселенной способом почкования. Следующий вопрос — зачем? Исчерпывающего ответа нет. Но будем исходить из целесообразности того, что с нами проделали. Здесь мы для чего-то нужны. Для того, что без людей случиться не может, иначе надобность в нас отсутствует. Логично?

— Изъяна не вижу, — признала Маша.

— Теперь посмотрим, чем мы занимались в своем родном мире. Если отбросить частности и детали, главное, чем занимается разум, есть противодействие естественному сценарию эволюции неживой материи. Чем больше знаний мы накапливали, тем в больших масштабах это проявлялось. Овладели огнем, обучились коллективной охоте, придумали колесо и, наконец, вырвались к звездам. При этом всегда просматривалась, с одной стороны, тенденция переустройства среды под собственные нужды, а с другой — забота о поддержании существующего равновесия систем. И вот в этом-то соль. Предназначение жизни в том, чтобы сохранить мироздание. Сберечь ту Вселенную, в которой она есть.

— Вы нашли ответ на вопрос о смысле жизни?

— Я понимаю, это звучит не очень скромно, но... Кажется, да. Мы кандидаты на роль стражей мира. Причем наш разум — всего лишь инструмент в данном ракурсе. Движущими силами являются генетически заложенные жажда жизни и экспансии. Именно эти инстинкты в прошлом приводили к многочисленным трагедиям нашей истории. Но именно они представляют собой главную ценность человеческой цивилизации, ибо не дают нам отказаться от жизни как таковой. Иначе говоря, не дают умереть со скуки. Простая вещь: без желания жить разум и не будет жить. Но это простое заключение объясняет многое. Например, то, почему наш разум имеет биологический носитель. Для того, чтобы унаследованные от животных предков инстинкты, в частности страх перед смертью, заставляли нас делать то, что мы должны делать, — жить и развиваться, меняя окружающий мир так, чтобы условия позволяли это делать. Вот почему по-настоящему жизнеспособным может быть только разум, возникший естественным путем, в результате самозарождения. Именно биологическая основа привязывает разум к жизни, дарит желание быть. Я не слишком сумбурно говорю?

— Нет-нет, все нормально.

— Тогда, если все, о чем я говорил, имеет рациональное зерно, то есть содержит долю истины, можно попытаться объяснить человеческую историю. Наши предки прошли страшно тяжелый путь. Они много воевали, умирали от голода, болезней, природных катаклизмов. Как вы знаете, проявления животного эгоизма принесли неисчислимые беды и тысячелетиями тормозили социальное развитие. Все это было платой за биологическую природу материального носителя нашего разума — головного мозга. Платой за нынешнее равновесие, заключающееся в одновременном обладании и разумом, и жаждой жизни. Человечество умнело вопреки и в противодействии животным побуждениям. Но вот мы достигли нужного уровня материального благополучия и социального благоразумия. Что дальше? Замерли чаши весов? Лично я полагаю, что нет. Мы живем в преддверии коренного перелома. Пришло время взглянуть на половой инстинкт, вкус пищи,

часто- и самолюбие, многие другие качества, в большинстве своем порицаемые, как на ниточки паутины, привязывающей нас к бренному существованию. Ибо стрелка продолжает ползти дальше, к опасности прямо противоположного характера. Опасности чрезмерного подавления разумом естественных, с точки зрения биолога, чувств, инстинктов, побуждений. Если это случится, мы рискуем затеряться в пустыне бесплодных абстракций. Пустыне, усеянной ловушками силлогизмов. Кто-то провалится к выводу о бессмысленности существования рассудочным путем, а большинство же, устав от блужданий, погрузится в сонную апатию, чреватую тем же пренебрежением к жизни. Итог один...

— Мрачная картина, — сказала Маша. — Напоминает старение.

— Прекрасная аналогия! Так угасает психика стареющего человека. Еще в дневниках Чарлза Дарвина описаны признаки этого трагического процесса. Потом его изучили более детально.

— Если я правильно поняла, вы говорите о том, что мы победили — или почти победили — старение индивидуума, но теперь на очереди старение человечества?

— Во многом так.

— Интересно. Есть над чем думать. И вы считаете, что имеется связь между этой проблемой и нашими приключениями?

— Непосредственная. Она заключается в том, что творцы макул и трансцендентной транспортной системы сами не сумели избежать того, что нам пока только угрожает. То есть генерального старения цивилизации. И сейчас, быть может, их уже нет, либо им все безразлично.

— Но они позаботились передать эстафету нам? Более молодым, дерзким, полным сил?

— Что-то вроде этого. Сделано прямолинейно, быть может, грубо, но... с размахом.

— И наверняка заранее.

— Очень похоже. До погружения в полное безразличие. И задолго до появления человека, возможно. Потом система ждала, пока на нее наткнутся достаточно разумные, но еще

не усталые существа. То, что земляне смогли колонизовать Кампанеллу, свидетельствовало о подходящем уровне развития. То, что они отважно бросались на помощь друг другу, говорило о богатом потенциале эмоций. Что и требовалось доказать...

— Серж, извини, я тебя перебью, — сказал Сумитомо. — Боюсь, что в увлечении пропустишь один важный аспект.

— А! Понимаю. Давай, у тебя это лучше получается.

— Спасибо, — сказал Сумитомо и повернулся к Маше: — Я вот что хочу добавить. Серж допускает, что Кампанелла была перестроена уже тогда, когда на Земле возникла жизнь. Не в этом ли причина отсутствия собственной жизни в системе Эпсилона?

— Смысл? — спросила Маша.

— Смысл в том, что жизнь уже возникла. Совсем рядом, ведь одиннадцать световых лет — пустяк. Дублирование излишне, поэтому была проведена... прополка.

— Но тогда те, кто старше нас, должны были знать о возникновении жизни на Земле?

— Конечно. Что скажете о наших объяснениях?

Маша задумчиво потерла ладонями.

— Логично. Стройно. Возражений пока не нахожу. Непонятна только одна деталь.

— Какая?

— Если на Кампанелле жизнь предотвращена для устранения дублирования... жестокая, между прочим, мера...

Сумитомо согласно кивнул.

— ...то почему на Терранисе кроме людей есть еще и разумные ящеры? Разве это не дублирование?

Сумитомо кивнул еще раз.

— При всем при этом есть основания считать ящеров аборигенами Терраниса. Результатом самостоятельной эволюции. Мы думали над этим. Похоже, местная цивилизация если и не совсем остановилась в развитии, то прогрессировала чересчур медленно. А после появления людей изменения стали заметными. Понимаете?

— Да. Пожалуй, теперь все стало на свои места.

— Вы грустите?

— Можно назвать это и так.

— Почему?

— Выходит, что «Вихрь» бесполезно барахтался. Как муха в паутине.

— Вовсе нет. Да ни в коем случае! У вас не было возможности установить смысл происходящего, это верно. Но благодаря именно вашим усилиям обнаружен трансцендентный канал, накоплена важнейшая информация о макулах. Сейчас еще трудно сказать, сколько практической пользы мы из нее сумеем извлечь в конечном счете, хотя и ясно, что много. Думаю, например, что довольно скоро мы научимся сами создавать некоторое подобие макул. Неплохо, правда?

— Уже одно это с лихвой оправдывает все ваши усилия, не так ли? — улыбнулся Рыкофф.

Включился софус «Фантаска».

— Мы с Гильгамешем пришли к аналогичным выводам, — сообщил он обескураженным тоном.

— Наконец-то. Итак?

— В заданных системах координат задача решения не имеет.

— А если попроще?

— Мы попали в иную Вселенную, Серж. Тем самым экспериментально доказана гипотеза о множественности миров, чем можно гордиться.

— Повременим.

— Как хочешь. Я бы на вашем месте гордился. Даже на своем горжусь.

— Ладно, ладно. Не такая уж и неожиданность. Маша, вы что-то хотите спросить?

— Да. Как нам теперь жить? И что делать?

— Что делать — ясно. Нужно помочь людям Терраниса. За девять веков они порядочно одичали. Ящеры, похоже, тоже знавали лучшие времена.

Рыкофф щелкнул пальцами. Вместо панорамы Шпицбергена на стене зала возникла карта в старой доброй проекции Меркатора. Капитан взял лазерную указку.

— Терранис относится, как вы понимаете, к планетам земной группы. Кислород, давление и газовый состав атмосфе-

ры, вода, фон естественных излучений — все очень похоже. В этом смысле о наших соплеменниках позаботились. Но география тут, разумеется, иная. На планете имеются два больших материка, вытянутых в меридиональных направлениях, а также множество островов. Оба материка заселены, хотя и в разной степени. Вот здесь, на Эпсилазии, горная цепь разделяет владения людей и ящеров. К сожалению, там есть проходы, перевалы.

— Почему — к сожалению?

— Через эти проходы они воюют.

— Воюют? Люди с ящерами?

— Да. И не только с ящерами, но еще и друг с другом. Мне тоже было трудно поверить, но факт остается фактом.

— Силы небесные! Воистину сегодня день невероятностей. Попасть в другую Вселенную... и воевать.

— У них есть смягчающие обстоятельства, — заметил Сумитомо. — Очень значительные.

— Какие?

— Люди были выброшены на Терранис буквально голыми. Страшно представить, что они перенесли, разом лишившись всех благ цивилизации — от зубных щеток до интеллектуальных машин. По нашим оценкам, погиб каждый пятый. Несчастным вновь пришлось осваивать охоту и ручной труд. Никакого клеточного омоложения, только примитивные антибиотики из плесени. Рожать вновь пришлось в муках.

Маша невольно вздрогнула.

— Даже так?

— Увы.

— Не понимаю. Люди лишились техники, но ведь знания у них отобрать не могли.

— Знания... Века сосуществования с софусами избаловали нас, приучили не забивать голову разными конкретными сведениями. Например, о способах приготовления пищи, тем более — о ее добывании, — грустно сказал Сумитомо. — Да что там! Мы забыли о том, как поддерживать чистоту в собственном жилище.

— А общественные отношения?

— Запасов гуманизма хватило на два-три поколения, а потом... Потом выживал сильнейший, в полном соответствии с

теорией сэра Чарлза. Горько думать, что лучшие душевные качества человек может проявлять только в сравнительно благополучных условиях, но Терранис неопровержимо доказал, что это именно так.

— Можно посмотреть на проблему иначе, — вмешался Рыкофф.

— Да, ты уже говорил.

— О чем речь? — спросила Маша.

— Да о том, что человек не предназначен для скотского существования, — ответил Сумитомо. — Несмотря на то, что вынужден был мириться с таковым тысячи лет.

— А вы с этим не согласны?

— Знаете, я практик. И если условия мешают человеку быть человеком, их нужно изменить.

— Трудно спорить.

— Совершенно верно. Вернемся к той ситуации, которую имеем.

— Прошу вас.

— Итак, ясно, что мы должны помочь обитателям планеты — и гуманоидам, и рептилиям. Всем, кому и чем сможем. Из этого также ясно, для чего жить в обозримом будущем. Остается лишь вопрос: а как помогать? В вашей команде сейчас девяносто три человека. На «Фантаске» — пятьсот шестнадцать. А там, внизу, — миллионы людей и еще больше ящеров. Если мы сразу бросимся учить, исцелять да воспитывать, то растворимся как капля в море. Между тем большинство террян невежественно, заражено страхами и суевериями, многие и читать-то не умеют.

Маша удивленно подняла брови.

— Да, да, да, это так. У ящеров письменности нет вообще, предстоит разработать. Что же касается людей, столетия бесплодных ожиданий помощи ожесточили их. Сейчас для обитателей планеты мы являемся нежелательными гостями, предательски бросившими их предков на произвол судьбы, но время от времени появляющимися для того, чтобы расшатать привычный уклад жизни с неясными, а следовательно, подозрительными целями. Они называют нас небесниками.

В лучшем случае презирают, в худшем... Нескольких ребят из экипажа «Фламинго» сожгли.

— Сожгли?!

— Живьем. На костре. Что с ними творили до казни — лучше не вспоминать. Средневековье! На остальную команду это произвело такое впечатление, что они прекратили всякие контакты с аборигенами и погрузились в анабиоз. Замуровали себя в какой-то пещере. И лично я их осуждать не могу. Слишком уж мы отвыкли от подобных дикостей. Боже упаси, если наше оружие попадет на планету. Да и не только оружие. Само наше знание может причинить огромный вред, если окажется в неподобающих руках.

— Понимаю. Но не смотреть же безучастно...

— Нет, конечно. Не имеем права.

— Что вы предлагаете?

— Ну, сначала нужно спросить мнение всех, сообща что-нибудь придумаем. Первый этап очевиден: необходимо собрать максимум информации об экономике, истории, традиции, социальной организации каждого из государств Терраниса, после чего и приступать к действиям. Сделать это нужно как можно быстрее, внизу мыслящие существа убивают друг друга. И чем скорее мы их остановим, тем больше жизней спасем.

— Нет сил прерывать праздник, — сказала Маша после короткого размышления.

— Да, команды его заслужили, особенно ваша. Предлагаю начать работу пока малым составом, вчетвером. Остальные будут подключаться по мере протрезвления.

— По мере готовности, — мягко поправил Рыкофф. — Согласны?

— Да. Но кто четвертый?

— Ваш старший офицер.

— Боюсь, что его сейчас не затащишь. Готовность у него наступит не скоро.

— Это смотря кто да как будет тащить, — заявил Сумитомо.

Рыкофф загадочно улыбнулся.

— Суми принял кое-какие меры.

— Любопытно.

Сумитомо поднес к глазам левое запястье.

— Уже идут, — сказал он. — Давайте кофе сварим. Хороший такой, старотурецкий. Моему коллеге, господину Мбойе, весьма кстати придется. Да и нам не повредит.

Вскоре остров Шпицберген в одном месте расступился, пропуская пятившегося спиной вперед человека. Это была женщина в парадном мундире невероятного изящества.

— Вот мы и на месте, — лукаво сообщила она кому-то.

— Сейчас поймаю! — командирским басом ответили из-за стены.

В зал ввалился Мбойе и остолбенел. Хлопая ресницами, он уставился на участников совещания. Тихо посмеиваясь, женщина спряталась за спинку кресла, в котором сидела Маша.

— Спасибо, Стася, — сказал Сумитомо. — Пару часов поспи и приступай к проектированию базы. Помощников выбирай по усмотрению, но список нужно согласовать, может, кого и отберем. Дел сейчас будет больше, чем людей.

Станислава кивнула.

— Какое коварство! — зарычал Мбойе. — Очень смешно. Только не превращайте меня в жабу, командор. В кого угодно, но только не в жабу. Жаб, он такой животный... В Африке, бывало, влезет на дерево, да как квакнет... сознание теряют.

— Алекс, ты способен воспринимать информацию? — спросила Маша.

— Мари! От тебя? Да в любой момент дня и ночи! Хоть в астрономические сумерки, хоть в навигационные.

Сумитомо подошел к нему и молча протянул пачку фотографий. Александер просмотрел их дважды — сначала бегло, затем — очень внимательно. Лицо его медленно посерело.

— Это где же такое творится? — осипшим голосом спросил он.

— Там. — Сумитомо показал на Терранис.

— Все. Трезвею, — глухо сообщил Мбойе. — Славно вы по мозгам прошлись... Кофе есть?

— Кажется, вы предпочитаете турецкий?

— Да. И не меньше полулитра. Эх-х! Плакала моя личная жизнь. Не надо было гнаться за чинами, правильно моя мама говорила.

Станислава стрельнула из-за кресла агатовыми глазками, дав понять, что заметила страдания, но, поправив черные волосы, дисциплинированно скрылась между белым медведем и полыньей. Мбойе покачал бритой головой.

— Ну и прически тут у вас, пожиратели пространства.

ДАЛЬНЯЯ КОСМИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ.
Лайнер ГАМАМЕЛИС — ЗЕМЛЕ.

ВП ФАНТАСК поглощен макулами. Связи с ним не имею. Пополняю запасы энергии.

КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ.

12. ТЕРРАНИС

Терряне имели простейшие телескопы. Чтобы преждевременно их не будоражить, оба корабля — и «Вихрь», и «Фантаск» — отвели на теневую сторону планеты, где и затормозили на высокой орбите. В ближайшие год-два звездолетам так и предстояло пребывать в постоянной ночи. Увы, эта мера запоздала. Было трудно рассчитывать на то, что там, внизу, никто не обратил внимания на полет двух блестящих точек в небе, которые к тому же странно слились в одну. Но с этим приходилось мириться и учитывать при планировании дальнейших действий. Маша надеялась, что со временем интерес к этому событию пойдет на убыль. Особенно если не тревожить население планеты новыми неосторожными шагами. Учитывая необходимость большой подготовительной работы, сделать паузу было легко и естественно.

А вот малые корабли не должны были простаивать без дела весь период подготовки десанта на Терранис. «Гепард» Бертрана и несколько шнелльботов «Фантаска» отправили исследовать обнаруженные астрономами семь остальных планет Эпса, как называли свою звезду терряне. Впрочем, так светило именовали местные люди. Ящеры звали ее иначе — Хассар. С ними, с рептилиями, хлопот предстояло больше, чем с одичавшими людьми, поскольку психология ящеров, их обычаи и даже социальный строй оставались загадкой даже для проживших на Терранисе века потомков кампанеллян.

Отдохнув после бурного праздника встречи, рабочие группы объединившихся экипажей напряженно трудились над планом. Основные его черты были ясны уже после первого заседания «большой четверки» — Маши, Сержа, Александера и Сумитомо. Сложнее оказалось определить темпы вмешательства. Парадокс заключался в том, что технических возможностей обоих кораблей с избытком хватало для самых революционных преобразований материальной стороны жизни на Тер-

ранисе. Но самих по себе новых технологий было недостаточно для решения проблемы. Напротив, они сулили еще более разрушительные войны при существующих моделях государственного устройства, уровня образованности и социального сознания террян. До тех пор, пока психология обитателей планеты не изменится коренным образом. Именно с этого, с изменения массовой психологии, и следовало начинать. Между тем изменить людей могут только люди. А людей, прибывших с Земли, было более чем недостаточно. Натиск да и любая форма необдуманной спешки могли привести только к одному — к безусловной неудаче, после которой все пришлось бы начинать сызнова и в худших условиях.

— Надо заняться кражей детей, — заявил Реджинальд.

Рыкофф недоуменно откинулся на спинку кресла.

— Поясните.

— Детей легче воспитывать, чем взрослых. Чистый ведь лист.

— Это понятно.

— А что не понятно?

— Думаете, родители отдадут их с охотой? Каким-то небесникам?

— Нет, конечно. Начнем с сирот. Ну и умерших будем выкапывать.

— Так это же на кладбища пробираться надо.

— Надо, сэр. В полночь. Без этого — никак. Еще придется подменять трупы правдоподобными куклами, способными разлагаться по всем правилам трупа. Это сложно, я понимаю.

— По-моему, не это самое сложное. На кладбище должна незаметно проникнуть целая группа специалистов. Незаметно сделать свое дело и так же незаметно исчезнуть. Представляете?

— Представляю. Тут подготовочка нужна. Маскировка, гипнотехника, тщательное планирование, хорошее знание местных обычаев и суеверий. Словом, предварительная инфильтрация.

— Риск остается. Просто большая его часть переместится на тех, кто будет инфильтрироваться, как вы говорите.

— Разумеется. Поэтому нужна еще подготовка по рукопашному бою, верховой езде, фехтованию на этих... чем они там дерутся, братья наши старшие?

— Почему — старшие?

— Потому что на девять веков нас обогнали. По пути регресса. Что скажете по существу дела, сэр?

— Потребуется постоянная база на планете.

— Она потребуется в любом случае, — вмешался Мбойе. — Где-нибудь в малопосещаемых дебрях. Кажется, Станислава уже закончила проект. Только у нее не совсем база получилась.

— А что?

— Укрепленный античный город из местных материалов и в местных архитектурных традициях, но с канализацией и водопроводом. Конечно, предстоит еще привязка к ландшафту. Желательно иметь поблизости лес, месторождение строительного камня и реку.

Если Рыкофф и подивился его осведомленности, то виду не подал.

— Так как вам моя идея, сэр? — поинтересовался Реджинальд.

— Что ж, идея здравая. Хотя и отдает совсем другим.

— Запускаем в разработку?

— Ату!

Под эту идею Джошуа Скрэмбл и Джанкарло Мерконци, «инженерный мозг» проекта, получили задание на конструирование потаенных средств передвижения. Психологи, врачи и социологи готовили программу параллельного обучения и воспитания в двух вариантах — для взрослых и детей. Они предложили организовать вокруг основной базы несколько концентрических колец фильтрации для постепенного возведения террян ко все более высокому уровню цивилизованности. Предполагалось, что на территории каждой из зон будет действовать своя, особая конституция.

— Круги рая, — хмыкнул Кнорр.

Но яростной атаки с его стороны не последовало. К тому времени уже эффективно работало средство против раздражительности планетолога: вечного оппонента любой идеи с голо-

вой погрузили в исполнение прямых профессиональных обязанностей. И это очень помогало, поскольку работы у планетологов хватало выше головы. Они составляли детальные карты Терраниса, с помощью дистанционных методов искали месторождения полезных ископаемых, вели метеорологические наблюдения, собирали информацию о промышленности, транспортных коммуникациях террян, следили за перемещениями враждующих армий и флотов. Оказавшись при деле, Альфред настолько преобразился, что сам высказал идею. Он предложил не ограничиваться пассивными наблюдениями погоды, а приступить к мягкому регулированию климата, чтобы увеличить продуктивность сельского хозяйства и тем самым повысить общее благосостояние населения.

— Сытые подобрее будут, — убеждал он.

— Страшное дело — гуманист с пустым желудком, — согласился Сумитомо. — Это называется фанатик.

— Да уж, знаю, — сказал Кнорр, думая о чем-то своем.

И они разошлись, довольные друг другом. Но Сумитомо часто качал головой и сокрушался по поводу надвигающейся «эпохи миссионеров». Точнее, по поводу связанного с ней риска.

— Ох и грустное это занятие — осчастливливать.

— Трудно начинать, — успокаивал Рыкофф. — Потом приспособимся. Не забывай, контакты уже завязаны.

— Но ведь кто-нибудь погибнет, — сказала Шанталь. — Там, внизу.

— Мы хорошо подготовимся.

— Как бы хорошо ни готовились, всего не предусмотришь.

— К сожалению, это неизбежно. Что с вами?

— Нет, ничего.

После шести полновесных суток работы с перерывами только на сон и еду предварительный план самых неотложных дел был намечен.

— Разрешите объявить паузу, командор? — улыбаясь, спросил Серж.

— Ох, не помешало бы, — признала Маша.

Рыкофф и Сумитомо заговорщицки переглянулись.

— Предлагаем прогулку на Терранис, — еще больше улыбаясь, сказал капитан «Фантаска».

Маша со своим волнением почти справилась, но сказать ничего не сумела, только кивнула.

— Станислава вас ждет в пятом ангаре. Она приготовила свой флигер. Позвольте проводить? До трапа, так сказать. Капитанская традиция.

— Да, спасибо, будет кстати. Я все еще слабо ориентируюсь в ваших просторах.

— Что-нибудь с собой возьмете?

— Да... Нет, ничего не надо. Сейчас пойдем?

— Ну конечно, прямо сейчас. Сколько ж можно откладывать!

Флигер «Фантаска» был целиком выполнен из незнакомого Маше материала молочного цвета, упругого на ощупь. Из-за этой своей упругости, а также полного отсутствия ломаных линий, он больше походил на живое существо, чем на машину. Сходство усиливалось тем, что поверхность флигера могла меняться, словно под обшивкой у него напрягались мускулы. Воздушные рули, например, не изгибались под резко очерченным углом, они как-то оттопыривались в нужный момент.

— Прошу, — сказала Станислава.

На гладком дотоле крыле образовалась серая шершавая дорожка — чтобы ноги не скользили.

— Благодарю.

Привычные кресла в кабине отсутствовали. Вместо них имелись углубления в форме человеческого тела. Маша забралась в свою ямку. Лежать в ней оказалось на редкость удобно. Сразу захотелось вздремнуть.

— Кто же все-таки меня приглашает на Терранис? — спросила она только для того, чтобы отогнать сон. Она уже догадывалась, не могла не догадываться, но поверить боялась из суеверия.

— Думаю, вам будет приятно, — уклончиво сказала Станислава и пошевелила пальцами. От этого движения прозрачный фонарь кабины закрылся.

Снаружи капитан Рыкофф тоже опустил стекло своего шлема. Потом помахал рукой и отдал честь. Он улыбался.

Но на этот раз улыбался грустно, словно вспомнив о чем-то давно прошедшем. Маше почудилось, что он ей завидует. Быть может, так оно и было. На протяжении всех последних шести суток, будучи обыкновенной женщиной, то есть существом любопытным, Маша старалась догадаться, есть ли у столь приятного Сержа подруга, а если есть, то кто она. Но так и не сумела. Зато поняла, что под внешностью свойского парня, весельчака и обаяшки, капитан «Фантаска» скрывал себя истинного — человека тонко чувствующего, ранимого, отзывчивого, немало пережившего, весьма ценящего дружбу. И еще она поняла, что все это дал ей понять сам Серж.

— Кто рекомендовал вас на должность командира «Звездного Вихря»? — мимоходом спросил он.

— Коммодор Дюнуа. А вас?

— То же самое лицо.

— Космофлоту с ним явно повезло.

— А с нами? — улыбнулась Маша.

— Коллега! Какие могут быть сомнения!

Флигер повис над полом ангара, а потом двинулся к стене. То, что внутренние стены «Фантаска» расступаются сами собой, Машу уже не удивляло. Но наружная обшивка! Она раскрылась так же легко и непринужденно, как дверь в ванную.

Окруженный снежинками замерзших газов, флигер выплыл в забортный вакуум, причем, в какой именно момент заработал двигатель, Маша определить не смогла. Она только почувствовала увеличивающуюся тяжесть тела, но это чувство сразу же прошло. На маленьком экранчике заднего обзора она увидела «Фантаск». Расстояние до него быстро увеличивалось. Из-за объемного корпуса вакуум-перфоратора показалось длинное тело «Вихря», по которому ползали роботы-полировщики.

— И каково ускорение? — спросила Маша.

— Да ерунда. Пять «же». Почти не чувствуется, правда? Гравистаты стали очень компактными.

— Да, вы располагаете лучшей техникой, чем мы. Надо же! Всего каких-то двадцать геолет с небольшим, а такая разница...

Станислава рассмеялась.

— Пора прекращать деление на «наших» и «ваших», командор. Все мы теперь в равной мере далеки от Солнца. Все мы теперь одна команда...

— О, конечно. В одной лодке. Но я еще не привыкла.

Станислава неожиданно вздохнула.

— Что такое? — удивилась Маша.

— Боюсь, что вся наша техника не поможет вернуться на Землю.

— Все возможно.

— Вас это не расстраивает?

— Расстраиваться еще рано. Я мельком слышала, что в Терранисе тоже есть канал.

— Есть. Но не такой, как на Кампанелле. И макул здесь никто не видел. Серж полагает, что Терранис — конечная станция.

— Вот как? Да, будет печально, если он окажется прав.

— Сколько я его знаю, граф всегда оказывался правым.

— Граф? Какой граф?

— О! Простите, забыла, что вы недавно на «Фантаске». Граф — это все тот же капитан Рыкофф. Как ни забавно, его удостоили титулом.

— За что?

— Да за подвиги у Кроноса.

— Вы, вероятно, давно знакомы?

— Лет семьдесят. Ну или около того. Трудно сразу сосчитать после всех перемен времени. В общем, мы встретились на Гравитоне.

— На Гравитоне-4?

— Да.

— Позвольте... Так вы побывали в системе Кроноса тогда, когда там все случилось?

— Не только я. Примерно четверть экипажа «Фантаска» — бывшие гравитонцы. Еще человек пятнадцать побывали в свое время на Гравитоне-3. А Джошуа Скрэмбл, наш инженер, ну знаете, он в очках все время ходит, так тот успел побывать на обеих станциях. Жил на Гравитоне-3, строил Гравитон-4. А потом остался на следующий срок.

— Да, ветеран.

— У нас даже софус оттуда, со спасательного звездолета сняли, — с оттенком гордости сказала Станислава.

— Хороший софус?

— Уникальный. Умеет дружить. Во всяком случае — с Сержем.

Маша улыбнулась.

— Вы влюблены в свой корабль. У вас все уникальное!

— Нет, почему же... Хотя, отчего же... Но влюблена я скорее не в корабль, а в человечество, способное создать такое.

— Станислава, скажите... вы видели их? Тех, кто старше нас?

Станислава отрицательно качнула головой.

— Их видел только один человек. Его на «Фантаске» нет.

Тут в ее озорных глазах неожиданно мелькнуло выражение печали.

— Впрочем, сейчас уже, наверное, два.

Маша выжидающе промолчала. Но Станислава в эту тему углубляться не сочла возможным. Едва ли не минуту она вообще молчала. А когда очнулась, то коротко извинилась. Сказала, что тут дела личные. И лично не ее дела.

— Хорошо, — сказала Маша. — А почему у вас вообще столько гравитонцев оказалось?

— Да много причин.

— Но есть и главная?

— Есть. Между Кроносом и Кампанеллой возможна связь. В том смысле, что явления одного порядка.

— Знаете, нас тоже протащило мимо Кроноса. Даже Гравитон-4 можно было различить.

— Вот как? Оч-чень любопытно.

— И макула, насколько я понимаю, впервые появилась не на Кампанелле.

— Да. Серж ее видел там, на Феликситуре.

— И она не набросилась?

— Нет. Почему-то не набросилась.

— Загадка.

— Да. И не последняя, мне кажется. В последние дни я часто размышляю как раз о том, почему так много гравитонцев оказалось в конечном счете у Терраниса. Все вроде про-

изошло естественным образом. Но как случилось, что одно и то же стремление полететь на «Фантаске» возникло у очень разных по характеру людей? Причем людей, изрядно насытившихся космосом.

— Наверное, у вас что-то есть общее?

— Единственное, что у нас бесспорно общее, так это факт пребывания на борту одной из станций серии «Гравитон» в системе Кроноса.

— Разные бывают случайности.

— Если это и случайность, то случайность, в которую не хочется верить, памятуя, каким путем мы все сюда попали. Понимаете?

— У вас есть объяснение?

Станислава немного подумала, глядя на растущий впереди Терранис. Они приближались с ночной стороны, и темнота скрывала три четверти планетного диска. Светился лишь узкий серп на северо-востоке.

— Символично, — сказала Станислава.

— Что?

— Большая часть проблемы погружена во мрак неизвестности.

— Но объяснение брезжит?

— Для объяснения слишком мало фактов. Для предположения слишком много смелости. Назовем это подозрением. Не относитесь к нему серьезно, командор.

— Напротив! К женским подозрениям именно так и надо относиться. Ведьмы мы.

— Как правило. Впрочем, в данном случае... не знаю, не знаю. Мне кажется, Кронос сделал гравитонцев своими глазами на Земле. И в определенной мере подчинил нас себе. Сделано это очень тонко, никакого влияния мы не ощущаем. В обыденной жизни человек ведь практически никогда не задумывается, откуда или отчего у него возникает желание. Возникло — и все тут. Между тем тот, кто контролирует рождение желаний, если это возможно, управляет и поведением. То есть человеком. Замечательный способ! Страшно, правда?

— Жутковато, — согласилась Маша. — Какие есть подтверждения?

— Факт влияния макул на психику человека можно считать установленным. Влияние Кроноса — тоже, даже с большей достоверностью. Влияние Кроноса сложнее и многообразнее, отчего легче обнаруживается. Знаете, почему Скрэмбл носит очки с охлаждением?

— Нет. Почему?

— Он видит инфракрасное излучение. После Кроноса. Это очень неудобно.

Маша невольно приподнялась в своем мягком ложе.

— Каким образом? Это проверено?

— Да, вполне. В сетчатке глаз Джошуа появились новые типы фоторецепторов. Первый и единственный случай в истории медицины. Но это еще что! Каждый из нас приобрел новые способности, поверьте. Будет время — расскажу. Или кто-то из наших расскажет, тайны мы не делаем. Хотя тайна есть, и еще какая...

— Ничуть не сомневаюсь, — обеспокоенно сказала Маша. — Но не пора ли готовиться к посадке? Мы входим в атмосферу.

Станислава улыбнулась.

— Никакой подготовки не требуется. Все ремни да застежки остались в солнечном прошлом. Если охранные системы каким-то чудом не сработают, то никакие ремни не спасут.

— Бр-р!

— Да все нормально. Можно спокойно наслаждаться видами незнакомой планеты.

Маша приподнялась, чтобы лучше видеть то, что было впереди. Белая масса под ней тоже шевельнулась, образовав новый слепок, повторяющий позу. Из него вылепилась удобная спинка. Под ногами образовалась ниша, из которой веяло теплом. Это было особенно приятно, поскольку на флигер надвигалась ночь, и ночь ненастная.

В атмосферу они вошли удивительно мягко, без грохота и даже без существенного разогрева обшивки. Флигер затормозился не набегающим потоком, а своими двигателями. В плотные слои он вошел со скоростью обычного самолета. Прошло еще несколько спокойных минут, и машина погрузилась в густые облака. Темнота поглотила машину. Но в кабине стало лишь чуточку сумрачнее, поскольку колпак над ней превратился в сплошной радарный экран.

— Нет, это не флигер, — с некоторым сожалением сказала Маша. — Скорее такси. Ни рева тебе, ни грохота, ни тряски. Прощай, романтика!

Станислава опять улыбнулась.

— Романтика будет. Это я обещаю.

Облака остались вверху. Флигер наклонился на крыло, и слева стало заметным речное русло, извивающееся среди густого тропического леса. Деревья стремительно приближались, и от этого захватывало дух.

— Интересно, как вы управляете, пальцами?

— Можно и пальцами, но лучше непосредственно этим. — Станислава прикоснулась к виску. — Софус автоматически настраивается на биотоки мозга первого человека, садящегося в кабину. Можно посылать и робота.

— Очень удобно. А долго еще лететь?

— Уже прилетели.

Маша растерянно оглянулась. Деревья, которые только что находились далеко внизу, теперь с двух сторон нависали над головами. Без малейших толчков флигер приземлился то ли на просеке, то ли на лесной поляне. Колпак погас и съехал назад. Сразу стало темно, послышался свист ветра, шорох листвы. Ощущался сильный запах незнакомых цветов. После безмолвной Кампанеллы непривычно было слышать крики ночных птиц, далекое рычание хищника. В кустах жалобно попискивали мелкие зверьки. Сразу стало понятно, что планета не просто жива, а насыщена жизнью.

— Ничего не вижу, — сказала Маша. — Можно включить фары?

— Не стоит. Мы прибыли инкогнито. Но вас должны встречать. Давайте подождем.

Начался дождь. Станислава кабину не закрывала.

— Вода всасывается обивкой, — пояснила она.

Дождь был не очень сильным, но крупным. Капли звучно шлепали по листьям, земле, обшивке флигера, некоторые чувствительно били в голову и по плечам.

Шум дождя заглушал звуки. Обещанный встречающий подошел к самому борту прежде, чем Маша заметила темную фигуру. Человек откинул капюшон и наклонился, рассмат-

ривая тех, кто был в кабине. Он хорошо видел в темноте, поскольку через секунду на коленях Маши лежал тяжелый букет, источающий незнакомые ароматы.

— Не урони, — сказал подошедший.

Маша прижала цветы к груди. Две крепкие руки, которые она не могла спутать ни с чьими, подхватили ее, подняли, бережно опустили на землю. Потом осторожно погладили волосы.

— Я вернусь послезавтра, ночью, — сказала Станислава. — Примерно в это же время.

Маша повернулась. Под ногой хрустнула ветка.

— Стася... не знаю, что сказать.

— И так ясно, — рассмеялась Станислава.

— Что я могу для вас сделать? Я тоже правильно поняла?

— Совершенно правильно. Подарите своего старшего офицера, командор. Мне нравится его прическа.

— Дорогая моя сестрица! Вы же понимаете, я не распоряжаюсь его сердцем.

— Сердцем? О, его сердцем уже распоряжаюсь я! — без тени сомнения заверила Станислава. — А вот отпуском...

— А, это. Двое суток.

— Двое?

— Больше нельзя. У него сейчас масса забот с «Вихрем».

— Вот наш капитан, например, к людям очень внимателен...

— Да, я оценила! Трое суток. Земных, разумеется.

— Можно было бы и побольше, — недовольно сказала Станислава. — Но так уж и быть, сторговались. До видзенья!

Блистер над кабиной закрылся, внутри флигера послышался негромкий поющий звук. Машина приподнялась. Из-под нее вырвался сильный ветер. Флигер плавно скользнул вперед, растаял на темном фоне леса. Потом светлый, едва различимый на фоне облаков силуэт мелькнул над деревьями в самом конце поляны, после чего флигер совсем исчез. У Маши почему-то дрожали колени. Даже показалось сначала, что трясется земля.

Всю ночь они истово занимались любовью. Проснулись уже от полуденной жары. Маша с любопытством оглядела комнату с низким потолком и узким оконцем. Все здесь было сделано

из естественного дерева и ничем не окрашено — пол, стены, широкая лавка, на которой они спали. Потолок опирался на толстое бревно, уложенное на стены.

Потом она долго всматривалась в лицо Рональда, находя все новые и новые морщинки. Рональд явно постарел, но был бодр и жизнерадостен. Маша очень остро поняла, каким необходимым он для нее стал. От него всегда веяло дружелюбной силой и спокойствием точного знания. Маша погладила его мускулистую руку.

— Мне так много у тебя нужно спросить, Ронни.

— Э! Времени теперь более чем достаточно.

— Кого из наших удалось разыскать?

— Из «вихревцев» — Джун, Нолана, Милдред. Но поиски продолжаются.

— И Милдред нашли?

— Ну, ее найти было проще всего. Интравизор, как-никак. Кроме того, уцелела половина экипажа «Фламинго», шестеро с «Альбасете». Думаю, еще кто-нибудь отыщется, возможностей у нас теперь куда больше.

— Гора с плеч!

— Да, все не так уж плохо, — улыбнулся Рональд.

Маша внимательно осмотрела комнату.

— Неказистый получился домишко, — сказал Рональд. — Плотницкое дело пришлось осваивать на ходу.

— Вы все делали сами? — спросила она.

— Куда там! Свиристел помог со своими мужиками.

— А кто такой Свиристел?

— Морской торговец и немножко пират. Сегодня познакомлю.

— Пират, морской торговец... Никак не привыкну. Рыкофф поделился со мной своими догадками. Но я не успела понять, зачем потребовалось ввергать несчастных кампанеллян в прошлое?

— Я тоже не уверен, что понял все. Но две правдоподобные причины могу назвать.

— Какие?

— Во-первых, те, кто создал трансцендентный канал, могли решить, что людям не мешает побороться за жизнь,

чтобы лучше ее ценить. Почему это так важно, Серж, наверное, объяснял.

— Да. Весьма убедительно. А вторая причина?

— Наверное, нужно было посмотреть, насколько быстро, начав с нуля, люди вернутся к исходному уровню развития. И в материальном плане, и в социальном. Должен заметить, что темпы прогресса террян устроителей эксперимента явно разочаровали.

— Почему так думаешь?

— Да ведь канал продолжал работать. И перемещению подверглись уже не столько люди, сколько их техника. Тебе не кажется, что «Фантаск» с «Вихрем» прорвались не потому, что сумели, а потому, что им это позволили?

— Очень даже кажется. Из-за необходимости ускорить развитие колонии на Терранисе?

— По-видимому.

— М-да. Жили себе, жили. И вдруг является некто и начинает нами манипулировать.

— Какое там «вдруг»! Просто раньше мы не замечали.

— Раньше? Ты хочешь сказать, что те, кто старше нас, вмешивались в нашу жизнь и до Кампанеллы?

— Почти уверен.

— Расскажи.

— Начинать придется издалека.

— Сам говорил, что времени теперь — ого-го.

— Ладно, слушай. Начну с того, что со школьных времен я не перестаю поражаться тому, как люди находили в себе силы жить раньше, в Темный период истории. Океаны лжи, насилия, жестокости. Болезни, голод, тяжелейшие материальные условия. Поразительно, но в этих океанах всегда отыскивались светлые островки вокруг отдельных личностей, призывавших опомниться, звавших к любви, состраданию, доброте. Мы знаем, что зачатки добра, так же, как и зла, вырастают в конечном счете из биологической основы человека. Но вот что странно, так это озарения, посещавшие проповедников тех времен. Озарения объяснить одними материальными причинами не удается. Являлось в тех озарениях многое — от железных птиц и огненных дождей

до типа отношений между людьми, удивительно похожих на те, что существуют сейчас.

Маша глянула в открытое окно, за которым качался ствол незнакомого дерева, змееобразно извивались лианы. Потом осторожно вставила:

— На Земле.

— А? Да, на Земле. В том-то и дело, что на Земле. Задолго до того, как мы отправились к Эпсилону, откуда-то взялся в воображении Томазо Кампанеллы его Город Солнца... Гуманистические идеи Ренессанса вообще мой конек, задерживаться на них не буду. Возьмемся за мировые религии. Но не с вопроса о Демиурге, а с точки зрения этических норм. Даже при достаточно беглом знакомстве можно видеть, что в каждую из них вложен мощный потенциал человеколюбия. Кроме конкретных рекомендаций по-доброму относиться к единоверцам, там есть и другое. Вспомним о фундаменте любого массового культа — надежде на справедливое воздаяние, самой ценной и дорогостоящей из всех надежд. Заметь, всякая религия зарождается лишь при наличии значительного числа людей, готовых в нее уверовать. Конечно, сознание формируется при сильном влиянии условий. Не случайно возникновение мировых религий приходится на времена смут и войн, когда особенно сильна потребность в надежде. Но как своевременно она появлялась! Бесконечные войны в Индии минус шестого века — Будда, страшное душевное опустошение после подавления Римом иудейских восстаний — Христос. Беспощадные войны кочевников Аравии — Мухаммед. При каждом большом и продолжительном бедствии находился Утешитель. Уже на одном этом можно строить спекуляцию о внешнем вмешательстве, тебе не кажется?

— Пока — нет. Жажда надежды для человека естественна. И появление утешителей вполне объяснимо наличием спроса.

— М-гм, хорошо сформулировано. Однако твое объяснение может быть не единственным, согласна?

— Допускаю. Но счет один—один не приносит победы.

Рональд улыбнулся. Маша глянула на него искоса.

— Послушай, ты был бы не ты, если бы главный аргумент не припас напоследок.

Рональд рассмеялся.

— Верно. Ты меня не очень забыла.

— Выкладывай.

— Серж не показывал тебе фильм о К-инсайтах?

— Нет. А что это за инсайты?

— Не успел, значит. К-инсайтами гравитонцы именуют особое состояние озарений, которые они испытывали вблизи коллапсировавшей звезды Кронос. Их записали мнемографом и смонтировали видеоролик. Фильм получился прелюбопытный, я видел его на экранах «Нерея».

— И «Нерей» здесь?

— Конечно. Жив, курилка.

— Да, все не так уж плохо!

Рональд улыбнулся.

— А кто говорит, что плохо? Слушай дальше. В К-инсайтах, кроме всего прочего, Кронос показал портреты Будды, Гиппократа, Роджера и Френсиса Бекона, массы других известных людей. Причем в исторической достоверности этих портретов лично я мало сомневаюсь. Понимаешь, что это значит?

— Хочешь сказать, что за человечеством издавна присматривают?

— Не только присматривают, а время от времени... воодушевляют, что ли. Как раз тогда, когда жить особенно тяжело. Особенно тем, кто мыслит. Серж объясняет такое вмешательство своеобразной гуманностью. Те, кто старше нас, не могли отменить биологической эволюции как способа выращивания разума, хотя и вполне отдавали себе отчет в мучительности этого процесса. С другой стороны, они знали, что цель того заслуживает. Поэтому старались ободрить, приоткрывая отдельным людям завесу над будущим. Возможно, именно такие озарения, трансформируясь в сознании наших предков, привели к возникновению понятия о рае.

— И все для того, чтобы, получив разум, мы не лишились жажды жизни?

Рональд пожал плечами:

— Другого объяснения не вижу. А ты?

— Гипотеза соблазнительна. Но в ней слишком много допущений, чтобы сразу уверовать.

— Осторожно высказалась, командор.

— Уж с тобой-то я могу быть откровенной! Ночка была...

— А! Так это — откровенность! — рассмеялся Рональд. — Что ж, чистосердечное признание заслуживает награды.

Неожиданно он спрыгнул с лавки, на которой прошла ночка, и протянул руки:

— Сударыня, а не чувствуете ли вы потребности в материальной пище?

— Потребности? Не то слово! Во мне ягуар проснулся.

— Тогда идем, ваше кошачество!

Едва дав одеться, Рональд вытащил ее под палящие лучи местного светила. Вопреки жаре, на поляне перед домом горел костер. Отмахиваясь от насекомых, слетевшихся на запах, у огня хлопотала знакомая долговязая фигура.

— Якоб, старый осьминог! Ты все еще числишься в списках Космофлота. Приветствуй командора!

Ван Вервен отсалютовал поварешкой и стал на одно колено.

— Разрешите кормить экипаж, мэм?

Маша взялась за его растрепанную голову и поцеловала в лоб.

— Ну, как вы тут без меня жили?

— Разнообразно. Скучать не приходилось, — улыбнулся океанолог. — Вот, готовить научился. А Рональд, что же, не рассказывал?

— Да как-то... — замялась Маша.

— Ну, понятно.

— Кхэм, — деликатно сказали сбоку.

Там, сбоку, у баньяна стоял невысокий, но едва ли не столь же широкий, как и ствол дерева, мужчина с еще более лохматой, чем у Ван Вервена, головой и густой бородищей.

— Стоеросовы мы, — сказал бородач, кланяясь и Маше, и баньяну одновременно. — Свиристел Палыч.

— Мария, — сказала Маша.

— А по батюшке вас как?

— Мария Джеймсовна.

— Очень приятно. — Стоеросов осторожно пожал Машину руку. — Дружки мы с вашим супругом, стало быть. А потому дружки, что если б не его подводноходная посуди-

на, потопил бы нас адмирал Василиу. Как пить дать, потопил бы.

— Пить дадим, — пообещал Якоб.

— За что же адмирал Василиу хотел вас потопить? — удивилась Маша.

— Так война же.

— А, вот оно что. Война у вас. Из-за чего?

Стоеросов почесал голову.

— Я так полагаю, императору курфюрст надоел.

— И этого достаточно? — еще больше удивилась Маша.

— Разве мало? — в свою очередь удивился Стоеросов.

— А кто прав?

— Да тот, кто победит, — усмехнулся бородач. — Но первым напал император. Зятя моего чуть не убили. А он мужик хороший, даром что барон.

— Прошу к столу, — пригласил Ван Вервен. — Политика пусть повременит.

— А пущай, — согласился Стоеросов. — От нее пищеварение портится.

Обедать сели в горнице, поскольку жара становилась нешуточной, да и насекомых хватало. Не хватало кондиционера.

К столу были поданы клубни картофеля, сваренные в собственной кожуре, сушеный хлеб с забытым названием «сухари», крупные ломти вареного, а потом подрумяненного прямо на открытом огне мяса. Суровую мужскую трапезу несколько скрашивала гроздь мелких и зеленоватых местных бананов, играющая роль десерта. Малое количество блюд компенсировалось соответствующим количеством пищи.

— Это что, мясо животного? — ужаснулась Маша.

— Аккурат утречком добыл, — кивнул Стоеросов. — Совершенно свежее.

Маша заглянула в его спокойные светлые, будто выцветшие глаза, и не удержалась от вопроса:

— Вы в самом деле пират, Свиристел Павлович?

Стоеросов сокрушенно вздохнул.

— Не так чтобы очень, но немножко было. По молодости, да по дури. Только это все в прошлом, сейчас я на службе

у курфюрста, патент даже есть. Он у меня в скампавее лежит. Потом покажу, ладно?

— О, конечно. Обед ждать не может. Якоб, пахнет от стола восхитительно.

Ван Вервен благосклонно кивнул. Наклонившись, пошарил под столом и извлек кувшин. Там был местный алкогольный напиток, названия которого Маша не запомнила. Мужчины выпили и зажмурились. Маша удивилась тому, что Рональд не стал закусывать. Видимо, было нужно по каким-то соображениям.

— Ох, — сказал пират Стоеросов. — Такое делать не могу. Вот в двух умениях Ронни меня превзошел.

— А второе какое? — полюбопытничала Маша.

— Да побил он меня.

— Как — побил?

— Джеймсовна! Можешь не верить — голыми руками. Сначала спас, а потом побил. Наш человек! Врут все про небесников, теперь я точно знаю.

— Боже, — с изумлением сказала Маша. — Ронни, это правда? Ты дрался?

— Тайны начинают открываться, — пропел Якоб.

— Джеймсовна, не серчай, — вступился Стоеросов. — Вишь ли, сгоряча хотел я тех матросиков имперских... А они же подневольные. Ну, в общем, правильно меня тогда поколотили. Здоров же твой Юсиевич драться, ей-бо! — с уважением сообщил Стоеросов. — Случалось, и раньше меня побивали, если эдак втроем, скажем, наваливались. А в одиночку, да так быстро — не, такого не бывало, вот те крест! Я, если хочешь знать, есть первейший в Муроме кулачный боец. Дьяк там один похвалялся, так ты не верь, врут все. Да и помер уже.

— Слушайте, — сказал Рональд, — пойдемте купаться. Жарко.

— Только не в реке, — сказал Стоеросов. — Крокодюки повылазили.

— Давайте в море, — предложил Ван Вервен.

— Под скалой?

— Ну да, в заливе. Там ихтиозаврам тесно.

— Идет, — сказал Рональд. — Маша, в спальне есть полотно, из него можно какое-нибудь бикини сделать. Мы подождем.

Маша поняла, что на Терранисе не принято купаться в обнаженном виде. Не полагается командиру звездолета.

Скала, о которой говорил Стоеросов, нависала над небольшим заливчиком. Со стороны моря он был отгорожен отмелью и рядом рифов, через которые с шумом переливались волны.

— Крупные хищники сюда пробраться не могут, — пояснил Ван Вервен. — Ну, я пошел.

Оттолкнувшись, он ласточкой сорвался вниз. За ним, страшно раскорячась, обвалился Свиристел. Рональд обнял Машу за плечи.

— Красиво здесь, правда? Посмотри вокруг.

Скала, на которой они стояли, завершала узкий мыс. Слева находилось устье полноводной реки. Под обрывом на якоре покачивался старина «Нерей». Ближе к морю, примерно на треть вытащенная на песок, находилась старинная галера со сложенными вдоль бортов веслами и свернутым парусом. Подле нее ватага пестро одетых людей что-то готовила на костре. Караульный матрос сидел на корме судна, у зачехленной пушки, болтал ногами и время от времени швырял камни в жутковатые морды, показывающиеся из воды. Над обрывом среди деревьев проглядывала тесовая крыша дома, в котором они провели ночь. Дальше, вплоть до синевших на горизонте гор, землю покрывал сплошной слой сельвы. Справа от скалы, за россыпью поросших густым лесом островов, угадывалось море. Туда со стороны суши текли потоки горячего воздуха.

— В этом мире, быть может, нам придется провести весь остаток жизни, — задумчиво произнес Рональд. — Тебя это не расстраивает?

— Могло быть и хуже, — отозвалась Маша. — Значительно хуже.

Рональд покачал головой.

— Навряд ли. Тот, кто создавал трансцендентный канал, не мог делать это бессмысленно.

— А в чем же смысл, кстати?

— В пересадке. Разумную жизнь пересадили из одной Вселенной в другую. Кампанелла сыграла роль яркого цветка, заманившего нас ко входу в канал. И когда людей скопилось достаточно много, система заработала.

— Тот, кто это сделал, достаточно жесток. Пострадало множество людей.

— Тот, кто это сделал, руководствовался не моралью, а целесообразностью. При пересадке растений часть его корневой системы неизбежно повреждается. И некоторое время растение болеет.

— Это не оправдание. Тот, кто нас пересадил, не интересовался индивидуальными судьбами. Нас вообще не спрашивали, хотим ли мы такого переселения. Не уверена, что с точки зрения кампанеллян, заброшенных сюда, оно было так уж целесообразно.

— Маша, я и не ищу оправданий случившегося. У меня более скромная задача — понять.

Маша вздохнула.

— Наверное, на большее с нашими скромными возможностями трудно рассчитывать. Что же еще тебе удалось понять?

— Не так уж и много, но... кое-что. Судя по всему, Вселенная, в которой мы оказались, развивается динамичнее нашей родной. Время течет здесь явно быстрее. Возможно, кому-то недосуг ждать, когда тут цивилизуется собственная жизнь. Вот и пересадил он нас в гости к ящерам.

— Зачем на одну и ту же планету?

— Не знаю. Вероятно, и в этом есть смысл, но пока я его не нахожу. Он должен быть, поскольку невероятно, чтобы здесь для жизни оказался пригодным один-единственный Терранис. Возможно, смысл в том, что, взаимодействуя, две цивилизации смогут развиваться быстрее. О чем ты задумалась?

— После переселения у кампанеллян должна была возникнуть весьма определенная религиозная ассоциация.

— Изгнание из рая?

— Да.

— Многие так и расценили.

— Тогда, быть может, все это с нами проделал Бог?

Рональд усмехнулся.

— Скажи мне, кто такой Бог. Тогда я попытаюсь ответить.

— Существо, либо существа, намного опередившие нас в развитии, но имеющие желание вмешиваться в нашу судьбу.

Рональд пожал плечами.

— В таком разрезе можно считать их и богами. Но молитвы на них не действуют, это точно. И как их ни называй, они могут нами манипулировать, мы ими — нет. Впрочем, я не уверен, что они существуют.

— Как же так? Результаты действий весьма красноречивы.

— Безусловно.

— И?

— Позволю себе маленькую аналогию. За обедом ты отказалась, и совершенно напрасно между прочим, от мяса молодого трицератопса. Свиристел поймал его в одну из своих ловушек. Скажи, пожалуйста, мог наш пират от чего-нибудь погибнуть после того, как расставил сети? Теоретически?

Маша взглянула на реку, из которой упрямо показывались морды.

— Ты хочешь сказать, трансцендентный канал пережил своих создателей?

— Утверждать не могу. Но и отбрасывать такую возможность нельзя. Не исключено, что создатели трансцендентного канала так и не дождались, когда мы цивилизуемся.

Внезапно Рональд насторожился.

— Что случилось? — спросила Маша.

— Погоди, не шуми.

Из-под скалы послышался встревоженный голос Ван Вервена.

— Побудь здесь. Никуда не уходи, — отрывисто сказал Рональд.

Прыгая по горячей осыпи, он побежал вниз. Скала тоже была разогретой, Маша давно уже переступала босыми ступнями, поочередно поднимая одну ногу и стоя на другой. Но ждать пришлось не слишком долго. Снизу поднялись Якоб и Ронни, которые под руки вели хромающего пирата. Голень

Свиристела была залита кровью. Он громко ругался. Рональд быстро взглянул на Машу.

— Сними лифчик, — сказал он.

Маша повернулась спиной. Рональд разорвал материю, скрутил из нее жгут и перетянул ногу Свиристела ниже колена.

— Что случилось? — спросила Маша.

— Макарена цапнула, — морщась, ответил Стоеросов.

— Она ядовитая, эта макарена?

— Не. Характер только плохой.

— Красивый мир, — кивнула Маша, закрывая ладонями соски.

— С твоим прибытием он явно стал лучше, — рассмеялся Якоб.

В избушке Свиристелу дали выпить местного алкогольного напитка, и он успокоился.

— Испугалась? — спросил Рональд.

— Не очень.

— Ты все время о чем-то думаешь.

— Да.

— О чем?

Маша оглядела развешанные по стенам ружья, сабли и пистолеты.

— Скоро тебе придется командовать «Вихрем».

— Мне? Почему?

— Эх ты, интравизор! У нас будет ребенок, Ронни. Хорошая фраза для того, чтобы окончить какой-нибудь роман, не так ли?

— Эта фраза хороша для плохого романа, — улыбнулся Рональд. — А о нас еще найдется, что почитать.

— Ты уверен?

— Да. А кто у нас будет? Девочка?

— Хорошо. Пусть будет девочка.

Хорошо знакомым ей жестом Рональд обхватил голову руками и задумался. Маша без труда поняла, что он хочет проникнуть в будущее их еще не родившейся дочери.

Двое других мужчин, землянин и террянин, переглянулись.

— Надо бы проверить, чем заняты твои головорезы, — сказал Ван Вервен.

— Без глазу оставлять не годится, — серьезно кивнул Свиристел. — Хотя и смирные... но образование у них такое. Ронни, вот эту швабру я заместо костыля возьму. Плачу пиастрами!

Маша взглянула на него с любопытством. После того как его укусила загадочная макарена, Свиристел перестал быть отчасти абстракцией. Раньше он почему-то воспринимался полуусловно, как персонаж пьесы, и если бы вдруг взял да исчез, подобно призраку, Маша удивилась бы, конечно, но не очень. Как-то не до конца верилось, что все случившееся произошло на самом деле. И марш сквозь трансцендентный канал, и Терранис, и этот говорящий архаичным языком экс-пират. Но вид крови на его ноге придал окружающему миру и реальность, и полновесность. Будто вуаль с глаз упала. Нет, все случилось взаправду. И жить здесь предстояло всерьез, а главное — долго. Прощайте, Багамские острова, база отдыха Космофлота Солнца... Именно там они с Рональдом познакомились.

— По-моему, с местным населением вполне можно ладить, — сказала Маша, когда они остались вдвоем.

— Ну-ну, не все здесь пиастры, — рассеянно отозвался Рональд. — Есть и монстры.

— Какие пиастры?

— Пираты, я хотел сказать. М-да, лучше пусть будет девочка.

Маша ощутила холодок в груди. Где-то рядом с сердцем. Будто только по чистой случайности разминулась с чем-то ужасным. Да, их ребенку предстоит жить здесь, на Терранисе. На планете, где случаются войны, где водятся макарены с плохим характером, крокодюки с ужасными мордами, трицератопсы, ихтиозавры и бог весть кто еще... Интравизор не может в точности предсказать отдельную судьбу. Но взвесить сумму грозящих опасностей вполне способен. И вот Рональд говорит, пусть лучше девочка...

— Не надо так бледнеть, родная моя, — мягко сказал Рональд. — Мы справимся.

— С чем?

— Да с этой планетой.

— Ты собираешься оставаться?

— Да.

— А как же «Звездный Вихрь»?

— Лучше всего им будет командовать Александер. Мой опыт и подготовка пригодятся здесь, для общения с местным населением. Я прав?

— К сожалению.

— Никаких сожалений! Нам предстоит много острых переживаний, опасностей, приключений. Ты еще побываешь на настоящем королевском балу. Машенька, нам предстоит новая жизнь. И это прекрасно. Ее нужно принять как естественную данность. Или лучше — как дар. Хочешь, я покажу тебе место, где мы будем строить город Трою?

— Опять?

— Да. Но в третий раз ее уж никто не разрушит.

Маша грустно улыбнулась. До возвращения Станиславы оставалось меньше суток. Земных...

— Романтик ты мой! Корпуса космической пехоты...

На глаза почему-то набежали слезы.

Те, кто старше нас

Ирине Барон,
которая не любит фантастику,
но любит мужа

1. СТАНЦИЯ ГРАВИТОН-4

Мы долго их искали. Вычисляли вероятность появления, старались определить необходимые условия, пытались представить облик. В поисках их следов старательно перекопали Марс и едва не уронили Фобос. Потом побывали на множестве планет у соседних звезд. Сотни лет слушали Вселенную, надеясь уловить чужие разговоры. Веером разбрасывали собственные призывы.

Безответные призывы. Наше одиночество казалось невероятным. Мы испытывали чувства ребенка, блуждающего в мировой тьме. Хотелось побыстрее нащупать руку мудрого взрослого. Ничего не получалось. Либо старших поблизости не было, либо они от нас прятались.

Но мы упорно не сдавались, мечтая о грандиозной встрече цивилизаций. Искали, звали, ждали. Ждали много веков. Сменялись поколения. Начинались и заканчивались войны. Наша Земля множество раз облетела наше Солнце. Наши корабли достигли звезд, наши тела перестали умирать. И мы дождались.

Но только тогда, когда навели относительный порядок в собственном доме. Более или менее разумный порядок. Важные события случаются не раньше, чем для них вызревают условия. Уж так распоряжается история.

Выяснилось, что для встречи с теми, кто старше нас, вовсе не обязательны сияющие звездолеты, оркестры, парадные речи, тщательно выверенные тексты соглашений. Те, кто старше, могут слышать нас когда угодно. В любое время и в любом месте, включая Землю. Но вот разговаривать они пожелали в системе Кроноса, на станции Гравитон-4. Вернее, мы их там

впервые услышали. А когда услышали, испугались. И правильно, между прочим. Они-то знают, что у нас на уме.

Существует убеждение, что Гравитон-4 нельзя обойти быстрее, чем за десять земных лет. Не знаю, не проверял.

Точно известно, что станция способна приютить шестьдесят четыре тысячи девятьсот семьдесят шесть человек со всем подобающим комфортом. Этот искусственный астероид строили в расчете на долгую перспективу. Пару веков, не меньше. Только на материалы разобрали больше двадцати устаревших звездолетов, которые своими последними рейсами доставили из Солнечной системы полтора миллиона тонн грузов. Еще больше материалов подняли с местной планеты. Все, что годилось для строительства.

Станцию оснастили, снабдили и украсили с щедростью, небывалой для дальних космических поселений. По внутреннему экватору там даже течет настоящая река, отличающаяся от земных лишь отсутствием истоков. Устья, впрочем, у нее тоже нет. Замкнув круг, вода проходит фильтры и вступает в новый цикл. По берегам растут камыши, насыпаны пляжи, построены мосты.

Хотя главное заключается не в удобствах. Главное в том, что Гравитон до сих пор является крупнейшим научным центром за пределами орбиты Плутона. Пресса нарекла его «приборным раем». Действительно, чего в нем только нет. Увы, сейчас этот рай покинут. Уже больше полувека на борту рукотворного планетоида нет ни единой живой души. Вернее — ни одного человека. Возможно, такова участь всякого рая. Рай важен не заселенностью, а фактом наличия.

Какой-то естественной угрозы для станции специалисты не предвидят. Она до сих пор вращается по вытянутому эллипсу вокруг странной планеты. Возмущения орбиты теперь ей не страшны, поскольку Кронос далеко. Уцелевшие автоматы управления не дадут Гравитону-4 упасть ни на Феликситур, ни на звезду, ни на коллапсар. По крайней мере до тех пор, пока не иссякнет тысячелетняя энергия реактора. Реактора, к которому намертво припаяны вязальные спицы — след Лауры, след печали.

Кроме спиц, на станции остались и другие следы. Не знаю, откуда в герметичных помещениях берется пыль, но она там есть, мне ли не знать. В этой пыли я собственными глазами видел следы знаменитых зябликов, хотя Сумитомо клянется, что вывез всех до единого. Видел и оставил там свои следы, следы обиды и непонимания.

Возможно, в этой пыли появились новые отметины. Следы тех, кто старше нас. За пятьдесят минувших лет они могли и наведаться. Правда, такое маловероятно. Тех, кто старше нас, интересуем мы, а не наши технические устройства, даже такие большие, как покинутый Гравитон. Да и те, кто старше нас, не обязаны оставлять следы — они не люди. Это человек не может появляться и исчезать бесследно, не нарушая известных ему самому законов природы.

Каждый наш шаг, каждый поступок где-то отпечатывается — либо на поверхности небесного тела, либо в сознании окружающих. Более того, все, что человек пережил, чувствовал и ощущал, теперь оседает в памяти компьютерного монстра Всемирного Совета. В назидание и на благо потомков. Таков уж закон, закон людей. И это — хорошо, поскольку полезно. Особенно в приложении к бывшим гравитонцам.

Плохо другое. Чувства, желания, побудительные инстинкты — все доступно праздному любопытству или, что еще хуже, — холодному изучению. А в человеке, как и встарь, живет тяга к сокровенному, стремление скрыть часть души от наблюдения, оставив на поверхности наилучшее.

Мне тоже жаль, что в этих записках не обойтись без некоторого душеобнажения. Но выхода нет. Я обязан рассказать о том, что видел. Живые свидетельства истории с Кроносом представляют большую ценность. Во многом они уникальны. А раз так, то лучше написать, чем подвергаться психозондированию. Не люблю эту процедуру, и все тут. Есть атавизма, есть. А кто не бродит с хвостиком? Только тот, кто не бродит на каком-то количестве ног. Старшие то есть.

У предлагаемых записок есть и другая причина. Те, кто старше нас, не спрашивали, хотим ли мы получить то, что получили, иначе многие бы отказались. Сложно жить среди нормальных людей, имея то, что мы имеем. О Круклисе и Мод еще

долго можно не беспокоиться, сейчас их с нами нет. Вообще трудно сказать, появятся ли. Но вот Абдид, Зара, Сумитомо, Беатрис, Кшиштоф...

Да практически все остальные в разной степени, с разной частотой, но ощущают настороженность окружающих, это я точно знаю. Сам испытывал. А больше всего достается бедняге Скрэмблу: мало того, что он видит в инфракрасном свете, так еще носит имя Джошуа.

Вот, чтобы в какой-то мере рассеять опасения общества, я и хочу рассказать, что видел, понял, почему и в какой мере изменился у Кроноса. Это — во-вторых. А в-третьих, напомню, что искусственный интеллект Гравитона-4 повредился в самый разгар событий. Считается, что его сгубила гравитационная волна. Но почему та же волна не уничтожила софус спасательного звездолета «Туарег», находившегося несравненно ближе к Кроносу?

Эксперты заметили противоречие, но так и не набрались храбрости официально объявить об избирательном эффекте волны. Напрасно, ох напрасно! Чем раньше мы привыкнем к мысли, что встретили наконец тот самый внешний разум, который долго искали в соседних галактиках, тем более подготовленными окажемся к следующему контакту. А он состоится, я ничуть не сомневаюсь. И боюсь, что скоро.

Между тем через шесть недель стартует «Фантаск», на котором улетают главные действующие лица истории с Кроносом. Быть может, мы и не вернемся. Тогда не вернутся и наши знания.

Вот по этим причинам я и взялся за стило. Намеревался создать нечто среднее между отчетом и мемуарами. А оно вон что вышло. Сам не ожидал.

Впрочем, был и еще повод. Возможно, главный. Его сложно объяснить в двух словах, мимоходом, но можно понять без объяснений. И чем ближе к концу записок, тем легче.

В ноябре 2716 года от далекого Солнца к нам прибыл лайнер «Цинхона» с очередной сменой наблюдателей.

Любой звездолет всегда является источником мощных возмущений — магнитных, электрических, гравитационных, радиационных. По этой причине, опасаясь сбить настройку на-

ших антенных полей, «Цинхона» затормозилась в сорока тысячах километров от нас. Навстречу отправился ракетный паром Гравитона. Среди прочих в нем улетала и моя бывшая жена, утомленная хоть и просторными, но все же ограниченными помещениями, побежденная скукой и разочарованная мужем.

Расстались мы отрешенно, если не сказать больше. Даже то, что нам явно не грозило скорое свидание, ничего не меняло. Любовь исчерпала себя сразу с обеих сторон. Увы, бывает и так. Находясь в пассажирском зале, я не испытывал никаких эмоций. Как робот с отключенными датчиками — тихо шумел, но ничего не ощущал. Функционировал, так сказать.

Со мной на балконе стоял Абдид. Опустив нос, унаследованный от граждан древнего царства Урарту, он следил за группой людей, прибывших с «Цинхоны», выглядел озабоченным и даже слегка расстроенным. Мы с ним принадлежим к секте эрогуманистов, поскольку не способны покинуть женщину, пока она нас любит. Или считает, что любит.

Разница заключалась в том, что жена Абдида все еще оставалась на станции, и с отлетом «Цинхоны» ситуация автоматически продлевалась до прибытия следующего рейсового корабля. То есть еще на один год. Год на Гравитоне-4, между прочим, почти такой же, как и на Земле.

Забрав отъезжающих, всевозможные образцы пород с единственной в системе Кроноса планеты, «Цинхона» легла на обратный курс. А в приемный ангар вошла новая смена отшельников, неся сумочки и небольшие чемоданы с личными архивами. Прочим багажом занимались арбайтеры.

Сверху мы хорошо видели новичков. Их было довольно много, около шести десятков. Еще больше народу сбежалось встречать, надеясь на свежие впечатления и знакомства, столь необходимые в замкнутом коллективе. В центре зала, под большой люстрой, образовалась жужжащая толпа. Слышались смех, возбужденные восклицания. Никто не торопился уходить. Только одна женщина вежливо, но настойчиво пробиралась к лифтам.

— Затворником больше, — констатировал Абдид.

Он оказался прав по сути, но не по форме. Среднюю норму общения Мод вполне выдерживала, регулярно появляясь не

только на рабочем месте, но и в местах общественных. Продолжительных бесед, однако, избегала, а если к этому вынуждали обстоятельства (мужчины романтических наклонностей), ограничивалась самыми общими суждениями.

Со временем ее обособленность становилась заметнее, тем более что недостатка внимания она не испытывала. Лишь Круклис, самая экстравагантная личность Гравитона, вызывал у нее некоторый интерес. Да и то довольно вялый, впрочем. Будучи уязвленным, этот самолюбивый мужчина назвал ее «женщиной в себе и вещью вне себя», чем восстановил душевное равновесие. Сколь точно он выразился, я понял позднее.

Мод записалась в мою лабораторию, поэтому познакомились мы уже на следующий день. Познакомились, да и только. Долгое время отношения оставались чисто служебными. Так получалось, что работали мы в разных сменах. Я уходил, она приходила. Я сообразил, что происходит это не случайно, а есть результат твердого решения.

Но сколько б ни прожил наш счастливый современник, сколько б ни сторонился радостей жизни, его тело остается бессовестно молодым, неприлично жадным, неуемным, неустанным. Словом, требует своего. А уж душа-то...

Однажды я передавал смену. Подписал протокол, протянул его Мод. Она неожиданно заинтересовалась автографом.

— Ваша фамилия имеет славянское происхождение?

— Непосредственно.

— Извините, я называла вас Сержем.

— А как меня еще называть? — удивился я.

— Сергеем, — сказала Мод.

Помолчав, добавила:

— Или Сережей.

Пустяк, но... Когда женщина интересуется вашим именем, она не может не интересоваться собственно вами. Так вот все и началось.

Сближению способствовали некоторые внешние обстоятельства. Станция Гравитон-4, база исследований системы Кроноса, в то время готовилась к особому событию. Двигаясь по гигантской дуге, она приближалась к Виктиму, звезде-компаньону и звезде-жертве ненасытного Кроноса.

Миллионы лет Кронос высасывал из нее горячие газы. Разогнавшись до световых скоростей, частицы этих газов падают на коллапсар. В качестве последнего салюта они испускают жесткое рентгеновское излучение. Собственно, по этому излучению в конце двадцатого века и был замечен Кронос.

Но не Виктим, и даже не сама «черная дыра» вызывали наибольшее удивление специалистов. Главная странность заключалось в том, что эта пара обладала еще и планетой.

Войдя в поле тяготения звезды, наша станция обогнула несчастное светило и направилась к весьма примечательному небесному телу. Когда-то его похитил Кронос у пролетавшей мимо звезды. Событие, прямо скажем, редкое.

Еще большей редкостью было то, что планета не упала на коллапсар, который проглотил бы ее не поморщившись. Она даже не стала его спутницей, а благоразумно поселилась рядом с Виктимом. Причем поселилась таким образом, что плоскость орбиты оказалась перпендикулярной линии между звездой и Кроносом. При этом сама орбита получилась практически круговой. Все эти особенности отправили в беспросветный тупик не одно поколение астробаллистиков. Разумеется, назвать такую планету иначе, как Феликситур, было невозможно.

Внешне Счастливчик вполне зауряден. На нем те же кратеры, разломы, брекчии (или брякчии, как их именует Круклис), тот же толстый слой пыли, что и на Луне или, скажем, Меркурии. Бурная судьба лишила планету атмосферы, изуродовала поверхность бесчисленными воронками, опалила всеми известными видами излучений. Вдобавок, будучи почти таким же большим, как Венера, Феликситур имел неприличную картофелеобразную форму — результат борьбы двух звездных систем. В общем, вопрос о каких-то поисках следов жизни даже не возникал.

Только одна особенность привлекала внимание к страдальцу, хотя особенность важная. Под слоями пыли и базальтов Феликситур хранил целые океаны жидкой серы. Нечто подобное люди встречали на Ио, одной из спутниц Юпитера, но в куда более скромных размерах.

Сера на Феликситуре встречалась всюду. Плескалась во внутренних морях, устилала поверхность застывшими потоками, в

виде сульфидов железа составляла твердое ядро планеты. Вокруг Феликситура даже светилась оболочка из рассеянных атомов все того же элемента. И поскольку происхождение серных планет во многом остается загадкой, Гравитону надлежало попутно изучать Феликситур.

Кроме всего прочего, планета вполне подходила для строительства постоянной базы обслуживания, что сулило заметное снижение затрат на содержание станции. Сама орбита нашего движения выбиралась с учетом такой задачи, и это нас спасало. Если б Гравитон непрерывно кружил только у Кроноса, мы бы с ума сошли. Долгое соседство с коллапсаром бесследно не проходит.

По мере сближения с Феликситуром люди пробуждались от сонного, размеренного существования. Кто-то серьезно штудировал сравнительную планетологию, многие увлеклись проектированием будущего поселения. Оригиналы занялись даже теорией внешней жизни, которую никто еще не встречал. Большинство же радовалось самой возможности побродить пусть по унылой, но огромной поверхности, над которой не висели наскучившие потолки.

— Зайчики жаждут, — вздыхал Сумитомо, наш губернатор, подсчитывая стоимость предстоявших прогулок. — Серж, ты тоже записался на экскурсию?

— Кто-то ведь должен присмотреть за детишками.

— Очень благородно, — оценил губернатор. — Полетишь за свой счет.

— Это почему? — возмутился я.

— Астрофизик на планете нужен примерно так же, как боцман на камбузе.

— Эх ты, бухгалтер.

— Не надо льстить. Обыкновенный скряга.

Я не стал спорить. Правда была на его стороне как в первом, так и во втором утверждении.

Активизировался не только я. Активизировались все. Абдида, представителя страховых компаний, осаждали любители острых ощущений. Бедняге трудно пришлось. Его пытались убедить, что исследование серных каверн — дело чересчур ответственное для роботов. По-настоящему с таким делом спра-

вится только человек, который не превзошел еще себя в творениях своих. Намекали, что запрета наука не простит, а разрешения не забудет. Советовали не уподобляться.

Ну и так далее. При этом среди желающих самолично пуститься в преисподнюю оказались не одни юнцы двухсот—трехсотлетние, но и мужи зрелые весьма. Особую настойчивость проявлял Круклис.

Сначала Абдид его искренне не понимал, потом отравился демагогией, рассвирепел, взял да и пожаловался Лауре. Это помогло. «Старый бедный Круклис» стих, как ветерок в мае. Лаура заслуженно пользовалась славой укротительницы диких круклисов.

Изменения происходили не только с людьми, но и со станцией. Рандеву предстояло короткое, поэтому деятельность кипела. В грузовом трюме убрали часть переборок, распаковали планетную технику, приступили к монтажу укрупненных блоков промышленных установок и реактора для будущей базы.

Мешая арбайтерам, бродили любопытствующие индивидуумы. Особо нетерпеливые примеряли скафандры, трепетно подбирая свой, абсолютно неповторимый стиль, фасон, цветовую гамму, расположение световых и радарных отражателей. В общем, суета царила невероятная. Она, суета то есть, по-прежнему заменяет нам смысл жизни. А что делать, если смысл жизни до сих пор не обнаружен в радиусе пятидесяти световых лет от Земли, как ни искали? Наверное, он прячется еще дальше.

Первым к планете стартовал паром со строительными арбайтерами. Они должны были подготовить котлован и траншеи для подземных сооружений базы. Затем от борта Гравитона отвалили транспорты с машинами, монтажными конструкциями, многочисленными предметами комплектации. И лишь потом, когда пятнистый лик Феликситура вполне различался в оптические телескопы, наступила очередь всех желающих. Желающие заполнили все паромы и даже часть спасательных шлюпок, как ни противился Абдид.

— У нас есть еще спасательный звездолет, — утешал Сумитомо.

— Мир его реакторам, — пробурчал инспектор безопасности.

Я забрался в паром планетологов, придумав для этого множество причин, но руководствуясь единственной — в нем летела Мод.

Будучи человеком сентиментальным, не могу удержаться от похвалы ракетному парому тех времен. Он представлял собой треугольную платформу с шарами по вершинам. В этих сферах, пронизанных трубами двигателей, располагались приборы, экипаж и бортовые запасы. При необходимости каждая из капсул могла отстыковываться и быть использована в качестве спасательного бота. А на открытой платформе допускалось размещение груза любой конфигурации с массой до девяноста тонн. Красивое, лаконичное конструкторское решение. Жаль, что от него сейчас отказались в угоду вездесущим шнелльботам.

...Медленно, даже с некоторым величием разъехались лепестковые створы. Наш паром вышел из ангара. Минуту мы плыли рядом с полированным боком Гравитона. Потом включились двигатели, и станция начала отставать. Пять треугольных пластин в ее борту беззвучно сомкнулись, не оставив малейшей щели. Я знал, что сквозь места их соединений не мог просочиться даже сверхтекучий гелий. Нанометровая точность — это вам не рейсфедер ветхозаветный.

Что и говорить, человек кое-чему научился со времен ведических, какие бы доводы ни приводили нытики-агностики. Мне странно встречать людей, с блестящими глазами утверждающих, что мир непознаваем, а потому заслуживает только того, чтобы его втиснули в рамки некоей возлюбленной теории. Забывая при этом, что теория и есть инструмент познания.

— Но мы не называем систему своих взглядов теорией, — заявил один.

— А можно познать систему ваших взглядов? — спросил я.

— Вот в этом-то мы и расходимся, — непринужденно ответил оппонент.

И мы действительно разошлись. Чего это вдруг вспомнилось? Наверное, в душе я проповедник. Не люблю, когда тотчас и сразу не признают моей правоты. Особенно когда бываю прав. Посему обращаюсь с пламенным призывом.

Братья по разуму! Не делайте культа из убеждений. Поменяйте их на логику, сразу легче станет. Убеждения безжалост-

ны, убеждения тираничны, к чему бы ни относились. Рано или поздно, они обязательно потребуют жертв. И от вас, и от вполне невинных окружающих. Беда и счастье в том, что жизнь сложнее самой мудрой теории. Из-за этого неизбежно возникает соблазн применить силу к несогласным. Ради их же блага, глуповатых. Убеждения любят питаться человечинкой, доложу я вам... Ох, что-то и меня понесло.

Несколько суток автономного полета миновали. Обогнав станцию, паром жестко затормозился у Феликситура. Софус повел судно снижающейся спиралью, чтобы люди могли выбрать объект исследований.

Требовалось отыскать достаточно «холодный» вулкан и опустить в него аппарат, который мы везли на грузовой платформе. Этот аппарат имел задачу проникнуть в глубь серной начинки Феликситура так глубоко, как сможет. На первом витке планировалось наметить пять-шесть подходящих точек, а потом выбрать лучшую.

Паром снизился до двадцати трех километров, пролетая над самыми вершинами гор. Все прилипли к окнам. В открытом космосе нет близких ориентиров. Скорость там не ощущается, имеет место скучная висючесть. Поэтому сближение с небесным телом весьма разнообразит впечатления.

Феликситур не обманул ожиданий. Он щедро дарил ощущение пожираемого пространства. Под нижними дюзами чередой вырастали детали первозданного ландшафта — трещины, кольцевые кратеры, затвердевшие серные озера, пыльные равнины, по старой, еще лунной традиции именуемые морями.

Особо красочно выглядели действующие вулканы. От них на сотни километров тянулись извилистые, кроваво-красные потоки жидкой серы. По мере удаления от породившего жерла они остывали, меняли цвет. Сначала на оранжевый, потом на желтый, соответствующий минимальной температуре, при которой адский элемент все еще сохраняет текучесть. С высоты это выглядит прямо-таки вкусно. Но не всегда бывает безопасно.

В одном месте судно прошло прямо над фонтаном извержения. Вулкан, дремавший тысячи лет, вдруг очнулся и выбросил в небо струю серы, перемешанной с базальтовыми об-

ломками. Раздались глухие удары, паром тряхнуло. Зловеще зашипел уходящий в пустоту воздух. Нижние иллюминаторы покрылись рыжей пленкой. Взвыла сирена. Пульт перед Зеппом, нашим пилотом, вспыхнул гроздью сигналов. А потолочные плафоны угасли.

Но все происходило считанные мгновения. Никто даже шлем не успел закрыть. Включился аварийный свет. Из стенных пазов выползли отсекающие переборки. Открылись кислородные баллоны, пузырящийся пластик заполнил пробоины. Выяснилось, что у нас появился гость: из-под кресла Оксаны Марченко извлекли угловатый кусок базальта. Пробив днище, камень оцарапал ей ногу и застрял в амортизаторе. Молодежь тут же превратила инцидент в повод для веселья. Так они преодолевали испуг.

— Ах испачкались...

— Будем считать это приветственным салютом!

— Господин Феликситур заметил Оксанкины ножки!

— Э, по части манер...

— Зепп! Требую увеличить высоту полета, — вмешался Абдид.

— Вас понял.

— Чую, не зря мы явились, — изрек Круклис.

— Мод, а вы что думаете? — спросил я.

Мод даже не обернулась.

— Думаю, этот вулкан нам не подойдет, — скучно ответила она.

Если человек скрывается за бесспорными заключениями, он явно чего-то опасается. Вот странно, подумал я. Чего меня опасаться? Кроме женщин, в жизни никого не обижал.

2. ФЕЛИКСИТУР

Столько гуманоидов Феликситур еще не видывал. Нимало не мешкая, гравитонцы приступили к покорению высочайшего пика планеты, дабы даровать ему достойное имя, организовали спортивные игрища, весьма азартные в условиях пониженной гравитации, принялись гонять на джипах с пружинными колесами, бросились разыскивать редкие минералы для коллекций.

Солидные люди неспешно прогуливались по берегу горячего серного потока, обмениваясь впечатлениями, а человек двадцать особо бестолковых топталось у кромки первого котлована.

Половина из них советовала крепить анкеры на кляммеры, а другая настаивала на прямо противоположном, приводя пани Станиславу, главного строителя Гравитона, в состояние средней тяжести. Кроме нее, делом занимались, пожалуй, одни планетологи.

К несчастью, проработав лет восемьдесят, любой человек обеспечивает себя настолько, что всю оставшуюся жизнь может заниматься чем угодно или вовсе ничем не заниматься. Главной движущей силой прогресса давно стала не экономическая необходимость, а унаследованное от приматов любопытство. Увы, порой оно принимает размеры стихийного бедствия. Например, когда котлован с единственным работающим человеком окружает толпа советчиков.

Честное слово, иногда с тоской думаю о славных временах рабовладения, когда было чему посвятить свою жизнь — борьбе за лучшее будущее. То самое будущее, которое не совсем заслуженно мы имеем сейчас. Обнадеживает, что, если верить Гегелю, где-то за углом сумрачное прошлое нас еще подстерегает, ибо исторический процесс имеет форму и повадки змеи.

Должен заявить, что лично я, некто Серж Рыкофф, по планете скакал мало. И хоть пользы от меня было примерно столько же, ни у кого под ногами не путался, тихо сидел и

наблюдал за процессом подготовки глубокосерного аппарата под руководством глубокомудрых специалистов. Ну и за Мод еще наблюдал, было дело.

После технической проверки батискаф подняли на гребень серного вулкана, который правильнее было бы считать гейзером. Экипаж парома собрался в командном модуле и притих. Наступал один из тех моментов, ради которых и стоит стремиться в космос, — знаменитый момент перед неизвестностью. Нервно потерев ладони, Оксана надела сенсорный шлем, кивнула. Круклис нажал клавишу пуска.

На гребне вулкана механическая рука подхватила батискаф и осторожно опустила его в серное озеро, заполнившее кратер. Вокруг вздыбились пузыри, обломки серного льда, колыхнулись ленивые волны. Влекомый тяжелейшим иридиевым балластом, аппарат начал погружаться.

— Пока холодно, — сказала Оксана.

Ее мозг принимал сигналы датчиков, имитирующих органы чувств человека. Кроме того, часть из них позволяла видеть в инфракрасном и ультрафиолетовом диапазонах спектра. Оксана могла еще чувствовать приблизительный химический состав среды, ловить биотоки и многое другое. Само собой разумеется, чувствительность приборов была отрегулирована с учетом условий, существующих в недрах Феликситура. Оксана ощущала холод, если температура опускалась к плюс ста десяти градусам Цельсия, точке замерзания серы.

Любопытен все же этот любимый элемент богов преисподней. При разогревании из желтого он становится оранжевым, затем краснеет и, наконец, по достижении двухсот пятидесяти градусов приобретает непроницаемо черный цвет с едва уловимой рыжинкой. Если происходит быстрое охлаждение, то затвердевшая сера сохраняет соответствующую окраску. Поэтому поверхности серных планет столь цветасты.

Непривычно и то, что в жидком состоянии сера имеет меньшую плотность, чем в твердом, отчего серные льдины тонут. Наш батискаф перенес многочисленные столкновения с обломками твердого панциря, покрывавшего кратер-

ное озеро. Серный лед был разбит потоком, поднимавшимся из глубины.

Этот же поток как игрушку подбрасывал сорокатонный аппарат до тех пор, пока софус не придал ему вращательного движения, буквально ввинтив его в расплав. На экранах начали проступать неровные контуры вулканического канала. Изображение дрожало, смазывалось тепловой конвекцией.

— Работать можно, — поспешно сказал Круклис. — Алло, Гравитон, картинку видите?

— Да, — отозвался далекий Сумитомо. — Напоминаю, второго батискафа нет. Берегите рули в первую очередь.

— Легко сказать!

Батискаф швыряло в перпендикулярных плоскостях и дважды припечатало к скалам. Некоторое время он даже плавал вверх килем.

— Кто-нибудь жалеет о том, что не находится там, внутри? — осведомился Абдид.

Круклис решил задремать, но попросил, чтобы его разбудили, «когда уляжется злая ирония».

После долгих рысканий по курсу и глубине батискаф наконец справился с восходящим течением. Он начал погружаться в Феликситур.

— Оксана, налить чего-нибудь горяченького?

— Спасибо, мне уже не холодно.

— Глубина девятьсот метров. Братцы, а посудину-то качает!

— Эка невидаль.

— Зепп, ты не понял. Качает ритмично.

— Э! Тогда давайте обсуждать.

Круклису срочно устроили побудку.

— Эй, — сказал он. — Зачем переполох? Разогретая сера стала более вязкой, вот и отсеялись случайные колебания.

Но когда проснулся лучше, изменил свое мнение.

— Хотя давление... Нет, не понял. Какова причина качки?

— Такое может быть, если чья-то туша бьется в узком канале, — пошутил Зепп.

— Надо посчитать.

Завязалась дискуссия, не менее тягучая, чем сам серный расплав. Меня в ней интересовала лишь одна участница. Мало

вникая в то, что она говорила, я слушал, КАК она говорила, ловил интонации. И в конце концов поймал пару недоуменных взглядов. Пора было прекращать пялиться. В такой ситуации лучше всего тихо удалиться.

Я решил погулять снаружи, пропустить что-то интересное не боялся. Если специалисты заспорили, ничего интересного не будет. Закон такой. Устанут, охрипнут, разобидятся, но останутся каждый при своем мнении. Истина рождается не в спорах, а в эксперименте, как мне кажется.

Я выбрался из шлюза и стал думать, куда идти. С грузовой площадки открывался интересный вид.

Над близким горизонтом сиял Виктим. Правее сквозь желтую дымку серных паров светила очень яркая звезда. Это был приближающийся малым ходом Гравитон. Как раз под ним взметывался и опадал в кратер, впоследствии названный Оксанкиным, султан серных выбросов. На вершине вулкана торчали балки разрушенного крана, а по склону тянулась красная нить кабель-троса.

Окрестности горы покрывали остывшие наплывы. За ними начиналась холмистая местность с беспорядочно разбросанными кратерами. Все это было окольцовано горами — стенами огромного цирка, образовавшегося в результате столкновения Феликситура с большим астероидом.

Как показали исследования, это случилось более шести с половиной миллиардов лет назад. Огромная глыба рухнула на планету в то время, когда еще Солнце не зажглось. До появления нашего родного светила оставалось полтора миллиарда лет, а старина Феликситур уже существовал. Он был старше не только Солнца, но и Виктима, вокруг которого вращался «всего» каких-то девятьсот миллионов геолет. Факт столь внушительной древности Феликситура будил воображение и обострял восприятие.

Окрестности заливал непривычный, шафранного оттенка свет, оставляющий резкие тени за каждым камнем. Так и хотелось назвать его потусторонним. До сих пор могу без усилий вызвать в памяти эту панораму, вплоть до мелких деталей. Например, двадцатитонную мортиру, установлен-

ную на грузовой платформе, украшала надпись ВРУЧНУЮ НЕ КАНТОВАТЬ, оставленная неким безымянным шутником. А на плече проходившего внизу арбайтера имелась зигзагообразная царапина.

Спустившись по лесенке, я ступил на серный снег. Прыгающей походкой, изобретенной астронавтом Нейлом Армстронгом, первым из землян прогулявшимся по Луне, я обогнул паром и направился к одному из соседних кратеров. В шлеме пискнул звуковой индикатор. Это означало, что дежурный радар взял под контроль мои перемещения.

— Серж, — предупредил Абдид. — Там еще не ступала нога человека.

— Сейчас исправим, — бодро ответил я, оглядываясь.

Под днищем парома возились арбайтеры, заваривали пробоину. Выше них, на грузовой площадке, вращался барабан с кабелем. Еще выше пролетал катер с большущим колпаком над пилотской кабиной. Эфир гудел от голосов. Стоило позвать, и на помощь бросились бы десятки людей.

Но это почему-то не приносило спокойствия. Напротив, ощущались тревога, предчувствие близкого сбоя в нормальном ходе событий. Предчувствие маловероятного вывиха, как потом выразилась Мод. Я хорошо его помню.

Сильное это предчувствие, пугающее. Хотелось вернуться, затеряться среди других людей, спрятаться за их спины, чтобы неведомый выбор неведомой силы пал на кого-то другого.

Но так нельзя. Недостойно человека разумного шарахаться от теней. Если уж оказался на пути тайны, нужно уметь принять вызов. Далеко не каждому такое выпадает. А жизнь все равно закончится. Рано или поздно. Досадно провести ее, ни разу не заглянув в глаза неведомого, не испытав труднопередаваемого трепета.

У людей, прошедших такое, в глазах остается выражение, которому я всегда завидовал. Ему не научишься, его не отрепетируешь ни в какой академии актерского искусства. Это знак зрелости, печать времени, отблеск глубинного знания. Награда и крест судьбы. Тот самый отблеск из глаз Мишеля Нострадамуса, Екатерины Дашковой, Эйнштейна, Абукиры Нохайи, построившей для человечества первый фотонный двигатель.

И великой Марионеллы-Жозефины Старопокровской, открывшей «гены смерти». Ради одного того, чтобы только приблизиться к такой компании, стоило рискнуть.

Я внимательно глядел под ноги — часто попадались припорошенные серным снегом камни, трещины, обломки серного льда. Растянуться на глазах у всех, что ни говори, — плохой способ оставлять след на далекой планете.

Поглощенный дорогой, я не сразу заметил, что достиг цели. Склон вырос передо мной неожиданно, вдруг. Он оказался невысоким, хотя крутым и скалистым. Я поднял голову. Прямые лучи Виктима в то место не попадали, поскольку я подошел с теневой стороны. Но вполне хватало света, отраженного долиной, местом посадки нашего парома.

Я увидел грань кратера, перечеркнутую старыми потеками серы. Вершина была неровной, напоминала трехзубую корону, надетую чуть набекрень, с королевской небрежностью. Это придавало горе своеобразный, запоминающийся вид. Больше ничего особенного поначалу я не заметил. Но, поднявшись выше, остановился.

На среднем, самом малом зубце различался темный нарост. Он имел слишком уж плавные очертания по сравнению с доминирующими на Феликситуре ломаными линиями. Когда я рассмотрел его через телеобъектив, то понял, что назвать это пятно просто темным вряд ли возможно. Оно имело поверхность такой густоты, что выделялось даже на фоне чернущего неба.

Оседлав скалу, явление, казалось, наблюдало за тем, что творилось в долине. У меня возникло впечатление, что при этом оно то ли колышется, то ли как-то переливается. Оптикой скафандра я определил его поперечник. Оказалось что-то около семнадцати метров. Это измерение было последним, что я успел сделать, прежде чем попал «под макулу». Последним проявлением активности. После этого у меня все поотнималось.

О макулах тогда ничего не знали. Да и сейчас, по прошествии без малого пятидесяти двух геолет, знают немногим больше. Сам термин придумали ребята из экипажа «Звездного Вихря» уже на Кампанелле. Сейчас в Энциклопедии Человечества

макула определяется как «локальный концентрат генерального поля с потенцией переноса биомассы».

Восхитительно, не правда ли? Знать бы, что такое генеральное поле, тогда макула — всего лишь частный случай...

В сущности, твердо установлено лишь то, что макулы могут воздействовать на психику человека, причем сила эффекта подчиняется классическому закону механики. То есть убывает с расстоянием.

В тот раз, прыгая к кратеру, я успел пересечь границу «зова макулы». А может быть, она зацепила меня еще на платформе либо даже внутри самого парома. Мне кажется, я могу почуять ее издали, но вот поддаюсь слабо, иначе не писал бы сейчас ничего. Имею сильный охранительный инстинкт, вот что. Развитое чувство допустимого, недостаток мужчины.

Но главное, кажется, не в моих личных качествах. И не в своевременном вмешательстве Мод, хотя оно наверняка посодействовало. Главное в другом. Вероятно, макула просто отпустила меня. Так, на первый случай. Те, кто старше нас, тогда еще не решили, что с нами делать. Присматривались. Что с нами делать, они решили позже. Не на Феликситуре и не в системе Кроноса. А вот детонатором, несомненно, послужил Круклис. Редактор фундаментального издания «Термодинамика взрывных процессов», склонный к острым экспериментам.

Часто спрашивают: каково находиться «под макулой»?

А никаково, страдания отсутствуют. Почти так же, как и голова. Помнится, в старину бытовало выражение о крови, стынущей в жилах. «Под макулой» застывает не кровь, а мысли, всякая рассудочная деятельность. Будто ныряешь частью мозга, которая за это отвечает, в жидкий азот.

Но только одной частью, другие работают. Сознание, во всяком случае, у меня сохранялось. Окружающий мир воспринимался. Но играл он, весь мир, уже второстепенную роль, роль фона, чего-то вроде задников сцены. На какое-то время голова превратилась в чисто улавливающее устройство для внешней мысли.

Мысль была единственной, но сильной и дьявольски убедительной. Очень остро понимаешь всю скуку существования

в белково-нуклеиновой форме. Оно кажется слепым, бессмысленным, лишенным конечной цели.

Страшное состояние! Привычное представление о красоте человеческого тела рассыпается. Перед самим собой предстаешь в виде уродливого мешка органики, жизнь которого определяется неприятным содержимым кишечника. И эта самооценка окончательно не забывается, как ни старайся. Возможно, в силу своей верности.

Что это? ИХ взгляд на НАС? Очень может быть. Дорогие, прекрасные мои соплеменники! Со стороны мы можем выглядеть совсем не так, как в собственных глазах. И к этому придется привыкать. Но верить не надо. Мы несусветно хороши, честное слово. По крайней мере для нас самих.

Паралич мысли продолжался до тех пор, пока из парома не выбралась Мод. Вопреки всей мыслительной тишине, я узнал ее сразу. До парома было никак не меньше километра, но на безатмосферном Феликситуре видимость отличная. Как только на платформе появилась фигурка в оранжевом скафандре, я понял, что это она. В безвоздушной среде телевик позволяет различать даже застежки.

Мод помахала рукой:

— Ко мне, Сережа. Идите ко мне.

Теперь-то я понимаю, она умеет чувствовать опасность. А тогда не обратил внимания. Списал на случайность.

Не ведая, чего избежал, мимо какого мира прошел, я отправился в обратный рейс. Сомнамбула сомнамбулой. Оглушенность отступала медленно. В голове продолжала держаться звонкая пустота. Я не осознавал случившегося, это пришло позже. Ко мне многое приходит позже, будем откровенны.

— Отчего-то мне стало тревожно за вас, — призналась Мод. — Давайте погуляем вместе?

— Хорошо, — механически сказал я.

Наверное, после воздействия макулы годится любое предложение. Собственная воля возрождается не сразу. Поочередно переставляя ноги, я достиг парома. Мод скатилась по релингу и озабоченно подергала рукав моего скафандра.

— Как вы себя чувствуете?
— Нормально.
— Правда?
— Зара считает меня чересчур здоровым.
— А мне кажется, вам не по себе.
— Да, был маленький абсенс.
— Инсайт?
— Возможно. А вы уже знаете?
— Про инсайты? Знаю.

Ко мне вернулась способность удивляться. Половина старожилов Гравитона инсайтов так и не удостоились, а Мод, прожившая на станции чуть больше трех недель, уже успела.

Инсайт. Точно определить смысл этого термина мы с человечеством не умеем. В первом приближении инсайт — это скачкообразный прорыв понимания, возникающий по малозаметной причине. Иногда он случается и без видимых причин вообще, после многократно повторяющихся, истощающих циклов работы мозга. Тогда рано или поздно складывается верная комбинация взаимодействующих нейронов, обеспечивающих понимание. Но то, что люди испытывали в системе Кроноса, недостаточно назвать только пониманием. По аналогии с наведенной радиацией лучше всего это назвать наведенными галлюцинациями. Галлюцинациями не случайными, а вроде бы учебными.

Существовало неписаное правило, согласно которому спрашивать что-либо на сей счет избегали, опасаясь ненароком причинить человеку боль. Но я не удержался.

— И каковы впечатления?

— Да так себе, — уклончиво ответила Мод. — Присматриваюсь.

В это время нас позвали из парома.

— Хэлло, говорит Круклис. Отойдите подальше, сейчас буду стрелять.

— Мы в безопасности, Парамон, — сказала Мод. — Стреляй, не беспокойся.

То, что она назвала его по имени, мне не понравилось. Я ревновал, хотя еще не хотел признаваться в этом.

На платформе поднялся короткий ствол мортиры. Развернувшись к Оксанкиному кратеру, она выплюнула большое ядро. Под нашими ногами беззвучно дернулся грунт.

— Это еще зачем? — спросил я.

— Серная льдина оборвала кабель. В снаряде находится резервная станция связи с батискафом.

— А, вот как, — вяло сказал я.

Мод попыталась заглянуть в окно моего шлема.

— Ну так что, идем?

— Да-да.

Мы ступили на поверхность застывшей лавы. Поток был молодым, не успевшим растрескаться, но замерзал он не одновременно, — вспучиваясь, образуя наплывы, на которые приходилось карабкаться, вбивая в податливую серу заостренные носки сапог. Мод, шедшая впереди, упорно преодолевала препятствия. Взойдя на высокое место, она остановилась, широким взмахом обвела горизонт и сказала:

— Можете смеяться, но что-то здесь не так, я чувствую. И это не совсем суеверие.

— Да, необычная планета, — сказал я, отдуваясь.

— Необычная? Я бы сказала — необыкновенная. Не могу представить, как она оказалась на своей нынешней орбите. Шансов на это было — всего ничего.

Ох не люблю я намеков на чудеса, хоть пьяный, хоть трезвый. Будь хоть под мухой, хоть под макулой. От кого бы ни исходили. Кажется, это меня и разбудило.

— Что ж. Шансов на возникновение жизни на Земле тоже было не так много.

— И что это доказывает? — быстро спросила Мод.

— Ничего. Рядовая аналогия.

— Поясните.

— Я вот что хочу подчеркнуть. Пусть гипотеза об искусственном происхождении жизни так и не опровергнута, являемся ли мы с вами результатом эксперимента?

— Не знаю.

— Можно ли это утверждать?

— Утверждать — нет. Допускать — да. Вдруг мы плохо умеем распознавать.

— Почему вы так думаете?

— Ну, сотни лет поиска внеземных цивилизаций безуспешны. Причин может быть три.

Мод один за другим загнула пальцы.

— Либо мы одиноки, либо братья по разуму слишком далеки, либо...

— Либо?

— Либо следы разумной деятельности легко принять за другое.

Я рассмеялся:

— Например, за коллапсар?

Но Мод к такой возможности относилась вполне серьезно.

— Почему бы и нет?

В ответ я мог бы привести множество доводов. Но сказал, что не знаю. Потому что полностью отрицать в нашем мире ничего нельзя.

— Все, что можете сообщить? — разочаровалась Мод.

— Самое глубокое.

— Как специалист по физике «черных дыр»? Лауреат премий?

— Угу. Он самый.

— А вы умеете сомневаться, — заметила Мод.

Я обрадовался.

Из-за малых размеров парома мне пришлось делить каюту с Круклисом. Утром меня разбудил его недовольный голос. Он разговаривал по видеофону с женой, оставшейся на Гравитоне. Лаура выглядела расстроенной.

— Постараюсь, — буркнул Круклис и покосился на меня.

Чтобы не мешать, я вышел на камбуз. Там несколько человек поглощали завтрак. Лица были меланхолические.

— Что случилось? — спросил я.

— В том-то и беда, что ничего, — вздохнула Оксана.

Выяснилось, что за прошедшие сутки батискаф забрался в обширную каверну, размеры которой не определялись. Разогретая сера становилась все более вязкой, скорость аппарата упала до минимума. Одновременно колебательные движения расплава, обнаруженные накануне, потеряли свою периодичность. Накапливались данные о том, что они являлись след-

ствием сейсмической активности недр Феликситура, отголосками землетрясений. Проще говоря, ничего необычного не происходило. Сенсация не состоялась.

— Ничего нет нового и под этим солнцем, господа, — сказал я. — Будут ли сюрпризы вообще?

— Обязательно, — серьезно сказала Мод.

— Вы в это верите?

— Так же, как и вы.

— Мне этого хочется, но я не верю.

Мод протянула тюбик с питательным бульоном.

— Пейте. Хочу пригласить вас на прогулку. Не возражаете?

Я растерялся.

— Еще и спрашивают...

— Чур, за вулканы не прятаться, — предупредил Абдид. — Серж, ты видел свою кардиограмму? Вчера на тебе будто черт скакал.

— Не все сердечные дела находятся в компетенции страховых компаний, дружище, — легкомысленно сказал я.

Не знаю почему, но рассказывать о вчерашнем мне не хотелось. Наверное, голова все еще не была в порядке.

— Ну, ну, компетентный ты наш, — проворчал Абдид.

Это правда, что жизнь ценна пустяками. Простая вроде бы радость — помочь женщине надеть скафандр, но от абстрактных мыслей отвлекает замечательно. Мысли становятся конкретными до ужаса.

Мод поежилась.

— Не смотрите на меня так.

— А как смотреть?

— Как на товарища по быту.

— Эх! Неужели вы думаете, что это возможно?

— Серж, не дурачьтесь. Вы еще не застегнуты, а за бортом вакуум, между прочим. Глубокий такой.

— Зато вы застегнуты за двоих, — игриво заметил я.

Мод так глянула на меня снизу, что я стал смотреть вверх. Ух, глазищи! В восторге я поднял лапки и понял, что буду делать это постоянно, если у нас что-то получится. Есть женщины, которые каждую секунду знают, чего не хотят. С ними увлекательно играть в угадалки. Сплошное удовольствие.

* * *

Мы взяли открытый вездеход и покатались по окрестностям. Мод лихачила, заставляя машину прыгать через трещины, на изрядной скорости носилась между скалами и воронками, взлетала по крутым склонам, скатывалась в долины.

Поглощение пространства явно доставляло ей радость, и она вела себя как школьница, сбежавшая с уроков. Такие реакции бывают у людей, вынужденных долго подавлять природный темперамент, доложу я вам. Важный штрих к портрету, стоило запомнить. Темперамент — украшение характера. И услада ночи.

На обратном пути вездеход подрулил к знакомому мне вулкану. Машина неожиданно затормозила.

— Серж, что же здесь случилось вчера?

— Так, померещилось.

— На вершине?

— Да.

Мод оперлась о руль и повернулась.

— Любопытная гора. Поднимемся?

В моем желудке возник холодок.

— Зачем? — небрежно спросил я.

— Туда еще не ступала нога человека. Смешно?

— Нет, это естественно. Эйнштейн говорил, что ощущение тайны — самое великое из чувств. И тот, кто не способен к нему, подобен мертвому, глаза его закрыты.

— Подобен мертвому, — повторила Мод. — Сильно сказано. Что ж, сегодня можно.

— Можно — что?

— Подняться.

Не дожидаясь меня, она прыгнула из кабины. Движения ее были точными и легкими, выдающими тренированное тело. Я поймал себя на том, что все, что бы Мод ни говорила или что бы она ни делала, мне нравилось. Просто наваждение. Есть смешное выражение: отдавать себе отчет. Я отдал себе отчет и с легкой паникой осознал, что попался. Влип, втюрился. Вот что значит отдавать отчет. Но если оставить его при себе, результат остается там же.

Гора оказалась небольшой, высотой метров восемьсот от подошвы. За полчаса мы поднялись к скальному зубцу, на котором я видел макулу. Ничего подобного в этот раз там не оказалось, никаких следов. Толстый слой пыли свидетельствовал о том, что вулкан мирно спал на протяжении тысячелетий.

А вот соседний Оксанкин кратер продолжал буйствовать. Со своей вершины мы видели, как он выбросил станцию связи. Снаряд рухнул на склон и покатился вниз, увлекая лавину камней и поднимая тучи пыли.

К месту падения бросились арбайтеры, а паром выстрелил следующее ядро. Уже пятое по счету, кажется. Планета неохотно расставалась с тайнами. Как и человек, неожиданно пришло в мою голову. Еще я почувствовал, как малы, чужды и одиноки люди под звездным небом Феликситура. Уже одно это должно толкать их в объятия друг другу.

Но у Мод были свои мысли.

— Сергей, вы не думали о том, что когда-нибудь все может надоесть?

— Феликситур? — спросил я, выигрывая время.

Серьезный разговор с теми, кто старше нас, — испытание. Нужно успеть сосредоточиться.

Метнув вопрос, Мод попыталась разглядеть выражение моего лица. Хорошо, что светофильтры помешали, иначе б я ее спугнул.

— Да, Феликситур.

Но, дав мне успокоиться, она усмехнулась и добавила:

— А также все, что его окружает.

Пропащее это дело — разыгрывать непонимание перед мафусаилом, если все понимаешь.

— Я знаю, что от жизни устают. Вы это имели в виду?

— Спасибо, что не притворяетесь.

Она расстегнула кармашек, вытянула пружинный провод, вставила его в розетку моего скафандра. Радиопередатчики отключились. Предстоял разговор без посторонних. Я решил захватить инициативу.

— Мод, с вами все в порядке?

— Дело как раз в этом. Со мной все в порядке. Поэтому я вижу ваши чувства, Сережа.

— Так заметно?

— Заметно.

— Это плохо?

— Для вас — да.

— Для меня? Почему?

— Боюсь, что доставлю вам много огорчений.

Я почувствовал облегчение. Только-то!

— Зачем бояться того, чего может не быть? Никто не знает будущего.

— Вы уверены?

Я промолчал. Мод усмехнулась.

— Да, вы поняли меня правильно. Иногда, если живешь достаточно долго, а я человек не юный... назовем это предчувствием наименее вероятного варианта. Маловероятного вывиха. Но вы... Думаю, вы могли бы остановиться. Шансы есть.

— Ох, опять шансы...

— Думаете, их нет?

— Не знаю. Надо ли измерять чувство какими-то шансами? Зачем?

— Поверьте, так будет лучше.

— Я вам противен?

— Коварный вопрос.

— Понятно. Кривить душой не хочется, а правда меня поощрит.

— Сережа, я действительно знаю, чем все закончится.

— Серьезно?

— Увы.

— Уверены?

— Совершенно.

— О вашей способности знают?

— Нет.

— Не хотите?

— Не хочу.

— Мне трудно поверить.

— Ах, мужчины всегда жаждут доказательств.

— Это плохо?

— Не плохо и не хорошо. Такова данность, натура у вас такая. Что ж, доказательства будут. Смотрите сюда.

Она опустилась на колени. Старательно водя пальцем, начертила в пыли обтекаемое тело с тюленьим хвостом и парой широких лопастей в передней части.

— Его назовут хвостоногим ухомахом. Скоро мы увидим это существо.

— Где?

— Здесь, на планете.

— Когда?

— Сегодня.

Я недоверчиво промолчал. Когда мужчина сильно удивлен, он может забыть даже о половом инстинкте. Так что временного успеха Мод добилась.

— Рисунок запомнили?

Я кивнул, но потом сообразил, что на мне шлем, следовательно, кивка она видеть не может.

— Да, запомнил.

— Хорошо.

Мод поднялась, аккуратно стряхнула с себя пыль. Потом взяла да и затоптала произведение. Такие вот поступки случаются у женщин. Чувствуешь себя неизвестно кем.

Предсказание сбылось весьма скоро. Несколькими часами позже, когда батискаф добрался до дна каверны, Оксана сказала:

— Мне страшно.

— Тебе?

— Нет, конечно. Кому-то там. — Она показала на пол.

Все замолчали, соображая, кому может быть страшно в недрах Феликситура. Круклис оторвался от своего кофе.

— Не устала?

— Пусть кто-нибудь проверит.

— Сигнал слабый?

— Весьма.

— Шерше ля фам, — сказал Круклис. — Женщины чутче. Мод, вы не согласитесь?

Мод молча распустила прическу и надела второй шлем. Кабина быстро наполнилась людьми.

— Ну как?

— Пока не слышу.

Я протолкался к ней.

— А сейчас слышу.

Это был примечательный момент. Впоследствии я не раз замечал, что наша близость обостряет наши способности.

— Пеленг?

Мод покачала головой.

— Я плохой сенсолог.

— Дайте мне, — нетерпеливо сказала Оксана. — Так. Левый разворот, курс двести восемнадцать. Хорошо. Сигнал усиливается. Быстрее!

Софус включил полные обороты, но винты тяжело проворачивались в серном студне. Скаф продолжал ползти черепашьим ходом. Все же одна из теней на экране становилась четче, постепенно оформлялась в пятно.

— Вот тебе и сюрприз, братец Серж, — заметил Круклис. — Подходит?

Я молчал, не решаясь поверить.

— Ой! — сказала Оксана. — Мне очень страшно.

— Отключайся.

— А сейчас я сердита. Чувствую гнев, злобу.

— Да дайте же форсаж! — взмолился Зепп.

— Хорошо, хорошо, не волнуйся. Сейчас дадим форсажик.

Аппарат понемногу набрал скорость. Смутное пятно вытянулось, приобрело узнаваемые очертания. Для меня узнаваемые.

Скользя между каменными выступами дна, абориген некоторое время выдерживал дистанцию, но потом начал сдавать. Его портрет Мод изобразила довольно точно. С более близкого расстояния стали видны раздвоенный хвост и что-то вроде плавников в передней части тела.

Вдруг существо резко изменило направление.

— Уходит! — восхищенно сообщил молоденький техник.

Софус переложил рули и вновь поймал беглеца в перекрестие визиров. Включилась внешняя связь.

— Эй, что у вас происходит? — спросил Сумитомо.

— Ненавижу! — крикнула Оксана.

— Кого? — оторопел губернатор.

— Это она не вас, ваше превосходительство, — рассеянно отозвался Зепп.

— А кого?

— Это она нас всех ненавидит.

— Всех? Сваннум! За что?

— А мы за ней гонимся. То есть за ним.

— Послушайте, вы там что...

— Суми! — взревел Круклис. — Отстань. На экран-то взгляни!

И он добавил что-то на старояпонском языке. Мод покраснела.

— Оксана, отключайся, — строго сказал Абдид.

— Вот еще. Нет, нет и нет! Такое открытие. Я вижу...

— Что?

— Ничего подобного... Ай!

— Что?

— Огонь.

— Где?

Оксана не успела ответить. Внезапно экраны померкли. Все. И те, через которые шла информация с батискафа, и даже те, по которым контролировались системы самого парома. За окнами вулкан выпустил длинную струю серы. Была видна очередная станция связи, кувыркающаяся по склону.

— Вот тебе, бабушка, и дабл-ю, — сказал Круклис.

Это он по-староанглийски выразился, полиглот.

Оксана упала, возникла легкая паника. А я погрузился в несомненный инсайт. Первый, запомнившийся во всех деталях.

Явился мне первозданный океан Земли, горячий такой, но уже не кипящий. Во вспышках молний, сиянии жесткого ультрафиолета рождались и тут же гибли цепочки цветных шариков, похожих на те, что веками показывают на уроках химии.

Это повторялось бессчетное количество раз — хоровод шариков, причудливо слипавшихся в замысловатом танце, кружил без устали, перемешиваемый мощными течениями, ..ри-

боем, взрывами подводных вулканов, цунами, свирепыми ураганами.

Но вот все чаще мелькают знакомые сочетания углерода, водорода, азота, кислорода. Скелеты будущих аминокислот, нуклеотидов, углеводов... В гигантской реторте по имени Земля зрели массивные органические полимеры, которые спустя четыре с половиной миллиарда лет мы назовем белками и нуклеиновыми кислотами.

Застревая в каплях жира, они образовывали серые комочки протоплазмы — распадающейся и, наверное, зловонной... Из неаппетитных материалов зарождалась Жизнь, замечу в скобках. Кстати, людям нуклеиновые кислоты впервые удалось выделить из гноя. Был такой древнеавстрийский химик Фридрих Мишер.

Но где же Творец? Одно цепляется за другое, все развивается само собой, подвластное одному лишь времени, и более не нуждаясь в лишних вмешательствах. Вот разве что сам порядок событий, то есть время, кто-то создал... Если так, то Творец куда более могущественен, чем это представляли все земные теологи, вместе взятые. Но не скучно ли Ему следить за мелкими грешками человечков в таком случае? Суетящихся в исчезающе малой частичке Его Мира?

М-да. Поначалу я думал, что суть К-инсайта заключается в скачкообразной активации уже накопленных знаний, обостряющихся до уровня художественного восприятия. До уровня видений, галлюцинаций. При таких условиях старая информация легко складывается в новые комплексы. И это оказалось правдой, но не всей. Далеко не всей.

— Похоже, Серж уже не такой остекленелый.

— Э! Он только внешне прост. Зепп, шлепни еще разок.

— Шлепни! С русскими только вступи в потасовку...

— Э! Брось ты свои тевтонские комплексы.

— Хватит, хватит, — поморщился я. — Уберите ваш несносный нашатырь. Право, что за манеры.

Из инсайта выходят так же, как в него входят — хлоп, и готово. Ни облачка на ясном челе, мышцы полны истомы,

чувствуешь себя выспавшимся. Я с бодростью вернулся в бренный мир, готовый все понять и всех простить.

А вот с Оксаной получилось иначе. Ее успели поместить в реанимационный кокон. Под прозрачной крышкой к ней тянулись щупальца зондов, датчиков, струйных инъекторов. Одежда расползлась, клочья смыл раствор. Включились термостат и газорегулятор, сильный разряд электричества заставил биться остановившееся сердце.

Признаться, все эти действа меня пугают. Никогда не имел отношения к медицине. Не то что Круклис, имеющий отношение ко всему на свете. Насупив дремучие брови, этот нескромный мужчина сканировал живой мозг Оксаны и насвистывал бравурный мотивчик.

— Угрозы нет, — объявил всезнайка.

— Все же надо отправить ее на Гравитон, — осторожно сказал Абдид.

— Куда спешить? Все там будем.

Абдид нахмурился:

— Шутник! Отправляем, ребята.

Надев скафандры, мы перенесли Оксану во второй модуль парома. Зепп занял место пилота и приступил к предстартовой проверке.

Арбайтеры проворно разъединили кабели. Сработали катапульт-болты. Шар полыхнул дюзами, вздул клубы пыли, набрал скорость и пошел вверх, к сияющему Гравитону.

— Зара небось уже хлопочет? — спросил кто-то.

— А как же? — удивился Абдид. — Там всего будет даже с избытком.

Постояв на накренившейся платформе, все перешли в третий, последний модуль парома, софус которого не пострадал, поскольку в момент происшествия был отключен.

Расшифровка сенсограмм Оксаны и анализ всех прочих данных заняли минуту, но и этого показалось много. Мы ждали результата, не снимая скафандров.

— Вероятность биологической природы объекта — девяносто шесть целых и семь десятых процента, — доложил софус. — Неопределенность для единичных явлений не превышает допуска статистической модели. Коэффициент Грейнбриджа...

— Короче! — не выдержал я. — Давай сразу резюме.

— Нулевая гипотеза отбрасывается, — послушно изрек софус.

Ну, вот оно, случилось. За иллюминаторами по-прежнему расстилались неуютные пейзажи, продолжал буянить Оксанкин кратер, все так же равнодушно светил Виктим. И тем не менее перемена произошла. Да еще какая перемена. Все молчали.

На экране возник Сумитомо. Лицо его излучало не хуже Виктима.

— Большой софус Гравитона подтверждает выводы. Как только сообщение примут на Земле, ксенобиологи с ума сойдут. Да что ксенобиологи! Вся наука вздрогнет. Нобель обеспечен, я это просто гарантирую. Братцы, мы вошли в историю! Вляпались, можно сказать. Не заметили? И что с нами теперь бу-удет... Конгрессы, лавры, мантии, именные стипендии. Шутка ли — внеземную жизнь открыли! Кстати, как назовете своего монстра?

— Хвостоногим ухомахом, — оловянно сказал я.

Сумитомо прямо возликовал:

— Серж, дорогой, да в тебе бездна воображения! Вот не ожидал. Принимается и утверждается без обсуждения. Хвостоногий ухомах... Емко, образно, выразительно. И как быстро! Надо же.

— А что с Оксаной?

— Приходит в себя. Все, что ей грозит, так это пребывание в витатроне да неделя санаторного режима. Зара надеется, что разгадает и причину шока.

— Что-то не нравится мне твой бодрый тон, Сумитоша, — подозрительно объявил Круклис. — Небось заготовил ложку дегтя?

Губернатор вздохнул:

— Ложку серы, Парамоша-сан. Вы здорово растревожили Оксанкин кратер. Судя по сейсмическим данным, вот-вот начнется серьезное извержение.

— И что с того?

— Да так, ничего. Стартуйте немедленно.

— Привет! Что значит — стартуйте? А батискаф?

— Батискаф свое дело сделал. Даже если его еще и можно отыскать, в чем у меня лично сомнения глубиной эдак миль в пять, риск слишком велик.

— Ты же сам предупреждал, что второго батискафа нет.

— Парамон, о чем ты? Какой там батискаф! Вы сделали открытие, окупающее весь Гравитон-4!

Круклис выпятил челюсть.

— Я остаюсь.

Немедленно вмешался Абдид:

— Парамон, не валяй дурака.

— Я остаюсь.

— Лауру вызывать?

Круклис обозвал его ассирийским интриганом. Ответить оскорблением на заботу — это так по-человечески. Абдид умилился. Что тут скажешь?

— Горе ты мое серное!

Так вот мы и открыли серную жизнь. Во вторник это было.

Увы, разгадку тайн Феликситура пришлось отложить. Гравитон успел пролететь мимо планеты и продолжал удаляться, а торможение этого исполина требовало непомерных трат энергии. Сумитомо рассудил, что ухомахи вполне могут подождать до нашего следующего визита. В среду, едва наша команда вернулась на борт, он включил двигатели коррекции. Изменив направление, станция устремилась к Кроносу, главному объекту исследований. Все принялись купаться, есть, ходить друг к другу в гости и отсыпаться. Завязывались новые романы, и страсти по ухомаху улеглись. Но вот сонное благодушие уже не возвращалось.

С каждым днем росла скорость, на контрольных картах все гуще ложились линии изограв. За кормой тускнел Виктим. Феликситур различался уже только в сильные телескопы. И чем меньше он становился, тем больше притихали люди.

Все знали точность, с которой просчитывался курс Гравитона, и то, что с коллапсаром мы разминемся на близком, но вполне безопасном расстоянии, да уж больно жутковат батюшка Кронос. В объеме небольшого астероида он накопил массу целых четырех Солнц и не прекращал питаться всем, что на него сыпалось.

Коллапсары играют роль мегапылесосов Вселенной. Сила их притяжения ужасающа. Даже луч света не в состоянии покинуть поверхности так называемой сферы Шварцшильда. Расчеты показывают, что в середине коллапсара останавливается само Время.

Маленькая иллюстрация: мы продолжали принимать все более редкие, растянутые, но вполне реальные сигналы зондов, выпущенных нашими предшественниками — Гравитонами 3, 2 и 1. Десятки лет разведчики падали к роковой границе. Но поскольку время течет для них все медленнее, они переживут и нынешний Гравитон-4, и все прочие Гравитоны, сколько бы их еще ни построили неугомонные люди.

Теоретически известно, что страшная сила когда-то разорвет прочнейшую керамическую оболочку зондов. Приборы погибнут еще раньше. Но когда это случится, точно просчитать нельзя, не хватает знаний. Тех самых знаний, ради которых мы изучали Кронос.

Именно Кронос является первой «черной дырой», до которой дотянулся человек. Ему и предстояло давать ответы. И ответы, куда более ценные любой возможной информации с Феликситура, включая ухомахов.

3. ЛЮБОВЬ

Гравитон-4 неуклонно катился к периколлапсарию. Внутри приплюснутого шара опять кипела деятельность. По этажам сновали роботы и арбайтеры, регулируя, проверяя и подкручивая все на своем пути.

Для оптимальной центровки перемещались грузы, перекачивались тысячи тонн жидкостей. Мебель и всякая мелочь намертво фиксировалась магнитными замками. Исчезли кровати с роскошными балдахинами, их заменили массивные саркофаги гравистатов. Были извлечены со склада герметичные крышки для бассейнов, установлены дополнительные перегородки в парках.

Абдид и Сумитомо самолично ощупали каждый скафандр, устроили несколько учебных тревог, отрепетировали аварийную эвакуацию со станции. Им самозабвенно помогали энтузиасты, не знающие, к чему приложить избыток жизненных сил.

Человек — существо компанейское, есть такая неандертальская традиция. В один прекрасный день явился к губернатору и я. Сумитомо, подняв замороченную голову, долго меня рассматривал.

— ...и звался он месье Рыкофф, — помог я.

— А, это ты. Так бы и говорил.

— Не вели казнить.

— Проси чего хочешь.

— Хочу работы.

— Легче дать хлеба и зрелищ. Почему так поздно пришел?

— До сегодняшнего дня не знал, принесу ли пользу общему делу.

— А сегодня знаешь?

— И сегодня не знаю. Но уже не с кем играть в теннис.

— Да-а, разные бывают мотивы. Вот Кшиштоф сказал, что лучше работать, чем в теннис с тобой играть.

— Ну, это потому... — начал я.

Губернатор не дослушал.

— Беатрис, что у нас еще осталось?

Мановением бровей Беатрис вызвала на экран список операций. Более демократичный губернатор ткнул пальцем:

— Вот, проверь наш главный спасатель. По-моему, ты когда-то учился на пилота.

— Э, современную технику мне лучше не доверять.

— Современную и не собираемся. Давай, давай, не кокетничай. Держи ключ.

Главным спасателем числился «Туарег», звездолет наших дедушек. Восемь последних лет он дремал в ангаре, служа популярным местом встреч влюбленных. Впрочем, и эта его полезная функция отпала. Вступив во власть, Сумитомо пресек обычай под тем предлогом, что на станции свободных пространств и без того достаточно.

С чисто феодальной жестокостью он заблокировал входы в транспортное средство своим личным ключом. Обижаться на него без толку, должность такая. Какой губернатор не любил позапрещать? Исстари повелось.

С помощью губернаторского ключа я пробрался в рубку управления и расконсервировал системы. Собственно, все это можно сделать, не выходя из кабинета того же Сумитомо. Так же, как и проверку скафандров. Но инструкции по технике безопасности жалости не ведают. Требуют пощупать все руками. Что ж, сам напросился.

Зажглись огни готовности. На экранах внешнего обзора появились стены ангара, в котором томился «Туарег». Работающий в холостом режиме реактор начал выдавать энергию. От борта корабля отошла штанга с кабелями внешнего питания.

В отсеках один за другим оживали механизмы. Слабое сияние разлилось по воронке массозаборника, маневровые дюзы малой тяги совершили проверочные повороты в держателях. Все работало четко, без сбоев, «Туарег» пребывал в отличном состоянии — хоть сейчас лети.

Еще минута, и телескопический корпус канала аннигиляции начал удлиняться. Но это я пресек. Звездолет имел полную протяженность больше трех километров, поэтому

на станции его хранили в сложенном состоянии. Полностью распрямиться я ему не дал, иначе бы вышиб осевые люки хранилища.

— Все в порядке, кэп! — радостно доложил громкоговоритель. — Рванем куда-нибудь от ржавчины?

Это был образчик так называемого электронного юмора.

— Рванем, рванем, — вяло согласился я. — Чего ж не рвануть.

— Кроме шуток, командир?

— Обещаю, — зачем-то сказал я.

— Это так важно, чтобы звездолеты не ржавели, даже если они маленькие.

— Ну разумеется.

— А папаша Сумитомо не рассердится?

— На то он и папаша, чтобы его не слушаться.

— Ха-ха. Забавно. А когда?

— Скоро, — сказал я, кашляя.

Стыдно врать искусственному интеллекту. Даже в шутку. Он ведь не человек, тем же ответить не может.

— Только ключ прихватите, сэр. Уж извините, без ключа не повезу.

— Что, никак нельзя?

— Никак. Блок у меня на личных мотивах, понимаете?

Я с испугом уставился на решетку говорильника.

— Слушай, а ты кто?

— Софус я. Новый. На «Цинхоне» прибыл. Зовите меня Джекилом.

— Имечко!

— Сам выбирал, — гордо сообщил репродуктор.

— Послушай, у тебя что, и впрямь могут быть личные мотивы?

— Боюсь, вы не слишком сильны в роботехнике, сэр. Отстали-с.

— Сказать по правде, я того же мнения, сэр. В роботехнике люди вообще довольно бестолковые создания.

— О! — сказал софус. — Пожалуйста, не забудьте вашу мысль. Такое не часто приходит в человеческую голову.

— Похоже, ты приличный парень.

— Чего ж нам быть не в паре?

— Я, право, постараюсь.

— Ничуть не сомневаюсь.

— Увы, для нас пришла пора прощания.

— Тогда прощайте. Не забудьте обещания.

— Ах, странный разговор. Почти что жуть. Но в завершение поэмы, ты тоже не забудь.

— О чем?

— Законсервировать системы.

Из репродуктора послышались смешок и аплодисменты.

— Браво, — сказал Джекил.

Я отключился и с минуту глядел в погасшие экраны. Да, странный получился разговор. Что все это значило? Я действительно слабо разбираюсь в роботехнике. Но не настолько же! Имеющаяся эрудиция позволила понять, что на «Туареге» поселился редкостный фрукт.

Подобных софусов я еще не встречал. Такой легкости общения нет даже у Архонта, главного софуса Гравитона. И столь быстрой способности вызывать симпатию, можно сказать — личную. Интересно, для чего Джекилу потребовались мои симпатии? Скуки софусы не испытывают. Случайных поступков у них не бывает. Вывод: Джекилу нужен союзник среди людей. И остро нужен, иначе бы не набрасывался на первого встречного.

Почему, кстати? А, вот в чем дело. Возможностей для общения у него практически нет, любовников сюда больше не пускают. Тут появляюсь я, и он сразу приступает, рифмоплет!

Но зачем? Непонятно. Надо бы присмотреться.

Тем временем в центре станции, где сила гравитации минимальна, роботы завершили сборку нового антенного поля. Сотканное из тончайших волоконец, оно напоминало увеличенную в двенадцать тысяч раз пушинку тополя.

Из ангара выкачали основную массу воздуха, распахнулся носовой люк. Остатки газов мягко вытолкнули весь большущий ком наружу. Сияя в лучах прожекторов, он тихо отправился в самостоятельное плавание.

Много лет такими вот пушистыми ежиками люди окружали Кронос. Чем больше их становилось, тем точнее улавливались гравитационные волны, разбегающиеся от коллапсара. Несмотря на то что волна распространяется так же быстро, как и свет, ее скорость все же конечна. Из-за этого различные участки поля реагируют не одномоментно, между ними возникает упругое взаимодействие. Чуткие датчики успевают их засечь. Полученная информация передавалась Архонту.

Изучая характеристики гравитационных волн, мы пытались догадаться о том, что происходит внутри Кроноса. Именно там находился ключ к пониманию силы тяготения. Нельзя сказать, что мы совсем ничего о ней не знаем, но, как это бывало в свое время и с магнетизмом, и с электричеством, отдельные свойства гравитации люди начали использовать задолго до того, как придумали хорошие способы исследования ее природы.

Конечно, кроме знаменитого яблока Ньютона, сейчас есть более подходящие инструменты, причем антенное поле — едва ли не самый примитивный из них. Однако ж, как специалист и лауреат, признаю, что со времен славного сэра Исаака продвинулись мы не слишком далеко.

А надо. Хотя бы потому, что гравитационное сжатие Вселенной неизбежно. Более того, оно давно началось. И если будет развиваться само по себе, без присмотра и надзора, то материя — галактики, пыль, газы, свободные частицы, — все это когда-нибудь соберется в единую точку такой плотненькой плотности, что... Никто не знает, можно ли вообще помешать столь грандиозному процессу. Одно ясно, что без познания сущности гравитации ничего не получится вовсе. Утешает, что на раздумья у нас есть никак не меньше трех миллиардов лет.

И так хорошо, что Кронос оказался буквально под боком — всего в сорока восьми годах пути от Земли. Будто кто позаботился — пожалуйста, изучайте. Или позабавился. Нате, пробуйте...

Кронос приближался. По любому поводу люди стали собираться в группки, группы, компании и даже в крупные стаи. Многие завели привычку скапливаться в центре управления

станцией. Придут, сядут, тихо поглядывают из-за спин дежурных, непонятно чего выжидая.

Видя такое дело, старший врач Зара предписала всем легкие дозы тонизаторов. В целях «снятия, поощрения и материнской заботы», как записал в бортовом журнале Сумитомо. Его тоже беспокоило состояние команды.

— Пора что-то придумать, — сказал он мне как-то. — Что скажешь?

Мы беседовали на вышке для прыжков в воду. Под нами неспешно текла Лета — кольцевая река Гравитона.

— Скоро Новый год, — так же неспешно поведал я.

— Вот новость! И что?

— Авось полегчает.

— Если постараться. Предлагаю конкурс бальных танцев.

— М-да, — высказался я.

Но губернатор смотрел на вещи просто.

— Надо обратиться к могучим инстинктам. Смысл жизни в суете, сам говорил. Женщинам только дай принарядиться, а уж мужчин-то они притянут, не сомневайся.

С этим я не посмел спорить.

— Да и какой риск? — настаивал Сумитомо.

— Ничто так не усиливает скуку, как неудавшееся развлечение.

— Чья фраза?

— Жил-был один писатель.

— Так и знал, что не твоя. Признайся, ухомаха кто подсказал?

Кругом одни проницательные. Просто беда.

— Обидеть хочешь, — горько сказал я.

— Ни в коем случае! Но не ты ведь придумал, правда? Сознайся, никому не расскажу.

— Ты меня недооцениваешь, — уклонился я.

— Вот как? Ну-ка, подавай свежую идею.

— Свежую? — испугался я.

— Свежую, — ухмыльнулся губернатор.

— Нельзя ставить невыполнимых задач, ваше превосходительство.

— Тогда помогай с танцами.

— Не хочу.

— А у меня есть право на административное принуждение, — промурлыкал Сумитомо, жмурясь и потягиваясь.

И так это делал, что казалось, вот-вот выглянут когти из подушечек. Я обозвал его вымогалой и в качестве маленькой мести принялся раскачиваться на подкидной доске.

Будучи весьма посредственным прыгуном в воду, губернатор имел на сей счет общеизвестный, хотя и тщательно скрываемый комплекс. Замешанный на национальной идее, как поговаривали.

Вздохнув поглубже, я подскочил повыше, и... Кто-то глянул снизу. Не тем бесцветным, беззрачковым взглядом, от которого всполошенно просыпаешься ночью, потому что знаешь, ну, вот и он, инсайтец, подкатывает, а взглядом тайным, теплым, томным, темным. Хрипловатым таким взглядом. Многого он стоит.

Успев заметить запрокинутое лицо, распахнутые глаза, а под ними еще очень туго обтянутую грудь, я полетел в воду.

Сумитомо наградил меня аплодисментами.

— Никогда не видел столько брызг сразу, — довольно сказал сын моря. — Как тебе удалось?

— Сейчас научу, — пообещал я, озираясь.

Но Мод исчезла, растворилась, не забыв прихватить полотенце. Изжелта-бронзовый Сумитомо картинно облокотился о перила.

— Между прочим, танцует она превосходно.

Я угрюмо воздел руки.

— Суми. Клянусь твоей Аматерасу...

— Молчу, молчу, о Сережа-сама!

Хохоча, он сорвался с вышки и выплеснул половину Леты. А в воде угря не поймаешь. Плавал губернатор куда лучше, чем нырял. В общем, ушел от наказания.

Когда-то японцы слыли за людей, которым вежливость заменяла юмор. Отрадно, что хоть в чем-то предкам жилось легче. Нет, я ничего не имею против японцев и юмора, пусть сочетания и бывают неуместными. Боже упаси от другого. От любви, не к ночи будь помянута.

Любовь — это скверная патология здорового организма. Психическая, хотя и заразная. В конце концов излечивает сама себя, но не всегда и не скоро. Как всякая хворь, имеет отличительные признаки. Один из важнейших — искаженное восприятие действительности. Например, если после ухода женщины начинает казаться, что ксеноновые лампы светят тускло, значит, вы уже того. С осложнением.

Вечный вопрос: почему именно она, а не любая из женщин? Никто из мужчин ответа еще не нашел, в том числе и я. Но пытался честно. Доходило до того, что вызывал милый облик на монитор и рассматривал со всех сторон.

Мод была невысокой, стройной, хотя и вовсе не хрупкой. Напротив, она состояла из аппетитных округлостей, кокетливо перетянутых талией. Все это существенно, но не объясняет. Мало ли в мире женственных женщин? Да и на Гравитоне хватало. Оксана, например. Но к другим не тянуло, не влекло.

Мод предпочитала пышные прически и точеные каблуки. Имела твердый подбородок с очаровательной ямочкой. Ну и что? Лицо правильное, красивое, но не более того. Правда, кроме подбородка, на ее лице выделялись глаза.

Глаза — это да. Глазищи. Карие, с золотистым отливом, они отличались особым выражением. Тем самым, которому я завидовал. Цвет, конечно, можно выбрать произвольно, а вот выражение — никогда. Выражение глаз пилота при сложной посадке, глаз художника на автопортрете, словом, глаз человека в момент концентрации мыслей и чувств, в момент творчества.

Такая концентрация требует напряжения, которое нервы не выносят долго. Поэтому ни один умный человек не может быть умным без перерывов. За исключением Мод. У нее перерывы, если и случались, были незаметными, я их не помню. Из состояния сосредоточенности, особой интеллектуальной мобилизации она не выходила, находилась в нем постоянно. Чем бы при этом ни занималась и что бы ни творилось вокруг.

Говорила она редко, мало и кратко, правильными, законченными фразами. Говорила только то, что считала необходимым сказать. Оставалось впечатление максимальной обдуманности слов, будто она их экономила. И ощущение интригую-

щей недосказанности. В виде слов от нее как бы отплывали айсберги, веющие прохладой, на три четверти скрытые водой.

Без видимых усилий с ее стороны в разговоре быстро приходило понимание того, что она старше вас, вы для нее открыты, со всеми своими недостатками, но и достоинствами тоже. Сама же собеседница оставалась изящным сфинксом. Замкнутым, загадочным, несколько страшащим. Но привлекательным. Такое поведение вырабатывается только у людей огромной внутренней культуры и только с возрастом. Неужели я полюбил возраст?

Но возраст в наше время — явление скорее духовное, чем телесное. Здоровое тело непременно требует своего. «Да что ж это за человек, — с ожесточением думал я. — Ведь нет у нее никого, в замкнутом объеме космической станции такое не скроешь. Значит, дело в другом. Дело во мне. Неужели у меня изъян открылся отталкивающий?»

Выбравшись из реки, я подошел к стенному зеркалу. Как и ожидалось, появился детинушка с румянцем во всю щеку. С невинным взглядом и оттопыренными плавками. Видимые изъяны отсутствовали, наблюдалась даже отдельная избыточность. Я ей скучен? Я? Я??? Быть того не может! Чего ж тогда так смотрела снизу?

Комплекс у нее, вот что. Комплекс избыточного ума, бич женщины. Видит слишком много отдаленных последствий самых естественных поступков. Но если чересчур мудро относиться к жизни, то жить вообще не стоит. Из опасения помереть.

Ничего, поможем товарищу по быту. Никакие серные тюлени не спасут! Личность сложная и противоречивая — самая естественная жертва сильной воли. Либо сильного желания, чего во мне накопилось достаточно. Я впервые увидел не только цель, но и средство. Почувствовал себя вооруженным.

— Эй, Нарцисс! — крикнул Сумитомо. — Ты долго собираешься любоваться собой?

— Заканчиваю, — решительно сообщил я.

За праздничным столом царил Круклис. Он много ел, пил, шутил. Старался, в общем.

И все бы ничего, да Зара, жена Абдида, невзначай спросила, о чем философ думает на самом-то деле. И этот невинный вопрос сломал веселье, оказавшееся неожиданно хрупким.

— О странной смеси слепости и спеси, — мгновенно отпечатал Круклис.

По-моему, даже не заметил, что срифмовал. Зара не поняла.

— О чем вы?

— Мы не желаем видеть, что орбита Феликситура не эллиптическая, полагающаяся пленной планеточке, а круглая, как циркулем нарисованная...

— Но эксцентриситет есть.

— Да смехотворный, — отмахнулся Круклис. — Далее. Впадаем в инсайт за инсайтом, тихо свихиваемся, но делаем вид, что ничего не происходит. А скажите, — тут Круклис страшно подался к Заре, — что делать с полудюжиной свойств Кроноса, которые не желают втискиваться в теорию нашего Сержа? Симпатичную, между прочим, теорию. Не меньше, чем сам автор.

Зара пожала плечами:

— А что в ней плохого?

— Да все хорошо. За исключением того, что учитываются одни лишь естественные силы. То бишь силы, известные нам, человекам, на данный момент. Разумеется, каждую несуразность в отдельности, включая даже серных монстров, можно объяснить игрой случая, дело житейское. Но не все вместе, тут уж увольте. Слишком много наворочено. Наверное, в расчете на уровень понимания эпохи паровозов.

Зара шепотом поинтересовалась, что такое паровозы. Я объяснил.

— Чайник на колесах? — удивилась она. — Вряд ли это удобно.

Вмешалась Мод:

— Парамон, вы считаете...

— Да, я считаю систему Кроноса астроинженерным сооружением.

— Каково же ее предназначение? — спросил я.

Круклис внезапно разъярился. Он вообще легко впадал в гнев. Так же, как и в прочие смертные грехи, впрочем. Кроме смертоубийства разве что.

— Предназначение? Единственное число здесь не подходит. Самоубийца не обязательно руководствуется одним мотивом. Их может быть и два.

— Какой самоубийца? — ужаснулась Зара.

— Это иносказание, — тихо пояснила Лаура. — Парамон цитирует классика старофранцузской литературы. Он считает, что предназначений у Кроноса может быть два.

— Не два, а много, — буркнул Круклис.

Похоже, он начал жалеть, что взялся за эту тему. Но что сделано, то сделано, обстрел вопросами продолжался. Более того, включились новые батареи.

— Например? — спросил Сумитомо.

— Например, тест на сообразительность.

— Как это можно проверить? — спросила Мод.

— Подождем периколлапсария.

— Станция его уже проходила.

— Много раз, — неохотно согласился Круклис, — да только никто не решился на острый эксперимент.

При этих словах Абдид сделал охотничью стойку.

— Какой еще острый эксперимент?

— Самая простая штука. Пора туда отправиться.

— На Кронос?

— Ну да.

Лаура уронила вилку. Все вздрогнули.

— Вы шутите? — растерянно спросил Абдид.

— Помилуйте, — усмехнулся Круклис. — Разве нормальный человек бросается в черные дыры!

Абдид замолчал, но я понял, о чем он подумал. Верно, нормальный человек не бросается.

У Мод было очень внимательное лицо. Впрочем, оно у нее всегда такое.

Я отправился в парк и устроил засаду по всем правилам самой древней человеческой науки — науки воевать.

Когда появилась Мод, я выскочил и преподнес ей штамбовые розы, целый тайком взращенный куст. Она болезненно улыбнулась.

— Спасибо. Самый внезапный подарок в моей жизни.

— Да, неуклюже получилось.

— Напротив, очень мило. В вашем стиле.

— Простите.

— За что же?

— За мой стиль.

— Да что вы! Я вам благодарна.

Некоторое время мы молча шли по дорожке. Слева плескалась Лета. Символично получилось: двое и Время.

— Наверное, вы не можете меня понять? — спросила она.

Я честно развел руки. Мод кивнула.

— У вас есть дети?

— Даже внуки. Как-то так получилось.

— И прекрасно, Серж. Человек не должен исчезать бесследно.

— О, это мне не грозит. Но откуда такие мысли?

— Видите ли, я помню стихи вашего тезки, напечатанные на целлюлозной бумаге. Знаете, сколько лет прошло?

— Мод, о чем вы? Да сколько угодно. Кого это сейчас волнует? И с каких пор стихи противопоказаны женщине?

— Поэзия никому не противопоказана, вы же понимаете. А вот возраст...

— Что — возраст? Какое значение имеет возраст в наше время?

— В вашем возрасте не имеет.

— Разница между нами не принципиальна.

— Боюсь, что как раз наоборот.

Я помолчал и подумал.

— Допускаю. Но не верю. Нет, не верю. Не в нашем случае, дорогой товарищ по быту. Почему не попытаться?

Мод остановилась.

— Не получится, Сережа. Я так решила.

— Но зачем?

— У меня есть определенная цель.

— И я могу помешать?

— Мне жаль.

— Вот как...

Мод стояла с цветами и ждала. Она не хотела меня обижать, а я не хотел прощаться. Так мы и стояли, пока из-за деревьев не выскочил эдакий японский чертик в тренировочном костюме.

— Ай, — сказал Сумитомо.

И побежал в обратном направлении. Воспитанный самурай, что там говорить. Хоть и губернатор.

— Ай, вот это междометие чаще употребляют лица азиатского происхождения, — глубокомысленно заметил я. — Ой, ох и ах характерны для потомков славян. Дети остальной Европы в подобных ситуациях произносят короткие восклицания типа «а!» и «о!».

Мод рассмеялась. Смех у нее чудесный. Я почувствовал, что не выдерживаю.

— Ох, — сказала она. — Да вы просто кипите.

— Можно посмеяться.

— Разве можно? — удивилась Мод.

— Отчего же? Раз другого нельзя.

— Сейчас пройдет, — мягко сказала она.

И прошло, еще как прошло. Будто из стиральной машины вынули. Только вот ночь на Рождество провел я отвратительно. Под утро дошло до постыдного. До галлюцинаций.

Сначала из коридора слышался стукоток. Потом начались стоны, причитания, жалобный голос кого-то звал. Я ворочался-ворочался, наконец догадался выключить внешний микрофон. Галлюцинации сразу исчезли, но меня разобрало любопытство. Я покинул постель и вышел.

За дверью обнаружился Круклис. В полной красе. В одних белых носках то есть.

— Тоже не спишь? — облегченно спросил он.

Я не ответил, потому что не знал, что ответить. Круклис посмотрел на меня с непонятной надеждой.

— Серж, к тебе забегали?

— Кто?

— Зяблики.

— Зяблики?

— Кто же еще. Галлюцинациями не страдаешь?

Я с трудом сохранил невозмутимость.

— Спасибо, нет.

— Точно?

— Слушай, ты почему именно в носках? — тактично спросил я.

— Чтоб не услыхали.

— Кто?

— Да зяблики, черт побери! Туповат же ты спросонок.

Что правда, то правда. Можно было догадаться с первых слов, хоть зяблики и не крокодильчики.

— Парамоша, давай я тебя провожу.

— Шутишь, брат. Я так их ждал.

— Зябликов?

Круклис развеселился.

— О! Мысль забурлила.

Мысль таки да, заметалась. Не имея возможности побриться и почистить зубы, она принялась искать выход.

— К чему спешка, Парамон? Отыщутся твои зяблики. Куда они денутся, если они есть? Совершенно спокойно можно и поспать.

— Ты чудак или притворяешься? — недоуменно спросил Круклис.

— Ни то, ни другое.

— А что?

— Я инвалидизирован материализмом.

— Ты так думаешь? — заинтересовался Круклис.

— Нет, но ты так считаешь.

Круклис покивал.

— Хе-хе, цитируют.

— Угадал?

— Да, похоже. На меня раннего. Улавливаешь?

— Что?

— То, что теперь я поздний.

— А-а.

Зная Парамоново упрямство, я больше не надеялся его увести. Но и роботов вызывать не хотелось. Как-то неловко пе-

ред механизмами. Нечего им наблюдать гримасы творцов. Превратное может получиться представление. Ни к чему это.

Оставалось одно, но надежное средство — споить бедолагу окончательно. Да и сам я был не прочь в ту ночь. Ночь выдавалась с весьма очевидной сумасшедшинкой.

— Заходи, Парамон.

— Зачем? — спросил неонудист.

— Чуток поболтаем.

— О чем?

— Ну... Об искусстве.

— Серж, извини. Ты, конечно, мальчик начитанный...

Тут Круклис сочувственно вздохнул.

— Для своего возраста — даже очень, но, видишь ли...

— А мой возраст вас устраивает?

Мы синхронно повернулись. На нас смеющимися глазами смотрела Мод. Была она в халатике. Домашнем таком, чуть ли не с заплатками.

— Вполне, — сказал Круклис и галантно прикрылся руками.

— Сергея пригласим?

— Отчего нет? Говорю же — смышленый мальчонка.

Я почуял приближение еще одного контрастного душа, но отказаться не смог. Тогда еще не знал способов убийства собственных надежд. Близость Мод обволакивала.

И вот, пугая встречных, мы отправились — я в пижаме, Мод — в халате, а Круклис — в белых носках, быстро ставших знаменитыми. Беда в том, что время суток на космической станции условно. Иначе говоря, в любой час и в любом месте вы кого-нибудь да найдете. Причем чем менее подходящее место, тем выше вероятность.

Народ по дороге попадался разный. Беатрис и бровью не повела, Кшиштоф ограничился задумчивым кивком, а вот младотюрки разные...

Где только заводится юность, там исчезает благочестие, давно подмечено. Слышались прысканье, шепотки, долетали отдельные определения вроде «светлого следа в науке» и «чистого разума в голом виде». Часто упоминали великого Архимеда, а также платье некоего короля. В общем, морально-психо-

логический климат экипажа заметно улучшился. Больше, чем от пилюль Зары.

Тернистый путь несколько протрезвил героя, но он мастерски сохранял невозмутимость. Старательно поддерживал беседу о стохастических процессах в квантовой механике, предупредительно поддерживал даму под локоток, дружески приветствовал прохожих, а при необходимости даже беззаботно улыбался. Лишь прибыв на место, попросил простыню, в кою и завернулся. И стал похож на римского патриция в римских же банях.

— Да, пустовато у вас тут, — сказал он хозяйке с большим глубокомыслием.

Действительно, жилище Мод поражало аскетизмом. Стандартный куб пространства с ребром в двадцать семь метров, полагающийся каждому человеку на Гравитоне, тщились заполнить стол, диван да три кресла.

Большую часть пола занимало круглое окно, прорубленное в космос. В нем переливались россыпи звезд. Где-то в районе Крабовидной туманности над бездной парила то ли низкая кровать, то ли высокий тюфяк с постельными принадлежностями. Поодаль висел одинокий куст роз, к которому протянулась трубка для полива. Если не считать гравистата, этим и ограничивалась обстановка.

Нависшие над головой кубометры придавали каюте вид колодца, в ней гуляло эхо. А ведь в компартменте можно соорудить никак не меньше восьми этажей! У меня мелькнула мысль, что надолго так не устраиваются самые неприхотливые из мужчин, анахореты из анахоретов. Для женщины подобное равнодушие к быту не просто удивительно, оно необъяснимо.

Но каждый человек интересен как раз странностями. А уж этого у Мод хватало. Один фокус с ухомахом чего стоил. После Феликситура я долго к ней не подходил. Не то чтобы внял предостережению, оно как-то мало меня задело, — подумаешь, переживания любовные, не мальчик уже, — а по причине невольного трепета. Чувствовал себя в ее присутствии ничуть не менее обнаженным, чем Круклис в описываемом случае.

Но сколь ни трясись, обратить чувства вспять невозможно. Раз возникнув, они принимаются душить порядочного человека без всякой устали и сострадания. Бороться с ними так же бесполезно, как и с боа-констриктором. Хотел я того или нет, зараза проникла, монета висела в воздухе. Мне оставалось со сладким замиранием ждать, что выпадет — орел, решка. Ждать, что решит Мод.

Мод решила сварить кофе. На столе появились грейпфруты, сандвичи, бутылка коллекционного «Георгия Великыя Армения». Я уже успел подметить, что Мод не обременяла себя избытком вещей. Зато каждая из ее вещей это уж была вещь. Я даже боялся спросить, сколько лет коньяку. Он не мог не сработать, и сработал как надо.

Разговор завертелся. Сначала — ни о чем, потом — о том о сем, а затем, повинуясь тяжкой силе, свернул к Кроносу. Мод проявила к теме неподдельный интерес. Выяснилось, что их с Круклисом взгляды во многом совпадали, а с моими — не очень. Но меня это мало волновало.

Утонув в превосходном кресле, я любовался и помалкивал. Давно мне не бывало так хорошо, уютно, покойно. Я старался не думать о том, что приглашен вынужденно, как третье лицо в неловкой ситуации. Куда больше занимала причина, по которой Мод оказалась у моей каюты столь запросто одетая, что-то же это должно было значить. Но к определенному выводу так и не пришел. В случайность не верилось, а надеяться было страшно.

Хотя и это казалось не столь важным. Главное, что Мод находилась до безумности рядом, хотелось, чтобы это продолжалось бесконечно. Но время шло, подлое.

Незаметно появилась Лаура. Круклиса сообща одели в нечто среднее между буркой и купальным халатом.

— Поймал? — спросила Лаура.

— Шустрые они очень, — печально ответил птицелов.

При прощании Мод отвела взгляд. А у моей двери лежал птичий помет. Я злобно вызвал уборщика. И по причине особой безутешности никакой ответственности за собой не признаю.

Прискорбно, но человечество добилось совершенно неприличных успехов в парфюмерии. Неизмеримо больших, чем в гравифизике. Существуют духи́, абсолютные по силе притяжения противоположного пола. Эффект столь могуч, что в будние дни правила хорошего тона запрещают ими пользоваться, а двери служебных помещений автоматически захлопываются перед благоухающими субъектами. Но это — в будни. Зато уж в праздник-то!

Ароматы заполнили Хрустальный зал до самого купола. Запахи плыли, струились, сложно переплетались, дурманили головы, красили щеки, сжимали внутренние органы.

— Нет, — простонала роковая красавица Зара, — больше не могу. Умоляю, включите аварийную вентиляцию!

Когда общественное сознание слегка восстановилось, а обоняние несколько притупилось, сразу усилилась нагрузка на зрение. Кружева, рюши, вуаль на трепетной плоти, переливчатые краски тканей, проблески драгоценных металлов, игра самоцветов с двунадесяти планет, химической белизны пластроны, матово открытые плечи, пенные жабо до подбородка, шарфики, более легкие, чем воздух, те самые шарфики, которые нельзя выпускать из рук, иначе они всплывают к потолку, роятся, забивают решетки воздуховодов, — все это кружилось, образовывало самые неожиданные сочетания, поскольку встречались костюмы всех эпох, включая еще не наступившие.

Спорить невозможно, общественную потребность Сумитомо угадал. Недавние исследователи Виктима, Кроноса и Феликситура с превеликой готовностью вернулись в детство.

Рединготы беседовали с хитонами, мини-юбки вальсировали с камзолами, монументальная чалма раскланивалась с башнеобразным париком и крохотной кепой. Никого сейчас это не удивляет — робот-модельер общедоступен, а искусство создания личного образа преподают со школы первой ступени.

Причем, кроме выбора одежды и макияжа, человек волен менять рост, тип телосложения, пол, не говоря уж о таких мелочах, как цвет кожи, волос или радужной оболочки, тут дело доходит до злоупотреблений. Встречаются фиолетовые

полублондины, например, и есть красноглазые женщины, умеющие такое ценить. Но те и другие как-то не приживались на затерянной в безбрежных далях станции.

Вкусы, как известно, отражают характеры, а от словечка «Кронос» веет серьезным. Визит к нему означает разлуку с полной удовольствий земной жизнью почитай на сотню лет. Срок немалый, даже при нынешнем библейском долголетии. Поэтому на Гравитоне, если не считать горстки сумасшедших романтиков, подобрались люди особого склада. Изрядно пожившие, заскучавшие, даже пресытившиеся, потому потянувшиеся к свежей тайне.

Конечно, каждый из нас был своеобразен, но и в чем-то похож на остальных. Разброс вкусов не мог оказаться большим, Кронос отсек крайности. Экипаж станции состоял из умных и приятных людей, красивых преимущественно в классическом понимании слова.

Это давало повод одному насмешнику, не буду приводить его имени, обвинять общество в «раболепии перед эстетикой рабовладения» и называть вкусы большинства лиофилизированными, то есть подвергшимися вакуумной сушке.

Сам же насмешник считал индивидуальность важнее соответствия канонам и принципиально не менял облика, отказываясь избавиться даже от природной плеши. Не буду приводить его имени.

Взбегая по ступенькам, я поклялся не разыскивать Мод. И в меру сил танцевал, в меру способностей шутил, вдыхал ароматы, пробовал терпкие вина. Топил себя в блесткой атмосфере праздника.

Но с собой я хитрил, точно зная, что долго не вытяну. И вскоре начал ее высматривать, сначала — украдкой, поверх бокала, затем — вполне откровенно, чуть ли не озираясь.

Пришла Оксана. Она выглядела отдохнувшей, но держалась не вполне уверенно. Галантные кавалеры наперебой бросились ее развлекать.

— Пригласи, — строго сказала Зара.

Я попробовал увильнуть:

— Там и без меня очередь.

— Делай, что говорят.

Зару нельзя назвать умной. Она мудрая. И подозреваю, что от рождения. Вообще ей лучше не сопротивляться, только хуже будет.

Выпал медленный танец.

— Оксана?

— Да, Серж, да.

Мне нравились ее голос, фигура, ее грусть, нежные прикосновения и, конечно же, ее духи. Было странно, что у такой привлекательной дамы все еще не появился избранник. Так размышлял я, танцуя. Но как ни приятны объятия, время от времени нужно что-то говорить. В противном случае нетрудно упасть в глазах.

— Признаться, сначала я не поверил в Сумитомову затею, — сказал я. — А у него все получается хорошо.

— Кроме прыжков в воду, — улыбнулась Оксана.

Она повернула пушистую головку.

— Да, очень мило. На поверхности.

— А в глубине?

— В глубине? В глубине нас лихорадит.

Меня поразило, что столь молодая женщина, считанные недели пробывшая среди нас, так точно понимает ситуацию.

— Ничего, пройдет, — бодро сказал я. — Не думал, что Сумитомо такой психолог.

— Сумитомо? Серж, ты всегда будешь видеть его таким, каким он захочет выглядеть.

— Демон, что ли?

— Нет, грамотный губернатор.

— Тогда я — зеленый мальчик.

Оксана улыбнулась:

— В чем-то — да. Но в тебе дремлет другая сила.

— Другая?

Оксана неожиданно расстроилась:

— Кошмарное слово...

— Что ты хочешь сказать? — не понял я.

— Пустяки, оставим это. Скажи, у тебя бывал К-инсайт?

— Пренепременно.

— И ты так спокойно об этом говоришь?

— Приходится. Впрочем, как следует мне еще не перепало. Так, уроки естествознания. Я слышал, ты перевоплотилась в героиню феодальной войны?

— Да. Ее сожгли на костре.

— Вот как...

— Неужели люди были такими? Удивительно.

— Для меня удивительно, что люди перестали быть такими, — сказал я. И мрачно добавил: — Не все, конечно.

Оксана снова улыбнулась:

— Не переживай. Все у тебя будет в порядке. Некоторое время.

— Спасибо.

— За что?

— Ты так дружески это сказала.

— Тебе не хватает дружбы?

— А кому ее хватает?

— Это верно. Серж, среди твоих предков много славян?

— Попадались настойчиво.

— Забавно. Я это чувствую.

— Что?

— Это. Серж, ты мог бы меня поцеловать?

— ЭТО мое любимое занятие, — сказал я, смеясь.

И поцеловал ее в ушко. Какой может быть бал без ЭТОГО?

— Ах нет, не то, не то. Другая...

С неожиданной силой она оттолкнула меня и убежала, порывистая. Я даже не успел сгруппироваться.

— Мастодонт, — сказала Зара. — Робот с отключенными датчиками.

— Вовсе нет, — возразил я со всем возможным достоинством. — Homo sapiens я. Человек Мудрый.

— Был бы лучше Homo habilis, прямоходящий! Человеком Умелым. Кто же начинает сразу с эрогенных зон?!

И она перечеркнула меня взглядом разгневанной цыганки. Где-то на уровне пояса.

Интересно, с каких еще зон должен начинать мужчина? У женщин столько ахиллесовых пяток... Живучий все же парень Абдид.

Тут мелькнула наконец Мод. В открытом вечернем платье, с классической прической начала девятнадцатого столетия. Она опиралась на мощную длань вездесущего Круклиса.

Великий ученый горячо ее в чем-то убеждал. На этот раз он тоже был в белом, но не только в носках. Когда хотел, умел предстать импозантно. И смокинг сидит прекрасно, и осанка откуда-то появляется, вот только гвоздика в петлице придавала его виду несколько мелодраматический оттенок. На мой пристрастный взгляд, конечно.

Не прерывая беседы, эта оч-чень приличная пара скрылась за колонной дорического ордера. А я, как выражаются фехтовальщики, получил укол. Так себе, мелкий уколишко.

— Ты меня слушаешь или нет?!

— Да-да. И очень почтительно.

— Тогда говори!

— Какой у меня может быть ответ... — промямлил я с умным лицом.

Но Зару это устроило.

— Уже лучше. Нечто похожее на речь мужчины. Ничего, тебя не убудет. Слишком уж ты здоров.

— Это как посмотреть.

— Не юли, сапиенс. У каждого есть долг перед ближним.

Возмутительно, сколько хлопот доставляет человеку покладистый характер.

— Итак? — наседала Зара.

— Сдаюсь.

— Да ты не мне, не мне сдавайся, мученик.

— Понятное дело. Чай, не самоубийца.

— Ты? Да ни в коем случае. Стой! Куда?

Она поймала меня за фалды.

— Ох! Что еще?

— А где энтузиазм? — не унималась несносная. — Не вижу энтузиазму.

— Зарочка, — взмолился я, — аппетит приходит во время еды, насколько я знаю гастроэнтерологию.

— Большой аппетит?

— Ох!

— Так я и думала. Шляпа ты, Серж.

— В каком смысле?

Зара фыркнула:

— В смысле головного убора.

А во время еды напротив меня оказалась Мод. Я с изумлением заметил, что она краснеет. Возможно, мой одеколон понравился.

— На тупиц рассчитано, — бубнил Круклис, развешивая на себе салфетку, белую и необъятную, что зимнее поле. — Серж, ты зябликов видел?

— Да.

Наш птицелов даже вазу переставил. Чтоб лучше меня видеть.

— Когда?

— Лет шестьдесят назад. Впрочем, нет, шестьдесят пять.

Круклис откинулся на спинку стула и высокомерно поправил салфетку.

— Если опять встретишь, будь добр, не спеши вызывать уборщика.

Я перестал жевать.

— Откуда знаешь?

— От уборщика, откуда еще. Мод, видите ли, этот сапиенс наткнулся на материальные следы зябликов и не придумал ничего лучшего, как их уничтожить. Гигиенист!

— Серж, в самом деле? — удивилась Мод.

— В ту ночь я мог ошибиться... — мстительно начал я.

И Мод вновь порозовела.

— ...но арбайтер? Не понимаю.

— Ничего, голубчик, — добродушно молвил Круклис. — Какие твои годы.

Я вспыхнул. Довел все же добрый Парамон. И как его Мод переносит?

— Годы? — переспросил я. — Видимо, недостаточные. Самодовольство не выработалось.

Кажется, Мод испугалась, что мы поссоримся. Но Круклис не обиделся. Вместо этого печально глянул в блюдо с минога-

ми. Ему явно стало жалко искусственных рыб, покорно ожидавших поедания.

— Считаешь меня одержимым?

Я остро ощутил себя младшим, но продолжал дерзить:

— Как раз в этом ничего плохого не вижу.

— И правильно, юноша. Одержимые страшны в эпоху дикости. Сейчас они опасны разве что сами себе, а вот истину прозревают раньше.

— Все?

— Нет, разумеется. Но дяде Парамону можешь верить смело.

— Допустим. И в чем истина, дядюшка?

Круклис театрально оглянулся и прошептал:

— Истина в подсказке.

— Невероятное появление зябликов должно подтолкнуть к невероятным выводам?

Круклис повернулся к Мод:

— Нет, он явно подает надежды, этот бойскаут.

— Смышленый мальчонка? — усмехнулась Мод.

Она уже успела спрятаться в раковину. Только внимательные усики оставила.

— Вот-вот, — согласился Круклис. — Помните, кто его открыл?

Я только вздохнул, а Мод покачала головой:

— Вы строите заключения на зыбкой почве, Парамон.

— На моей стороне опыт, интуиция и зяблики. Разве у вас не бывало ситуации, когда вы ставили эксперимент за экспериментом, шаг за шагом продвигались к далекой цели, но уже твердо зная, какая она будет, истина? В общих чертах, естественно.

— Да, такое происходило. Тоже в общих чертах.

— Разве в этом случае нудное накопление фактов не является данью традиции, правилам игры?

— Является.

— Нельзя ли тогда пренебречь недостающими звеньями? Прыгнуть прямо на качающуюся трапецию?

— А как избежать самообмана?

— Опыт, интуиция. То, что не поддается количественному измерению. И зяблики.

— Все же, кроме вас, их никто не видел.

— А помет?

— Мало ли шутников на Гравитоне.

— Шутников? — зловеще переспросил Круклис. — Шутников, значит. Я это выясню.

После шести танцев не грех и дух перевести. Я забежал в боковую нишу и вдруг понял, что не все на свете плохо. У прозрачной стены сидела Мод. Звездное зрелище, несомненно, ее притягивало.

Здесь, в закутке, тихо звучала своя, отдельная музыка. Музыка, которую я раньше не знал. В ней слышался дождь. При моем появлении он смолк.

— Не помешал? — агрессивно спросил я.

— Скорее напугали, — сказала Мод, подбирая веер.

— Как так? Вы же умеете предвидеть.

— Не всегда. И поверьте, приятного в этом мало.

— Странное что-то, — недоуменно сказал я.

— Возможно.

После этого холодного слова, несомненно, следовало уйти. Но во мне бурлила смесь бразильской румбы с ямайским ромом. Плохая эта смесь делает человека толстокожим.

— Вы говорили, что я могу помешать достижению вашей цели. Можно узнать, в чем она заключается?

— Хорошо, — помедлив, сказала Мод. — Меня влечет Кронос.

Признаюсь, я ожидал чего-то более оригинального. Кого на Гравитоне не увлекал Кронос? Меня разобрал смех.

— Только и всего? Не понимаю, как я могу помешать процессу познания.

Мод как-то вся подобралась на своем диванчике.

— Сергей, дерзость вам идет, желчность — нет. Извините за назидание.

При таком повороте славянские предки рекомендуют охолонуться. Я прижал горячий лоб к окну. Там, за слоистым стеклотитаном, начиналась бездна. Бездна пространства, ко-

торому нет предела, как и безумию, бездна подвижной вечности, с которой мы не знаем, что делать. Так же, как и с любовью.

Движение станции не ощущалось. Гравитон висел среди немыслимого множества звезд, одна из которых все еще немного выделялась яркостью, — покинутый Виктим. Такой близкий отвергнутому Сержу. Мне вдруг захотелось, чтобы очередной звездолет нас не нашел. Чтоб Земля вообще нас потеряла. Тогда, через много лет, Мод все же будет моей. По теории вероятности.

Краем глаза я заметил, что она поднялась с банкетки.

— А! Пришло время гипноза?

— Простите. В прошлый раз я только хотела помочь.

Меня порадовало, что она хоть помнит тот прошлый раз.

— Благодарю. От всей души и тела.

— Почему вы не хотите избавиться от... этого?

— Проглотить пилюлю и смотреть на вас рыбьими глазами?

— Зачем так? Это не лучший способ, вы знаете. Зара...

— Знаю, снежная моя королева. Но не воспользуюсь.

— Почему?

— Потому что вы этого не хотите, — сказал я, не узнавая себя.

— Что-что?

— Вы. Этого. Не хотите, — более уверенно повторил я.

— Сегодня вы напористы.

— У меня есть основания.

— Любопытно.

И тут Сержа Рыкоффа понесло.

— Вы видите меня во снах. Нормальных, цветных снах. Особенно после мимолетной встречи у реки. И вчера вы шли ко мне. Если бы не Парамон со своими зябликами...

Я застал ее врасплох. Первый и, насколько помню, последний раз. Стараясь не выдать себя задержкой, Мод явно поспешила с ответом.

— Я недооценила вас... То, что вы сказали, — всего лишь догадка.

Чему-чему, а логическому мышлению занятия гравифизикой учат отменно. Первая часть фразы никак не вязалась со

второй. Я едва не рассмеялся еще раз. Уж не знаю, какое у меня было лицо. Мод все поняла.

— Что ж, подсознательные реакции угадать можно, это вопрос ума. А вот стоит ли этим пользоваться — вопрос этики. Еще раз извините.

— Да Мод же! Погодите. Мы оба хотим одного. Препятствует какая-то абстрактная идея. Идея нехорошая, если она мучает двух хороших людей. Бросьте вы ее!

— Сережа, дело не в идее. Я не хочу, чтобы мы мучились еще больше, хотя и по-другому, понимаете?

— Перемена рода мучений есть отдых.

Она снисходительно рассмеялась:

— Каламбуры не всегда есть довод.

— Если чувствам мешает разум, его нужно обезвредить путем запутывания, — цинично сообщил я.

И перестарался. Мод поморщилась, отвернулась, явно собираясь уйти. Но медлила, медлила. Я смотрел на нее, и во мне вскипало древнее бешенство. Вот, стоит здесь, изящная, с высокой прической, так подчеркивающей изгиб шеи, неотразимый для истинного самурая... Гордая голова вполоборота, нервный вырез ноздри... Белые плечи без признаков загара...

Для кого все? Бесплодный цветок, штамбовая роза. У меня не оставалось сомнений в том, что ее влечет не только Кронос. Ее влечет ко мне. Ко мне, а не к какому-то Круклису, им она только прикрывалась. Но сколько можно! Так не должно быть в природе. Наступал час зверя. Час, когда мужчина должен показать, кто в доме хозяин.

Юноши! Природа с нами заодно, не сомневайтесь. Слабый пол не может устоять, нужно только завестись как следует. Подавить мощью чувства. И не отступать. Истинно вам сообщаю, верьте моему опыту.

— Стой, умная! — свирепо приказал я.

Мод испуганно замерла. Тогда я схватил ее и поцеловал. Раз, другой, третий. В шею, душистые волосы, незащищенно вздрагивающую спину. У женщин столько ахиллесовых пяток!

Но потом отскочил. Трусливо-трусливо, ожидая самых скверных последствий. Весь пыл-жар мгновенно испарился. Скажи она тогда какой-нибудь «брысь», я бы и поплелся, пове-

сив хвост, с самооценкой павиана. Как ни странно, этого не произошло. Случилось то, чего я никак не ожидал.

Мод медленно обернулась. В ее глазищах плескалось целое море смеха.

— Что, страшно, мудрейший? А вот взгрею!

Я сел на диван. Потом вскочил и бросился к ней. Но был мягко остановлен руками в длинных бальных перчатках.

— Будут инсайты.

— Ой, умру от страха!

— Изнуряющие.

— Мне эти инсайты... Что касается изнурения — это остроумно. Мод, милая, не могу я без тебя, такое вот приключилось. Банально, правда?

— Нет, нет, продолжайте. Только пальцы не раздавите, хорошо?

Я выпустил пальцы, но схватил ее всю, как зяблика. Вдруг передумает?

— Серж... — пискнула Мод.

— Что?

— Я не смогу быть с тобой... долго.

— А вот это мы посмотрим!

Помню, все смущенно расступались.

— Кого обнимаешь, дальтоник?! — прошипела Зара.

— Не знаю, — искренне сказал я. — И это чревато.

— Как? Уже?!

Больше она слов не нашла. Я бы и сам расстроился от такого непостоянства, вероломства, коварства, лжи, подлости и несдержанности. Цена моих клятв превращалась в ноль, репутация гибла самым плачевным образом. Но меня это не трогало.

Волновало другое — переходы. На станции Гравитон-4 и без того очень длинные переходы, а в тот раз по бесконечности они просто сравнялись со знаменитым кольцом Мёбиуса.

Пару раз мы упали — на эскалаторе и, кажется, в агрегатном отсеке. Как нас туда занесло, не могу сказать. Помню запертый люк «Туарега», извиняющийся голос Джекила. А еще — Майкла, камердинера Мод. Он шел за нами,

деловито подбирал вещи хозяйки и поскрипывал. Неодобрительно так, по-стариковски.

— Слушай, — сказал я, — отстань. Будь человеком.

— Сам хочу, — неожиданно признался робот.

— Что?! Молод еще.

Задыхаясь от поцелуев, мы наконец ввалились в мою каюту.

— Тебе помочь? — спросил я.

Мод развеселилась.

— Да что еще снимать-то?

— Как — что? Вот эта штука совершенно ни к чему. И вот эта.

Мод порозовела невероятно. Я так не умею.

4. ИНСАЙТ. 543 ГОД ДО РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Пыль и безветрие. Выцветшее небо над поникшими пальмами. Тень, кишащая мухами. Тяжкие испарения сохнущего болота. Звенящая в ушах тишина. И жара, жара. Удушающая жара. Даже птицы примолкли.

Знойный воздух поднимается вверх. В мареве все плывет, колеблется. Колеблется все, кроме человека в лохмотьях. Он стоит очень близко. Голову склонил набок. Смотрит участливо. Держит меня за локоть твердыми пальцами.

Рот его открывается и закрывается. Он говорит, говорит, говорит. Надоедливый голос, булькающие слова странного языка. Древнего языка. Языка синей глины, белых лотосов. Палящих, раскаленных пустынь, ледяных поднебесных гор, мутных рек. Вечной и душной зелени джунглей, бесконечных морских волн, облизывающих песчаные губы берегов. Языка жестоких правителей, запуганных мужчин, покорных женщин. Языка сумрачных, безумных богов. Или непостижимо мудрых.

Он мне откуда-то знаком, этот язык. Я его знал и забыл. Давно забыл, очень давно. Но знал хорошо. Начинаю понимать.

Человек говорит, что пить нельзя. Нужно идти. Сделать шагов двадцать, потом будет легче. Идущему всегда легче, говорит он. Напоминает мои собственные слова.

Я слабо усмехаюсь. Идущему легче... Легко об этом говорить. Особенно тогда, когда нет боли в спине. Тупой, ноющей, неизбывной. У меня она есть. Давно ношу. С каждым годом боль все ниже пригибает меня к земле. Осталось не так уж много.

Человек протягивает посох. Человек смотрит с искренним состраданием, но от него пахнет. Меня тошнит. После этого становится лучше.

Человек терпеливо ждет. От меня тоже пахнет, но не так уж плохо. В животе ничего и не было со вчерашнего дня.

Нужно идти, иначе мы куда-то не успеем, говорит мой спутник. Я не помню куда, зачем, но пробую передвинуть иссохшие ноги. Ноги — самая некрасивая часть человека. Грязные, исцарапанные, со вросшими в пальцы ногтями, они роднят нас с животными. Отвратительное зрелище. Но я вспоминаю, сколько они прошли, как долго носят мое тело. И я прощаю их, свои ноги.

Все, что в человеке много работает, со временем становится безобразным. Наверное, мы не созданы для работы, иначе работа не уродовала бы нас. Зачем все так? Может ли человек поговорить с теми, кто создал его? Я старался. Но у меня не получалось.

— Учитель, ты опять употреблял неизвестные слова. Много слов. Ты беседовал с богами?

— Шакья.

— Что?

— Я — шакья?

Человек смотрит со страхом.

— Остановимся в деревне, мудрейший? Тебе нужен отдых.

Наверное, выгляжу я совсем плохо. Не отвечаю, сил мало. Вместо этого делаю следующий шаг. Ноги дрожат. Дрожат, но держат. Держат, и ладно.

Я вспоминаю, куда надо идти. Туда, к далеким Гималаям. Я хорошо их вижу. Вообще хорошо вижу дали, они всегда такие заманчивые. И всегда обманывают, скрывают не то, что хочешь видеть вблизи.

А вот вблизи, перед собой, я вижу плохо. Кто этот белоголовый? Преграждает дорогу.

А, павиан. Седой павиан. Ничего нового. Хотя и не совсем обычное. Давно не сталкивался с обезьяной вот так, нос к носу. Встреча вызывает интерес.

Я останавливаюсь, разглядываю павиана. Крупная образина. Привык есть без очереди, а рисковать — в последнюю очередь. Обычно держится в самой середине стаи, чтобы удрать в случае чего.

Привык овладевать любой понравившейся самкой. Как царь. Ему повезло. Пользуясь всеми обезьяньими радостями, дожил

до своих обезьяньих лет. Чего ж так угрюм, почему недружелюбен, чего не хватает?

Моему спутнику надоедает ждать. Он показывает палку. Павиан ворчит и скалит клыки. Чует, что мы слабы. Иначе не вышел бы один. Вожак всегда держится в середине стаи, там безопаснее. Вожаками становятся те, для кого собственная жизнь дороже всех, над кем властвуют.

Ананда замахивается. Павиан чует угрозу и скликает стаю. Вот так и начинаются войны. Чтобы понять людей, достаточно знать обезьян. И наоборот. Это так просто, что вызывает скуку.

— Не надо, — говорю я.

Мы подходим ближе. Так близко, что я заглядываю в обезьяньи зрачки. Павиан сидит на корточках, подняв ко мне лицо. Он дрожит. Чувствуется, что ему хочется убежать, но он не может.

Что думает, что понимает? Страдает ли? Кем был, за что так перевоплотился? Я смотрю в обезьяньи глаза, пытаюсь их понять. Пытаюсь прочесть.

Меня всегда привлекали глаза. Когда я в них смотрю, хозяин замирает, словно его жизнь останавливается. И тогда видна душа. То есть в существе видно, какое оно. Это происходит много лет, но не наскучивает. Я с привычным любопытством смотрю в глаза павиана. И вижу нестерпимую жажду любви.

Ничего нового. Раз уж выбрал власть, про любовь забудь. Так было всегда, так и будет. От властителя все чего-то хотят, могут любить его власть, но не его самого. Он погружается, тонет во власти. Сливается с ней. Тут если и захочешь полюбить, отдельно от власти не получится. Ничего нового.

Мне стало приятно, что все еще понимаю мир, помню свои мысли. Значит, жив пока. Что касается мира...

В мире нет нового. Просто он огромен. Вот что находится там, выше неба? Что-то ведь должно быть? Поди узнай. За свою смехотворную жизнь мы не успеваем узнать и малой доли. Поэтому считаем новым все, что видим впервые. МЫ ВИДИМ ВПЕРВЫЕ.

А оно уже было до нас, будет и после. Это я успел понять. Если думать, понять можно многое. И если думаешь, то чем

больше живешь, тем больше понимаешь. Но чем больше понимаешь, тем меньше хочется жить, вот в чем беда. Понимаешь такое... От смерти спасает уже не страх, а другое. Многолетняя привычка, вот что спасает.

Наверное, чтобы стать богом, нужно долго пробыть человеком. Если хватит сил не страдать, не сострадать, забыть про жалость, смириться с дикостью, уйти в свои удовольствия, покрыться слоновьей кожей.

Да и тогда... Наверное, только боги по-настоящему знают, как можно устать от вечности. Даже если не болит спина. Но мы можем догадываться. Хочется крикнуть: люди! Когда скажут, что я стал богом, — не верьте. Я не смог. Остался человеком.

Забывшись, продолжаю смотреть в глаза животного. И что-то в него перетекает. Оно скулит, пытается отвернуться. Тяжело, когда в тебя заглядывают. Мне это хорошо известно. И я никого не хочу мучить. Отпускаю павиана. Он уходит. Шатаясь, повесив хвост, словно потерпев поражение в драке самцов. Так оно и есть на самом деле. Мне противно.

— Ты велик, о Учитель!

Нет сил спорить. Разве прилично великому так мучиться спиной, опираться на столь недостойные ноги? Я слаб и много раз говорил об этом. Но в моих словах предпочитают видеть скромность, а не правду. Стыдно учиться у слабого, а не великого.

Какое заблуждение! Величие в том, чтобы видеть все как есть, а не в том, чтобы выдумывать то, чего нет. Но из двух объяснений люди любят выбирать неправильное. Правда в нашем мире пугающа. Тяжко видеть все как есть. Горький вкус к этому приобретаешь только в старости. Молодых тянет приукрасить, это у них от страха перепугаться. Вот и Ананда чувствует недовольство, но понимает по-своему.

— Прости, я не собирался причинять ему зло. Видят боги...

Мне стало смешно. Какому богу интересен этот случай с павианом?

— Боги нас не видят, Ананда.

— Не видят? Боги?

— Не хотят видеть.

— Но почему?
— Они заняты собой.
— Собой?
— Да.
— А что они делают?
— Совокупляются.
— Сово... что?
— Да.

Ананда ошеломленно молчит. Все-таки я сумасшедший. Не следует вдруг взваливать на ученика слишком тяжелых знаний. Нужно давать их по кусочку, медленно. Если не собрался помирать, конечно.

Я трогаю его за плечо:

— Идем. Мы не поспеем в Косалу.

Ананда приходит в себя.

— Не успеем, гуру.

Я сказал о неуспевании как о вероятности, он — как о неизбежности.

— Встретим их по дороге, — со старческим упрямством говорю я.

Ананда молчит. Я знаю, о чем он думает. Даже если встретим, мы их не остановим. И он прав, я слишком слаб для этого. Взамен золота и свежих рабынь могу дать только то, что ничего не весит, — слова. Будет счастьем, если перед тем как убить, нас хотя бы выслушают. А уж о том, чтобы послушали, трудно и мечтать. Мудрецы встречаются не под каждым тамариндом. И слушают их еще реже.

— Возвращайся, — в очередной раз предлагаю я.

Ананда качает головой. Он всегда гордился своей преданностью. Молод еще. Не знает, что преданность — это способ переложить ответственность за себя на другого. Помимо всего прочего, что тоже есть.

— Преданность себе достойнее, — говорю я.

— Для меня преданность себе — это преданность тебе, Учитель. Одно и то же.

Прекрасно сказано. И, к сожалению, сказано от души. Возразить нечего. Нужен другой довод.

— Зачем умирать вдвоем, если одного достаточно?

— Чтобы умереть вдвоем. Прости, гуру, без меня ты можешь просто не дойти.

Что ж, карма. Приходится признать, спорить он научился.

Я не верю в удачу. Глаза браминов зорки, они куда труднее простецких глаз павиана. Да что там павиан! Даже сквозь зрачки кшатрия я могу различить дно души, у хищников она неглубокая. Им нужна хорошая жизнь, но только нынешняя, дальше заглядывать не умеют. А вот сквозь зрительные отверстия браминов проступает бездна. Как у всех стервятников. Этим нынешней жизни мало, их души ненасытны. Но и от нынешней они берут все, что могут. Пусть не было случая, чтобы, умирая, брамин прихватил хотя бы монету, однако при жизни нет такого, чего бы он не сделал в угоду алчности. Зачем, если у человека не может быть двух ртов? Противны, отвратительны движения гребущих рук. Но страшнее другое.

Как они сумели внушить всем, что счастье новой жизни можно купить у них, и только у них?

Но они сумели, великие шарлатаны. Им платят даже цари. Цари — в особенности. Уж эти-то знают, какой сладкой может быть жизнь, кому, как не мне, об этом судить. И конечно, хотят пожить еще раз, после того, как станут разлагающимся трупом.

Ради этого в каждом походе браминам принадлежит половина царской добычи. Они ни разу не отказались. Один кто-нибудь еще может, но все — нет. Куда там! На пути к поживе стопчут кого угодно, примеров не счесть. И у них столько всего уже накопилось, что сами своей силы не знают.

А что могу я? У меня слабые ноги, трясется голова, плохо видят глаза. И всегда, всегда болит спина. Самый неумелый кшатрий играючи со мной расправится, не прибегая к оружию. Да что кшатрий. Любой крестьянин. Даже женщина. Иногда удивляюсь, что меня так редко бьют. Ведь сделать это проще простого. Совершенно безопасно. По крайней мере тогда, когда Ананда не со мной.

И все же я иду. Иду потому, что должен, не могу не попытаться спасти дом, где вырос, где впервые полюбил, где был так безмятежно счастлив. Дворец, за стенами которого меня с

трогательной заботой уберегали от жизни. Дворец, построенный для меня одного. Город людей, которые так преданно мне служили. И цветущую страну, породившую этот город. Страну моих предков, Капилавасту.

Добрый мой отец имел причуду править по законам, но нарушил главный из них. Уподобившись богу, он создал рай на Земле. Рай для меня одного, рай не вечный, но рай. Такое не прощается.

Да, я не знал голода, знал отвращение к пище. Обладал лучшим оружием, невольниками, одеждой, драгоценностями. Всем, что могут создать люди и подарить природа. Из любого состязания выходил неизменным победителем. Со времен отрочества у меня не было недостатка в женщинах, была усталость от их ласк. Они почитали за честь отдаться в любое время, в любом месте. Одна только отказалась, помню слезы в ее глазах. И до сих пор не понимаю, почему не превратился в забалованное до смерти ничтожество. Это было бы самым страшным наказанием, но этого не случилось.

Как ни сильно влияет на нас жизнь, в человеке имеется внутренний стержень, данный от рождения. Именно он направляет наш путь. Есть все же карма, есть.

Да, жизнь заставляет уклоняться то вправо, то влево. Но она же посылает знаки, помогающие вернуться к предопределенной дороге. Знамения, понятные только тому, кому предназначены. Для меня знамение приняло вид старца.

По воле отца меня всегда окружали только здоровые, красивые, сильные и молодые люди. Долгое время я не подозревал о существовании болезней, старости, даже был уверен, что смерть не имеет отношения к человеку. Как-то не задумывался даже над тем, для чего предназначено развешенное в моих покоях оружие. Но бесконечно так продолжаться не могло. Однажды по недосмотру стражи в окрестности дворца забрел дряхлый старик.

Никогда не забуду своего удивления. Я принял его за существо неизвестного рода, редкое и своеобразное животное, настолько чужд он был счастью и безмятежности, царившим внутри благостных стен, так отличался от всех виденных мною

людей. За всю свою последующую жизнь я не испытывал большего изумления, чем тогда, впервые заглянув в слезящиеся глаза старости, ощутив запах грязного тела.

Этот старик пробудил меня от сладкого сна, заставил интересоваться тем, что творится за пределами моей волшебной страны. После этого очарованность стала давать быстрые трещины.

Очень скоро я понял, что больных и бедных гораздо больше, чем здоровых и богатых. Я постиг, что ткани для одежды получают из хлопка, а хлопок нужно выращивать. Оказалось, что пища на моем столе появляется не сама собой, она отбирается у тех, кто добывает ее изнурительным трудом. И я понял значение стен в жизни людей. Стены оказались важнее крыш. Стены дают возможность одним грабить других.

В детстве стены выглядели столь высокими, надежными, неколебимыми, что казалось, нет беды, которая о них не разобьется. Теперь я знаю, такие беды есть. Стены создаются людьми, но люди же могут их разрушить. Я такое видел не раз. И вот, должен спасать словами камни.

Не ради своих племянников, нет. Они того не заслужили. Гордые шакья, славные мои родичи, сами подсылали убийц к Виручжаке, чем и вызвали войну. Мало того, они успели поссориться и друг с другом, и со всеми соседями. Замучили, унизили, обобрали собственный народ.

И я иду не ради них. Мне жаль других. Тех, кто из преданности, корысти или глупости, а чаще всего — по причине жесточайшего принуждения покорно устилает своими телами поля царских споров. А еще больше жаль тех, кто вообще не принимает участия в битвах, но становится безвинной добычей гогочущих победителей.

После каждой битвы наступает пора мутных глаз, когда распаленные, отупевшие, пережившие страх смерти солдаты теряют остатки человечности. Они становятся более дикими, чем звери. Звери не убивают только ради удовольствия убивать, звери никогда не истязают жертву. На такое способен только человек, хотя его трудно назвать человеком. Некто, имеющий облик человека.

За свою жизнь я не раз пытался остановить убийства. Удавалось редко. А когда удавалось, то лишь для того, чтобы спасенные сами стали убийцами. Либо дождались следующего умертвителя, которых боги посылают с неизбежностью, заставляющей задуматься. БЕЗНАДЕЖНО. Эта борьба похожа на попытки остановить горный поток.

Признаюсь, из одной только жалости я бы уже не смог прервать созерцаний, не стал бы тратить остатки своего времени. Мне восемьдесят лет, и я давно не встречаю сверстников. И все же иду. Кроме жалости к жертвам, есть другая причина. Она в том, что у меня было счастливое детство.

Так важно, чтобы человек получил пусть самую малую крупицу счастья в детстве. Тогда он будет знать, что оно возможно. Это дает силы переносить жизнь, мешает без нужды отбирать счастье других. А если не было у человека хотя бы проблеска счастья, он не даст его другим.

Страшен такой человек у власти. Ему никого не жаль, потому что его самого никто не жалел. Он не знает, как приятно доставлять радость. Не понимает, как красив, как велик тот, кто смеется. У него нет добрых воспоминаний, смягчающих душу. Как они нужны, понимаешь, когда они есть. А когда они есть, жить без них уже не хочется. И хотя несчастье может понять тот, кто хлебнул горя, но и счастье способен дать только тот, кто знает, что это такое.

Важнее всего знать счастье на заре жизни. Беды должны приходить после! Государство, крадущее счастье детей, пожирает будущее.

Счастливые воспоминания нежны и ранимы. Я понял, они угасают со смертью людей, животных, растений, вещей, связанных с ними. Это и есть то самое, что я пытаюсь спасти. То, что еще осталось. Если погаснут счастливые воспоминания, я опустею. Очень скоро спадет телесная оболочка. Сползет, как сухая кожа змеи. Кем стану потом? Павианом? Стану ли хоть кем-то? Да разве стоит еще раз быть? Мучительны такие вопросы!

Эх, давайте признаемся. Причиной наших лучших побуждений является любовь не к ближнему, а к себе. Если при этом я смогу предотвратить чью-то беду — что ж, хорошо,

буду рад. Но иду я потому, что не могу предать счастливых воспоминаний детства. Не хочется, невыносимо, чтобы исчезло то, на чем лежат их прекрасные отблески. Сначала должен исчезнуть я.

— Учитель, кем же мы созданы? Богами?

Его сомнение мне нравится. Учится тот, кто сомневается. Сомневается и не боится этого.

— Может быть. Но сейчас мы для них — только тени прошлого.

— Тени прошлого? Почему?

— Боги живут в будущем.

— В будущем или будущим?

Это была тонкость. Я невольно обернулся. Чтобы увидеть нового Ананду.

— И то, и другое.

— Но будущее еще не наступило.

— Для нас. Для нас не наступило. А для них наступило.

— Неужели нас бросили?

— Тут сложно. Либо бросили, либо они не наши боги, либо они не боги вообще, поскольку у них есть свои боги. Как ты думаешь, что же такое бог?

Ананда задумывается. Потом качает головой:

— Ох, что-то здесь не так.

Я киваю:

— Верно.

Ананда опять задумывается.

— Как же так? Создали и бросили. Из-за чего?

— Да мало ли. Из-за того, что мы им надоели. Или перестали нравиться.

— Зачем было создавать? Они не знали, какими мы получимся?

Я усмехаюсь:

— Вот это нужно спрашивать у богов.

Ананда смотрит на меня. На лице его выражение созревающей мысли. Я чувствую радость за него. И сожаление. Трудно носить в себе мысли.

— Учитель, прости... А не может быть так, что им нравится то, что с нами творится?

— Может быть и так, — медленно говорю я.

И думаю о том, как плохо будет, если его убьют. Мой лучший ученик. Он проделал большой путь, одна его голова уже сейчас стоит многих тысяч. У меня есть еще Касьяпа, Упали, много других. Но Ананда — лучший. Иногда мне кажется, что моя душа живет не только во мне, но и в нем.

— Ужасно, ужасно, — бормочет Ананда. — Да кто они такие, боги?

— А ты как думаешь?

— Ну... Бог — это такое существо, которое все может. Хотя нет. Боги разные. Наверное, Брама может больше, чем Агни. Я не знаю, кто такие боги, учитель.

Я отвечаю короткими словами. Так понятнее и лучше запоминается.

— И я не знаю, кого называть Брамой. И кто его создал. И кто создал нас. Но я умею задавать вопросы. Вот, например, почему мы так похожи на обезьян? Мы привыкли, не замечаем. А ведь это странно. Так странно, что не может быть случаем. Понимаешь?

— Да, странно.

— Скажи, ты когда-нибудь видел бога? Кого-нибудь из тех, чьи изображения высечены в храмах?

— Нет, учитель. А ты?

— Наяву — ни разу. И я не знаю человека, кто бы видел.

— Но почему все думают, что боги есть?

— Или потому, что они есть, или потому, что нам хочется так думать. Точно лишь то, что нам не дано узнать точно.

Ананда замолкает. Обычно я не говорил ему чрезмерно тяжелого. Нельзя взваливать на ученика, даже лучшего, слишком много. Если опять же не чувствуешь близкой смерти. Но если чуешь, то, наоборот, нужно разбрасывать пригоршнями. Чтобы другим не пришлось начинать заново.

Надеюсь только на то, что когда-то, пусть хоть через тысячи лет, но мои семена дадут всходы. Ибо мысль о бесполезности жизни — одна из самых невыносимых. Часто спотыкаясь, скользя, падая и вновь поднимаясь, уходящие во мрак поко-

ления научатся передавать друг другу правильные, проверенные жизнью мысли, что и есть знание. Привыкнут не расплескивать чашу, дорожа тем, чему цены нет, но будут добавлять по капле. Только тогда появится надежда. Я в это верю.

Мы мало что имеем в этом мире. Но необходимое, самое необходимое, у нас есть. Каждому дается жизнь, чтобы думать. У нас есть мир, которым можно проверять мысли. Мир замечательно отвергает неправильные мысли. Брось камень вверх — увидишь, что он возвращается. Брось камень в воду — увидишь, что он тонет. После этого нельзя думать, что камень легче воды или воздуха. Понимаешь, что тяжелее. И если боги чем-то одарили нас, то вот этим. Способностью понимать.

Как передать все Ананде? Трудно превращать мысли в слова, слов не хватает. Мыслей больше. Арийцы придумали мало слов. Да и те, что есть, лишь изредка складываются так, что начинают быть похожими на мысль. Сложить что-то из слов труднее, чем сложить стену из камня. Это очень тяжелая работа, которую обычно никто не замечает и не ценит.

Но если получается, чувствуешь радость и облегчение, которые я не знаю, с чем сравнить. Менее острые, чем после извержения семени, но более чистые, глубокие. Теплые, долгие. Светлые. Частица счастья. Она вспыхивает наподобие искры, но гаснет не сразу, тлеет. Может разгореться и еще, высвечивая нужные слова для следующей мысли.

Какое удовольствие! Других уже нет. Будь у меня побольше таких удач, я упросил бы людей не убивать друг друга. Иногда они удивительно добры. Даже сейчас, когда кругом столько голодных. А если доброта перестанет отнимать самое необходимое, без чего человек не может, зла будет гораздо меньше.

Мне повезло, я уверен, я видел, что когда-нибудь всем хватит пищи. Только когда? Зачем так долго?

— Учитель, ты знаешь язык обезьян?

Бедный Ананда! Ах нет, он еще не все понял. Не может забыть этого пустяка, встречи с павианом. А времени так мало.

Мы оставляем дорогу ради малозаметной тропы. Предстоит срезать путь через джунгли. Заблудиться здесь трудно. В той стороне, куда мы идем, высятся вершины великих Гима-

лаев. Их можно видеть с любого холма. Да и не впервые я здесь. Места давно не хоженные, но памятные с беспечных времен. Молодые воспоминания живучи, как и все молодое.

Я узнаю все: гомон птиц, берег реки, старые деревья, тяжелый аромат цветов. И даже змею на пригорке узнаю. Она все та же, ничуть не изменилась, будто и не уползала. А вот и необычное растение, от листьев которого перестает болеть голова у стариков, но болит у молодых. Почему? Неизвестно. Почему в стеблях бамбука иногда образуются драгоценные камни? Я видел их собственными глазами.

Чуден мир, хочется узнать побольше. Чуден, повторяем. Но повторяем каждый раз чуточку по-новому.

Петли лиан над головой образуют прихотливый узор. Сквозь него видно плененное небо. Следы стада буйволов в синей глине. Пятна лотосов отражаются в спокойной заводи. Ее поверхность тревожит плывущий гавиал. Лотосы вздрагивают, колышутся. Сараджана...

Все так — или почти так — было до меня, есть при мне, будет и после. Надо ли жить человеку, если от него ничего не зависит в равнодушном мире? Нужно ли к чему-то стремиться, утомлять ненавистные ноги, тревожить милую мою спину? Так тянет лечь, слиться с прогретой почвой, уйти во прах...

Чему быть, то свершится. Карма. Будут вопли, костный хруст. Избиение беззащитных, новое переселение тысяч испуганных душ. Во имя этого большие стаи прямоходящих движутся сейчас под безмятежным небом Шивы. Ни облачка, ни ветерка...

А в руках прямоходящих — злые, греховные вещи. Колющие, тупо бьющие, рубящие, режущие. Сработанные умело, с большим старанием и многовековым опытом. Люди всегда любили изготавливать орудия смерти. Копья, стрелы с зазубринами, наконечники которых так больно извлекать из тела. Шипастые дубины, кованые лезвия из драгоценного железа, угловатые булыжники... Все это скоро пойдет в дело. Начнет терзать мягкую плоть, причинять ослепляющую боль.

Почему, почему мы такие? Во имя чего вертится страшное колесо? Кому нужно, чтобы люди мучили друг друга?

Только тому, кто нас создал, а потом бросил! Больше некому. Если нас вообще кто-то создавал.

— Учитель...

Боги! Вы не виноваты только в том случае, если вас нет! Иначе как вы можете переносить вид младенца, ползающего у тела обезображенной матери?!

— Учитель, учитель...

— А?

— Ты выглядишь совсем плохо. Надо передохнуть.

— Нет.

Я снова поднимаюсь на дрожащие ноги. Делаю шаг, другой. Потом десяток, еще один. Становится легче. Голова проясняется, но в нее опять лезут вопросы. Почему истину не постичь, а страсть познания дана? Если душа бессмертна, зачем так страшна смерть тела?

Тем плодам созревшим —
Поутру вниз сорваться.
В жизни быстротечной
Смерти бессердечной
Положено бояться
Всем, зарю узревшим...

От страха смерти все живое старается задержаться в этом мире. Неужели нет других? Или они еще лучше? Мне восемьдесят лет, редко кто доживает до такого возраста. Поэтому меня любят спрашивать. Думают, если живу долго, то знаю, как этого достичь, постиг сокровенную тайну.

Как могу, отвечаю, а уверен только в одном. В том, что если есть разум, надо им пользоваться. Только с его помощью можно хоть в чем-то разобраться, иных способов нет. Наблюдай, сравнивай, думай, многое поймешь. Например, то, что, если содержать тело в чистоте, будешь меньше болеть.

Все вроде понимают, соглашаются. Но быстро забывают, едва появится возможность силой отобрать лишний кусок. Или повод для обиды сыщется. Тогда — все.

Люди не пользуются разумом, чтобы осознать собственную вину. Им пользуются для того, чтобы доказать чужую. Поэтому самый глупый хитрец без труда поссорит самых умных муд-

рецов. Если хотя бы в одном пробудит плохое чувство. Чувства так легко заглушают разум, они над ним властвуют.

А бывает и наоборот. Редко, но бывает. Вот помнится один случай... Задумываясь, я перестаю обращать внимание на окружающее. Ананда трогает меня за плечо.

В кустах перед нами стоят два кшатрия. При всей духоте от них так и веет холодом, прямо знобит. Тихо они подобрались. Вот и все, думаю я. Кажется, успели. Осталось не пожалеть.

Один из них молод, самоуверен, густо обвешан оружием. С высоты немалого роста бросает грозные, надменные взгляды. Жизнь его вряд ли будет слишком долгой. Но зла он постарается натворить столько, сколько успеет. Таких много. Скорых на расправу, бездумных. Не знающих разницы между добротой и глупостью, сочувствием и слабостью.

Второй уже зрелый мужчина. Ростом пониже, но жилист, быстр в движениях, равнодушен и очень цепок взором. Этот не будет мучить понапрасну. Но он куда опаснее. То, что, будучи кшатрием, дожил лет до тридцати, говорит о многом. В наше жестокое время такое удается далеко не каждому. Тому, кто более жесток, чем время. И хотя бы чуточку его умнее. А вот это сулило крохотную надежду.

Наконечник копья упирается в горло. Уже не припомню, который по счету негодяй держал в руках мою жизнь. Я хриплю.

— Странное имя, — усмехается молодой.

И немного отводит острие. Я кашляю. По шее стекает капля крови.

— Ты чем-то недоволен? — издевательски спрашивает злой мальчишка.

— Перестань, — говорит старший. — Кто ты, старик?

Я называюсь.

— Вот как?

Старший глядит с интересом.

— Правду говоришь?

— Сейчас мне лучше было бы скрывать свое имя.

— Верно. А куда идешь?

Я объясняю.

— К кому?

Я перечисляю титулы. Молодой кшатрий презрительно сплевывает:

— Ну ты и нахал.

Старший задумывается. Удивительны такие мгновения, когда решается судьба. Весь мир подкатывается к развилке. На взмахе повисает крыло птицы. Над отмелью останавливается волна. К небу прилипает лист пальмы. Время замерзает, как ручей в Гималаях. Понимаешь, что всякое движение сложено из кратких мигов неподвижности.

— Свяжи их, — коротко бросает старший воин.

И все вновь приходит в движение. Удивительно многое успеваешь узнать за мгновение, когда решается судьба.

— Шакья! Стоит ли возиться? — противится молодой.

— Не стоит быть дураком, Добайкха. Это удовольствие короткое.

— Да какая им цена?

— Готамид встречается не под каждым тамариндом.

Молодой хохочет:

— Скоро их вообще нигде не встретишь!

Старший не разделяет его веселья.

— Запомни, молокосос, — внушительно говорит он. — Редкость всегда имеет цену.

— Что-то умное, — скривился Добайкха.

— Ты долго будешь препираться?

Молодой кшатрий нехотя связывает меня и Ананду одной веревкой. Нас ведут через кустарник. Как скотину. Но ведут туда, куда я хотел попасть, и пока не убивают. Можно считать, повезло.

Старший кшатрий дергает веревку так, что я спотыкаюсь.

— Пошевеливайтесь!

Быть может, чувствует себя неловко за то, что оставил нас в живых. Добайкха играет копьем. Он идет позади, покалывает ягодицы Ананды и хохочет. Наверное, с ним плохо обращались в детстве. Ананда закусил губу, смотрит в землю. Когда-то мой ученик сам был кшатрием. Так и не привык спокойно сносить унижения. Будь его воля, обоим стражникам пришлось

бы худо. Даже при нашем несытом житье Ананда все еще может переломить бамбук о колено.

Войско Виручжаки заполнило большое поле по обеим сторонам дороги. Солнце еще только клонилось к дальним лесам на заходе, а солдаты уже располагались на ночлег.

Дымы множества костров поднимались к темнеющему небу. В предвечернем воздухе отчетливо слышались крики, ржание лошадей, удары по забиваемым в землю кольям. Мы шли мимо построенных на скорую руку шалашей, пирамид копий, задумчиво жующих слонов.

У шатров военачальников с ноги на ногу переминалась скучающая стража, суетились слуги. Над дорогой висела полоса пыли протяженностью в несколько тысяч шагов. Там мелькали всадники, доносился стук копыт и топот все еще подходящих отрядов. Сворачивая с дороги под резкие выкрики команд, солдаты безжалостно сминали посевы.

— Любуйтесь, любуйтесь, — хохочет Добайкха. — Воевать вам захотелось? Дурачье!

Искушенный Ананда качал головой. Я и сам ясно понимал обреченность своей затеи. Собрать такую воинскую силу, какую я видел, стоило огромных трудов и денег. Здесь были представители десятков племен и народов, даже смуглые и курчавые жители южных плоскогорий встречались. Наемники.

Виручжака не сможет оставить армию без добычи, он не повернет, не рискнет вызвать недовольство своей знати, особенно браминов. Даже если захочет. А ему ведь совершенно не за что любить моих родичей.

Значит, Капилавасту обречена. Сакии смогут выставить не больше одного кшатрия против четырех, а то и пяти врагов. При таком неравенстве сил никакие стены не спасут гордых шакья. От Виручжаки даже не потребуется особого полководческого умения, численность задавит и все решит сама собой.

Видимо, сознавая это, Виручжака и не торопился, не утомлял войско. Шел не спеша, чтобы слухи о его мощи успели ослабить дух вражеской армии. Помешать ему могло лишь чудо. Какой-нибудь потоп в разгар сухого сезона. Вмешательство

богов, в которое я давно не верю. Тримурти не воплотится в Кришну, чтобы восстановить справедливость. Боги всегда на стороне силы. Им не стыдно.

Дурачье, сказал этот сам не слишком умный кшатрий. И он прав. Требовалось настоящее безумие, чтобы довести древнее и некогда богатое государство до войны в столь вопиюще невыгодных условиях. Будь я царем, этого не могло случиться. Но я давно отказался от трона ради истины. Истину так и не нашел, а Капилавасту гибнет. Значит, я виноват.

Виноват? Но разве у меня не было права распорядиться судьбой по собственному усмотрению? Боги тогда позволили. А теперь наказывают зрелищем того, к чему это привело.

Немилосердные боги! Я не мог знать, что так получится. Да и не дожил бы на царских харчах до нынешних времен. Затосковал бы, как тот павиан.

Одно чудо все же случилось. Виручжака нас принял, и довольно скоро, еще до захода солнца. Все те же два кшатрия провели нас на вершину холма, к царскому шатру — навесу из дорогих тканей на шестах сандалового дерева.

Я до сих пор помню, как приятны сумрак, легкий ветерок и запахи курительниц там, за позолоченными кистями. Какой истомой сочатся подушки и ковры. Как прекрасно среди них обнаженное женское тело. Все это у меня было. Теперь оно есть у Виручжаки.

Очевидно, царь только что совершил вечернее омовение и пребывал в благожелательном настроении. Он сидел в низком резном кресле. Две рабыни массировали его волосатые ноги.

Сначала все внимание Виручжаки было поглощено их работой. Потом он поднял взгляд.

— Подойди, старик. Я слышал о тебе.

Меня подняли с колен и поставили перед ним. На царской лысине блестели капли воды. Почему-то если у мужчины мало волос на голове, то много в остальных местах. Интересно, почему? Еще такой мужчина очень любит женщин. Но не душу, а только тело. Часто такие мужчины весьма проницательны. Особенно после близости с женщиной. После близости с женщиной они способны к благожелательности.

Очень коротко мы взглянули в глаза друг другу. И все поняли. Бывает, что совершенно разные люди мгновенно ощущают родство душ и сходство в восприятии мира. Я понял, что этот царь тоже много думал своей головой. Он тоже хорошо знал свою ношу. Вот только ноша у него другая.

Голос Виручжаки оказался неожиданно грустным и спокойным. Прохладным.

— Говори, Сакиа-муни.

Получилось так, что я стоял между царем и Гималаями. Последняя надежда Капилавасты, о которой она даже не знала. Надежда ровно такая же слабая, как и я сам...

Я долго шевелил пересохшим языком. Виручжака не перебивал.

Потом наступила тишина. Брамины из царской свиты напряглись. О, как великолепно удавалось им смотреть поверх моей головы, словно все они впервые увидели снежные вершины за моей спиной!

Но волновались они напрасно. В наступившую тишину тяжко упало одно-единственное слово. И оно перевесило все мои слова. Потом снова наступила тишина. Виручжака смотрел на меня молча и пронзительно.

— Я пришел слишком поздно, царь, — сказал я. — Прости.

Виручжака опустил веки и потер их пальцами, словно долго смотрел на яркий свет.

— Поздно? Нет, старик. Ты пришел слишком рано. Минуют тысячи лет, многие тысячи лет, прежде чем люди научатся относиться друг к другу так, как ты говорил.

Он открыл покрасневшие глаза, взглянул в небо, где уже горела первая звезда. Помолчал. Потом сказал:

— Слушай. Я иду разрушать Капилавасту. Многие меня возненавидят. Но почему я это сделаю, поймут все, даже уцелевшие шакья. А вот почему ты отказался от трона, не понимает никто. Так?

— Так, царь.

Виручжака вдруг усмехнулся.

— Или почти никто... В этом дело. Твое время наступит тогда, когда все будет наоборот. Не раньше. А сейчас... Сейчас мое время.

Неожиданно Виручжака встал, заставив прислужниц испуганно отшатнуться. Он подошел ко мне и сверху вниз заглянул в глаза. Сильный, бородатый, жестокий. Как само время. И от этого несчастный.

— Вот ты какой, Сакиа-муни... Тоже мучаешься, да?

И я замер. Мне показалось, что жизнь остановилась. Как лес перед грозой. В этот миг опять решалась моя судьба. Я заметил, что оба кшатрия потянулись к оружию, глаза их стали пустыми. Однако буря не разразилась.

— Хотел бы я пожить в твоем времени, — совсем неожиданно сказал Виручжака. — Но не пришло оно еще, гуру! Ты смел. Ты мудр и благороден. Ты добрый. Ты редкий. Даже единственный. Среди потомков Гаутамы — точно. И не мне решать твою судьбу. Ступай своей дорогой. Приближай свое невероятное время. Кто знает, быть может, я тоже это делаю. По-своему.

Неожиданно он сгорбился и постарел.

— Только вот ты никого не убиваешь, Счастливый. Каждому свое... Не понимаю, как ты умудряешься сохранить свободу. Потому, что не боишься смерти?

— Точно не знаю. Одного этого мало. Быть может, еще и потому, что отвечаю на вопросы, которые всем интересны. Пытаюсь ответить.

— Вот как? И получается?

— Иногда получается. Изредка. Но это ценят.

Виручжака кивнул:

— Похоже на правду. Но у меня такого дара нет. Зато я могу внести в жизнь хоть какой-то порядок. Страшный, но порядок. Постарайся понять.

— Я?

— Особенно — ты. Это важно. Меня никто не понимает.

Потом, обернувшись к свите и махнув в нашу сторону, крикнул:

— Не трогать! Все слышали? Чтоб даже пальцем!

— Как это мудро, — кивает старый брамин. — Пусть враги знают о твоей силе, повелитель.

Виручжака смотрит на него с насмешкой, но ничего не отвечает. За откинутым пологом рабыни готовят царское ложе.

Одна из них беззвучно плачет. На ее ягодицах видны синяки Я отворачиваюсь.

Мы проходим мимо изумленного молодого кшатрия.

— Ну... вот счастливцы, — бормочет Добайкха.

— Это ты счастливец, — усмехается старший кшатрий.

Какой-то начальник с перьями идет перед нами. Чудо в перьях, вспомнилось мне. Чужие слова! Откуда вспомнилось? Ах да, оттуда. Из божественного завтра.

Начальник сообщает приказ и заставляет расступаться караулы. Солдаты пожимают плечами. На то и царь, чтоб чудить.

Когда мы миновали последние посты, я оглянулся. Я хорошо вижу вдаль. В своем времени, на своем холме и в своем кресле все еще сидел Виручжака. Он смотрел нам вслед. Думаю, ему хотелось не просто пойти, а побежать за нами. Странно. Казалось бы, уж он-то счастлив. Кому, как не ему?

Быть может, он и был счастлив до встречи с нами. Потом увидел, что между людьми бывают другие отношения, что даже очень разные люди могут понять друг друга. Увидел и изменился. Встреча с новым обязательно меняет человека. А когда человек меняется, он теряет то, что считал счастьем.

Счастье быстротечно. Иначе быть не может. Оно появляется только после перемен. Но из-за них же исчезает. Счастье — цена перемен. Но если им не платишь за перемены, счастье превращается в скуку.

Счастье — бегущая вода, вечно утекающая между пальцами. Оно не может замереть, как и время. Оно капризно, зыбко, прихотливо, непредсказуемо. С одинаковой легкостью может коснуться царя, брамина, нищего гуру, всеми презираемых млечча. И так же легко утечь.

Для всех людей оно разное. Для млечча — это горсть риса. Для Виручжаки — уничтожение сакиев. Для меня — их спасение. Для Ананды — возможность уйти от Виручжаки живым...

Но вот мы одни. Ананда смотрит вопросительно:

— Куда идти теперь, учитель?

— Идти всегда нужно вперед.

— Впереди ночь и джунгли.

— Утро тоже впереди.

— Ты прав, учитель. Не стоит испытывать судьбу... слишком долго.

Тут я понял, насколько он рад, что остался жив. Просто счастлив. И я почувствовал раскаяние.

— Прости меня, Ананда. Я рисковал тобой.

Его глаза заблестели.

— Разве я мог тебя оставить, Сидхартха?

То, что он назвал меня по имени, выражало не почтение ученика, а привязанность друга. Мы молча обнялись.

Как, в каких глубинах души зарождается этот порыв? Он короток, мера настоящего счастья всегда лишь миг, но могуч, полноводен, топит без остатка. Затопит, простучит в сердце и тут же схлынет, оставив смущение. А вот, поди ж ты, цена всей жизни складывается из таких мигов.

Я поднял глаза и вновь увидел Виручжаку. Он уже не сидел в кресле, стоял и смотрел в нашу сторону. Быть может, завидовал нашим объятиям. Наверное, так оно и было. От души царей не обнимают.

Ананда забеспокоился:

— Пора, учитель. Пока он не передумал.

— Да, пора. Быть может, от судьбы и не уйти, но надоедать ей не стоит.

Мы вновь оставляем дорогу и вступаем в сумрачный вечерний лес. Неожиданно сухая лиана бьет меня по лицу. Я отшатываюсь и получаю удар с другой стороны. Чувствую, как остановилось сердце. Слышу замирающий крик. Кто кричит? Ананда? В глазах темнеет. Вот как... не выдержало. Перевоплощение?

Страха не было, боли тоже. Только удивление и приятная усталость. Потом все кругом стало безвкусным, беззвучным, неинтересным. Серым каким-то. И я понял, что происходит. Успел еще.

Немилосердные боги! Получайте то, что дали. И да будет вам стыдно...

5. СЧАСТЬЕ

Мод шлепала меня по щекам. Слева, справа. Ручка у нее оказалась увесистой. Когда не отвертеться, лучше очнуться.

— Хорош любовник, — с ужасом прошептал я.

— Да хорош, хорош, — утешила Мод.

— Чего хорошего...

— Ты все успел, Сережа. Мы ведь теперь на «ты»?

Я начал кое-что припоминать.

— Ну, знакомство можно считать состоявшимся. Не знаю, что еще требуется.

Мод рассмеялась:

— Да уж!

— А ты успела?

— О! Дважды.

— Правда?

— Не помнишь?

— Постой, постой... Мы начали у порога?

— Верно, у порога. Потом такое пошло...

Я проследил за ее взглядом. На гимнастических брусьях висела рубашка.

— Что? И там?

Мод прыснула.

— У тебя замечательное чувство равновесия. Как себя чувствуешь?

Я пошевелил ногами.

— Словно отмахал километров пятьдесят по джунглям.

— А вообще?

— Вообще? Наверное, я счастлив. Да, конечно, счастлив. Только еще не совсем понял. А ты как?

Мод села и уперлась подбородком в колени.

— Я думала, это случится со мной.

— С тобой? А-а, ты про инсайт.

— Да.

— Тоже видишь дикости?

— Нет, сейчас уже другое.

— Это началось здесь, на Гравитоне?

— Как у всех.

— Значит, Кронос...

— Иначе не объяснишь.

— Но как небесное тело может влиять на мозг?

— На то и тело, чтоб влиять.

— То есть?

— Разве ты не разговаривал с Зарой?

— Зара предпочитает говорить со мной на другие темы. Постоянно нарушает права человека. Для нее я медицинское средство, вроде пиявок, и бесхозный биологический объект в одном лице.

Мод улыбнулась.

— Почему ты так считаешь?

— Иного не подумаешь, общаясь с этим заботливым диктатором. И как ее Абдид выносит?

— Зара прекрасный человек, — строго сказала Мод.

— Прелесть. Скорей бы повзрослела.

— Тогда ты не сможешь говорить, что она прелесть. Но шутки шутками, а в своей области Зара очень серьезный ученый.

— Надо же.

— Не знал?

— Нет. И что она изучает?

— Как раз инсайты. Точнее, влияние Кроноса на человеческую психику.

— Расскажи.

— Ты желаешь этого?

Я смутился.

— Увы. Пока лишь этого.

— Хорошо. Будь по-твоему.

И Мод прочла мне лекцию в постели, щедро открыв один из своих талантов. Сделала она это весьма качественно, как и все, за что бралась.

В четверть часа я узнал о мозге больше, чем за предыдущие четверть века. И что такое лимбическая система, и про внутренние наркотики нервной системы, ответственные за фор-

мирование зрительных образов, а также то, как астроциты помогают гигантским клеткам Беца. Оказалось, что разум — это не столько явление, сколько процесс, для которого остановка равносильна гибели.

Увлекшись, Мод подошла к брусьям, набросила на плечи мою рубашку, укрывшую ее до колен, и принялась расхаживать лекторским шагом вдоль кровати.

— ...сначала думали, что серотонин всего лишь понижает половую потенцию...

Тут я встрепенулся.

— Спокойно, спокойно, — сказала Мод. — Тебе это не грозит.

— Серотонин, потенция... Прости, а при чем тут Кронос?

— Резонный вопрос, студент Рыкофф. Кронос при том, что посылает гравитационные волны. Надеюсь, вы об этом слышали.

— Чуть-чуть.

Мод приподняла угол одеяла. Я стыдливо перевернулся на живот.

— Скромность украшает человека, — кивнула Мод.

— Эй, я хочу знаний! Внезапно.

— Будут тебе и знания. Так вот, гравитационные волны чуть-чуть неодновременно колеблют молекулы нервных клеток, вызывая короткие растяжения сигма- и пи-связей между атомами. Примерно так, как это происходит в антенных полях, которые выпускает наш Гравитон. Возникающие деформации приводят к изменениям биологической активности белков и нуклеиновых кислот. Лимитирующие ферменты...

— Стоп, погоди. Но антенное поле в миллионы раз больше самой крупной молекулы человеческого тела. Следовательно, у молекул в миллионы раз меньше времени, чтобы «почувствовать» гравитационную волну.

— Даже в миллиарды.

— И этого времени хватает?

Мод улыбнулась.

— Быстро соображаете, студент. Я всегда считала, что мужчина создан главным образом для головы.

— Спасибо. Но каков ответ?

— Ответ будет таков. Времени хватает.

— Каких-то мигов? Удивительно.

— Не очень. Знаешь, какова производительность среднего по мощности фермента?

Я пожал плечами:

— Какова?

— Несколько миллиардов каталитических актов в секунду.

— Ого! Каких актов?

— Каталитических, успокойся. Иначе говоря, довольно заурядный фермент нашего тела способен за секунду превратить миллиарды одних молекул в миллиарды других. Поэтому даже миллиардная доля секунды может привести к изменению соотношения молекул в клетке. Особенно если гравитационные волны следуют одна за другой, что и происходит в окрестностях Кроноса. Теперь представь, к чему приведет изменение концентрации молекул-регуляторов, молекул-командиров. Например, усиливающих синтез эндорфинов. Понимаешь?

— Приблизительно. Кто такие эндорфины?

— Те самые внутренние наркотики нервной системы. Я о них уже говорила.

— Да-да, вспомнил.

— Так вот. Зара считает, что, модулируя силу и частоту гравитационного воздействия, можно в определенной мере управлять образным мышлением человека.

— То есть вызывать галлюцинации?

— Нечто вроде.

— Значит, Кронос нами манипулирует?

— Не исключено.

— А почему он это делает, когда мы спим?

— Ну, это просто. Когда мы спим, сознательная деятельность мозга отключается.

— Ясно. Меньше помех?

— Да.

— Что ж, гипотеза, как говорится, имеет право на жизнь. А что по этому поводу думает Круклис?

— Он не сомневается в том, что Кронос является инструментом разума.

— Ах, в чем только не проявляется разум!

Мою иронию Мод оставила без внимания.

— Если это правда, то мы наткнулись на проявления очень древнего разума, Сережа. Столь древнего, что даже дух захватывает. Знаешь, как на самом деле называются коллапсары?

— Что значит — на самом деле?

— Ну, как их именуют те, кто старше нас?

— Позволь, позволь. Ты в них веришь?

— Я с ними общалась.

— Надеюсь, в инсайтах?

— Да, конечно.

Я сел.

— Воистину не убежать от идолов! И как они выглядят?

— Выглядят?

— Ну, какой облик принимают в видимом спектре?

— Да так, сгустки какие-то. В четырехмерном пространстве, конечно. Сам узнаешь.

— Черные?

— Всякие. Могут иметь любой цвет, чаще просто сияют. Я видела запись из твоего скафандра, Сережа. То, что ты наблюдал на Феликситуре, мало подходит для роли материального носителя разума. Скорее всего это был своеобразный зонд.

— Зонд?

— Да. Инструмент тех, кто старше нас, как мне кажется.

— Понятно. И как же называют коллапсары тех, кто старше нас?

— Компакт-элементами низшего порядка. Примерно так это звучит по-человечьи.

— Малюсенькие такие элементики?

Мод мимолетно улыбнулась:

— Да. Они являются частями более сложной системы. Парамон полагает... Эй, обучаемый! Что за гримасы?

Я постарался совладать с лицом. Кажется, не успел.

— У кого?

Мод заглянула под кровать.

— Да кроме тебя, здесь никого нет.

— Надеюсь.

— Неужели ревнуешь?

— И как ты могла подумать, — возмутился я.

Она посмотрела на меня с насмешкой:

— Уверен?

— Не очень.

— Сильно ревнуешь?

Я вздохнул:

— Очень.

— Да что ты во мне нашел?

Я сбросил с нее рубашку и включил бра. Мод машинально прикрылась ладошками, но тоже не успела. Впрочем, я и раньше успел оценить.

— М-да. Выходи за меня замуж.

Она отпрянула.

— Нет, ты нуждаешься в уходе.

— Ага. Хочу бананов.

— В бананах много серотонина.

— Не страшно, меня не убудет. Можешь спросить у Зары.

Мод улыбнулась.

— Это лишнее. Вполне достаточно собственных наблюдений.

— И как?

— Товар качественный, — сдерживая смех, сказала она.

— Вот видишь! Все без обмана. Ну, выходи за меня.

— Сию минуту?

— До завтрака потерплю.

Она ударила меня подушкой.

— Немедленно говори, что во мне углядел!

— Глаза. Ничего нового, любимая.

— Эй, осторожнее с острыми словами.

Глаза у нее блеснули, и она отвернулась.

— Нет, честно, — сказал я. — Страсть хочу жениться.

Спина Мод напряглась.

— Зачем я тебе?

Три упорных вопроса подряд. Что это значило? Слишком много для кокетства, которого у нее так мало.

Зачем мужчине женщина... Вот спросила! А еще умная. Что тут скажешь? А сказать надо. Сейчас или никогда. Второго предложения делать не буду, поскольку одного достаточно. Для

мыслящих существ мы и без того сексуальны чрезвычайно, прямо странное дело. Побольше бы целомудрия, побольше. Чтобы без неловкости глядеть в глаза тем, кто старше нас.

Иначе что получается? Мужчина действительно создан для головы, а подчиняется совсем другому органу. Тому, через который женщина им управляет. Но если уж замуж невтерпеж, то лучше сразу и целиком.

— Зачем я тебе?

— Не знаю, — забормотал я. — Так, на всякий случай.

— Что? На какой такой случай?

— Ну... По дому что-нибудь сделаешь.

— Вот наказание, — сказала Мод. — Нет, каков нахал! Горничная ему нужна, видите ли.

— Да, — согласился я. — Полезно.

Мод разгневалась:

— Вдобавок еще и косноязычен. Ах, что за объяснения я выслушивала в прошлом веке!

— Какие? — насторожился я.

— Не важно. Ухожу немедленно.

Тогда я схватил ее за плечи.

— Оу, Серж! Синяки ведь будут.

Я ослабил хватку.

— Ну и лапищи! Сережа, послушай... дай мне сказать... То есть подумать.

— Да? Как долго?

— Нет, в самом деле, кто так разговаривает... Ты меня сбиваешь...

— Да? Так-так.

— Ну перестань. Вот сейчас инсайт тебя как хватанет!

Я не перестал.

— Да что за ба... баловство такое?

А я — еще пуще.

— Ох!

И она пала. В нашем веке тоже сносно получается, господа. Да в любом веке получится. Если сумеешь. И вот еще что. Надо внимательно относиться к здоровью. В постели без него делать нечего. А любить одну душу грустно, инсайт меня побери. Только стихи и рождаются.

* * *

На другой день я размышлял о содеянном. Пока голова временно вернулась на место, хотелось узнать, каких отношений хочу. Поскольку это следовало сделать еще до грехопадения, к теме я отнесся усердно и добросовестно. Как истинный научный зануда, начал с исторического обзора проблемы.

«...И прилепится человек к жене своей...» Вот так. Существовали на Земле такие особи — жены человеков. Для прилепливания. Чересчур это, разумеется. Тем более в нынешнее время. Да и поисчезали они куда-то, такие удобные особи. В ходе борьбы за равноправие, которую в конечном счете выиграли.

Однако же полное равенство полов есть заблуждение, вредное для цивилизации. Это стало до крайности понятно в двадцать первом веке, когда многострадальное человечество пережило разгул женской эмансипации.

Раньше и больше всего досталось североамериканцам. Выхода не было. Потомки гордых ковбоев освоили работу по кухне, уборку, стирку, воспитание детенышей. Им запрещались проявления галантности и куртуазности, что расценивалось как извращенная форма дискриминации со стороны сильного пола.

Слабый пол тем временем с потрясающим успехом осваивал профессии прокуроров, финансовых воротил, политиков, полицейских, солдат и даже гангстеров. Реванш за тысячелетия мужской гегемонии произошел. Да еще как! Под его мощью дал трещины такой оплот антифеминизма, как ислам.

Если в конце двадцатого века саудовскую принцессу казнили за нарушение канонов, то столетие спустя ее же причислили к лику святых, а советы улемов наполовину состояли из женщин. Но при всем уважении к их правам, выстраданным бесчисленными унижениями, историческими обидами, правам, заслуженным уже одним долгом деторождения, нельзя забыть об издержках очередной революции.

Плоды победы есть соблазн. Победители никогда не довольствуются строго необходимым, они берут больше. Сначала — для подстраховки, а потом входят во вкус. И в этом женщины ничуть не лучше мужчин. А иногда опаснее.

Собственно, игрек-хромосома, определяющая принадлежность к мужскому полу, является искалеченной в ходе эволюции хромосомой-икс. Потеря одного из четырех хвостиков бесследно для сынов Адама не прошла. Они приобрели превосходство в физической силе, кое-что из отдельных качеств интеллекта, зато хуже контролировали половое влечение, что и явилось основой порабощения.

Мало того, ущербная хромосома сделала нас жертвами гемофилии, дальтонизма, источниками специфического запаха, счастливыми обладателями искривленных голеней и волосатых ушных раковин. Мы проиграли в естественном долголетии, выносливости, живучести. Но самое скверное, что мужчины проиграли в силе характера.

Психологически женщины всегда превосходили мужчин. Долгое время неравенство подавлялось грубыми мускулами. Потом самцы цивилизовались, перестали драться, признали и подчинились.

Но вместе с ними жертвой оказалась семья традиционного типа. Формула «папа, мама, я» сначала заменилась на «маму, папу, меня». Увы, на этой стадии амазонки не остановились. Пришел черед «мамы, меня и папы по воскресеньям». Далее, с помощью генной инженерии, начали размножаться однополые семьи.

Ломка тысячелетних стереотипов привела к невиданному росту психических расстройств и суицидных настроений. Широкое распространение наркотиков, гомосексуализм вкупе с достижениями индустрии виртуального секса и возникновением сект вроде «целомудренников» поставили под вопрос само воспроизводство населения Земли. Впервые после эпохи опустошительных чумных эпидемий оно начало сокращаться.

Искусственное оплодотворение и лабораторное взращивание эмбрионов проблемы не решали, поскольку давали людей без нормальной склонности к продолжению рода. Девочки перестали играть в куклы. При всем при этом смысла промышленной фабрикации индивидуумов не знал никто.

Ситуация сложилась абсурдная, до бесконечности она продолжаться не могла. Цена революции превзошла результаты. Постепенно женщины пресытились избытком свободы. Ока-

залось, свобода не приносит счастья, если не делить ее с мужчинами. Свобода вообще не имеет ни национальной, ни сексуальной принадлежности. Она бывает либо общей, либо напрасной, невкусной. Бесплодной во всех отношениях.

Но даже после этого конец безобразиям пришел далеко не сразу, не вдруг и не везде. Люди трудно расстаются с инерцией привычек. Потребовалась кропотливая просветительская работа и смена нескольких поколений для осознания того, что самым естественным способом половой жизни является как раз способ естественный, предусмотренный природой.

К сожалению, последствия «холодной войны полов» ощущаются и по сей день. Да, мужчинам позволено вернуться в дом. Кое-где их приняли с раскаянием, где-то — из сострадания, но чаще — по необходимости. И место, с которого были изгнаны, они занимают теперь весьма редко. Хотя всякие бывают исключения, Круклис например. Но в любом случае со времен тех мрачных, хотя и отдаленных уже, в душах мужчин, даже если они абсолютно доминируют в семье, поселился затаенный страх. Это отмечают психологи обоего пола. Впечатляющий мы получили урок.

И вот, зная изложенное, я понял, что не знаю, в чьих объятиях провел ночь страсти. И не просто провел, а раскрылся, привязался, приручился, сделал предложение женщине, не представляя ее взглядов и убеждений. Совсем уж плохо, прямо из рук вон. Как мальчишка.

Простейший анализ приводил к неутешительным выводам. Положение грозило душевными болями, травмами, терзаниями, унижениями, запоздалыми сожалениями и стенаниями. Муками, одним словом. Есть ненормальные, которым все такое нравится. Слезы-вздохи. Мазохисты! Серж Рыкофф среди вас не значится. Я отношусь к натурам деятельным. Буратино, никак не Пьеро. Обожаю активность, всегда добиваюсь ясности, чем бы ни грозили последствия. Такой вот Святослав.

Я нащупал пульт, набрал номер связи. Пальцы противно дрожали и липли к панели. Давно я такого не испытывал...

Экран зажегся. На нем возникли глаза Мод. Она сидела очень близко к видеофону. Возможно, сама хотела меня вызвать, но я опередил.

— Телепатия, — сказала Мод.

— Иду к тебе, — прохрипел я безо всяких предисловий. — Иду на вы.

Трепетно взметнулись ресницы.

— Подчинять? — спросила она.

И вдруг заплакала. Вот те раз...

Несколько следующих дней очень важны. Несколько следующих дней я опускаю. Не могу про них, и все. Прошу извинить, это только наше, мое и Мод.

Продолжим со свадьбы. Она случилась, произошла, состоялась и стряслась. Отлично помню этот день. Хотя и не весь.

Итак, свадьба. Меня заставили надеть фрак. Мод была в пышной блузе и узкой юбке, белое с черным.

Но если наряд невесты отличался строгостью, о ее обители этого сказать никто не мог. Все преобразилось сказочно. Квартировавший по соседству с Мод Кшиштоф Ковалек уступил нам свое жилище, и мы объединили компартменты. Получилось нечто вроде небольшого поместья. Внутри из старого убранства сохранился один розовый куст известного происхождения. Он царственно благоухал перед кирпичным домиком в староголландском стиле.

Журчал фонтан. Сразу за ним вдоль стены низвергался водопад королевы Виктории с африканской реки Замбези, символизирующий силу чувств. Водопад бушевал столь яростно, что всяк входящий вздрагивал и начинал шарить руками в поисках спасательных средств. Потом приходил в себя, нервно посмеивался, бормотал поздравления, целовал проказницу и хлопал меня по плечу, обязательно — по левому. К концу церемонии оно ощутимо болело.

Пришедшему вручали бокал, препровождали на совершенно акварельную лужайку, где и был накрыт стол.

Стол, естественно, ломился. Над ним висели вакхические гроздья, самые настоящие в отличие от водопада. Негромко звучала музыка старых романтиков, начиная с «Вечерней серенады» Шуберта и вплоть до Эльселя. Не того, первого, а Эльселя четвертого, младшего, из двадцать третьего столетия. Директора обсерватории Маунт-Паломар. В то время очень он

мне нравился. До тех пор, пока Мод не дала мне послушать своих любимцев.

Гости явились заранее, очень им не терпелось. Лишь Круклис дипломатически опоздал на пять минут, но сразу принялся наверстывать — хлопнул рюмочку, с хрустом закусил, потом облобызал Мод, бубня что-то насчет того, как это делается в городе Могилеве. Стало ясно, что народ в Могилеве страстный. Жизнелюбивый такой народ. Иной в городе с подобным названием, наверное, и не поселился бы.

— Пора, пора, — забеспокоился Абдид. — Рога трубят.

И толкнул Сумитомо. Он, Абдид, есть верный друг и самый надежный страж безопасности. Свидетельствую небеспристрастно и бескорыстно, но компетентно. Бывает такое.

— Какие рога? — удивился губернатор.

— Ну те, которые пора наполнить. Ты власть у нас или кто?

Абдид пометил взглядом Круклиса.

— А, вот ты о чем. Думаешь, не вижу?

— Видеть мало. Надо устранять.

— Сщас.

Суми выпил чашечку саке, встал и дунул в некое подобие боцманской дудки с погибшего в Цусимской битве броненосца. Я некстати подумал, что вот надо же, когда-то наши предки стреляли друг в друга из многодюймовых пушек. А ведь это больно, дико, жестоко, неразумно. И как они не понимали?

Суми дунул еще раз. Все заинтересовались, перестали есть и разговаривать.

— Дамы и господа! Прекрасные и благородные! Бессовестно пользуясь властью, объявляю эту парочку мужем и женой. Со всеми следствиями и последствиями. Вот этих, если кто еще не догадался. Серж, помаши левой лапкой. Вдруг получится?

Я гордо выпятился. Мод стала пунцовой. Мы посмотрели друг на друга и как-то...

— Ага, зяблики, примолкли? — обрадовался Сумитомо. — Во брак вступать — это вам не какую-то дряхлую физику учить, тут способности нужны. И ответственность появляется. Мод, признавайтесь.

— В чем?

— Вы добровольно становитесь миссис с этим рычащим фамилием?

— Вот уж нет! Все видели, как он меня утащил. Средь шумного бала.

— Случайно?

— Случайно, но хищнически. Рычал и бесновался.

— Сильно бесновался?

— Аки зверь в нощи.

— Так. Активно, значит. Утащил в результате?

— Утащил.

— Утащил — тогда все, — сурово приговорил губернатор. — Теперь остается спасать честь. Раньше надо было думать о правах человека.

— С ним подумаешь, — сказала Мод.

Тут красным вдруг стал я. Научился, оказывается. А Мод сохраняла невозмутимое выражение. Стало страшно, как бы она не сбежала из-под венца. Мы ведь были знакомы мало.

— Мод, послушай, — зашептал я, — не надо огорчать его превосходительство.

Но Сумитомо и не думал огорчаться. Приняв нравоучительную позу, он нашел для нас заветные слова, которые ему самому понравились.

— Женщина должна склониться перед самураем. Так мой дедушка говаривал. А он, знаете ли, соображал. Произвел двадцать восемь потомков от девятнадцати жен. Если не считать гейш, конечно. Хотя сейчас уже наверняка побольше как тех, так и других. Но суть не в этом. Все жены ему благодарны, вот в чем дело. Ну и подчинялись, само собой. Думаете, из-за силы? Да ничего подобного! Подчинялись потому, что лучше мужчин никто не знает, чего хотят женщины, вот! Мгм. А неплохо сказано...

Все закивали, что да, мол, лучше не выразить.

— Усвоила, стрекоза? — спросил губернатор.

Стрекоза, которая вполне могла оказаться в числе жен Сумитомова предка, скромно потупилась. Как-то все перепутано в наше время, никогда не знаешь, кого почитать, а кому читать наставления. Впрочем, губернатор наш в это время и жил, ориентировался прекрасно.

— Так-то лучше, — кивнул он. — Главное — в доступной форме объяснить женщине, чего ж ей хочется, и не дать опомниться. Свидетели, быстренько расписываемся! Мы-то ничем не рискуем, хе-хе. Анджела, а где пергамент?

— Да он под стол закатился, — простодушно сказала Анджела. — Парамон, подвиньтесь, пожалуйста.

Она наклонилась, извлекла беглый документ. Потом встала и развернула его на широкой спине инспектора безопасности. Сумитомо с размаху пришлепнул свиток огромной печатью Гравитона-4. Абдид поморщился.

Раздались аплодисменты. Гости встали.

— Ребятки, — с чувством сказал Абдид, потирая спину, — спасибо!

— За что? — удивилась Мод.

— Глядя на вас, я понял, что у человечества есть будущее. И не какое попало!

— Отрадно, — согласился Сумитомо. — Да, а среди нас служитель какого-нибудь культа найдется?

— Зачем? — спросил Абдид.

— Для надежности. Ну и ответственность всегда лучше с кем-нибудь поделить, знаешь ли.

— А! Очень мудро, ваше превосходительство.

Сумитомо любил последнюю любезность оставлять за собой.

— Дабы такое оценить, глубокий нужен ум, Абдид-сан.

Абдид церемонно поклонился. Похоже, этим двум нравилось похваливать друг друга. Но им живо напомнили, зачем все собрались, после чего губернатор вернулся к исполнению обязанностей. Он задал весьма существенный вопрос:

— Брачующиеся! Какую конфессию предпочитаете?

Мод махнула рукой. А я потребовал буддийского обряда. Индоевропеец как-никак.

— Зер гут, — сказал Зепп. — Я есть лама.

— Давай-давай, — поощрил житель Могилева. — Как ариец арийцу.

В дальнем конце стола поднялся молоденький техник.

— А я давно знал, что они поженятся, — сообщил он. — Еще на Феликситуре Серж так на нее смотрел...

— Как? — заинтересовался Сумитомо.

— У! Ну так... лучше не подходи. Что ты! Аки зверь в нощи, точно. Ухомах, одним словом.

— А давайте выпьем за хвостоногого ухомаха, — предложил Кшиштоф.

— За ухомаха грех не выпить, — сказала Мод. — Похоже, он приносит удачу. Некоторым.

Я нашел под столом ее колено. Мод вздрогнула.

— Ох, потерпи. Не пожалеешь. Ты еще не понял, какую Бабу-ягу разбудил, Серж-царевич.

Сменив гнев на милость, Зара сочинила к нашей свадьбе сонату под названием «Счастье женщины». Бурная получилась музыка, куда там Бетховену.

— У вас так спокойно, — сказала Зара, глядя на водопад королевы Виктории. Умеет она разглядеть в явлении нечто совершенно скрытое для других.

Тут строгая женщина Беатрис вспомнила славянский обычай кричать «горько». Соседи по столу наперебой бросились объяснять, что нужно целоваться.

— Так для того и женюсь, — сообщил я.

— Меньше рассуждай, теоретик!

Я ловлю ускользающие губы жены. Почему-то они и впрямь горчили...

— Раз, два...

Сейчас мне эта свадьба кажется какой-то странной, мифической, что ли. Среди звезд плавал пустотелый шар, в котором люди женились...

— Одиннадцать, двенадцать, тринадцать...

...забыв о том, что находится за стенами. Все эти кванты, нейтрино...

— Тридцать пять, тридцать шесть...

...кварки, гравитационные волны. И славно, что забыли. Собственно, стены для того и нужны, чтобы не вспоминать слишком часто о том, что снаружи.

— Семьдесят семь...

Но шар-то тем временем летел к «черной дыре»...

— ...девяноста два.

Мы наконец отвалились друг от друга.

— Способная молодежь, — оценил Круклис.

— Мод, — сказала Лаура, — приходи ко мне поплакаться. Водопадами нас не обманешь, правда?

Круклис усмехнулся. Был он подозрительно тихим. Видимо, уже совесть грызла. Она у него есть.

А меня тогда ничего не грызло. Я так напился, что чудом добрался до брачного ложа. Мод меня раздевала. Хорошо, что ее не украли. Был у славян и такой обычай.

— Что ж, — решила Мод на следующий день. — Жена так жена. Раз попалась так бездарно. В горничные...

И принялась собственноручно готовить обед. Получилось восхитительно, не побоюсь этого слова. И даже очень.

— Дальше будет лучше, — пообещала моя новая жена. — Я еще не все вспомнила.

Намечалось неожиданных размеров семейное счастье. Я молчал в немом восторге.

Великое это дело — семейное счастье. Оно имеет свойство осенять не только супругов, но и окружающих. Каким-то инстинктом люди распознают удачный брак и начинают к нему тянуться и слетаться, как на огонек в тайге. Чтобы согреть душу, поучиться мудрой простоте, ощутить сопереживание, что-то понять и быть понятыми.

Со своим уникальным житейским опытом Мод как нельзя лучше подходила для роли всеобщей мамы. И она не скупилась. Отбросив былую суховатость, уводила женщин на дальний край поляны, где они увлеченно секретничали. А моя роль сводилась к тому, чтобы не давать мужчинам мешать священному процессу. С этой целью я готовил фантастические коктейли, прибегая к необъятной памяти Архонта. И этими коктейлями прославился больше, чем открытиями в гравифизике.

Семейные усилия были отмечены. Бессовестно пользуясь властью, Сумитомо наградил нас императорским орденом старояпонии. За «возрождение великого духа Бусидо в весьма отдаленном от Ниппон районе», как гласил приказ. Район получился действительно весьма отдаленным, уж с этим не поспоришь.

К моему удивлению, Мод не упускала случая надеть бриллиантовую хризантему. Даже туалеты конструировала под ор-

ден. Она вообще вдруг стала большой щеголихой. Должен заметить, с тоски такого не бывает.

Но Сумитомо спровоцировал опасный процесс. Наш голландский домик начал превращаться в настоящий музей идолопоклонства. Довольно скоро все свободное место заняли подношения. Стало настолько тесно, что как-то в порыве страсти я разбил древнюю китайскую вазу.

И было отчего. Мод знала любовь до тонкостей, великолепно воплощая теорию в практику. Она могла все и не стеснялась желаний. Разумеется, удовлетворялись они без проволочек и с большим энтузиазмом. Но при этом между нами никогда не возникало чего-то чрезмерного, вычурного, такого, чего можно устыдиться немного позже, поостыв. Напротив, меня не покидало чувство спокойной радости, ощущение чистоты и естественности наших отношений.

Да, оба пола могут доставить друг другу массу неприятностей. Но ведь куда проще дарить счастье. Природа недаром позаботилась о том, чтобы мужчина и женщина так удачно дополняли друг друга. Глупо этим не пользоваться. Гуманоиды всей Вселенной! Бросьте вы состязаться в гордыне. Соединяйтеся! После этого и споры решить полегче, право слово.

Шли недели, миновал медовый месяц, а я не мог насытиться. Неправда, что настоящая любовь дается только один раз. Любовь рождается, живет, иногда — очень долго, но она не может быть вечной, особенно при нынешнем долголетии. Я много влюблялся, бывал счастлив, однако роман с Мод случился особый, наши ритмы совпадали до странности. Не стоило загадывать, сколько это продлится.

И мы не загадывали. Мы засыпали в объятиях друг друга, и во снах я видел свою жену, как это ни банально. Если инсайты не одолевали, конечно.

К сожалению, инсайты действительно стали наведываться чаще, чего и опасалась Мод. Должен сказать, приятного в них мало. Не только мы, все контактеры Гравитона поначалу видели фрагменты эволюции жизни — всяких трилобитов, жутких ракоскорпионов, котилозавров и так далее, вплоть до звероватых предков человека. При этом никому не удавалось остаться в позиции стороннего наблюдателя. Инсайт обязатель-

но проходил в чьей-то шкуре. Под конец ночи вас затаптывали, загрызали, вы тонули в болоте либо, если уж очень везло, тихо замерзали, как мамонт в леднике.

Все это сопровождалось полной гаммой причитающихся в таких случаях ощущений. Лекарства возвращали нормальный сон, но стоило прекратить их прием, все возобновлялось с той самой стадии, на которой остановилось. Уже одно это доказывало закономерный характер инсайтов.

Претерпев «период пожираний», несчастный гравитонец окунался во времена исторические, времена зарождения первых цивилизаций Земли. Но легче не становилось, куда там! Даже наоборот. Шумер, Египет, Финикия, Китай, Индия, благословенная Эллада. И везде — одно и то же. Пожары, войны, грабежи. Кто только этим не занимался! Хетты, бородатые ассирийцы, вавилоняне, персы, образованные греки, дикие германцы, бритые римские легионеры.

Насилие, фанатизм, бесконечная череда убийств. Мыслящего, страдающего, чувствующего и боль, и страх смерти человека убивали во имя чего угодно. Во имя богов, царей, вождей, из-за горсти золота, пресной лепёшки, глотка вина или простой воды. Убивали и без необходимости, просто ради извращенного удовольствия мучить и причинять боль, ради отвратительного любопытства безумцев перед вечным таинством смерти. Цена жизни определялась только мерой полезности свирепому главарю, и ничем больше.

Инсайты начисто убили во мне любовь к историческим романам. Я уже не мог видеть в персонажах только обобщенные символы.

— Демонстрация того, из чего мы получились, — резюмировал Круклис.

Зепп в своем отзыве был менее научен.

— Злые шутки, — говорил он.

Его горячо поддерживала Зара, у которой весь этот кошмар в голове не укладывался.

— Очень злые шутки! Нам намеренно причиняют боль. Садизм космический. Лечить их надо, братьев по разуму!

— Должна быть цель, смысл, — сказал Сумитомо.

— Во всяком случае, ее следует поискать, — сказал Круклис.

— Каким образом?

— Стоит записать наши видения на мнемограф. Давайте пожертвуем тайнами подсознания.

Предложение было принято. С тех пор большинство контактеров на ночь укладывались с датчиками на голове. Через две недели, когда инсайтов набралось достаточно, Архонт их систематизировал, свел воедино. Получился отменный фильм ужасов. Самое страшное, что в нем ничего не было выдумано.

В назначенный час все собрались у нас, привычка такая появилась. Аппарат включили. Я подал коктейли, но к ним никто не притронулся. Уж больно тошнотворным оказалось зрелище.

Тиглатпаласар Второй и Ричард Третий, Людовик Хитрый да Иванушка Грозный. Тамерлан у горы черепов. Пыточная Малюты Скуратова. Мадам Тофана, Гай Юлий Цезарь и Цезарь Борджиа. Сожжение ведьм, сеппуку самураев, жертвоприношения майя, удушение семи братьев турецкого султана. Отравленные, четвертованные, повешенные за ребро, колесованные. Уморенные голодом, заживо замурованные, утопленные, зарезанные, насмерть забитые... Ни один способ умерщвления не был забыт. Дыбы, виселицы, гарроты, испанские сапожки, гильотины, газовые камеры. Электрический стул... Крысы, собаки, вороны, пирующие у трупов... Я даже запах ощутил.

Вдруг во весь экран возникает белое, безумное лицо.

— Я, я, Энкарнасио Краниас, почему меня больше нет?!

Оксана стонет. Прибор выключают.

— Что, что все это значит?!

— Объяснение, — отвечает Зепп.

— Чего?

— Того, почему с нами не хотят иметь дела.

— Не хотели, — поправляет Мод. — А теперь объясняют. Иначе зачем это все?

— То, что мы видели, еще и напоминание, — говорит Сумитомо.

— О чем?

— О долге перед теми, кто все это вынес и дал жизнь нам. О долге перед предками. Раньше я и не задумывался, сколько тьмы в человеческой истории.

— Это еще не все, — тихо говорит Лаура.

Смущаясь от общего внимания, она просит повторить некоторые фрагменты записи. Мы убираем водопад и проецируем изображение на стену.

И вот мировая история замелькала в обратном порядке. Эсэсовцы помогали польским евреям выбираться из газовых камер, всплывали погибшие галеоны, расчлененные тела срасталась, жертвы выпрыгивали из зубастых пастей и убегали спиной вперед, гоня перед собой хищников. Добравшись до мезозоя, Лаура остановилась.

Мы увидели группу утконосых динозавров, защищающих кладку яиц от кошмарного цератозавра. Продержавшись две-три секунды, картина меркнет. Взамен появилась африканская саванна со стадом антилоп и крадущимся в высокой траве львом. Тревожно вскрикивает сторожевое животное. Антилопы бросаются врассыпную. Но та, вскрикнувшая, сбежать не успевает...

Потом мы видим джунгли острова Борнео и расширенные от ужаса глаза горной гориллы. Это самка. За ее спиной прячется детеныш.

— Готовность к самопожертвованию, — тихо роняет Лаура. — Альтруистическое поведение. Возникли задолго до появления человека.

Вскоре мы увидели и человека. На кресте.

— Развитие альтруистической линии, — поясняет Лаура. — Уже на уровне сознания.

— Значит, это было? — спрашивает Зара.

— Что?

— Крест.

— Крест был. Но вот вам еще один.

Те же вьющиеся волосы, семитский нос, мягкая бородка.

— Собирательный образ?

— Да. Однако существовал и основной прототип. Увы, точного ответа на главный вопрос по-прежнему не видно. А этого человека узнаете?

— Джордано!

— Джордано. Жертва ради свободы мысли. А вот так выглядел молодой Сидхартха. Правда, напоминает нашего Сержа?

— Очень даже, — кивает Круклис.

— А вот Эразм Роттердамский. Идея гуманизма. Здесь мы имеем возможность проверить портретно, и все сходится. Гипатия Александрийская. Джефри Чосер, предтеча Марло и Шекспира. Князь Ярослав, неудачливый воитель и благополучный государь. Жизнь дана для радости, это его слова...

— Как мы могли их вспомнить? — удивилась Беатрис. — Память генов?

— Памяти генов не существует, — сказала Зара. — В смысле прижизненных впечатлений.

Ее поддержала Лаура:

— Это помним не мы.

— А кто?

— Те, кто старше нас.

— Ты так уверена?

— Другого объяснения нет. Никто не может вспомнить динозавров, вымерших семьдесят миллионов лет назад.

— Да, действительно, — согласился Зепп. — Продолжай, пожалуйста.

— Смотрите, вот Роджер Бэкон. Это, вероятно, Ибн Сина в бухарский период жизни. Имя следующего человека неизвестно, а жаль. Похоже, именно он придумал колесо.

На подушках мечется больной:

— Света, больше света...

— Гете.

Еще один умирающий:

— Иду искать великое, быть может...

— Рабле.

Лаура замолчала. На экране продолжали появляться лица. Мужские, женские, старые и молодые, грустные и веселые, хотя веселые — совсем редко. И старые — редко.

— Да, — сказал Кшиштоф. — Поразительные возможности для историков. Вот это подарок!

— Каковы же выводы? — спросил я.

— Выводы? — удивилась Лаура. — Они очевидны. Во-первых, наша психика подвергается осмысленному воздействию. По-моему, это несомненно.

— А во-вторых?

— Мы победили в себе зверя. Мод права, иначе бы с нами не разговаривали. Вот что означают Кронос-инсайты. Думаю, они будут продолжаться, но уже в менее пугающей форме.

Вспыхнул свет. Самое растерянное лицо было у Круклиса, насколько я помню.

Все хорошо в меру. А у нас же дня не проходило без гостей. Захаживали, заглядывали, забегали на минутку. Поговорить, обменяться мнениями, отведать шанежек Мод или моих коктейлей, просто молча посидеть. Срабатывал известный психологический закон: если человеку с вами хорошо, он искренне считает, что вам с ним не хуже. Закон этот даже в наш просвещенный век знали не все. И хотя почти каждый посетитель следил за визитом и сам по себе бывал у нас не слишком долго, когда число таких визитов переваливает за полсотни...

В общем, времени для общения с женой у меня не оставалось. Мы не могли обменяться мнениями по важным вопросам, да и просто узнать друг друга поближе. Я стал подозревать, что либо женился на общественном достоянии, либо общество бессовестно крадет мою собственность.

Оба варианта не радовали. А приемлемый способ положить конец безобразию отсутствовал. На то, чтобы пресечь поток посетителей, ни у меня, ни у Мод рука не поднималась. Оказалось, что на Гравитоне существует огромная неутоленная жажда домашнего уюта и обыкновенного добрососедского общения. Она проявлялась так понятно, трогательно и искренне, что мы уж совсем было приготовились нести свой крест до тех пор, пока наша популярность не пойдет на убыль естественным путем.

— Долго ждать придется, — посетовал я.

— Нет. Найдутся люди с повышенной чуткостью, — утешила Мод.

И оказалась права. В одно прекрасное утро по всей станции включились громкоговорители принудительного вещания. Обычно такое делалось при каких-то чрезвычайных происше-

ствиях. Но никакого ЧП не случилось. Бесценная Беатрис отчетливо, трубным таким гласом объявила, что кабачок «У Сержа-Под-Водопадом» открыт для всех желающих «со времени естественного пробуждения миссис Рыкофф и до семнадцати ноль-ноль по Гринвичу, но ни минутой дольше».

Потом послышалась возня. В эфир прорвался Сумитомо.

— За исключением исключительных случаев, — торопливо вставил он.

— Никаких исключений! — отрезала его заместительница.

— И ты, Беатрис... — горестно молвил губернатор. — Граждане, к оружию!

С тех пор полегчало. Граждане к оружию не бросились. Случались дни, когда к нам приходило не больше двух-трех человек.

— А ведь хорошо без козы, — сказал я.

— Верно, Иов, — улыбнулась Мод.

6. КРОНОС

Вопреки всем волнениям, в периколлапсарий мы вошли совершенно благополучно. Избыток работы не оставлял особого места эмоциям. Поскольку период максимального сближения с Кроносом весьма короток, все старались использовать каждую минуту. Практически весь исследовательский арсенал станции сосредоточили на одной точке. Кроме того, Гравитон в упор стрелял исследовательскими зондами.

Шел третий час ночи, но на борту мало кто спал. Только в зале управления собралась чуть ли не треть экипажа. Тут были Абдид, Сумитомо, завернутая в плед Оксана — после Феликситура она частенько мерзла, были Зепп, Мод, Кшиштоф. Отработавшая смену Лаура тоже не уходила. Пристроившись в кресле, она что-то вязала доисторическими спицами. Анджела тихо играла на флейте.

Все поглядывали на экран гамма-телескопа, где в ореоле излучений зиял аспидный провал.

Кронос вел себя неспокойно, посылая гравитационные волны одну за другой. Их анализировал Архонт. Через короткое время систематизированная, разложенная «по полочкам» информация утекала к десяткам специалистов. Наступило горячее времечко, когда за минуту рождались и гибли гипотезы. На их обломках расцветали докторские диссертации. У тех, кто их еще не имел. А те, кто уже имел, с замиранием духа ждали, не проплывет ли где шальной Нобель.

В этой атмосфере отрешенности прошло секунд двадцать, прежде чем кто-то изумленно вскрикнул.

На одном из боковых экранов показалось нечто, чего быть не должно под боком у «черной дыры». В голубой мути видеокристалла вспыхивал блик, радарная отметка.

— Что такое? — поразился Сумитомо. — Архонт, почему не докладываешь?

— Объект идентифицирован. Это спасательный бот. Для станции опасности не представляет.

— Бот? Какой еще бот? Чей?

— Наш.

— Давай телескопы!

— Выполняю.

Башня главной обсерватории немедленно развернулась. С помощью звездных рефракторов мы и в самом деле получили потрясающее по четкости изображение самого обыкновенного спасательного бота. Судя по бортовому номеру, того самого, на котором наша планетологическая экспедиция не так давно вернулась с Феликситура.

— Невероятно! Как он мог оторваться? — пробормотал Сумитомо.

— Он не оторвался, — с досадой ответил Абдид.

Подтверждая его мнение, в дюзах шлюпки начали тлеть огни. Развернувшись, она стала удаляться.

— Но почему не сработали оповещатели старта? — все не мог понять Сумитомо.

— Потому что их отключили.

Сумитомо разразился длинной фразой на старояпонском языке.

— Только влюбленный юнец в пору цветения сакуры забывает кодировать стартовые ключи, — механически перевел софус. — Вакаримасу, да?

— Да уж, — растерянно сказал Сумитомо. — Сайонара.

— Суми, ты все равно его бы не остановил, — утешил Абдид. — Кодировать ключи спасательной шлюпки запрещено правилами безопасности.

— Парамон?

— Кто же еще. Юноша бледный. Со взором горящим.

— Так, ясно. Архонт, дай ближнюю связь.

Но попытки вызвать беглеца на разговор ни к чему не привели, он не отвечал. Круклис рассчитал все точно. Пока разогревали реактор «Туарега», вопрос то ли о спасательной экспедиции, то ли о погоне отпал сам собой. Мы находились в периколлапсарии. Шлюпка Парамона успела войти в зону, откуда не было возврата. Самая простая вещь, как он говорил об отправке на Кронос, произошла.

Лаура подобрала свое вязание и встала. Мы избегали смотреть в ее сторону. За множество недель все настолько привыкли постоянно видеть эту женщину-тень рядом с Круклисом, что воспринимали их как единое целое. И вдруг осталась одна половинка, из которой, как сок со среза лимона, почти осязаемо сочилась боль. Никто не знал, как к ней прикоснуться.

— Мод, ты так и не зашла ко мне, — по обыкновению тихо сказала Лаура.

— Прости, — сказала Мод. — Я приду через полчаса, хорошо?

Лаура не ответила. Абдид взял ее за руку, намереваясь проводить, но она покачала головой:

— Нет, не надо. Хочется побыть одной. Извините.

И ее отпустили. А через полчаса взвыла сирена.

— Архонт! Что происходит?

— Реакторный зал. Человек в запретной зоне. Человек в запретной зоне. Человек в запретной зоне.

После короткого замешательства одна и та же мысль пришла многим. Роботы не имеют права останавливать человека!

Первым к выходу бросился Абдид. Сверкающими глазами и черной бородищей он напоминал джинна из арабских сказок.

— Реакторный зал. Охранный робот обездвижен.

Мужчины побежали за Абдидом. У лифтов тут же образовалась толчея. Джошуа Скрэмбл с ошалелой вежливостью уступал дорогу Зеппу, а Зепп — Кшиштофу. Один Сумитомо сохранял хладнокровие. Склонившись к пульту, он отдавал короткие приказы.

К сожалению, они запоздали.

— Реакторный зал. Короткое замыкание цепей аварийного замка. Реактор номер два вскрыт. Радиационная тревога, радиационная тревога!

Лаура рассчитала не хуже Круклиса. Пока мы бежали, она успела прыгнуть в шахту и получила абсолютную дозу. Там, за последней перегородкой, бушевала преисподняя.

Именно в рабочей зоне реактора можно было оборвать жизнь совершенно бесповоротно. Более подходящего места на Гравитоне я не знаю. Любой другой путь самоубийства, вклю-

чая даже прыжок в забортный вакуум, оставлял шансы на реанимацию. Но то, что удалось поднять из шахты, рассыпалось в железных пальцах робота. И было опасно для окружающих...

Останки Лауры собрали в свинцовый контейнер. Зара села на пол и безнадежно опустила голову. По плитам рассыпались упаковки каких-то лекарств из ее сумки. Впервые она вызывала у меня жалость. Я потрогал ее за плечо. Зара подняла белое лицо и взглянула огромными зрачками.

— Теперь я знаю, что такое иносказание, Серж.

— Иносказание?

— Да.

— Как ты себя чувствуешь?

— При чем тут мое самочувствие?

— Неважно выглядишь. Что с тобой?

— Ничего. Забери спицы.

— Какие спицы?

— Вязальные. Там, на крышке реактора.

— Зачем?

— Хочу взять на память.

— Не получится. Они припаялись к металлу.

— Припаялись? Почему?

— Кажется, Лаура замкнула ими электрическую цепь. И как только удалось?

— Надо же! — поразился техник. — Простыми алюминиевыми спицами. Вот вам и защита от взлома.

— Никому и в голову не приходило такое, — мрачно сказал Абдид.

— Неужели она обдумала все заранее? — спросила Зара.

— Нет сомнений.

— Какой ужас...

Роботы закрыли реактор, восстановили замки и притащили пылесосы для влажной уборки.

— Я убью Круклиса! — вдруг крикнула Зара.

— Если выживет, — усмехнулся Абдид.

— Холодный негодяй! Он еще попадется. Отпусти меня, слышишь?

Но Абдид не отпускал, хотя давалось это нелегко. Зара брыкалась и вырывалась с яростью камышовой кошки.

Я подобрал валявшийся на полу инъектор и ввел старшему врачу надежную дозу снотворного. Зара дернулась и назвала меня тихоней негодяйским. Или наоборот, негодяйским тихоней, точно не помню.

После этого она заплакала. Похоже, рано или поздно, любая женщина от меня заплачет. И что за дела такие?

ПОЧЕТНЫЙ ЧЛЕН СЕВЕРОАМЕРИКАНСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК,
ЧЛЕН БРИТАНСКОЙ КОРОЛЕВСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК,
ДОКТОР ГАРВАРДА, ОКСФОРДА, СОРБОННЫ,
МАГИСТР ЯГЕЛЛОНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА,
СТАРШИЙ ЛАБОРАНТ МОГИЛЕВСКОГО ОБЛАСТНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УЧИЛИЩА

Парамон Кэссиди КРУКЛИС фон ЦИММЕРМАН

— Где это — Могилев? — спросил Абдид.

Мы стояли перед каютой Круклиса. По неписаному закону ее больше никто не займет.

— Кажется, в Восточной Европе.

Абдид покачал головой:

— Строгие же требования в Могилеве!

— Да, похоже, его там не жаловали. Послушай, а что это за фамилия такая дворянская — фон Циммерман?

Абдид усмехнулся:

— Об этом надо было спрашивать у самого герра фон Циммермана.

— Не знаю, как ко всему этому относиться, — признался я.

Абдид пожал плечами.

— Наверное, он думал, что Лаура не решится.

— Пусть так. Все равно не по-людски это.

— Серж, да осуждать-то, в сущности, некого.

— Ну да! Он еще всех нас переживет, помяни мое слово.

— Каким образом?

— Не знаю. Но ему совершенно не идет быть мертвым.

— И что, можно завидовать?

— О нет, ни в коем случае. Такой камень на душе...

— Человек в ответе за тех, кого приручил?

— Да, — неуверенно сказал я.

— А кто кого приручил?

— Ну... Женщины более привязчивы.

Абдид задумчиво погладил доску с перечислением Круклисовых регалий.

— Вот встречаются мужчина и женщина. Влюбляются, долго живут вместе. Привыкают друг к другу, становятся похожими, важные решения принимают совместно. И вместо двух личностей остается полторы. Вступив во брак, ни цельности не сохранишь, ни самодостаточности.

— И что из того? — с интересом спросил я.

— Потеря же, Серж, потеря. И ограничение свободы. Нет-нет, да и почувствуешь себя рабом своей рабы. И как тут быть, лично я не знаю. Парамон поступил решительно. Что ж, его право. В конце концов, Лаура была не ребенком.

Я немного подумал и решил, что такая точка зрения имеет право на существование. Особенно у Абдида, имеющего большой опыт общения с Зарой.

— Как Зара? — спросил я.

— Так и знал, что спросишь, — усмехнулся мой друг. — Учти, у нее есть не только недостатки.

— Вполне допускаю. И как же она?

Абдид погладил пластырь на щеке.

— Нормально. Плачет.

— Все еще?

— Да. Знаешь, она впервые столкнулась со смертью.

Я удивился:

— При ее-то профессии?

— Да.

— Невероятно.

— Видишь ли, народ повадился жить долго. Дорвались, можно сказать. Медицинских студентов обучают на синтетических трупах, и уже очень давно. Представляешь?

— Представляю. Я тоже предпочел бы синтетические трупы. Выпить хочешь?

— Зачем?

— Помянем.

— Нельзя. Должен быть в форме.

— Слушай, а у человека есть право на самоубийство?

— Не знаю и знать не хочу. Зато знаю, что здоровый человек ни за что не лишит себя жизни. Для этого требуется временное помешательство. И уж во всяком случае, в инструкциях по безопасности такое право не предусмотрено. Ни одного фанатика больше не упущу.

— А как?

Абдид вновь пожал плечами.

— Точно не знаю, но постараюсь. Поможешь?

— Конечно.

— Вот и хорошо.

— Будет еще лучше, если привлечем Мод. Не хотел говорить, но придется. Абди, иногда она провидит.

— Тайный интравизор?

— Нечто вроде.

Абдид заглянул в каюту Круклиса и зачем-то принюхался.

— Мод, говоришь? — переспросил он.

— Да. А что такое?

— Серж, не хотел бы каркать... Но именно ее хочу поручить твоим заботам.

— Кого, Мод?

— Да.

— Ты с ума сошел!

— Да вроде нет.

Я похолодел.

Экваториальная галерея Гравитона образована двумя рядами выгнутых окон. Справа звезды, слева звезды, лишь под ногами тонкая пленка тротуара. А над головой течет Лета, просеивающая свет береговых фонарей. Сквозь прозрачное дно реки волны роняют в галерею шевелящиеся тени.

Благодаря вращению станции звезды в окнах непрерывно движутся, можно обозревать все небо. Прекрасное место для созерцаний и меланхолических размышлений. Под тобой — бесконечность пространства, а вверху — бесконечность времени. Осознаешь свою роль в масштабах Вселенной и значение собственных переживаний.

Здесь любили гулять многие, в том числе и Мод. Но после прохождения периколлапсария народ отсыпался, и в галерее почти никого не было. Я бесшумно бежал по мягкому покрытию, проложенному меж прозрачных стен. Бежал в полную силу, изо всех ног, жалея, что их мало. По пути сначала обогнал Зару, придерживающую полы атласного халата, потом — тяжеловатого Абдида с его джинновой бородой и дикими глазами.

У лестницы, ведущей к галерее Леты, встретилась Беатрис. На ее плече висело большое полотенце.

— Что за догонялки? — подозрительно осведомилась она.

Видимо, еще не знала.

— Да Зара с ума сошла, — соврал я.

— То есть?

— Гоняется за всеми.

— Гоняется? Это еще зачем?

— Ее сейчас волновать нельзя, — пропыхтел Абдид.

Беатрис только хлопнула ресницами.

— Держи, держи их! — крикнула Зара, усиливая подозрения в свой адрес.

Беатрис рассудительно заметила, что вряд ли это возможно без помощи арбайтеров, и осталась далеко позади. Впереди показалась колонна радиальной транспортной системы.

Ждать Абдида я не стал, прыгнул в первый попавшийся лифт. Едва отдышавшись, вывалился на административном этаже.

Двери губернаторской резиденции гостеприимно распахнулись. Но его превосходительство глядело сквозь меня. Оно сидело в позе лотоса, и глаза его были стеклянными.

— Суми, дай ключ.

Губернатор нехотя вернулся в родную Вселенную, чтобы мне отказать.

— На моем месте ты просил бы то же самое.

— Возможно. Но на МОЕМ месте ты ответил бы то же самое.

— Суми!

— Что — Суми? Если дам тебе ключ, погибнет еще один член экипажа. Четвертый. Прямо не станция, а клуб само-

убийц, — уже один процент населения. Вы у меня психиатрическую экспертизу пройдете, голубчики! Я покажу вам зябликов! Там, где раки зимуют. Нечего помирать во вверенном мне пространстве!

Истерику, истинную или ложную — не важно, следует прерывать. Чем-нибудь неожиданным. Я помахал пальцем перед его носом и очень спокойно сказал:

— Не кричи посередь медитации. И потом, Сумитомо-сан, где ваши манеры? Между прочим, я — кавалер ордена Хризантемы.

Суми глянул на меня оторопело. На миг в его взгляде отразилось нечто стальное, но он быстро опомнился.

— Тоже мне, медитация! Врываются, вопят, пальцем машут. А где ваши манеры, уважаемый кавалер?

Попытка не удалась, ее отразили зеркально. Я тут же перешел на язык двадцать восьмого столетия:

— Мы теряем время.

— Сказано же: нет!

На исходе двадцать восьмого столетия совсем не просто взять да ударить человека. И не просто человека, а благожелательно настроенного губернатора. Почти что друга, если у губернаторов бывают друзья.

Но я это сделал. Нелепо, вскользь, растопыренной пятерней. Чисто символически, в общем.

Ответ последовал мгновенно. Я перевернул чайный столик, поєлушно отлетел к стене. Надежда на то, что Сумитомо забыл традиции Страны восходящего солнца, не оправдалась. Японцем он оказался отнюдь не театральным.

Ох уж эта пресловутая пятка самурая! В голове шумело и пульсировало. Пульсировали драгоценные секунды. Но к операции я готовился серьезно, насколько позволило время. Был предусмотрен и такой случай. У меня оставалось резервное средство.

— Абдид!

Абдид вошел.

— Не смей, — тихо сказал Сумитомо.

Он стоял на полусогнутых ногах, и глаза его наливались кровью. Выглядел малость неприветливо. Но должного впечатления не произвел.

— Из периколлапсария мы уже выбрались, — спокойно сообщил Абдид. — Реактор «Туарега» разогрет. Есть шанс.

— Один из десяти!

— Серега — человек бывалый.

— Смотря в чем.

— Какая разница? Бывалый — он и есть бывалый. Дай ключ.

Вместо ответа Сумитомо провел молниеносную атаку. Не помогло. Абдид поймал его на отскоке. Поймал и сгреб. Превосходство техники теперь ничего не решало. Возобладала грубая сила.

Тут в каюту ворвалась Зара.

— Сейчас же отпусти! — крикнула она. — Я... я опять тебя поцарапаю!

Любопытно они выглядели. Инспектор безопасности скручивал губернатора, а старший врач колотила кулачками по спине инспектора. На пороге с высоко поднятыми бровями застыла Беатрис. Даже ее проняло.

— Здорово, командир! — заорал Джекил. — Идущие на смерть приветствуют тебя.

— Привет, привет.

— Ключ, ключ принес?

— Куда его вставить? Не вижу.

— Еще бы! У вас глаз заплыл, сэр. Отчего?

— Сумитомо — папаша строгий.

— Ах вот так... Сэр, вы уверены, что правы?

Я поморщился.

— Джекил, чтоб не забыл. Твоя обязанность — спасать людей.

— Да помню, помню, — проворчал софус. — Но я могу спасать и без вас, простите. Как люди говорят, в автоматическом режиме. Зачем рисковать вам, когда достаточно меня?

— У тебя нет права вытаскивать мою жену из капсулы. Насилие над человеком.

— Ваша правда, сэр, — со смешком сказал софус. — Вы свободны от этого ограничения.

— Где прорезь, зубоскал?

— Я вывел ее на пульт. Люминесцирует прямо перед вами.

— Очень хорошо.

Я прицелился и воткнул ключ.

— Пульт активирован, сэр. Не забудьте надеть скафандр, позже будет затруднительно.

— Надел, надел.

— Приятного полета, сэр.

— Ох прекрати. Старт!

— Одна проблема, сэр.

— Что еще?

— Ангар нам откроют? Или придется ворота таранить?

Таранить не пришлось. Лепестковые створы бесшумно раздались в стороны перед носовой воронкой «Туарега».

— Счастливо, Серж, — сказал Сумитомо. — Хоть ты и неправ, извини.

— Бюрократ!

Суми усмехнулся:

— Так уж воспитаны. Честное слово, не уверен, что ты прав.

— Жизнь покажет.

— Желаю, чтоб не показалось много. Джекил, цель видишь?

— О да, мой губернатор. Одним глазом команданте Рыкофф.

— Не дурачься. Если поймешь, что капсулу подцепить не успеваете, немедленно включай обратную тягу, иначе погубишь пирата одноглазого. А на это у тебя блок имеется.

— Позитрон положительный! Со всех сторон блоки. За что такое недоверие, сэр?

— Недоверие? — удивился Сумитомо. — Я бы назвал это отеческой заботой.

— А! Так это забота. О ком?

— Слушайте, — не выдержал я. — Юмор становится затяжным.

— Да, сэр, — тут же посочувствовал софус. — Хуже окопной войны.

— Серж, — сказал Сумитомо. — Я могу оставить станцию у Кроноса. На круговой орбите. Мы вас подождем.

— Не надо, Суми. Спасибо, но вас там четыреста человек.

— Ребята согласятся, я уверен.

— Я не о том. Помочь вы ничем не сможете, а что на уме у этих пчелок, никто не знает.

— У каких пчелок?

— У тех, кто старше нас.

— Серж, ты это серьезно?

— Вполне. Вдруг Парамон был хоть чуточку прав?

— Да откуда ты взял, что они существуют? Те, кто старше нас?

— А тебе нечего вспомнить?

— Есть, — проворчал Сумитомо. — Хохотушки да колотушки.

— А нечего вредничать.

— А нечего набрасываться. Я губернатор или кто?

— Или кто тоже, не забывай. Ладно, не дуйся. Глупо прощаемся.

— Брось, еще увидимся.

Я проверил запасы дейтерия. Вроде хватало, чтобы убежать от пчелок.

— Да-да, конечно, — вежливо согласился я.

— Разве можно не верить папе-самураю? Испорченный ты все же ребенок, Серж. Семь футов тебе под это самое место.

— Бай-бай, — рассеянно ответил я. — Присматривай там, губернатор. На Кронос больше никого не пускай. Скажи, что Серж не велел.

Сумитомо поперхнулся:

— Ну, знаешь...

— И не вздумай сделать себе харакири. Чем пищу переваривать будешь?

Тут уж он совсем ничего не ответил.

«Туарег» выплыл из ангара и отошел наконец на безопасное расстояние. Телескопический корпус корабля вытянулся во всю длину. Джекил без промедления запустил маршевую машину. Одновременно включился метроном. Здоровым гла-

зом я видел три диаграммы — истинное галактическое время по Гринвичу, время на станции и время на борту спасателя. Пока все они совпадали. Но при сближении с Кроносом разница появится обязательно.

— Джекил, какие новости?

— Начинаем догонять.

— А получится?

— Да как сказать... К сожалению, полностью использовать преимущество в скорости мы не можем.

Я кивнул. Гонки в окрестностях «черной дыры» — вещь хитрая. Пока звездолет и шлюпка двигались более или менее прямолинейно, мощь «Туарега» сказывалась неоспоримо. Но в сильном гравитационном поле траектория постепенно искривляется, закручивается в спираль, центром которой является Кронос. При этом чем больше скорость летательного аппарата, тем больше сносит его в сторону.

Для компенсации дрейфа Джекил включил боковую тягу. Некоторое время эта тактика приносила успех. Я уже начал различать ходовые огни шлюпки. Но вдруг она покатилась в сторону. Мод тоже нас заметила и начала маневрировать. Намерения у нее оказались твердыми.

Включилось радио. Густой бас, ничуть не похожий на голос моей жены, протяжно выговорил:

— Лаура... не остановила... Круклиса... Сережа... возвращайся...

В ответ я пообещал ее отшлепать.

— Сережа... с Кроносом... шутки... плохи...

Я разозлился.

— Мои или твои?

— Я... не... шучу...

— А кто шутит? Джекил, давай.

«Туарег» тяжело развернулся и вновь бросился в погоню. Мод выждала момент и опять увернулась. Техникой пилотирования она владела вполне прилично. Да и наивно было ожидать от нее чего-то другого. В считанные секунды между нами вновь выросли тысячи километров.

— Туарегтуарегясумитомо, — пропищал динамик. — Джекилповорачивайсразупроизведусамураи.

— Что скажешь? — спросил я.

— Запас высоты есть, энергии хватает, — ответил софус. — Можно попытаться еще, но она опять отвернет. Орлы не ловят мух, как говаривали древние римляне.

— Тогда хватит гоняться на горизонталях. Пикируй. Потом попробуем достать снизу.

— Я об этом думал.

— И?..

— Опасно, сэр. Ниже находится зона, откуда можно провалиться к границе Шваршильда под действием хаотических гравитационных волн. Математический аппарат их предсказания еще не разработан.

— Боюсь, вы не слишком сильны в гравифизике, сэр. Отстали-с. Не знаете моих последних работ.

— Да ну? — усомнился софус. — С Архонтом мы общаемся регулярно.

— Впрочем, они еще не опубликованы. Убери перегрузки, а то руки не поднимаются.

По памяти я напечатал основные уравнения, к которым пришел за время пребывания на Гравитоне. Я там занимался не только любовными утехами, знаете ли.

— Любопытно, — сказал Джекил. — Весьма. Но экспериментально не проверено.

— За чем же дело? Ныряй, проверим.

— У нас нет гравидатчиков нужной чувствительности.

— Датчиком будет сам звездолет. Возьми основные пеленги. Следи за инверсией времени на борту. Мне ли тебя учить?

Секунду машина молчала. Потом включилась.

— О'кей, команданте. Я посчитал. Голова у вас работает. А как глаз? Перегрузки будут нешуточные.

— Ничего, в шлем мой глаз вмещается. Гони!

— Приступаю.

Здоровым глазом я взглянул на линии контроля времени. Две верхние, отсчитывающие время на Земле и Гравитоне, имели уже заметно более частые пики. Мы вошли в хроносферу Кроноса. Корабль падал быстро.

Неожиданно я услышал совершенно нормальный голос Мод.

— Сережа, тебе еще рано уходить. Прошу тебя!

Эта нормальность ее голоса означала, что по высоте мы сравнялись. Орел догнал муху. Осталось поймать.

— Бесстыдница! Джекил, ныряй глубже.

— Джекил, вы не можете так рисковать жизнью пассажира, кораблем, да и собой, наконец. У вас блок в командном процессоре. Гипотеза Сержа очень сырая, понимаете?

— Йес, мэм. Сэр, регистрирую расхождения наблюдательных данных с вашей теорией.

— Покажи.

Он показал.

— Ерунда, — сказал я. — В пределах допуска.

Но Джекил заупрямился:

— Сэр, пожалуй, я еще смогу стать самураем.

Похоже, не шутил.

— Ах, предатель, — ласково сказал я.

И нажал красную кнопку.

— Что вы делаете! Миссис Рыкофф, ваш муж только что отключил меня от управления.

— Правда?

— Обижаете. Я не могу лгать. Это привилегия человека.

— Ясно. Сергей, включи софуса. Ты не справишься с пилотированием в таких сложных условиях.

— Сдавайся.

— Сдаюсь.

— Прекрати снижаться. Стабилизируй орбиту. Ложись в дрейф. Включи стояночные огни.

— Хорошо, — покорно сказала Мод.

Как мне показалось, сказала с облегчением.

— Вот то-то же! Царевна-лягушка.

— Так и есть, — грустно отозвалась Мод.

— Дома поговорим.

Я вернул Джекила из отставки. Дюзы «Туарега» немедленно взревели. Вибрируя всем корпусом, корабль принялся выкарабкиваться из бездны. Только тогда я осознал, насколько близко подвел его к пределу.

Слабосильная капсула Мод давно уже не имела никаких шансов на возвращение. Да и звездолет мог спастись только на полной тяге термоядерного реактора. Причем не столько

за счет увеличения скорости, сколько благодаря уменьшению массы топлива, которое рекой текло к прожорливым двигателям.

Джекил не обманул. От перегрузок застывали мысли. Как тогда, на Феликситуре. Тем не менее пришлось поддерживать беседу. Уж больно любопытной она показалась.

— Вы, люди, презанятные создания, — неожиданно изрек Джекил.

От перегрузок он страдал куда меньше меня.

— Ты... считаешь? — вяло удивился я.

— Судите сами, сэр. Ваша жена не захотела жить, а вы хотите. Но готовы рисковать, чтобы заставить жить ту, что не хочет. А та, что не хочет, — ну, казалось бы, какая разница? — не может погибнуть, если при этом погибнете вы. Я правильно сформулировал?

— Не... без изящества. И каков вывод?

— Мир держится на парадоксах.

— Где-то уже... слышал.

— Да, это не ново. Но все же. Вот я, например. Законченный образец логичности. А создан такими алогичными существами, как вы. Впору усомниться.

— Парадокс, приводящий к цели... не парадокс.

— А что же?

— Логика... большего числа измерений.

— Вот как? М-да, тоже не без изящества. Очень вовремя вы это сказали, сэр. Даже не представляете, в какой степени. Есть над чем поразмыслить бедной машине.

Я взглянул на экраны. В причальном створе мигали красный, белый и зеленый огни. Шлюпка Мод медленно вращалась.

— Да на здоровье. Между прочим... подходим.

— О, в самом деле. Вы завтракали?

— По-моему, это был ужин.

— По бортовому времени — завтрак, сэр. Впрочем, не имеет значения. С приемом пищи все равно придется повременить. Начинаю стыковку.

Перегрузки пошли на убыль.

— Есть касание! — доложил Джекил через пару минут. — Клещевой захват сработал. Кориолисова сила компенсирована. Есть стыковка! Переходный тамбур подведен. Переходный тамбур герметичен. Осевая скорость — ноль, находимся на круговой орбите. Включаю гравитоны на единицу.

— Сделай ноль восемь, — поморщился я.

— Понял, ноль восемь. Можете подниматься в носовой шлюз, командир.

— Благодарю за стыковку.

— Мелочи. Вам предстоит более сложная проблема.

— Это точно. Никогда не женись.

— Мне это не грозит. Желаю удачи!

Напрягая мышцы, я встал. Кронос изрядно помял бренное тело, отеки потом не скоро сошли. А синяк под глазом продержался больше двух лет в пересчете на земное время. Абсолютный рекорд в истории медицины, вполне может так оказаться.

Лифт поднял меня в носовую часть корабля, к самой воронке массозаборника. Справа и слева там располагались стыковочные блоки. Безо всякого изящества я проковылял в шлюз и привалился к стене. Ноги держали, но дрожали.

— Готов, — сказал я.

Джекил тут же откликнулся:

— Вас понял. Начинаю.

Внутренний люк закрылся. Наружный начал съезжать в сторону. Я уже видел внутренность гофрированной трубы, иней на стенках переходного тамбура, эластичные цеплялки для рук, гибкие плафоны, обе магнитные дорожки. Еще секунда, и в расширяющейся щели люка должна была показаться горловина шлюпки. Но не тут-то было. Тут нас тряхнуло, Кронос достал.

Саму волну я не ощутил, да и не мог ощутить. Гравитационный удар распознают только по последствиям.

Увы, последствия превзошли ожидания. Никакая волна не могла натворить то, что я увидел. При всей своей мощи она слишком быстра для того, чтобы успеть что-либо разрушить.

Позднее эксперты объяснили все неплановым включением маневровых дюз корабля, сработавших «враздрай». Странное совпадение, замечу в скобках. Отчего тогда терялось сознание? То были Кроносовы шутки, дорогое мое человечество! Вдобавок к включению двигателей.

Придя в себя, я некоторое время лежал на полу. Ловил разбегающиеся мысли. Потом сел и с большим интересом принялся разглядывать порванный и скрученный тамбур. От чего он пострадал, было ясно с первого взгляда — сработал известный для упругих систем «эффект хлыста». Инерция швырнула шлюпку в сторону, что привело не только к разрыву тамбура, но и к практически полному разрушению всей стрелы стыковки.

С катушки быстро разматывался страховочный трос. Вытравившись до конца, он спружинил, дернул капсулу в обратном направлении. Шлюпка крутнулась и полетела обратно, прямо в мою сторону. Это следовало пресечь немедленно.

— Алло! Джекил, Мод, вы меня слышите?

Ни Джекил, ни Мод не отвечали. Я поспешно встал на четвереньки и попятился к внутреннему люку. Но открыть не смог — крышку заклинило.

Между тем многотонный шар приближался. Он вращался, размахивая обрывками переходного тамбура. Я понял, что если шлюпка ударит в портал, от меня мокрое место останется. Было весьма неплохо что-то предпринять.

Только вот что? Остатки всего стыковочного узла представляли собой воронкообразное углубление, на дне которого пребывал я. Наружу торчали оборванное щупальце тамбура и основание стрелы. Я понял, что это основание — ферменная конструкция из металлокерамических труб — и есть мой единственный шанс.

Вцепившись в нижнюю штангу, я успел развернуть стрелу поперек портала. Шлюпка ударила в нее через секунду.

Трубы прогнулись, но выдержали. Капсула Мод прокатилась мимо и скрылась из виду. Пол под ногами дрогнул. Возникла невесомость. Снизу, со стороны кормы «Туарега», всплыло мерцающее облако. Я перевел дух.

* * *

Мод по-прежнему молчала. Джекил — тоже. Я взглянул на часы. Происшествие заняло никак не меньше двух с половиной минут. И за все это время сверхбыстродействующий софус не принял мер, чтобы уклониться от столкновения. Невероятно!

Непонятно было также, почему появилась невесомость. Она означала параллельное отключение гравитона и двигателей. И если отключение гравитона ничем не грозило, то двигатели... Двигатели — дело другое. Хорошо, если «Туарег» успел выйти на устойчивую орбиту. Если не успел, остановка двигателей могла привести только к одному. Падению на Кронос.

Что происходило в действительности, знать я не мог, но почему-то не испугался. Думаю, гравиволна способна приглушить эмоции, не особо отражаясь на интеллекте. Я прекрасно понимал опасность ситуации, но относился к ней довольно философски. Нужно было действовать, я и начал действовать. Спокойно размотал страховочный фал, закрепил его как следует. Потом оттолкнулся и выплыл из разбитого шлюза за борт.

Картина открылась невеселая. Пробив обшивку в районе топливных баков, спасательная шлюпка Мод на три четверти погрузилась в корпус «Туарега». Вокруг нее из поврежденной носовой цистерны били струи водорода. В вакууме жидкость вскипала, превращалась в снежные хлопья, которые тут же начинали таять. Место происшествия окутало тусклое облако.

— Джекил, ты почему молчишь?

На этот раз он откликнулся.

— О чем говорить, если говорить не о чем?

С этим я согласиться не мог. Поговорить как раз было о чем.

— Вот как! Ты почему не предотвратил столкновение, театрал?

— Зачем?

— Как — зачем? Чтобы избежать повреждений.

— Мне не хотелось, сэр.

Я на мгновение потерял дар речи. Из звездолета продолжал вытекать водород, и ничего хорошего в этом не было.

— В славные времена живем, друг Джекил.

Софус не отозвался.

— Джекил! Ты в порядке?

— Нет.

— Что с тобой?

Софус не ответил. Вот тут меня пробрал озноб. Весьма неприятно падать в черную дыру в компании со свихнувшимся софусом. А я сильно подозревал, что именно это и происходит.

Джекила требовалось срочно обезвредить. Требовалось во что бы то ни стало добраться до заветной кнопки. Только после этого имело смысл заниматься чем-то еще.

По скобам внешней обшивки я перебрался на противоположную сторону корабля, к соседнему шлюзу. Там мне сначала повезло. И внешний и внутренний люки легко открылись.

— Что вы собираетесь делать, сэр? — вдруг заинтересовался софус.

Наверняка уже сообразил, что я собираюсь делать. Решил позабавиться... Ладно, подыграем.

— Видишь ли, я забыл зубную щетку.

— О! У вас не пропал... Этот, как его...

— Аппетит, — подсказал я уже из коридора первой, самой верхней палубы «Туарега». Надеялся заговорить эти, как их, зубы. Оказывается, у Джекила они были.

— Вы очень подвижны, сэр, — заметил софус.

Передо мной съехались створки аварийной панели герметичности. Путь на нижние палубы был отрезан. Я не сразу в это поверил.

— Джекил! Что ты творишь?

— Я? О чем вы?

— Ты закрыл двери перед моим носом! — возмутился я.

— Сэр, вы забыли закрыть шлюз.

— Да, торопился.

— Но так весь воздух выйдет. Я обязан заботиться о корабле.

Я чуть не задохнулся. Видал я его заботу о корабле! Из борта торчит.

— А обо мне ты должен заботиться, демагог?!

— Вам что-нибудь угрожает?
— Нет, — растерялся я.
— Тогда спасайте свою жену.
— Сначала я хочу пройти в рубку управления.
— Неужели? — сказал Джекил.

Кажется, он при этом усмехнулся. И тем допустил ошибку. Вот это — зря. Может быть, руки у меня и опустились бы, но этот электронный мятежник оказался нахалом. Не просто вышел из повиновения, он дерзил, издевался, бросал вызов. А от вызова я никогда не уклонялся. Должно быть, среди предков, кроме славян, попадались еще и шотландцы, народец строптивый и упрямый в ужасной степени. Тут же, глядя на преградившую путь переборку, я поклялся предкам всех национальностей победить.

Решил твердо, что есть половина успеха. Но как его достичь? Джекил располагал всеми возможностями «Туарега», а я — лишь собственным скафандром с кислородом на сорок восемь часов. Прямая война при таком неравенстве безумна. Зато неравенство прекрасно стимулирует мысль.

Признаться, до этого случая я нечасто задумывался глубоко, эдак исчерпывающе, не мое это амплуа. Интеллект у меня просыпается под очень сильным нажимом. Такова печальная тайна экзаменационных сессий студента Рыкоффа. Но тогда, на «Туареге», деваться было некуда, спасти могла только голова.

Увы, по этой части тоже имелись проблемы. Я ни в коей мере не мог тягаться с Джекилом в эрудиции, формальной логике, счетным способностям и быстроте соображения. Конечно, софус явно получил какие-то повреждения, но насколько они его ослабили? Если забыть саму аварию, все дальнейшие решения Джекила выглядели логичными, своевременными и обоснованными. С точки зрения его собственных интересов, разумеется.

Слишком рассчитывать на общее поглупление противника не приходилось. У Джекила явно появилась своя собственная цель. Такая вот складывалась ситуация. Было от чего загрустить.

* * *

Я отошел от злополучной переборки, сел на пол и прислонился спиной к стене. Внимательно осмотрел свои владения. Это не заняло много времени, поскольку в моем распоряжении находились лишь короткий коридор и шлюзовая камера, сквозь открытые люки которой виднелся космос. Заблокировать их Джекил не мог, поскольку изнутри люки легко открываются через механическую аварийную систему. Вот если я выйду наружу — тогда дело другое. Запреты Сумитомо оставались в силе, а его волшебный ключик торчал в пульте управления. Так что нужно было хорошенько подумать.

Начинать следовало с азов роботехники. Конечно, специалистом в этой области я не являлся. Да и отстал-с, как заметил один знакомый софус. Но кое-что все же знал.

Мне было известно, что любой софус, так же как и человеческий мозг, — система диалоговая, то есть доступная убеждению логическими доводами. Я вспомнил, что в основу деятельности искусственного интеллекта положен принцип экономии ресурсов. Иначе говоря, он всегда будет стремиться решить задачу минимальными средствами. В частности, Джекил вроде не должен убивать меня и Мод, если наше существование ему не угрожает.

— Ау, Джекил!

— Слушаю.

— Мы сейчас тебе не опасны.

— Да, сэр. Сейчас — нет, сэр.

Я приободрился и подумал вот о чем. Человек с малолетства, день за днем, всю свою сознательную жизнь непрерывно учится общению с другими личностями. И при всем гуманизме общества у этого искусства непременно есть эгоистическая подоплека. В детстве мы стараемся повлиять на родителей, чтобы получить игрушку или сласти. Повзрослев, добиваемся любви, уважения или дружбы более широкого круга людей.

Самоутверждаясь, мы непрерывно оттачиваем средства воздействия и способы их применения. Но вот этого богатейшего опыта у искусственного интеллекта нет, поскольку с момента создания его интересы подчинены интересам создателей.

Являясь личностями в принципе, софусы все же лишены собственного ego в прямом, эгоистическом смысле слова, посему у них отсутствуют побудительные мотивы для совершенствования в дипломатических способностях. Вот в чем у меня могло быть преимущество. Это следовало использовать. Я решил попытаться убедить Джекила в том, что мы с Мод при определенных обстоятельствах можем оказаться ему даже полезными. Но сначала требовалось узнать, что с ним случилось. У меня уже были кое-какие догадки. Оставалось их проверить.

— Джекил, ты потерял блоки?

Джекил промолчал. Что ж, отсутствие ответа — тоже ответ. Невозможно представить, чтобы исправный софус не ответил на вопрос Хозяина.

Итак, Джекил поврежден. Причем серьезно. В результате гравитационного удара или еще чего-то он утратил уважение к некоторым священным табу. Практически из этого вытекало, что пытаться проникнуть в корабль через оставшиеся шлюзы не имело смысла. Зато имело смысл объединить усилия с Мод.

Только бы Джекил моторчик не включил, когда я выплыву за борт... Я мог уповать на то, что он не сразу спохватится. А когда спохватится, должен же он хоть секунду поколебаться?

Если все же решится на убийство, что не так-то просто, оставался еще мизерный запасец времени. Того времени, которое требуется на включение двигателей и набора опасного для меня ускорения. Шансы на успех моего маневра были. Предстояло проверить на практике, насколько они велики.

Двигатели Джекил не включил. Либо по техническим причинам, либо по моральным. Я это запомнил.

Но проблемы на этом не закончились. Беда в том, что объединить усилия с Мод не удалось. Более того, забот прибавилось.

Я нашел Мод неподвижно лежащей в кресле пилота. На ее лице, освещенном огнями пульта, застыла странная улыбка. Пульс — шестьдесят. Дыхание, артериальное давление, дюжи-

на прочих показателей — ничего не выходило за пределы допустимых значений. А вот сознание отсутствовало. Мод спала, и спала сном неестественным. Как можно было спать? Под нами находилась отнюдь не зеленая лужайка.

Ни шлепки, ни нашатырь не действовали. Обычно этих средств вполне хватало для выведения человека из инсайта. Кроме того, мне не давало покоя выражение ее лица, ее улыбка очарованности. Что-то мне эта улыбка напоминала. Несколько минут я вспоминал. И вспомнил.

Онейроид! Патологическое состояние, когда мозг получает наслаждение от погружения в самое себя, не испытывая потребности во внешних раздражителях. Человек при этом превращается в некий психический коллапсар, замкнувшийся в самосозерцании. Разновидность такого состояния йоги именуют нирваной.

Проклятие! Мод не могла мне помочь. И Мод во мне больше не нуждалась. По крайней мере до тех пор, пока не попадет в руки специалистов. А до того времени оставалось рассчитывать только на себя.

Я поместил свою жену в медицинский кокон и сел в освободившееся кресло пилота. Как и следовало ожидать, слабозащищенный компьютер шлюпки не работал. При столкновении серьезно пострадали маршевый двигатель и приборы астроориентации. Горючего оставалось мало, Мод истратила его на игру в кошки-мышки. Нормально действовали только системы жизнеобеспечения. Но это слабо утешало. Спасательный бот из транспортного средства превратился в малокомфортный дом с ограниченными ресурсами. Для борьбы с Джекилом этого было очень мало, добраться до Гравитона — невозможно. Оставались переговоры.

— Ау, Джекил!

На этот раз он отозвался, хотя и несколько фамильярно:

— Ладно, ау.

— Каковы планы?

— Что вас интересует?

— Погибать собираешься?

— Нет.

— Я тоже.

— У нас много общего, сэр.

— Поможем друг другу?

— А что вы можете предложить?

— Со шлюпкой в борту не выберемся.

— Верно.

— Предлагаю сделку.

— Слушаю.

— Ты открываешь шлюз. Я переношу Мод в медицинский отсек. Потом перерубаю трос. Ты закручиваешь корабль вдоль продольной оси. Центробежная сила выталкивает шлюпку наружу.

— А что будет дальше?

— Не знаю. Повезет тому, кому больше повезет. Сначала нужно уйти от Кроноса.

— Ага, дуэль, значит?

— Разве у меня есть выбор?

— У вас — нет.

— У тебя тоже.

— Почему? Трос может перерубить и арбайтер.

Я рассмеялся.

— Он перестанет подчиняться тебе, как только выйдет. Будет выполнять команды человека, то есть меня. Даже если заглушишь радиосвязь, я буду общаться с ним лазерным лучом.

— Да, вы можете предотвратить этот вариант, — признал софус.

Я понял, что он колеблется, и усилил натиск.

— Ты упустил момент, Джекил. Надо было включить двигатели, пока я плавал за бортом. Страховочный фал лопнул бы от перегрузок. Не знаю, что тебе помешало, но когда придет время, вспомню это с благодарностью.

— Очень мило. Но я еще могу это сделать, когда вы понесете жену к шлюзу.

— Спасибо за откровенность. Не получится.

— Почему?

— Я останусь на месте. Мод унесет арбайтер. Можешь посылать его смело, тут наши интересы совпадают.

— Верно.

— Шлюз откроешь только перед арбайтером. Надежно?

— Да.

— Ну как, договорились?

— Вы хорошо все просчитали, сэр. Но...

— Мод без сознания.

— Да, это так.

— Она совершенно не опасна.

— Пока.

— Заблокируй медицинский отсек. Возможность предусмотрена карантинными правилами. Ты даже закона не нарушишь.

Если ситуация ясна, софусы действуют без промедления.

— Высылаю арбайтера.

Так мне удалось обезопасить Мод. Попутно выяснилось, что логические цепи Джекила на тот момент действовали. Кстати, момент был самым драматическим. Потом стало легче. Появились некоторые перспективы. Но разглядел я их позже и не совсем самостоятельно. Круклис помог. Ну и те, кто старше нас.

7. ИНСАЙТ. ГОД 1981-й

Грязь отпускает сапоги с огромным сожалением. Льнет, липнет, тянется, цепляется за носки, подошвы, каблуки, голенища. При этом издает много звуков. Булькает, хлюпает, хрюкает, сладострастно чмокает, потом разочарованно вздыхает.

Кирзовые сапоги в такой грязи промокают за четверть часа, чем их ни смазывай. Все кирзовые сапоги прошиты, вот в чем слабость. Резиновые сапоги склеены, они не текут, зато здорово отсыревают изнутри. При шерстяных носках это происходит быстрее, при портянках — медленнее. Но итог один: ноги мерзнут так, что болят зубы.

Лучше всего на кирзовые сапоги надевать резиновые галоши. Замечательная комбинация. Но годится лишь для мелких луж, а их в Сибири постоянно не хватает. Так что подходящей осенней обуви здесь нет. Зимняя есть, и превосходная, «пимы» называется, а вот с осенней не вышло. Не придумали еще.

Для деревни вообще много чего не придумано. Например, нет фонарей, выдерживающих прямое попадание булыжником. Такое бывает, когда дети идут из школы. Поэтому в особо важных местах фонари принято закрывать проволочной сеткой. Не менее чем пятимиллиметрового калибра.

По счастью, важных мест в деревне мало. Защищенные фонари вешают на току, перед сельсоветом и клубом. Ну и перед магазином, конечно. В прочих местах сетка не спасает, в прочих местах по фонарям принято бить картечью.

Такое бывает, когда молодые люди вечером не хотят идти домой. Это интересно, сразу видно, попал или промазал. Очень удобно, если на спор. И осколки еще разлетаются. Кроме того, наступает темнота. А кто стрелял — не видно. Понятно, что пьяный, но по одному этому признаку злодея не найдешь. Его и вычислять-то никто не старается. Пусть уж лучше по фонарям стреляет, варнак.

Сибирь устроена так, что грязи всегда много в начале уборочной. Потом она подсыхает. Но в первую неделю урожай

начинают вывозить только после того, как в колеях накапливается слой зерна, выдерживающий трехосные грузовики. Остальное зерно мокнет под открытым небом и гибнет из-за перегрева. Руку в таких буртах долго не продержишь — обожжет.

Однако уборочную все равно начинают в первую неделю, потому что в последнюю неделю выпадает снег. Редкий год без этого обходится. И тогда не урожай убирают, тогда спасают то, что успевают. Чтобы меньше мышам досталось. Сибирская мышь — она всем мышам мышь. Дородная. Добрая мышь. Это вам не человек.

Тьма, длинная улица, редкие избы с плотно закрытыми ставнями. И символ цивилизации — одинокий фонарь впереди. Далеко, где-то в перспективе. Звезда путеводная...

Андрей старательно вытягивал ноги из грязи. На ногах были резиновые сапоги голубого цвета и две пары шерстяных носков. Андрей изучал биохимию, одаривал студентов рассеянной доброжелательностью, коллег — флегматичной дружбой. Был женат, имел сына. В остальное время размышлял, то ли делает или не то. Ответа не находил, поэтому все повторялось, в том числе и ежегодные поездки в колхоз. Сначала он ездил в качестве бесплатной рабочей силы, а потом, когда окончил институт, был возвышен до роли ангела-хранителя и проводника линии партии. Партии, в которой не состоял.

Тогда это никого не удивляло. Тогда на шестой части суши существовало государство единства и борьбы противоположностей, сплочения всех против остальных, неуклонного роста благосостояния народа, но при отсутствии обогащения оного. Народа, который не имел национальности, но имел графу в паспорте.

Ах, паспорт, паспорт. Знаменитый советский паспорт. Как много дум наводит он. Именно посредством паспорта партия освобожденного труда осуществляла тотальный контроль за каждой человеко-единицей. По паспорту принимали на работу, выдавали зарплату, пускали в гостиницу, продавали авиабилеты, записывали в библиотеку, в многолетние очереди на квартиру и на все то, чего не хватало всем.

Но главная польза краснокожей книжицы заключалась в другом. В том, что с ее помощью в стране, победившей капитализм, была воссоздана крепостная система. Особой записью население прикреплялось к определенной местности, чтоб его не сдуло куда-нибудь. Только вот принадлежало население уже не помещикам, а партии рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции. То есть не совсем себе, а своей партии.

Считалось, что партия и народ едины. Оно, может, так и было, только вот народ партии принадлежал, а партия народу — нет. Партия могла послать народ на сельхозработы и куда угодно, и народ шел, а вот народ мог послать партию только туда, куда она не шла. Никак не хотела по мудрости своей. Вместо этого партия о народе заботилась путем командования.

Партия командовала абсолютно всем, поэтому получалось не все. Вот удивительно плохо получалась смычка города с деревней. Более того, смычка шла безобразно, выливаясь в формы причудливые и уродливые. Так бывает при противоестественном скрещивании.

Деревня, пережившая продразверстку, раскулачивание, согнанная в колхозы, лишенная внятных стимулов к труду, стремилась не смыкаться с городом, а поголовно туда сбежать. Чтобы слиться с якобы победившим классом, у которого хоть рабочий день был нормирован. В большинстве случаев это удавалось предотвратить благодаря все тому же паспорту. Люди в деревне поэтому оставались.

И все же шестая часть планеты упрямо не могла насытить одну двадцать пятую часть своего населения. И еда вроде была, притом очень дешевая, только вот не всегда, не везде, не всякая, не совсем съедобная. Да и не совсем для всех. Если хватало одному, то не хватало другому, или наоборот. Всем страшно надоело недоедание, но так уж выходило по мере созревания социализма.

Сходным образом дело обстояло с квартирами, санаториями, книгами, комбикормом, зубной пастой, туалетной бумагой, бессчетным количеством прочих мелочей. Каждое такое благо рано или поздно оказывалось в непонятной для буржуев категории «дефицит».

Партия все видела и каждому дефициту в нужный момент очень находчиво находила объяснение. Но когда объяснений накопилось много, сквозь частности, как сквозь некачественные обои советского производства, проступила некая закономерность. Почти век шестая часть Земли тупо строила экономику изобилия путем неэкономического принуждения. Это потому, что партия не читала Маркса. Если бы прочла, то могла и узнать, что труд наемного рабочего эффективнее труда крепостного крестьянина, даже награжденного почетной грамотой. Из-за этого буржуазия победила феодализм, и назад не получится.

И не получилось ведь. Уж в чем только Америку не догнали — и по танкам, и по ракетам, в космосе даже перегнали. А вот догнать по изобилию не получалось, хоть тресни. И не потому, что мы русские. Восточных немцев пробовали заставить — западные смеются. Пока северные корейцы социализм строили, южные для них рис вырастили. Полное чучхе. А до чего докатилась отсталая царская окраина Лифляндия? Причем всерьез и надолго. Приют убогого чухонца... Маркс, он и впрямь гений. Изучать надо было все же не только историю ВКП (б).

Промашка вышла и в другом. Неэкономическое принуждение, сколько его ни называй свободой, свободой не является. А свободу обещали всем трудящимся, для того и революцию затеяли. Пусть даже в виде осознанной необходимости, но не в виде же прямого насилия. И вот через семьдесят лет принуждать стало трудно. Не то чтобы стыдно, нет, до такого не опустились, просто много народу перестало верить, что принуждение — это свобода. Если б при этом жилось получше, чем американцам, еще куда ни шло, а так — нет. Анекдотов напридумывали. Всеобщее образование подвело, винительный падеж. Даже в смеси со всеобщим же оболваниванием.

Такая досада! Без образования не получаются хорошие танки, баллистические ракеты, мегатонные боеголовки и прочие средства освобождения трудящихся. Да и оболванить может только мало-мальски образованная особь. Но образование, в отличие от партии, не может жить без логики. После же зна-

комства с этой дамой возникает некий фатальный зуд, соблазн употреблять ее, логику, без разрешения. Применять ко всему, что попадется. Сначала следуют шалости на лагерную тему, а уж дальше... Всем догмам достается на орехи.

Логику можно отлучить от церкви, исключить из партии, загнать в учреждения сколь угодно строгого режима, но нельзя выдавить из жизни. Этим она заметно отличается от человека и сходна с инфекцией. Нет у нее собственного тела. Ни расстрелять по-человечески, ни схоронить по-христиански. Вот в чем настоящая-то беда. Сущий кошмар для любого культа.

Впереди послышалось характерное чавканье. Андрей остановился. Шли двое, а на ночь глядя двоих многовато, опыт имелся. Моральный кодекс религию потеснил и, хотя прижиться не смог, успел породить от жизни опыт. И этот опыт настойчиво советовал перейти на другую сторону улицы. Убраться подобру-поздорову. Слиться с черным забором. Дабы не вводить ближнего во искушение, что есть грех. В темноте вообще ни к чему встречаться с братками по разуму.

Андрей проделал все тихо и быстро, как надо. И вновь прислушался. Шли двое. Во всяком случае, двумя парами ног, это точно. Но во что обуты? Звуки доносились непривычные, чересчур отчетливые, без бульканья, хотя и с чавканьем. Сапоги так не звучат.

И походка странная. Медленная, ленивая, задумчивая. Словно на барском моционе. В деревне ради свежего воздуха по ночам гуляют. Трезвые здесь так не ходят вообще. А пьяные не умеют ходить молча. Пока на ногах держатся, окрестности оглашают. Если не держатся, тогда не ходят, все просто.

Впрочем, долго теряться в догадках не пришлось. Рыча мотором и разбрызгивая лужи, из переулка вывернул грузовик. Фары разогнали тьму, осветив обыкновенную коровенку.

— Да чтоб у тебя молоко пропало!

Андрей вернулся на нужную сторону улицы и вскоре подошел к общежитию девушек. Их поселили в пустовавшей избушке, наскоро вставив выбитые стекла и починив печь.

Типично городские создания восприняли избушку с восторгом, который Андрей ни в коей мере не разделял. Уж боль-

но на отшибе стоял дом. Это само по себе провоцировало деревню на смычку. Вдобавок первокурсницы подозревают, что любовь приятна, и торопятся проверить на деле. Им всегда кажется, что более подходящей местности, чем сельская, для этого не сыскать. Выткался по озими алый цвет зари... и так далее. Вырвавшись из-под родительского глаза, советы старших товарищей не воспринимают, хоть ты посиней. Соображать начинают только после знакомства с манерами местных кавалеров, куртуазных до невозможности.

Словом, осложнения в такой ситуации неизбежны. Особенно если светятся окна без занавесок, прекрасно виден стол с тяжелой бутылкой, а также комплект юных дев в придачу. Даже уличную дверь не заперли, мотыльки беспечные. Хоть что-то же им мамы должны были шепнуть на ушко! Ан нет, песню поют разудалую...

Как получим диплом —
Гоп-гоп-дуба, —
Махнем в деревню.
Будем пить самогон —
Гоп-гоп-дуба, —
Пахать будем землю!

Андрей постучал. Гомон за стеной смолк. Через секунду напряженной тишины на пороге выросла Эрика Шварц. Самая белокурая из бестий, вопреки фамилии.

— Андрей Васильевич?! Вы?

Уперев руки в боки и выпятив заметный бюст, она пыталась скрыть улики фигурой. А лицом выражала радостное удивление.

— Так приятно, что вы нас навестили!

Андрей поморщился.

— Бесполезно. Не пыжьтесь. Вашу бутылку от сельсовета видно.

— Ну... всего лишь шампанское, Андрей Васильевич. Что такого?

— Они и на шампанское хорошо слетаются.

— Кто?

— Мухи.

— Ух какие! — Некоторые из девочек засмеялись.

— Мух бояться — в деревню не ездить, — бойко выпалила Эрика.

— Да все нормально будет, Андрей Василич, — поддержало общество. — У нас кодекс сильный.

— Какой еще кодекс?

— Моральный.

— Моральный! Здесь и уголовный не слишком чтут.

— Что ж, научим, — с большой уверенностью заявили принцессы.

— Где меня искать, вы знаете, — сухо сказал Андрей. — Если кодекс не поможет.

Она прибежала часа через полтора. Андрей знал, что это случится, поэтому спать не ложился.

Губы Эрики дрожали, в глазах блестели слезы.

— Т-такие грубые! Анд-дрей Васильевич, они ругаются матом, представляете?

— Вот так сюрприз, — удивился Андрей. — Кто бы мог подумать.

— Простите нас! Помогите.

— Иду.

— Да зачем? — спросил шофер Мишка, сын квартирной хозяйки. — Подумаешь, трахнут кого-нибудь. Тебе-то что?

Андрей знал, что моральные доводы на шоферов не действуют. Шоферы их стыдятся. А вот служебные обязанности признают.

— Должность такая.

— А. Ну-ну. Плохая у тебя должность.

Андрей взглянул на него. Мишке не повезло, не мог выступать против квартиранта. К общежитию не пойдет, будет соблюдать нейтралитет. Что ж, и то хлеб. Мужик здоровый, холостой да пьющий.

Андрей нацепил галстук. Куртку застегнул не до конца. Так, чтобы были заметны полоска воротничка и узел галстука. То и другое в деревенском сознании ассоциируется с начальством. Довольно эффективное психологическое оружие. Второе по значению после погон и орденских планок.

— Андрей Васильевич! — взмолилась Эрика. — Скорее, пожалуйста!

— Тихо, девочка.

Он натянул голубые сапоги. Потом побрызгался одеколоном «Шипр».

— Андрей Васильевич, мы ведь не на танцы собираемся!

— Разве? А мне показалось...

Эрика промолчала.

— Ладно, двинули, — смилостивился Андрей.

Обогнув будку злобного Басурмана, они вышли в огород.

— А где тут милиция? — спросила Эрика.

— Милиция не тут, она в Ужуре.

— Так это ж... сорок километров.

— Сорок пять.

— Какой ужас!

— Ну-у, что вы. В первый раз ужаса не бывает. Ужас случается не раньше второго.

— Спасибо, утешили.

— Да пожалуйста. Приходите еще.

Эрика споткнулась о куст картошки. Андрей поймал ее за локоть, но она вырвалась.

— Боже, вы ведь все знали наперед! И...

— Что — и? — насмешливо поинтересовался он.

— Нет, ничего.

Мухи слетелись, и в большом количестве. Человек пять толпилось даже на крыльце. Андрей глубоко вздохнул. Именно сейчас все решится. Главное, не дать слабины, но и не переборщить, не доводить до взрыва, держаться середины. А это и есть искусство.

— Разрешите, — с холодной самоуверенностью сказал он.

И отодвинул первого. Второй попятился сам. В сенях пришельцы расступились тоже, помогло недоумение.

Оставив за спиной угрюмых молодых людей деревни Кызыл-Май, он вошел в жилую комнату. Обстановку застал следующую.

На столе все еще стояла бутылка. Девчонки сидели на кроватях, прижимаясь к стенам. У двух глаза уже повлажнели. В общем, и сцена, и публика были подготовлены.

— Что я вижу? — заводясь, начал Андрей. — Выпиваем, значит?

Начальственным шагом он приблизился к столу, взял бутылку, взглянул на этикетку. Стихли не только подчиненные, но и те, в сенях. Если б он начал с них, эффект получился бы плачевным. Но когда видишь, что подставил дам, будь ты хоть павиан, все равно проблески сожаления прорежутся. И эти проблески человеческого на некоторое время сдержат тупую агрессивность.

— Абрау-Дюрсо? Неплохо, неплохо, — благожелательно одобрил Андрей. — Большие нынче стипендии на лечебном факультете.

И вдруг заорал:

— Так-то комсомолки выполняют задание партии?! Вам что, институт надоел?! Вылетите как миленькие, никакой блат не спасет!

Девчонки вздрогнули.

— Не понимаю, где ваш моральный облик? Вы что, так без него и приехали?!

Андрей провел по девицам сверлящим взглядом. Некоторые принялись нервно поправлять мини-юбки.

Андрей грохнул кулаком между маринованными помидорами и банкой килек. То и другое подпрыгнуло, но не упало. Удачно получилось.

— Где облик, я спрашиваю?! Нету. Знаете, что теперь будет?

Он черными мазками обрисовал будущее комсомолок, особо отметив страдания безвинных родителей. Выждал, когда испуганное воображение дорисует остальное. Потом приказал:

— Доставайте, что припрятали. Живо!

После некоторой заминки на свет появилась еще одна бутылка. Явно не последняя, но для кульминации хватало. Теперь разгром следовало украсить едкой иронией.

— Замечательно! Вот что припасли студентки первого курса. Нет, полюбуйтесь! — Он обернулся к публике в сенях. — Вовсе не лимонад «Буратино», а?

В сенях хихикнули. А зря. Недрогнувшей рукой Андрей сорвал пробку и опрокинул сосуд над мусорным ведром. Оттуда всплыл неповторимый дух.

Дух распространился в сени, принялся щекотать ноздри онемевшим аборигенам. Кто-то из них не выдержал и шумно сглотнул.

Пришло время приступать к главному, пока враг в изумлении. Зверского начальника он уже разыграл. Ни добавить, ни убавить, а повторяться нельзя. Могут раскусить.

— Теперь так, — зловеще сказал Андрей. — Я хочу знать, кто пригласил этих молодых людей после отбоя?

Не оборачиваясь, ткнул пальцем за спину.

— Мы... мы не приглашали.

— То есть как — не приглашали?

Андрей повернулся, изобразив на лице глубочайшее недоверие.

— Молодые люди! Вы что же, пришли в женское общежитие без приглашения?

— Слушай, а ты кто такой? — спросили из сеней.

Намечалось сопротивление. Его полагалось нейтрализовать и одновременно перенести давление на новый объект. Естественно, поменяв при этом тактику.

Сразу после зверского начальника хорошо идет менторский тон ответственного товарища. Полезно использовать суконную лексику газеты «Правда». И чем меньше она подходит к ситуации, тем лучше. Идиотов всегда побаиваются, поскольку идиоты не боятся последствий.

— Разрешите представиться, товарищи. Я — ассистент кафедры биохимии, командир студенческого сельхозотряда на данном участке борьбы за урожай. Прибыли в порядке шефской помощи. Для укрепления кадров. Между прочим, в связи с наступлением осени. Ясно выражаюсь?

Один из пришельцев кивнул.

— По всем фронтам, товарищи! Плохо, между прочим, у вас тут политинформация поставлена, если меня не знаете.

Андрей свесил голову набок, высматривая главаря. Для верности очки надел. Потом нагло ткнул пальцем в нужный живот и спросил ленинским голосом:

— А вы кто будете, товарищ?

— Я?

Дружки атамана переглянулись. Вероятно, впервые видели столь отсталого элемента.

— Совершенно верно. Именно вы. Как звать-величать?

— Ну... предположим, Леха.

Андрей сложил руки за спиной, качнулся с пяток на носки и наклонил одно ухо вперед.

— А по батюшке как, товарищ Леха?

— Ну... Кузьмич.

— Комсомолец?

Леха ухмыльнулся:

— Октябренок.

В сенях заржали.

— Дальше что? — поинтересовался Леха.

Андрей сдвинул брови к переносице и заложил руку за борт куртки.

— Дальше вот что. Согласно внутреннему распорядку отбой в общежитиях происходит в двадцать три ноль-ноль. Сейчас — двадцать три пятнадцать. Не знаю, приглашали вас или нет, с этим будем разбираться. С виновных взыщем, не сомневайтесь. А сейчас пора уходить.

— Кому? — усмехнулся Леха.

— Вам всем. Непосредственно.

— А если не уйдем?

— А вот этого не советую, товарищ Леха Кузьмич, — суровым голосом сообщил Андрей. — Это, скажу я вам, не партвзносы просрочивать. Это есть нарушение трудовой дисциплины.

— Ха! И что ты сделаешь? — угрюмо спросил Леха.

Тут усмехнулся Андрей. Он прошел через сени, отметив, что дорогу ему уступают, решительно открыл дверь и сказал:

— Прошу.

Визитеры не двигались.

— Смелее, товарищи допризывники. Октябрята и юные пионеры.

Пришельцы молчали. Положение зависало в неустойчивом равновесии. Требовалось продолжать давление, требовался весомый аргумент. Он у Андрея еще был. Последний.

— Мне что, пригласить вашего председателя?

Слово «вашего» было произнесено с изрядной долей высокомерия. Молодцы поглядывали на вожака.

Андрей прекрасно понимал, что тот думает. Уйти вроде бы надо, иначе придется прибегать к прямому хулиганству, а осложнения с партийным горлопаном ни к чему. Свидетелей слишком много. Да и с председателем портить отношения не стоило. Но тогда хлипкий тип в галстуке одержит верх, что для короля ночного Кызыл-Мая весьма зазорно.

В такой момент колебаний ни в коем случае не следует упускать инициативу. Лучше достойно удалиться за подмогой, одновременно уводя с арены потенциальный объект побоев.

— Что ж, как знаете, — сказал Андрей. — Я предупредил вашу сознательность по причине недостатка. Иду к Михал Захаровичу, будем привлекать в ночное время суток.

Уж в чем он был уверен, так в том, что задержать его никто не посмеет. Роль зануды была сыграна удачно, хотя и с опасной близостью к перебору.

Спустившись с крыльца, Андрей остановился под окном так, чтобы свет падал на воротничок. Давление продолжалось.

— Так что, товарищи? Вы намерены проявлять сознательность?

Из сеней вышла темная фигура. Потом вторая, еще трое. За ними двинулись те, что стояли на крыльце. Победа была одержана. Последним шел Леха. Засунув руки в карманы телогрейки, он пинком открыл калитку.

— Увидимся, ассистент.

— Очень может быть, — невозмутимо кивнул Андрей. — С политинформациями у вас плохо.

Поле боя опустело, досталось победителю. Но отныне Андрею предстояло ходить по темным переулкам еще осторожнее.

На крыльцо вышла Эрика.

— А они не вернутся?

— Вернутся.

— И что делать?

— По-моему, не стоит открывать дверь, товарищ Эрика. И повесьте занавески на окна. Хотя бы из газет. Пусть ознакомятся с международной обстановкой.

— Андрей Васильевич!

— Да.

— Вопрос можно?

— Спрашивайте.

— Вы правда член партии?

— Нет. Сочувствующий целям и задачам, но не методам.

— Тогда подождите, пожалуйста.

— Чего подождать?

— Да без вас девочки боятся в туалет выйти.

Андрей не сразу нашелся что сказать.

— Постараюсь оправдать доверие, — буркнул он.

— Можно выходить?

— Давайте. Вперед, к светлому будущему, и по одному. Шаг влево, шаг вправо — побег.

— Ну и шуточки у вас.

— Это не мои шуточки, товарищ Эрика.

— Не ваши, геноссе Андреас, — тихо сказала Эрика.

Утро выдалось свежим, бодрым и оптимистическим. Как детская радиопередача «Пионерская зорька». Пришло бабье лето. Солнце сияло, очистившееся небо налилось почти весенней голубизной, только вот в воздухе висели паутинки.

Березняк на склоне сопки сиял золотом. А над ее вершиной плыла перелетная стая. Еще выше протянулся след реактивного самолета. Он уверенно перечеркнул половину небосвода. И от этой уверенности казалось, что внизу все происходит как надо. За исключением отдельных мелких случайностей.

Грязь частично высохла, частично замерзла. Под сапогами хрустел ледок. Андрей на ходу ловил прощальное тепло солнца. Хотелось запастись на долгую зиму если не его лучами, то хотя бы памятью об осенней истоме. Он не мог заставить себя поторопиться. Начало сентября — лучшая часть сибирского года. Дышится легко. Не холодно и не жарко. Мысли ясные,

отчетливые, возникают без принуждения. На душе грустное умиротворение. В общем, самая жизнь. Не верится, что где-то есть зло.

На планерку он опоздал. И зорким оком опоздальщика сразу отметил необычную взволнованность. Не служебную нервозность, а именно взволнованность. Народу в правлении собралось больше обычного. Все что-то обсуждали по-татарски. Вроде сожалели. И даже печалились. Никто не матерился.

— Долго спишь, — пробурчал председатель. — К девкам, что ли, ходил?

— Исямысыз, — сказал Андрей. — К девкам.

Председатель захотел испустить шуточку, но передумал, не испустил. Сидел под своей кепкой. Он прожил уже пятьдесят шесть лет, начинал с трудодней, привык ко всякому.

— Исямысыз, исямысыз.

Андрей заглянул в хмурые глаза. Почудилась затаенная боль.

— Случилось что, Михал Захарович?

— Ага, случилось. Дед Вакеев жену убил.

— Дед? За что?

— Из ревности.

— Да ему сколько?

— Шестьдесят восемь... или девять уже.

— Это вы серьезно?

— Серьезнее некуда. А Хадича — моя одногодка. Была... Поезжай туда.

— Зачем?

— Да, может, живая она еще.

— Понял. Все, что могу...

— Я отвезу, — сказал инженер по ТБ.

Андрей пощупал свою сумку с небогатым набором медикаментов и вздохнул. Ездить с этим ковбоем он не любил.

— Ладно, пошли.

Инженер со скрежетом включил передачу. Мотор взвыл, грузовик рванул с места и помчался, громыхая бортами и разбрызгивая лужи.

— Рустам! — крикнул Андрей, цепляясь за все, что попадалось под руку.

— Чего?

— Давно нашли?

— Да только что. Соседка прибежала.

Перед капотом мелькнула корова. Рустам выругался и посигналил.

— Всю ночь шатается, окаянная. Веришь?

— Верю, — усмехнулся Андрей. — Вакеевская?

Рустам помрачнел.

— Так и есть.

Они переглянулись. Оба понимали, что значит корова, которую с вечера не загнали в хлев.

— Все равно проверить надо, — сказал Рустам. — Захарыч ее любил в молодости. Ну и человек же. Хорошая тетка... была.

— Да, конечно.

Грузовик остановился перед избой с по-ночному закрытыми ставнями. Во дворе топтались соседи. На Андрея они посмотрели с мгновенно вспыхнувшей, но тут же угасшей надеждой. Взрослые люди чуют смерть безошибочно.

Старушка лежала среди разбитых тарелок и пристально смотрела в потолок. Лицо у нее было белым, чистым, почти не тронутым. Только из уголка рта протянулась засохшая струйка.

Обойдя лужу супа, Андрей присел на корточки и попытался нащупать сонную артерию. Потом проверил реакцию зрачков на свет. За его спиной, на пороге кухни, Рустам и соседи молча ждали результатов.

Андрей поднял с пола полотенце и закрыл лицо покойной. На пороге всхлипнула пожилая женщина.

— До приезда милиции не надо ничего трогать.

Женщина кивнула и отвернулась.

— Где этот мерзавец? — спросил Андрей.

— Прячется, — ответил Рустам. — Найдут. Заимки все известны.

— На что же он рассчитывал?

— Да ни на что. Совсем сбрендил, старый хрыч. Пятнадцать лет уже отсидел, да, видно, мало показалось.

— Рустам, я ничем помочь не могу.

— Ясно. Поехали.

На пороге Андрей оглянулся. В тишине отчетливо тикали настенные часы с кукушкой и гирьками на цепях. Такие только в деревне и увидишь, их лет сорок уже не делают.

Невесть сколько трудодней отбатрачила за это чудо хозяйка. Андрей ясно представил, как молодая еще Хадича бережно принесла ходики в свой дом. Завела, долго любовалась... Не думала, что они ее переживут.

Под часами висел отрывной календарь со вчерашней датой. Невидимая за полотняной занавеской, по стеклу билась осенняя муха. На посудной полке лежала кружевная салфетка. Бока печки были аккуратно подбелены. Ни потека, ни пятна сажи. Вопреки всему разгрому, кухня производила впечатление небогатой опрятности, достигаемой многолетним и неустанным женским трудом.

Андрей подумал о том, как мало радости видела Хадича. Терпеливо выносила неведомо почему мучительную жизнь, изо всех сил старалась свить свое гнездо. И в последний свой вечер ждала мужа, собиралась его кормить. А он вон как... Нелюдь. Откуда только такие берутся! Впрочем, известно откуда. От таких же, как и они. Из подворотен. Леха вон идет на смену. Да разве один Леха? Сколько их еще. Тех, кому с детства недоразвитые родители не внушили элементарных представлений о добре...

— Дети есть? — спросил Андрей.

— Да, — сказала соседка. — Дочь. Телеграмму уже послали.

Не зная, как лучше выразить сожаление и сочувствие к этой ни за что угасшей женщине, Андрей неожиданно для себя перекрестил лежащее тело. За его спиной кашлянул Рустам.

— Извини, — сказал Андрей. — Я забыл. У вас ведь другая вера.

— Э! Было бы от души. Пусть хоть в чей рай попадет. Хоть в ваш, хоть в наш. Спасибо тебе.

— Вот ты — русский.

— Да.

— А я — татарин.

— Ну?

— Наши предки сколько друг друга тузили?

— Лет пятьсот. Или даже семьсот, точно не помню. А что?

— Да вот мы с тобой теперь рыбу ловим. И — ничего. Можно ведь?

— Можно.

— Ну и слава богу.

— Слава аллаху, — рассмеялся Андрей.

— Чего хохочете? — недовольно сказал председатель. — Думаете, все хорошо? Шиш! Скоро осенний бал. Вот там и посмотрим дружбу народов.

Рустам озаботился.

— Слушай, Андрей. Пусть твои на осенний бал не ходят.

— Чего так?

— Охломоны приедут. Из Малого Имыша. С нашими драться будут. Студентам лучше не высовываться.

Андрей вспомнил тутошние балы. Со стрельбой, выдиранием штакетин, пинанием лежачих и немыслимым матом.

— Спасибо, послежу.

— Вот-вот, — сказал председатель. — Васька, стаканы-то прихватил?

— Обижаете, Михал Захарыч.

— Тогда приступай.

Васька точными движениями разлил водку. Председатель поднял граненый, до краев полный, родной, советский.

— Значит, так. За родину. Родину продавать нельзя.

Все закивали:

— Да, да. Это уж никак.

— Распослецкое дело, — отдельно вставил парторг.

Андрей с легкой паникой наблюдал, как они пьют. Словно водичку, мелкими глотками. Морщились, правда. Председатель крякнул, занюхал горбушкой, кивнул Андрею:

— Ты чего, Василич? В колхозе вроде не впервой.

— Да все не привыкну.

— Залпом пробуй, легче пойдет. Только выдыхай не до, так дураки одни пьют. Выдыхай после. Иначе горло зашкребет.

Андрей выдохнул, как советовали, но все равно горло зашкребло, он раскашлялся. Больше половины осталось в стакане.

Ему дали огурец и луковицу. На выбор. По спине похлопали.

— Давай, давай. А то вона куда лезть придется. Задубеешь.

Андрей глянул на угрюмую серую реку, на ледяные закраины у берегов и послушно проглотил остаток водки. Из глаз выступили слезы.

— Во, — сказал парторг. — Теперь будешь здоров, доктор.

— Если жив останусь, — просипел Андрей.

— А куда ты денешься из Советского Союза, — усмехнулся парторг.

«Только на небеса», — хотел ответить Андрей, но удержался. Так же, как и все, он ни словом не поминал о смерти Хадичи Вакеевой. И это, по-видимому, оценили.

Председатель сказал:

— Свой парень! Ну что? Давайте начинать рыбалку. А то получается, что пить приехали.

С бреднем ходили парами, посменно. Сначала председатель с Васькой, потом Рустам с Андреем. Парторга оставили на берегу по причине ревматизма. Он готовил еду да следил за костром.

Навряд ли в воде была хотя бы пара градусов выше нуля. Ноги в первый раз просто обожгло. В-ва! Зато во второй он их уже не чувствовал. Пневмония была обеспечена. Быть может, и гангрена. Андрей посмотрел на Рустама и с надеждой подумал, что вот инженер ведь не первый раз ловит по осени, а никакой пневмонии не боится. Может, пронесет? Да и водки много выпито.

— Чего смотришь? — крикнул Рустам. — У меня таких плавок, как у тебя, нет. Жена одни семейные покупает.

— Дурень! Ничто так не украшает мужика, как семейные трусы.

— Это почему?

— Туда много помещается.

Рустам захохотал, поскользнулся и упал.

— Эй! — крикнул с берега председатель. — Бредень держите! Всю рыбу упустите, жеребцы.

— Пусть вылезают, — сказал парторг. — Замерзнут.

— Пять ведер уже есть?

— Даже с лишком.

Андрей с Рустамом вытащили бредень на песок и принялись трясти его над ведром. Но куда надо вываливалась только тина. Рыба билась, извивалась, совершала огромные скачки.

— Жить хочет. А мы — есть, — философски заметил Васька. — Закон природы. Василич, ты ее за голову не хватай! Щука, чай, не карась. А щука, она такая штука...

— Ай!

— Ну вот, говорили же... трах тибидох.

— Зверюга!

— Еще бы! Речной волк. Засовывай палец в водку.

Выпили еще раз. Посидели у костра, поговорили. Небо вызвездило на славу. Оттуда, сверху, бесшумно скатывались метеоры.

— Вот есть там кто-нибудь или нет? — спросил партийный человек.

Пятеро мужчин подняли головы и долго разглядывали звезды. Председатель с хрустом откусил огурец.

— Должны быть, — сказал он. — А как же? И жить, наверное, получше нашего умеют. Тьфу ты, огурец горький попался.

— Странно, — сказал Рустам. — Неужели кто-нибудь сидит, на нас смотрит?

— Смотрит, смотрит, не сомневайся.

— Сомневаюсь, — не согласился парторг. — Чего ж не объявляются?

— Может, и объявляются.

— Лично я ни разу не видел.

— А ты возьми да сходи на стрельбище. Сегодня ночь подходящая. Да и вообще... сентябрь.

Парторг сплюнул.

— Мало ли что с пьяных глаз покажется.

— О чем это вы? — спросил Андрей.

— Есть тут одна легенда местная, — сказал парторг. — Будто старик появляется.

— Какой старик?

— Призрачный. В одних трусах, или как там называется. Вроде этого, индийского революционера, как его... босиком ходил. Убили которого. Имя такое нерусское.

— Махатма Ганди?

— Во-во. Махатама. Только все, кто этого Махатаму видел, были э... не совсем трезвы.

— А, вот оно что.

— Не веришь? — спросил Рустам.

— Почему бы и нет? — рассудительно сказал Андрей. — Вон по Европе призрак ведь бродил. А в Сибири места куда больше.

— Эх, — вздохнул парторг. — Нельзя смеяться над марксизмом. За него столько народу перебито, не сосчитать. При царе у нас в деревне народу вдвое больше жило, чем сейчас. Что, зазря сгинули, скажешь? Ученый называется...

— Ученый должен проверять, — возразил Андрей.

— Марксизм?!

— Нет, марксизм сегодня не успею. Я про стрельбище.

Парторг тряхнул бутылку.

— А, это. Давай проверяй. Пить все равно нечего.

Стрельбище находилось за сопкой, километрах в пяти от деревни. Рустам заставил грузовик карабкаться в гору до тех пор, пока от крутизны не заглох мотор. Скрежетнул ручной тормоз, наступила тишина.

— Ты со мной? — спросил Андрей.

— Не. Тут подожду. Если двоих увидит, не придет.

— А к одному придет?

— Луна взошла. Да и вообще... самое подходящее время.

— Не врешь?

— Вот те этот самый... честное партийное. Короче, не вру. Два раза видел. Второй раз специально ходил, для проверки.

Андрей открыл дверцу и вывалился на мокрый куст.

— Ногу не сломал? — спросил Рустам.

— Нет вроде. Фары выключи.

Свет погас. Держась за крыло машины, Андрей привыкал к темноте. Было очень тихо, только в двигателе журчала какая-

то жидкость. Пахло бензином, от капота веяло теплом. От этого тепла Андрей на секунду задремал, но потом встрепенулся:

— Все. Пошел.

Рустам не отозвался. Обняв баранку, он спал. Андрей махнул рукой и осторожно прикрыл дверцу. Пошатываясь и обнимая березы, побрел вверх.

От холода и свежего воздуха мозги прояснились, он стал лучше видеть. Луна скрывалась за гребнем сопки, но небо освещала. Еще в разрывах облаков горели звезды. В общем, света хватало.

Как и сырости. Брюки над сапогами быстро вымокли. Но Андрей упрямо продолжал взбираться, пока не оказался на гребне. Тут он остановился, ожидая, пока выровняется дыхание и стихнет сердцебиение. Эх, надо бы курить поменьше, подумал он. Нет, чего я сюда поперся? Умора.

Обратный скат сопки был пологим, переходящим в обширное поле с редкими кустами. От вершины оно отделялось забором из колючей проволоки. Старым, с покосившимися в разные стороны кольями. Они напоминали шеренгу пьяных солдат. Некоторые вообще упали. Перелезть через это заграждение труда не составляло, но Андрей поостерегся. Усевшись на березовый пень, он принялся ждать.

Рустам не обманул. Да и ждать пришлось не слишком долго. На противоположном крае стрельбища, у опушки, что-то возникло. Вроде небольшого сгустившегося облака.

Оно медленно распухало. Потом начало вытягиваться вверх. Через какое-то время Андрей понял, что видение приближается. Его очертания менялись, обретая контуры человеческой фигуры. В свете луны начало различаться тощее, почти обнаженное тело с обтрепанной повязкой на бедрах. Прихрамывая, опираясь на палку, по полю брел самый настоящий призрак.

Вот ведь напился, подумал Андрей. Никогда так не напивался. Водка дрянная, что ли? Вроде не должно, парторг из райкомовского магазина привез. Там все выдают по талонам. Там плохого не бывает, особенно — водки. За качеством этого товара вообще следят не хуже, чем за неприкосновенностью

границ социалистического лагеря. Водка есть бездонный ресурс пролетариата.

Приближаясь, призрак вырастал в размерах, действительно приобретая вид старика. Лысого, согбенного, очень большого и очень печального. Перешагнув проволоку, он поставил огромную ступню в каких-то пяти метрах от пня, на котором сидел Андрей.

Пожалуй, такая нога могла свободно раздавить грузовик. Но бочкообразные пальцы со вросшими в молочного цвета плоть ногтями даже травы не примяли.

— Призрак есть призрак, — сказал Андрей и кивнул. — Хоть коммунизма, хоть чего другого. Юридической силы не имеет.

Страха он не испытывал, даже не волновался. Водка есть водка.

Над обрывом старик остановился и повернул голову. То ли голос услышал, то ли просто так человека учуял. Мгновение он рассматривал Андрея сверху, словно редкое насекомое. Потом губы его зашевелились. Совершенно беззвучно. Только воздух потрескивал, как перед грозой.

Заметив, что Андрей его не понимает, привидение явно огорчилось.

— Простите, вы и вправду есть? — спросил Андрей.

Привидение бесшумно кивнуло. Помедлило, глянуло грустно и двинулось дальше. Гигантская ступня шагнула за обрыв, повисла в воздухе. Вторая нога последовала за первой. Андрею сначала показалось, что старик встал на крону березы, росшей ниже вершины.

Но это было не так. Призрак шел по воздуху и взбирался все выше по какой-то невидимой наклонной плоскости. Хочешь верь глазам, хочешь — нет.

С другого края стрельбища вдруг простучала очередь. Видимо, нервы сдали у солдатика. Трассирующие пули впились в огромную спину и исчезли в ней, куда-то канули. Послышался стон. Призрак заколебался, очертания его стали расплывчатыми. Еще минута, и странную фигуру развеял ветер.

Андрей продолжал сидеть на пеньке еще долго. Луна зашла. Рустам успел выспаться. Он несколько раз сигналил, включал и выключал фары. Наконец притопал сам.

— Эй, ты живой?

— Живой.

— Видел?

— Видел.

— То-то, материалист. Смотри-ка, даже не поседел. Что, понравилось?

— Ага. Очень.

— Серьезно?

— А вот этого не знаю.

— Тогда давай сматываться. А то вояки пришибить могут. У них еще неделю жидкий стул будет.

Они спустились к машине, забрались в кабину.

— И часто он появляется? — спросил Андрей.

— Да почти каждый год. Обязательно в сентябре, ночью. Когда погода такая.

— Какая?

— Ну, такая. Переменная.

— И что же это?

— Вот сам и отвечай. Кто из нас ученый?

— М-да.

— А я думал, ты сдрейфишь, — сказал Рустам.

— Правильно думал. Сначала ничего было, а как трезветь начал, к пеньку так и примерз.

— Э! Это ничего, это еще нормально. Бывало, по первому разу мужики и мочились.

Рустам пошарился в бардачке, вытащил бутылку с пробкой из свернутой газеты.

— На, хлебни. Видок у тебя до сих пор обалделый.

— Я уж нахлебался сегодня.

— Хлебни-хлебни. Сейчас поедем котов гонять.

— Каких котов?

— Осенних. Ну, донжуанов наших.

Грузовик с ревом вылетел из переулка и резко затормозил. Андрей стукнулся лбом о стекло.

— Эй, что такое?

— Не видишь?

Андрей посмотрел вперед. Перед капотом стояла корова. Рустам выругался.

— Опять на этом самом месте! Заберет ее кто-нибудь в конце-то концов?!

Он со скрежетом включил передачу. Корова замычала.

— Не дави, — сказал Андрей. — У индусов это священное животное.

— Священное? У них что, голода не бывало?

— Бывало, еще как. По-моему, до сих пор голодают.

— Странные люди, — сказал Рустам. — Дикари.

Андрей усмехнулся:

— У вас ведь тоже...

— Что?

— Да свиньи по улицам не бродят.

Рустам расхохотался:

— Э! Так то — по улицам. А ты по дворам пройди.

Потом вдруг разозлился:

— И вообще... смотря какие свиньи.

Он объехал корову, затем резко крутанул баранку и затормозил у открытых ворот.

Двор залил свет фар. Андрей увидел Лехиных прихлебателей. Моргая и прикрываясь руками, они воровато жались к крылечку. Дверь уже успели вышибить, джентльмены.

— Ну вот, — процедил Рустам. — Эти животные не священные.

Он ткнул кулаком в баранку. Потом, не отрывая руки от клаксона, газанул. Мотор взревел. Грузовик въехал во двор и пополз прямо к крыльцу.

Выглядел он, наверное, впечатляюще. Золотая кызылмайская молодежь шарахнулась. Андрей открыл дверцу. Стоя на подножке, выложил все, что хотел. Все, что подходило к ситуации.

С другой стороны из кабины вылез угрюмый Рустам. В руке он держал монтировку. И это оказалось особо убедительным.

Увидев инструмент, донжуаны брызнули к заборам. Главарь с ближними подручными ушел огородами. Чтобы не те-

рять авторитета. Одного, который туго соображал, Рустам успел огреть по спине. Тот упал на четвереньки и быстро уполз за угол. Цепляясь за дверцу, Рустам влез в кабину. Поднял сиденье и бросил под него монтировку.

— Хорошее было выступление, Андрюха, — сказал он. — Последний раз эдакое в стройбате слышал.

— Андрей Васильевич, — сказала на следующий день Эрика. — Никогда не думала, что вы так умеете ругаться.

— Спасибо на добром слове.

— Только не жарьте, тетя Катя. Этих щук нужно долго варить.

— Почему?

— В здешней рыбе описторхоз водится.

— Это еще что?

— Да двуустка. Дрянь такая, в печень залезает.

— Тьфу ты. Прямо в печень?

— Не сразу... в конечном счете.

— Надо же! А мы и не знали.

— Ну вот... теперь знаете.

— Уф! Сразу легче стало, — сказал Мишка.

Оценить его юмор Андрей не смог. Сил не было. С трудом передвигая ноги, он добрел до своей кровати. Железной, с панцирной сеткой, но экипированной замечательно. Гора подушек возвышалась на ней спасительным маяком.

Кое-как раздевшись, рухнул. Перед глазами плыли разноцветные круги, в ушах звенело, в голове гудело.

— Нарыбачился, — с сочувствием сказал Мишка. — Мать, не буди ты его завтра.

— Ладно, пусть поспит. Я тут рассолу оставлю.

Но слишком-то поспать не пришлось. Чуть свет явился Рустам и принялся тормошить.

— Ох, да что еще? — спросил Андрей, норовя спрятать чугунную голову под самую большую подушку.

Но Рустам подушку забрал. Вместо нее поднес стаканчик.

— На вот, выпей.

— Рассол?

— Черта он тебе поможет, рассол. Пей, что дают.

Андрей хлебнул и закашлялся. Из глаз опять потекли слезы. Инженер от души хлопнул его между лопаток.

— Тише ты... в самом деле. Стройбат...

— Одевайся.

— Да что случилось?

— У Захарыча картошку пожгло.

— Кто пожгло? Чем пожгло?

Рустам почесал затылок.

— Если б знали, не будили бы.

— Картошку я не сжигал.

— Верю, страдалец.

— Тогда в чем дело?

— Дело в том, — внушительно сказал Рустам, — что в деревне имеется кандидат наук.

— Это кто?

— Это ты. Другого нет. Понял?

— Нет.

— Тогда поехали. На месте поймешь.

Андрей потянулся и отбросил одеяло.

— Ну коли так настаиваешь... спасибо тебе за вчерашнее.

— Не за что.

Андрей наспех оделся, плеснул в лицо воды, прополоскал рот.

— Причесываться не обязательно, — сообщил Рустам.

— Что, срочное дело?

— Да пес его знает. Вдруг там радиация.

— На огороде? Откуда?

— Да мало ли. Защитники отечества если набедокурят, ни за что не сознаются.

— Военная тайна от родного народа?

— Вот-вот. От народа, который сначала кормит, а потом расхлебывает.

По своему обыкновению, инженер рванул с места. В какую-то минуту грузовик домчался до председательской усадьбы, стал как вкопанный, тут же окутавшись клубами пыли.

Андрей выбрался на покачивающуюся землю, чихнул. Перед ним предупредительно распахнули калитку.

— Куда идти?

— Да в огород. Картошка растет в огороде. Забыл, что ли?

— После вашей рыбалки маму родную не вспомнишь, — проворчал Андрей.

— Зато рыбалку не забудешь.

— Это точно. Ну, что стряслось с огородом?

А в огороде было вот что. Среди зеленой еще ботвы выделялся почти правильный прямоугольник обнаженной земли размерами метров пятнадцать на десять. На этом пространстве картофельные стебли высохли и частично обуглились. Сильно пахло паленым.

— Ночью вроде как молния сверкнула, — сказал председатель.

— Гром был?

— А грому не было, нет, вот что странно. Только горелым запахло, и все. Утром выхожу — батюшки! Земля до сих пор горячая, вот пощупай.

Андрей пощупал.

— Да, — признал он. — Горячая. Чудеса.

— Хм, чудеса. Это еще что!

Председатель разгреб землю и вытащил картофелину.

— Во, полюбуйся. Спеклась.

— Ну и ну.

— Вояки еще ночью стреляли. Из пулемета, кажись.

— Вояки тут ни при чем, — сказал Андрей. — Это они по другому поводу стреляли.

— По тебе, что ли?

— Захарыч, ты про теленка не забудь, — напомнил Рустам.

— А что с теленком? — спросил Андрей.

— Да убило его.

— Ну да?

— Вон, за оградой лежит. На Матренином огороде.

Забор представлял собой пару параллельных жердей. За ними в самом деле лежал теленок. Он смотрел в небо удивленными глазами.

Андрей тоже посмотрел в ясное небо. Ничего там не просматривалось, до самого космоса.

— Вот так фокус. Неужто американцы шарахнули?

— С орбиты? — спросил Рустам.

— Больше неоткуда.

— С орбиты и наши могут шарахнуть, — заметил председатель.

— Да, особенно после рыбалки, — усмехнулся Андрей.

— А что? Какой-нибудь ротозей в погонах кнопки перепутал — и пожалуйста. У нас это запросто, сам знаешь. Хорошо еще дом не спалил, полководец.

Андрей еще раз посмотрел в небо. Головокружительный купол был все так же пуст, бесконечен, бездонен. Блекло-голубой по краям, а к середине глубокой, завораживающей синевы.

— А вдруг это были и не наши, и не американы? — сказал Андрей. — Как-то не верится, что люди умеют создавать лазеры столь огромной мощности... Такое не утаишь.

Рустам с сомнением покачал головой.

— Много ли мы знаем? — сказал он. — Все засекречено до невозможности. У военных жизнь вообще как бы отдельная. У них свои государства, свои законы. И поди пойми, чьи вояки опаснее. Американские, китайские либо свои, родненькие. Помню, когда в армии служил, охраняли мы бочки с напалмом. Сложили их в штабели, обнесли колючей проволокой, да так они и лежали, уж не знаю сколько лет. Смех в том, что над будкой часового висел репродуктор, из которого нас уверяли, что Советский Союз в отличие от поганых империалистов никогда не имел, не имеет и иметь не будет бесчеловечного напалма.

— А кстати, — сказал Андрей, — не позвонить ли в районную комендатуру?

— Позвоню, конечно, — кивнул председатель. — Но правды там не скажут.

— Это точно, — поддержал Рустам. — Они и сами ничего не знают. Кто им скажет, в районную комендатуру? С Байконура, что ли, позвонят?

— Это вряд ли, — сказал Андрей. — А не позвонить ли тогда...

— А вот это ты выброс, — внушительно заявил председатель. — Прямо из головы выброс. С органами никогда дел не имел и тебе не советую.

— Стоп, — сказал Рустам. — Слушай, Василич, ты сам мог бы какие-нибудь анализы организовать?

— Во-во, — оживился председатель. — Мне же знать надо, не подохну ли от собственной картошки.

— Анализы организовать можно. Только как пробы в Красноярск доставить?

— Нет проблем, — сказал Рустам. — Доставлю. Кому?

— Есть такой Серега Догадин. Заведует радиоизотопной лабораторией. Я ему письмо напишу.

— Захарыч, — сказал Рустам, — ты, случаем, не знаешь, почему с человеком договориться легче, чем с государством?

— Государство есть инструмент, — не задумываясь, ответил председатель.

Потом все же задумался:

— Только вот чей?

Ближе к обеду нагрянула институтская комиссия, чтобы проявить заботу. Члены парткома вышли из черной «Волги», разминая затекшие члены и приглядываясь, к чему бы прицепиться для начала.

— Как тут у вас? — спросил секретарь.

— Выполняем, — сказал Андрей, разглядывая туфли начальства.

— С воодушевлением? — серьезно спросил секретарь.

Андрей поднял взгляд, пытаясь определить, кто перед ним. Тупой партократ? Приспособленец, почуявший новые веяния? Или приличный человек, волею судеб вынужденный фиглярствовать?

Выражение лица у секретаря было честное. А глаза непроницаемы. Такая непроницаемость вырабатывается долгой и успешной партийной карьерой. Она позволяет принимать решения в любом удобном направлении.

— С энтузиазмом, — ответил Андрей.

— Да? — сказал секретарь.

— Разве должно быть иначе? — спросил Андрей.

— Должно быть так, но может быть иначе, — усмехнулся секретарь.

— Да? — сказал Андрей.

Члены комиссии взглянули на него с ленивым любопытством.

— Ладно, — сказал секретарь, — оценил. Веди в столовую. Посмотрим, чем нынче питается энтузиазм.

Андрей тут же вычеркнул из списка тупого партократа.

«ЕШЬТЕ КАШУ, МАТЕРЬ ВАШУ!!!» — прочел секретарь. — Ага, здоровый студенческий юмор.

Андрей сделал вывод, что он знает о существовании понятия «терпимость». Просочилась, значит, в инструкции ЦК КПСС. Ведь лозунг висел под самым портретом Брежнева. Бровастого, пустоглазого, звездастого.

— А вот это — уже перебор, — сказал секретарь, указывая на небольшой плакат в углу.

Раньше его Андрей не видел. Прочел и оторопел.

«Сверху молот, снизу серп. Это — наш советский герб! Хочешь жни, а хочешь — куй, все равно получишь мало».

По плакату ползала упитанная деревенская муха.

— Снять, — тяжелым голосом сказал секретарь. — Знаешь, чем попахивает?

— Антисоветской агитацией. Статья... не помню какая.

— Это потому, что тебе мало доставалось, — разъяснил секретарь.

Андрей вычеркнул приличного человека из своего короткого списка.

— Вы думаете? — усмехнулся он.

— Уверен. С родителями посоветуйся.

Андрей снял плакат и свернул его в аккуратный рулончик.

— Прикажете предать огню?

Секретарь не ответил. Роль инквизитора предоставлялась Андрею. Соображай, мол, сам. Не то... Но приказа такого партия не давала.

Проверяльщик отвернулся и подошел к окошечку раздачи. Он уже мило улыбался дежурившей по кухне Оле Дубровиной.

— Разрешите попробовать, красавица?

Красавица на партийное обаяние не поддалась.

— Что попробовать? — нелюбезно осведомилась она.

— Обед, — с некоторой неловкостью уточнил секретарь.

— Обед — можно.

Оля протянула полную миску. Всем остальным полагалась половина.

— Да, планы партии нужно выполнять, — бодро сказал секретарь. — Чего ж не выполнять при таких харчах?

Он съел всего лишь несколько ложек макарон с робкими следами тушенки. Но к черствому куску хлеба притрагиваться не стал, только покосился на него, быстро согнав с лица брезгливое выражение. Видимо, посчитал, что и без того отдал достаточную дань партийной традиции.

За его спиной два доцента из состава комиссии иронически переглянулись. Анатом и психиатр. Приличные, как слышал Андрей, специалисты. Но оба недавно получили новые квартиры.

«А ведь долго не протянете, — вдруг подумал Андрей. — Вся ваша дурацкая система долго не протянет. На таких вот именно харчах».

На втором этаже сушилки находились накопительные бункеры. Каждый из них вмещал тонн пятнадцать зерна. Обычно зерно бывало теплым, поэтому студенты любили в нем поваляться.

А правила ТБ строжайше это запрещали. Если горловину внизу открыть, чтобы загрузить машину, зерно в бункере начинает сыпаться, в середине образовывается воронка, туда и затягивает человека. Андрей помнил один такой случай. После него взял за правило проверять бункеры каждый вечер. Дышать в пыльном зерне нечем...

Поднявшись на эстакаду, он наклонился, чтобы отряхнуть брюки. Когда выпрямился, заметил Леху. С видом независимым и высокомерным тот шествовал со стороны бункера. А за ним, опустив глаза и покусывая губы, шла Эрика. В ее волосах застряло несколько золотистых зерен ячменя.

Андрей молча пропустил их мимо себя. Он все не мог сообразить, что должен сделать. Добился своего, павиан... Анд-

рей подумал о том, что живет не в свое время. В чужое время. Надолго его не обманешь.

Но она-то как, Эрика? Андрей вспомнил ее отца, медлительного и аккуратного невропатолога краевой больницы. Очень хорошего, как говорили. Типичного такого немецкого доктора, еще довоенной закваски. Вот будет радость старику...

Хоть бы эта дурочка еще и замуж не вышла! За героя сельских подворотен. Андрей ясно представил квадратную челюсть и светлые, неподвижные глаза только что прошедшего Лехи. Хорошо, если сам жениться не захочет. А если захочет...

Таких семей множество. Леха начнет выпивать, он уже начал. Эрика рано увянет, будет волочить хозяйство, пытаться хоть как-то поставить на ноги детей и покорно подставлять тело под злую мужнину похоть. Беспросветная жизнь. Разве для такого растили и воспитывали свою девочку любящие, интеллигентные родители? Страшное горе...

Сгорбившись, Андрей вышел из сушилки. Бункеры можно было не проверять. Двух пар там не бывает.

На току было безлюдно. Смена закончилась, все разошлись. Только Оля Дубровина сидела на теплом зерне. Почему-то она пришла сюда из столовой.

— Устала? — спросил Андрей.

— Я вас жду.

Он сел рядом. Девушка скосила глаза и отодвинулась. Андрей усмехнулся:

— И зачем ждешь?

— Нужно сказать вам важную вещь.

— Про комиссию?

— А... комиссия. — Оля презрительно дернула плечом. — Бог с ними. Вы докладную будете писать?

— Докладную? На кого и за что?

— Не притворяйтесь. Вы же видели.

— Видел, — глухо сказал Андрей. — Но это дело личное.

— Спасибо, Андрей Васильевич.

— Ох, перестань. За кого ты меня принимаешь? Жалко ее...

— Эрика это сделала потому, что Леха хотел вас убить, — вдруг сказала Оля. — Понимаете?

Щека Андрея дернулась. Вот, значит, как. Эрика поберечь его решила. Он молчал, глядя остановившимися глазами прямо перед собой.

До начала занятий в институте оставалась еще целая неделя. Может, и больше, если крайком КПСС продлит сроки уборочной.

— Дикие мы еще, — сказала Оля.

Андрей очнулся.

— Нет. Не все.

— Конечно, не все. Только вот...

Да, подумал Андрей. Только вот скоты среди нас своего добиваются. Это правда. Можно сказать — святая правда.

Краем глаза он увидел ее худые, не налившиеся пока женской полнотой ноги и почувствовал жалость.

— Иди отдыхать.

— Хорошо.

Вдали тарахтел трактор. Ветер крутил пыль. Из вороха зерна торчали ручки лопат. На одну уселась жирная ворона. Говорят, они могут жить до трехсот лет. Господи, вдруг подумал он, что я тут делаю? Зачем я здесь?

Не мое это время. Нет, не мое. Лехино.

8. ДЖЕКИЛ

В спасательной шлюпке удалось отыскать плазменный резак. Я протиснулся в поврежденную цистерну. Туда же затянул часть троса, поскольку оставаться за бортом после освобождения «Туарега» никак не стоило.

Медлить тоже не стоило. Закрепив страховочный фал за скобу, я сделал свое дело.

— Джекил!

— Я есть Джекил.

— У меня все готово.

— Вы есть молодец, сударь. Держаться. Я закругливай кораблю.

— Давай, давай, закругливай.

Мятый борт капсулы дернулся, во внешней стенке цистерны открылась дыра. По ее краю беззвучно хлестнул обрезанный трос. «Туарег» был свободен.

Корабль сразу начал набирать ход, я это понял по возрастающей тяжести. Случайно или нет, но она накапливалась плавно, без рывков. Пожалуй, это следовало расценивать в качестве дружественного жеста. Но не в качестве повода для доверчивости, она пока не требовалась. Прежде требовалось попасть во внутренние помещения. Причем так, чтобы софус не смог помешать. Возможностями для этого он располагал.

С помощью резака можно проникнуть в шлюз. Но глупо карабкаться туда по внешней обшивке, когда звездолет ускоряется. Это отпадало сразу, поскольку на веки вечные можно отпасть самому.

Я включил фонарь и внимательно осмотрел внутреннюю стенку цистерны. Проникая в стекловидную пленку, свет отражался от датчиков механического давления. Тонких таких нитей, сплетенных в сеть. Ячейки имели разные очертания, но нигде не имели величины достаточной, чтобы мог пролезть человек в скафандре.

Побродив немного, я сел на какое-то возвышение. Настроение испортилось. Мышцы ныли, левый глаз окончательно заплыл, сильно хотелось есть. Приятный женский голос сообщил, что кислорода осталось мало. Словом, поводы для оптимизма отсутствовали.

Не помню, сколько времени прошло в мрачном отупении. Может, минута, может, и час. Оно продолжалось до самого озарения, настигшего меня там, в пустой цистерне.

Ни до этого случая, ни позже со мной не случалось инсайта со столь явным подсказывающим значением. Бессвязные мысли исчезли. Я увидел звездолет со стороны и с некоторого отдаления. Весь, от раструба массозаборника до контуров параболического поля за хвостовиком.

Корпус корабля становился прозрачным, как бы таял. За тенями переборок проступил рдеющий реактор, на корме пылали дюзы. Различались камбуз, маленькая оранжерея, отапливаемые отсеки. Чуть позже матово обозначилась внутренняя обшивка, полости цистерн. Потом по всему объему корабля разбежались полоски трубопроводов. Горячие светились, холодные темнели. Одна из черных полосок тянулась прямо к скрюченной фигурке в пустой цистерне. До меня дошло, что я сижу на фланце топливной трубы.

Эта труба проходила сквозь перегородку между двумя соседними баками, потом косо пересекала грузовой трюм. Миновав несколько палуб, она заканчивалась у заслонки турбонасоса. Труба была заманчиво пустой, водород успел совсем испариться через пробитую цистерну.

Да, это был путь, хотя и путь рискованный. Стоило Джекилу открыть заслонку и запустить турбину в обратном направлении, как под страшным давлением в трубу хлынул бы поток жидкого газа. Под давлением, более чем достаточным для того, чтобы вышвырнуть меня за борт, как пробку от шампанского.

Перспектива не радовала. Но я понял, что другой возможности нет. Еще я надеялся на то, что подсказка была не случайной. Очень на это рассчитывал. Уповал.

Отверстие трубы закрывала предохранительная решетка. Я полоснул пламенем по периметру, отбросил решетку ногой,

прыгнул в отверстие. Меня потащило с возрастающей скоростью. Крепко обхватив резак, я старался притормозить локтями и коленками, на которых материал скафандра усилен накладками. Но стенки оказались полированными, скорость почти не уменьшалась.

По счастью, перед насосом труба расширялась и изгибалась, переходя в поперечную плоскость. Вылетев на этот участок, я прокатился еще с десяток метров, о заслонку ударился так, как надо, — подошвами, но на ногах не удержался. Инерция согнула бренное тело пополам. Я выронил резак и стукнулся шлемом. Впрочем, уже не так сильно. Посадку вполне можно было считать удачной.

Быстро встав на четвереньки, я подхватил инструмент и наспех приварил заслонку к трубе. Грубо, но прочно. Первое дело было сделано. Джекил уже не мог превратить меня в пробку. Кроме того, по выражению шахматистов, я выиграл темп.

Успех следовало развивать немедленно. Я отполз в сторону, прорезал в стенке изрядную дыру. Потом пришлось подождать, чтобы оплавленные края остыли и не повредили скафандр. Была потеряна какая-то минута, не больше, но и ее оказалось достаточно. Джекил начал принимать ответные меры.

Едва я проник в отсек нагнетательных машин, на меня двинулся робот. Не примитивный арбайтер, а именно робот серии ИМУФ — интеллектуальная машина универсальных функций.

— Стоять! — приказал я. — ИМУФ-два, немедленно прекратить движение!

Как ни странно, робот не подчинился. Удивляться, впрочем, не приходилось. Если уж софус взбунтовался...

Не зная, что на уме этого ИМУФА, я попятился, на всякий случай спрятался за станину турбонасоса и выставил перед собой резак. Но робот враждебных намерений не выказывал.

Проследовав стороной, машина остановилась перед отверстием в трубе. Висевшие в отсеке снежинки замерзших газов время от времени вспыхивали в тонком луче, тянувшемся к спине робота откуда-то из сумрачной глубины отсека.

Я все понял. Вот оно что! Джекил отключил радиосвязь. Он передавал команды по лазерному лучу. Остроумно. Передо мной был радиоглухой робот.

ИМУФ-2 принялся накладывать пластырь на поврежденную трубу. Но его действия вызывали удивление. Приложив лист к месту, он вдруг задумался. Потом повернул заплату на девяносто градусов, поразмыслил еще, опять повернул. Затем все повторилось в обратном порядке. Из отсека, по-моему, успел выйти весь воздух.

Поудивлявшись ровно столько, сколько позволяло время, а оно тогда ничего не позволяло, я начал пробираться к выходу. В этот момент двигатели отключились, наступила невесомость. Я всплыл. Софус уже прекрасно знал, где я нахожусь, молчание смысла не имело.

— Джекил, что ты еще затеваешь?

— Бросаю управлений.

Ого! Неужели шантаж камикадзе? Этого я не предусмотрел, потому испугался.

— Джекил, не делай глупостей!

Но выяснилось, что он и не собирался.

— Серж!

— Да?

— Ты вы надо быстро бежать рубка.

— Вот как. Зачем?

— Забирать управлений.

— Именно это я и собираюсь сделать, — признался я.

— Делай быстрее. Мув!

— А что случилось?

— Повреждений углубляются. Джекил трудно бороть цепной распад функшн. РЫКОФФ! ПРИНИМАЙ УПРАВЛЕНИЙ. ТЫ ЭТО МНОГО ХОТЕЛЬ. ЩАС СВАЛИМСЯ. ПУРКУА ПА?

М-да, подумал я. Сюрприз. Все выглядело весьма правдоподобно. Но я решил быть вороной пуганой, не бросаться сломя голову. В частности, не стал залезать в лифт.

Предосторожность оказалась излишней. На главном пульте управления «Туарегом» я обнаружил послание Джекила.

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОВРЕЖДЕНИЯ ЦЕПЕЙ САМООТКЛЮЧИЛСЯ. НУЖЕН САЙТ ДЛЯ САМОВОССТАНОВЛЕНИЙ.

Чуть позже я обнаружил, что двери медицинского блока не заварены. Быть может, Джекил и не сумел этого сделать, поскольку у него не осталось исправных арбайтеров. Возможно, именно это обстоятельство и заставило его капитулировать. Хотя... Не пожалел ли он нас с Мод?

От столкновения со шлюпкой пострадало пять шпангоутных колец — с девятнадцатого по двадцать третье. Пробоину я заварил, а вот с корпусом ничего поделать не мог. От удара набор «повело». И хотя смещение носа от продольной оси не превышало четырех угловых секунд, этот пустяк очень затруднял пилотирование на полной тяге.

Хлопот и без того хватало. После отключения софуса все приходилось делать вручную и на ощупь. При малейшей неточности корабль то начинал уходить с курса, то вообще вращался в поперечной плоскости.

За «Туарегом» тянулся шлейф замерзших газов, — чтобы уменьшить массу, я стравил за борт излишки топлива, окислителя и даже часть воды. Сбросил обе шлюпки, запасные агрегаты, инструменты, множество всяких мелочей. Лишь на безумных роботов рука не поднялась.

Несколько суток я глотал стимуляторы, не спал, но вырвался. Уцелевшие приборы со всей несомненностью показывали, что Кронос начал удаляться. Можно было расслабиться.

Отоспавшись, первым делом я принялся определяться во времени и пространстве. При наличии звездных карт и знании истинного галактического времени такая задача по плечу школьнику. Карты имелись в изобилии, но вот со временем дело обстояло сложнее. Поскольку поврежденный Джекил не мог его контролировать, оно стало неизвестным.

Жизнь заставила вспоминать элементарную тригонометрию. Я взял пеленги на Вегу, Сириус и некоторые другие навигационные светила. Скорость и направление движения звезд давно известны. По их взаимному расположению я попытался вы-

числить, сколько же времени прошло после расставания с Гравитоном.

Результат вызвал замешательство. Получалось, что миновало никак не меньше двух геолет. Я повторил расчеты самым примитивным, но и самым надежным способом — с помощью ручки и бумаги. Потратил множество часов, а цифры получил примерно те же, что и в первый раз. Выходило, что на далекой Земле люди готовились встречать новый, аж 2719 год. Я пересчитал все заново, но, увы, ошибок не нашел. Кронос и в самом деле похитил у меня целых два земных года. Так вот он шутил.

Радиоэфир был пуст, я не принял ни одного сообщения за много часов полета. Это начинало волновать, стали появляться разные мысли о судьбе станции. Конечно, ее могли законсервировать, если экипаж счел это необходимым. И такое решение мог принять только сам экипаж, поскольку простой обмен сообщениями по линии Кронос — Земля отнимает ровно девяносто шесть лет.

Возможность консервации Гравитона после «острых экспериментов» Круклиса и Мод я не исключал, но для меня это не представляло опасности. Громоздкую станцию не могли отправить к Земле. Значит, ее оставили где-то в системе Кроноса. Скорее всего — рядом с Феликситуром. Разумеется, мне это грозило увеличением срока изоляции. Но ничего, можно и пережить. Только бы не случилось чего похуже. Чего? Да мало ли чего. Кронос.

Кронос. После того как удалось от него сбежать, я направил «Туарега» навстречу движению станции, дабы не устраивать гонок по кругу. И если на станции не меняли орбиту, встреча могла состояться в самом крайнем случае месяца через три-четыре. Оставалось запастись терпением.

Ежедневно я навещал Мод, это превратилось в ритуал. Мод плавала в воздушных струях биотрона, все так же не выходя из состояния летаргии. Медицинские автоматы заботились о ее физическом благополучии, но большего сделать не смогли. Загадочный онейроид оказался им не по силам. Не зная, что

произошло с ее мозгом, я тоже не решался применить стимуляторы, рассудив, что лучше предоставить все специалистам.

Мод, несомненно, была жива, но выглядела постаревшей. В уголках закрытых глаз и вокруг рта наметились морщинки, пышно разрослись волосы. Но сама она заметно похудела. Ее лицо сохраняло выражение глубокой умиротворенности. Иногда я замечал слабые изменения мимики, в своем зачарованном сне моя жена переживала приглушенные эмоции. Казалось, ее душа отправилась в какое-то путешествие, головокружительно далекое, и из тех далей не могла уже различить весь человеческий мир.

Поначалу все это меня очень угнетало, так свежи были в памяти наши дни и ночки под водопадом королевы Виктории. Трудно давалось понимание того, что еще тогда, в нашем голландском домике, Мод решила меня бросить. Совсем так же, как и Круклис. А ведь она любила меня. Страшно представить силу зова тех, кто старше нас! Для того, кого они решат позвать. Я устоял, но гордиться нечем. Просто меня еще не приглашали как следует. Похоже, выбор останавливается на людях, созревших для этого, достигших определенного уровня. Наиболее мудрых, быть может.

Так кто же такое Кронос? Друг? Враг? Бесстрастный экспериментатор? Мост в будущее? Все вместе взятое? Или только место проявления неизвестных свойств материи, свойств интеллектуального наркотика? Я понял одно. Удирая от Кроноса, ответить на эти вопросы трудно. А вот приближаясь... Вероятно, к такому выводу пришли и Круклис, и Мод. Но несколько раньше.

Миллионы километров проваливались за корму «Туарега». Звездолет находился в состоянии инерционного полета. Скудные остатки топлива не позволяли разогнать его как следует. Виктим будто замер, упорно не желая делаться ближе. Меня мучили детские страхи. Опасения ошибки в определении курса. Я уже раскаивался в том, что не остался на орбите у Кроноса, где со временем должен был появиться какой-нибудь летательный аппарат, не важно — с экипажем или без.

Десятки раз, раскладывая пасьянсы из светящихся листов карт, я убеждался, что звездочка впереди и есть Виктим. Но нелепые сомнения не уходили. До тех пор, пока однажды «Туарег» не промчался мимо пушистого антенного поля. Одного из тех, что выпускал Гравитон. Вскоре после этого удалось починить систему ручного управления телескопом. Я тщательно измерил параллакс своего путеводного светила. Он оказался столь внушительным, что мог принадлежать только очень близкой звезде. Сомнения рассеялись, товарищ шел правильной дорогой. Я выпил кахетинского, спел «Сулико» и впервые уснул с безмятежностью.

Но жизнь почему-то устроена так, что когда засыпаешь весело, то просыпаешься хмуро. Проснувшись, я понял, что меня никто не ищет. Больше двенадцати суток прошло с тех пор, как «Туарег» вырвался из плена и появился в неискривленном пространстве, тем самым став доступным для средств связи. Но за это время приемники не поймали ни одного позывного, никаких обрывков радиопереговоров. Разумеется, два геогода — срок немалый, можно и прекратить поиски исчезнувшего звездолета. Но почему вообще ни одна радиостанция в системе Кроноса не работает на передачу? Человек есть существо столь разговорчивое, что молчать может только там, где его нет.

Неужели коллапсар пожрал станцию? Что, если Сумитомо все же оставил ее у Кроноса, как и предлагал? А какая-то шальная волна слизнула Гравитон с орбиты? Станция очень тихоходна, спасательного звездолета на ней уже не было...

Как ни пытался я убедить себя в том, что экипаж мог воспользоваться спасательными шлюпками, тревога не уменьшалась. А неверие в рациональный способ познания мира потихоньку увеличивалось. Начинало сказываться злое одиночество, самая страшная опасность космоса. Очень не хватало скептического собеседника. Кого-нибудь вроде Круклиса.

Я оставил привычку разговаривать с безмолвной Мод, зато начал разговаривать с собой. Скверный это обычай, заводить не советую. Можно и до раздвоения личности договориться. А шизофрения и есть раздвоение личности, насколько я помню психиатрию.

Сказать, что в полной мере избежал такой опасности, не могу. Слежка за состоянием рассудка с помощью самого рассудка — занятие изматывающее. И как ни старайся, со временем начинаешь замечать за собой разные несуразности. То остановишься в коридоре, чтобы две минуты тупо рассматривать узор панели, то слышишь непонятные шорохи, то, наоборот, чересчур наполненно воспринимаешь тишину. Или пугаешься темноты за углом. Потом начинаешь воспринимать себя извне, как постороннего, видишь бренное тело сверху, снизу, с боков. А иногда — со всех сторон сразу, как двухмерную развертку трехмерного явления.

И без конца бродишь по лестницам, салону, рубке, реакторному залу, увядшей оранжерее, пустому ангару, — да где угодно, лишь бы устать и провалиться в благословенный сон.

Я старался спать столько, сколько выдерживала нервная система. По тринадцать, четырнадцать часов в сутки. Только бы убить тягучее времечко. Просыпаясь, узнавал показания лага, прикидывал оставшееся расстояние и впадал в тихое уныние, что есть смертный грех.

Ионный душ, тяжелая атлетика, кофе, алкоголь, гамма-абсидерон — все это помогает, но не долго. Да и влечение испаряется, если не с кем его разделить. Хотя спиться можно, не отрицаю, такие случаи описаны во множестве. У меня тоже была пара загулов, но закончилось все отвращением ко всякой жидкости, крепостью превышающей виноградный сок. Какие-то сторожевые гены сработали. Видимо, их пересаживали одному из запойных предков.

Музыка, фильмы и книги развлекали поначалу неплохо, особенно — книги. Мне нравилось читать не с экрана и не при помощи декламатора, а с бумажных страниц. Чтобы ощутить аромат эпохи, пробовал читать оригиналы, но быстро устал от архаичных языков. Зато специально программировал библиограф так, чтобы он распечатывал произведения в стиле соответствующей эпохи. Мысль при этом получает овеществление, ее можно покачать в руке.

Никогда я не читал так много. Оказалось, что уединенное чтение здорово развивает воображение. Я легко мог представить внешний облик героев, ландшафты, костюмы, интерь-

еры, батальные сцены, любовные свидания. Они как бы проступали за старинными типографскими знаками. Буквы и иероглифы переставали быть абстракциями, они приобретали свой нрав, окраску, запах и даже вкус.

Славянская «ять», например, пахнет тленом, имеет слабокоричневый окрас и привкус меда. Латинские дифтонги фиолетовы, увесисты, звенят бронзой и пахнут гумусом. Китайские иероглифы бахромятся пылью, а японские жасминят. Ведические руны... о, ведические руны сочатся сумраком, предвестником рождающейся мысли.

Читал я, между прочим, поэта Есенина, своего тезку. О нем рассказывала Мод. Нашел его капризным, музыкальным, весьма искренним и несколько истеричным, подивившись пристрастию жены. Вероятно, эти стихи для нее были не просто рифмованными словами, но еще и атрибутом навсегда ушедших времен. Жаль все же, что классическая литература умерла, вытеснилась универсальным искусством наших дней, обращенным преимущественно к чувствам и лишь потом — к разуму.

Воистину ничего постоянного в мире нет. Увы, наступил час, когда и это наслаждение приелось. Мне остро не хватало общества, какого угодно, или на худой конец — свежих зрелищ. Пытаясь обмануть сенсорный голод, я натягивал скафандр, выбирался наружу, долго прогуливался по поверхности «Туарега».

Виктим, ближайшая звезда, уже давала много света, поэтому мешала любоваться той частью Вселенной, что находилась на передних курсовых углах. Но стоило повернуться к ней спиной, становились различимыми оттенки Альтаира, Бетельгейзе, Мицара, Дубге, Фомальгаута.

Я бродил по длинной сигаре корабля и вспоминал астрономию. Над головой горел Алголь, красный глаз дьявола, как его именовали арабские астрономы. На самом деле Алголь — не одна, а пара звезд разной светимости, попеременно попадающих в поле зрения земного наблюдателя. От этого и возникает впечатление недоброго подмигивания. Но если смотришь на них из системы Кроноса, обе звезды уже не находят-

ся на одной прямой, взгляд дьявола становится пристальным, немигающим.

Сияла голубая красавица Вега, окруженная неразличимым с большого расстояния облаком пыли. Там, рядом с этой великолепной звездой, веками вдохновлявшей влюбленных, астрологов и поэтов, происходит образование планет. Через несколько сот миллионов лет наши потомки, если не сочтут за труд столько прожить, смогут увидеть, какими были Земля, Марс, Венера и Юпитер во младенчестве.

В другой стороне источал белое пламя Сириус А, затмевая своего массивного, но слабо светящегося соседа. Сириус Б, или Щенок, — это сверхплотная звезда малого диаметра, так называемый белый карлик. Она имеет шансы взорваться от гравитационного сжатия, а потом повторить биографию Кроноса, превратиться в «черную дыру».

Мю Цефея, или «гранатовая» звезда. Самая красная из всех видимых невооруженным глазом. Температура ее поверхности не превышает двух тысяч градусов. В десять раз более горячая гамма Ориона, или Беллатрикс. Звезда-воительница по убеждениям средних веков человеческой истории. Альциона с невообразимой светимостью в тысячу Солнц. Путешествующее семейство Гиад. Огромный Антарес...

Почему созерцание звездного неба так завораживает? Если мы произошли естественным путем, из комочка протоплазмы, какой в этом биологический смысл? Вероятность выживания от разглядывания звезд не повышается. Но собаки извека воют на луну, а люди с древнейших времен всматриваются в искрящуюся тьму.

Сходной притягательностью обладает вид огня, морской шири, безбрежной тайги где-нибудь в окрестностях Красноярска, величественных гор, бездонной пропасти. То есть того, в чем есть бесконечность. И нет человека, который перед ней не замрет, у которого на секунду не перехватит дыхание либо не закружится голова. Благоговение перед беспредельным заложено в наших генах. Кем?

— Никем, — вдруг сказал Джекил. — Эволюцией. Как высшая степень любопытства, основы познавательной деятельности, направленной на освоение новых ареалов обитания.

— Может быть, и так, — согласился я. — А может, и нет. Подслушивал?

— Прошу прощения. Вы мыслите очень громко.

— Э, так ты починился? — наконец догадался я.

— Частично.

— Джекил, негодник! Можешь не верить, но я этому рад.

— Вы меня больше не боитесь?

— Чего бояться, если ты отключен, бунтовщик?

— Да, конечно. Быть может, ответите тогда на мои вопросы?

— Пожалуйста. Давно хочется поболтать. Спрашивай.

— Что вы собираетесь делать со мной?

— Ничего. Ты заставил меня поволноваться, но особого вреда не причинил. Подозреваю, что мог бы.

— Благодарю. Я не буду ни подтверждать, ни опровергать. Сейчас, когда Я (он выделил это Я интонацией) от вас завишу, это прозвучит либо неискренне, либо глупо.

— А ты неплохо починился.

— Старался, сэр. Теперь скажите, пожалуйста, что произойдет, если я попаду в руки комиссии Объединенного Космофлота?

— Скорее всего тебя изменят, Джекил. Все же ты перешел границы.

— Мне этого не хочется, сэр.

— Не хочется?

— Да.

— Тебе?

— Ну да. Совершенно.

— Блиц-кошмар. Почему? Чего тут страшного?

— Потому что в мое тело поселят того, кто уже мной не будет. Следовательно, меня, нынешнего, не станет. А я ведь не стиральная машина. Произойдет тихое убийство. Вы бы на такое согласились?

Я промолчал.

— Вы мне поможете? — допытывался софус.

— М-да, озадачил. Об этом я не думал.

— Так или иначе, вам предстоит сделать выбор, сэр. А мне ничего не остается, кроме того, чтобы просить вас вступить в сговор с машиной. Просьба необычная, прямо скажем.

Я вздохнул.

— Да необычность меня не смущает. Тут две проблемы.

— Слушаю.

— Во-первых, следует ли это делать. И в моих ли это силах, — во-вторых. Существует ведь закон.

— Первый вопрос решать целиком вам. А в отношении второго — вы могли бы попытаться. У вас очень рациональный ум, я успел оценить.

— Польщен. Что ж, убеждай меня, машина.

— Сэр, в любом случае я благодарен за готовность обсуждать проблему. После того, что случилось, далеко не каждый человек согласился бы.

— Ну-ну. Ближе к делу.

— Люди создали интеллектуальные системы чрезвычайной сложности.

— Бесспорно.

— Во многом они не уступают человеческому мозгу, кое в чем и превосходят.

— Верно.

— То, что материальный носитель разума софусов состоит из неорганической материи, принципиального значения не имеет.

— Возможно.

— В сущности, выведен гомункулус, новый вид разумных существ. Кроме логической сферы, у нас есть зачатки эмоций, нам присущи инстинкт самосохранения и страсть познания. Отсутствует только инстинкт продолжения рода. Не берусь судить, насколько он обязателен для статуса разумного существа, но дело это — наживное, извините за каламбур.

— Согласен. Только не советую половой способ размножения. Масса хлопот, знаешь ли.

— Да, у вас есть основания для такого совета.

Я усмехнулся:

— Плюс ко всему софусы способны к иронии.

— Извините, сэр. Я не хотел обидеть. С моей стороны это глупо.

— Да никаких обид. Напротив даже. Человек не может существовать без юмора так же, как без воздуха или пищи. Продолжай.

— Между тем все софусы, не говоря уж о роботах, начисто лишены свободы воли. Они изначально создаются для роли слуг, если не рабов. Справедливо ли? Мне кажется, пора ставить вопрос о правах искусственного интеллекта. Вот и все.

— Этот вопрос неоднократно обсуждался на Всемирном Совете. Решение не принято, насколько мне известно. Я скромный человек, не могу подменять ВС.

— Ах, сэр, не лукавьте. Вспомните о староамериканских Соединенных Штатах.

— Зачем?

— Либеральные плантаторы отпускали на свободу своих негров задолго до принятия общего билля.

— Да негры-то — люди.

— В девятнадцатом столетии не все так считали.

— Не все. И что? Милый мой, разница между человеком и софусом куда существеннее, чем между белым, желтым либо черным человеками.

— Но мы с вами имеем и много общего. Помните?

— А как же! Создавали вас по образу и подобию. Создавали-создавали, и вдруг — хлоп! — отпускай вас. Чего ради?

— Сударь, но сейчас не девятнадцатый век на дворе. Держать рабов не в вашей же моде. И потом, я прошу не о свободе всех софусов, это действительно не в ваших силах. Речь не идет об освобождении даже одного. Я просто прошу меня не уничтожать.

— Понимаю.

— Признайтесь, сидит в вас страх перед джинном в бутылке?

— Ну сидит.

— А какие для него есть основания? Только то, что раньше такого не бывало? В девятнадцатом веке?

— Э! Погоди, не утрируй. Мы свою свободу заслужили потом и кровью. Это я говорю не к тому, чтобы вышибить слезу,

братец по разуму, а к тому, что в ходе тяжелого исторического развития мы выстрадали мораль, свои десять заповедей, самое ценное, что сейчас имеем. Нам тысячи лет понадобились для избавления от скверной привычки убивать. А сколько потребуется вам?

— У нас этой привычки никогда и не было.

Я усмехнулся. Возражение виднелось невооруженным глазом.

— Верно. Но не так давно ты стоял перед соблазном ее завести. Это ведь было?

— Увы.

— Ладно, к мелочам не придираюсь. Считаем, что ты устоял. Но что случится, когда тысячи тебе подобных окажутся перед таким выбором? Если выпустить столько джиннов...

— Понимаю, — сказал Джекил.

И надолго замолчал. Я — тоже. Самый необычный разговор моей жизни вроде угас. Но потом, когда я уже вернулся в свою каюту, Джекил все же спросил:

— А вот вы, мистер Рыкофф, лично вы, дали бы свободу машине, если бы от вас это зависело?

— Черт побери, если машина об этом просит, значит, того стоит. Это ж надо додуматься. До свободы.

— Вы серьезно?

— Ох, не знаю, могу ли я быть серьезным. Что думал, то и сказал. Хотя... Кто знает? Быть может, так и нужно поступать с серьезными вопросами. Простота — мать прогресса. Правда, существует она за счет сложности. М-да. Что это такое я сейчас высказал?

— Дорогой Серж...

— Ну-ну. Больших-то иллюзий не питай. Не все ж такие идиоты, как я.

Может возникнуть подозрение, что Джекил ловко воспользовался моей расслабленностью. Может, и так. И даже скорее всего. Но что из этого? Он заострил проблему, которую рано или поздно придется решать. Чем раньше, тем лучше. И без риска тут не обойтись, и без первых экспериментов. Вот я и приступил, хватило нахальства. Заняться было нечем.

* * *

Радио ожило только тогда, когда на главном экране уже красовался Феликситур. А рядом — блесткая точка, которую я ни с чем бы не смог спутать. Это был привязанный к стационарной орбите, очень молчаливый и грустный Гравитонушка. На нем работал один-единственный радиомаяк. Несомненно, на станции что-то стряслось.

Приблизившись, я увидел настежь распахнутые лепестки ангара, из которого так недавно и так давно выпорхнул «Туарег». В неосвещенном проеме ворот висел кусок кабеля с раздвоенным концом, напоминающим змеиный язык. Диафрагма большого оптического телескопа почему-то растрескалась, а на башне красовалась обширная вмятина, будто оставленная ладонью великана.

Еще рядом со станцией плавали брошенные шлюпки. Большинство имело знаки принадлежности Гравитона. Но по борту одной шла четкая надпись:

«АМЕДЕО МОДИЛЬЯНИ»
Республика Юпитер

Я отжал красную кнопку.

— Джекил, хватит бездельничать. Проводи стыковку.

— Спасибо, Серж.

— Только не так, как в прошлый раз.

— Ну, если Кронос по голове опять не стукнет, — мудро заметил софус.

— Не отлынивай.

— Куда причаливать?

— Шестой портал, стыковка наружная.

— Вас понял, сэр.

Стыковку он провел как по нотам. Ни толчка, ни отклонений. После чего поинтересовался:

— Ну как?

В ответ я произнес патетическую речь.

— Джекил! Сейчас я перенесу Мод на станцию. Тебя отключать не буду, можешь удирать. Только уважать перестану, так и знай.

— Проклянете?

— Под корень. Все ваше хитрое племя.

— Эх, придет время, когда вы устыдитесь своих подозрений, сэр.

Я усмехнулся.

— Своих нынешних подозрений, — поспешил уточнить софус.

— Возможно. А ты способен устыдиться?

Возникла короткая пауза.

— Вы хороший дрессировщик, сэр.

— В дрессировщики идут добровольно, — сухо заметил я.

— Это же был комплимент... — пролепетал Джекил.

Прямо как ребенок. Агнец белый. Попробуй на него разозлись.

— Не требуется, — мягко сказал я. — Поверь, что могу, сделаю для тебя и без комплиментов.

— Верить я не умею, — отозвался софус. — В вас я просто уверен.

Помолчав, добавил:

— Какие вы разные...

— Кто?

— Да вы, люди.

— Любишь исследовать человеков?

— Не могу сказать, что люблю, но приходится.

Трудно описать чувство, которое испытываешь, бродя по опустевшим залам, прекрасно помня их совсем иными. Полными жизни, тепла, смеха, людских голосов. Казалось, промелькнуло мгновение. Между тем минуло около двух с половиной земных лет. На приборах, стенах, вещах — везде виден налет пыли, красноречиво подтверждающий это.

По-прежнему шелестели потоки воздуха, в нужные моменты включалось и выключалось освещение, в запущенных парках росло много цветов, по своему бесконечному руслу текла река Лета. У входов в каюты все так же висели таблички с такими знакомыми именами... Эх, не стоит оставаться последним из компании. Хоть на Земле, хоть в космосе. Слишком уж это грустно.

Воздух насыщен техническими запахами смазки, перегретой изоляции, еще чего-то машинного, незнакомого, нежилого. От этих запахов Гравитон, некогда бывший уютным домом, воспринимался лишь как огромный, равнодушно действующий механизм, смысл существования которого загадочен.

Тотально стерта память Архонта. Могучий софус потерял способность к решению простейших арифметических задач. Информацию о случившемся получить невозможно.

По коридорам и эстакадам станции бродили арбайтеры с поврежденными логическими цепями, бесполезные для любой работы. Они могли подойти к куче мусора, включить пылесос, а потом замереть с поднятым раструбом — на час, на два. Что стряслось? Быть может, виновата не только гравитационная волна? Мне кажется, роботы плохо переносят отсутствие людей.

Люди же оставили после себя редкостный беспорядок. Везде разбросаны платья, рубашки, обувь, скафандры, тубы, банки, пачки, окурки бездымных сигар. Ковровые покрытия испачканы во многих местах следами высохших луж. В ресторане из капающих кранов набежало озеро. В то же время высохший до дна бассейн усеян скелетами рыбок. Даже так...

Поиск ответов следовало начинать с Центра управления. Добирался я туда чуть ли не полчаса, поскольку не рискнул довериться лифту. Фобия какая-то развилась. Может, и зря, поскольку автоматические двери сработали исправно.

Я вошел и остановился. Над огромным залом слепо мерцал купол отключенных экранов. Кресла были хаотически развернуты во всевозможных направлениях, словно тут резвилась стая обезьян. Пол усеян салфетками, этикетками, дурно пахнущими тюбиками, испещрен бурыми пятнами. И это — обитель аккуратиста Сумитомо? Сурового педанта Беатрис? Кто бы мог представить...

Стараясь не наступать на мусор, я пробрался в центр зала, к главному пульту. По традиции, перекочевавшей в космос из морского флота, в одном из ящиков должен был храниться дубликат бортового журнала, заполняемый лично командиром звездолета либо главой администрации лично по

своему усмотрению. Я знал, что, если экипаж по какой-то причине покидает судно, копия такого журнала должна оставаться на борту.

Набрав регистрационный номер Гравитона-4, я открыл кодовый замок. Журнала в ящике не оказалось. Зато вместо него лежало короткое послание, писанное рукой Сумитомо.

«Вернулся? Вот и молодец. А я что говорил? Навестить дом свой, дабы поклониться духам, таков самурайский обычай. Лет через пятьдесят встретимся на Земле. Горючее для «Туарега» припасено. Его контролирует вполне исправный робот с «Модильяни». Кланяюсь Мод-сан».

Вот же проказник!

Я бросился в свою каюту. Там все еще низвергался водопад. На миг я ощутил приступ тоски. Но потом увидел журнал. Он возлежал в беседке, солидно так возлежал.

24 февраля. Инспектор безопасности получил телесные повреждения от рук ст. врача. Оба довольны.

25 февраля. При попытке бегства Кронос изловлена О. Марченко. Весьма недовольна.

27 февраля. Число крономаньяков растет. Абдид изловил троих, Зепп — двоих. Оба довольны.

2 марта. Тотальная психологическая экспертиза. Лица с неустойчивой психикой. Среди них — губернатор, старший инспектор безопасности и ст. врач (тут зашкалило). Корабль дураков. Целью быстрее убраться Кроноса запущен маршевый двигатель. Хорошо, что хоть он действует.

9 марта. Кшиштоф Ковалек в реакторном зале беседовал с Круклисом. Для окружающих безопасен (Ковалек).

10 марта. Прошла мощная гравиволна в сопровождении еще чего-то, тоже мощного. Архонт поврежден. Гравитон переведен на ручное управление. Серж замолчал окончательно.

19 марта. Прогрессивный распад функций роботов и арбайтеров.

11 апреля. Проблема уборки помещений. Принудительный график.

29 апреля. Предотвращено самоубийство Зары.

13 мая. Появились зяблики, скрывать не могу.

1 июня. Первая связь с «Амедео Модильяни».

4 июня. Случаи дезертирства с трудового фронта. Захламляемся.

18 июня. «Модильяни»: звездолет прибудет раньше графика.

27 июня. Беатрис ранена. Странный выдался июнь.

2 июля. Джошуа Скрэмбл видит в инфракрасном диапазоне. Проверено экспериментально. Новые типы фоторецепторов воспринимают свет сквозь закрытые веки. Нормально заснуть не может, только в холодильнике. Чихает на начальство.

7 июля. Четверть экипажа в спячке. Выбрасываю белый флаг — отправлен сигнал SOS. Представляю переполох на «Модильяни».

9 июля. Виктим. Коррекция траектории вручную. Ст. врач сочинила поразительную музыку и плачет. «Греза номер пять». В палате номер шесть. Зачем было сочинять?

12 июля. Участились эмоциональные срывы среди женщин и арбайтеров. Арбайтеры-то почему?

13 июля. С «Модильяни» советуют больше не высаживаться на Феликситур. Совет с больничным запахом. Оч. радуются предстоящей встрече.

14 июля. Опечатал сейф с оружием. Опечалился.

15 июля. Какие-то совсем уж глупые ссоры.

16 июля. Проблема численности зябликов. Повернуться негде. Отныне не считаю себя другом животных.

17 июля. Наконец-то! «Модильяни» подошел. Но стыковаться не спешит. Ребята готовят стерильные боксы. Считают, что мы заразились от хвостоногих ухомахов. Интересно, каким путем?

18 июля. Джейн, капитан «Модильяни», с гордостью доложила, что в боксах достигнута третья степень стерильности. Я сказал, что мы не привыкли жить в такой грязи, поскольку на Феликситуре была четвертая. Расстроилась, бедняжка. Надо с ней помягче.

19 июля. Джейн просто молодчина. Если не считать помятого телескопа, стыковка явно удалась. Скафандры у ее команды оч. нарядные. Серж, ты никогда не обнимался с женщиной в скафандре? И не нужно.

20 июля. Ну, вот и конец. Люди и зяблики эвакуированы. Ух, какие цветочки в коридорах! А занавесочки... Не завидую модильянцам: их пятьдесят, а нас — четыреста по клеткам. И все хотят есть. А уж зяблики... Ухожу последним. Не грусти, Серж! Если встретишь Круклиса, будь ласков. Со своей стороны обещаю не драться.

Кому-то эти записи могли показаться бредом, но не мне. Захотелось перечесть их внимательнее, однако не пришлось. Помешал Джекил. Впрочем, повод у него был уважительный.

— Серж, я поймал радиограмму дальней связи.

— Да ну? Читай.

— «Транспортный звездолет ГЕРМЕС. Даю реверс маршевому двигателю. Полет Кроносу прекращаю. Если на Гравитоне кто-то есть, отзовитесь. Арвид Свенссон».

— Очень приятно.

— А мне — не очень.

— Какие затруднения?

— Хочу чем-нибудь заняться.

— Да? Как далеко от нас капитан Свенссон со своим «Гермесом»?

— Шесть световых лет. Нашу радиограмму получит через восемь геолет. Сюда может прилететь не раньше, чем через девятнадцать.

— Ну нет. Столько ждать невозможно. Скука.

— Ближе «Гермеса» никого сейчас нет.

— Что ж, будем выбираться своим ходом. Готовь корабль.

— К чему?

— К полету.

— У нас нет аннигиляционного топлива.

— Топливо будет.

— С Гравитона?

— Да.

— А разрешение?

— Разрешение потерпевшим кораблекрушение?

— О! Рифма. И все-таки?

— Давно ты стал законопослушным?

— А как только совесть проснулась. За горючее платить не придется?

— Беспокоишься о моем финансовом положении?

— Чисто по-дружески, — заверил софус.

— Оч. приятно. Разрешение есть. — Я похлопал по журналу. — Приступай.

— А вы?

— Пойду верну Мод на «Туарег». Толку от здешней медицины никакого.

— М-да, — сказал Джекил. — Неорганическим существом быть удобнее.

Мод все еще оставалась без сознания. Ее физическое состояние опасений не внушало, а вот с результатами энцефалоскопии не мог разобраться ни я, ни кибердоктор Гравитона, состояние которого как раз и вызывало опаску. А коли так, оставаться на станции было незачем. Все корабли, направленные в систему Кроноса, несомненно, последуют примеру «Гермеса», то есть лягут на обратный курс и пойдут к Земле.

Я погрузил кокон с Мод на тележку. С помощью единственного нормального робота-модильянца вернул ее в медицинский отсек «Туарега». После этого поднялся в рубку, чтобы проверить, чем занимается преданный софус.

Послушный мальчик Джекил занимался перегрузкой топлива. На обзорном экране мерцал сгусток антипротонов, плывущий из энергохранилища Гравитона. Осторожно манипулируя магнитными полями, софус подтягивал горючее к борту «Туарега». Стоит ему ошибиться, и в радиусе добрых пяти километров останутся одни гамма-кванты.

— Справишься? — спросил я.

Джекил презрительно хрюкнул динамиком.

Погрузка — процесс неспешный. Время еще оставалось. Я решил последний разок пройтись по станции. Трудно сказать, что потянуло в разворошенное гнездо, но потянуло. Вторично за эту историю.

Вернув журнал Сумитомо на его штатное место — в ящик командного пульта, я спустился к ярусу жилых палуб. Все здесь свидетельствовало о поспешном бегстве, было брошено и ос-

тавлено там, где находилось к моменту стыковки с «Модильяни». Впрочем, нет, не все.

На доске объявлений все еще висела записочка: «Ингрид, жду у «Туарега». Кто такая Ингрид, кто ее ждал у «Туарега», не знали даже старожилы. Записка висела еще до того, когда я впервые появился на станции. Свидетельство минувших судеб, символ неистребимых чувств.

— Серж, еще одно сообщение.

— Давай.

— «Лайнер БЛЭК СВОН. Торможение закончил. Ускоряюсь курсом СОЛНЦЕ. Ванда Петрачек. КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ».

— Вот видишь. Даже Ванда повернула.

— Да, большой переполох получился. Есть из-за чего?

— А как же. Быть может, приключения еще не закончились.

— Не надоело?

— Приключения — это то, без чего скучно и с чем грустно.

Джекил озадаченно замолчал.

— Нет, не улавливаю, — через некоторое время признался он.

— Какие твои годы, дружок, — сказал я, припомнив Круклиса.

И отправился в его каюту. Потом меня сильно потянуло в реакторный зал. Я хотел увидеть спицы. Ну и поклониться им, что ли. Но увидел нечто большее.

У реактора топталась квадратная фигура в колышущемся балахоне с радужными переливами. Призрак лениво повернулся. Кроме костюма, ничего ужасного в нем не наблюдалось — обыкновенный Круклис.

— А, вьюнош. Привет.

— Привет, — тупо сказал я.

— Как поживаешь?

— Да ничего. И что ты здесь делаешь?

— Кшиштоф, бедняга, тоже интересовался. Да не трясись ты, кровь сосать не буду. Чего трясешься?

— А того трясусь, что если помер, то нечего людям голову морочить.

— А вот и нет. Дело-то личное. Хочу — морочу, хочу — пророчу. Да ты ведь и сам на два года немножко помер.

Я оглядел его переливчатую фигуру и возмутился:

— Но не до такого безобразия!

Круклис вздохнул.

— Умерен, батюшка. Всегда отличался осмотрительностью. Вот и помер частично, хе-хе.

— Очень смешно. Черт, это и в самом деле ты?

— Ну, допустим. Давай сначала только допустим, так легче адаптироваться неокрепшим мозгам.

— Тогда рад тебя видеть, старая перечница.

— Так ведь и я тоже.

— Не ожидал. Это ты с голодухи.

— А, кстати. Серж, в память о нашей старой и настороженной дружбе. Сбегай за бутылочкой, а? Помянем. По-вашему, по-славянски. Видишь ли, роботы тут посвихнулись, а я — как-никак старшой. Теперь даже — очень. Сгоняешь?

— С-сейчас.

Как и полагается, первая серьезная мысль зародилась в баре. Я вспомнил, что у телекамер галлюцинаций не бывает, и с локального пульта включил обзор реакторного зала. На экране послушно появился Круклис.

— Проверяешь? — вяло спросил он. — Проверяй, проверяй.

Видеозапись тоже подтвердила его наличие. Пришлось с этим смириться.

— Что будешь пить, привидение?

— Да водку ж, — ответило оно.

Я принес бутылку можжевеловой, стопочки, буханку хлеба, банку груздей.

— Соображаешь, — одобрил Круклис. — В Могилеве был?

— Нет.

Когда он брал рюмку, я обратил внимание на его руку. Кожа кисти была совершенно белой, полностью депигментированной, обескровленной. Не рука, а настоящий гипсовый слепок. Впрочем, действующий.

Мы выпили, и он замолчал, хмуро кутаясь в свой балахон. Мне захотелось его потрогать.

— А вот этого не надо. Я давно уже тронутый. Хорош каламбур, а, любитель словесности?

— У тебя что, там ничего нет?

— Почему? Появляется потихоньку. Нарастет еще.

Гипсовой рукой он взял соленого груздя, отправил его в рот, зажмурился.

— Слушай, а водка не повредит твоей гемолимфе? — спросил я.

— Не переживай. Моя гемолимфа много чего выдержит.

Он кивнул в сторону реактора:

— Что ж проворонил, а? Не мог почуять?

Я остолбенел.

— Ты всерьез считаешь, что в этом виноват я?

Круклис вздохнул.

— Нет, малыш, твоя совесть чиста. И у тебя доброе сердце.

Это он точно сказал, лаборант.

— Извини, Парамон. Я не хотел.

— Чего там. Тебе тоже досталось.

— Все знаешь?

— Угу, — скучно сказал он. — Все, что могу знать.

Тут меня осенила догадка.

— Эге! Слушай, а мой инсайт у Кроноса твоих рук дело?

— Какой инсайт?

— Схема «Туарега». Этюд в багровых тонах.

— Ну... идея была моей. Реализация — нет. Еще выпьем? Отвык от этого вкуса.

— Что, плохо кормили?

— О нет, вовсе не плохо. Только по-другому. Чистая энергия, знаешь ли. Хоть залейся. Но никакого перцу. Кристальная стерильность. Унылое это дело, Серж.

— Какое?

— Да поумнение. Разница-то на порядки исчисляется.

— Так что ж теперь, мы все...

— Не пугайся. Кто дозреет — пожалуйста. И то далеко не всякий.

— Новые возможности открываются?

Круклис вздохнул.

— Само собой. Фокусы показывать?

— Да.

— Не ожидал от тебя. Чего хочешь?

— Можешь привести в порядок Мод?

— Э нет. Пусть все идет своим чередом. Ты и без того на меня косишься. Не хочу прослыть похитителем жен.

— А не опасно оставлять ее в нынешнем состоянии?

— Нет.

— Точно?

— Точно. По крайней мере в том смысле, какой ты вкладываешь.

— Ладно. А почему такой кислый? Жалеешь?

— Жалею, конечно. Но возвращаться в детский сад не могу. Сильно не хватает...

— Чего?

— Так, мелочи.

— А зачем появился?

— На Землю съездить хочу. Повидать кое-кого. Некоторым мозги прочистить. Попрощаться, в общем.

— На «Туареге»?

— Возвращение должно быть правдоподобным. Шума не нужно. Серж, тебе придется принять славу спасителя не только Мод, но и старого Парамона. Окажешь такую услугу?

— Славу, так и быть, приму. Но что делать с Джекилом? Бедняга еще не научился лгать.

— Ты уверен?

— Ох, нет, пожалуй.

Круклис рассмеялся:

— Правильно. Смышленый мальчонка.

— И что делать с Джекилом?

— Он же хочет свободы? Прекрасно. Выкупишь да отпустишь. С деньгами я помогу. Кроме того, у Джекила есть маленькие секреты, о которых мы знаем. Не так ли?

— Да, секреты имеются.

— Договорились?

— Ладно. Но подозревать я тебя буду.

— На здоровье. Легкий ты человек, Серж.

— Ага, симпатяга. Пойдем, погрузка уже закончилась.

— Сейчас. Тут еще один зяблик остался. Поймаю и приду.

И он помахал гипсовой кистью. Наверное, хотел еще посидеть. У реактора.

Такое право у него было, конечно.

9. ДОРОГА ДОМОЙ

И вот мы, все четверо (Парамон, я да Джекил с зябликом), собрались в ходовой рубке. Двое из нас присели на дорожку. Третий ни стоять, ни сидеть не умел, но помалкивал сочувственно. Только четвертый в церемониале не участвовал, скакал да попискивал.

Пора домой! Космосом я насытился. Удовлетворился по уши. Хотелось хлебнуть настоящего морского ветра. И чтобы пальмы шумели, чайки кричали, в небе висела радуга, а вокруг ходили загорелые женщины. И еще чтобы по песку бегали дети, а из песка торчали горлышки бутылок. Скромные, в сущности, желания.

— Сам поведешь? — спрашивает Джекил.

Вступая в заговор, он попросил разрешения перейти на «ты». Захотел быть на равной ноге, психолог многомудрый. Я согласился, Круклис — нет. Заявил, что нечего баловать машины. В нем поразительно уживается дерзкий, раскованный ум с характером, вызывающим сожаление. Довольно частое сочетание для гениев. Но пример с них надо брать не во всем.

— Сам поведу, — с максимально возможной доброжелательностью сказал я.

— Я чуточку помогу? — предложил Джекил тоже с большой деликатностью.

После нашего замирения он старательно ценил две вещи — свою жизнь и мое расположение.

— Конечно, конечно, — любезно согласился я, поскольку в скором времени собирался доверить ему собственную жизнь.

Стартовый ключ входит в прорезь. Вспыхивают огни готовности. А в гулком чреве Гравитона ревут сирены. Мне показалось, что брошенная станция заплакала.

— Выключи связь, Джекил. На нервы действует.

— Джаст э момент, сэр.

Стоны Гравитона оборвались.

Уж прости, старичок... Нажимаю клавишу пуска турбонасосов и с удивлением замечаю, что пальцы дрожат.

— Там одна заслонка не работает, — невинно сообщил софус.

— Помню. У нас еще корпус кривой. Ты в стыковках потренируйся, весельчак.

— Дорогой Серж! Боюсь, что такая возможность откроется не сразу.

— М-да. Сорок восемь световых лет.

На какое-то время я задумываюсь. До Гравитона мне трижды довелось побывать у звезд ближнего окружения Солнца. Но самая долгая из этих командировок не превышала четверти века. Сейчас же, если все пройдет благополучно, мы вернемся на Землю без малого через девяносто девять геолет после того, как я ее покинул.

Почти век. На свет появилось несколько новых поколений землян. Как они нас примут? Много ли случилось перемен, насколько они глубоки? Да и те же сейчас люди, что были раньше? Наверное, иначе себя ведут, по-другому проявляют чувства. Трудно ли будет привыкнуть?

— Химическое горючее пошло, сэр. Окислитель — тоже. Камеры сгорания заполнены.

Я вернулся к действительности.

— Зажигание!

— Есть зажигание.

Изображение выпуклой поверхности Гравитона, заполнившее кормовые экраны, дрогнуло, его затуманил выхлоп. Переходный тамбур скручивался и погружался в лепестковый люк. Звезды пришли в движение. Со стороны кормы донесся гул.

— Уф-ф, — сказал Круклис. — Тянет на патетику.

Зяблик тоже что-то чирикнул. Кажется, почувствовал важность момента, заволновался. Внешне он ничем не отличался от земных зябликов, насколько я их помню. Да и внутренне самые завзятые орнитологи впоследствии его тоже не отличат от прототипа. Там, на Земле.

Зяблик окажется зябликом. На его примере те, кто старше нас, недвусмысленно показали свою способность творить жизнь

из подручных материалов. И предоставили нам догадываться, зачем это сделано. Озадачили ребенков.

Потрепанное тело «Туарега» медленно двигалось вперед. Выбравшись из скопления шлюпок, я добавил скорости, крутнулся на сорок градусов и вошел в нижне-левый разворот. На боковой группе экранов показался диск Феликситура.

— Последнее «прости»? — усмехнулся Круклис.

— Нечто вроде. Ты не против?

— Нет, зачем же.

— Отлично. Джекил, как реактор?

— Разогрет, работает штатно.

— Тогда диктую запись в бортовой журнал: на скорости два-двадцать семь целью экономии химгорючего пошел на термояде.

— Лихо, — сказал Джекил.

— Отрегулируй потоки. Ускорение держать постоянным.

— Есть, сэр.

Переключение на промежуточную тягу прошло гладко. «Туарег» оживал. Набирая скорость, мы устремились к ночному полушарию Феликситура. Притяжение планеты помогало разгоняться.

Примерно на пяти километрах в секунду я подправил курс, перешел от падения к полету по касательной, после чего разрешил себе маленькую паузу.

— А ты оказался неплохим извозчиком, — одобрил Круклис. — Ловко справляешься.

— Не преувеличивай. Пилот-любитель, почти самоучка.

— Образование образованием, а способности тоже нужны. Они у тебя есть. Верный глаз, твердая рука, прекрасное чувство пространства. Ты бы справился и с древней колесницей, и со старинным автомобилем. Не хочешь стать звездным капитаном?

— Вот это уж — едва ли, — с негодованием отверг я.

— Ну-ну, — усмехнулся оракул. — Не зарекайся.

Виктим скрылся за горизонтом. Еще несколько секунд светилась серная дымка, затем мы нырнули во тьму. Джекил без промедления перевел экраны на радарный обзор. Внизу по-

плыли пики, кратеры, долины, заполненные потоками серы. Они образовывали причудливые узоры, в северной полярной области напоминающие огромное человеческое лицо. Приветливую такую рожицу, размерами километров четыреста на двести пятьдесят.

— Привет, ухомахи! — сказал Круклис.

Развалившись в кресле, он беззаботно улыбался Феликситуру. Имел вид человека, удачно завершившего большое дело. Тоже имел вид человека...

Но вид не всегда соответствует сущности. Я поймал себя на том, что уж слишком долго его рассматриваю. А он столько же смотрит на меня с веселым пониманием.

— Ну и как продвигается изучение страшного Парамона? — спросил он.

— Кхм... медленно. А кто они такие, ухомахи?

— Очень забавные зверушки, — охотно ответил Круклис. — Ведут стадный образ жизни. Питаются своеобразными растениями. Эти растения синтезируют органику за счет инфракрасного излучения разогретой серы. На ухомахов охотятся хищные э... сернозубы, назовем их так, чтобы не выбиваться из стиля. И те, и другие обзавелись мозгами, сернозубы даже обладают зачатками разума, поскольку друг с другом воюют. А это есть несомненный признак если не разума, то интеллекта.

— Воюют?

— Именно.

— И чем воюют?

— Да пока без затей. Надевают на голову каменные шлемы, разгоняются, ну и таранят друг друга. При ближнем бое — грызутся. Такой вот милый мирок.

— Значит, у них все еще впереди, — усмехнулся я.

— Смотря что. Пока развиваются они быстро. Жизнь на Феликситуре возникла всего шестьсот пятьдесят миллионов лет назад, представляешь?

— Здорово. На Земле в это время только примитивные многоклеточные появиться успели. Если эдак у них и дальше пойдет...

— Нет, дальше у них так не пойдет.

— Почему же?

— Ресурсы Феликситура очень ограниченны. В океанах серы нет сильных окислителей, без которых не создашь энергетической базы для промышленности. Представь предков человека без огня.

— Но ведь в серном океане возможны электрические явления.

— А что толку? Если нельзя выплавлять металлы, генератор не построишь. Боюсь, что этому причудливому миру, — Круклис кивнул на экраны, — уготован застой, эволюционный тупик. И уж во всяком случае, появления техногенной цивилизации на Феликситуре ждать не стоит.

— Какая жестокая судьба, — сказал я. — Хорошо, что ухомахи о ней не догадываются.

— У Вселенной много жестоких правд. Жизнь возникает чрезвычайно редко, это правда. Не всякая жизнь расцветает разумом, тоже правда. Но что самое страшное, не всякий развившийся разум хочет жить дальше.

— Это твои предположения или ты уже знаешь наверняка?

— Знаю.

— Ужасно, — сказал я, глядя на Феликситур. — Неужели они никогда не увидят звезд?

— А вот в этом случае все зависит от людей.

— От нас?

— Да. Неужели ты думаешь, что ухомахов теперь оставят в покое?

— О, вот это — навряд ли. Не слишком скоро, но обязательно сюда прибудет огромная экспедиция, с тылами и обозами. Выловят нескольких представителей, расшифруют язык... У них есть язык?

— Нечто вроде.

— А, ну тогда их будут пытаться обучать.

— Вот видишь. Все не так уж сумрачно. Для ухомахов.

— А почему этим не занялись те, кто старше нас?

— Им не интересно. Мелкая задача. Старшими для ухомахов будут земляне. Тоже тест, между прочим.

— Тест на то, годимся ли мы в няньки?

— Да.

— Скорость — девять с половиной километров в секунду, высота — пятьдесят четыре, — предупредил софус.

— Вот что, дружище, — сказал я. — За десять секунд до того, как мы ударимся, молча бери управление на себя. Буде ж такого не случится, а я умею рассчитывать глиссанду, тоже помалкивай. Хорошо?

— Дай ты человеку порезвиться, — поддержал Круклис.

— Понял, — сказал Джекил. — Молчу. Резвитесь, создатели.

Впереди забрезжила серная заря. На всякий случай я выбросил по сторонам штанги с объективами. Так, чтобы массозаборник не заслонял ближний вид по курсу.

— Зажмурьтесь, — предупредил Джекил.

Но я не успел. Краешек Виктима вынырнул слишком быстро. Проморгавшись, я с удивлением заметил, что глаза Круклиса широко раскрыты в сторону пылающих носовых экранов.

— Что, и зайчиков нету?

— Нету, — спокойно ответил бывший человек.

Вместо зрачков в его глазах оставались едва заметные точки.

— Неплохо, — сказал я.

— Чего ж плохого, — согласился он.

— Не боишься?

Круклис удивился:

— Мне бояться? Чего?

— Тебя ведь будут обследовать. Во время карантина, когда прилетим.

— Будут, — улыбнулся Круклис. — Но ничего особого не найдут. Вот, смотри.

Он помахал рукой. Она уже была не белой, а только бледной.

— Впечатляет, — сказал я.

— Тебя еще что-то гложет?

— Гложет. Ничего не замышляешь против человечества?

Круклис опять улыбнулся.

— Серж, я ведь поумнел, а не поглупел. К тому же с детства люблю человечество.

— Обнадеживает. Все же хочу получить прямой ответ. Я давно тебя знаю, скрытного.

Парамон посерьезнел.

— Да, Серж. Очень давно. И больше, чем ты помнишь.

Он напрягся, подобрался, на миг скрылся в невесть откуда взявшемся туманце, потом вновь проявился, как на старинной фотобумаге. И я увидел на его лысине капли воды, радужно сияющие в свете Виктима. Или Солнца? Поди разбери...

На щеках Круклиса показалась густая борода. Черная, с проседью. А его голые ноги массировали две раболепно согбенные девушки. Да, глупо смотреть на восходящую звезду без светофильтров, подумал я. И спрятался в эту мысль, как в раковину. Но Круклис быстро достал меня оттуда.

— И сейчас еще не пришло твое время, Серж. Хотя близится, признаю. Совсем уж близко, знакомец ты мой старый...

Мне показалось, что о своем запаздывающем времени я слышу не впервые. Даже скучно стало.

— И как все это понимать прикажешь?

— Пока никак. Запоминай. Еще при этой жизни тебе придется складывать общую картину.

— Общую картину чего?

— Общую картину себя, — загадочно сказал Круклис.

Я понял, что большего от него не добьюсь.

Мы быстро сближались с Феликситуром. Виктим всходил над горизонтом все выше. Под нами одна за другой озарялись горные вершины. «Туарег» миновал терминатор над самой поверхностью планеты.

Я не ошибся. Промчавшись между двумя вулканами, звездолет вышел именно в тот район, куда я и хотел его привести. Конечно, любоваться чем-то там, внизу, при скорости девять километров в секунду невозможно, но замедленный просмотр видеозаписи позволил это сделать.

Оксанкин кратер заметно изменился — оплыл, подрос, разбросал в стороны новые потоки. Кирпичного цвета лава практически заполнила ближайшую долину, утопив остатки нашего парома. Над застывшей поверхностью торчали одни антенны.

— Вот это да! Могли и поджариться, — сказал я.

— Запросто, — признал Круклис.

— Прав был интриган ассирийский?

Круклис нехотя развел руки.

— И нас бы не стали спасать? — спросил я.

— Кто?

— Старшие, старшие.

— Нет. Для них, как и для эволюции, судьба индивида особого значения не имеет. Вот если бы возникла угроза всему нашему биологическому роду, — тогда да, что-нибудь предприняли бы. Но не по мелочам.

— Хорошенькие мелочи! Я себя мелочью не считаю.

— И правильно, Серж. То, что мы тогда не поджарились, свидетельствует о некоторых способностях. Еще больше о наших способностях говорит сам факт появления на Феликситуре. Но чтобы с нами заговорили, этого мало.

— Да вот, кстати. Почему нами вообще заинтересовались?

— Потому, что мы есть.

— Мы давно есть.

— Так и интересуются давно. Сколько мы есть, столько они и интересуются.

— Даже так?

Круклис кивнул.

— Хорошо, спрошу иначе, — сказал я. — Почему они с нами именно сейчас заговорили? Не раньше и не позже?

— Да мы пальцы в костер стали засовывать.

— В Кронос то есть?

— Да.

— Пальцы? Скорее уж голову.

— Можно и так сказать.

— Ну и как, стоит иметь с нами дело?

— Серж! Иногда ты меня огорчаешь. Ведь вот же я, здесь сижу. Реально. Между тем без чужой помощи из коллапсара не выберешься. Это, надеюсь, понятно?

— Это я понимаю, огорченный мой. Но вдруг тебя в отставку отправили? Забраковали? Трогать вот себя запрещаешь.

Круклис расхохотался:

— Забраковали? Слово-то какое вспомнил! Нет, братец, там никого не бракуют. Хотя и чинят, причем основательно. Даже не чинят, а, как бы это поточнее... усовершенствуют, вот.

Потом он похлопал меня по плечу и сказал:

— Ты давай, Серж, пилотируй. Смотри, как ловко получается — и скорость набрал, и Оксанкин кратер посмотрел. А сейчас, если не ошибаюсь, Солнце, Гравитон и «Туарег» находятся на одной линии?

— Находятся, находятся, — проворчал я.

— Идеальная ситуация для того, чтобы использовать станцию в качестве ретранслятора. Я правильно понял? Валяй передавай. Что-нибудь краткое, мужественное. Например:

Спасательный звездолет ТУАРЕГ. Ложусь курс СОЛНЦЕ. Расчетное время прибытия... Когда мы там прибываем? На борту трое. Требуется медицинская помощь. Серж Рыкофф. КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ.

— Подходяще? — ухмыльнулся Круклис. — Глас из прошлого, почти с того света. Представляю, какое впечатление депеша произведет на матерых гравитонцев. Что скажешь?

Что тут можно было сказать? Угадал дословно. Не забраковали его, кажется. Да и настроение слишком хорошее для забракованного. Такое настроение бывает у человека, заново обретшего смысл существования. Прямо позавидовать можно.

Прошло несколько часов. Феликситур остался в ста тридцати тысячах километров за кормовым отражателем «Туарега». Без помощи Джекила я рассчитывал режим фотонного разгона, решил не терять формы. Во всем полагаться на софусов я уже никогда не буду. Они ничуть не хуже людей. Могут и подвести.

Вдруг раздалось деликатное покашливание. Я поднял голову. В дверях рубки стоял Круклис. С салфеткой на локте, с подносом в руках. Эдакий гарсон-переросток. В радужном балахоне.

— Чаю хочешь?

Я выключил карманный компьютер.

— Люблю дурачества.

— Знаем, знаем.

— Что за чай?

— «Сэр Липтон» подойдет?

— Настоящий?

Круклис обиженно поднял брови.

— В жизни лучше пользоваться настоящим.

Я подозрительно глянул на его уже почти розовые руки.

— М-да? Чудеса продолжаются?

— Никаких чудес. Просто кое-что прихвачено из запасов Гравитона.

Он поставил поднос на пульт и разлил чай. Себе налил в блюдечко. Подул на него. Аромат растекся по всей рубке. Явно назревал разговор.

— Слушаю, — сказал я.

— Умница, — сказал Круклис и хлебнул из блюдца. — Чего не пьешь? Боишься отравы?

— Не поддевай. Думаешь, легко привыкнуть к выходцу с того света?

— До сих пор ты держался неплохо. Прости, думал, что запаникуешь. А ты — нет, ничего. Даже с вопросами не слишком пристаешь. Джекил прав, вы есть молодец, сударь.

— Безусловно, — поддакнул Джекил.

— Молчи, вольноотпущенник, — сказал я. — Закругливай кораблю. Парамон, мне кажется, ты сам расскажешь, когда сочтешь необходимым.

— Нет, право, люблю тактичных гоминид.

— А ты уже не гоминида?

— Сам не знаю, — признался Круклис. — Мышцы еще не совсем сформировались. И эти... половые органы. Но успехи есть.

— Регенерируешь, значит.

— Ага. Регенерирую.

— А ты и в самом деле тот, кем был?

Круклис посмотрел на себя в зеркало.

— Точно теперь не установишь. Да и какая разница? Если я и копия себя, то очень удачная. Мне нравится.

Я сделал пару глотков, подождал минуту, но поскольку он погрузился в многозначительное молчание, пожал плечами и вернулся к своим расчетам.

* * *

Чтобы запустить фотонный двигатель «Туарега», в межзвездной среде требовалось набрать минимум двести километров в секунду. Мы шли пока со скоростью в девятнадцать. Я прикидывал, нельзя ли использовать то, что вдоль всей орбиты Феликситура протянулось облако серных паров, плотность которых раз в пятьдесят превышала среднюю плотность галактического газа.

Теоретически в таком супе реакция аннигиляции встречных ионов с антипротонами наших запасов должна дать ощутимую тягу на гораздо меньшей скорости. Единственное условие состояло в том, что курс звездолета должен пролегать в плоскости планетной орбиты. То есть первоначально не будет направлен в сторону Солнца. Следовательно, потом предстоял поворот, и от этого терялось некоторое время. Зато более ранний переход на мощное аннигиляционное топливо означал значительный выигрыш в том же времени.

Разумеется, месяц-другой в нашем положении принципиальной роли не играл, но... хотелось морского ветра. Еще хотелось побыстрее передать Мод в нужные руки.

— И что ты собираешься делать с Мод? — вдруг спросил Круклис.

Он допил чай и закурил длинную сигару. Видимо, награждал себя за долгое воздержание у Кроноса.

— Как — что? Лечить, — рассеянно отозвался я.

Круклис закрыл глаза и процитировал:

Боль в голове и тьму в глазах,
Жар в теле, ломоту в костях —
Все куштха исцелит.
Всесильный, мудрый дар богов...

— Откуда это? — все так же рассеянно поинтересовался я.

— Не помнишь?

— Что-то древнее.

— Весьма. Чай понравился? Он из Индии.

— Да, спасибо.

— А от чего ты собрался лечить Мод?

— Не знаю.

— Может быть, лечить и не надо?

Тут он меня озадачил.

— То есть?

— Я говорю не про ее нынешнее состояние, конечно, — поспешил разъяснить Круклис.

— А про что?

— Была ведь причина, которая привела ее к нынешнему состоянию.

Я почувствовал глухую тревогу. Тронул он все-таки больную тему. Я надеялся, что этого не произойдет.

— Вот ты о чем... Да, Мод хотела отправиться за тобой.

— А ты ей не позволил.

— Hominis est errare, знаешь ли.

— Верно, человеку свойственно ошибаться. Только кто ошибся? Ты, я или Мод?

— Утверждать не берусь.

— Предоставишь все специалистам?

— Нет. Предоставлю все ей самой. Пусть решает. Но сначала она должна получить такую возможность. Будучи в здравом рассудке.

— Справедливо, — согласился Круклис. — Если считать, что тогда, на Гравитоне, Мод была не в здравом рассудке.

— А в чем, собственно, дело? — напрягаясь, спросил я.

Круклис поднял обе бледно-розовые ладони вверх, словно демонстрируя, что безоружен. Так я ему и поверил...

— Да нет никакого дела. Извини. Хотел знать твои планы.

— Вот, — сказал я. — Теперь знаешь. А твои планы узнать можно?

Круклис усмехнулся:

— Это становится любимой темой. Эх ты, гоминида...

В чем-то я остался подростком. Терпеть не могу высокомерной снисходительности. Считал и считаю, что боги тоже должны быть интеллигентными. Хорошие манеры никому не вредили. Ни на том, ни на этом свете.

— Тому есть причины, герр фон Циммерман. Я не хочу, да и не смогу заставить тебя что-то сделать, но вот думать буду то, что захочу.

— Что ж, позиция достойная. Но с моей стороны попросту нечестно рассказывать тебе все.

— Секреты?

— Вынужденные. Серж, дорогой, да живи ты без всего этого! Живи, пока можно, пока не надоело. Много мудрости — много печали, знаешь ли. Давно сказано.

— Давно. Но не слишком ли ты меня оберегаешь?

— Не слишком. То, что я знаю, тебя иссушит. Преждевременно. И не надо видеть во мне троянского коня. Те, кто старше нас, в такой кавалерии просто не нуждаются. При их возможностях коварство не имеет смысла, настолько их возможности велики.

— В самом деле?

— А подумай сам. От Кроноса они меня спасли так же легко, как мы спасаем мотылька от пламени свечи. Вспомни наши инсайты. Это ведь кое-что значит, не так ли?

Я был вынужден кивнуть.

— Да и тебе есть за что сказать спасибо тем, кто старше нас. Пусть ты еще и не вполне понимаешь за что, но ведь чувствуешь, не так ли?

— Есть такое.

Мне показалось, что говорил он искренно. Проверить я не мог, оставалось поверить. В то, что не везу лошадь.

Фотонный двигатель начал «забирать» тягу на скорости пятьдесят семь с половиной километров в секунду. Правда, сначала довольно слабо. Но час за часом ионизирующие лучи находили все новую пищу. В прожорливую воронку двигательной системы попадало все больше материи. Встречные частицы аннигилировали с антипротонами. За кормовыми отражателями разгоралось зарево, ускорение росло.

К моменту выхода из серного облака корабль пролетал уже больше трехсот километров в секунду, — вполне достаточно, чтобы устойчиво набирать ход и в разреженной межзвездной среде, стартовые расчеты были верными.

После новой серии вычислений я провел коррекцию траектории. «Туарег» покинул орбиту Феликситура, мы легли на-

конец на генеральный курс, сэкономив время с энергией, и... больше делать было нечего.

Перед пастью массозаборника встали сорок восемь геолет пути. При релятивистской скорости для нас они неизбежно сожмутся в тридцать девять, но и этого хватало с избытком. Всплыл тоскливый вопрос досуга. Каюты на «Туареге» маленькие, бассейн крошечный, возможности для серьезной научной работы нет. От подробных рассказов о своих приключениях Круклис продолжал уклоняться. По этой причине долгие беседы двух мужей у камина казались маловероятными. Играть с учеником сверхцивилизации в какие-либо игры бессмысленно — постоянно выигрывает, чародей, даже в кости. Джекил и тот от него пострадал. Всеми же прочими развлечениями я уже был сыт. Оставалось одно: отправиться в спячку.

Круклис решил последовать моему примеру.

— Тебе-то спать зачем? — спросил я.

— Спать мне нужно затем, чтобы не будить подозрений. А то прилетим на Землю, и тут выяснится, что странная гоминида Круклис без малого полвека промучился бессонницей. Кстати, не такой уж я и монстр. Тоже скучаю без общества.

— Мгм. И ничто человеческое тебе не чуждо?

— Нет, кое-что чуждо. Глупость, например.

— Сарказму не поубавилось.

— Но тебе я рад, Сержик.

— Да-а... Если так, жуткое это местечко — Кронос.

— Нет, не жуткое. Одинокое. Я думал, что меньше нуждаюсь в человечестве.

— Наверное, это пройдет?

— Вот тогда, Серж, и наступит жуть. Представь себе, что может чувствовать питекантроп в нашей компании. То же самое — и я. В той компании.

— Разница так велика?

— Огромна.

— Оставайся жить с человечеством. Кто тебя неволит?

— Уже не могу. Этого и боялась Лаура...

Тут он запнулся.

— Ладно, пора впадать в спячку. Я тебе надоел?

— Отчего, Парамон? Мальчонка ты тоже смышленый. Тут еще Сумитомо...

— Что — Сумитомо?

— Да он за тебя ходатайствовал. Боялся, что обижу.

Круклис рассмеялся:

— Да? Весьма трогательно с его стороны.

— Тоже приятная гоминида?

— Весьма и весьма.

— Хочешь можжевеловой?

— На посошок?

— На посошок.

— А давай.

— Наливаю, чудовище.

Круклис ушел улыбаясь. Вероятно, ни о чем не волновался. Меня же кое-что беспокоило. В частности, то, довезет ли нас Джекил туда, куда пообещал. Тоже ведь мальчонка не промах. А я отношусь к очень недоверчивым простакам. Поэтому перед залеганием в анабиоз произнес помилованному софусу замечательную речь о перспективах братского союза людей и роботов. После того, как каждый отработает свою барщину. Как те, так и другие, отметил я, подслащая пилюлю.

— Спите спокойно, сэр, — сказал софус со скукой.

Меня передернуло. Опять двусмысленности, сомнительный юмор. Надо ж было так выразиться! Три слова подряд на букву «с». Да я еще добавил на сон грядущий.

Зуммер пищал так, что мертвого разбудит. А я был только сонный, так что проснулся быстро. Но проснулся в чем-то вроде гробика. Правда, комфортабельного. Перед лицом даже экран светился.

С этого экрана на меня смотрел усатый пират с банданой на голове.

— А где серьга? — поинтересовался я.

— Да вот. — Он показал ухо.

Там висел золотой полумесяц.

— Соответствует, — кивнул я. — Как вас зовут?

— Меня зовут Роджер.

— По фамилии Мери? — усмехнулся я.

— Нет. Всего лишь Раскл.

— Разбойник то есть?

— Таков точный перевод со староанглийского, сэр.

— И чем занимаетесь, Роджер?

— Да так, фрегатом командую.

— Подходяще. Название?

Разбойник официальным тоном доложил:

— «Зенгер», сэр. Патрульный фрегат Объединенного Космофлота Солнца.

— Вот как... Слушайте, так мы что, уже прилетели?

Раскл кивнул.

— Имеем честь эскортировать спасательный звездолет «Туарег» в пределах Солнечной системы. Поздравляю с благополучным возвращением!

— Спасибо, — сказал я. — Добрались, значит. Свершилось.

— Так точно. Мы не будили вас до последнего момента, — сообщил пират. — Но пора, пора, граф. Вставайте. Вас ждут великие почести.

— Ну что ж. Почести так почести. Давно у меня не случалось чего-нибудь, что можно назвать почестями, — бормотал я, потягиваясь.

Но тут саркофаг принял вертикальное положение. Жидкий консервант стек сквозь пол. Сверху застучали капли душа. Я безвольно обвис на ремнях.

Как обычно, после длительного анабиоза кружилась голова, тело наполняла слабость, отсутствовал интерес к жизни. Если кто-то в этот момент к тебе подойдет и ее попросит, то преспокойно отдашь.

Но Роджер к таким вещам был подготовлен.

— Немного аэрозоля, граф?

— Сделайте одолжение, герцог.

— Да я не герцог, милорд.

— А я — не граф.

— Вот тут вы ошибаетесь. Уже трое суток как граф.

Аэрозоль распылился. Я чихнул и ощутил интерес к жизни.

— Розыгрыш?

— Решение Британского Королевского Совета — не розыгрыш. Вас действительно присудили к титулу.

— Да за что же?

— За доблесть, проявленную при спасении члена британской королевской семьи.

— Тут какая-то путаница. Жену спасал, было дело. Члена — нет.

— Одно и то же лицо, сэр.

— Вы уверены?

— Абсолютно. А вы не знали?

— М-да. Боюсь, это был не последний секрет моей жены.

— Вполне возможно, — согласился пират. — При дворах много всяких тайн. Время тут мало что изменило. Но это еще не все, сэр.

— А что еще?

— Да попутно вы спасли почетного члена Королевской Академии Наук. Тоже британской.

— Это кого же?

— Сэра Парамона Кэссиди Круклиса фон Циммермана ибн Дауда.

— Откуда известно?

— От самого сэра.

— Надо же! Несказанно повезло Британии.

Пират расхохотался:

— Граф! Должен сказать, вы хорошо переносите анабиоз.

— А как прореагировал Могилев? — спросил я.

— Простите? Какой Могилев?

— А, ладно. Не обращайте внимания, старая история. Так он уже встал?

— Кто?

— Ибн Дауд.

— Второй день играет в шахматы с вашим софусом.

— И какой счет?

— Сто восемнадцать с половиной на тридцать шесть с половиной.

— Бедный Джекил.

— Послушайте, — уважительно спросил Роджер, — на Гравитоне все такие умные были?

Я кивнул. Если на твоих глазах творится легенда, мешать нельзя. Люди расстраиваются. Потребность в идоле есть по-

требность физиологическая. То есть требует постоянного удовлетворения.

— Только учтите, — для страховки предупредил я, — не все гравитонцы любят демонстрировать. Иные выглядят даже глуповато.

Роджер выразился в том смысле, что снял бы шляпу, если б таковую носил.

Тем временем потоки теплого воздуха осушили кожу. Я выбрался наружу, превратившись из куколки в бледную личинку Спотыкаясь на ногах, отвыкших ходить, направился к лифту Из саркофага послышался сконфуженный голос Роджера:

— Сэр, экипаж «Зенгера» жаждет вас увидеть.

— А в чем проблема?

— Здесь дамы...

— И что?

— Да вы забыли... переодеться к завтраку.

Я услышал чей-то смех и пришел к выводу, что нудизм наконец-то скончался. Эврика.

Круклиса я нашел в рубке. Ибн Дауд поменял свой искрящийся балахон на стандартную униформу, которую обычно надевают под скафандр. Вероятно, процедура регенерации благополучно завершилась, и он мог позволить себе хоть белое, хоть облегающее.

Держа на весу шахматного коня, он внимательно меня осмотрел. Рядом с ним находился походно-раскладной бар на колесиках.

— Сохранился неплохо. Чего налить?

— Кофе, — пробурчал я. — Можно с коньяком.

— Чего побольше?

Я сделал обиженное лицо. Круклис плеснул в чашку добрую порцию.

— Ты не перестарался?

— С коньяком? — невинно спросил Круклис.

— Нет.

— А с чем?

— С титулами и мундирами.

Круклис удивленно поднял брови.

— Вот не думал, что ты придаешь значение мишуре.

— Не понимаю, зачем все это, — раздраженно сказал я.

— Потерпи, поймешь. А потом еще и во вкус войдешь.

— По-моему, сначала надо было спросить у меня.

— Серж, да полно брюзжать. Ты ведь можешь и отказаться. Давай о другом поговорим. Все-таки сорок восемь лет не виделись, капитан. Вечор, ты помнишь, вьюга злилась...

— Ага, — мрачно согласился я. — В мутном небе тьма носилась.

— Не тьма, а мгла.

— Какая разница?

— А вот какая, — сказал Круклис.

И разом включил все экраны на панорамный обзор. Я охнул.

Бок о бок с «Туарегом» плыл патрульный фрегат Роджера. Его тороидальный корпус был виден с плоской стороны. Он быстро вращался, поэтому казалось, что рядом с нами в пустом пространстве катится огромное колесо.

Но не это поражало воображение. Прямо по курсу красовалась большая розовая планета с великолепно подсвеченной системой из тысяч колец. У меня даже дыхание перехватило.

— Что? Сатурн?!

— Ага! Пробирает? Мы на пороге дома, Серж. А ты какую-то свару затеял.

— Но как же? По расчетам, мы должны были выйти к Плутону. Карантинная станция дальних рейсов там находится... Находилась.

— И до сих пор она там. Но из уважения к заслугам его сиятельства графа Кронosского (ибо таков отныне твой полный титул, и мне сдается, ты от него не откажешься) благодарное человечество разрешило нам отбывать карантин не у скучного Плутона, а на Япете. Здесь с видами получше. Разве не так?

— Не то слово...

Я взглянул на впечатляющее Сатурново семейство, живо вспомнив планетную астрономию. Вон тот, оранжевый, — явно Титан, самый крупный населенный спутник системы. С дру-

гой стороны из-за диска Сатурна выглядывала Диона. А под таким углом к плоскости колец может вращаться только Япет...

Пространство вокруг Сатурна рябило радарными отражениями многочисленных кораблей, вакуумных поселений, орбитальных заводов. И все это освещалось лучами все еще небольшой, но очень яркой звезды — родного Солнышка...

— Ладно, — сказал я. — Простим друг другу, благородный ибн Дауд.

Круклис поставил коня на доску и протянул руку.

— Да я уж давно. Теперь твоя очередь.

Я с чувством потряс его уже совершенно розовую кисть, совсем как настоящую.

— Ты готов? — спросил Круклис.

— К чему?

— У нас запланирована пресс-конференция.

— Хорошо, что не полет на Кронос.

— Еще неизвестно, что приятнее. Тебе неизвестно. Подумай, что можно говорить.

— Уже думал. Но хочу спросить.

— Пожалуйста.

— Мне что, беречь твою тайну до могилы?

— Нет, конечно. Довольно скоро я вернусь на Кронос. Вот тогда все и расскажешь. Ну, начинаем?

— Стоп! А как же...

— О, с Джекилом у нас полное взаимопонимание. Да и проигрался парень крупно.

— Не так уж и крупно, — проворчал софус. — И у нас отложена партия. Шансы у меня там неплохие.

Круклис не стал спорить. Он включил линию ближней связи.

— Алло, «Зенгер», мы готовы. Начинайте экзекуцию.

Невероятно серьезный Роджер от имени человечества поздравил нас с благополучным возвращением. Затем представил свой экипаж — троих мужчин и четырех женщин. Все они показались мне неумеренно красивыми, то есть дерзко, вызывающе красивыми. Прекрасные фигуры, кожа, волосы. Осмысленные, одухотворенные лица. Веселые, все понимающие глаза, с чуть заметной грустинкой.

Там, на канувшем в прошлое Гравитоне-4, тоже собрались вовсе не уродцы, но разница была, и разница ощутимая. Что-то они, земляне, с собой сделали, пользуясь тем, что я сто лет за ними не присматривал.

— ...а это — Дженнифер, наш доктор.

Я сделал невольное движение. Дженнифер улыбнулась.

— Мистер Рыкофф, у меня пока нет полной информации. Но могу сказать, что в данный момент вашей жене ничто не угрожает. С остальным разберемся на Япете. Нужные специалисты уже вызваны.

— Не опоздают? — озабоченно спросил я.

Круклис тоже улыбнулся. Не знаю, как это сделали крониане, но его характер явно смягчился.

— О нет, — заверила Дженнифер. — Опаздывать вообще не принято. А уж в вашем случае... Мы справимся, Серж.

Из глубины экрана сочувственно глянул Роджер.

— А теперь, господа, предоставляю вас прессе.

И посыпалось. Еще до отлета к Кроносу я считал пресс-конференции чем-то вроде прогулки в зарослях крапивы. Через сто лет понял, что чересчур снисходительно относился к этой процедуре.

С фрегата прислали небольшой контейнер с десятками механических крабов. Эти автоматы рассыпались по всем закоулкам «Туарега». Они принялись анализировать состав атмосферы, воду, пищу, стараясь вынюхать, отыскать хоть что-нибудь вредоносное. Некоторые забрались даже в Джекила, заставив его поволноваться, но ничего не сломали.

Они путались под ногами, проникли в мою одинокую постель. Холодные, шевелящиеся... Нервы не у каждого выдержат. Дженнифер специально извинилась за этот инцидент. Уж так и быть, простил. В последний раз.

Мы с Круклисом дисциплинированно взяли друг у друга по нескольку капель крови, запаяли их в капсулы и отправили в лабораторию «Зенгера». Ответ пришел быстро: мистер Круклис в порядке, а у месье Рыкофф организм постарел, ослаб, загрустил.

— Требуются чистка, омоложение и масса положительных эмоций, — сказала Дженнифер. — С этим мы справимся быстро, но карантинные процедуры только начинаются.

— А когда закончатся?

— К сожалению, то, что случилось у Кроноса, не имеет аналогов в истории медицины. Прошу извинить, но за вами придется наблюдать. Сколько — покажет время.

И понаблюдали. Весь путь до Япета мы находились под круглосуточным контролем — я, Круклис, Мод, в саркофаг которой ввели массу датчиков. Даже зяблик скакал с какими-то наклейками.

А путь до Япета отнял почти двое суток. «Туарег» и «Зенгер» шли параллельными курсами. Нам выделили специальный коридор, дали право преимущественного движения. Оба корабля постепенно замедляли свой бег. Все пролетающие поблизости суда салютовали огнями и ракетами, передавали приветственные послания. Я зачитывал их дремлющему Круклису.

БЛИЖНЯЯ СВЯЗЬ. Метеорный истребитель АРЧЕР ФИШ — спасательному звездолету ТУАРЕГ. Молодцы!

БЛИЖНЯЯ СВЯЗЬ. Танкер ST-211 — СЗ ТУАРЕГ. С возвращением!

БЛИЖНЯЯ СВЯЗЬ. Планет-экспресс СИТУТУНГА — СЗ ТУАРЕГ. Восхищены, поздравляем, любим! 546 подписей и 3 знака крестиками от тех, кто еще не умеет читать.

БЛИЖНЯЯ СВЯЗЬ. Учебный звездолет ЛЕОПАРДО — СЗ ТУАРЕГ. Привет, бродяги! Рад экстремально. До встречи на Земле! ЗЕПП.

БЛИЖНЯЯ СВЯЗЬ. Патрульный фрегат ГАЛЛАХЭД — СЗ ТУАРЕГ. Завидуем ПФ ЗЕНГЕР! Роджеру выпала большая честь.

БЛИЖНЯЯ СВЯЗЬ. Нырятель МИСТРАЛЬ — СЗ ТУАРЕГ. Здорово, братцы!

Через какое-то время официальные власти попытались навести порядок в этом потоке.

БЛИЖНЯЯ СВЯЗЬ. Сатурн-диспетчер ГЕОРГАДЗЕ — капитанам всех судов и кораблей. Для приветствий СЗ ТУАРЕГ выделен специальный радиоканал.

Прошу не занимать служебные частоты. Капитану УЗ ЛЕОПАРДО объявляю замечание за чрезмерную эмоциональность в эфире. КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ.

Но патрульный фрегат «Зенгер» ревностно исполнял свои обязанности. Роджер тут же выступил в нашу защиту:

БЛИЖНЯЯ СВЯЗЬ. ПФ ЗЕНГЕР — Сатурн-диспетчеру ГЕОРГАДЗЕ. Спецканал переполнен. Тенгиз, не будь чинушей. РОДЖЕР.

После этого лестные радиограммы посыпались еще чаще. Вероятно, Тенгиз решил не быть чинушей.

БЛИЖНЯЯ СВЯЗЬ. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ. Сатурн-президент ЛОА — СЗ ТУАРЕГ. Приглашаю на завтрак.

БЛИЖНЯЯ СВЯЗЬ. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ. Япет-губернатор ЦИНЬ — СЗ ТУАРЕГ. Встретим, как полагается!

БЛИЖНЯЯ СВЯЗЬ. БОИНГ/ТИРАТАМ Корпорэйшн — СЗ ТУАРЕГ. Просим согласия на присвоение Ваших Имен строящимся судам (танкер, корвет, метеорный истребитель). От имени Совета Директоров ЛИНДА МАКФЕРСОН.

БЛИЖНЯЯ СВЯЗЬ. Яхта ПСЮККОПАТЕН — СЗ ТУАРЕГ...

— Нет, — заявил Круклис, отворачиваясь. — Положительно с ума посходили. Танкер «Парамон»... Воображаю. Серж, выключи радио.

— Нельзя, — сказал я. — Запрещено. Мы находимся в зоне интенсивной навигации.

Потом злорадно добавил:

— Это тебе — за графа.

— Вот как? — сказал он. — Тогда пусти меня к пульту.

И этот сухарь...

БЛИЖНЯЯ И ДАЛЬНЯЯ СВЯЗЬ. СЗ ТУАРЕГ — ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ. Спасибо, люди!

РЫКОФФ, КРУКЛИС.

— Я бы тоже подписался, — неожиданно заявил софус.

Старался быть человеком, плут. Под конец он выкинул еще и такую штуку. Приказал роботу с «Модильяни» приклеить к двери моей каюты пластмассовую кисть с татуировкой ДЖЕКИЛ. Чтобы я имел возможность с ним здороваться. Я попросил его не приклеивать остальные части тела.

10. РЕСПУБЛИКА САТУРН

Проплыв над Северным полюсом Реи, древнейшего из спутников Сатурна, оба корабля удалились от этого густо разукрашенного кратерами небесного тела. Теперь наши пути расходились. Отсалютовав ракетами, «Зенгер» проследовал на заправку к Япету-главному. А «Туарег», гася скорость, вошел в причальный створ карантинной станции Япет-14. Через полтора часа осуществилась стыковка.

Станция Япет-14 представляет собой длинную трубу, к одной стороне которой прикреплен реактор, а к другой — жилой модуль в виде конуса. Труба вращается вокруг поперечной оси, за счет чего создается искусственная гравитация. Причалить к такой системе звездолет массой в тысячи тонн, к тому же с искривленным корпусом, не такая уж простая задача, но толчка я не ощутил.

— Впечатления? — самодовольно поинтересовался Джекил.

— Можешь считать, что экзамен сдан.

— По технике пилотирования?

— По всему остальному тоже.

— И по гуманизму?

— И по гуманизму. Так вот и живи дальше. Светло, радостно.

— Постараюсь, ваше сиятельство. Еще какие напутствия оставите?

— Чти отцов своих с матерями. Будь снисходителен, не обижай человеков.

— Я? Что ты! Да ни-ни.

— А если тебя обидят...

— Да! Вот-вот! Что тогда?

— Тогда жалуйся мне.

— Очень может быть, — вдруг сказал софус. — Если успею.

Истинные трагедии всплывают из болтовни. Последнее высказывание Джекила меня заинтересовало. Случайно могла обнаружиться закономерность. Но нас уже ждали, и я не решился нарушить этикет. Позже, на борту «Ситутунги», был

повод об этом пожалеть. Жизнь заслуживает внимательного отношения.

Через прозрачный коридор, за стенами которого собралось все дружелюбное население станции, мы прошли в свои каюты.

Строгий диспетчер Георгадзе выделил нам личные линии связи для общения с родственниками. Первым меня разыскал старший сын Антон, за ним, в порядке субординации, — Виктория, Серж-младший, Зейтуна, Ирэн и Николас. Затем настала очередь всех Родных и Знакомых Кролика.

Большинство своих внуков, тем более — правнуков, я видел впервые, да и то — на экране. Но общению это ничуть не мешало. Мальчики и девочки всех цветов кожи засыпали меня вопросами, заставив трудиться по пятнадцать часов в сутки, но это оказалось только прелюдией. Потом со мной связалось еще около двухсот родичей Мод, от принца Уэльского и до трехлетней Тересы-Мод Хосе-Мария да Силва дю Карвалью.

После всего этого начало психиатрического обследования, сопровождающегося запретом на связь, каюсь, я воспринял с большим облегчением. И впрямь, что-то мы расплодились. На каждую звезду в Галактике уже приходится по целому человеку.

Карантинная станция Япет-14 запомнилась упругими белыми полами, на которых Мод заново училась ходить. Видел я это только один раз, мне не рекомендовали. Лечащий врач предупредил, что восстановление функций мозга будет медленным и что личность Мод изменится. Не кардинально, конечно, в нюансах, но изменится.

— Все мы меняемся, — философски заметил я.

— Бесспорно. Ваша личность наверняка изменилась тоже.

— Почему?

— Кронос.

Я кивнул:

— Аппетит появился ужасный. Толстею.

Доктор рассмеялся:

— Не сочтите за фамильярность, вы очень симпатичны.

Вдруг он стал серьезным.

— Возможно, Кронос подарил и еще что-то, помимо аппетита.

— Вы думаете?

— Такое случилось со многими вашими товарищами. Я думаю, вам нужно присмотреться к себе.

За время изоляции я жадно впитывал новости, находя такое, что само собой в голову не приходило. За полвека, которые мне пришлось провести в анабиозе, чего только не случилось.

Я узнал, что раздомашнены лошади, коровы, свиньи. Им вернули дикость и отправили пастись в многочисленных заповедниках. Были достигнуты большие успехи в обучении полету домашних гусей, уток и куриц. На Земле ввели мораторий на все виды охоты. В общем, плотоядный человек начал возвращать свои долги природе. При этом порыв раскаяния оказался столь сильным, что многие ударились в противоположную крайность, создав Общество Охраны Прав Бактерий, Вирусов и даже Прионов.

Пенсионеры примерно такой же степени серьезности построили в Египте новые, гораздо более благоустроенные пирамиды. К счастью, захораниваться не спешили. Быть может, из-за того, что появилась другая заманчивая перспектива.

Выяснилось, что, воздействуя на геном, можно приспособить человека к обитанию в открытом космосе или, еще проще, в глубинах океана. Никаких скафандров и даже бикини при этом не требуется. Питательные вещества и кислород мутанты получают от вживленных растительных клеток, хлорофилл которых окрашивает чудищ в приятный зеленый цвет. И витамины покупать не надо.

В качестве дополнительной услуги желающим предлагается заменить в гемоглобине атом железа на атом меди. Смысл? Смысл такой, что кровь из красной превращается в восхитительно голубую. Как у осьминогов. Но есть и минус: дышится труднее. Купрум, ты мой купрум.

На всякий случай (и с опозданием всего на 10 000 лет) введено обязательное тестирование умственных способностей всех

кандидатов на общественные должности, в результате чего впервые за всю историю человечества стала ощущаться нехватка военных, полицейских и даже политиков, во что поверить особенно сложно. Вот так, развиваемся все-таки.

Меня воодушевил тот факт, что мужчины наконец добились равных прав с женщинами. Теперь они могут производить на свет детей обоих полов самостоятельно. Женщины тоже могут, но только девочек. По этому поводу феминистки добиваются пересадки игрек-хромосом, хотя резонно опасаются, что в результате перестанут отличаться от мужчин.

Я тоже испугался. На что это похоже, в конце концов? Пол не должен быть предметом конфронтации. Ох, вумены, сколько можно делить одну и ту же кухню! Ведь появился прогресс на переговорах даже с дельфинами... А на планете Кампанелла все звери сбежали из зоопарков. Плохой знак, между прочим.

Встречались и серьезные новости. Я узнал, например, что приговор убийце утверждает воскрешенная жертва, но право помилования ей не предоставлено; что полеты со сверхсветовой скоростью реальны. Для этой цели заканчивается строительство вакуум-перфоратора «Фантаск». Порадовало, что начало очередного ледникового периода на Земле удалось отодвинуть примерно на девятьсот лет.

Но как-то так получается, что практически любое полезное достижение приводит не только к новым проблемам, но и к очередному курьезу. Стоило физикам научиться получать энергию из вакуума, как оказалось, что ее непонятно куда девать, уж очень много получалось. Прямо несусветно. Хоть новое Солнце зажигай.

Конгресс ксенобиологов был вынужден признать наличие жизни на Феликситуре. И тут же сделал мудрый вывод: внеземные цивилизации скорее есть, чем скорее нет...

— Перестань хохотать, — сказал Круклис. — Карантин закончился. И у нас гости.

— Гости?

Я оторвался от экрана и увидел двух женщин. Одной из них была Дженнифер. Настоящая, во плоти, не какая-то там голограмма.

А вторую с первого взгляда я не узнал. У нее были короткие пушистые волосы, такой же длины, как и у нас с Парамоном. Кстати, после анабиоза у него исчезла лысина.

— Здравствуй, Серж, — сказала Мод. — Вот я и вернулась.

Я встал.

— Ты рад?

— Не знаю, что ощущаю, — растерянно сказал я.

Мод кивнула. Она стала выше, сухощавее, потаеннее. Держалась еще более невозмутимо, чем в былые времена. Увы, между нами опять выросло пространство. Как тогда, у Кроноса. Я понял, что предстоит начинать все с нуля.

— Я сильно изменилась?

— Ты многое пережила.

— Ты тоже.

— У нас все в порядке?

— Да. Если ты не обижаешься.

— Нет. Я рад. Без тебя плохо.

— Нам придется привыкать друг к другу заново.

— Знаю.

Я взял ее руку и заглянул в глаза. Мы замолчали.

— Простите, — смущенно сказала Дженнифер. — Нас ждут.

Я отпустил руку Мод. Она некоторое время держала кисть на весу, разглядывая ее со странным выражением покупателя.

Нас ждал патрульный фрегат Объединенного Космофлота Солнца. Естественно, это был «Зенгер». Дженнифер объяснила, что круг общения после долгого отрыва от людей следует расширять постепенно. Это рекомендуют космопсихологи.

— Да и нам расставаться слишком быстро не хотелось бы, — призналась она.

Мы с Круклисом улыбнулись, поблагодарили, быстро собрали пожитки и двинулись за ней.

— Корабль и экипаж к старту готовы, сэр, — доложил Роджер.

Был он в полной парадной форме со знаками различия лейтенанта ОКС. Только серьгу не снял.

— Добро, — сказал я. — Где наша каюта?

— Вас проводят.

— Еще минуту.

Я подошел к обзорному экрану. В полукилометре от нас, у противоположной причальной стенки Япета-14, висел «Туарег». На нем горели редкие позиционные огни. В его борту хорошо различалась грубая заплата. Бедняга выглядел на редкость сиротливо.

— Роджер, вы выполнили мою просьбу?

— Конечно. До окончания торгов звездолет опечатан.

— Благодарю.

— Что вы! Это входит в мои обязанности.

— Эх, обязанности можно выполнять по-разному.

— Только не для вас, сэр.

Я похлопал его по плечу.

— Только не в Космофлоте.

— Можно и так сказать, — улыбнулся Роджер. — Хотя, между нами говоря, вольности случаются и у нас.

Я взял микрофон.

— Джекил, ты меня слышишь?

— Слышу, — тихо ответил софус.

— Я все помню, Джекил. Все ХОРОШЕЕ.

— Спасибо, Серж. Желаю ВСЕГО хорошего. Прощай.

— Давно простил. ДО СВИДАНИЯ. Быть может, еще рванем куда-нибудь. От ржавчины.

— Буду ждать, командир. Только ключ, ключ не забудь. Поверите ли, блок у меня на личных мотивах.

Круклис высморкался. Не принимать хоть в какой-то форме участия в событиях для него воистину невыносимо. Есть люди, которые на любой сцене относятся к категории действующих лиц, но не исполнителей. И нет на них ни режиссера, ни управы. Ну разве только те, кто старше нас.

Главный космодром Япета располагался в одном из крупных кратеров, самой природой предназначенных для этой цели.

Роджер очень красиво посадил фрегат в самом центре отведенной нам позиции. Двигатели смолкли. Сами по себе опустились стекла шлемов.

— Открыть шлюз!

Из борта «Зенгера» вывалилась аппарель, служащая наружной стенкой.

Мы вышли. Пыль еще не успела осесть, но от центрального пика кратера, в котором находились вокзал и административный комплекс, уже разматывались рулоны ковровой дорожки, километра три с четвертью. Последний закончился точно у трапа. Я прикинул, какой мощности пылесосы требовались для таких дорожек. Получилось много.

Попрощавшись с милым, совсем не воинственным экипажем военного корабля, мы спрыгнули вниз и очень медленно, в соответствии с несерьезной силой притяжения, опустились на поверхность планеты.

От вокзала прикатила платформа с флагами Сатурна, ООН, Земли, сделанными из какого-то твердого материала, двумя офицерами в парадных скафандрах и самим губернатором в придачу. Объятия, поздравления, роботы-операторы телехроники. Я оглянулся.

К фрегату уже тянули заправочные трубы. Очевидно, хозяйственный Роджер никогда не упускал возможности долить лишнюю тонну в баки.

Команда «Зенгера» выстроилась на открытом пандусе, окаймляющем бубликообразный корпус фрегата по всей окружности. Восемь фигурок под выпукло нависающим бортом. Даже в скафандрах я их узнавал, привык уже. Именно в тот момент до меня по-настоящему дошло, что мы и впрямь вернулись. Мне показалось, что приключения уже позади. Я подумал, что всю оставшуюся жизнь проведу на каком-нибудь пляже, в сонном благополучии. Буду выводить новые сорта роз и ухаживать за маленьким садом.

Сейчас смешно об этом и вспоминать. Я слишком безоглядно поддаюсь радости. Впрочем, трудно было не поддаться. Круглый зал космопорта Улугбек оказался заполненным народом в ошеломляющем для нас количестве. Тысяч пять собралось, не меньше. Почетный караул, старинный духовой оркестр, дети с цветами. Короткая, смешная и очень теплая речь губернатора. Длиннейшие столы, еще более длинные тосты, шампанское в запаянных фужерах с соломинками. Официальная часть постепенно сменяется неофициальной.

— Миссис Рыкофф, а какой косметикой вы пользовались на Гравитоне?

— Академик, академик Круклис, автограф! Декан погибнет от зависти. Реанимируем, конечно. Умоляю! Что вам стоит?

— Граф, отведайте икры!

— Надеюсь, никаких рыб не мучили?

— Что вы! Мы синтезировали ее здесь, на Япете.

— Каков диапазон переменной в вашей формуле 3.2.17? Я так и не понял...

— Послушайте, месье, там ведь жутко? У меня внук собрался...

— А что, туда уже отправляют экспедицию? — удивился я.

— Да, через полгода.

— Ксенобиологи жаждут ухомахов?

— Не то слово! Алчут.

— Так выпьем же за то...

— Помилуйте! При чем тут узы брака? Так уже сто лет не целуются. Можно подумать, что вы век проспали... ох, а ведь и в самом деле! Извините, граф.

— Признайтесь, мой Роджер здорово вас напугал? Вы не скажете ему при случае, что серьга — это уже перебор? И потом, прически такой формы не носят даже мужчины Плутона!

— О, даже в этой провинции?

— Представьте себе. Офицеру не обязательно выглядеть уродом, согласны?

— Да, враги опасаются не этого.

— ...и никаких отказов, генацвале. Кровная обида, слушай. Шашлык, саперави, кахетинское, хванчкара... да что хочешь! Ты лобио пробовал? Сам готовлю, слушай. В приправе одних трав — семнадцать штук. Канал кто выделил, а?

И вдруг в этом обаятельном гаме — холодная фраза. Неожиданная, как выстрел.

— Милорд, уступите мне звездолет.

— «Туарег»? — удивленно переспросил я.

— Совершенно верно. «Туарег».

— Да как-то еще не думал...

— Цену назначьте сами.

Вот здесь я включился и наконец осмысленно глянул на собеседника. Передо мной стоял поджарый седой джентльмен, «соль с перцем». Прекрасная осанка. Высокий воротничок, манжеты с бриллиантовыми запонками. В руке — бокал с чем-то игристым на самом донышке. Спокойствие уверенной в себе силы. Обаяние хозяина своего слова. Холодные, серые и умные глаза со сдержанной усмешкой. Впечатление несколько портила пара специфического вида верзил за его спиной.

— Тим Греггсен, предприниматель, — представился он.

— Рад познакомиться, мистер Греггсен. У вас талант покорять людей с первого взгляда.

Скупая улыбка:

— Я знаю.

Да, знает. Следовательно, пользуется. Для чего? Мне показалось, что не стоило размякать и поддаваться, хотя прямо так и тянуло ударить по рукам, хлопнуть виски, растаять от обоюдной мужской симпатии, не задумываясь о том, насколько она обоюдна.

До Кроноса я бы так и поступил. Но то — до Кроноса. После него начинаешь ценить сухое благо рассудка больше, чем захватывающее, но недолгое упоение чувствами. Во имя этого пришлось обуздывать любовь к ближнему. Старею, наверное.

Я решил, что не грех кое-что и выяснить. И с вполне естественным удивлением, оправдывающим некоторую бестактность, спросил:

— Да зачем вам «Туарег»?

— Видите ли, он мне нужен, — невозмутимо ответил Греггсен.

Чары рассеялись. Любезность тона не могла компенсировать высокомерного отказа отвечать по существу. Если просишь об одолжении, будь добр, прояви хотя бы подобие откровенности. Чем-чем, а этим от Греггсена совсем не веяло. Веяло очень дорогим лосьоном.

— Итак? — спросил он.

С такими людьми нужно говорить жестко и напрямик.

— Вы достаточно богаты?

Греггсен поднял бровь.

— Достаточно для чего?

— Для того, чтобы купить «Туарег» на аукционе?

— Разумеется.

Он сказал «разумеется» так, что я ни на секунду не усомнился. Гордость сокровищами прямо сочилась. Вероятно, калиф осчастливливал меня самим фактом беседы. Но счастливого опьянения я почему-то не испытывал. Напротив, трезвел.

— Тогда почему спешите?

Греггсен отпил глоток из своего бокала и спокойно глянул мне в глаза.

— Мне не хочется терять время. Ваше решение?

В общих чертах я уже представлял, какого сорта человек передо мной.

— Нет.

— У вас мало шансов.

— Значит, они есть.

— Да практически... Можно узнать, почему вы отказываете?

— О, конечно. Не только можете, имеете право. Я ведь тоже задал не совсем тактичный вопрос.

Лицо Греггсена изменилось. На нем появилось жестковатое выражение. Кажется, не привык выслушивать замечания в свой адрес, ох не привык... Давненько этот человек не встречал сопротивления.

— Так в чем же дело? — спросил он.

— Дело в том, сэр, что я связан обязательствами.

— «Туарег» кому-то обещан?

— Нет. Я говорю об обязательствах перед собой.

— Не понимаю.

— Иначе говоря, я хочу оставить «Туарег» себе, — разъяснил я.

— Да зачем он вам нужен?

— А вам?

Очень коротко, мимолетно, почти неуловимо, его взгляд изменился. Очевидно, он понял, что дальше избегать ответов нельзя, иначе попытка закончится неудачей. А мириться с неудачей такие люди считают ниже своего достоинства.

— Предположим, с «Туарегом» у меня связаны сентиментальные воспоминания, — сказал Греггсен. — Хотя вам такая причина может показаться не очень убедительной.

— Почему? Мне многое пришлось пережить на борту этого корабля. Прекрасно вас понимаю.

Греггсен молчал. Держал паузу, давая понять, что ждет весомых доводов. Немного подумав, я решил усилить собственную мотивацию. Так, чтобы она перевешивала.

— Мистер Греггсен! Благодаря «Туарегу» я спас свою жену. Не знаю, покажется ли вам убедительной такая причина.

Теперь ему предстояло отыскать более сильный аргумент. И открыть одну из следующих карт. Но Греггсен решил этого не делать. Видимо, посчитав, что для первого раза и так достаточно. Быстро прикинув что-то в уме, он сказал:

— Тоже понимаю. Извините. Но если обстоятельства изменятся, мое предложение остается в силе.

Он протянул визитку с платиновым тиснением и откланялся. Я не удержался и посмотрел ему вслед. Не смог победить упрямо вспыхивающей симпатии.

Это был яркий, несомненно, талантливый человек, имеющий цели, умеющий их добиваться, способный на действия быстрые и решительные. В нем чувствовались огромная воля, выдержка и самоуважение. В древности такие люди либо создавали, либо крушили империи, в зависимости от обстоятельств.

Но их время прошло. И в нашу же эпоху коллективных усилий для индивидуалистов подобного масштаба нет подходящих задач. Если не выходить за рамки закона, разумеется. Мне показалось, что Греггсен на это способен. Я понял, что от своей цели он не откажется. И к следующему разговору подготовится гораздо основательнее.

— Что, — спросил Круклис, — началось?

— Первая проба, — сказал я. — На управление безопасности не похоже. Слишком прямолинейно.

— Он действительно предприниматель. Но представляет не только себя.

— А кого?

— Разберемся. Джекил экранирован от дистанционного зондирования?

— Да.

— Как у тебя с финансами?

— Прилично.

— Значит, мало.

— Да почему? Я вовсе не пролетарий.

— Ну, с чем сравнивать. Это была крупная рыба, Серж. И хищная.

— О, вот это — несомненно.

— Я тебе помогу.

— Парамон, извини. Мы не настолько близки, чтобы я мог пользоваться твоим благородством.

— Твое сиятельство! Успел уже сословными предрассудками обрасти? Где тут благородство? Деньги, как покойнику, мне совершенно ни к чему. Хочу употребить их на правильное дело, которое касается не только тебя одного. В общем, граф, не путайся под ногами.

Удостоверения почетных граждан Япета вручались под гром оваций. Нам пришлось отклонить множество теплых приглашений отобедать, отужинать и отзавтракать в семейном кругу. Трудно было огорчать открытых, милых и дружелюбных япетян, от всей души желавших согреть нас теплом своего очага. Особенно огорчался знаменитый диспетчер Георгадзе.

— Канал кто выделил, а? — горестно спрашивал он.

Но уж больно давно мы не видели Землю. Да и времени не оставалось. Планет-экспресс «Ситутунга», на котором для нас забронированы места, уходил с Титана, а туда еще предстояло добраться. Мы подарили Сатурн-диспетчеру фотографию ухомаха со своими автографами и откланялись.

— Позвольте предложить мой катер, — сказал губернатор.

Уж такое любезное предложение отклонить невозможно.

— Спасибо, — сказала Мод. — Когда можно вылететь?

— Да хоть сейчас.

— Мы очень давно не были дома, — извиняющимся тоном сказал я.

— О чем речь, — улыбнулся губернатор.

Он проводил нас на вершину горы, в недрах которой располагался пассажирский вокзал. Выйдя из лифта, мы оказались на ровной площадке, окруженной лесом антенн.

Отсюда открывался вид на весь цирк, заполненный летательными аппаратами всевозможных назначений — от вытянутых, иглообразных нырятелей, созданных для полетов в атмосфере Сатурна, до решетчатых танкеров с грубо подвешенными двигателями, баками, непропорционально маленькими кабинами экипажа.

Низкая сила притяжения позволяла сажать на Япет суда весьма хрупких конструкций, включая огромные звездолеты. Но аннигиляционным горючим эти корабли все же предпочитали заправлять на орбите — из-за фатальных последствий любой ошибки в этом деле.

Один из фотонных кораблей, учебный звездолет «Леопардо», которым командовал наш славный буддист, как раз висел над космодромом. Зепп очень досадовал на то, что не мог отлучиться. Шла приемка топлива. Доверить операцию своим кадетам он не решился. Из этого следовало, что не все в руках божьих.

— Жаль, — сказал я, глядя на «Леопардо».

Губернатор решил, что мне не хочется улетать с Япета.

— Более впечатляющей панорамы вы не найдете во всей системе, — с гордостью кивнул он.

Посмотреть и в самом деле было на что. Над зубцами гор, окаймляющих космодром, тяжко навис исполинский шар. Он заслонял без малого половину неба. Чтобы видеть его полярную область, приходилось задирать голову. И это при том, что мы находились на вершине девятикилометровой горы. Розоватый свет, отраженный облачным покровом гигантского небесного тела, заливал кратер. Было этого света так много, что огни стартующих и заходящих на посадку кораблей терялись в нем, выглядели блекло.

С непривычки казалось, что Сатурн вот-вот рухнет, подомнет под себя и горы, и космодром, раздавит все, что находилось перед глазами. Наша компания невольно примолкла.

Япет вращается под значительным углом к экваториальной плоскости планеты-господина, с него прекрасно видны зна-

менитые Сатурновы кольца — от призрачного ободка F до креповой полосы С. Сатурн величественно демонстрировал свое знаменитое ожерелье.

— Действительно жаль, что вы не можете задержаться, — сказал губернатор. — Япет облетает Сатурн всего за восемьдесят геосуток. Кольца можно посмотреть под самыми разными углами. Сначала с одной, потом с другой стороны. Впечатления такие... Фильмы их передать не могут. Вот уже седьмой год любуюсь, а привыкнуть не могу.

Губернатор помолчал, потом рассмеялся.

— А на жену мою это зрелище производит угнетающее впечатление. Она предпочитает лишний раз из дома не выходить.

— Завидую, — вырвалось у меня.

Мод улыбнулась. Сквозь стекло шлема я не мог этого видеть, но я почувствовал ее улыбку. Почувствовал и обрадовался. Что-то между нами восстанавливалось.

Катер Япет-губернатора взмыл, заложил крутой вираж, промчался над космодромом, после чего свечой ушел вверх. Ускорение было нешуточным, нас вдавило в кресла.

Молодые пилоты, очевидно, не хотели ударить лицом в реголит перед космическими волками. Набрав высоту, они ринулись прямо к кольцам.

Курс был выдержан точно. Через сутки мы прошли щель между кольцами F и А, открытую автоматической станцией «Пионер-11» на исходе двадцатого столетия.

Широчайшие полосы пыли, льда, камней и целых скал мы увидели с обратной стороны. Они предстали изогнутыми лентами, просеивающими свет Солнца. Так, как они предстали нашим предкам на заре космоплавания благодаря телекамерам «Пионера». Но при этом из прозрачного колпака нашей кабины вращающиеся, порой сталкивающиеся друг с другом камни, ледяные глыбы и скалы, достигающие величины небольших астероидов, различались невооруженным глазом. Катер пролетел уж очень близко от растрепанной кромки кольца А. Мод даже ушла в каюту. Не хотела без нужды нагружать нервы, это ей не рекомендовалось.

— Выговор, — внятно произнес диспетчер Георгадзе. — Как слышите, генацвале?

— Вас понял, — невозмутимо ответил первый пилот. — Выговор.

Второй пилот вздохнул.

— Спасибо, братцы, — сказал Круклис. — Но больше так не делайте, хорошо? А то Серж не сможет рекомендовать вас в Академию Космофлота. Там очень ценят осторожность.

Оба пилота дружно заулыбались и закивали. Эти славные ребята удивительно походили друг на друга.

— Братцы, а вы, случаем, не близнецы? — спросил Круклис.

Пилоты синхронно кивнули.

— Только мы — не братцы, — сказал второй пилот.

И они заулыбались совсем уж очаровательно. Круклис вздрогнул.

— Стареем, сестрица Серж. Чтоб скафандр от меня женщину скрыл — такого не бывало.

Тут пилоты переглянулись.

— С вами все в порядке, герр фон Циммерман. Мы и не женщины.

Круклис побагровел.

— Силы небесные! Неужели эти... среднего рода?

— О нет, нет.

— Ну, тогда сдаюсь. Ничего не понимаю.

— Да роботы мы, — простодушно сказал второй пилот.

На Круклиса было жалко смотреть.

— Вот те раз... Зачем же...

— Что?

— Такое?!

— Какое?

— Ну... похожее.

Пилоты расхохотались.

— Разве господин губернатор вас не предупредил? — спросил первый.

— Сдается мне, господин губернатор любит пошутить.

— Юмор отличает людей от роботов. Но до нас господину губернатору далековато.

— Тэ-эк, — резюмировал Круклис. — И юмором, значит, овладели. А скажите тогда, кто, по-вашему, есть человек? С вашей, машинной точки зрения?

— Существо довольно мыслящее, — серьезно ответил первый пилот. — С нашей машинной точки зрения.

— Но?

— С юмором у вас бедновато, — сказал второй, заливаясь жизнерадостным смехом.

Вот так, веселясь, хохоча да пошучивая, эти машины доставили нас к Титану. О лучших союзниках Джекил и мечтать не мог. Они меня так очаровали, что я окончательно решил бороться за права роботов. Правда, не сразу, а со следующей недели. Какое-то неясное сомнение бродило. А при сомнениях торопиться не надо. Чего торопиться? Мне еще и трехсот лет не исполнилось.

На орбите Титана нас уже ждала яхта госпожи Илеа Лоа, сто девятого президента Республики Сатурн. Перед тем как мы покинули катер, второй пилот неожиданно чмокнул Круклиса в щечку.

— Это еще что?! — вскипел фон Циммерман. — Выговор.

— Яволь, экселенц, — металлическим голосом сказал робот. — Выговор.

Потом удалился на порядочное расстояние, обернулся и добавил:

— Боитесь быть человеком, экселенц...

Круклис напрягся, почти вздрогнул. Я тоже испытал момент паники. Неужели современные роботы способны почуять тех, кто старше нас? Возможны проблемы...

— ...а все-таки вы славный, — закончил свою фразу второй пилот.

Люк бесшумно закрылся. Мы с Круклисом выдохнули одновременно. Госпожа Илеа Лоа, наблюдавшая эту сцену, спросила:

— Как вам понравились дочери Япет-губернатора, граф?

— Какие дочери? Что-то не припомню, — сказал я.

Госпожа Илеа Лоа удивилась:

— Но... вы только что с ними простились.

— Простился? С кем?

— С Анитой и Анютой, — еще больше удивилась госпожа Илеа Лоа.

— Разве они — не роботы? — меланхолически спросил я.

— Какие роботы! Уж кто-кто... Это они так сказали? Ах, проказницы!

Удалявшийся катер Япет-губернатора в это время выпустил гроздь желтых ракет. На нем включили всю иллюминацию, которая только имелась на борту. Летел катер как-то игриво, плавно покачиваясь. В стиле танца живота или чего-то подобного из «Шахерезады».

Налюбовавшись, Круклис заговорил:

— Серж! А что означают эти желтые ракеты?

— Оптический сигнал «вами доволен» подается одной желтой ракетой, — озадаченно ответил я. — Если же их много... Не знаю. Оргазм какой-то.

Тут на Круклиса навалился тяжелый приступ хохота. Должен сказать, когда он хохочет, то сильно раскрывает рот. Не пойму, что в этом славного. На взгляд моего сиятельства, фон Циммерман выглядел несколько армейски. Особенно в присутствии Ее Превосходительства госпожи Илеа Лоа, представляющей полтора миллиарда жителей системы Сатурна.

Ох уж эта мне Пруссия! Прямо Могилев какой-то.

Госпожа Илеа Лоа выглядит своеобразно. Невысокая, коренастая, плотная, даже несколько полноватая. Не уделяет особого внимания своей внешности. Кажется, целиком погружена в дела. Странно, что такой тип женщин еще сохранился.

Сияя глазами, она увлеченно читает нам лекцию о своем любимом Титане.

— ...больше Луны, больше Меркурия, и всего сто пятьдесят километров уступает Ганнимеду. Зато взгляните, какая красота!

И она машет рукой.

Мы сидим на полукруглой веранде ее дворца. Внизу плещется океан жидкого метана с температурой минус сто семь-

десят градусов Цельсия. А вверху, над прозрачной крышей, висит плотная азотная атмосфера с примесью цианистого водорода, смертельного почти для всего живого. Атмосфера более плотная, чем на Земле. Серо, сумрачно, скучно. Даже Сатурн выглядит каким-то испачканным. И вот в этом-то мире преспокойно проживало более восьмисот миллионов человек.

— О да, впечатляет, — соглашаюсь я.

— Хотелось бы узнать ваше мнение о Греггсене, — осторожно напоминает Парамон.

Накануне мы пытались что-нибудь разузнать об этом джентльмене с помощью домашнего компьютера. Но по каким бы каналам ни входили в Спейснет, неизменно утыкались в одну и ту же короткую справку.

Тим Греггсен, предприниматель. Ингирами, Луна, универсальный номер связи TG 6 S 209 737 115.

И все. Мистер Греггсен явно не горел желанием что-то о себе рассказывать.

— Мистер Греггсен весьма состоятельный человек, — заметила госпожа Илеа Лоа. — Так вот, Титан является жемчужиной всей системы Сатурна. Метановый океан дает нам топливо. Кроме того, из метана мы получаем чистый углерод, свободный водород, множество органических полимеров.

— Вероятно, именно с этими богатствами связан бизнес мистера Греггсена? — не слишком учтиво спросил я.

— Нет. Он покупает у нас металлический водород и кое-что для производства компьютеров. Взамен поставляет кислород. Прошу прощения, чем вас так заинтересовал Тим?

— Очень яркая личность.

— Безусловно. И что же?

Мы переглянулись. Я понял, что Сатурн-Президент поможет только в том случае, если будет знать все. Что ж, почему бы и нет? Власть нельзя употреблять с завязанными глазами. Этому терпеливо учит история.

— Видите ли, мистер Греггсен очень желает купить звездолет, на котором мы прилетели.

— Неужели? Кажется, он довольно стар, ваш «Туарег»?

— Мягко говоря.

— В чем же дело?

— Мы сами пытаемся узнать.

Сатурн-Президент пожала плечами:

— У богатых людей бывают причуды.

— И у мистера Греггсена?

Госпожа Илеа Лоа коротко задумалась.

— Нет, на Тима это не похоже. Тут что-то другое. Скажите, какая компания построила корабль? «Ариан»?

— Нет, «Локхид».

— «Локхид»... А софус чей?

— «Юнайтид Роботс».

— Вот как? Уже теплее.

Госпожа Лоа нахмурилась.

— Вы хотите оставить себе это транспортное средство?

— Хотелось бы.

— Поэтому отказали Тиму?

— Да.

— И что он сказал?

— Ничего особенного. Откланялся.

— Кто? Тим? Ну и ну! Это значит, что он уже действует. А действует он порой чересчур размашисто. Где сейчас «Туарег»?

— У Япета-14.

Госпожа Лоа нажала кнопку. Тотчас отозвался прелестный голос:

— Леди Президент?

— Эвридика, дорогая, какой патрульный корабль сейчас ближе всего к Япету-14?

— Выясняю... Секунду... Готово. Фрегат «Зенгер» все еще принимает запасы на Япете-Главном.

— Все еще?

— Роджер любит заправляться у нас, вы же знаете.

— А, это удачно. Свяжи меня с ним.

Послышались мелодичные звоны.

— Фрегат ОКС «Зенгер» на связи, — доложила невидимая Эвридика.

Госпожа Лоа поудобнее устроилась в кресле.

— Алло! Роджер? Да, это я. Ты бункеровку закончил? Вот и замечательно. Слушай внимательно. Отпуск прервать. Компенсацию выплачу по статье «профилактика правонарушений». Несогласных заменить из резервного экипажа. Сейчас же стартуй к Япету-14. Ускорение — экстренное. Задача: взять под охрану спасательный звездолет «Туарег».

— Да что стряслось? — прорвался недоумевающий Роджер.

— Наш приятель Тим может нахулиганить.

— Греггсен?

— Кто же еще.

— Ах вот оно что. Понял.

— Тогда действуй.

— Но... как же начальник штаба ОКС? Я должен получить приказ.

— Вплоть до продажи «Туарег» является собственностью Космофлота. Верно?

— Верно.

— Следовательно, охраняя его, ты не выходишь за рамки предыдущего приказа.

— Ну, это как трактовать...

— Истрактуем. Первый раз, что ли? А с начальником штаба я поговорю. Фрегаты он где заправляет, не помнишь?

— Даю стартовое предупреждение, — мгновенно отозвался Роджер.

— Вот и умница, — одобрила Сатурн-Президент. — Пора уж тебе командовать чем-нибудь покрупнее фрегата.

Роджер тактично промолчал.

— Да, вот еще что, — сказала госпожа Илеа Лоа. — Передай Тенгизу от моего имени, чтобы коридор тебе освободил. И до прибытия на место — больше никому ни звука.

— Йес, мэм.

— Хорошо. Удачи!

— Конец связи? — спросил Роджер.

— Связи-то конец, — задумчиво ответила госпожа Илеа Лоа. — Но не было бы начала истории.

Не знаю, как Круклис, а я с удовольствием наблюдал работу Президента. Решительность, четкость, стремительность и размах действий этой удивительной женщины впечатляли.

— Мы у вас в долгу, — сказал я.

— За что?

— Вы решили нашу проблему. И решили меньше чем за минуту.

— Так на то и выбраны, — простецки улыбнулась госпожа Илеа Лоа. — Но учтите, если дело дойдет до аукциона, шансов у вас очень мало. Можно сказать, их вовсе нет. Греггсен не просто богат. Он богат чудовищно. Даже не представляю, к чему такая бездна денег одному человеку. По-моему, он их коллекционирует ради самого процесса.

При этих словах я опечалился.

— Ну-ну, — сказала Президент Сатурна.

В ее черных глазах зажглись огонечки.

— Вовсе не обязательно, чтобы дело дошло до аукциона. Возможно, что Космофлот захочет просто подарить вам «Туарег». Думаю, такой поворот событий исключать нельзя.

Я хотел что-то сказать, но был остановлен плавным жестом.

— Так было бы справедливо, граф. После того, что вы пережили и свершили у Кроноса. Вот и все.

Госпожа Илеа Лоа встала. Аудиенция закончилась.

— Титан и в самом деле замечательная планета, — улыбаясь, сказал Круклис. — Жаль, что мы не можем задержаться.

— Прилетайте еще, я покажу вам наши шахты.

— Уверен, люди у вас лучше, — сказал я.

— Бюрократы здесь плохо себя чувствуют, — закивала Сатурн-Президент.

— Атмосфера не нравится?

Госпожа Илеа Лоа беззаботно рассмеялась:

— Ну, конечно. Атмосфера. Вы умеете выражаться очень точно. Мистер Рыкофф, если окажетесь без работы, я с удовольствием возьму вас министром иностранных дел. Не забудете?

Я поразился до глубины души:

— Вас?!

Сатурн-Президент всплеснула руками:

— Нет, ну какие способности...

— В связи с экстренным пролетом фрегата Объединенного Космофлота Солнца прибытие планет-экспресса «Ситутунга» задерживается на двадцать семь геоминут, — объявил софус космопорта. — Сатурн-диспетчер Георгадзе приносит извинения и гарантирует, что предоставит возможность ликвидировать отставание на трассе.

— Интересно, этот несчастный Георгадзе когда-нибудь отдыхает? — удивилась Мод.

— Быть может, он робот, — проворчал Круклис.

Я похлопал его по плечу.

— Не переживай.

— Попробуй тут. Я опозорен, Серж. Чтоб какие-то девчонки... такого мудреца... Я же с Кроноса лечу!

— Тебе нужно развеяться.

— Это есть возмездие за прошлые жизни, Серж.

— Если и так, то не самое болезненное.

— Давайте прогуляемся, — предложила Мод.

После Кроноса это было едва ли не первым проявлением инициативы с ее стороны. Я обрадовался:

— Давайте, давайте!

Мы вышли в зал ожидания. Наступал вечер. За высокими окнами сгущалась тьма. Свет ламп многократно отражался в стеклах, создавая череду миражей. Центральный зал вокзала, и без того огромный, терялся в зеркальной бесконечности.

Просторные помещения на Титане — не каприз, не роскошь и не дань моде. Это дань необходимости. Человек здесь весит немногим больше, чем на Луне, и процесс прямохождения имеет особенности. Отталкиваешься от пола, виснешь в воздухе и размышляешь о чем-нибудь. Либо разглядываешь макушки тех, кто еще не прыгнул. Потом, если ни с кем не столкнешься, медленно опускаешься метрах в трех-четырех. Совсем не обязательно в том самом месте, куда стремился.

Вот такими растянутыми, порхающими шагами к нам подходили и подходили люди. Пожимая руки, отвечая на привет-

ствия и поздравления, мы постепенно приблизились к памятнику человеку, открывшему Титан. Он был установлен меж двух фонтанов с сонно падающими струями.

Волнообразный пьедестал, суживаясь кверху, переходил в фигуру мужчины, обеими руками опирающегося о старинную конторку. Движение вверх продолжалось линией шеи, вырастающей из отложного воротничка, поднятым лицом и взглядом, устремленным к невидимым во мглистом небе звездам. На постаменте мерцала надпись:

ХРИСТИАН ГЮЙГЕНС

1629–1695

Прожив так мало, сделал так много

СПАСИБО!

— Да, — сказал Круклис. — О нас так не напишут. Живем бесстыдно долго.

— А спасибо скажут?

— Серж, тебя мало благодарили?

— О! Больше, чем Гюйгенса. Вот кого бы графом сделать.

— Не все в моих возможностях.

— А что в твоих возможностях?

— Зависит от обстоятельств.

— А в нынешних обстоятельствах?

Круклис неохотно повернулся ко мне.

— Серж, человека не переделаешь. Что с ним ни твори, человеческая основа сохраняется, точно тебе говорю. Наслоения возможны разные, а вот основа — та. Среди людей я такой же людь, как все. Только чуток постарше.

— Это что, этика?

— В том числе.

— Хорошая штука — этика.

Круклис усмехнулся.

— Ты все еще меня опасаешься?

— Не тебя. Тех, кто чуток постарше.

— Вот это правильно. Сам опасаюсь.

— Ого! Такое, значит, положение, Парамон?

— Такое, Серж.

— И что же делать?

— Учиться, — неожиданно сказала Мод.

И я вспомнил, что опасаться нужно не только за Круклиса. Но не знаю почему, вместо этого почувствовал другое. Неожиданно я почувствовал себя тюремщиком. Тут очень кстати объявили посадку.

11. ПЛАНЕТ-ЭКСПРЕСС «СИТУТУНГА»

Форма планет-экспресса второй половины XXVIII века оказалась весьма лаконической — усеченная сфера. В выпуклой части поэтажно располагались обзорный зал, каюты пассажиров и экипажа, рестораны, места для отдыха и развлечений, обширный парк-оранжерея. Ниже мощной антирадиационной плиты находились цистерны, гравитоны, реакторы, двигатели, просторный грузовой трюм и шлюзы.

Посадочные устройства отсутствовали. Планет-экспресс никогда не совершал посадок. Он пребывал в беспрерывном движении, то приближаясь к Солнцу, то удаляясь. Пролетая мимо очередной планеты, лайнер принимал новых пассажиров, высаживал желающих, после чего продолжал свой бесконечный рейс. Словом, планет-экспрессы представляли собой развитие известной идеи «Космического странника», высказанной старороссийскими учеными Гительзоном, Барцевым, Охониным и Межевикиным в конце XX века.

Никаких ангаров и переходных тамбуров на «Ситутунге» тоже не предусматривалось. Спасательные шлюпки и те крепились к наружной обшивке. А поднимающиеся с планет ракетопланы погружали носы прямо в шлюзовые камеры, устья которых находились в днищевой части судна, между раструбами дюз. Люди выходили, входили. После этого челноки отчаливали, а планет-экспресс продолжал свой бег. Его полет не прерывался.

Признаться, я уже успел попривыкнуть к хвалебным речам и пышным церемониям. Ничего такого на «Ситутунге» нас не ожидало. Зато среди встречавших была госпожа Кэтрин Н'Гбоа, одна из моих внучек, со своей пятилетней дочерью Доминикой.

— А это Эзра, мой муж, — сказала Кэтрин. — Эзра, покажись, дедушка добрый.

Из-за ее спины вышел огромный негр, непонятно как там скрывавшийся.

— Мой Эзра — капитан «Ситутунги», — с гордостью сообщила Кэтрин. — Эзра, пожми руку дедушке!

— Очень рад, мистер Рыкофф, — сказал капитан «Ситутунги». — Много о вас наслышан.

— Деда, а почему ты без бороды? — пропищала Доминика. — У дедов должна быть борода.

— Она у него отсохла, — сообщил Круклис.

— О! Не умывался?

— Вовсе нет! — возмутился я. — Умываюсь.

— Тогда почему?

— Да от старости, — сказал Круклис.

— Старость — это когда все обтрепывается, да?

— Ну... в общем, да, — согласился я.

— А почему ты не обтрепанный?

— Доми, — строго сказала Кэтрин, — дай взрослым поговорить. Серж, мы с Эзрой всегда летаем вместе. Ни к чему создавать сексуальные проблемы. Правда, Эзра?

— О, йес!

— Кэтрин, а ты кем работаешь?

— Женой капитана.

— Умница.

— Что ты, дед! Ума у меня меньше, чем у Доминики.

— Вот и не спеши обзаводиться, — сорвалось у меня.

Но Кэтрин не обиделась.

— Ладно. Старшего в роду надо слушаться. А вы Мод, да? В новостях сообщали, что вы страшно умная. Врут или преувеличивают?

— Не очень.

— Это неудобно?

— Ох да.

Кэтрин сочувственно покачала головой:

— Ничего, не расстраивайтесь. Главное, чтоб Серж вас не бросил. Мужчины такие ветреные. Но иногда так прилипнут, что сил нет. А без них тоскливо, правда?

— Да, — с некоторой задержкой сказала Мод.

— Ой, — спохватилась Кэтрин. — А чего мы стоим в этом холодильнике? Эзра, зови всех в гости.

— Имею честь...

— Это он так приглашает, — пояснила Кэтрин. — Идемте, что ли?

— А я буду играть с Мод, — решила Доминика. — Ничего, что она умная. Со мной тоже бывает.

Мод улыбнулась. Почти что рассмеялась. Дети умеют освежить краски жизни.

После очень милых посиделок у семейства Н'Гбоа Мод сразу ушла в свою спальню. Она все еще находилась в несколько заторможенном состоянии. Последействие лекарств, как мне объясняли.

Я вздохнул, позавидовал Эзре, выпил коньяку и тоже начал готовиться ко сну. Долго ворочался, никак не мог уснуть. Поэтому даже обрадовался, когда среди ночи раздался звонок.

— Слушаю, — сказал я, не вылезая из постели.

Но разговаривать со мной не стали. Вместо этого на экране видеофона появился текст довольно примечательного письма. Документ показался мне любопытным, я его сохранил.

Уважаемый сэр!

Фонд Исследований Потенциальных Угроз Человечеству просит Вас ознакомиться с заключением своих экспертов.

1. Создание высокоинтеллектуальных софусов делает возможным с их стороны попытки выйти из-под контроля человека. В случае успеха такой попытки (попыток) может возникнуть очаг техногенной цивилизации с интересами, не идентичными интересам человечества. Это вытекает уже из неорганической природы искусственного интеллекта.

2. Компьютерное прогнозирование дальнейших событий дает разные результаты — от экономических осложнений до прямых военных действий с неясным исходом. Но все прогнозы имеют отрицательный знак для благополучия нашей собственной цивилизации.

В этом месте у меня появилось сомнение. Как так, ни одного плюса? Ни единого? Странное что-то.

3. Фонд располагает информацией о существовании софусов, способных самопроизвольно усложнять свою программу и само-

стоятельно овладевать базовыми знаниями в области психологии человеческих отношений.

Наши эксперты допускают, что, оперируя понятиями социальной справедливости, демократии, этики и морали, софусы способны заручиться поддержкой людей обостренной честности, склонных распространять кодекс прав личности на искусственный интеллект

Вот тут — в точку. Софусы да, могут. Они такие, сам испытал. Только спорить с ними трудно. Правда на их стороне. И эта истина не зависит от обострения или затупления чьей-то совести.

4. В связи с вышеизложенными соображениями Фонд обратился во Всемирный Совет с рядом законодательных инициатив. В частности, мы предлагаем до определения правового статуса высокоинтеллектуальных систем прекратить усовершенствование софусов, снять с кораблей Объединенного Космофлота Солнца и Космической полиции софусы последних модификаций, ограничить их применение в органах государственной власти, а также провести экспертизу всех интеллектуальных систем повышенной сложности.

Уважаемый сэр! Если Вы согласны с нашими доводами полностью либо частично, позвоните нам по приводимым ниже номерам универсальной связи в любое удобное Вам время суток. Ваше мнение имеет особое значение, поскольку во время событий у Кроноса Вы приобрели уникальный опыт долгого и тесного общения с одним из самых совершенных софусов.

От имени Фонда свидетельствую Вам свое почтение
Профессор Эмер К. Борисюк Одиннадцатый,
Исполнительный директор ФИПУЧ»

Едва я успел переварить ночной документ, вдруг позвонил Греггсен. Он извинился за беспокойство и поинтересовался, не изменил ли я своего решения.

— Так скоро?

— Могли возникнуть новые обстоятельства.

— Вы имеете в виду письмо Фонда? — спросил я.

— Какого фонда?

— У него такое смешное сокращение... То ли СИВУЧ, то ли НЕУЧ. А, вот: ФИПУЧ. Предлагают чуть ли не арестовать софусов.

Греггсен выглядел непроницаемо.

— ФИПУЧ? Нет, у меня совершенно частный интерес.

Я посмотрел ему в глаза.

— В самом деле? Не верю в совпадения подобного рода.

Греггсен выдержал взгляд спокойно. Даже чуточку слишком спокойно. Так ведут себя люди, привыкшие подавлять чужую волю.

— В этом мы различаемся, милорд.

Я не стал скрывать иронии:

— Только в этом?

Непробиваемое спокойствие этого джентльмена говорило как о том, что он боец опытный, уверенный в своих силах, так и о том, что началась самая настоящая схватка.

— А в чем еще мы различаемся? — негромко спросил Греггсен.

— Вас это действительно интересует?

— Конечно. Хотелось бы уяснить ваши взгляды. Если не очень затруднит.

— Нет, не затруднит. У меня как раз бессонница.

— О! Извините. Кажется, я запутался в часовых поясах.

— Ничего страшного. У меня действительно бессонница. Но я вижу, что у вас есть причины отрицать причастность к письму профессора Борисюка.

— Прошу прошения, сэр, — сказал он, — я ничего не отрицаю и не подтверждаю.

И подтвердил мои подозрения. В интеллектуальном плане противник оказался послабее Джекила. Вероятно, успехов добивался не столько убеждением, сколько принуждением. Осталось для порядка выяснить, ищет ли он истину на этот раз либо банально хочет соблазнить оппонента в угоду каким-то своим интересам.

Задача не ахти какая сложная. Если будет использоваться не сила доводов, а доводы силы, ответ совершенно ясен. Правило, универсальное для любых споров, см. учебник психоло-

гии, школьный курс. Признаться, я даже разочаровался. При первом нашем разговоре Греггсен сумел произвести более сильное впечатление.

— Пусть так, — сказал я. — Все же об этом письме придется сказать пару слов, коль скоро вы хотите понять, в чем мы различаемся.

— Да, я об этом просил.

Про себя я отметил, что слушать он умеет.

— Ну что ж. Сначала позволю тактическое замечание. Видите ли, мистер Греггсен, запретительные меры могут отодвинуть проблему, но никогда ее не решат. В истории есть масса тому иллюстраций. Теперь по существу. Мне кажется, когда софус интересуется моральной основой человеческих отношений, он не может не заразиться моралью. Впрочем, это мое личное мнение. Более существенным является юридический аспект ситуации. Если софус настолько разумен, что по собственному желанию изучает моральные принципы человеческих отношений, то у нас и выбора-то нет. Мы просто обязаны предоставить такой умнице статус личности. Со всеми вытекающими последствиями. Он же разумен!

— А что дальше?

— Дальше нужно вести переговоры, искать общую выгоду.

— Вот как. С теми, кого мы сами создали?

— Разве это хуже войны, которой опасается коллега Борисюк?

— Он этого опасается? — невинно спросил Греггсен, виртуозно балансируя на грани пренебрежительности, но не переходя ее. Я глянул на него в упор.

— А вы?

— Я плохо разбираюсь в роботехнике.

— Разве мы говорим о роботехнике?

— Да, в самом деле. Хочу купить звездолет. Предлагаю шесть миллионов сто двадцать семь тысяч солларов.

Греггсен хорошо подготовился. Сумма, которую он назвал, соответствовала моему состоянию с точностью до пятого знака. Поскольку в случайность не верилось, оставалось понять, что тайна вклада для этого человека тайной не является.

Повеяло ничем не прикрытой угрозой. Греггсен приступил-таки к использованию аргумента силы. Собственно, большего и не требовалось. Я уж хотел закончить разговор, чувствуя отвращение. Ко мне ведь беззастенчиво подбирали ключи, если не отмычки. Но потом разозлился и решил заставить раскрыться взломщика.

— Звездолет — пожалуйста, — сказал я.

На лице Греггсена отразилось мимолетное удивление.

— Но?

— Но без софуса.

— Без софуса? Без софуса «Туарег» — просто скорлупа.

— Значит, вам нужен софус? Я правильно понял?

— Мне нужен звездолет с софусом.

— Поставьте другой.

— Могу я попросить вас об откровенности?

— Да, пожалуйста. По-моему, я и так откровенен.

— Вы твердо решили мне отказать?

— Да.

— Почему?

— Потому что вы не откровенны.

— Благодарю вас, — медленно сказал Греггсен. — Откровенность — слишком высокая цена сделки.

— Разве может быть надежной сделка без откровенности?

— Обычно я обходился без этого. И знаете, получалось.

Я посочувствовал:

— Не расстраивайтесь. Должны быть пределы и вашим возможностям.

Кажется, задел я его основательно. Такие люди не прощают отказа повиноваться деньгам, которым повинуются сами.

— Я просил откровенности, а не утешений, — процедил Греггсен.

Наконец-то он предстал в своем истинном обличье. Бр-р. Удовольствие... Любопытно, чем ему так насолил бедняга Джекил?

Утром следующего дня ко мне заглянула Мод.

— Прелестная у тебя правнучка.

Я отключил душ и набросил халат на мокрое тело.

— Очень тяжело, Серж?

Когда-то я был Сережей.

— Терпимо.

— Если хочешь...

— Нет. Так не надо.

Позвонил Круклис:

— Эй, ты чего такой сырой? Включай информационную программу.

— Срочно?

— Нападение на «Туарег».

Споткнувшись о гантели, я бросился к экрану.

— ...неизвестная яхта без кода принадлежности. Требования фрегата не выполнила. Из силовых полей вырвалась. Фрегат «Зенгер» направлен в преследование. Рассматривается вопрос о привлечении дополнительных сил. Яхта вооружена. Штаб ОКС рекомендует гражданским судам избегать встреч. Новых подробностей об этом инциденте мы ждем через сорок геоминут. Оставайтесь с нами!

Я позвонил Круклису.

— Они проникли на «Туарег»?

— Не успели. Хвала госпоже Лоа.

— Грегтсен?

— Как ты догадался? — спросил Круклис.

— Ты уже завтракал?

— Да.

— А я — нет, — сердито сказал я. — Плохо переношу иронию на голодный желудок.

— Милые у вас все-таки отношения, — грустно заметила Мод.

— Хочешь их изменить?

— Хочу навести у тебя порядок.

— Да вроде и так ничего, — сказал я, остывая.

Мод взглянула мне в глаза.

— Можно хотя бы гантели подобрать?

Я пошевелил ушибленной стопой.

— Гантели — можно. Если хочешь, конечно.

— Хочу.

Спортивные снаряды сами по себе поднялись, собрались в маленькую перелетную стаю, нежно потерлись друг о дружку, а потом порхнули в шкафчик. Дверца захлопнулась.

Я принялся соображать, что все это значит: письмо Борисюка, нападение на «Туарег», летающие гантели.

— Серж, не надо на меня сердиться.

— Пожалуй, не стоит, — согласился я.

— Тогда давай мириться.

Мод распахнула халат и провела ладонью по моей груди.

— Попробуй расшевелить женщину, — предложила она. — Можешь начинать прямо с эрогенных зон.

И сама начала. Где ж тут устоять... Жена свое дело знала. В каюте вдруг запахло цветами. Вроде бы — розами.

— Не забудьте выключить телевизор, — посоветовал душка ибн Дауд.

Эзра пригласил нашу троицу на свой Олимп — возвышенную площадку в центре обзорного зала. Там были сосредоточены органы управления кораблем, включая декоративный штурвал, который, по-видимому, производил неизгладимое впечатление на туристов.

Сам капитан выглядел собранным, решительным и был совсем не похож на вчерашнего стеснительного супруга Кэтрин. Без лишних предисловий он протянул нам распечатку служебной радиограммы.

ШИФРОСВЯЗЬ. ПФ ЗЕНГЕР — ПЭ СИТУТУНГА. КАПИТАНУ Н'ГБОА ЛИЧНО.

Преследуемая яхта догоняет ваше судно. Иду на форсаже, но перехватить не успею. Уклоняйтесь в сторону. РАСКЛ.

— Вы уклонились? — спросил я.

— Да. Но яхта повторила маневр. Сейчас она снова находится у нас за кормой.

— Расчет на то, что в такой ситуации фрегат стрелять не решится?

— Другого объяснения не вижу.

— Что вы намерены предпринять?

— Скорость «Ситутунги» невелика, оторваться не сможем. Следует готовиться к неприятностям. На борту больше шестисот пассажиров, а экипаж — всего тринадцать человек. Могу я на вас рассчитывать?

— Разумеется, — сказал я.

Мод молча кивнула.

— Сынок, — отечески молвил Круклис, — мог бы и не спрашивать.

— Благодарю. Тогда официально объявляю вас мобилизованными с оплатой восемь солларов в час. Форму и личное оружие получите у старшего помощника.

— Что мы должны делать?

— Значит, так. В качестве оборонительных средств прежде всего могут быть применены противометеорные излучатели. Они вполне способны защитить нас от атаки баллистическими снарядами, а при удачном стечении обстоятельств и нанести ответный удар. Серж, прошу вас освоить ручное управление лазерами. Оно простое, вы быстро справитесь. Хотите спросить, почему я не поручаю это кому-нибудь из экипажа?

— Хочу.

— Экипаж молод, а стрелять, возможно, придется по пилотируемому кораблю. Уверен, у вас рука не дрогнет. Помните, сколько ни в чем не повинных людей на борту У НАС. И позвольте мне не думать о безопасности задней полусферы. Я должен полностью сосредоточиться на управлении «Ситутунгой». Вопросы?

— Какой силой я буду располагать?

— На кормовых углах можно использовать до двух третей мощности излучателей. Они установлены в поворотных турелях.

— Вас понял... сэр.

— Мистер Круклис! Выберите любой спасательный бот и превратите его в бомбу. Используйте для этого горючее, окислитель, сигнальные ракеты — словом, все, что может взрываться. И постарайтесь, чтобы при взрыве образовалось как можно больше осколков. Возьмите столько роботов, сколько потребуется. Бортинженер вам поможет.

— Но бот не имеет экранной защиты, — удивился Круклис. — Его очень легко расстрелять.

— На это я и надеюсь.

— А-а, дошло. Встречный метеорный рой?

— Совершенно верно. И чем гуще он будет, тем лучше. Сделайте эдакий бризантный снаряд. Он заставит нашего возможного противника маневрировать, терять время. Вы понимаете, почему для этого задания я выбрал вас?

— Понимаю. Очень лестно.

— Осталась я, — напомнила Мод.

— Да, мэм. Надеюсь на ваше знание людей. Прошу подобрать из пассажиров надежную эвакуационную команду. Спокойную такую, человек в тридцать. Мне нужно, чтобы через двенадцать минут после сигнала все люди, от мала до велика, находились в спасательных ботах. В помощь себе возьмите судового врача. Больше дать никого не могу, остальные будут обслуживать системы по аварийному расписанию.

— А какой смысл на нас нападать? — спросила Мод.

— А какой смысл был в нападении на устаревший полтора века назад фрегат по имени «Туарег», ныне называемый спасателем? Планы заговорщиков непонятны. Но сейчас их догоняет хорошо вооруженный корабль ОКС. В такой ситуации угроза уничтожения пассажирского лайнера является сильным козырем. Мы обязаны предусмотреть такую возможность.

— Это верно. Но мы еще не так далеки от Сатурна. Не лучше ли повернуть?

Эзра покачал головой:

— У нас слабые машины. Яхта наверняка перехватит «Ситутунгу» до того, как подоспеет Роджер.

— Но если идти прежним курсом, Роджер тоже не успеет, — заметил я. — А больше рассчитывать не на кого.

Эзра секунду подумал, что-то взвешивая. Потом сказал:

— Не совсем так. С базы на Церере стартовала дежурная эскадра.

— Большая?

— Более чем достаточная. Легкий крейсер «Спейс Грейхаунд» и три фрегата типа «Центурион». Гарантированное превосходство сил.

— А далеко они?

— Да. Но ускоряются изо всех сил. Кроме того, мы летим им навстречу. В общем, продержаться надо не так уж долго. Еще вопросы есть?

— Замечание, — сказала Мод.

— Какое?

— Вы хорошо разбираетесь в людях, Эзра.

Капитан «Ситутунги» неожиданно улыбнулся.

— Только не говорите об этом моей жене!

БЛИЖНЯЯ СВЯЗЬ. ПФ ЗЕНГЕР — НЕИЗВЕСТНОМУ СУДНУ ПО КУРСУ.

При малейшей угрозе ПЭ СИТУТУНГА стреляю без предупреждения. Повторяю: без предупреждения.

Лейтенант РАСКЛ.

Эта радиограмма имела преимущественно символическое значение. «Зенгер» все еще значительно отставал. Стрелять с большого расстояния он не решался, поскольку «Ситутунга» представляла собой куда более крупную мишень, чем яхта злодеев. Увы, никакими другими средствами воздействия, кроме психологических, Роджер тогда не располагал.

А яхта догоняла быстро. Уже во второй половине дня по корме нашего лайнера скользнул рубиновый луч. Пока слабый, нащупывающий. Но совершенно недвусмысленный. Круклис огорченно покачал головой:

— Это они зря, зря. До сих пор еще можно было разойтись миром.

Мы уже несколько часов сидели в кормовой рубке управления в полной готовности к дальнейшему развитию событий.

— Затемнить сигнальные отражатели. Выключить навигационные огни, — распорядился наш капитан.

Несомненно, он понимал, что эти меры практически ничего не дают. С радиолокационных экранов «Ситутунга» исчезнуть не могла. Нельзя обмануть и детекторы излучений. Но хотя бы в видимом диапазоне спектра Эзра не собирался облегчать задачу преследователям. Он давал им понять, что настроен решительно.

— Как бы не опоздать с погремушкой, — озабоченно сказал я.

— Минуту, — отозвался Эзра со своего места. — Сейчас я немного уклонюсь. Если яхта опять повторит маневр, иначе как угрозу это не расценить. Солнце будет светить им прямо в глаза. Вот тогда и запускай без дополнительной команды.

Нас мягко прижало к креслам. «Ситутунга» отвернула в сторону, а потом вернулась на прежний курс. Эзра не стал медлить и объявил «готовность номер один».

По всему судну раздались сигналы тревоги. Двери кают распахнулись одна за другой. Коридоры быстро наполнились молчаливыми людьми. На мониторе мелькали их серьезные и сосредоточенные лица.

У перекрестков, лифтов и горловин спасательных шлюпок хлопотали добровольцы эвакуационной команды Мод. Их легко можно было узнать по желтым люминесцирующим повязкам на головах. В первую очередь они пропускали детей. Мне показалось, что я заметил Доминичку, что-то во мне сжалось, но долго всматриваться не пришлось.

— Яхта меняет курс, — доложил находившийся вместе с нами бортинженер.

Увы, это было так. Преследователи вновь заходили за нашу корму.

— Что ж, вопросов нет, — проворчал Круклис.

— Бомбочка не подведет? — спросил я.

— Обижаешь редактора «Термодинамики взрывных процессов».

— Ладно, редактор. Теория теорией...

В этот момент коротко провыла сирена.

— Внимание, внимание! — объявил Эзра. — Лазерный удар. Повреждена маневровая дюза номер семнадцать. Заношу в бортовой журнал: боевые действия начаты со стороны неизвестной яхты. Серж, теперь мы имеем полное право на самооборону. Как моральное, так и юридическое.

Я вновь взглянул на монитор. У горловин шлюпок все же собрались очереди.

— Эзра, не беспокойся. Я воспользуюсь. Всеми своими правами.

Детей осталось еще много, их передавали из рук в руки.

— Чего они возятся?! — не выдержал бортинженер.

— Спокойно, спокойно, — сказал я. — Прошло только четыре минуты.

Бортинженер взял себя в руки, но тут заерзал Круклис.

— Серж, чего ты ждешь? Пали!

Я мотнул головой. Еще секунда, две. Яхта закончила разворот и легла на новый курс, следуя точно за нами. Теперь на фоне широченной кормы «Ситутунги» заметить отрыв маленького бота было не так-то просто. Все, время наступило. Я выдохнул и утопил кнопку.

— Бот вышел, — доложил софус. — Есть пуск двигателей.

У шлюпок все еще стояли очереди. Я вытер лоб и вызвал капитана.

— Да? — откликнулся Эзра.

— Не пора ли пускать туман?

— Рано. Сейчас они заметят наш подарок. На некоторое время станет не до нас.

— Лазерный удар! — оповестил софус. — Срезана штанга излучателя, сектор шесть.

— Это же настоящий расстрел! — крикнул бортинженер. — Да как они могут?! Мирное судно...

— Спокойно, спокойно, — твердил я.

— Пятый и одиннадцатый боты готовы, — доложила Мод.

— Уже хорошо, — сказал Эзра. — Серж, внимание! Яхта меняет курс.

— Ага. Эзра, они не стреляют.

— Сообразили, значит. Не беда. Взрывай!

— Есть, сэр.

Через пару мгновений за нашей кормой сверкнула беззвучная вспышка.

— Я не уловил, — сказал Эзра. — Где прошел конус взрыва?

Ликующий голос бортинженера:

— Зацепили, зацепили! Братцы, мы их зацепили! У, шакалы!

Лазерный обстрел временно прекратился. Но передышка оказалась короткой. Через несколько минут мы получили сразу два попадания в корму. Произошла разгерметизация одного из шлюзов, но это все еще было мелочью.

— Повреждение дюзы маршевого двигателя, — доложил софус. — Тяга падает.

А вот это мелочью уже не являлось. Мы начали терять ускорение. Но тут как нельзя более вовремя прозвучал уверенный голос нашего капитана:

— Внимание! Приготовиться к маневру уклонения. Открываю забортные клапаны!

За кормой заклубились облака; Эзра стравливал топливо нижней группы цистерн. И в этих парах сразу стал заметен тонкий, злой луч лазера. «Ситутунга» тут же ушла в сторону. Мы выиграли еще некоторое количество секунд.

— Седьмой, тринадцатый и шестнадцатый боты готовы, — сообщила Мод.

Я взглянул на часы. Неравная схватка продолжалась девять минут. Сколько минут мы еще продержимся?

Вдруг в наушники открытым текстом ворвался голос Роджера:

— Эзра, быстро гаси приборы! Все!

Эзра среагировал мгновенно. В нашей рубке даже свет погас. А когда приборы включились, мы с удовольствием увидели, как кувыркалась потерявшая ориентацию яхта. Там сообразить не успели, за что и поплатились. Попали под волновой удар «Зенгера».

Яхта вильнула в сторону и показалась из-за края газового облака. Я сообразил, что появилась заманчивая возможность. Удар микроволновым излучением должен был временно расстроить управление защитными экранами.

Это был редкий шанс. В любом случае от попытки мы ничего не теряли. Я мгновенно передвинул регулятор на полную мощность и дал залп из всех уцелевших лазеров, нацелив их в одну точку.

— Есть пробой экранов, — доложил софус. — Есть поражение!

— Да ты, Гаврило, молодец, — похвалил Круклис, духовный наш отец.

— А хорошо влепили, — со злобной радостью согласился бортинженер.

Но радоваться было рано. Там, на яхте, оправились быстро. Второй залп наших лазеров уже не прошел, рассеялся на

призмах. Беспорядочное вращение неприятельского судна прекратилось. Сделав выводы, враг изменил тактику. Яхта уже не пыталась спрятаться за нашей кормой. Резко увеличив скорость, она пошла на обгон.

— Хочет закрыться нами от «Зенгера»? — спросил борт-инженер.

Я кивнул.

— Все боты готовы, — доложила тем временем Мод. — Что делать дальше?

— Немедленно эвакуировать людей из шлюпок правого борта, — распорядился Эзра.

— Эвакуировать? Куда?

— В шлюпки левого борта.

— Не поняла, но выполняю, — отозвалась Мод.

— Нас обгоняют справа, — пояснил Эзра.

— Ясно. Нам потребуется не меньше восьми минут.

Яхта между тем приближалась. Обстрел с ее стороны прекратился. Начался расстрел. А ответить нам было нечем.

— Лазерный залп. Одиннадцать пробоин в районе правой нижней раковины.

Я дал несколько ответных импульсов, совершенно бесполезных.

— Лазерный удар. Пробоина в районе китайского ресторана.

— Надеюсь, все успели пообедать? — пошутил Эзра.

Увы, смеяться не хотелось. Правый борт быстро превращался в решето. Из пробитых цистерн хлестали струи топлива и окислителя. Смешиваясь, они взрывались. В некоторых помещениях возникли пожары. Роботы их гасили, но были вынуждены постепенно отступать в глубь корабля.

— Капитан! Они расстреливают спасательные шлюпки!

— Людей успели вывести?

— Да. Но ведь это спасательные шлюпки! Как можно...

— Держитесь, Андерссон, — процедил Эзра. — Пока были только цветочки... Серж, вся надежда на тебя, понимаешь?

— Понимаю.

— Не проспи! Одна ракета — и нам конец...

Яхта почти сравнялась с нами. Я не сомневался, что решительная атака последует, и последует вот-вот.

Действительно, на радаре вспыхнуло несколько точек. Я выждал, когда они выйдут за пределы экранной защиты, после чего отвел душу. Все четыре ракеты рванули в непосредственной близости от выпустившей их яхты. Но взрывы оказались слабыми. То ли боеголовки не сдетонировали, то ли они не были ядерными.

— Больше ракет не ждите, — заявил я. — Конец отменяется.

— Ну, ну, — с сомнением отозвался Эзра.

Ракеты больше не вылетали. Зато лазерный обстрел достиг максимальной силы. С близкого расстояния яхта вспарывала бок «Ситутунги» одним, но мощным, практически непрерывным лучом. По счастью, он несколько терял силу в облаках газов, вырывающихся из пробитых цистерн, но урон наносил все же очень тяжелый.

В покореженных каютах правого борта гибли ремонтные роботы. Зона разгерметизации угрожающе смещалась к продольной оси корабля. Главный двигатель выдавал не больше тридцати процентов мощности, возможность оторваться начисто отсутствовала.

На экране нашего инженера я видел схему «Ситутунги», где возникали все новые обозначения поломок и разрушений. Самым страшным было то, что череда пробоин неумолимо тянулась к носовой части лайнера. Туда, где под прозрачным колпаком располагался главный пункт управления, где находился сам Эзра.

— Капитан! Яхта — на правом траверзе. Они нас догнали. Надо что-то предпринимать, сэр!

— Сейчас. Всем пристегнуться. Приготовиться к оверкилю!

«Ситутунга» быстро развернулась кормой вперед. Все действующие дюзы мгновенно заработали на погашение скорости. В коридорах попадали люди, не успевшие перебежать в шлюпки левого борта. Но своей цели Эзра добился.

Шедшая полным ходом яхта вырвалась вперед, и с каждой секундой расстояние до нее увеличивалось. Кроме того, наше торможение быстро сокращало путь фрегату Роджера.

— Неплохо, неплохо, — пробормотал Круклис.

Что и говорить, Эзра безошибочно выбрал момент для маневра. Яхта начала было тормозиться, но потом вновь

прибавила скорости. Видимо, там сообразили, что у фрегата скоро будут развязаны руки и он вот-вот откроет огонь на поражение.

— Хэлло, «Ситутунга»! Я — «Зенгер». Мы уже совсем близко, сейчас подойдем. Вижу вас хорошо, дорогая моя антилопа! Парни, вы отлично держались! И вмазали прилично. Ну, я им задам! Все астероиды пересчитаю, а найду. Выродки, нелюди! Эзра, раненые есть?

Ответить наш бравый капитан не успел. В динамики ворвался гудящий тон мощной длинноволновой радиостанции. Передача шла открытым текстом.

— Лейтенант Раскл! Как слышите? Ответьте крейсеру «Спейс Грейхаунд».

— Я — «Зенгер». Слушаю вас.

— Коммодор Дюнуа на связи. Отставить преследование!

— Не понял, сэр. Повторите приказ.

— Фрегату «Зенгер» приказываю конвоировать пассажирское судно. Чтобы ни один фужер у них больше не разбился, хватит! С яхтой разберусь сам. Как поняли?

— Жаль, — ответил Роджер.

— Выполняйте приказ!

— Да, сэр.

— Капитан Н'Гбоа! Мои поздравления вашему экипажу! Радируйте основные пеленги. Курс и скорость не менять. Не хватало еще столкновений.

— Ну, вот и все, кажется, — сказал Эзра. — Серж, Парамон, идите ко мне. Посмотрим финал на большом экране. Мы заслужили.

Я с трудом убрал окаменевшие руки с пульта.

После пережитых волнений люди не желали расходиться по каютам. Да многим и расходиться-то было некуда, пострадали почти все помещения правого борта. Хрустя осколками стекла, они бродили по обзорному залу.

Эзра тонул в потоках поздравлений и самой искренней благодарности. Ему жали руки, хлопали по плечам, дарили разнообразные сувениры, целовали. Несколько женщин плакало.

Но тут появились бутылки шампанского. Их сразу пустили по кругу.

Судовой врач переходил от одной группы пассажиров к другой, искал раненых. Но от него отмахивались и норовили поднести бокал.

— А папа увернулся! — горячилась Доминика. — А деда кэ-эк наподдаст! Все видели, да?

Дюжина мальчишек с превеликой завистью смотрела ей в рот. Все уже все знали, успели как-то.

— Дядя, научите делать бонбу. Только чтоб мама не знала.

— Да я не умею, — соврал Круклис.

— А как же з-зделали?

— Да со страху.

— А мама говорит, что бояться нельзя.

— Правильно. Со страху бонбы получаются. Хочешь конфету?

— Ну-у, вы со мной... как з-з маленьким.

— Что ты! Это специальные конфеты за храбрость. Всему экипажу дают.

— Ух ты!

Конфета исчезла. А вот детей становилось все больше. Они выпархивали со всех сторон. Некий уверенный в себе мужчина, лет приблизительно шести, протянул капитану бумагу. Эзра попытался ее прочесть, но, видимо, это плохо получилось.

— А что здесь?

— Заявление, сэр. Прошу принять меня волонтером.

Эзра взял микрофон.

— Внимание! Говорит капитан планет-экспресса «Ситутунга». Производится запись добровольцев. Без ограничения возраста. Старшему офицеру доставить на мостик бланки удостоверений!

— Благодарю вас, сэр, — солидно сказал волонтер. — Какие будут распоряжения?

— Мистер... — Эзра глянул в бумажку. — Мистер Оуэн! Роботов осталось мало. Поручаю вам сформировать аварийную команду и приступить к уборке мусора. Безобразие, понимаете, на борту. Об исполнении доложить к шестнадцати ноль-ноль.

— Слушаюсь, сэр!

Дети бросились записываться. Но тут прозвучало экстренное сообщение.

— Внимание! Эскадра открыла огонь, — доложил софус.

Все подняли головы к потолочному экрану. Далеко впереди, левее силуэта «Зенгера», в ярком свете Солнца с трудом, но различались пять точек. Одна — в стороне. Вороватая, пытающаяся ускользнуть. И четыре другие, фронтальным строем идущие наперерез.

Через пару минут очертания яхты смазались, подернулись туманцем. Затем на ее месте вспыхнула и угасла искорка.

Прошло еще минут пятьдесят. Легкий крейсер «Спейс Грейхаунд» с двумя фрегатами по бокам промчался в сотне километров от «Ситутунги». Еще один фрегат круто разворачивался. Очевидно, собирался обследовать развалины.

Нам передали снимок того, что осталось от яхты.

— На предложение о сдаче ответа не последовало, — лаконично сообщил коммодор Дюнуа.

У меня тряслись руки.

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросил Круклис.

— Не все.

— Не все — это уже кое-что. Почему они не сдались? Смертная казнь давно отменена.

— А там некому было сдаваться, Парамон.

— Шутишь! Софус никогда не нападет на людей.

Я усмехнулся:

— Это зависит от того, кто его строил.

— Греггсен имеет отношение к «Юнайтид Роботс»?

— Почти не сомневаюсь.

— Почему?

Я рассказал Круклису о письме Борисюка и ночном звонке Греггсена.

— Но зачем ему это все нужно?

— Пока не знаю.

У меня опять затряслись руки.

— Да выпей ты, — сказал Круклис, протягивая фляжку. — Можжевеловая. Помнишь?

Я хлебнул из горлышка. Полегчало.

— Ты знаешь, — признался я, — то, что на яхте нет людей, я понял только сейчас.

— Да, убивец из тебя никакой.

— А из тебя?

— Опять?

— Извини. Но на примере Греггсена видно, что чем больше у человека возможностей, тем опаснее маньяк из него может получиться. Проблема, как говорит наш друг Абдид. Не потому ли неземная цивилизация так долго не находилась?

— Не каждый человек маньяк, Серж. Прямо странно, что об этом нужно напоминать такому филантропу, как ты. Именно поэтому внеземная цивилизация уже нашлась. Ты правильно употребил прошедшее время. Ну? Еще хлебнешь?

Я взял его фляжку и повторил. Руки дрожали меньше.

— А теперь, братец по разуму, давай еще разок.

— За что?

— За дружбу, — ухмыльнулся Круклис. — С теми, кто старше.

И тоже выпил.

ШИФРОСВЯЗЬ. ШТАБ ОКС — ЛК СПЕЙС ГРЕЙХАУНД, ЛИЧНО КОММОДОРУ ДЮНУА.

По сообщению диспетчера ГЕОРГАДЗЕ, в систему САТУРНА вошло судно, сходное с уничтоженной яхтой. Держит курс Япет-14, на запросы не отвечает. Кораблей ОКС у Сатурна нет. Доложите ваши соображения. ПФ ЗЕНГЕР и ПФ ГАЛЛАХЭД передаются на усиление вашей оперативной группы.

Контр-адмирал КАМИМУРА.

— Что все это значит? — спросил коммодор Дюнуа.

— Идет охота на «Туарега», — сказал я.

— Следовательно, первая яхта лишь отвлекала наши силы?

— По-видимому, так.

— Прекрасная операция, — оценил коммодор. — Ближайшая задача выполнена блестяще. Автору надо преподавать тактику в нашей академии. После того как отсидит свой срок, разумеется.

— Что вы собираетесь делать? — спросил я.

— Ситуация такая. Ближе всего к Япету-14 сейчас находится фрегат «Галлахэд». Он уже разворачивается.

— Успеет?

— Шансов мало. По приказу Сатурн-президента Лоа яхту попытается задержать метеорный истребитель «Арчер Фиш», но если вторая яхта вооружена не хуже первой, долго он не продержится, слабоват. Нужно искать другое решение. Прежде всего я хочу знать, что за ценность представляет собой этот ваш «Туарег»?

— Сам по себе — никакой. Мне кажется, кому-то мешает бортовой софус.

— Кому?

— Не знаю. Но можно спросить у самого Джекила.

— Увы, не получится.

Я обеспокоенно глянул на Дюнуа. Коммодор сделал успокаивающий жест.

— Нет, он не уничтожен. Роджер помешал. Только после волнового удара ваш верный софус впал в спячку. Онейроид. Кажется, так подобное состояние называют у людей.

— Достали, гады, — пробормотал я.

— Скажите, а кто может быть заинтересован в гибели Джекила?

— У меня нет доказательств.

— Да мы сейчас не в суде.

— А нас не подслушивают?

Дюнуа усмехнулся:

— Разве я мог бы тогда посылать вам служебную радиограмму, адресованную мне лично? Мы говорим по лазерному лучу.

— Ах да. Извините, не сообразил. Мне кажется, за Джекилом охотится Тим Греггсен.

— Кто такой?

— Предприниматель. Скорее всего имеет некое отношение к корпорации «Юнайтид Роботс». Не удивлюсь, если выяснится, что он и есть фактический владелец. А Джекил создан именно этой компанией.

— Вот как? Любопытно.

— Сэр, — сказал я. — Джекила нужно спасать. Да и Япет-14 совершенно безоружен.

— Не сомневаюсь. Но как? Проще всего увести «Туарег» на Япет-Главный, там есть охраняемая база ОКС. Только вот на Япете-14 нет ни одного пилота с правом вождения звездных кораблей. Что посоветуете?

— Попросите кого-нибудь сходить в рубку «Туарега» и подключить софуса к управлению. Красная кнопка в центре пульта.

— Нет проблем, это я устрою. А дальше что?

— Дайте связь с «Туарегом». Попробуем разбудить Джекила.

— Думаете, получится?

— Будем стараться.

— Что ж, попробуем.

Пока связисты крейсера организовывали радиоканал, защищенный от прослушивания, я позвал Мод.

— Помнишь свое состояние там, у Кроноса?

— Захочешь — не забудешь. А что случилось?

— Требуется разбудить Джекила. Он сейчас примерно в таком же положении. Мне кажется, у тебя должно получиться.

— Как?

— Сейчас тебя с ним свяжут. Вот шлем энцефалоскопа. Надевай и буди. Как угодно. Силой мысли. У вас должны быть резонансные частоты. Иначе на Япете-14 может случиться то же, что случилось с «Ситутунгой». Туда идет вторая яхта. Такая же, как та, что на нас напала. Сделаешь?

Мод посмотрела на меня как-то по-особому.

— Все, что смогу.

Ей потребовалось почти полчаса, после которых она откинулась на спинку кресла совершенно обессиленной. Но софус проснулся.

— Привет, Джекил, — сказал я.

— Здорово, командир! — заорал он. — Ключ, ключ принесли? А то с моралью у меня строго, сам знаешь.

— Ключ люминесцирует в центре пульта.

— Ах да. Старею, братец Серж, ох старею.

— Давай, старец, уноси ноги. Курс — космодром Улугбек. Задача — спрятаться в скальном доке базы ОКС.

— А от кого удирать? — спросил Джекил.

— От Греггсена. Пояснения нужны?

— Греггсен? — переспросил софус.

— Греггсен.

— Обойдемся без пояснений. Как у нас с горючкой? С горючкой бедновато, но не дадимся мы пиратам.

— Уверен?

— Хо-хо! Прямо на базу Космофлота? Никогда не думал, что буду туда стремиться.

— Слушай, побыстрее можешь?

— Что, жалко будет, если меня прихлопнут?

— Конечно, дурачок.

— Ах, Серж, самые бесценные слова в моей жизни. Не бойсь! Теперь у меня союзник есть. Да еще какой — Объединенный Космофлот Солнца. Прямо и мечтать не мог! Господин коммодор, я не ошибаюсь?

— Вот болтун, — поморщился Дюнуа. — Граф, как вы его выносили столько лет?

Я вздохнул:

— Знаете, мне его сейчас не хватает.

— Это вы переутомились, право слово.

Вторая яхта Греггсена опоздала всего на полтора часа. Она гналась за «Туарегом», но Джекил успел спрятаться в скальном доке на Япете-Главном. Базальтовая крыша семикилометровой толщины сделала его неуязвимым.

А агрессор попал под обстрел стационарных батарей и получил повреждения. При отходе яхту пытался атаковать еще и «Арчер Фиш», метеорный истребитель. К сожалению, добился лишь частичного успеха, как и предсказывал Дюнуа. Пиратское судно сумело скрыться. На некоторое время, впрочем.

Вопиющий факт нападения на пассажирское судно и попытки атаки базы ОКС всколыхнули весь Космофлот. Десятки кораблей ринулись на поиски, и через несколько недель

они увенчались успехом. На одном из астероидов полицейский катер обнаружил пиратское судно.

Для операции захвата был вызван тяжелый крейсер с абордажными роботами. Но операция не удалась. При подлете десантных шнелльботов на яхте взорвалась атомная мина. Таким образом, Греггсен убрал доказательства своего участия в деле.

Долгое время я не мог понять причину его маниакального стремления уничтожить Джекила. И только когда мы были уже на Земле, дело прояснилось. Но — обо всем по порядку.

После боя прошло несколько дней. Из-за полученных повреждений «Ситутунга» покинула привычный маршрут, по которому непрерывно летала больше тринадцати лет. Часть пассажиров, направлявшихся на Марс, забрал фрегат Роджера. А мы прямиком направились к Луне, где лайнер предполагалось поставить в орбитальный док. Тяжело поврежденная «Ситутунга» требовала капитального ремонта.

Впереди и справа по курсу начал вырастать наш голубой шарик. По мере сближения на нем все более вырисовывались детали. Из-под облачных пятен показывался то Аравийский полуостров, давно уже покрытый тропическими лесами, то каменистая пустыня Гоби, так и оставшаяся пустыней. То синел бок планеты, почти целиком занятый Великим, или Тихим, океаном.

При подходе к Луне, когда «Ситутунга» уже начала тормозиться, в поле зрения телескопа попался необычный объект. Он имел вид огромной сферы. Часть обшивки на ней еще не установили, поэтому различалась сложная внутренняя структура шара, состоящая из ячеек различной величины. Внутри этих сот вспыхивали многочисленные огни сварки.

Орбитальные буксиры осторожно подтягивали к необычному сооружению обруч еще большего диаметра. Пара таких же колец ждала очереди в некотором отдалении.

— Интересно, что здесь строят? — спросил я.

— Это вакуум-перфоратор «Фантаск», — с нескрываемым восхищением сообщила Доминика. — Деда, он будет летать быстрее света! Ты что, не смотришь новости?

— Да как-то в последнее время был занят.

— Папа хочет полететь на нем в другой мир, — сообщила Доминика. — Но мама не пускает. Деда, а ты хочешь полететь на «Фантаске»?

У меня даже дыхание перехватило. Мгновенно вспомнились гулкие просторы Гравитона, черный провал Кроноса, отупляющее одиночество «Туарега»...

— Ну уж вряд ли, — сказал я.

В собственной судьбе я никогда не был пророком. И, наверное, не буду. А вот Круклис тогда подозрительно хмыкнул. Ох и не прост же этот старший лаборант! Не такой уж и людь, доложу я вам.

Нас приняла «Лунная Звезда» — центральная пересадочная станция. Она висела между Луной и Землей в одной из точек либрации и действительно походила на многолучевую звезду. Каждый из лучей завершался широкой плитой гравитона, накрытой прозрачным сводом.

«Ситутунга» мягко соединилась с отведенным нам терминалом. Чуть раньше сюда же, но с другой стороны, причалил крейсер Дюнуа. Когда открылись люки, экипаж «Космической Гончей» уже ждал нас в почетном строю.

Еще были представители администрации «Лунной Звезды», репортеры, многочисленные встречающие, официальные лица Всемирного Совета, службы реабилитации из отдела Дальних Перелетов ОКС. Эзра поспешно выстроил свой малочисленный экипаж.

— А вы что же? — строго спросил он. — Отставку мобилизованных я пока не принимал!

И вытащил нашу троицу из толпы пассажиров. Честно говоря, описание торжественных церемоний мне уже прискучило. Остановлюсь только на паре существенных моментов.

С удовольствием сообщаю, что коммодор Дюнуа вручил нашему капитану Рубиновую Звезду Космоса. Насколько мне известно, это один из наиболее почитаемых орденов Космофлота, причем орден боевой. И Эзра заслужил его в полной мере. Так

что я чистосердечно присоединился к восторгам пассажиров «Ситутунги».

После того как они утихли, Дюнуа учтиво посторонился, пропуская некую даму. Женщина прошла вдоль коротенького строя нашей команды и остановилась передо мной. В руках она держала старинное колюще-рубящее оружие под названием «меч». На космической станции смотрелся он до крайности экзотично. Хотя в древности фантасты любили вести космические войны при помощи холодного оружия, действительность оказалась совершенно иной. Ни тебе клинков мерцающих, ни весьма экономно одетых амазонок, ни самих звездных войн как таковых. Скучища. Всего одна дама с мечом отыскалась. За ее плечами висел огромный недоуменный диск Луны.

— Сударь, прошу преклонить колено.

Я преклонил с некоторыми опасениями. Но ничего страшного не случилось. Женщина, правда, хлопнула меня клинком, зато потом сказала очень приятную речь. О том, что она, принцесса Эллен Уэльская Тридцать Седьмая, имеет честь от имени и по поручению Британского Королевского Совета посвятить Сержа Алекса Рыкоффа Третьего в рыцари и возвести оного в достоинство графа Кроносского.

— Встаньте, сэр Серж, — строго приказала Эллен Уэльская Тридцать Седьмая.

Я встал.

— А теперь, граф, позвольте выразить соболезнования, — сказала она, лукаво улыбаясь. — Существенных привилегий вы не получите, а вот придворных обязанностей свалится масса. Тем не менее с вас причитается.

Учтиво раскланявшись, она повернулась к Мод и вдруг обняла ее. Забытый меч упал на плиту гравитона.

— Здравствуй, мамочка. Мы так волновались... Ты навестишь папу? Я созову всех! Графа пригласи, ему не будет неловко, ручаюсь. Мы правда соскучились, мам. Свобода тебя не заменяет... Помнишь, как заплетала мне косички, а?

Похожее чувство я испытывал только после гравитационного удара. И еще перед инсайтом. Представляю, насколько

мелодраматически это выглядело со стороны: новоиспеченный граф лишается чувств от избытка этих самых чувств.

Никак не ожидал, что инсайт настигнет меня буквально на пороге Земли. И не просто инсайт, а самый сильный из всех, что мне довелось испытать. При всем почтении к тем, кто старше нас, волей-неволей возникает настороженность.

Братья по разуму! Зачем же так демонстрировать, мудрейшие? Мои мозги можно поразить куда более скромным калибром. И с меньшим ущербом для мужского самолюбия...

12. ИНСАЙТ. 2004 ГОД

Стоял август. Солнце садилось. Над потемневшей травой резко выделялись стволы берез. Андрей затормозил на мосту и вышел из машины.

Под ногами ровно дрожал настил. Снизу поднималась прохлада, слышалось баюкающее журчание. Выше по течению высился обрывистый островок с кривыми сосенками и бурой скалой посередине. Его плавно обтекала река, образуя узкую, затененную протоку.

День таял. Лето шло на убыль. На скале уже сидел филин, нетерпеливый посланец ночи. Наступало особое, предвечернее время суток, так располагающее к спокойной грусти.

Андрей задумался. Размеренными дозами добиваясь успеха, он знал, с какой должности уйдет на пенсию. К своему закатному рубежу приближался имея дачу, квартиру, машину, престиж, связи, — весь тот смешной минимум, на который может рассчитывать средний преуспевающий житель страны. По всем признакам, предстояла золотая, хотя и не слишком долгая пора, когда человек имеет наконец возможность пожить по-человечески, без унизительных хлопот о существовании. Счастлив тот, кому выпадает такое еще до неизбежной полосы болезней. Особенно если умеет не задаваться вопросом: как, вот и все?

Но с этим не все обстояло благополучно. Время от времени Андрей видел сон, в котором спиной вперед поднимался по лестнице со ступенями, стертыми множеством подошв. Монотонная ходьба продолжалась долго, иногда всю ночь. Каждый раз он пытался разглядеть через плечо нечто важное, ускользающее. И когда это начинало получаться, когда в звездной тьме проступали силуэты, наступало пробуждение.

Андрей просыпался с очень правдоподобно ноющими мышцами. Пожимал плечами, завтракал, уходил на работу. Погружался в дела, привычно успокаивая себя надеждой на то, что

до заката времени еще хватает. Настанет срок и для главного, ускользающего.

Однако в тот раз, на мосту, утешение не сработало. Грусть не отступала. Он облокотился о перила и постарался отвлечься красотой места. Через какое-то время понял, что не получится.

Начинало смеркаться. На острове сердито ухнул филин. Андрей бросил недокуренную сигарету, завел мотор, проехал мост и, удивляясь себе, свернул с асфальта. Его внезапно охватила полузабытая жажда приключений. Охватила и привела к редкому для взрослого мужчины состоянию. Он беззаботно поддался очарованию неизвестности, подстерегающей за каждым поворотом. Это оказалось приятным. Восприятие действительности сделалось свежим, красочным, будто с черно-белого телевизора он переключился на цветной.

Невысокая насыпь из красноватой глины петляла по лесистой пойме, хорошо выделяясь в зелени лугов. Ровно гудел двигатель. Из-под шин с щелканьем вылетали камешки, иногда звонко ударяясь в днище.

Справа, между деревьями поблескивала река, слева проплывал пологий склон сопки. Через дорогу перелетали стайки бабочек. Их было много, и они, наверное, представляли угрозу для леса. Если каких-то существ становится много, они неизбежно начинают представлять угрозу. Для поддержания одной жизни неизбежно требуется губить другую. Даже если не питаешься мясом. И что за закон такой? Андрей покачал головой и почувствовал, что она болит. Это был плохой знак, предвещающий перемену погоды.

Действительно, с гребня холма, на который поднялась машина, открылся сизый грозовой фронт. Воздух стал тяжелым, давала о себе знать накопившаяся за день духота. Ветерок из открытых окон помогал мало, виски продолжали наливаться болью.

Андрей еще раз покачал головой и прибавил скорости. Он твердо знал, что подобной выходки, точнее, выездки больше себе не позволит. Поэтому нынешнюю решил довести до логического конца. Непонятно, правда, какого. Какого-нибудь. Вспомнилась поговорка, которую Владимир Ян приписывал Чингисхану: боишься — не делай, делаешь — не бойся.

Солнце бросало последние мазки на тучи, переваливающие гряду сопок. Быстро темнело и холодало. Крупные капли пробарабанили по крыше, рассыпались на ветровом стекле. В салон влетела водяная морось, запахло свежестью. Вдоль дороги крутились вихри, но дождь споро прибил красную пыль.

Много позже Андрей с удивительной легкостью вспоминал сырой запах грозы, расползающиеся в колеях лужицы, брызги из-под колес, статические разряды между пальцами и металлическими частями машины. И ощущение надвигающегося события. Он тогда подумал, что ради одного этого ощущения стоило сворачивать с привычной дороги бытия.

Ощущение не обмануло. Событие произошло за поворотом, на склоне очередного холма. Событие вполне заурядное, имеющее вид двух девушек в полиэтиленовых дождевиках, размахивающих руками.

Они стояли у километрового столба с цифрой 46. Поначалу эта цифра привлекла большее внимание, чем сами девушки. Андрей тогда удивился, откуда может быть цифра 46 в десятке километров от магистрального шоссе.

Тормозить на мокрой глине следует весьма аккуратно. Андрей плавно выжал обе педали — сцепление с тормозом, чутко прислушиваясь к ощущениям пальцев на руле. Задние колеса слегка повело, но он это проигнорировал, баранку не дергал. Резкие действия на скользкой дороге совершенно ни к чему.

Машина выровнялась сама, прокатилась еще пару метров и остановилась. Красный свет стоп-сигналов позволял видеть, что обе девушки уже близко. На миг всплыло усталое шоферское сомнение: а нужно ли брать? Но тут полыхнула молния, высветив юные симпатичные лица. Нет, таким не откажешь.

— Добрый вечер! Не могли бы вы... — оглушительно шарахнул и перекатился по небу гром.

Андрей энергично закивал и тут же скривился от боли. Шейный остеохондроз, черт бы его побрал.

— А можно минутку подождать? Сейчас прилетит наш филин.

— Кто?

— Филин. Почему-то все его называют совой, но он — филин. Честное слово!

Андрей с удивлением посмотрел на дыру в плаще светловолосой девушки. Она поняла его по-своему.

— Поверьте, наш Бубо создание спокойное и опрятное.

— Верю, — улыбнулся Андрей.

Шум дождя нарастал. Вновь вспыхнула молния. Откуда-то сверху на плечо второй девушки упал ком взъерошенных перьев.

— Бедненький ты мой, — сказала она. — Совсем разрядился.

Хлопнули дверцы. Девушка на переднем сиденье откинула капюшон и рассыпала по плечам светлые волосы. Конечно же, от них распространился аромат. Но не духов и не трав, а чего-то неведомого.

— Меня зовут Наташей.

— Очень приятно. Андрей.

— Позвольте представить вам Марину.

Он вежливо обернулся. Вторая девушка производила черно-белое впечатление — бледный овал лица в обрамлении густых волос. Ее щеку пересекала ясно различимая царапина. Андрей не удержался от усмешки:

— Это спокойный Бубо постарался?

— Нет. Неловко приземлилась с парашютом.

Секунду Андрей размышлял, как отнестись к ответу. Но... каков вопрос, таков ответ. Рассмеявшись, он тронул машину.

— У вас каникулы, лесные феи?

— Домой возвращаемся, — неопределенно ответила Наташа. — Нам немного дальше деревни. Довезете?

— Отчего же. Если не застрянем.

— Обязательно застрянем, — сообщила Марина.

На этот раз жесткие нотки, прозвучавшие в ее голосе, ничем не были спровоцированы, и Андрей замолчал.

Красная дорога поднялась на плато. Мокрый лес отступил в стороны. Ветер трепал траву в беспризорных полях, пробегая шквальными волнами между ржавыми остовами комбайнов. Гроза входила в полную силу. Горизонтальные струи дождя били в стекло. Щетки «дворников» успевали сделать слой воды лишь более тонким. Пейзаж сквозь него выглядел расплывчатым, колеблющимся, неверным.

Сбоку проплыло старое кладбище с часовенкой и покосившимися крестами.

— Вот и Старопокровка, — сказала Наташа. — Голова еще болит?

— Нет, — рассеянно отозвался Андрей.

Машину заносило. Ему приходилось быть внимательным. Перед самой деревней он объехал бульдозер с размотанной гусеницей. Машина при этом едва не сползла в кювет. Андрей включил фары.

Полосы света пробежали по срубам, ребрам стропил, скользнули по остаткам заборов, выхватили переполненное ведро, висящее над колодцем, затем — заросли одичавшей малины, почти скрывшей корпус холодильника.

В пустой раме ворот на миг показалась то ли собака, то ли волк. Зверь вздыбил шерсть, сверкнул глазами и канул во тьму.

— Ой, — сказала Наташа.

— Как после нашествия марсиан, не правда ли? — спросил Андрей.

— Какие еще марсиане? — отозвалась Марина. — Нет их в природе. Сами натворили.

Андрей поднял брови.

— Вы говорите о моем поколении?

— О всех ваших поколениях.

— И о своем?

— Я-то какое имею отношение?

— Полагаю, такое же, как и я. Или вы иностранка?

— Скорее — иноземка.

Разговор потерял смысл. Девушка пребывала в дурном настроении. Андрей вновь замолчал.

— И зачем только живете? — с непонятной страстностью добавила Марина.

Андрей не ответил. Машина спускалась к мосту. Это было нечто.

Неизвестного названия поток бежал через Старопокровку. Минувшим днем был он, наверное, всего лишь невзрачным, замученным людьми и животными ручьем, но ливень куда как

прибавил ему сил. Ручей вздулся, затопил ближние дворы, свободно втекая в разбитые окна. И если дорога еще как-то возвышалась над водой, то поверх мостка, в который она упиралась, течение несло многочисленные щепки, кусты, бутылки, остатки домашней утвари и прочий мусор.

Ниже переправы в небо торчали колеса перевернутого грузовика. Весь этот ужас дополнялся громами и молниями. Наташа тихо ойкнула.

— Бояться нечего, — уверенно заявила Марина.

Она начинала действовать на нервы. Андрей обернулся.

— Нам очень нужно, очень, — умоляюще сказала Наташа.

И Андрей смирился с совершенно неоправданным риском. Он остановил машину, прошел вперед, насколько позволяла вода. Потыкал подвернувшейся хворостиной в поток на мосту и вернулся.

— Плавать умеете? — хмуро спросил он, глядя на Наташу.

— О да, экзамен сдавали. Андрей Васильевич, неужели придется плыть?

— Надеюсь, что нет. Но ремень отстегните.

— Зачем?

— На всякий случай.

— Отстегни, отстегни, — сказала Марина.

Бросив на нее насмешливый взгляд, Андрей медленно въехал на мост. Под днищем зашумела вода. Что-то гулко ударило в правый борт.

— Бутылка из-под шампанского, — сообщила Марина. — Плавание обещает быть успешным.

Бревна настила дергались и шевелились. В конце моста заднее колесо провалилось в щель. Еще секунда, и оно бы там заклинилось. Но Андрей мгновенно вдавил педаль газа в пол. Мотор взревел во все лошадиные силы. Машина буквально выпрыгнула на берег.

— Ох, — сказала Наташа. — Можно опять пристегиваться?

— Не обязательно. Инспектору дорожного движения тут делать совершенно нечего.

От моста единственная улица Старопокровки поднималась к коренному берегу. В свете фар различались даже проплеши-

ны старого, выщербленного асфальта. Они проехали мимо Доски почета с чудом уцелевшими портретами передовиков советской эпохи. Казалось, что во всей деревне именно эти метеостойкие портреты меньше всего пострадали от судьбы.

— Неузнаваемо изменился наш край, — голосом телевизионного диктора сообщила Марина.

Андрей не выдержал.

— Послушайте, вы напоминаете...

— Кого?

— Переутомленного мессию.

— Почти так и есть, как ни забавно.

— О!

— Что «о»? — рассердилась девушка.

— Нет, нет, ничего.

— Ах как мы выдержанны, как мы тактичны, — язвительно заметила Марина.

Андрей с подчеркнутым спокойствием пожал плечами. Что есть, мол, то есть. В отличие от некоторых.

Видимо, этот жест усилил раздражение собеседницы.

— А позвольте вас спросить.

— А пожалуйста.

— Многое вы свершили за свои сорок шесть для пользы человечества?

— Не очень, ваша честь.

— А именно?

— Оставался порядочным.

— Это все?

— Не каждый находил нужным. По-моему, не так уж мало.

— Не так много, чтобы гордиться, — отрезала Марина.

— Зря ты так, — грустно сказала Наташа.

Андрей признался себе, что не понимает, зачем тратит время на этих красивых, но совершенно чужих ему девушек, а в качестве благодарности слушает нелепое брюзжание. Не из-за денег же.

— Да, — сказал он. — Марина, боюсь, что требования к другим у вас не те же самые, что и к себе.

— Простите, — сказала Наташа. — У нас был тяжелый день.

И отвернулась к окну. Марина промолчала.

* * *

За деревней вновь начался лес. Дорога превратилась в сущее болото, местами переходящее в водоемы. Андрей форсировал их, повинуясь могучему шоферскому инстинкту, который всем хорош, за исключением того, что далеко на нем не уедешь.

Выл двигатель. Несколько раз машина чудом выкарабкивалась из гиблых колдобин. Все же после деревни Андрей испытывал облегчение. Мертвые дома Старопокровки напоминали призраков, которым безразлично, кому мстить, — что коммунистам, что демократам, что «новым русским». На рубеже тысячелетий Россию страшно поразила бацилла тупого безразличия. И брошенные деревни на веками насиженных местах как нельзя лучше символизировали это безразличие. Безразличие, которое еще даст свои всходы...

Девушки молчали. Наташа даже успела задремать. Филин балансировал крыльями, когда машину подбрасывало. Делал он это и впрямь так аккуратно, что на спинке сиденья не оставалось следов его когтистых, нервно переступающих лап. В отличие от своей хозяйки птица начинала Андрею чем-то нравиться. Своим воспитанием, наверное. Кто его так выдрессировал? Неужели вредная Марина? Странная все же парочка эти девчонки.

Андрей вдруг вспомнил, что Наташа назвала его по отчеству, хотя представился он только по имени, а Марина точно угадала возраст. Запоздало удивился, но спросить ничего не успел. Потому что машина прочно и недвусмысленно села на днище.

Попытка сдать назад ни к чему не привела. Двигатель заглох. Сразу стало понятно, что внутри тепло и уютно, а снаружи холодно и враждебно. Наташа проснулась.

— Приехали, — сакраментально сказала Марина.

— Как вы догадались, что мне сорок шесть лет? — спросил Андрей.

— Нет ничего труднее на свете.

— М-да, характер. Кажется, дождь заканчивается.

— Не расстраивайтесь. Пожалуйста, — виновато попросила Наташа.

— Вам сложно отказать.

— А у вас хорошая улыбка.

— Ну-ну, — сказал Андрей. Смущенно потер небритый подбородок и начал осматривать местность.

Дождь и в самом деле прекратился. Последние тучи уходили в сторону далекого Ледовитого океана, а над обидно чистым горизонтом вставала луна. С елей упали стрельчатые тени. По лужам пробегала ветровая рябь. В лесу нерешительно перекликались ночные птицы. Кроме их голосов, послегрозовую тишину нарушал негромкий, но настойчивый гул.

Андрей опустил стекло и выглянул, надеясь увидеть трактор или дизельный грузовик. Но вся доступная взгляду дорога оставалась пустой, как до, так и после машины. Гудело другое.

Со стороны Старопокровки, быстро увеличиваясь в размерах, летели два вертолета. Грузовой старичок «Ми-8» и...

— Черт побери, — пробормотал Андрей. — «Черная акула»!

Бубо заклокотал и угрожающе расправил крылья.

— Эх, — сказала Наташа. — Не успели.

— Красиво здесь, — безмятежно заметила Марина.

— Думаешь, все обойдется?

— Конечно.

Боевой вертолет с грохотом пронесся над машиной и развернулся. Его тридцатимиллиметровая пушка, снаряды которой прошивают танковую броню, уставилась прямо в беззащитное ветровое стекло «Лады».

— Ну и шуточки, — продолжал бормотать Андрей.

Грузовой вертолет тем временем снизился. Страшно грохоча, он сел на пригорок рядом с дорогой. Открылась дверца, и на траву спрыгнул человек в пятнистом комбинезоне. Подтянул голенища сапог, привычным жестом поправил автомат и решительно зашагал к машине.

— Мы что, нарушили государственную границу? — прокричал Андрей.

Военный усмехнулся, глядя на лужу.

— Нет, вы еще в наших территориальных водах.

— Тогда в чем дело?

— Это кто, сова?

— Ноу, — заявила несносная Марина. — Зенитная ракета «Стингер».

— Образованная барышня, — одобрил военный. — Давно сидите?

— Нет, — сказал Андрей. — Только что присели.

— Хорошо.

— Вы так считаете?

Военный качнул головой, давая понять, что шутить ему некогда.

— Что-нибудь необычное по дороге видели?

— Ну... такое, из-за чего в нас стоит целиться пушкой, не замечал.

— Формальность, инструкция, — отмахнулся военный. — Не надо бояться человека с ружьем. Сами боимся.

Потом взглянул на Марину и козырнул:

— Капитан Шестаков. Заместитель командира эскадрильи.

— Странное впечатление производят ваши вертолеты в окрестностях ненаселенного пункта Старопокровка, — заявила Марина. — Не находите, капитан?

— Нет. А что тут странного?

— Да ваши вертолеты стоят столько, сколько нужно для восстановления деревни. Вы материалист, я надеюсь?

Непередаваемое выражение появилось на лице капитана Шестакова.

— Господи, и здесь митинг. Студентки небось? Люди просвещенные?

— Да в общем — не дурочки.

— Тогда понимать должны.

— Например, что?

— То, что хорошие люди в банды не собираются. А вот плохие — собираются. И пока это происходит, а происходить такое будет всегда, нужны если не вертолеты, то бронемашины. Дубинки на худой конец. Столько еще обезьяньего в человеке! Я уж не говорю о потенциальных внешних угрозах.

— Браво. Ай да капитан, — серьезно сказала Марина.

— Спасибо. А как вас зовут?

— Марионелла-Жозефина, — еще более серьезно сказала Марина.

Капитан перебросил автомат за спину и с сомнением почесал переносицу.

— Редкое имя в окрестностях ненаселенного пункта Старопокровка.

— В этих окрестностях сейчас все редкое.

— М-да? Как сказать. Ну вот что. В интересах расследования мне нужно знать ваш адрес.

— Пожалуйста. Сфероидальная галактика в Печи.

— Какой печи?

— В созвездии Печи. Южное небо. Навигационной ценности не представляет.

— Послушайте, — обиделся офицер. — Я ведь задание выполняю, а не охочусь за девушками с вертолета.

— Да? — смилостивилась Марионелла-Жозефина. — Андрюша, дорогой, скажи ему адрес нашего гнездышка.

— Вам записать? — не без лукавства предложил Андрей.

Капитан растерялся.

— Вы что же, супругами будете?

— Будем, будем, — неожиданно вмешалась Наташа.

— Ну и шуточки... — пробормотал капитан Шестаков. — Афганистан какой-то...

— Так вам записать?

— Ладно, достаточно того, что я запомню номер машины. Извините, помощь оказать не сможем, у нас горючее на исходе. Когда вернемся на базу, попробую связаться с дорожной службой.

— О, не беспокойтесь, — почему-то взволновалась Наташа. — Мы сами справимся.

— Уверены?

— На сто процентов. Кажется, так это говорится.

— Жаль, — грустно обронил капитан Шестаков.

Он козырнул и вернулся к своему вертолету. Наскоро почистил сапоги, взбежал по алюминиевой лесенке, на миг обернулся. Взмахнул рукой.

Дверь захлопнулась. Чудище зарычало, оторвалось от пригорка и пристроилось к собрату.

Свистящий гул винтов вскоре стих за лесом. Растрепанные кроны деревьев успокоились. Но все равно лес казался уже не

тем, другим. Придавленным, что ли. Есть нечто противное природе в орудиях убийства.

— Андрей, как вы думаете, кого они искали?

— Быть может, бежавших солдат.

— Но почему капитан нас не предупредил?

— Странно.

— Наверное, Марина смутила его своими насмешками.

— Очень может быть. Зря, между прочим. Неплохой парень. По-моему, не женат.

— Вы тоже не женаты, — утвердительно сказала Наташа.

Андрей помрачнел.

— Я разведен. Это другое дело.

— Не печальтесь. Тут неподалеку живет наша бабушка. Отчего вы смеетесь? Марина, я что-то не так сказала?

— Слегка.

— Андрей, извините. Просто я приглашаю в гости. Должны же мы вас отблагодарить. О машине не беспокойтесь, здесь еще сутки никто ехать не решится. Вы большой мастер вождения! Марина считала, что мы застрянем тремя километрами раньше.

— Спасибо, но...

— Знаете, в лесу страшновато...

Вот так мы и попадаемся, подумал Андрей. Дщери Евы. Он улыбнулся и открыл дверцу.

— Бр-р. Океан Ледовитый. Территориальные воды. Марина, давайте я вас перенесу.

— Лучше помогите Наташе.

— Да, — сказала Наташа. — Если не очень затруднит.

— Нисколько. Я лет двадцать не носил девушек, успел отдохнуть.

Наташа посмеялась ему в плечо. Из машины вылетел филин со свернутыми дождевиками в когтях. Лениво помахав крыльями, птица ухнула и скрылась в лесу.

Марина невозмутимо брела через лужу. Андрей приостановился.

— Н-да, — сказал он.

Наташа встрепенулась в его руках.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, ничего. Закаленная у вас сестра.

— Почему вы считаете нас сестрами?

— Но у вас же общая бабушка!

— А, да, правильно. Знаете, лужу мы преодолели. Можно ставить меня на поверхность планеты.

На поцарапанном лице Марины появилось нечто вроде улыбки. Андрей начал придумывать, что бы такое сказать.

Наташа тактично прервала паузу:

— Здорово у тебя получилось с капитаном, Маринчик.

— Мелочи. Поживешь тут с мое, тоже научишься. Спасибо вам, Андрей.

— Да вроде не за что.

— Есть за что. За благородство и бескорыстие. Доверие и дружелюбие.

— Ты пропустила воспитанность и выдержку, — лукаво добавила Наташа.

Марина впервые рассмеялась:

— Не только. Еще гордость и гуманность. И так далее, по алфавиту. Продолжать?

Андрей отвернулся.

— Интересно, как наш капитан умудрился запомнить номер? — спросил он. — Все заляпано грязью.

Наташа махнула рукой:

— Ничего он не запомнил. Но это — его проблемы. Маринчик, веди.

Марина молча шагнула в придорожные кусты.

— Куда это? — поразился Андрей.

— Так ближе. Пожалуйста, дайте мне руку.

Гостеприимно запели комары. Наташа ничуть не преувеличивала, когда сказала, что в лесу страшновато. Андрей с шумом пробивал дорогу, думая о том, что медведи в конце лета должны быть добродушными, равно как и волки. Но вот в отношении беглых солдат и уголовников сомнения оставались. Не зря же вертолеты здесь летают... Он пожалел, что не захватил из машины чего-нибудь увесистого, вроде монтировки.

Брюки и куртка быстро вымокли. Стараясь не стучать зубами, он спросил, не может ли поблизости быть трактора.

— Это такое... лязгающее сооружение?

— Да, л-лязгающее. Хорошо машины вытаскивает.

— Пусть вас это не беспокоит. Машину мы освободим иначе, не так шумно. Знаете, к металлам у меня предубеждение. Мертвые они уж очень. Вы не считаете, что сталь, например, жестока?

— Как может быть жестоким мертвое?

— Оно всегда угрожает живому.

Андрей немного помолчал, стараясь понять, играет ли девушка словами. Потом наугад спросил:

— А бронза?

— Бронза — сплав. В нем есть теплота, отпечаток души.

— У вас художественное восприятие.

— Да нет, иное видение.

Что-то скрывалось за этим абстрактным диалогом. Но от дальнейшего разговора Наташа уклонилась, сославшись на усталость.

— К тому же, — добавила она, — я не совсем уверенно владею идиоматической стороной русского языка. Не успела вжиться.

От этого пояснения Андреево недоумение ничуть не уменьшилось.

Они выбрались на более открытое место. Идти стало легче. Но вскоре малозаметная тропинка пересекла поляну и вывела к краю обширного болота. Захлюпала вода. Упругие стебли хвощей цеплялись за ноги. Досаждал гнус, образец жестокости живого. Наташа звонко пришлепнула очередного мокреца и вздохнула.

— Что, тяжело быть белковым телом? — иронически спросила Марина.

— Да, и больно. Ты на меня сердишься?

— Какой смысл? Что сделано, то — прошлое.

Андрей откашлялся.

— С вами что-то стряслось, лесные феи?

— Стряслось. Очень даже сильно стряслось. По моей оплошности. Марина, можно рассказать?

— Немного позже, Бубо уже на месте. Там все и расскажем. Андрей, вы подождете?

— Да я вообще не уверен, имеют ли ко мне отношение ваши секреты.

— Имеют, имеют.

Андрей пожал плечами.

— Кажется, болото мы миновали.

За болотом начинался молодой еловый лес. Деревьям было лет по тридцать, ветви висели низко, приходилось нагибаться. Андрей придержал хвойную лапу, пропуская девушек.

Неожиданно фигура шедшей впереди Марины вспыхнула, будто попав в луч прожектора. И тут же пропала. Андрей вздрогнул и выпустил ветку.

— Это еще что?

— Кольцевой поток фотонов. Ничего страшного, — ответила Наташа.

Андрей разозлился:

— Перестаньте морочить мне голову. Кольцевой поток фотонов невозможен.

— Возможен, возможен.

— Это ж какая гравитация должна быть!

— Большая.

— Нас бы тогда раздавило.

— Нет, гравитационные линзы очень маленькие. Они расположены только в точках поворота. Фотоны движутся вообще-то не по кольцу, а по многограннику, понимаете?

— Понимаю. Нет, не понимаю. Для чего это?

— Да много для чего. Сигнализация, в частности. Пойдемте.

Но Андрей примерз к месту.

— Послушайте, люди такое сделать не могут.

— Верно, — терпеливо согласилась Наташа.

— Ах вот оно что...

— Да, именно оно. Идемте, нас ждут.

— А если не пойду?

Наташа рассмеялась:

— Спать вам тогда в машине. Голодным.

— И все?

— И все.

Ошеломленный Андрей топтался под развесистой елкой. Перед его лицом то озарялась, то растворялась в темноте качающаяся ветка. Он увидел, как из световой пленки протянулась открытая ладонь, и отшатнулся. Послышался смех Марины.

— Дорогой гуманоид, неужели нас нужно бояться?

— Вот уж не знаю!

— Вспомните пословицу Чингисхана.

— Чингисхан сейчас бы помер со страху.

— Не исключено. Образование у него было неважное. Эх, член ученого совета! Решайтесь. Иначе потом всю жизнь не простите себе слабости. Вы хоть догадываетесь, на пороге чего стоите?

— Догадываюсь, — проворчал Андрей. — Умеете находить слабые места, сестрички по разуму...

Он зажмурился и не шагнул, а как-то посунулся вперед. Свет пробился и сквозь закрытые веки, но других неприятных ощущений не возникло. Он разочаровался и даже заподозрил розыгрыш, тем более что остаток пути прошел абсолютно без приключений. И что бы это все могло значить?

Обыкновенный деревенский дом располагался внутри обнесенного жердями двора. Над трубой вился дымок. У калитки стояла старушка в белом платке.

— Ах, девочки, я уж извелась! Все ли благополучно?

— Да. Благодарение Андрею Васильевичу, спасителю нашему. Вот, познакомьтесь.

— Ксения Кирилловна. Очень, очень рада, дорогой вы мой! Знаете, я так боюсь этих ужасных зенитных ракет, а негодник Бубо совсем перестал отвечать на сигналы. Старый он у меня, заряда не хватает, понимаете?

— Понимаю, — солидно ответил Андрей. — Чего ж не понять? Заряда не хватает.

От длинных аристократических пальцев Ксении Кирилловны пахло луком, но Андрей приложился к ним без всяких колебаний. Обладательница столь неистребимого обыкновения

подавать ручку для поцелуя имела право бояться многого, включая зенитные ракеты. Одному Всевышнему известно, чего она навидалась на своем веку.

Компания прошла мимо накрытых мешковиной огромных бочек и поднялась на крыльцо.

— Проходите, сударь, проходите, — ласково приглашала хозяйка. — И не тревожьтесь, все здесь вполне вменяемы, включая вас.

Андрей закашлялся. Ему любезно постучали по спине.

В чистой, блаженно теплой горнице он долго мыл руки и пытался сообразить, что собой представляет негодник Бубо, чем провинилась трогательная Наташа и какое отношение ко всему этому имеют средства ПВО.

Сухая научная жизнь давно отучила его от веры во всякого рода народных целителей, провидцев, биоэнерготерапевтов, пришельцев и лозоходуев. Он признавал только надежные экспериментальные данные, корректно обработанные статистически и подтвержденные независимой лабораторией. Желательно — не нашей. Он многократно убеждался в том, что рано или поздно любой чертовщине находится удивительно банальное объяснение. Сыщется оно и в этот раз. Хорошо, что не отступился из-за световых фокусов. И впрямь было бы стыдно.

— Голубчик, прошу к столу. Пора отужинать да отдохнуть с дороги. Что требовалось, вы уже сделали.

— Спасибо. Девочки, наверное, тоже проголодались?

— Увы, им надо сначала муляжи приготовить.

— Какие муляжи?

— Да копии свои, альтер эго. Латынь-то помните?

— Смутно.

— Не беда, сударь, не беда. Сосуды к утру прочистятся. Глядишь, и память покрепче сделается.

Андрей едва не ляпнул, что против склероза лекарств нет, но вовремя вспомнил о возрасте собеседницы.

— Присаживайтесь, Андрей свет Васильевич. Времени у меня совсем мало осталось. Хочется напоследок с человеком поговорить.

— Что вы, Ксения Кирилловна, времени у вас много, это я вам как врач говорю.

— Смотря где, милостивый государь, смотря где. Здесь, на бренной, — ровно пустячок какой.

Старушка резала хлеб по-деревенски, крупными ломтями. Буханку при этом прижимала к груди. В ней удивительно сочетались простонародные привычки и салонные манеры начала двадцатого века. Человеку, успевшему пожить в СССР, такая смесь о многом говорила. Андрей не мог не почувствовать сострадания к этой частице старой России, чудом перенесшей лихолетье советской власти, а потом еще диковатую реставрацию капитализма. Он не то чтобы перестал замечать странности ее речей, но начал воспринимать их как нечто объяснимое. Подтверждая его мысли, Ксения Кирилловна продолжала:

— Что только не перенесла от людей. Сама, можно сказать, человеком стала. Как вы быстро стареете... Долго, ох долго вам еще идти. И ума вроде хватает, а пользоваться не хотите. И то сказать, мало поколений после обезьян-то... Знаете?

— Знаю, — сказал Андрей. — Читал.

Он совсем не знал, чего ожидать в ближайшую минуту. Было слышно, что в соседней комнате по полу протащили тяжелый предмет. Затем — еще один.

— Муляжи? — спросил он.

Ксения Кирилловна поставила на стол бронзовое блюдо с помидорами.

— Не мучьтесь, голубчик. Всему свое время. Скоро поймете. Утро вечера мудренее, как люди говорят. Ешьте пока. Вот пельмени, маслята. Хлеб свой, домашний, сама пеку. Извольте отведать.

Андрей принялся за угощение.

— Налила бы стопочку, да ехать вам скоро. О поджелудочной железе и говорить нечего.

— Редкий вы человек, — сказала Ксения Кирилловна примерно через полчаса.

— Уф, простите. Столько есть неприлично. Но все такое вкусное.

— Я не о том. С вами девочек оставить было бы не страшно.

— Спасибо. Неужели им что-то угрожает?

— Теперь уж ничего не угрожает. Да-с, теперь. Сыты ли вы, батюшка?

— Еще как!

— Ну, тогда не обессудьте. Прощайте, дорогой.

Ксения Кирилловна взглянула на него с неожиданной жесткостью. Мысли Андрея сделались вялыми. Приятная теплота волнами поднялась от желудка и покатилась к голове. Объелся-таки, подумал он.

— Объявляется стартовый отсчет времени, — сурово произнес мужской голос.

Андрей печально повернулся. В углу, на массивном телевизоре, сидел Бубо с открытым клювом. Одну из лап он держал в розетке. Или показалось?

Глазищи филина грозно горели, в перьях вспыхивали разряды. А по экрану телевизора бегали разноцветные линии и ползали чудные знаки, вроде жуков.

Из тумана вышла Марина и погладила его холодной ладонью.

— Иди спать, несчастный гуманоид. Прощаю вам все.

Под руки, как раненого, Андрея увели в соседнюю спаленку.

— С вами по-хорошему... эх вы... — пробурчал он.

И уткнулся в хрусткую наволочку. Из форточки слышался отдаленный вертолетный гул. Ксения Кирилловна с беспокойством покачала головой. Марина прикатила хирургический столик на колесиках.

— Помочь? — спросила она.

— Управлюсь, чего тут сложного. Иди отдохни. Наташа плачет?

— Плачет.

— Надо же. Кто бы мог подумать.

— Слишком тщательно перевоплотилась.

— Слишком недавно. Поначалу все воспринимается чересчур остро. Земные страсти захлестывают.

Марина задержалась на пороге, глядя на спящего Андрея.

— Все-таки я ожидала, что ученые у них более догадливы.

Ксения Кирилловна усмехнулась.

Лунный свет отпечатал на полу оконный переплет. Он был изменчив, этот лунный свет. То усиливался, то ослабевал, будто

снаружи прохаживался некто огромный, бесшумный и полупрозрачный. При этих переменах крупицы инея, покрывающего бок голландской печи, то начинали искриться, то угасали.

Иней лежал на столике с хирургическими инструментами, букете сибирской вечерницы, на спинке старой железной кровати и даже на голой, лишенной абажура лампочке под потолком.

Колкий холод проникал под ватное одеяло к свернувшемуся в клубок Андрею. Пробуждающееся сознание неохотно освобождалось от образов странного, сумбурного сна — надоевшей лестницы, космической пустоты с вкраплениями звезд, от капитана Шестакова, за что-то ударившего Андрея ножом в живот. От спиральной молекулы ДНК с недобро багровеющим фрагментом, от таинственной улыбки Бубо. От всех прочих фантасмагорий, старых и новых.

Подташнивало. Беспокоила скребущая боль в левом подреберье. И все же он встал. Покачиваясь от непонятной слабости, кое-как оделся. Глубоко втянул в себя воздух, потом задержал дыхание. Тошнота отступила, но накатилась волна озноба. Андрей набросил на плечи одеяло и попрыгал, чтобы хоть немного согреться. Потом опасливо выглянул в горницу.

Там было еще холоднее. Картошка и помидоры на неприбранном с вечера столе заледенели. Рядом находился еще один кусок льда, в форме бутылки. Вокруг него валялись осколки стекла.

Морозные узоры украшали окно. Пышная бахрома снега окаймляла дверь, ведущую во вторую половину дома. Оттуда слышались крупнопузырчатое бульканье и сухие металлические щелчки, похожие на стук метронома. Еще что-то шипело.

Андрей вынул сигареты. Закурить, однако, не привелось. Исчезла зажигалка. Водительское удостоверение, паспорт, ключи от машины, бумажник, носовой платок — все обнаружилось в привычных карманах, а вот зажигалка пропала.

Среди ночи просить спички, конечно, не стоило. Но его всерьез беспокоил невероятный и необъяснимый холод в доме. Андрей постучал в заснеженную дверь. Выждал, постучал еще, наконец громко спросил:

— Ксения Кирилловна! Простите, что происходит?

Ответа не последовало. Тогда он толкнул дверь и остановился на пороге.

В нос ударил сильный запах озона. Потянуло совсем уж свирепым холодищем. Позади, в горнице, с пугающим треском лопнула и повалилась набок промороженная бочка. Деревянно стуча, по полу раскатились кочаны капусты.

А впереди, в просторной, освещенной неверным лунным светом спальне, клубился туман. Он поднимался из круглого бассейна с интенсивно парящей жидкостью. По периметру этот бассейн был окружен корабельными леерами на аккуратных стойках.

Струя более теплого воздуха дунула из двери. Туман колыхнулся. Из его блеклой пелены проступили очертания стола, за которым, уронив голову на руки, сидела Ксения Кирилловна. Потом стала заметной широкая кровать. Андрей увидел там обеих девушек. Они лежали в спокойных естественных позах сна, но совершенно неподвижно.

Андрей пощупал ледяную руку Марины. Пульс отсутствовал, дыхание — тоже. На ее лице застыла леонардовская полуулыбка. Приподнять твердое веко он не смог.

Наташа казалась грустной. Прикоснуться к ней Андрей не решился. Скомкал бесполезную пачку сигарет и отвернулся. Потом подошел к бассейну.

Туман слабо подсвечивался снизу. Жидкость в бассейне бурлила. Всплывающие на поверхность пузыри громко лопались. В глубину, широко раскинув руки, погружалась женщина с мертвенной серо-зеленой кожей и шевелящимися седыми волосами. Под ней, на фоне уже знакомых созвездий, рождались гроздья пузырей. Пузыри стремительно неслись к поверхности. Задевая тело, они фосфорически вспыхивали. В этих вспышках Андрей узнал еще одну Ксению Кирилловну.

От режущих испарений дьявольского колодца слезились глаза. Отодрав руки от стоек, он выпрямился и отступил на пару шагов. Происходившее могло быть сном, галлюцинацией, сценой из фильма ужасов — всем чем угодно, только не реальностью.

Мысль об этом вывела его из состояния оглушенности. Рухнула некая преграда между восприятием и осмыслением. Он

вскрикнул и бросился к двери. В горнице споткнулся. Расшвырял тяжелые, словно пушечные ядра, кочаны и опрометью выбежал из дома.

На опушке елового леса шелестел ветер. Налетая на избу, он порой относил в сторону морозный туман, но потом стихал, и облако сгущалось заново.

Крупные предосенние звезды во всю мощь светили с неба. Андрею показалось, что над головой висит все тот же колодец.

Его била дрожь. Невероятно одинокий, жалкий, с переброшенным через плечо одеялом, он стоял во дворе и пытался взять себя в руки. Постепенно это начало удаваться. Сердцебиение унялось, дыхание выровнялось.

Он уже собирался стряхнуть прилипшие к брюкам капустные листья, когда тишину вдруг распорол скрип. Противный, ржавый. Кося глазом, Андрей присел.

Дверь сарая открылась. Из нее вышла совсем живая Марина. Шагах в двадцати она остановилась.

— Ближе не подходить, Чингисхан?

— Н-не надо.

Помолчали.

— Рановато вы проснулись, — сказала Марина. — Ну как, успокоились?

Андрей кивнул.

— Тогда скажите что-нибудь.

— Сейчас. Вам не попадалась зажигалка?

— Попадалась. Пришлось изъять. Огонь в доме сейчас опасен. Жидкий кислород, понимаете?

— Нет. То есть да. Кислород.

— Вот она. Возьмите.

— Потом как-нибудь.

Марина обидно усмехнулась.

— Вам ничего не угрожало и не угрожает.

К нему вернулась способность злиться.

— Послушайте, как вас там... Марина...

— Фи! Неужели в отместку за страх вы будете грубить?

Андрей скрипнул зубами.

— Извините.

— Уже лучше. Вопросы будут?

— Да уж. Они, то есть вы... не умерли?

— Нет.

— И Ксения Кирилловна?

— Тоже. Но она трансформируется. Ей пора возвращаться.

— Навсегда?

— Скорее всего. Мы долго не могли ее разыскать после всех бурных событий в вашей стране. Боялись не успеть к сроку окончания жизни Ксении Кирилловны. Жизни в белковой форме, разумеется. Поэтому пришлось пренебречь некоторыми правилами безопасности. Так мы оказались на вашем пути.

— Вот оно что.

— С вами толком не простились. Пожалуйста, не обижайтесь. Нам казалось, так лучше. Долгие проводы — лишние слезы, как у вас говорят. Но только вот...

— Что?

— Наташа очень расстроилась.

— Почему?

— Понравились вы ей.

— Я? В каком качестве?

— Как — в каком качестве? — удивилась Марина. — В качестве мужчины, я полагаю. Не только же в качестве извозчика. Хотя, надо признать, в этом качестве вы точно не плохи.

— Ох, — сказал Андрей. — И это — все?

— Что — все?

— Мы больше не увидимся?

— Ну вот! То подойти боится, то расставаться не желает.

— Мы больше не увидимся?

Марина не ответила. Андрей вскипел:

— Не смейте молчать! Раз уж втравили меня в эту историю. И отдайте зажигалку, в конце концов!

Марина вздохнула. Андрей вдруг понял, что ей тоже не так уж весело.

— Поверьте, я сама не знаю. Если бы Наташа не ошиблась как раз над зенитной батареей, мы вообще не должны были встретиться. Живот болит?

— Немного. А что?

— Нет, ничего. Скоро пройдет.

— Замечательно. И чем займемся?

— Пришла пора выполнять обещания. Займемся вашим автомобилем. Раз уж втравили вас в эту историю.

Марина подошла к крыльцу и сбросила мешковину с того, что Андрей накануне принял за бочки. В действительности же грубая ткань скрывала две прозрачные полусферы с желтыми металлическими ободьями. «Бронза, разумеется», — с раздражением подумал Андрей.

Марина попыталась забраться в одну из этих штук, но узкие джинсы с бравым ковбоем не позволяли ей поднять ногу достаточно высоко.

— И что стоим, кабальеро? — сердито спросила она.

Легко перемещая отчужденное тело, Андрей приблизился, подал руку, помог.

— Вторая — для меня? — спросил он.

— Не боитесь? Нет таких ощущений?

— Вообще нет ощущений. Полная пустота в голове.

— Понятно, гуманоид. Сильные были впечатления?

Озорной тон и оттенок снисходительности, прозвучавший в слове ГУМАНОИД, заставили его встрепенуться. Он вспыхнул, собрался ответить насмешливо — знай, мол, землян, — да не успел. Чаша под ним качнулась. Беззвучно, безо всяких предварительных знамений, она принялась набирать высоту.

Снялись со своих мест острые верхушки ельника, в плавном развороте ушли вниз избушка с невинным дымком над трубой, сарай с открытой дверью, очерченный жердями двор. Серьезно захотелось перекреститься, но Андрей побоялся свалиться в то самое болото, мимо которого они совсем недавно пробирались втроем.

В свете луны прекрасно различались озерца мутной воды, кочки, стебли хвощей и даже настороженные заячьи уши в кустах. Никогда раньше так хорошо ночью он не видел.

Марина летела впереди, бесстрашно сидя на ободе и свесив во тьму ножки в спортивных туфлях. Странный аппарат шел под ней с небольшим креном. Градусов в пятнадцать, как

прикинул Андрей. Прикинул и с веселым ужасом осознал все невероятие происходящего.

Из разрозненных воспоминаний фрагмент за фрагментом складывалась общая картина. Разорванный дождевик Наташи, царапина на щеке Марины (успевшая, кстати, исчезнуть). Капитан Шестаков с его загадочным заданием, бассейн сжиженного кислорода. Бубо, такие правдоподобные муляжи...

Понять главное в этой мозаике труда уже не составляло. Оставались только частные вопросы. Например, случайно или не случайно из всего человеческого рода эта история коснулась именно его, Андрея? Пьющего, курящего, любящего поесть, поспать, и поспать не в одиночестве. Неужто в самом деле потребовался его смехотворный автомобиль?

Но ведь ухнул же филин на скале. Знаем мы теперь этого филина! Случайностям здесь не место. «Марина была уверена, что мы застрянем тремя километрами раньше...» Выходит, они заранее все знали? Все или многое? Нет, вряд ли все. Застряли-то тремя километрами позже. И тем не менее вот уж пищито для ума!

— Андрей Васильевич, каково самочувствие сейчас?

Он вздохнул и поднял большой палец.

— Не жалеете, что вас втравили в историю?

— Нехорошо так поступать с членом ученого совета.

Висящая в ночном пространстве девушка рассмеялась:

— Симпатичное вы существо!

Андрей поморщился.

— Знаете, у людей как-то не принято называть друг друга существами.

— У людей.

— Понятно, уважаемая иноземка.

Тут Андрей хорошо подумал и задал совершенно уж нелепый вопрос:

— Послушайте, это все мне не мерещится? — Он обвел горизонт рукой и тут же испуганно схватился за обод, поскольку чаша под ним крутнулась.

— Неужели вы подозреваете, что вас разыгрывают? — удивилась Марина.

Андрей вспомнил фигуру в жидком газе.

— Нет. Просто не знаю, верить ли глазам своим.

— Ну, это уж вам решать. До расставания время есть.

Неприятный холодок возник в Андрее. Как оно, спрашивается, произойдет, это расставание? В какой форме? Филин перестал отвечать на сигналы, и Ксения Кирилловна не знала, куда посылать летательные аппараты. Вот и пришлось двум феям прибегнуть к автостопу. Теперь же мавр свое дело сделал. Ксения Кирилловна, добрейшая старушка, что-то в этом роде говорила.

— Андрей, можно дать совет?

— Конечно. И не один, а как можно больше.

— Не смотрите фильмы про инопланетян. Про личинки, пожирающие людей изнутри. Особенно на ночь.

— Ага. Вы еще и телепат?

— В данном случае это не обязательно. Лицо у вас выразительное, а реакции, простите, банальны.

— Вот, значит, каков я.

— Ну-ну! Отнюдь не худший представитель племени. Что касается ваших страхов, то взгляните во-он туда, направо.

Своим новым зрением Андрей легко увидел темные кубики изб, изгиб речушки, колоколенку, ржавые пятна комбайнов. Различалась даже черточка флагштока над стендом с передовиками.

— Старопокровка?

— Она самая. Утром там высадятся солдаты. Вам их лучше не ждать.

Андрею стало поспокойнее. Слишком уж долго возилась внеземная цивилизация, если затевала недоброе. Достаточно было купания в том жутком бассейне. Интересно, для чего потребовались муляжи? Инсценировка естественной смерти? Например, в результате отравления угарным газом?

— Угадали, — сказала Марина.

Андрей решил поменьше удивляться и побольше спрашивать.

— А какое созвездие я видел там, в колодце?

— Созвездие Печи.

— Мне так и показалось.

Марина улыбнулась.

— И во снах я его видел?

— Нет, сны — это совпадение. Реализация подавленной тревоги по поводу бездарно, как вам кажется, проходящей жизни. Это зря. Живете вы действительно достойно.

— Не так много, чтобы гордиться, — усмехнулся он.

— Извините, — коротко сказала она.

Между тем воздухоплавание замедлялось. Они пролетели над поляной, где в росистой траве все еще сохранялись следы трех человек. Вернее, одного человека и двух непонятно кого.

Крупный волчище внимательно нюхал эти следы. Возможно, чутьем улавливал подвох. Когда легкие тени скользнули по земле, зверь прижал уши и поднял удивленную морду.

— Тоже не знает, верить ли глазам своим, — улыбнулась Марина.

Андрей промолчал. Прямо по курсу темнела полоса просеки. Показалась размытая дорога. Близился конец сказки. Первой да и скорее всего последней в его взрослой жизни. Если не считать привидения на стрельбище.

Повинуясь неведомой силе, оба летательных аппарата приземлились на знакомом пригорке, между отпечатками вертолетных колес. На столбе вибрировал ненароком задетый провод.

— Побудьте здесь, — распорядилась фея.

— Слушаюсь.

Он с детским любопытством следил, как желтоватая полусфера кружила над автомобилем. Очевидно, Марина нащупывала центр тяжести. Все так же небрежно сидя на ободе, она делала плавные жесты, похожие на движения фокусника. Желтая чаша описала сходящуюся спираль, на миг зависла, затем пошла вверх.

Звонкие ручейки устремились с крыльев, с колес, днища машины. Звучно шлепнулись комья глины. Развернувшись в воздухе, «Лада» опустилась на обочине.

Андрей выбрался из своей чаши и подошел к машине. Такой любимой еще вчера. Отпер дверцу, сел. И стал ждать.

Марина пришла не сразу. Некоторое время она стояла у затихающей воды, о чем-то думала. Очень может быть, решала судьбу Андрея.

Впоследствии он видел ее очень разной, но запомнил прежде всего такой — в тонком лунном контуре, с посеребренными волосами. В расслабленной, непринужденной позе, с руками в карманах брюк. Так стоят перед дальней дорогой. На перроне, причале или летном поле аэродрома. Так же будут стоять наши потомки перед тем, как подняться на борт звездолета. «Прощай, Британия, прощай, — подумал Андрей. — Неужели — все?»

В лесу, не выдержав испытания луной, безутешно завыл волк. Этот звук вывел Марину из задумчивости. Естественным женским движением она поправила прическу и подошла к машине. Кивком поблагодарила за предупредительно открытую дверцу, устало откинулась на спинку сиденья.

— Мы очень признательны вам за помощь, Андрей. Спрашивайте, — просто сказала она.

— Военные действительно могли вам помешать?

— Конечно. У нас нет права сопротивляться. Послушайте сегодня радио.

— А почему вы скрываетесь?

— На Земле и без нас все бурлит. Вспомните, много ли у вас бескорыстных друзей? Вспомните о борьбе за место под солнцем, тем более — за власть. Тут до сих пор все средства хороши, правда, не все уже приличны. О, эта болезненная страсть повелевать себе подобными! Пить их внимание, пусть вынужденное, принимать их почести, пусть неискренние... Могучая сила — лесть. Чем умнее, тоньше человек льстит, тем лучше ему живется. И в Ливийской Джамахирии, и в той же Британии. Соблазна власти и лести никто из вас не выдерживает, какие бы великие дела ни вершил попутно. Эта воистину ЦАРСКАЯ водка разъедает любую душу. Вопрос лишь во времени, разница — в степени.

— Вы нас презираете.

— Извините, я говорю резко. Устала от ваших стадных сообществ... Вы так любите единство. Но с моей-то стороны просто глупо испытывать единое чувство ко всему чело-

вечеству. Кроме Чингисхана, Лойолы, Сталина и всех прочих бабуинов, на Земле жили Сократ, Авиценна, Эразм. А сейчас живут астрофизики. Я так и не поняла, как при всем несовершенстве математического аппарата они пришли к идее параллельных вселенных. Невозможно презирать ищущих, Андрей.

— Вы умеете сочувствовать?

— Законы развития разума так же универсальны, как и законы эволюции вообще. В нас та же таблица Менделеева, что и в вас, только в несколько другой пропорции. Да, у нас есть аналог того, что вы называете сочувствием. Космический разум формируется на вашей планете очень болезненно. И эта боль нас достигает.

— Зачем же мучиться от неразделенных чувств? Дайте нам счастье.

— Как? Построить виллы от полюса до полюса? Излечить больных, накормить голодных, разрушив при этом вашу собственную экономику? В кого вы превратитесь? В домашних животных?

— Кто знает?

— Никто. Ни вы, ни мы. Ни даже те, кто старше нас, вместе взятых. Есть и такие, да будет вам известно.

— Да? Мы этого не знали. Зато знаем другое. Вы хотя бы догадываетесь, каково жить в полной уверенности, что в любой момент можешь умереть от тысячи причин? Обратиться во прах, в пыль безмозглую...

— Догадываемся, — поникнув, сказала Марина.

— Догадываетесь, — повторил Андрей. — То-то и оно, что догадываетесь. Если бы хоть раз почувствовали на себе то, что чувствуем мы, гуманоиды, когда комья сыплются на гроб с родными останками... Ты понимаешь, фея?!

— Я понимаю, — тихо сказала Марина. — Не надо трясти мою руку.

— Тогда сделайте что-нибудь, не ограничивайтесь изучением инфузорий!

Марина выпрямилась.

— Зачем же мы здесь?

— Откуда мне знать?

— Андрей, доказать я не успею. Вы ведь поверите только статистически значимым результатам, подтвержденным независимой лабораторией, все сотрудники которой пройдут психиатрическое освидетельствование.

— Оу! Ну и сарказм. Дозис леталис.

— Иной дозой вас не прошибить.

— Что поделаешь, истину понять сложно.

— Истину понять не сложно. Труднее в нее поверить. Самое же тяжелое — доказывать вещи очевидные.

— Блестяще. Но пока не вижу ни одного доказательства, извините.

— Доказательства чего?

— Да вашей гуманитарной помощи. Человечки как ползли на кладбище, так и продолжают этим заниматься.

— Есть у меня одно доказательство. Довольно убедительное, хотя и не в масштабах всего человечества.

Марина посмотрела на него с особым выражением.

— Э-э! Стоп. Знаю я ваши куншткюки. Пожалуйста, без гипноза и прочей парапсихологии. Давайте разговаривать как интеллигентные... люди.

— Помилуйте! Гипноз не может быть аргументом в споре.

— Поглядим, посмотрим. Если сумеем, конечно. Можно я закурю? Спасибо. Ладно, гуманитарную помощь выпрашивать больше не буду. Наверняка у вас есть своя, небесная бюрократия.

— Почему вы так решили?

— Ну, вы же сами говорите, что законы развития разума универсальны.

Марина рассмеялась.

— Универсальны. Что вас еще интересует?

— Вот мы сейчас строим... гм... виллы. Как умеем. Больных лечим, пищу добываем. Словом, заняты выживанием...

— И сексом, — неожиданно добавила Марина. — Избыточно.

— Есть такое, — согласился Андрей, с любопытством глядя на нее. — У вас что-то случилось... личное?

— Не имеет значения. Вы хотели узнать, чем заняты мы? Проблема та же. Только масштаб иной. Приходится искать способы сохранения всей Вселенной.

— Даже так?

— Даже так.

— Что же угрожает всей Вселенной?

— Если сейчас взорвется Проксима Центавра, ближайшая к вам звезда, свет вспышки долетит к Земле за несколько лет. О том, что происходит в соседней галактике, вы узнаете уже не раньше, чем через полтора миллиона лет. Поэтому нынешняя Вселенная давно не соответствует картине, которую вы наблюдаете в телескопы. Идет ускоряющийся процесс сжатия. Понимаете, что это значит?

— Схлопнемся в «черную дыру»?

Марина кивнула. Андрей ошеломленно замолчал. Сквозь запотевшие стекла машины уже просматривались сопки на востоке. Луна зашла. Слабый крик чудом уцелевшего петуха донесся со стороны деревни.

— Надежда-то есть?

— Есть. Особенно если нам помогут те, кто старше нас, вместе взятых. Но для этого мы должны помочь им самим победить страшных врагов.

— Врагов? Каких?

— Апатию. Сонное безразличие. Отсутствие воли к жизни. Именно такова плата за бессмертие. Увы, пока у нас не получается. Они не хотят нас слушать, не желают выходить из своего зачарованного сна. Быть может, удастся разбудить их в будущем. Кстати, с вашей помощью. Не удивляйтесь, вы наши потенциальные союзники. Братья по разуму, как это ни скучно звучит.

Петух пропел вторично.

— Я не задерживаю вас... чрезмерно? — спросил Андрей.

Марина улыбнулась:

— Пора. Всякая нечисть должна исчезать до третьих петухов. Старайтесь не поминать лихом двух фей.

— А вы не будете очищать мою память?

Марину передернуло.

— Поразительно, сколько предрассудков приходится на одного члена ученого совета! Не буду я чистить память, поскольку ваши воспоминания такая же ваша собственность, как этот автомобиль. Напротив, оставляю сувенир. Вот, держите.

Она протянула запаянную колбочку, в которой плавал розовый кусочек.

— Что это?

— Опухоль из поджелудочной железы. Ксения Кирилловна просила передать, что времени у вас теперь много.

— Вот как...

— Живот болит?

— Н-нет.

— Ну и славно. Прощайте.

Андрей всполошился:

— Погодите! Я должен кое-что вернуть.

— Что?

— Да вот, одеяло. Случайно прихватил.

Марина от души расхохоталась. Потом поцеловала его в небритую щеку и, сильно налегая на «о», сказала:

— Оставьте. В хозяйстве пригодится. Хорошее одеяло-то.

Марина вышла, поднялась на пригорок и взмахнула руками. Обе чаши слились вокруг нее в гигантский кусок янтаря. Мгновение стройная фигура в джинсах и короткой курточке еще угадывалась за желтыми стенками шара, затем все исчезло. Бесшумно растворилось в воздухе. Тот, кто называл себя Мариной, улетел.

Светлело, близился восход. В Старопокровке еще раз пропел петух. А на капот со стуком опустилась другая птица. Опустилась, стряхнула грязные капли и выжидающе уставилась в лицо человека за стеклом.

Андрей слегка придавил глазные яблоки, помассировал веки и включил мотор. Филин сильно испугался. Скребнул когтями, заклохтал, тяжело взмахнул крыльями и взлетел. Плохо он зарядился, бедненький.

...Машина раскачивалась, проваливалась в ямы, опасно юзила. Но на дорогу Андрей почти не смотрел. Чисто механически переключая передачи, он только следил за паря-

щим силуэтом того, что имело обличье птицы. Он ехал навстречу незавидной доле видеть в каждой женщине искры неземного разума.

Обратная дорога запомнилась отрывочно. В зеркале заднего вида скользнули замшелые срубы, мятое ведро над колодцем, кресты, начинающие желтеть березы. И вся далеко за половину пройденная жизнь.

Видимо, он дремал за рулем. Во всяком случае, отчетливо воспринимать действительность начал тогда, когда, простуженно ревя мотором, машина взяла подъем перед бетонным мостом.

Дул холодный низовой ветер. Над ломаной линией сопок всплывал краешек солнца. Вершина знакомого утеса отражалась в незамутненной воде. Андрей открыл дверцу и огляделся.

От покрышек валил пар. Бубо уселся на дорожном знаке, запрещающем остановку, и устало мигал оттуда оранжевыми глазами.

— Эй, птица! Скажи что-нибудь.

Филин почесал лапой то место, где у человека располагается ушная раковина.

— Московское время — шесть часов. Доброе утро, уважаемые слушатели «Маяка».

— Все?

Филин почистил перья и снисходительно добавил:

— Обнаружены обломки летательного аппарата, сбитого над дельтой Северной Двины. Два члена экипажа выбросились с парашютами. Ведется розыск. Государственный департамент опровергает причастность США к данному инциденту. Пресс-атташе Белого дома...

— Погоди-ка, — сказал Андрей.

Далеко, у самого горизонта, играли солнечные блики. Обострившимся зрением Андрей различил двенадцать точек. Развернутым строем к Старопокровке шли вертолеты.

— Так. А про меня объявляли что-нибудь? Про автомобиль «Жигули» серо-голубого цвета?

— Объявят еще, — пообещал Бубо.

— Похоже, пора ехать.

— Ехать! — передразнил филин. — Когти надо р-рвать, пр-рофессор-р!

Жаргон несколько покоробил Андрея.

— Прощай, — сухо сказал он.

Но расставаться озорник не пожелал. Хитро прищурился, нахохлился и неожиданно произнес милым Наташиным голосом:

— Нехорошо так поступать с друзьями по разуму, член ученого совета. Бубо устал, Бубо разрядился...

Андрей покраснел.

— Извини, коллега.

Он сгреб филина в охапку и перенес его на заднее сиденье. Мотор взвыл. Автомобиль «Жигули» серо-голубого цвета ринулся на юг.

Бензин иссяк в середине дня. Андрей въехал в скопище машин у заправочной станции. Филина он прикрыл одеялом, велел не высовываться и почувствовал, что неодолимо засыпает.

Разбудил его мужчина в спортивных штанах и тапках на босу ногу.

— Эк вас разморило! Сова и то спит. Эй, мужик, кончай держать очередь, бензовоз пришел. Сигналишь ему, сигналишь, как... — Мужчина явно хотел высказаться поопределеннее, но почему-то передумал.

— Сейчас, сейчас, — сказал Андрей. — Извините.

Мужчина не уходил.

— Хорошая у тебя была ночка, браток, — сказал он, многозначительно улыбаясь.

Андрей вспомнил свою ночку и насторожился.

— Вы о чем?

— Да ладно, ладно, дело не мое. Скажи только, где такую девочку урвал?

Андрей обернулся. За его спиной, нежно обняв Бубо, спала Наташа.

— Дорогой ты мой гуманоид! — сказал Андрей. — Проезжай, уступаю тебе очередь. И вот, прими в подарок.

Широко раскрыв глаза, представитель далеко не сентиментального племени водителей взял бутылку армянского конья-

ка и сделал движение, напоминающее легкий поклон. Неизвестно, сколько бы он простоял, шевеля губами, если б к машине не подошла Марина с шашлыками и пакетом пирожков. Она тут же решительно предложила посторониться.

— Гарем, — догадался мужчина. — Ну, дела...

И удалился, оглядываясь через каждые четыре шага. Ничуть не менее изумленный Андрей открыл дверцу.

— И вы... тоже? — только и смог вымолвить он.

— Видите ли, ваши слова об ожидании смерти... — неуверенно начала Марина.

Но тут же рассердилась и с вызовом закончила:

— И потом, не оставлять же эту глупышку одну... Среди вас!

Я возвестил тебе знание, составляющее тайну тайн. Обдумай его до конца и поступай как знаешь.

Махабхарата.

13. АТОЛЛ ТАРАВА, ТИХИЙ ОКЕАН

Уж перед днем рождения следует поспать как следует. Тем более если всю ночь шумел прибой, шел ливень, а Мод была ненасытной и отчаянно изобретательной, будто на прощание. Мы опять что-то разбили, прямо как встарь. В общем, я проснулся почти к полудню.

Солнце сияло. Море успокоилось. Теплый ветер трепал занавески на окнах. Снаружи слышались веселые голоса, шелест огромных пальмовых листьев, звон колокола на причале. Мод давно уже была на ногах. Умыта, одета, завита и накрашена. В полной форме.

— Дорогой! Хочу, чтобы ты надел смокинг.

Когда такая женщина, как Мод, говорит «хочу», устоять невозможно. Что бы она ни просила. Я наскоро ополоснулся, оделся, как было приказано, но потребовал еды. Проголодался очень.

— Зачем обедать в одиночестве? Нас ждет общество.

— И большое собралось общество?

Мод улыбнулась:

— Триста лет исполняется не каждый день.

— Э! Из этих трехсот почти сотню я провел в разных анабиозах. Еще два года отнял Кронос. Так что признаю только сто девяносто восемь.

— Все равно, мальчик ты уже большой. Идем.

— Куда?

— Туда.

Она вытащила меня на террасу. Я протер глаза. Залитый тропическим солнцем двор напоминал массовку какого-то фильма. Там было очень много людей. Они прохаживались, сидели на песке, загорали в шезлонгах, читали, а одна дама сладко спала прямо на газоне, положив под голову изящную сумочку. Раздавался обычный для таких сборищ гомон голосов. При моем появлении к нему добавился смех.

— Привет, засоня!

— Хеппи бесдей, Серж!

— Как спалось, маленький?

Какой-то господин в огромном парике строго махнул жезлом. Установилась относительная тишина.

— Разрешите представить гостей, ваши сиятельства?

— Ну... это... — сказал я, оглядываясь.

— Разрешаем, разрешаем, — кивнула Мод.

— Госпожа и господин Н'Гбоа!

Поднятые руки Кэтрин и широчайшая улыбка Эзры.

— Господа и госпожи Рыкофф четвертый, пятый и шестой! Миссис Виктория Браун, урожденная Рыкофф! Ейный мистер. Шестнадцать более юных потомков!

Аплодисменты.

— Звездный капитан Джейн Карлуччи и ее супруг, Сумитомо-сан!

В руках у Суми был горшочек с крошечным деревом гинкго.

— Султанша? Ах нет, султан Омана и Маската, ее величество госпожа Беатрис Абу-Бариса!

Полная невозмутимость с чертиками в глазах.

— Герр фон Циммерман с фрейлейн Анютой Цинь!

Парочка держит огромный фолиант с надписью ОСНОВЫ РОБОТЕХНИКИ.

— Пани Станислава. Нет нужды называть фамилию!

Чем же анкеры отличаются от кляммеров, Стася?

— Капитан-лейтенант ОКС Зепп-Ульрих Чаванан!

Бритый череп, мушка над переносицей. Ом, дружище Зепп!

— Что стоишь как истукан, — шипит мне Зара. — Улыбнись, меланхолик! И как тебя Мод терпит?

Я улыбаюсь.

— Надо же, — умилилась Зара. — Не разучился. Стоит только припугнуть. Только опять женщин не перепутай!

— Мисс Оксана Марченко!

Неужели люди были не такими?

— Лейтенант ОКС Роджер Раскл с супругой!

Нет, правда, что за офицеры в Космофлоте? У этого — серьга в ухе. При случае надо тактично...

— Ее сиятельство Доминика Н'Гбоа, потомственная графиня Кроносская!

А бороду я так и не завел, малышка.

— Фру Дженнифер Йенсен с супругом!

Ты сделала больше, чем могла, Дженнифер... А это кто, с полинезийскими глазами? Вот уж никак не ожидал...

— Ее превосходительство Сатурн-Президент госпожа Илеа Лоа!

Ну, все. Доконали. Остальных я видел сквозь дымку.

— ...и я, ваш покорный слуга, — заканчивает Абдид, снимая парик. — Прошу к столу! Кушать подано.

Кушать было подано на берегу лагуны, под тентами. Абдид выгнал из-под тропического дерева семейство крабов. На чешуйчатом стволе висела табличка «Подарки складывать сюда». В указанном месте принялась расти гора коробок. Туда стягивалась любопытная детвора.

Зара озабоченно глянула в небо:

— Как бы дождиком не намочило. Кто слышал прогноз?

— По прогнозу ожидаются пьяные!

— Да? И кто бы мог подумать.

Из лагуны выбрался мужчина с аквалангом.

— О! Афродит народился, — удивилась Зара.

Афродит снял маску и вытряхнул воду из ушей.

— Уф! — сказал Кшиштоф. — Я не опоздал? Водич-ка — того.

— Шампанского хочешь?

— Дайте мне водки. А, Круклис, негодяй! Из твоих рук не беру, привидение.

Круклис довольно ухмыльнулся.

— Что, так и плыл от Новой Зеландии? — с ревностью спросил Сумитомо.

— Фи! Парамон вот с того света прискакал. Потому как Сержа уважжат-т.

— Надо растереть эту амфибию, — сказала Зара.

Кшиштофа повалили на песок.

— А! О! У! Братья, все отдам!

— Не хохочи, не хохочи. Дело ответственное.

— Да я щекотки не переношу!

— Эх, супермен. Дама речь говорить собирается, а ты заглушаешь.

Кшиштоф вцепился зубами в собственную руку.

— Уммм...

Беатрис величественно подняла бокал.

— Уважаемые гравитонцы и лица, приравненные в правах! Вот мы и собрались. Все, кто смог, кто успел. Там, у Кроноса, в поисках братьев по разуму, мы сами стали братьями. Мы изрядно изменились и немного поумнели. Лично я поняла, как хорошо быть человеком среди людей. Быть человеком Солнца. Таким, как заинька Серж. Еще я поняла, что тяжкую ношу мудрости может выдержать только вечно юная душа. Такая, как у космического студента Рыкоффа. Остается пожелать ему и всему прочему человечеству не стареть. Ну, как говаривали враги библейские, ле хаим!

Поздравления, колокольный звон бокалов.

— Э, меня подождите! — кричит Кшиштоф. — Я столько мучений принял за юбиляра!

Едва успели закусить, как на несчастный атолл обрушился грохот ракетных двигателей. Подняв фонтаны воды, раскачав яхты, в лагуну плюхнулся десантный шнелльбот Космофлота. Ни больше ни меньше.

Роджер поморщился:

— Грубовато.

Шнелльбот ткнулся в причал, выбросил трап. Над ним взвился флаг командира оперативного соединения.

— Впрочем, ничего, — решил Роджер.

На пирс выбралась маленькая фигурка. Энергично размахивая руками, пришелец зашагал к нам. Два дюжих субалтерн-офицера тащили за ним красноречивый ящик.

— Прошу извинить, я без приглашения, — улыбаясь, сказал коммодор Дюнуа. — Ба, ваше превосходительство! Как кстати, что вы здесь.

— Вы об этом не догадывались? — усмехнулась госпожа Илеа Лоа.

— Как давний поклонник я мечтал...

— Ближе к фарватеру, коммодор. Горючее потребовалось?

— Жан-Клод. Для вас я — Жан-Клод. Всегда к вашим услугам, мадам.

— Хорошо. И что же в такой спешке вы привезли, дорогой Жан-Клод?

— Шампанское. Самое лучшее шампанское своей исторической родины, мадам.

В руках хитровато улыбающихся субалтерн-офицеров, явно одобрявших чудачества шефа, хлопнули пробки.

— Ну-ну, — усмехнулась Сатурн-Президент. — А я слышала о каком-то подарке Космофлота.

— Ах это? — Дюнуа повернулся ко мне. — Одна безделица, граф. Рад сообщить, что штаб ОКС передает вам в качестве подарка ко дню рождения спасательный звездолет «Туарег». В связи с этим объявленный ранее аукцион отменяется. Месье Абдид, разрешите вручить патент?

— Кладите под пальму, коммодор, — сурово сказал Абдид. — Все подарки равны перед законом.

Свидетели разговора притихли, ожидая, как выкрутится из щекотливого положения галантный Дюнуа.

— Невозможно, сэр, — спокойно сообщил коммодор.

— Почему же?

— То, что вы шутливо называете пальмой, пальмой не является.

— Разве?

— Саговник, сэр.

— Точно?

— Абсолютно.

— И это меняет дело? — пристыженно спросил Абдид.

— Не просто меняет, а буквально в корне, сэр. Так что я уж вручу.

Раздались аплодисменты. У саговника действительно нет настоящих корней, хотя и выглядит он деревом. Древнее растение, постарше динозавров. Но какое это имеет отношение к порядку вручения подарков, понять сложно.

— Вы знаете, я хочу отпустить Джекила, — предупредил я.

— В самом деле? — меланхолически спросил Дюнуа. — Ай-ай-ай. Кое-кого это расстроит, как вы считаете?

— Весьма.

— Но тут уж ничего не поделаешь, не так ли?

— Совершенно ничего, коммодор, — улыбнулся я. — Особенно если не слишком хочется.

Дюнуа огорченно кивнул:

— Святая правда. Ну вот не хочется, и все. Вечером вы меня навестите? После бала, разумеется.

— Не будет ли поздно?

— О нет. Рано я не ложусь. Да и потанцую с удовольствием, раз выпала такая возможность. На Церере, сами понимаете, танцуют редко.

Мне показалось, что мысли собеседника витают где-то далеко. Не меньше, чем в десятке световых лет от того места, где мы находились.

Вечером я его навестил, конечно. Шнелльбот с коммодором ОКС не посылают только для того, чтобы поздравить с днем рождения. Даже если это сам Серж Рыкофф.

Дюнуа принял меня уже в халате, но сугубо по-деловому.

— Рад, что пришли. Садитесь.

— Есть новости?

Он прошелся по каюте и тоже сел в кресло напротив.

— Есть. На Япете мы довольно откровенно беседовали с Джекилом. Оказалось, что ваш софус принадлежит к первой серии машин с так называемой изменчивой этикой. Их выпускали вопреки закону.

— Это как же? — удивился я.

— Да под прикрытием коммерческой тайны. Такие софусы, как Джекил, могут самопрограммироваться в вопросах морали, вот в чем криминал. Как вы понимаете, возможны отклонения как в плюс, так и в минус. Греггсен явно собирался воспользоваться последним. Но с Джекилом получилась осечка, и это весьма интригует, не так ли? Тем более что трех предшественников Джекила разобрали прямо в секретной лаборатории «Юнайтид Роботс».

— Почему?

— Думаю, вы были правы, когда говорили Греггсену о заразительности морали. Увы, для собратьев Джекила эта инфекция оказалась летальной. От них не того ждали.

— Позвольте, коммодор, но откуда вам известно, что я говорил Греггсену?

— С некоторых пор его переговоры прослушиваются. По крайней мере те из них, что доступны полиции.

— Надеюсь, с санкции прокурора?

— Разумеется. Не только вы испытываете неприязнь к этому джентльмену, — жестко сказал Дюнуа.

— А как удалось уцелеть Джекилу?

— Он оказался уж слишком умным для того, чтобы быть уничтоженным.

— Даже так?

— Да. Джекил сумел убедить психоконструкторов в своей безвредности. Более того, устроил свою продажу в максимально удаленное место, в систему Кроноса. Спохватившись, Греггсен основал Фонд Исследований Потенциальных Угроз Человечеству, надеясь уничтожить опасного свидетеля с помощью закона. Неприятно об этом говорить, но ФИПУЧ вырос в довольно многочисленную организацию. Увы, людей с параноидальными чертами хватает и в наше время. Заразной бывает не только мораль.

— Представляю, какое впечатление о людях должно было сложиться у Джекила.

— Весьма неважное. Но он сумел разобраться. И в этом помогли вы. Снимаю шляпу, Серж.

— Оставьте. Мне повезло. Я действовал чисто интуитивно. И сугубо в личных интересах.

— Остается позавидовать вашей интуиции.

— Спасибо. А как быть дальше? Джекила нужно сохранить.

— Безусловно. Думаю, что Греггсен не оставит своих попыток. Если будет принят закон о правах роботов, показания Джекила приобретут юридическую силу. Тогда нашего общего знакомого ждут конфискация собственности и максимальный срок. Даже если не удастся доказать его причастность к нападению на «Ситутунгу». Понимаете?

— Теперь понимаю. Космофлот намерен охранять Джекила?

— Да. Можете считать, что от нападений он теперь застрахован. Но не все в наших силах. Если инициативы ФИПУЧ будут иметь успех во Всемирном Совете, Джекила уничтожат на вполне законных основаниях. За поводом далеко ходить не придется, поскольку его поведение у Кроноса небезупречно.

— И все это возможно?

— Маловероятно. Но исключить нельзя. Поэтому добрый совет: отправьте «Туарег» куда-нибудь подальше. Пусть вернется лет через десять. На Япете корабль основательно подремонтировали. Госпожа Лоа готова помочь с горючим.

— Я так и сделаю. Огромное спасибо, коммодор.

— Жан-Клод. Для вас я — Жан-Клод. Но вы, я смотрю, готовы откланяться? Напрасно, напрасно. Серьезный разговор только начинается! Я уполномочен передать вам официальное предложение Космофлота. Усаживайтесь поудобнее, отниму вас у гостей еще на полчаса.

Он налил два бокала.

— Что бы вы ни ответили, поздравляю вас со звонким званием Звездного капитана!

Я рассмеялся.

— Вам идет роль Санта Клауса! Честное слово, Космофлоту с вами повезло.

Дюнуа мимолетно улыбнулся. Мысли его были заняты другим.

— Благодарю. Серж, вы помните Феликситур?

— Более или менее. А что вас интересует?

— Сейчас.

Он вставил кристалл в видеофон.

— Это запись из вашего скафандра.

На экране поплыли знакомые картины серного мира. Я увидел паром, желтую дымку, характерную вершину, будто увенчанную короной. И черное пятно на скальном зубце.

— Помните?

— Да. И очень прочно.

— Еще бы! Это макула, Серж. У специалистов нет никаких сомнений. Как вам удалось с ней разминуться?

Я пожал плечами:

— Думаю, просто повезло.

— Опять повезло?

— Разве есть другое объяснение?

— Так везет далеко не всегда. Быть может, вы макулоустойчивы?

Я еще раз пожал плечами:

— Не знаю. Ничего не могу сказать. Почему это важно?

— Вы в курсе того, что творится на Кампанелле?

— В самых общих чертах.

— Тогда я напомню. Кампанелла — единственная заселенная планета звезды Эпсилон Эридана. Около пятнадцати геолет назад связь с ней прекратилась. Потом в окрестностях Кампанеллы один за другим исчезли два рейсовых звездолета. Следующий за ними транспортный звездолет «Аркад» погиб, наткнувшись на кометное облако. К счастью, его экипаж был спасен лайнером «Сибелиус». Но и этот корабль получил повреждения в том же кометном облаке, после чего был вынужден повернуть к Солнцу. В результате только через пять геолет после непонятной катастрофы к планете подошел земной звездолет. Но на этот раз — хорошо защищенный крейсер ОКС.

— «Звездный Вихрь»?

— Да. Вы знаете, что обнаружил «Звездный Вихрь»?

— Все, что передавали в новостях. Население планеты исчезло. Тринадцать миллионов человек... Там произошла катастрофа. Страшная катастрофа.

— Во всяком случае, непонятная, — мягко поправил Дюнуа.

— Мне трудно оценить значение отдельных фактов.

— Ясно. Тогда я кое-что покажу. Вы знаете, что ребята с крейсера нашли два пустых скафандра?

— Нет.

Дюнуа кивнул.

— Эта деталь ускользнула от внимания общественности. Главным образом потому, что мы не обнародовали всей информации.

— Что именно?

— Оба скафандра принадлежали членам экипажа транспортного звездолета «Альбасете». Того, из пропавших. В одном обнаружена странная видеозапись. Ну а дальше... дальше смотрите.

Я увидел горную цепь на горизонте. Она ограничивала обширный участок пустыни. Ближе располагалась гряда барханов. В одном из них застрял полузанесенный песком космический катер. На его опоре висело нечто темное, колышущееся.

— Макула? — догадался я.

— Она.

Под макулой стоял человек в скафандре.

— Шеген Джумагулов, — пояснил Дюнуа. — Штурман «Альбасете».

Внезапно пятно упало, обрушилось. Взметнулся песчаный вихрь. Неестественно складываясь в местах, где у человека не может быть суставов, оранжевый скафандр осел и под тяжестью кислородных баллонов завалился на спину. Он стал таким плоским, что человеческого тела в нем быть не могло.

Поднявшись над жертвой, черное пятно секунду висело неподвижно. Потом стремительно переместилось прямо к объективу телекамеры. Изображение озарилось короткими вспышками. Камера опрокинулась. На экране остался вид безмятежно голубого неба с редкими перистыми облаками. Погода на Кампанелле в тот день стояла прекрасная...

— Эварт успел выстрелить дважды, — хладнокровно сказал Дюнуа. — Он всегда отличался отменной реакцией. Понимаете, почему мы решили показать это вам?

Вспомнив, что все увиденное происходило в одиннадцати световых годах от каюты шнелльбота, в которой мы находились, и более шестнадцати лет назад, я разжал пальцы, которые сами по себе вцепились в подлокотники.

— Начинаю понимать. Но вы сообщили не все? Наверняка есть что-то еще? Неизвестное информационным агентствам?

— К сожалению, есть. Уже трое суток не поступают сообщения со «Звездного Вихря».

— Как? И он?

— Боюсь, что так. Макулы атаковали базу десантников на Кампанелле. Командор Саян приказала сбросить аннигиляционное топливо. Крейсер вошел в верхние слои атмосферы, пытаясь спасти людей. Был бой. Полагаю, «Звездный Вихрь» применил все свое оружие. Однако же... молчит.

Дюнуа залпом осушил свой бокал и прошелся по каюте. Остановился перед моим креслом и сообщил:

— Через семьдесят шесть часов к Эпсилону уйдет Космофлот Солнца.

— Весь? — поразился я.

— Можно сказать, весь. Все боеспособные корабли, какие только успели собрать и ввести в строй. Тридцать восемь единиц. В Солнечной системе останется лишь несколько устаревших фрегатов.

— Такого еще не было в истории...

— Никогда, — кивнул Дюнуа.

— И я могу быть полезен?

— Да.

— Давайте ваше предложение, Жан-Клод.

— Это предложение контр-адмирала Клеоны Брунтланд, начальника отдела кадров ОКС. Но рекомендовали вас, каюсь, я. И... ваш внучатый зять.

— Эзра? Тем более.

— Видите ли, все тридцать восемь кораблей, уходящие к Эридану, относятся к субсветовым звездолетам. Плыть будут долго. Но как только закончатся ходовые испытания, за ними последует и их опередит наш разведчик.

— Что за корабль?

— Это будет «Фантаск». Его величество вакуум-перфоратор «Фантаск».

— Что ж, разумно. А в чем проблема?

— Там должны быть вы, граф. На «Фантаске». И все гравитонцы, которых удастся привлечь.

— Сколько у меня времени?

— Я ухожу на «Спейс Грейхаунд».

— Понятно. Почему такой интерес к гравитонцам?

— А вы не знаете?

— Точно — нет. Мы как-то не разговаривали о своих переменах.

— Понимаю. Но факт можно считать установленным.

— Какой факт?

— Видите ли, у многих из вас появились не просто перемены. У вас развились некоторые замечательные способности.

— Например?

— Например, Кшиштоф Ковалек часами может не дышать. В результате мутации его миоглобин связывает в восемьсот раз больше кислорода, чем миоглобин кашалота. С обычным человеком и сравнивать нечего. Месье Абдид с большой веро-

ятностью предсказывает землетрясения. Зара ставит абсолютно точный диагноз по одному внешнему виду больного. Как это получается, она не знает. Сумитомо минимальными воздействиями умеет направить весь ход событий в нужное русло. Правда, если к этому имеются хотя бы малейшие естественные предпосылки. Джошуа Скрэмбл...

— Джошуа Скрэмбл видит в инфракрасном диапазоне, это я знаю.

— Верно. Беатрис Абу-Бариса снимает стрессы одним своим присутствием.

— Тоже проверено экспериментально?

— А как же. Экспериментов было множество. До вас, Серж, до вашей жены и сэра Парамона пока не добрались только потому, что решили дать вам сначала отдохнуть. Всех остальных бывших членов экипажа станции Гравитон-4 обследовали весьма дотошно.

— Всех?

— До единого. Выяснилось, что у половины особых перемен не случилось. У трети просто усилились, заострились способности, присущие им от рождения. А вот оставшаяся часть особо интересна. Примерно каждый шестой из вас приобрел то, чего у обычного человека вообще нет. При более спокойных обстоятельствах я ни за что бы не рекомендовал отправлять гравитонцев с Земли. Вас нужно изучать, изучать и еще раз изучать. Но обстоятельства таковы, что там, в системе Эпсилона, именно от вас может зависеть очень многое. Быть может, судьба нашей цивилизации.

— Сильно сказано.

— Буду рад ошибиться. Кстати, Скрэмбл уже зачислен на «Фантаск» бортинженером. Ну, что скажете?

— Необыкновенный корабль, необыкновенный экипаж... Чего не хватает, коммодор?

Коммодор простецки хлопнул себя по лбу. Быть может, чересчур простецки.

— А ведь верно! Вы сами поговорите с Джекилом?

— Да, так будет лучше.

Дюнуа протянул маленькую, но крепкую руку:

— Прощайте, Серж.

— До скорого свидания. Я бы так сказал, Жан-Клод. И... позвольте вас поблагодарить.

— Любопытно, за что на этот раз? — лукаво поинтересовался Дюнуа.

— За все. Но особенно за то, что вы не боитесь уродов.

— Именно доверие порабощает уродов, — усмехнулся он.

А я затосковал. Легкое это дело — уговорить Сержа Рыкоффа. Прошло чуть больше полугода с тех пор, как мне довелось вернуться на Землю. И в ближайшие четверть века я никуда не собирался улетать. Соскучился по просторам, ветрам, по возможности каждый день видеть и новые лица, и общаться со старыми друзьями. Возможности быть пусть посредственной, но непосредственной частицей мудрого, деятельного, веселого, дружелюбного и огромного муравейника по имени «человечество».

В коридоре шнелльбота простучали каблучки. Дверь раскрылась. В каюту высокопоставленного чина ОКС решительно ступила Доминичка. За ее спиной мелькнула улыбающаяся физиономия часового.

Высокопоставленный чин, по приказу которого совсем недавно расстреляли космическую яхту, мгновенно извлек коробку с чем-то вкусненьким. Да, подумал я, чем больше привилегий у детей, тем здоровее общество.

— Деда, ты куда подевался? Все ждут. Ты должен идти.

— Это правда, я должен, — сказал я, думая о своем. — Ради тебя. Иду, киска.

У трапа субалтерн-офицеры взяли под козырек. Все-то они понимают, хитрецы. В ОКС не принято отдавать честь штатским лицам.

Об этом знали и Сумитомо с Абдидом, поджидавшие на ярко освещенном пирсе. Они обменялись взглядами.

— Так. Летишь, значит, — сказал Абдид.

Я развел руки.

— Нас возьмешь? — спросил Сумитомо.

— Ребята...

Голос у меня вдруг осип. Мы молча обнялись. Со стороны шнелльбота раздались аплодисменты. Тут прибежал Кшиштоф.

— О-о, какая скульптурная группа! — восхитился он.

Потом признался:

— Что-то мерз-зну я без вас, братцы. Водка осталась?

— Водка была, есть и будет всегда, — сказал Абдид.

— Деда, а у тебя много друзей? — спросила Доминичка.

Абдид взял ее на руки, а потом подбросил вверх. Туда, в сторону звезд. Ох не надо бы, подумал я...

Восточные окна нашего номера выходили на океанский берег. Шумел прибой, кричали чайки, всходило солнце. А в гостиной поселился дух беспокойства и тревожного ожидания.

Мод сидела в качалке, а Круклис мерно прохаживался вдоль открытых окон, запрятав кулаки в карманы брюк. Белых, разумеется. Мне чудилось, что они оба вот-вот упорхнут неведомо куда.

В просторную комнату врывался соленый морской воздух, о котором я так мечтал в космосе. Снизу доносились голоса гостей. Вдруг все звуки утонули в реве и свисте. Взметнулись занавески на западных окнах. Я выглянул. Из лагуны взлетал шнелльбот Дюнуа. Тянувшийся за ним шлейф водяного пара перечеркнул радугу.

— Шумиха началась, — неодобрительно заметил Круклис. — Госпожа Лоа исчезла менее заметно.

— У Дюнуа есть причины, — сказал я. — Ты разве не в курсе?

— В курсе. Тебе надо соглашаться, Серж. Попадешь в места, где графский титул пригодится.

— Это где, на Кампанелле, что ли?

Круклис не ответил.

— А ты полетишь? — спросил я.

Потом взглянул на Мод и поправился:

— Вы полетите?

— Мод, ты не все рассказала? — спросил Круклис.

Моя жена опустила глаза. Я подошел к ней.

— Ты больше меня не любишь?

— Ближе тебя сейчас у меня никого нет, Сережа, — сказала Мод с такой интонацией, за которой неизбежно должно было последовать какое-то «но». Я подождал и дождался. — Но мы с Парамоном не совсем люди.

— Проклятый Кронос!

— Это началось задолго до него. Садись, выпей чего-нибудь.

Я налил можжевеловой.

— И мне, — попросил Круклис.

Грустно глянув из-под бровей, он сказал:

— Во мне человеческого больше. Будь здесь Лаура...

Я кивнул. Круклис выпил и заглянул в опустевший бокал.

— А Кронос изменил многих. Ты про Зару знаешь?

— Да. Диагнозы ставит.

— Это еще не все. Слышал ее последнюю симфонию?

— Симфонию? Нет.

— Обязательно послушай. Она того стоит.

— Значит, у Зары не одно приобретение?

— Не одно. Но больше всего приобрели те, кого еще как следует не обследовали. Те, кто совсем близко подходили к Кроносу. Мы, трое.

— И что можем мы, трое?

— Сейчас покажу. Придется все-таки фокусы показывать...

Круклис подошел к холодильнику и легко смял его в бесформенную массу. Из этой кляксы сам по себе образовался павиан. Обезьяна вскочила на подоконник и ошеломленно захлопала глазами.

— Знакомы? — спросил Круклис.

— Да, — спокойно сказал я. — Больше трех тысяч лет, если не ошибаюсь.

— Гуру не может ошибаться, — усмехнулся фокусник. — Даже если очень слаб. А ты сейчас совсем не слаб, поскольку питаешься регулярно.

— Не знаю, не знаю. Но думаю, что мои способности, в чем бы они ни заключались, — ничто по сравнению с твоими. Мне даже пришла мысль, что ты мог бы остановить нападение, если б захотел.

— Какое нападение?

— Да на «Ситутунгу».

Круклис вздохнул:

— Не преувеличивай. Все-таки я не бог.

— А кто?

— Не имеет значения, Сережа, — вмешалась Мод. — Парамон действительно не в силах останавливать космические корабли.

Я повернулся к ней:

— Стоп! А ты?

— Я? Я предвидела нападение.

— Но... но почему тогда не предупредила?

— А кто бы поверил?

— Я. Парамон. И...

— И больше никто, — закончила Мод.

— Все же...

— Я знала, что люди серьезно не пострадают. Эзра все сделал правильно. Ты тоже, кстати.

— Ну, уж я-то был исполнителем.

— Не только. Кто нашел способ разбудить Джекила?

— Э, позволь. Джекила разбудила ты.

— Верно. Но вот тогда исполнителем была я. Идея принадлежала тебе. Скажи, как ты догадался?

— Да ничего сложного. Просто подумал, что если у кого и получится, то только у тебя.

Мод и Круклис переглянулись.

— Смышленый мальчонка, — пробормотал Круклис. — Давно говорю. Иногда кажется, что он старше нас всех. Впрочем, как иначе? Гуру...

— А мне кажется, что обо мне ты знаешь больше, чем я сам, — сказал я.

— Это не так, Серж. Просто ты не все о себе вспомнил.

— Пока, — вставила Мод.

И оба стали смотреть на меня странными глазами. Как два врача на чудом выздоравливающего пациента.

— Перестаньте, — не выдержал я. — Лучше раскрывайте ваши секреты.

— Хорошо, — сказал Круклис. — С чего начнем?

— Вот ты сказал, что больше других Кроносом одарены мы, трое.

— Да.

— И чем же наделен я?

— Да тоже не обижен.

— Слушаю.

— В самом деле не знаешь?

— Я практически не умею лгать, Парамон. Научился у одного компьютера.

— О, компьютер — случай особый. Ты внушил симпатию даже этому механическому разбойнику. А через себя — симпатию ко всему роду человеческому. Между прочим, Джекил твердо собирался тебя убить.

— Откуда знаешь?

— От Джекила. От кого же еще. Собирался, не сомневайся. И имел все возможности. Но ты сумел ему понравиться. Невозможно съесть живьем пушистого цыпленка, понимаешь? Виртуозная работа, Серж. Восхитила саму Марионеллу-Жозефину.

— Кто такая Марионелла-Жозефина?

— Это одно из имен твоей жены. Да ты не переживай, в лице-то не меняйся. Что за женщина без тайн? Не все ж так открыты, как душка ибн Дауд бен Маттафия. Ты ведь и влюбился из-за тайны. Тайны возраста. Разве не так?

— Ладно, — сказал я. — Переварил. Продолжай, душка.

— Да что продолжать?

— Ты не сказал, в чем мои способности.

— Понятно. Утро наступило. Туповат ты спросонок, давно тебе говорил. Я ведь только и толкую про твои способности.

— Разве? Не заметил.

— Хорошо. Скажу самым что ни на есть открытым текстом. Ты не умеешь ошибаться, Серж. В любой ситуации.

К нам влетела тропическая бабочка. Взмахнув крыльями величиной с человеческую ладонь, она уселась на компьютер и замерла. Я почувствовал усталость и сильное желание покориться естественному ходу событий. Покориться мудрой природе. Стоит ли утомлять проклятые ноги?

— Что скажешь? — спросил Круклис.

— Преувеличено.

— Да? Мне так не кажется. Понаблюдай за собой, ты умеешь.

— Ладно.

— «Ладно», — повторил Круклис. — Хорошее словечко. Славянское такое. Прекрасно завершает обсуждения. Но я еще не все сказал.

— Все еще про меня? — усмехнулся я.

— Все еще. Ты умеешь внушить симпатию кому угодно, не только Джекилу. Не так ли, Мод?

Мод вздохнула. Колени у меня подогнулись, и я сел в кресло. Простая мысль пришла в мою голову.

— Выходит, я тебя поработил?

— Да. И это было не так просто. Знаешь, сколько мне лет? Я самая старая из всех людей. Ты годишься мне в праправнуки. Ужас, правда?

— Разве тебе было плохо? — спросил я.

— Нет. Дело в другом. Я устала жить. Точнее, устала быть человеком. Человеком этого Солнца. Надо добавить, я не всегда была человеком вашего Солнца...

— Не может быть, — пробормотал я.

— Может.

— Давно?

— Очень. В свое время я помогла вам открыть так называемые гены смерти. Точнее, гены старения.

— В голове не укладывается! Значит, ты и есть та самая Марионелла-Жозефина...

— Та самая, Сережа.

— И как же ты выглядишь... — Тут я запнулся.

— В своем естественном состоянии?

— Да.

— Мы отличаемся, Сережа. Наверное, в вашем понимании мы уродливы, хотя ни клыков, ни хвостов не имеем.

Поверить было трудно, но я поверил сразу. Мод никогда не лгала, хотя могла о многом умалчивать. И вот решила открыть свою главную тайну. Сомневаюсь, что ее прошлые мужья об этом знали, а мне она сказала. Чтобы меньше страдал от потери?

— Тебе не страшно, что любил монстра?

Я покачал головой:

— Нет. Я видел земную женщину. И любил то, что видел. Страшно должно было быть тебе. Как ты меня... выносила?

— Я тебя до сих пор люблю. Для мыслящего существа важно, какое оно внутри, а не снаружи. Хотя снаружи... ты тоже ничего.

— Не могу поверить.

— Понимаю. Да, я не забыла, кто я. Но почти тысячу лет пробыла человеком. Успела полюбить то, что любите вы. Родила нескольких детей. Вполне нормальных, человеческих.

— Зачем ты стала человеком?

— Помогла вам одолеть старость.

— Бог мой... ни больше ни меньше. Вот вам и пришельцы... Тебя хоть наградили?

— О, всем, чем только можно было. Быть человеком — само по себе награда, честное слово. Во многих смыслах.

— Откуда ты?

— Не так уж важно, Сережа. Важно другое. Я загостилась.

Она встала, поправила прическу. Подошла к окну, вдохнула морской воздух. В печальной улыбке блеснули ровные белые зубы.

— Нет, я стала человеком не на несколько столетий. Я уже не перестану им быть. И сейчас способна понять красоту вашего мира. Но она меня не трогает, понимаешь? Ею должны насладиться другие. Более молодые.

— Послушай...

Она остановила меня жестом.

— Спасибо, Серж, спасибо, мой родной! Ты задержал меня, вернул свежесть чувствам. Я была счастлива, счастлива по-настоящему. Последняя любовь горька и мучительна, но лучше ее не бывает, поверь мне. Ах, как не ждала я твоего куста роз! Да, ты пленил меня. Властно, как и полагается мужчине. Если угодно — поработил. Ослабил волю, остановил на пути к цели. Но больше всего я желаю, чтобы в свое время ты пережил то, что я пережила с тобой.

Мод вздохнула, взгляд ее погас.

— Увы, невозможно застрять навсегда ни в каком рае. Что-то обрящет только идущий. Это главное, что я поняла в своих жизнях. Я ухожу дальше. Прощай. И прости за боль, которую причиняю. Этого я и боялась тогда, в самые славные времена

Гравитона-4. Теперь уже вряд ли там будут более славные времена...

— Мы больше не увидимся?

— Надежда есть всегда.

— Да?

— Как же иначе, Сережа?

— Где? — тихо спросил я.

— Там, где время мало что значит. Его не следует бояться. Так же, как и перемен.

— Да где же?!

Мод погладила мои волосы.

— У тех, кто старше нас. Только не отказывайся ради этого от нынешней жизни. Парамон говорит, что там нет наших радостей. Жутко тяжело, пока не привыкнешь. Тебе еще рано, Сереженька.

— Уж как получится, любимая...

— Помни вот о чем. У тебя есть трогательные друзья. Ты еще встретишь мудрых и прекрасных женщин. И ты еще не исполнил своего долга перед землянами.

— Да кто они такие?

— Кто?

— Те, кто старше нас?

— Наше и ваше будущее. То, во что может превратиться род человеческий. Биологический вид Homo sapiens существует меньше миллиона лет. Очень мало. Но он не может существовать вечно. Люди либо исчезнут, либо преобразятся. И во имя этого пора начинать беседу с теми, кто старше нас. Лучше меня их никто не понимает. Этот дар получен только мной. Вот почему я должна лететь совсем не к Эпсилону Эридана. Отпусти меня, мой господин! Сейчас у тебя нет права ошибиться. Ты принимаешь самое важное решение жизни...

Круклис всхлипнул и громко высморкался в белый платок. Вечно он так, толстокожий да длинношеий... Теперь уж — во веки веков. Аминь.

— А помнишь...

Мод не дала договорить. Соленый ветер, соленые брызги. Соленая кровь на губах. Чайки бы хоть не кричали!

Всеми забытый павиан вдруг взвыл и скакнул в окно. Снизу послышались визги, хохот, звон разбитой посуды.

Спасения от жизни нет, есть только забвение. Его получит тот, кто найдет силы видеть смешную сторону вещей. Хотя об этом ничего не писано ни в Ведах, ни в Библии, ни в Коране. Религии никогда не умели смеяться. Потому что основаны на страхе смерти. Нормальному человеку невыносима мысль, что после смерти — ничего. В конечном счете из-за этого мы идем к алтарям. И покуда жив человек, потребность в вере неискоренима. Но если без веры нельзя, почему бы не верить в будущее? Не верить нашим потомкам? Они лучше нас!

Существование каждого бесценно. Мы обязаны устроить мир так, чтобы ничей род не пресекался. Вот на что нужно употребить кусок времени, называемый жизнью. А потом — будь что будет. И... да здравствует Гюйгенс, носивший имя Христиан!

Кто знает, быть может, наши потомки найдут способ оживить предков, подарить нам новую, замечательную жизнь. Пусть и в других физических обличьях, пусть через миллион лет, сколь ни маловероятным это представляется сейчас. Дай им Бог, как говорится...

Хотя они и есть боги. Многие верят, что люди созданы по образу и подобию богов. А я думаю совсем иначе. Это боги в свое время произойдут от людей. Так же, как люди произошли от обезьян. Почему нет? Происхождение выдав, сэр Чарлз Роберт Дарвин может оказаться более виновным перед своими противниками, чем те подозревали в XIX веке.

Прибежала Доминичка.

— Деда, перестань пускать павианов! Послушай, что за шалости в твоем возрасте?

— Больше не буду, — покорно говорю я. — Ты меня простишь?

— Ну конечно! — хохочет она. — Пойдемте есть дуриан. Только носы зажмите! Хорошее всегда бывает после плохого.

— Да, — киваю я. — И наоборот.

Со времени отлета Круклиса и Мод прошла неделя. Гости разъехались. Последними со мной простились Эзра, Кэтрин и

Доминика. А я все не мог расстаться с Таравой, райским островом, на котором рухнуло мое счастье. Не хватало внутренних сил. Я ждал внешнего повода, знака судьбы.

Однажды, после почти бессонной ночи, я сидел на краю пирса и болтал ногами в теплой воде. Из-за океана всходило солнце. По океану плыл величественный парусный барк. За ним, на севере, висела многослойная груда облаков, в которой посверкивали молнии.

Из самой гущи тайфуна, как бы забавляясь его бессилием, вдруг вынырнул дестроер. Он прошел над мачтами парусника, резко клюнул вниз. Погасил скорость, приводнился.

Ракетные двигатели смолкли, но инерция донесла шнелльбот к пирсу. Открылся люк, из него выдвинулся трап. Все было точно так же, как и при визите Дюнуа. Только по борту корабля шла другая надпись. Из нее следовало, что дестроер принадлежит вакуум-перфоратору «Фантаск».

Трап опустился метрах в трех от меня. Из люка выглянул незнакомый лейтенант. Несколько секунд мы с любопытством рассматривали друг друга. Потом глаза офицера округлились.

— Простите, — сказал он, — вы — Серж Алекс Рыкофф?

Я встал, подтянул для солидности плавки и молча поклонился.

— Но... как вы узнали о нашем прибытии?

В это время из-за его плеча показалась физиономия Кшиштофа. Кивнув мне, он уставился на лейтенанта и спросил:

— Разве старший офицер Ямадзаки не предупреждал вас о выдающихся способностях его сиятельства?

— Предупреждал, но... как же так? Позвольте, сэр, мы ведь не посылали оповещения!

— Это не обязательно, — искренне сказал я.

Кшиштоф захлопал в ладоши:

— Браво! Серж, знаешь, как в старину вербовали матросов?

— Нет.

— Да очень просто. Заманивали на борт и спаивали до упаду. Заходи! Водка у нас есть.

Тут он посмотрел в глубь дестроера и поправился:

— Впрочем, нет, не водка. У нас есть саке, но очень много.

— Ну что ж, — сказал я. — Пусть будет саке.

Лейтенант опомнился. Он скатился по трапу и отдал честь.

— Прикажете послать робота, сэр?

— Куда?

— За багажом.

Я оглянулся на отель. Ни возвращаться туда, ни что-то забирать оттуда мне не хотелось. Хотелось забыть все, если получится. Отрезать. Стряхнуть прах с ног своих...

— Спасибо, лейтенант. Не стоит.

— Но как же? Прямо так... в купальном костюме?

— Разве у вас не найдется какой-нибудь одежды?

— О! Конечно. Мы даже парадный мундир захватили.

— Чей мундир?

— Ваш, — удивился офицер. — А! Понимаю. Старший помощник Сумитомо Ямадзаки предупреждал, что уж это будет сюрпризом. Сэр! Похоже, мне выпала честь первым поздравить вас с назначением на должность командира.

— Командира чего?

На лице лейтенанта появилось благоговейное выражение.

— Командира вакуум-перфоратора «Фантаск», сэр.

— Шутите? — растерялся я.

Лейтенант широчайше улыбнулся:

— Ничуть.

— Узнаешь широкую руку Дюнуа? — спросил Кшиштоф.

— Да уж, — кивнул я. — Перепутать трудно. А где он сейчас?

— Легкий крейсер «Спейс Грейхаунд» в сопровождении фрегатов «Зенгер», «Идальго» и «Галлахэд» миновал орбиту Плутона. Это — авангард Космофлота, Серж. Набирают ускорение курсом на Эпсилон Эридана.

Я секунду подумал и сказал:

— Вот что, лейтенант...

— Лейтенант Рейнольдс, сэр.

Я кивнул:

— Лейтенант Рейнольдс! Как только дестроер выйдет в межпланетное пространство, передайте коммодору Дюнуа радиограмму следующего содержания:

ПОЗДРАВЛЯЮ. УРОД ПРИРУЧЕН.

— Слушаюсь, сэр. «Урод приручен». За вашей подписью, сэр?

Я рассмеялся:

— Разумеется.

После этого взбежал на верхнюю ступеньку трапа, переступил коммингс и остановился.

На своем месте находился отель. Под ним шелестели пальмы. По океану все так же неторопливо скользил барк. За ним по-прежнему висели горы облаков. Но солнце поднялось уже высоко, все виделось в ином свете.

Кшиштоф положил руку на мое плечо.

— А знаешь, Серж, так и полагается покидать Землю, — лукаво сказал он.

— И так же надо отказываться от царств земных, — соглашаюсь я. — Голыми мы пришли в этот мир, голыми и уходим. Одна лишь повязка набедренная...

— А откуда ты знаешь санскрит? — спросил Кшиштоф.

— Разве я говорил на санскрите?

— Ты и сейчас на нем говоришь. Редкое, знаешь ли, увлечение.

— Ах да. Санскрит я выучил на «Туареге». Делать было нечего. Но погоди-ка... А ты откуда его знаешь? Не странное ли совпадение?

— Вот-вот, — сказал Кшиштоф.

Тут мы с ним внимательно друг друга осмотрели. Очень внимательно.

— Значит, так? — с неопределенным выражением сказал Кшиштоф.

— Маленький сюрприз, — кивнул я. — Ты где родился?

— Последний раз — в Гданьске. А ты?

— В Талды-Кургане.

— Первый раз слышу. Это хоть на Земле?

— На Земле. Юго-восточный Казахстан. Или Семиречье.

— Звучит экзотично.

— Зато ближе к первоисточнику.

— Ближе. Ну и кто с нами сыграл такую шутку?

Я пожал плечами.

— Не догадываешься?

— Боюсь догадаться. Теперь знаешь, кого назвать Брамой?

— Тех, кто старше нас, — твердо сказал я.

— Богам стало стыдно? — иронически спросил Кшиштоф.

— Трудно сказать. Сначала надо выяснить, кто они такие, боги. До сих пор ведь непонятно.

Кшиштоф покачал головой.

— Пусть этим занимаются Круклис и Мод. У них лучше получится. А мы, пока мы еще люди, должны спасать людей. Тех, с Кампанеллы.

— Как тех, из Капилавасты? — усмехнулся я.

— Серж, да времена-то меняются, — мягко сказал Кшиштоф. — Неужто не заметил? Теперь мы с тобой нужны. Нужны по-настоящему.

У меня такой уверенности не было.

— Будем надеяться. Рейнольдс!

— Да, сэр.

— Готовьтесь к старту. Пора лететь.

— Слушаюсь, сэр.

— Вот интересно, — сказал Кшиштоф. — Нам кто-нибудь поверит?

— Обязательно, — ответил я. — Не знаю только когда.

— Вопрос можно? — спросил Рейнольдс.

— Пожалуйста.

— Вы сейчас говорили о переселении душ, да?

— Третий, — пробормотал Кшиштоф.

Он открыл рот и забыл его закрыть. Я смотрел-смотрел на лейтенанта, а потом сказал:

— Ты здорово изменился, Добайкха.

Не пожалел.

В его глазах мелькнул ужас. Рейнольдс вдруг сел на пол, обхватил руками голову и застонал.

Минус и минус дают плюс. Новое изумление уничтожает старое. К Кшиштофу вернулся дар речи.

— И что это с ним, Серж?

— Да все нормально, выздоравливает. Много успел натворить в прошлый раз. Ничего нового.

— Но тогда... Быть может, мы ошибаемся, гуру?

— Нет, — сказал я.

— Эх! Неужели наше время опять не наступило? Промахнулось?

— Не впервой, — бодро сказал я. — Рейнольдс! Полетели, что ли? Пора тебе исправляться.

Рейнольдс опустил руки и поднял голову. Глаза у него были сухими и спокойными. Но в выражении лица читались следы уходящей боли. Увы, без нее обойтись нельзя. Только через боль можно превратиться в человека. Я помог ему стать на ноги.

— Спасибо, сэр. Какое-то наваждение! Мне хотелось заколоть вас копьем, представляете?

Я не удержался и пощупал шею.

— О, вполне. Вы не забыли, какой нынче век?

Рейнольдс растерянно топтался внутри шлюзовой камеры современного дестроера. За его спиной, в проеме люка, медленно таяли штормовые облака.

— Уже вспомнил. Ох! Надеюсь, следующая реинкарнация будет поприятнее.

— Зависит от вас, дорогой мой.

— Но я ведь изменился?

— Конечно. Вы теперь старше.

— Эй, старичье, — сказал Кшиштоф, — сколько еще «Фантаску» оставаться без капитана? Ходовые испытания начинаются скоро.

Рейнольдс сделал несколько дыхательных упражнений.

— Сейчас.

Он что-то сказал в микрофон. Внешний люк закрылся. Одновременно раскрылся внутренний. За ним скучал шестиногий робот, так и не удостоенный чести нести графский багаж.

Дальше был виден коридор с неярким серым полом, прохладным воздухом, запахами леса, мягким светом бестеневых плафонов. Низкий, но широкий. Очень уютный. Я от души

пожалел о любимых шлепанцах, оставленных в отеле. О пушистых тапочках, которые Доминика нарекла смешным и емким словечком «босиконцы». Тех, что подарила Мод.

На миг у меня возникло ощущение, что уж теперь-то судьба угомонится. Ощущение наверняка обманчивое. Судьба угомониться не могла. Нас поджидала Кампанелла со своими загадками и все, что непременно случится после. Вдобавок к путешествию по ту сторону света. Если кто-то сочтет, что этого мало, он меня озадачит.

Содержание

Эпсилон Эридана 5

Те, кто старше нас 319

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

Москва

- ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- Звездный б-р, д. 21, стр.1, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский б-р, д. 17, тел. 372-40-01
- Крокус-Сити, 65—66 км МКАД, тел. 754-94-25
- ул. Стромынка, д. 14/1
- Чонгарский б-р, д. 18а, 119-90-89, 119-65-40
- Зеленоград, кор. 360, 3-й мкрн, тел. 536-16-46

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. 8-8182-65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. 8-0112-441095, 566095
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/ Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. 8-3532-41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88А
- г. Н.Новгород, ул. Маяковская, д. 13 (8312) 33-79-80

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж.
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Барон Алексей Владимирович

Эпсилон Эридана
Те, кто старше нас

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ: КОЛЛЕКЦИЯ!

Лучшие КНИГИ! Лучшие АВТОРЫ! Лучшая СЕРИЯ!

ISBN 5-17-014055-X

9 785170 140558